К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Гуманитарное агентство
«Академический проект»

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Санкт-Петербург
2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-16119д

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
ЕЛЕНЫ ТАХО-ГОДИ*

Редактор Д. М. Климова

ВАЛГАЛЛА КОНСТАНТИНА СЛУЧЕВСКОГО ИЛИ ВЕЧНЫЙ ДЕБЮТ

«Воздвиг я памятник себе!» —
Не мог сказать он, умирая:
Он много выстрадал в борьбе,
Но та борьба была глухая.

К такой борьбе вниманья нет:
Кто в глубь души борцу заглянет?

П. Вяземский

Но есть неведомые страны,
Где — в единении святом —
Цветут, как на Валгалле, раны
Борцов, почивших вечным сном.

Чем больше ран — тем цвет их краше.
Чем глубже — тем расцвет пышней!..

К. Случевский

I

Молодой благообразный офицер с тетрадью стихов — таким он появился на арене русской литературы. Уж не новый ли Лермонтов? — недоумевали современники. Ну что вы, Лермонтов скоро не будет достоин развязать ремень его обуви — уверяли их Ап. Григорьев и И. С. Тургенев[1]. И вот в январе 1860 года перед новым поэтом распахнулись страницы знаменитого некрасовского «Современника» — «появиться в “Современнике” значило стать сразу знаменитостью»[2]. А стихи Случевского шли из номера в номер — в январской, в февральской, в мартовской книжках... Это ли не дебют?!

Да, чего-чего, а дебютов на жизнь Константина Константиновича Случевского (1837—1904) выпало достаточно. Не решись он — сын видного петербургского чиновника, действительного статского советника, члена совета министра финансов, выпускник-отличник Первого кадетского корпуса, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, зачисленный в академию Генерального штаба, — вступить в ряды литературных борцов, его жизнь, вероятно, прошла бы благополучнее.

* Читателей, желающих подробнее познакомиться с биографией и творчеством К. К. Случевского, отсылаю к моей книге «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне» (СПб., 2000).

Его первый литературный дебют состоялся в 1857 году в третьем номере небольшого иллюстрированного журнала «Общезанимательный вестник», редактором которого был преподаватель кадетского корпуса В. П. Попов, приятель Г. Е. Благосветлова. Правда, двадцатилетний автор не решился поставить под переводами из Д. Байрона и В. Гюго свое полное имя, ограничившись лишь монограммой — К. С. Под этой же монограммой появился в одиннадцатом номере и его рассказ «Еще о Пушкине» — запись воспоминаний молдавского знакомца поэта, К. Прункула (с ним Случевский, вероятно, встретился по пути за границу — в 1857 году он отправился в Италию и в Швейцарию). Публикация получила резкую отповедь В. П. Горчакова, другого пушкинского приятеля по Кишиневу, не почувствовавшего разницы в отношении к Пушкину старого мемуариста и юного публикатора. «Общезанимательный вестник» принес публичное извинение и перестал печатать неудачливого дебютанта. Тем не менее, возвратившись в родные края осенью 1858 г., Случевский решился вновь дебютировать. Заботами Л. А. Мея, чей поэтический кружок он посещал, теперь появился он в журнале «Иллюстрация» под своим полным именем. Однако его стихи и проза (рассказ «Возвращение покойника») не привлекли внимание критики, а следовательно, все так бы мирно и продолжалось, если бы не Вс. Крестовский, решивший в реальной жизни, а не в романе, закрутить интригу: тайно передать Ап. Григорьеву на исходе 1859 года стихи своего сотоварища по кружку Мея и по «Общезанимательному вестнику». Так начался третий «дебют».

Прочитав стихи, критик потребовал к себе автора. Выслушав два стихотворения — «Вечер на Лемане» и «Ходит ветер избочась...», — он предрек изумленному «орленку», как он окрестил Случевского[3] (вероятно, не без аналогии с сыном Наполеона Бонапарта), «великую славу». Но не таков был Ап. Григорьев, чтобы ограничиться личной беседой. Он не только переправил стихи И. С. Тургеневу, а тот Н. А. Некрасову для «Современника», но к тому же летом 1860 года в «Сыне Отечества» объявил всей читающей России, что в лице Случевского «сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт <...> а коли уж на кого похожий — так на Лермонтова»[4].

«Да, уж иной раз, действительно, мы так похвалим и ободрим какого-нибудь даровитого юношу, что не поздоровится от этаких похвал. Аполлон Григорьев уже это доказал»[5], — с иронией замечал фельетонист журнала «Светоч». Но еще до публичных похвал Ап. Григорьева, едва в «Современнике» появилась первая подборка Случевского, в его адрес полетели стрелы из еженедельного сатирического журнала «Искра», где из номера в номер замелькали пародии Н. Л. Гнута (Н. Ломана): «На кладбище», «Коварство и любовь», «Давно любовь в обоих нас остыла...». На счастье юного поэта «искровцы», ужасаясь его разговорам с мертвецами, его ветру, умудряющемуся ходить вдоль Невы *избочась*, упустили из вида его прежние стихи, печатавшиеся в «Иллюстрации», — то-то было бы им раздолье, попадись им под руку, например, стихотворение «Уродец», где реальность

и фантазия совмещались в неожиданном, но обычном для Случевского гротескном ракурсе! Почин «Искры» подхватили и другие. Первый отдел «Петербургской летописи» журнала «Светоч» гласил: «Г. Случевский *как грядущая неведомая сила.* — Г. Гнут *как сила нечаянно нагрянувшая.* — Мои стихи á la monsieur Sloutchevsky». В одной из трех пародий создавался шаржированный портрет «юного маменькиного сынка», который всех знакомых замучил стихами и сам «умер над стихами / Только славу не стяжал». Да и как тут стяжаешь славу, если:

Прозябанье трав и злаков,
Мрачный голос мертвецов,
Пауки, жуки и крысы —
Вот предмет его стихов.[6]

Особую пикантность объявленной Случевскому баталии должно было придать и то, что «возлюбленное чадо Аполлона, застегнутое на все крючки гвардейского мундира»[7], взялся воспитывать в лице Николая Добролюбова сам «Современник» в своем юмористическом отделе «Свисток». Пародируя похвалы Ап. Григорьева, видевшего в Случевском поэта, превзошедшего всю современную поэзию (А. Фета, Я. Полонского, Ап. Майкова, Л. Мея, Ф. Тютчева), искровцы с деланной наивностью поражались стихам, где «нечто лермонтовское слилось с майковским, потом еще раз с майковским, потом с меевским да еще с фетовским, и образовало нечто такое, что вам не остается ничего другого, как только развести руками»[8]. Добролюбов, разделяя их иронию, в статье «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию» («Свисток», № 5) вывел некоего поэта Аполлона Капелькина, в чьих стихах слышались отзвуки то Фета, то Майкова, то Лермонтова, а в № 6 «Свистка» добролюбовское «новое стихотворение Аполлона Капелькина» было прямо пародией на стихотворение «Мои желания» и начиналось убийственной строкой: «Дики желанья мои, и в стихах всю их дичь изложу я...»[9]

Нападки на Случевского продолжались и в следующем году. Негласный «председатель суда общественного мнения» Василий Курочкин, намекая на стихотворение «На кладбище», сетовал в начале 1861 года, что теперь в поэзии «для нас ни в чем новинки нет», после того как «у нас *жуки сшибались лбами*»[10]. Но сам автор был уже давно далеко от Петербурга.

Поднятая вокруг него сатирическая какофония совпала с его выходом в отставку и отъездом за границу весной 1860 года. В литературных кругах этот отъезд был воспринят как бегство с поля битвы Личные мотивы — намерение быть рядом с предметом своей юношеской страсти Натальей Рашет — известны не были, а желание получить широкое европейское образование, приведшее Случевского в университетские аудитории Женевы, Парижа и Гейдельберга, казалось веской причиной лишь немногим. «Доброе дело вы делаете, потому что фортификация была хороша, когда писались оды на взятие Измаила и проч.»[11], — писал Случевскому 2 ноября 1860 года редак-

тор антагонистического «Современнику» журнала «Отечественные записки» С. С. Дудышкин (тем не менее предпочитавший, заметим в скобках, не печатать больше его стихов в своем журнале после «искровских» залпов). Однако получивший в 1865 году диплом доктора философии Гейдельбергского университета, Случевский отнюдь не был лишь человеком науки, кабинетным и аполитичным. Недаром, оказавшись в Гейдельберге, он стал в 1862 году одним из основателей тамошней знаменитой русской читальни, где помимо книг немецких материалистов, на первом плане были запрещенные русские книги, брошюры и газеты, в том числе герценовские «Колокол» и «Полярная звезда» (позже эпоха идейного брожения 60-х годов нашла отражение в его поэме «Бывший князь»). С знаменитыми лондонскими эмигрантами — А. Герценом и Н. Огаревым — гейдельбержцы поддерживали связь как напрямую, так и через И. С. Тургенева, хотя и критиковали его только что вышедших «Отцов и детей». Свое оправдательное письмо, где объяснялся замысел книги и давалась авторская трактовка главного героя — Базарова, Тургенев передал в Гейдельберг как раз через Случевского, которому он продолжал покровительствовать и за границей. Однако какой-то неприятный осадок у Тургенева все же остался — недаром позже, взявшись в романе «Дым» за изображение губаревского кружка, он описал гейдельбержцев. Не забыт при этом был и Случевский. Тургенев вывел его под видом Семена Ворошилова, белокурого, светлоглазого, белозубого говоруна-радикала. Такой поворот дела был спровоцирован как переменой в личных отношениях (Тургенев перенес опеку с юного поэта на Н. Н. Рашет, к 1866 году порвавшей отношения со Случевским), так и очередным литературным дебютом бывшего подопечного.

Вернувшись на родину, Случевский попытался начать новую жизнь не только карьерную (он поступил чиновником в Главное Управление по делам печати), но и литературную. Разочаровавшись в своих излишне либеральных идеалах, он выпустил три брошюры под общим названием «Явления русской жизни под критикою эстетики», направленные против столпов русской демократии — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева. В предисловии автор так объяснял свой поступок: «Вот уже три месяца, что я опять в России; каждым нервом моего нравственного существа натолкнулся я или на противоречие, или на ошибку, или на уродство. Мне показалось это достойным исследования и вот причина того, что я пишу “Явления русской жизни под критикою эстетики”»[12]. Забывшийся «дебютант» сразу же был поставлен на место: «Курьез — замечательный не сам по себе, а по тем претензиям, какими врывается в литературное дело составитель этой тощей и схоластико-педантической брошюрки», — писал рецензент «Книжного вестника» по поводу автора — этого «жалкого рифмотвора Случевского, составившего себе лет семь тому назад такую прискорбную известность своими виршами, в которых Аполлон Григорьев провидел *полет гения*, а публика только удивлялась хождению ветра *избочась* по Неве да сшибанию лбами жуков»[13]. Критические голоса раздавались не только со сторо-

ны противников. 6 января 1867 года Я. П. Полонский писал Случевскому: «<...> чтобы спорить с Писаревым, мало знания, добросовестности и смелости — всем тем, чем вы обладаете, — нужен литературный такт...»[14]. Ему вторил Ап. Майков: «К чему эта грубость? презрение? осыпание ругательствами? А сквозь них все-таки видна профессорская лекция, на основании которой сильный, даровитый ученик, но еще не стоящий на своих ногах, рубит направо и налево. Да притом еще ученик озлобленный. Спокойствия, любезный друг, спокойствия! в нем сила!»[15] Однако нельзя не заметить, что «нехристианское отношение» автора, в котором упрекал его Ап. Майков, к уже умершим Добролюбову и Писареву и сосланному Чернышевскому было отнюдь не следствием личной озлобленности. У Случевского (отстаивавшего в своих брошюрах как раз этическую основу всякой эстетической критики) оно, во многом, сродни отношению Ф. М. Достоевского к В. Г. Белинскому, объяснявшего свою критику покойного тем, что «обругал Белинского более как явление русской жизни, нежели лицо»[16]. Да и легшие в основу «Явлений русской жизни под критикою эстетики» идеи обнаруживают его связь с кругом Ап. Григорьева, Н. Страхова и Ф. М. Достоевского[17], почитателем которого Случевский был всю жизнь — то, что его перу принадлежит предисловие к собраниям сочинений писателя 1889 и 1892 гг., не только результат просьб вдовы, А. Г. Достоевской; традиции Достоевского можно обнаружить и в его прозе, и в поэзии.

И все же с литературной сцены Случевскому снова пришлось удалиться. Правда, он мог выпускать свои книги под странными псевдонимами вроде «Серафима Неженатого» (роман 1872 года «От поцелуя к поцелую») или «Клубки и нитки. Учено-идиллистическая сатира Фадеева в прозе» (СПб., 1867)[18] — ныне большая библиографическая редкость. Или мог тайно — или анонимно, или прячась за псевдонимы (П. Телепнев) и за невыразительные буквы И., Н., С. — печатать стихи в журнале «Всемирная иллюстрация», редактором которого был с 1870 по 1875 гг. Но такая подпольная литературная жизнь мало его удовлетворяла. Нужно было снова дебютировать. В это время в пользу голодающих Самарской губернии в Петербурге решили издать литературный сборник «Складчина». И вот в редактируемом Н. А. Некрасовым поэтическом отделе вновь появилось имя —К. Случевский. К счастью (или к несчастью?), эти и несколько других его стихотворений в подобном же благотворительном сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876) потонули в многоименных и многостраничных фолиантах, как впрочем и его переводы в изданной Н. В. Гербелем книге «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1877). Пусть Случевскому, вносившему «в перевод бытовую окраску, отсутствующую в подлиннике» и удавалось мастерски передавать прихотливые размеры, но переводы «малоизвестных у нас поэтов барокко и романтизма»[19] не принесли ему вящей славы. Не изменило эту ситуацию и обращение в конце жизни к Шекспиру и Шиллеру[20], а от предложений переводить Метерлинка отказался[21] — время переводов для него уже прошло.

И вот отец семейства (после недолгого брака с О. К. Лонгиновой, Случевский женился на Надежде Владимировне Конюховой, и в 1873 г. родился первенец — Константин[22]), чиновник Министерства имуществ решает отвоевать, наконец, достойное место в литературном мире. Одобряемый Ап. Майковым и Н. Н. Страховым, Случевский решается вновь пуститься «по морозу критики, которого бояться русскому человеку нечего»[23], и на исходе 1878 года отдает С. А. Суворину поэму «В снегах» для напечатания в «Новом времени» в качестве новогоднего приложения. О том, что для поэта это был не простой шаг, свидетельствует его вопрос к Суворину в письме от 30 декабря 1878 года: «Очень любопытно знать: ожидает ли Вас процесс со стороны театральной улицы за характерное приложение?»[24] Через год эта же поэма появилась в первой книге стихов Случевского. Поэт посвятил ее Ап. Григорьеву, и это не только дань памяти, но и вызов все той же радикальной «театральной улице»: напоминая о восторженном отношении критика к своему творчеству, автор одновременно декларирует собственную принадлежность к почвенническому, славянофильскому направлению.

Принято считать, что после поэмы «В снегах» Случевский уже обрел прочное положение в литературной жизни конца XIX века и что его литературный путь с этого времени шел если и не вполне гладко, то, по крайней мере, все же от непонимания к признанию. Действительно, с 1879 г. он печатается непрерывно — годы поэтического молчания позади. За поэмой «В снегах» появляется в «Русском вестнике» поэма «Картинка в рамке» (1879; затем «Три женщины»), с 1880 по1883 гг. — подряд три книги стихов, а в 1890 г. — четвертая[25]. Томик за томиком выходит проза — отдельные издания повестей «Виртуозы» (1882), «Застрельщики» (1883), сборник «Тридцать три рассказа» (1887), дополненный и переизданный в 1894 году под названием «Исторические картинки и разные рассказы». Проза Случевского достаточно разнообразна. То она занята социально-нравственными проблемами (те же «Виртуозы» и «Застрельщики»), то внутренним миром души, тайниками человеческой психики (повесть «Голубой платок»), то попытками научного обоснования загробного бытия (повесть «Профессор бессмертия»), то освоением (не без влияния исканий символистов) новых жанров («Рассказ-симфония»), то она совершает экскурсы в историю, религию (циклы «Исторические картинки», «В великие дни») или в искусство (книга «Несколько картинок культуры и искусств разных народов», 1902). В 80-е гг. Случевский становится летописцем путешествий вел. кн. Владимира Александровича. Так же, как и многочисленные командировки от Министерства имуществ, эта почетная (хотя и несколько тягостная обязанность) дала ему возможность объездить Россию, посмотреть на нее вблизи, ощутить мощь, ширь и многообразие отечества, почувствовать свой «материал». В результате Случевский выпускает не только полуофициальную хронику путешествий великого князя — «По северу России» и «По западу России», объединенную затем в книгу «По северо-западу России» (СПб., 1897), но и создает свои «северные» поэтические и прозаические циклы — «Мурманские отголоски», «Мурманские рассказы». Ли-

тератором Случевский признан не только при дворе, которому он обязан камергерством и должностью редактора газеты «Правительственный вестник» (с 1891 по 1902 год). Конечно, его время от времени поклевывают слева — то «Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, где сначала поругивали его прозу, а потом С. Я. Надсон анонимно разнес сборник стихов 1883 года, то в начале XX века П. Ф. Якубович объявит в «Русском Богатстве» (редактор которого В. Г. Короленко и сам не прочь выразить свое нелестное мнение о Случевском[26]) пустой затеей возрождение кружком Случевского («плевадой» — как с тонкой иронией назовет он его) альманаха пушкинской эпохи — «Денницы», не предполагая, что это начинание натолкнет русских символистов во главе с В. Брюсовым на идею возрождения другого альманаха пушкинской поры — «Северных цветов». К концу XIX в. Случевского признают многие собратья по перу, не только старшее поколение — Ап. Майков, Я. Полонский, но и младшее, то, которое так или иначе будет создавать литературу нового века, — от Ап. Коринфского, автора апологетического очерка «Поэзия К. К. Случевского» (СПб., 1899), до Ф. Сологуба, который весной 1899 года, прослушав в авторском чтении новую поэму Случевского «Он и Она (реальные фантазии)», писал: «<...> я ушел от Вас тронутый и взволнованный Вашею поэмою. В ней есть неотразимое обаяние истинного и глубокого, и великого человеческого чувства, которое выше и сильнее всего условного, случайного, — придуманных правил, навязанных мелочною жизнью симпатий. Ваше чтение заставило меня перечувствовать очень многое, — и, должно быть, сильное художественное настроение способно заражать: под впечатлением Вашей поэмы у меня сложился план повести, содержание которой никогда не представлялось мне до того вечера, — содержание странное, несколько дикое, и, может быть, более интересное, чем я смогу его написать»[27]. Именно в Случевском хранителя поэтического слова увидел и Вл. Соловьев: «Звучит загробный голос Фета, / И жив Случевский Константин»[28], — писал он в черновых набросках стихотворения «Ответ на "Плач Ярославны" К. К. Случевского» в 1898 году Еще раньше философ взял на себя труд просмотреть и просеять через критическое сито готовящиеся к изданию «Сочинения» Случевского в шести томах, а также объяснить читающей публике, что же представляет собой поэзия Случевского и как понимать особый, свойственный поэту «импрессионизм мысли», когда он схватывает «на лету всевозможные впечатления и ощущения <...> немедленно обращая их в форму рефлексии»[29]. И пусть З. Гиппиус в эти дни с пафосом его осуждала: «Владимир Соловьев читал статью о Случевском <...> и, право, оии оба друг друга стоили, у Случевского есть какие-то нотки, впрочем, но Владимир! Право, это постыдно! Я думала все время о том, какое громадное влияние имели и имеете на меня Вы»[30], — писала она А. Л. Волынскому 1 ноября 1896 года. Тем не менее, спустя год она стала членом поэтического кружка «Пятницы К. К. Случевского», возникшего на излете 1897 года, а позже вместе с Д. Мережковским мечтала преобразовать его в некое религиозно-фило-

софское общество, наподобие будущих Религиозно-философских собраний, начавшихся в ноябре 1901 года. Случевского посещают К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, Н. Минский. Его стихи печатаются в символистских «Северных цветах» и в «Новом пути», в борьбе за издание которого принимал участие и Случевский. Даже после мучительной смерти поэта (он был болен раком желудка) его кружок не прекращает своего существования, преобразуясь в «Вечера памяти К. К. Случевского». Эти «Вечера», просуществовавшие вплоть до революции 1917 года, объединяли не только литературную «массовку», но и Ф. Сологуба, Н. Гумилева, А. Ахматову.

Действительно, может показаться, что судьба, в сущности, была благосклонна к поэту, если, пережив эпоху презрения и освистывания, он пришел пусть не к славе, но к пониманию. И тем не менее, если заглянуть в переписку Случевского, вся эта видимость благополучия рассыплется, как карточный домик. Из письма в письмо, из года в год повторяется одно и то же. В 1879 году он предлагает М. Каткову поэму «Поп Елисей» и получает отказ. Тогда же предлагает через А. Д. Градовского поэму «Иван Петров» («Бывший князь») в журнал «Русская речь» и получает отказ. В 1881 году предлагает поэму «Элоа», а затем и «Ересеарх» в «Русский Вестник» и получает отказ. В 1882 году предлагает «Элоа» и драматическую хронику «Бунт» в «Вестник Европы» — и снова отказ. Ну, так ведь это 80-е годы! Что ж, в 1898 году он предлагает повесть «Лучи» в «Русскую мысль» — опять отказ. В начале XX в. вроде бы всеми признанный полуслепой поэт, гофмейстер и член совета министра Внутренних дел, год бьется за то, чтобы напечатать свои «Загробные песни». Он уговаривает Суворина — напрасно. Тогда он обращается к главе «Вестника Европы», М. М. Стасюлевичу и пишет ему 28 ноября 1901 года: «Более 35 лет знаю я Вас, Михаил Матвеевич, за полнейшего реалиста, но, тем не менее, рискую с картинками из Загробного Бытия! Дерзко — не правда ли?»[31] К переговорам со Стасюлевичем он привлекает Н. Минского: «Если, действительно, Вы находите "Загробные песни" делом важным, не столько с поэтической, сколько с философско-этической стороны, то Вы можете помочь их воплощению. <...> Необходимо напечатать их сразу или в два раза. Январь и февраль. Всех стихотворений 57. Вот, дорогой поэт-философ, моя к Вам просьба. <.. > Судьба указывает мне на Вас. Если бы жил еще покойный Вл. Соловьев, то, конечно, исполнил бы мою просьбу»[32]. Однако Стасюлевич отделывается шутками: «<...> еще подумают, что мне это прислал с того света Владимир Сергеевич Соловьев»[33]. В начале 1902 года в дело вступает К. Бальмонт, предлагая свою помощь в издании «Загробных песен» за границей. 31 декабря 1901 года он писал Случевскому: «Очень меня интересуют Ваши "загробные" фантазии. Все "дансмакаберные" вещи у Вас выходят необыкновенно хорошо, и я многого жду от Вашей новой книги»[34]. 27 февраля 1902 года повторял: «С нетерпением буду ждать Ваших "Загробных песен". В Париже их было бы очень удобно печатать. Если Вы хотите, я Вам узнаю условия тамошних типографий»[35]. И Случевский уже готов сдаться. 12 декабря

1901 г. он признавался М. М. Стасюлевичу: «Вы не можете себе представить, как мне обидно, что не имею возможности напечатать здесь, в России, <...> Загробные песни»[36]. Выручил давний поклонник поэзии Случевского и один из первых биографов Вл. Соловьева — В. Величко, решившийся взять их в свой «Русский вестник» на исходе 1902 г.

Скажут: обычная литературная жизнь, с ее обычными неурядицами, партиями, удачами и провалами. Однако сам поэт это не воспринимал просто как литературную рутину. Недаром в самые «благополучные» годы, когда жизнь — и личная (с новой семьей — с Агнией Федоровной Рерих и дочерью Шурой в небольшом эстонском имениице «Уголок», неподалеку от Нарвы), и литературная — складывалась вроде бы вполне удачно, он писал в принесшей ему больше всего литературных лавров книге «Песни из Уголка» (СПБ., 1902):

А теперь я что? Я — песня в подземелии,
Слабый лунный свет в горячий полдня час,
Смех в рыдании и тихий плач в веселии...
Я — ошибка жизни, не в последний раз...

Случевский отнюдь не пытается строить из себя некоего «байронического страдальца». Красивый собой, статный, страстный, увлекающийся, живо интересующийся современностью — наукой, политикой, театром, он был человек светский (в молодости даже щеголь), умеющий развлечь общество не только умной беседой, но и пением романсов под гитару, разрядить напряжение шуткой; умеющий жить в реальном мире. В общем, как сказал А. С. Пушкин о герое своих «Египетских ночей» — Чарском, «жизнь его могла быть очень приятна; но он имел несчастие писать и печатать стихи» и «когда находила на него такая *дрянь*», т. е. вдохновение, из каких-то неведомых глубин рождался «плач души», удивлявший, «чрезвычайной странностью звуков»[37]. Да, это глухое отчаянье было смягчено в последние годы вниманием немногих искренних почитателей его таланта, такими, как тот же Вл. Соловьев или академик Н. А. Котляревский — он, будущий директор Пушкинского Дома, о создании которого Случевский ратовал еще в 1899 году, тщетно хлопотал в год пушкинского столетия о присуждении поэту Пушкинской премии Академии Наук. Были у Случевского поклонники и после смерти. Вл. Ходасевич, О. Мандельштам, Б. Пастернак. Сергей Дурылин признавался: «Я люблю Случевского давней, действительной, болеющей любовью. Свистуны перед ним Бальмонт, Белый, Брюсов. Они — как росчерк изящной тросточкой на песку, на дачной дорожке. А он — как угрюмая, глубокая борозда, проведенная плугом в черной, комкастой, корявой пашне»[38]. Но не странно ли, не закономерно ли, что имена ценителей его творчества говорят нам больше, чем его собственное? Мы представляем, кто такой Вяч. Иванов, посвятивший восторженное стихотворение памяти Случевского, но мы все еще плохо знаем, что же за поэт тот, чей, по словам Вяч. Иванова,

...дерзкий гений заклинал
На новые ступени дерзновенья

И в крепкий стих враждующие звенья
Причудливых сцеплений замыкал[39].

И поэтому каждый выход новой книги Случевского — это очередной дебют, дебют в вечности, дебют борца, почившего вечным сном.

II

Мы не знаем внутренней биографии Случевского (фактическая, чиновничья — оставалась всегда чем-то инородным по отношению к его творчеству), адресатов его поэзии, к примеру, его любовной лирики Мы почти лишены рукописей поэта. Мы ие знаем датировок его стихов (поэт их избегал, и теперь период создания можно определить лишь примерно — по первой публикации). Но, в сущности, нам это и не нужно — творчество Случевского настолько цельно, что вопрос эволюции (при всей его правомерности) может быть при обычном подходе сведен к более подробной разработке уже прежде намеченных тем и мотивов. Эпоха безвременья лишь сделала глуше поэтический голос Случевского, но мир его поэзии вырастал не столько из внешних впечатлений, сколько из самой сердцевины его поэтического «я», хотя автор и умел подмечать конкретные приметы «века сего».

Поэт внимательно вглядывался в свое время, когда создавал мартиролог знаменитых и безымянных героев, в чьей «ранней кончине» оно как раз и было повинно (стихи памяти Ап. Григорьева, Ф. М. Достоевского, М. Д. Скобелева, Александра II или безвестных воинов из антивоенных стихов «На Раздельной», «Видение под Плевной»). Он разоблачал эту эпоху, срывая с нее всяческие маски, в своих сатирических стихах, таких как «Странный город», «Висбаден» или в цикле «Из дневника одностороннего человека», который гораздо больше говорит о социальной действительности, чем «Дневник ипохондрика» Н. Ф. Щербины, возможно, послуживший примером для Случевского[40]. И напрасно С. Я. Надсон недоумевал, в чем же «односторонность» лирического героя цикла[41]. Ответ очевиден — односторонность в том, что герой обречен на обыденность, лишенную какого-либо иного смысла. Удивительно ли, что все вокруг является для него не чем иным, как кошмаром, причем скучным и тягостным?

Однако эти прямые обращения к современности отнюдь не сделали его поэзию прозаической картинкой определенной эпохи, как, впрочем, не сделала таковой философскую лирику Случевского и бросающаяся в глаза прозаизация, когда у поэта в одной строке «поэтизм» вдруг сталкивался лбом с разговорным или канцелярским словцом. Прозаизация у Случевского иного рода, чем у того же Некрасова. Для Некрасова прозаизм — стремление приблизиться к жизни народной, общественной, политической. У Случевского прозаизм — вторжение злой, враждебной, лживой реальности в последнее убежище души — в мир поэтический; вторжение неизбежное, чаще всего трагическое, окрашенное горьким сарказмом, но в случае «прими-

рения с действительностью» иногда переходящее и в иронию, и в своеобразный юмор:

А там придет гробокопатель,
 Предвестник смерти — седина!
Ты красишь волосы, приятель...
 Какая чудная весна!

(«Повиснул хмель с жердей забора...»)

«В этой улыбке, — можно сказать словами одного из горячих поклонников Случевского И. Коневского, — животворящее и освободительное значение, в ней — любовь ко всему на свете и торжество надо всем на свете. Много в ней восторга, много иронии перед судьбой. Пока играет эта улыбка, скуки в жизни нет, потому что скука — истощение, скудость, пустота духа, а в улыбке живого поэта — обет его веры в широту и в избыток своей творческой жизни и его презрение ко всему, что не от его духа»[42].

Обращая внимание на прозаизмы, реже замечают другую характерную черту поэзии Случевского — особый контрапункт, образуемый между ритмом и смыслом, когда «звуки, острые как ножи, звуки плясовой» смешиваются «вместе с заупокойными»[43]. Такой контрапункт почти плясовых размеров его стихов, как ранних, например, «На кладбище», так и более поздних (той же «Камаринской») с их темой — смертью — не только результат влияния иронической лирики Г. Гейне. Здесь и отзвуки средневековых «плясок мертвецов» на фоне цветущей и равнодушной к смерти жизни, ибо вторая половина XIX века кажется Случевскому периодом «страшным, близким по типу ко времени макабрских плясок и самобичующихся средних веков»[44]. «... Мир и все его основы — / Свои для каждого из нас», — говорит поэт. Отсюда, от этого предельного субъективизма (а не только под влиянием пессимистической философии А. Шопенгауэра[45]) горечь и пессимизм его поэзии, которая не прозаическая картинка эпохи и даже не «слепок» духа времени, но ощущение этого времени. Лирический герой Случевского не находит для себя места ни на светском рауте, ни на публичном чтении, ни в костеле, ни в театре — нигде в этом страшном реальном мире. Счастливым он чувствует себя лишь мгновения — в поэтических мечтах, в воспоминаниях, ну а свободу он надеется получить лишь перейдя в небытие. Жизнь только причиняет страдания. Поэт стремится уйти от нее в историю — сначала в западноевропейскую, а затем в русскую (цикл «Баллады, фантазии, сказы» — примечательно, как автор меняет в ранней балладе «Статуя» прежнюю «западную» наяду на «русскую» русалку), забыть о ней, странствуя (цикл «В пути»), перемещаясь из одного ландшафта в другой («Черноземная полоса», «Мурманские отголоски»), погружаясь в мир природы (цикл «Из природы»), прячась от реальности в карнавальной круговерти повседневности — праздников, крестин, юбилеев или похорон (цикл «На разные случаи и смесь») или в уединении — в собственном доме, в семейном быту, в любви (циклы

«Женщина и дети», «Лирические», «Мгновения»). Но и тут его душа встречает то или иное нестроение, ту или иную дисгармонию. Любовь обманывает и оказывается миражом, искусство отдается на откуп толпе («В театре», «В костеле»), история полна жесточайших драм, и даже невинные детские лица вызывают боль («Не может быть»), ибо напоминают о собственной изуродованной судьбе.

Для Случевского первого сборника стихов (1880) «тюрьма и мир сливаются в одно». Поэт ощущает, что «юродствующий век проходит над землей», что «не железною, но ловкою рукой / Он душит тихо, ласково, упорно», и пытается спрятать свое поэтическое «я» в безликой массе «поколений», «других людей», в обобщающем «мы», — «в толпе себя не видно», отчего его сознание само готово раздвоиться и, на грани безумия, галлюцинации породить своего «двойника» («Нас двое»). Среди «бесконечных верениц, / Холодных душ и нервных лиц», среди всей этой равнодушной «тьмы людей» неудивительно, что «тепло мечтанья» «мрак земли погасил». Душу давит подспудная ненависть ко всему этому людскому сброду, способному лишь на то, чтобы «засмеивать печаль», чтобы презирать чужое страдание. Сознание, что «порою устают, как люди поколенья», боль не уменьшает. Хотя «успехов ранних острые отравы» в прошлом, хотя «бой с призраками кончен», но и «в мертвенном тяжелом забытьи» этих «вечных сумерек» нет отрады — собственная душа начинает казаться «усыпальницей молчаливою» всех надежд и мечтаний. Остается уповать на иной мир, где «Для болевших умом, для страдавших душой / Приготовлен давно необъятный покой». Остается ждать момента, когда жизнь окончательно «зацелует в смерть» или подрубит, как сосну, топором. А до тех пор приходится «молчать и гнуться заодно с толпой», смиряясь с участью жертвы, с тем, что «жизнь людей — что дым над алтарем».

И во втором сборнике (1881) можно найти те же мотивы: живущие оказываются «жильцами какой-то пересылочной тюрьмы», в которой нелепо искать «свободы и довольства», а тем более счастья — ведь сама жизнь в сущности не что иное, как некрополь, а лирический герой похож на мертвеца — «впали очи, утомившись / На обман глядеть», «рот запекся», не сказав, «что мог сказать», «убывает душа». Одолевающая его смертная «усталость» вселяет в сердце не примирение (ибо он уверен, что «искупленье стало мертвой буквой», потому что «все виновны»), но убеждение, что в конечном итоге всех — и палача, и его жертву — ждет одна и та же участь: им будет общим приютом «холодная земля». Единственное, что еще способно взволновать поэта, так это вопросы: к чему движение «из тьмы былого в будущую тьму»? к чему меж этих двух бездн рождения и смерти «светящаяся щель сегодняшнего дня»? к чему эта «Господня карусель» в которой все обречены кружиться? Да и Господня ли она, — задается вопросом русский Фауст[46], — или над вселенной давно властвует «красный бес» Мефистофель, которому в сборнике посвящен одноименный цикл.

И в цикле «Из альбома одностороннего человека» (позже пере-

именован из «альбома» в «дневник»), в который собраны стихи третьего сборника (1883), лирического героя «зависть берет и глубокая злоба», в отчаянье он готов разбить те «последние из грез», которые «так долго, бережно хранились», ему тяжело, что «полон день земли, в котором бьемся мы / Духовной полночью, смущающей умы», но при этом он не в состоянии быть доволен «довольством убогих», властвующих над этим миром. Ему надоело видеть вокруг себя краснорожих фавнов или беззубых месье, надоело видеть вместо лиц маски, но он с ужасом обнаруживает, что и сам рядом со своей возлюбленной «в костюме светлом Коломбины» оказывается чем-то вроде вечно страдающего Пьеро — «мы, в разных одеждах, но те же шуты» (не здесь ли начинается путь к блоковскому «балаганчику»?).

И все же, как и в первом сборнике, где были помещены поэмы «В снегах», «Поп Елисей», здесь есть и иной взгляд на возможность примирения с миром — не просто через общее небытие, но через смерть, которая знает воскресенье, и через ту любовь, которую дает вера. Устами умирающего схимонаха Иринарха, полагавшего раньше, что грех может быть искуплен лишь кровью согрешившего, Случевский в поэме «Ересеарх» формулирует свою позицию:

Любовь не устает, подобно мести, братья.
И несть конца любви — бо есть сама конец.

С такой точки зрения человек в мире — будь это безымянный лирический герой стихотворения или любой из персонажей поэм: поп Елисей или заново «воцерковленный» кающейся в смертном грехе Прасковьей мордвин Андрей — отнюдь не одинок и всеми покинут:

Как же ты думал, Андрей, до сих пор,
Будто везде пустота и простор,

Если такое везде населенье
Можешь ты вызвать, начавши моленье?

Как мог ты думать, что беден рожден,
Если все яхонты, жемчуг, виссон,

Те, что в святительских ризах блистают,
В митрах горят, — налицо здесь бывают?

Как мог ты думать, что в жизни темно,
Если все небо святыми полно?!

(В снегах)

Прощение ближнего своего из любви к нему — центральная тема поэм и хроник третьей книги, в том числе и «Элоа», в которой этот вопрос из земных сфер выведен в небесные. Поэт говорит о «могуществе прощенья» потому, что лишь оно, через внутреннее смирение

и самоотречение, придает силы и ценность слабому человеческому «я», позволяя ему вырваться из сгущенной веками «тьмы безвременья». Это чувство освещает всю четвертую книгу стихов поэта, в том числе входящие в нее пейзажные циклы — «Картинки из Черноземной полосы» и «Мурманские отголоски».

«Я люблю природу больше истории и философии. Да! Я могу любить ее только как русский, под углом зрения моего времени и моего народа»[47], — писал Случевский в 1880 году. И тем не менее вся его пейзажная лирика, за редким исключением, — насквозь проникнута особой, религиозной, философией жизни и истории. Циклы «Черноземная полоса» и «Мурманские отголоски» — яркий тому пример. Изъятие из них ключевых стихотворений (как это делалось в советское время) лишало их внутреннего стержня и обращало лишь в россыпь пейзажных зарисовок или зарисовок из народной жизни чуть ли не в некрасовском духе, в то время как для Случевского в той же «Черноземной полосе» главное — бытие, а не быт и не пейзаж. «Черноземная полоса» — первый шаг к поэме-циклу, ибо это целостный взгляд на всю человеческую жизнь от младенчества до кончины как на особую «черноземную полосу», как на Божию ниву, возделываемую из века в век до скончания мира. Не случайно в «Сочинениях» 1898 г. из заглавия было изъято слово «картинки», акцентировавшее описательное начало, как не соответствующее окончательному замыслу. Да и Мурман для поэта не просто Север, а тот край, где «Божиим веленьем сведена / Граница родины с границею творенья», где «русский человек пред правдой лицезренья» лучше может постигнуть не только свое предназначение или судьбу своей родины, но и всего Божественного замысла, постигнуть саму вечность, которая здесь, как безбрежное северное стальное море, «легла для отдыха и дышит на просторе». Пейзаж и быт у Случевского — и в его лирике, и в его повествовательных поэмах («В снегах», «Поп Елисей»), — перерастая свои границы, приобретает и иной, символический, смысл. Но если поэт «нарушал» законы жанра, превращая в «Черноземной полосе» пейзажную лирику в лирику философско-религиозную, а в поэмах «В снегах» и «Поп Елисей» «физиологический очерк», «рассказ в стихах» — в житие, то в книге «Песни из Уголка» он сделал нечто еще более непривычное и явно бросающееся в глаза, нарушив принцип циклизации.

Расположенные в оглавлении по циклам стихи в самой книге «Песен из Уголка» идут в совершенно ином порядке. Такая композиция, с отсутствием жестких границ, отвечала общей концепции — название циклов выделяло наиболее важные тематические линии, тесно переплетенные между собой внутри книги. Этот подход делал «Песни из Уголка» не обычным собранием отдельных стихотворений, объединенных общим названием, нумерацией и обложкой. Он лучше всего демонстрирует, что Случевский не только «любил заимствовать чужую форму, хотя бы пушкинской поэмы»[48] (как в поэмах «Три женщины», «Призрак», «Ересеарх»). Выстраивая таким образом книгу, автор предварил подобные попытки символистов, напри-

мер, А. Белого, строившего свой сборник «Пепел» не как собрание стихов, а как «лирическую поэму»[49]. Отсюда уже недалеко до «Загробных песен», в которых Случевский непосредственно подошел к особому типу лирической поэмы, ставшему вполне полноправным в XX веке. Что касается «Песен из Уголка», то это скорее лирическая «книга-дневник», где все преломляется через внутреннее «я» поэта и имеет смысл и значение лишь постольку, поскольку стало частью этого «я», причастного к «мирам иным». Вынесение в заглавие книги название усадьбы «Уголок» было также несомненным поэтическим приемом. Таким заглавием автор не только делал бытовое явление — название усадьбы — литературным фактом, но и возвращал своих современников к корням, к «золотому веку» поэзии начала XIX века, когда литература еще не была антиромантически настроена и не прощалась иронически с разного рода «уголками», как в «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина, но видела в них приют поэта и источник его вдохновения — как Державин в Званке, Жуковский «с Горацием, в сабинском уголке», Батюшков и Гиедич в олеиинском Приютино, а Пушкин в Михайловском.

Как отшельник удаляется в пустыню, как монах затворяется в келье[50], так и поэт, устав от «мучительного сна» земной жизни, полной «злобы и задора», от этого «непонятного верченья краткосрочных поселян», желая независимости и тишины, пытается создать свой «уголок», хотя сама попытка воздвигнуть дом «в стране бездомной» уже таит в себе опасность неудачи. Представление об «уголке» как убежище от житейских бурь оказывается изначально отравлено сознанием его хрупкости и непрочности. И поэт ищет утешения в природе, окружающей его. Море, лес, сад — все настраивает на тишину, в которой «мировые слышишь трели», на философские размышления как об историческом прошлом, так и о своем собственном. Воспоминание — тоже «уголок», где может обрести покой уставшая душа, живущая надеждой «на обновленье» в ином мире. Ведь смерть — это и встреча с теми, кто умер раньше, и новый «уголок» за гранью жизни, полной «холода и мглы». Ощутив к концу пути «святое чувство примиренья», поэт готов поделиться им с любым, у кого «отравлена душа», готов взять на себя чужие страдания и «общее томленье». Отъединенность «уголка» от внешнего мира, декларировавшаяся в начале книги, оказывается обманчивой, как и членение «Песен из Уголка» на циклы в оглавлении книги: тишина и покой готовы обернуться бурями; время ускоряется и замедляется, соединяя прошлое, настоящее и будущее в одном мгновении; человек удивительно неповторим и вместе с тем находит свое отражение во множестве других личностей; маленький кусочек земли расширяется до бесконечности, а бесконечность сжимается до «уголка»: «Близ нас и свечи не дрожат, / А земли и моря летят». Опорой и осью этого во всем условного мира становится душа поэта, его творчество, его вера. Сквозь поэтическую ткань «Песен из Уголка» просвечивает пушкинская надежда, что «душа в заветной лире» переживет прах и избежит тленья — ведь думы поэта — «живые детища живой души», «живущие

вне тленья». С этим мотивом тесно сплетается и другой — личного бессмертия, бессмертия собственного «я», собственной души, — ставший центральным в «Загробных песнях». Посылая «Песни из Уголка» в дар М. М. Стасюлевичу, поэт прямо говорил в письме от 12 декабря 1901 года, что «их прямое продолжение — Загробные песии»[51].

То, что «Загробные песни» — это оригинальная попытка создания новой, собственной «Божественной комедии», со своими персонажами, со своей биографией героя, своей географией загробного мира (впрочем, частично пересекающейся с дантовской), с новой, но вполне по-дантовски конкретной атмосферой конца XIX — начала XX веков — эпохи величайших научных открытий (атома, электрона, радиоактивности) — и оживившихся мистических веяний (спиритизма, оккультизма), было почувствовано сразу же. Это отмечала и редакция «Русского Вестника» в предварявшей публикацию заметке[52], а позже и Н. М. Минский, писавший, что «в «Загробных песнях» Случевский ощупью набрел на огромный замысел, на действительно новую поэму, по смелости размаха и величавости линий напоминающую дантовскую комедию»[53]. Да и сам поэт не скрывал своей ориентации на Данте — это нисколько не мешало ему оставаться самим собой.

Поэтика Случевского такова, что в ней чужие темы и мотивы преображаются до полной неузнаваемости. Недаром поэт считал знаменитые слова А. Мюссе — «Мой стакан мал, но я пью из своего стакана» — наиболее верно обрисовывающими его собственный творческий принцип[54]. Случевский вполне самостоятелен даже тогда, когда его «стакан» наполняло чужое вино, когда источник его произведения имеет литературные корни. В поэме «Элоа», где он «чуть ли не первый после Лермонтова серьезно подошел к проблеме добра и зла»[55], уже само название указывало на мистерию А. де Виньи «Элоа, или Сестра ангелов», но поэт разрабатывал аналогичный сюжет — соблазнение Люцифером родившейся из слезы Христовой ангела Элоа — так, что В. Брюсов вынужден признать, что в этой удивительной и дерзновенной, по его мнению, вещи с произведением Виньи общее — лишь сюжет и название и что зависимость Случевского от французского предшественника ничтожна, в сравнении с Лермонтовым, который в «Демоне» «почти буквально повторяет стихи французского поэта»[56].

Но когда Случевский лишает читателя подсказки, уловить традицию становится значительно труднее[57]. Вряд ли очевиден внутренний, смысловой параллелизм «Черноземной полосы» и «Сельского кладбища» Т. Грея в переводе В. А. Жуковского (причем скорее не 1802 г., а 1839 г.[58]), где «спят непробудно смиренные предки села». А между тем он несомненно есть. Случевский словно разрабатывает заданный первой частью элегии план, обращаясь и к «полезной жизни», и к «низкому уделу» поселян. Он, как и Жуковский, без «хладной насмешки читает простую / Летопись бедного», не думая кого-то винить «за то, что над прахом смиренным их память / Пышных гроб-

ниц не воздвигла». Он словно ощущает тот же, что слышался и Жуковскому, «сердце объемлющий голос», который «из тихих могил поднимаясь», сулит «предчувствие вечного мира». Только он говорит об этом своим языком, нисколько не схожим с языком Жуковского. И разве строки из другого стихотворения Жуковского («Деревенский сторож в полночь») — не лучший эпиграф к «Черноземной полосе» Случевского:

...И что ж деревня в полночь?
Не тихое ль кладбище? Разве там,
Равно как здесь, не спят, не отдыхают
От долгия усталости житейской,
От скорби, радости, под властью Бога,
Здесь в хижине, а там в сырой земле,
До ясного, небесного рассвета?

Приведу еще только один пример подобных преломлений чужой темы. Заметно ли что-либо гетевское в стихотворении «Вот она — великая трясина!..»? Вроде бы нет. Оно и не может чувствоваться, если не брать в расчет, что во включающей его книге «Песен из Уголка» гетевская тема — одна из сквозных: не для декораций здесь мелькают имена Гретхен, Мефистофеля, не напрасно автор книги говорит о своей слепоте. Это не только факт биографии[59], но и внутренняя аналогия с гетевским Фаустом, который в конце трагедии слепым стариком устраивает осушение болот ради грядущего неведомого счастья. Для Случевского — это лишь тема для иронии: сознавая тщету земных дел, отдающих душу во власть дьявола, он, как слепой певец, продолжает служение Слову.

Сравнивая «Загробные песни» с «Божественной Комедией» Данте, надо отметить ряд принципиальных отличий в самом замысле. У Случевского в загробный мир попадает не сам человек, как у Данте, а лишь его душа после мучительной болезни и смерти героя, причем примерно известен год этой кончины — 1862-й (не примечательно ли, что поэт «умерщвляет» героя как раз тогда, когда и сам он был причислен «современниками» к «литературным мертвецам»?). Кроме того, герой попадает в загробный мир один и странствует по нему без спутников, причем не в поисках умершей возлюбленной, как у Данте, а как будто без всякой определенной цели, хотя иа самом деле цель такая есть — это путь души к самой себе, к очищению от всего земного, к полному самосознанию. В то же время Случевский вполне следует за Данте, когда «русифицирует» загробный мир, — ведь и Данте населял его преимущественно своими соотечественниками. Душа героя и после смерти остается русской, продолжая тянуться к родной земле, несмотря на то, что в загробном мире обитает весь его род — от деда до собственного внука. Хотя поэт говорит о множестве народов, населяющих иной мир, хотя его герой видит и Цезаря, и Платона, и того же Данте, но главные встречи — это встречи с русскими царями, писателями, учеными. «В том мире» явственно предстают и Иван Грозный, и Петр Великий, и Пушкин, и Гоголь, и Лоба-

чевский. Одни осуждены, другие еще не нашли пути к свету, третьи вознесены на небывалую высоту. Как и Данте, автор ко всем обитателям иного мира подходит исключительно с морально-этической меркой, но, в отличие от Данте, он избегает каких-либо политических аллюзий. Единственное исключение — стихотворение «Писатель здесь один. Он глубоко сконфужен...», в котором, возникает карикатурно-гротескный образ писателя Леонида Андреева, оказывающегося в глазах Случевского одним из «бесов» как литературных, так и политических (но нашлось бы этому тексту место в полном издании «Загробных песен», неизвестно, т. к. при жизни поэта он не публиковался). У Данте пребывание в загробном мире четко хронометрировалось (что имело смысл, т. к. героя предстояло вернуть на землю). Для Случевского это не актуально, ибо его герой перешел границу, за которой властвует вечность: «Здесь нет пространств — им негде взяться, и нет времен...» А раз «нет пространств», то немыслимы и четкие контуры потустороннего мира, каковые были у великого итальянца, и нет присущей его «Божественной комедии» картографичности загробных сфер. Не отказываясь полностью от дантовских схем, поэт лишь пунктиром обозначает путь души: вот адская темень, где «души так грузны своею темнотой», вот «хоры слышатся» — это райское пение, а вот душа посещает Солнце (у Данте это четвертое небо «Рая»), а вот она уже на Сатурне (у Данте — седьмое небо). Дантовские «Чистилище и рай, и прочный строй небес, / И своды тяжкие печальной преисподней» у Случевского, словно растворяясь, превращаются в некую туманность, в то время как «тайные сферы мышленья» — добро, зло, совесть, молитва, мысль, воспоминание, напротив, уплотняются, ибо они — «Элементы Химии новой и физики новых начал, / Новой динамики признак и правда».

Для Случевского бессмертие — «не только предмет *веры*, но и *знания*», причем это знание отнюдь не только сугубо научное, исходящее «из разнообразных мотивов — психологических, эволюционных, религиозных», но во многом и интуитивное — «Случевский чует несомненнейшую реальность потустороннего мира»[60]. Однако поэт вынужден обосновывать эту «загробную реальность» на языке, понятном человеку начала XX века, зараженному неверием и материалистическими идеями. Поэтому он прибегает к различным приемам: к аналогии, к доказательству от противного, апеллирует к авторитетам — философским и религиозным, к новейшим научным достижениям и к истории науки, пытается даже позитивизм сделать орудием доказательства существования иного мира, выдвигая попутно собственные гипотезы (как-никак он ведь тоже доктор философии!), иногда значительно опережая свое время, например, когда говорит о «тайных сферах мышлений», предваряя В. И. Вернадского, о. П. Флоренского, Тейяра де Шардена, разрабатывавших понятие «ноосферы», введенное Э. Леруа в 1927 году.[61]. В итоге, «Загробные песни» Случевского порой напоминают научный трактат, в них происходит «прозаизация» особого рода: прозаизм «оплотняет» загробное бытие, как раньше он входил в плоть мечты, подобно крепкому словцу в дивный пейзаж «Уголка» («Глядишь открытыми глазами...»). То, что при этом

загробные видения лишаются должной легкости и невесомости, поэта нисколько не смущает.

Когда я ребенком был, мал,
Я солнце в воде уловлял...

....

И вновь я хочу зачерпнуть
Тех искр с их чудесным огнем,
Что зыблются в сердце твоем! —

(«Когда я ребенком был, мал...»)

писал Случевский на исходе жизни, совершенно точно определяя главную интенцию своего творчества. Действительно, стремление «уловить неуловимое» — основа всей его эстетики, поэтики, всего его стиля, главное связующее звено как с поэзией романтизма, так и символизма, — не случайно Вл. Соловьев называл его именно «поэтом *неуловимого*»[62] и стихотворением «Неуловимое» открывались его итоговые «Сочинения» 1898 года. В «Загробных песнях» Случевский пытается объяснить необъяснимое и ему не приходится быть слишком разборчивым в средствах. Поэт редко баловал своих читателей утонченной «фетовской безглагольностью», хотя она иногда и слышится в его стихах[63], зато часто был склонен к словесному риску (не подозревая о том, что предваряет языковые эксперименты футуристов): то он пытался выбрасывать «лишние» гласные, не умещавшиеся в размер, к примеру: «Чутко шеи наст'рожа!» (за эту вольность в 1883 году он был жестоко осмеян, так что пришлось пойти на попятный), то нарушал общепринятые ударения и перемещал их на другие слоги, то совмещал несовместимые согласные или гласные подряд в одной строке так, что ее трудно было выговорить, то игнорировал цезуру (от чего так предостерегал еще Пушкин) и его стих в буквальном смысле несся, «будто в тряском беге по мерзлой пашне... на телеге». Но помимо этого музе Случевского уже с первых шагов грозила опасность стать тем отяжелевшим воздушным сильфом, которого Случевский изобразил в «Песнях из Уголка» («Высоко гуляет ветер...»), ибо, стараясь заглянуть «в магическое *там*», любезное музе Жуковского, «оправдоподобить неправдоподобное», иррациональное, уловить «неуловимое» — мысль, тайное сердечное движение, неожиданные «формы и профили» земного и неземного миров, — она не имела других средств помимо обычного, каждодневного языка. Отсюда, от этой «материализации духовного»[64], особая «тяжелая вещественность образов»[65] и одновременно зоркая точность «предметной детали», уникальное мифотворчество, в основе которого лежит принцип «реализованных метафор»[66], когда происходит обратный процесс одушевления материального. По-своему это сказалось и в «Загробных песнях», где апокалиптические мотивы пестрели научной терминологией. Однако с точки зрения автора это было тем более правомерно, что в «Загробных песнях» он ставил перед собой цель отнюдь не только поэтическую.

26 ноября 1901 года Случевский признавался Н. М. Минскому, что в «Загробных песнях» «поэзия, образность, стих и пр. на втором плане», что «их задача облегчать на сколько возможно, странствования мятущегося духа человека, именно в наше глубоко безотрадное время»[67]. 30 ноября 1901 года он так объяснял А. С. Суворину их смысл и назначение: «Посылаю Вам мои «Загробные песни». Им долго не будет конца, но и 57 штук достаточно чтобы видеть: чем должны они быть. Мятется и смущается душа человека невозможным образом; успокоения нет ни в чем. Так ли это? <...>Всякая попытка успокоить — хороша. Я рискую. Ради Бога! Прочтите, дорогой мой, ночью, наедине с собою, без свидетелей»[68]. В том же он убеждал 3 декабря 1901 года Стасюлевича: «... я долго думал: послать Вам, или не послать, мои "Загробные песни" <...> Посылаемое "не стихи", а нечто вроде особого мировоззрения...»[69]. В письме к А. А. Луговому он называет «Загробные песни» «эпопеей умирания человеческого духа»[70]. Это, действительно, «эпопея» — и по теме, и по масштабу замысла, но, к сожалению, видимо, так и не завершенная. По свидетельству дочери поэта, Случевский продолжал работать над «Загробными песнями» вплоть до своей кончины. Но найденные в ночь его смерти на столике рядом с постелью две темно-красные тетради с карандашными набросками (заключительной части?) вместе с другими рукописными материалами были утеряны в 1919 году[71] . Несмотря на недовоплощенность замысла, вряд ли справедливо рассматривать «Загробные песни» как «поэтическое поражение»[72]; они «являются итогом творчества поэта, причем тщательно продуманным итогом»[73], выкристаллизованным результатом духовных исканий всей жизни вплоть до предсмертных бесед с о. Иоанном Кронштадским. Недаром, прочтя лишь первые 57 стихотворений, т. е. лишь треть «Загробных песен», Н. М. Минский писал Случевскому 27 ноября 1901 г.: «<...> искренно считаю Ваши "Загробные песни" самым крупным явлением современной поэзии»[74].

У Случевского пафос утверждения нигде не звучит с такой силой, как в «Загробных песнях», словно оптимизм поэта нарастал по мере его приближения к смерти. Если в его поэзии и есть эволюция, то это, поистине, эволюция не столько поэтики, сколько мироощущения. Чем более крепла вера поэта, тем оптимистичнее и громче звучал его голос. И в этом смысле путь его был обратным тому, что прошел его старший современник, один из ярких представителей пушкинской поры — князь П. А. Вяземский, чья муза от ликования и любования жизнью пришла к глубочайшему пессимизму, отчаянью и неверию, к пронзительным строкам 1871 года:

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество! я жажду:
От смерти только смерти жду.

Отчаянье Вяземского, его филиппики в адрес «злопамятливого Бога», Бога — «палача» («Все сверстники мои давно уж на покое...»,

«Свой катехизис сплошь прилежно изуча...») в какой-то мере разделял и его друг Ф. И. Тютчев, писавший в 1873 году, незадолго до смерти: «Всё отнял у меня казнящий Бог».

Если, говоря о Случевском, о Вяземском почти не вспоминали[75], то с Тютчевым сравнивали не раз, хотя в их мироощущении также существует несомненная разница. Достаточно обратить внимание на два стихотворения: тютчевское «День и ночь» и Случевского «Ночь и день», заглавия которых уже полемичны по отношению друг к другу. Для Тютчева человек лишь внешне, дневной суетой отделен от мрачных мировых бездн, но стоит отступить дню — «другу человеков и богов» (как примечательно тут дышащее язычеством множественное число — «богов») — и беззащитная душа с тоской и ужасом оказывается один на один с темной стихией хаоса. Отдавая дань уважения тем, кто и «В страшном раздвоенье, / В котором жить нам суждено», в «век отчаянных сомнений», в «век, неверием больной» («Памяти М. К. Политковской», 1872), сохранил веру, поэт сам сознает, что «эта вера *для немногих*» («А. В. Пл<етне>вой»), что его собственная душа немеет перед «великой тайною загробной». Тоска тютчевской души, трепещущей в сомнениях «на пороге как бы двойного бытия», знакома Случевскому:

Может быть, что между днем и ночью,
Не во сне, но у пределов сна,
По путям молитв, идущих к Богу,
Скорбь земли за далью не слышна!

(«Спетая песня»)

Именно через Случевского, с его «Богиней Тоски», проходит эта тютчевская линия («Тоска составляла как бы основной тон всей его поэзии и всего нравственного существа»,[76] — писал о Тютчеве И. С. Аксаков) к «Моей Тоске» и другим стихотворениям на ту же тему Ин. Анненского, влияние на которого Случевского заметил еще М. Волошин в своих «Ликах творчества». Но вера чаще всего смягчает у Случевского тоску, превращая ее или в спокойную печаль религиозного человека по поводу несовершенного, но преходящего мира, или в страстную убежденность, что все ужасы ночи словно призраки мгновенно рассеиваются при первых лучах солнца, ибо это солнце веры, чьи лучи, как маленькие воины, храбро сражаются с тьмой, пролагая дорогу Тому, Кто один есть свет и путь для человека, заблудившегося во мраке ночи неверия.

Этого не почувствовал К. Бальмонт, находивший черты русского Бодлера и русских «цветов зла» равно и у Тютчева, заново «открытого» символистами, и у Случевского — этого «наиболее русского из всех русских поэтов»[77]. Бальмонт восхищался демонизмом Случевского, полагая, что главная прелесть его поэзии — в соединении «диаболического» и невинного: «... я считаю особенно по-неземному прекрасным, что не могу читать без сладкой боли — это гениальное стихотворение "При свете трепетной лампады в час ночной". Есть что-то

невыразимо прекрасное в Вашей способности переходить от самых диаболических настроений к этим тихим колыбельным звукам, к этой прелести детского лепета и детских ясных глаз. За это одно можно Вас любить: за способность глубокой души совмещать в себе разные полюсы»[78]. Но, на самом деле, эти «полюса» Случевского имели разную степень притяжения для символистов. Значительно меньше обращали они внимания на второй — «солнечный» полюс, славословящий истинное и вечное, которое таится не только там, за гранью, но и рядом — в истории родной страны или в семейных преданиях, в народной среде, где есть «особый взгляд на все, на жизнь, на смерть, на честь», в природе с ее бодрящим привольным весенним многокрасием или яркостью морозного денька, в творчестве, в вере, которая держится благодаря таким обычным, нисколько не героичным, а скорее по-детски наивным праведникам, вроде старого дьячка, изображенного в одноименном стихотворении, или таким «грешникам», как Прасковья, совершающая путь покаяния, или поп Елисей, смиренно несущий свой крест и этим смирением побеждающий не только все посланные ему искушения и испытания, но грех и злобу, таящиеся в человеческих сердцах. Нет, символистов особенно привлекал у Случевского другой — «ночной» полюс, демонический, где обман казался правдой, где по-мефистофельски царили «двойники» и «пляски смерти» (вспомним одноименный цикл А. Блока), где «способность фантастической живописи»[79] оживляла зло, безумие, изломы в природе и в человеческой психике, различные переходные состояния, катастрофы, а сумрачный то мертвенно-снежный, то осенний, болотистый ландшафт уводил маленьких, жалких людей по топким тропкам к неведомому[80]. Случевский привлекал их и как поэт-индивидуалист, и как поэт не «внешних чувств», а мимолетных, минутных настроений, рождающихся в душевных глубинах, куда отваживались проникнуть внутренним взором немногие — Тютчев, Достоевский, Фет, ибо «поэт, осмеливавшийся заглянуть в глубь души, видит бездны и ужасы»[81]. Совмещенность двух полюсов казалась символистам, например Брюсову, не столько синтезом, сколько основой внутренней дисгармоничности, противоречием. Конечно, слова Случевского в «Песнях из Уголка» — «Я Богу пламенно молился, / Я Бога страстно отрицал» — не просто риторика, но понимать их, по-видимому, следует не совсем так, как Брюсов, считавший, что «поэт противоречий», не умея поклониться злу, славословил Господа-Бога против собственной воли[82]. Такое понимание Брюсовым внутренней специфики творчества Случевского в какой-то мере разделяли и «славослов» Вяч. Иванов, и «конквистадор» Н Гумилев; а в советское время эта брюсовская характеристика стала даже во многом «спасительной» для Случевского — уже за одно это его можно было издавать. Однако на самом деле для Случевского сомненье, «исканье Богом избранных путей», не есть отрицание, а лишь проявление, пусть порой и дерзновенное, свободы, данной человеку самим Богом. Внешне это звучит сходно с декларацией самого Брюсова: «В истине ценно лишь то, в чем можно сомневаться»[83]. Но у Брюсова чашу весов перетягивало на

сторону сомнения, так как, полагал он, в «мире мышления» истина сама по себе не может быть интересной — за нее уже нет смысла отдавать жизнь. Для Случевского же сомнение — лишь поиск нового аргумента в пользу абсолютной истины, которая для поэта всегда основная, пусть и далекая цель. В сущности, здесь прослеживается та же ситуация, что и в отношении к потустороннему миру, к запредельному — у символистов эта тема порождает настоящий культ смерти, вполне противоположный культу бессмертия Случевского. Проблемы, волновавшие их, несомненно, были общие, но разрешались они чаще всего все же по-разному. Верно отметил С. А. Зеньковский: «В большинстве его <Случевского. — *Е. Т.-Г.*> произведений, несмотря на мрачные сцены и пессимистические характеристики многих героев, в конце концов торжествует добро, а не зло, и зло редко добивается полной победы. Но он никогда не перестает напоминать о существовании и путях зла, показывать подлинную природу злого начала в мире»[84]. В поэме «Элоа» Сатана так яростно борется за человеческие души потому, что знает: именно выбором человека между добром и злом определяется победитель в давнем споре между ним и Богом: «Он за кого — тот победит из нас». Он знает, что человеку «был начертан дальний путь развитья: / Чрез мысль — в бессмертье...» и ему хочется любыми средствами сбить душу с этого пути. Вот почему у Случевского всегда «социальное зло смыкается со злом вселенским»[85], как например в цикле «Мефистофель», — ибо дух зла, как говорит Элоа о Сатане, «не в небе грозен <...>, но на земле!». «Разностильность» в стихах Случевского не неумелость или поэтическая небрежность, как полагал В. Брюсов, — их режущая слух «необработанность», считал сам поэт, «это правда в <...> стихах, как правда и в сегодняшней жизни нашей»[86], это правда и общей «оркестровки» вселенной, где

...в гармонии порой есть нарушенья:
Слышны мелодии крикливых голосов...
То звуки темных сил, взывающих отвсюду
Зловещей резкостью своих полутонов...
Без них — нет музыки; без зла — нет искупленья...
Лишь тем воочию мысль Бога хороша,
Что надобны: борьба, печали, зло, лишенья,
Чтоб ценность выстрадать могла себе душа!

(«Порой здесь хоры слышатся. Не струны...»)

По убеждению Случевского, как поэзия рано или поздно минует «злые годы / Всех извращений красоты», так и человеческая мысль — слишком прочная связка «двух миров», земного, грешного, и небесного, чтобы навсегда потерять дорогу к истине. Пусть эта мысль

...порой грешит, смутясь в исканье хлеба...
А все же, кажется, что в недра душ людских,
В нас корни некие спускаются от неба,
Свидетели судеб и сил совсем иных.

(«Неуловимое»)

Мысль оказывается пусть и «неуловимым», невидимым, но тем не менее вполне реальным духовным «цветком», прочно укорененным в иных мирах[87].

Случевского часто называли «поэтом-философом», «поэтом-мыслителем». Его творчество, несомненно, относится к той линии русской лирики, к которой относил себя и Вяземский, определивший ее как «поэзию мысли», отличную от поэзии «звуков и красок»[88]. Поэзии Случевского свойственен и особый, так сказать, «мыслительный» ритм — то замедленный, созерцательный, то динамичный, когда, «окрепнувши в раздумье», поэт легко устремляется вперед[89], а иной раз наоборот, когда внезапная мысль постепенно теряет свою выразительную энергию, обрастая последующими рассуждениями (лучший пример — ранняя и позднейшая редакция стихотворения на смерть Достоевского). Погруженность в мир мысли вовсе не делает его поэтическую речь монотонной и монохромной, не лишает ее творца способности ощущать мир во всем его многообразии «звуков и красок». Но со Случевским происходит то же, о чем писал Вяземский, говоря о себе и своем творчестве: «Странное дело: очень люблю и высоко ценю певучесть чужих стихов, а сам <...> никогда не пожертвую звуку мыслью моею. <...> Мое упрямство, мое насильствование придают иногда стихам моим прозаическую вялость, иногда вычурность»[90]. В этом смысле Вяземский, Тютчев, Случевский — звенья одной цепи. Мысль наложила на их поэтику свои прочные оковы, ибо «поэзия мысли» в русской литературе — поэзия особого, порой профетического, «косноязычия» — от державинского до вячеслав-ивановского (если можно так выразиться). Уже это — вполне «достаточное основание» для того, чтобы их сравнивать. Однако, помимо всяких типологий, в «Песнях из Уголка» и «Загробных песнях» можно увидеть и своего рода полемику с тем пессимистически-отрицательным направлением мысли, которое озвучено Вяземским в стихотворении 1876 г. «Цветок» (цикл «Из собрания стихотворений: хандра с проблесками»):

Зачем не увядаем мы,
Когда час смерти наступает,
Как с приближением зимы
Цветок спокойно умирает?

....

А нас и корчит, и томит
Болезнь пред роковой могилой,
Нам диким пугалом грозит
Успенья гений белокрылый.

....

А там нас в тесный гроб кладут,
Опустят в мраки подземелья
И сытной пищей предадут
Червям на праздник новоселья.

Во-первых, Случевский абсолютно чужд страха смерти, которым томится Вяземский. Напротив, поэт, по собственному признанию, «смерть всегда любил с рожденья», и его «Загробные песни» — страстная попытка помочь избавиться от этого страха другим, от этой беды, когда «с детских лет идея смерти / Всегдашним пугалом была». Он уверен, что умершего ждет «Не одиночество, не темень, / Не сырость, смрад и тишь могил», что «холод, сырость, черви, тьма» — вздор, «Как в сказках нянек — ведьмы, черти!» Тот, кто сумеет преодолеть в себе этот детский испуг, получает возможность увидеть «просвет / Другого, высшего порядка!..»

Во-вторых, если для Вяземского его «загробным преданьем» должен стать обычный земной цветок, каковым он был в одноименном пушкинском стихотворении, то Случевский думает совсем об иных, «духовных» цветах. В «Песнях из Уголка», написанных также как бы в присутствии Пушкина, ему кажется, что для земного мира загробной вестью о поэте должны стать «песен пестрые цветки» — «живые детища» его души, которая представляется ему также своего рода цветком: «Мне мнится — будто я цветок» — говорит он, — ибо «из общего крушенья / Всех прежних сил, на склоне лет, / Святое чувство примиренья / Пошло во мне в роскошный цвет». Сама смерть кажется ему неким цветением. «Время цвести голубому цветку» — пишет он (памятуя о Новалисе) в «Загробных песнях» о моменте переселения в мир иной. Когда в открывающем «Песни из Уголка» посвящении возникал образ Валгаллы — загробного мира, где блаженство даруется только прошедшим через борьбу, раны и смерть, сама Валгалла представлялась Случевскому чем-то вроде его «Уголка» — неким райским садом, где цветы вырастают из ран умерших так, как в земной жизни поэта из подобных ран вырастали стихи. Надеясь ценой долгих страданий достичь своей Валгаллы, Случевский лелеял мечту и о том, что его

...стих
Без самопомощи, без воли, без отваги,
Прожив года на лоскутке бумаги,
Дойдет до новых дней и до людей иных...

(«Ты подарил мне лучшую из книг..»)

На этих «религиозно-поэтических» основах зиждется его оптимизм. «Мы с вами, поэты, хотя во многом и обижены и обсчитаны, и обстрижены — но все-таки за нами веское обретенное слово, которого *не* изъять из истории»[91], — верил он и пытался убеждать других.

Елена Тахо-Годи

Примечания

[1] См. воспоминания А. Д. Галахова «Сороковые годы»: Исторический вестник. 1892. № 1. С. 138.

[2] *Случевский К. К.* Одна из встреч с Тургеневым (Воспоминание) // Денница. СПб., 1900. С. 200.

[3] 24 октября 1860 г. Ап. Григорьев писал Ап. Майкову: «А что мой орленок?» (цит. по: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 573). И позже, в письме к Я. П. Полонскому от 12 августа 1861 г., признавая некоторую свою «наивность» по отношению к Случевскому, он писал: «Увы! *там* — опять повторяю, — была оригинальная натура, *характер*, особенность... Впрочем, и хорошо, коли мой орленок не сделает *ничего, ровно ничего*. Это ведь лучше, чем сделаться В<еволодом> К<рестовским>» (там же. С. 403).

[4] Сын Отечества. 1860. № 6. С. 166. Не отсюда ли ведет свое начало неприязнь Случевского к Лермонтову, при всем его внутреннем тяготении к этому поэту?

[5] Светоч. 1860. № 6. С. 53.

[6] Светоч. 1860. № 3. С. 57.

[7] Слова Е. Г. Благосветлова (*Лемке М. К.* Политические процессы в России 1860-х гг. по архивным документам. М.; Пг., 1923. С. 603).

[8] Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 2. Л., 1987. С. 420.

[9] Современник. 1860. № 12. С. 44 (отд. паг.).

[10] Поэты «Искры». С. 108.

[11] Цит. по: *Мазур Т. П.* И. С. Тургенев о поэзии К. К. Случевского // И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1982. С. 141.

[12] *Случевский К. К.* Явления русской жизни под критикою эстетики. Ч. I. СПб., 1866. С. IV.

[13] Книжный вестник. 1866. № 21—22. С. 405.

[14] Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 335.

[15] Там же. С. 343.

[16] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Л., 1986. С. 215.

[17] См.: *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991. С. 44.

[18] Источник сведений: *Мезиер А. В.* Русская словесность с XI по XIX столетие включая. Ч. 2. СПб., 1902. С. 375, № 16951.

[19] Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812—1970. М., 1974. С. 327. О переводах Случевского см. подробнее в примечаниях к разделу переводов.

[20] См. примечания к разделу переводов.

[21] Письмо Случевского к Л. Н. Виленкиной (Минской) (ИРЛИ. Ф. 39. № 341).

[22] Морской офицер, друг А. В. Колчака, он пытался пойти по стопам отца — писал стихи под псевдонимом «Лейтенант С.», но единственный его поэтический сборник вышел в 1907 г. уже после его смерти (Константин погиб при Цусиме в 1905 г.).

[23] Слова С. А. Суворина из письма к Случевскому от 29 декабря 1878 г. (ГИМ. П. 151/2).

[24] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 3951. Л. 27.

[25] Они назывались одинаково «Стихотворения К. К. Случевского», лишь в сборнике 1883 г к этому названию прибавлено «Поэмы и хроники» (библиографические данные см. в примечаниях к стихотворениям).

[26] Анонимная рецензия В. Г. Короленко на сборник Случевского «Черная буря» (1900) напечатана в «Русском Богатстве» (1900, № 1. С. 91—94; атрибутирована по «Указателю анонимных рецензий журнала "Русское Богатство"» (Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890 гг. Литературное наследство. Т. 87. М., 1977. С. 664). Рецензия Якубовича: Русское Богатство. 1900. № 2. С. 35—45.

[27] ГИМ. Ф. 359. № 140. Щ. 151/353.

[28] *Соловьев В. С.* Стихотворения. Изд. 7-е. М., 1921. С. 335.

[29] *Соловьев В. С.* Импрессионизм мысли. Стихотворения К. Случевского // Соловьев В. С. Собр. соч. Изд. 2-е. СПб., 1911—1914. Т. 9. С. 77. Статья была напечатана в журнале «Cosmopolis» (1897).

[30] Минувшее. Вып. 12. М.; СПб., 1993. С. 327—328.

[31] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1319. Л. 1.

[32] ИРЛИ. Ф. 39. № 341. Л. 17—18.

[33] Цит. по: *Мазур Т. П.* Случевский. Основные этапы творческой биографии. Дисс. ... канд. филол. наук (приложение). М., 1974. С. 212.

[34] ГИМ. Ф. 359. № 22. Л. 7.

[35] ГИМ. Ф. 359. № 22. Л. 10.

[36] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1319.

[37] Слова И. С. Тургенева из письма к Случевскому от 26 декабря 1860 г. (см.: Тургенев И. С. Поли. собр. соч.: В 30 т. Письма. Т. 4. С. 274).

[38] *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 1991. С. 235.

[39] *Иванов Вяч.* «Тени Случевского» // Иванов Вяч. Cor ardens. Т. I. М., 1911. С. 144.

[40] См. примечания к циклу «Из дневника одностороннего человека».

[41] Надсон писал: «В чем "односторонность" этих жалких претенциозных виршей?» (Цит. по: *Надсон С. Я.* Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. С. 358).

[42] *Коневской И.* Об отпевании новой русской поэзии // Северные цветы на 1901 г. М., 1901. С. 187.

[43] *Случевский К. К.* Голубой платок // Случевский К. К. Сочинения. Т. 4. СПб., 1898. С. 49.

[44] *Случевский К. К.* Достоевский: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1889. С. 31. Любопытно, что это ощущение времени переносилось окружающими и на самого Случевского: «Вы средневековый рыцарь, изучавший алхимию и знавший колдуний», — писал ему К. Бальмонт (ГИМ. Ф. 359. № 22. Л. 8). Сравнение Случевского с Фаустом (см. прим. 46) или его «Загробных песен» с творением Данте также вписывается в этот ряд.

[45] Об этом см.: *Baer J.* Arthur Schopenhauer und die Russische Literatur des Späten 19 und Frühen 20 Jahrhunderts. München, 1980.

[46] «Мефистофель, стоящий за спиною автора посвященных ему стихов, настоящий фаустовский демон. Поэт сам изведал различные глубины отвлеченной мысли, олицетворенной в научном знании, но не удовлетворился им. Он не смог остановиться в тесном и заколдованном круге тех скудных данных наблюдения и опыта, которые именуются наукой природы. Он искал в них разъяснения тревожащих его вопросов и не нашел. Как Фауст, он, доктор философии, может воскликнуть: Habe nun, ah! Phlosophie, / Juristerei und Medizin / Und, leider! auch Theologie...» (Грибовский В. Художник-мыслитель // Книжки Недели. 1899. № 1. С. 166—167).

[47] Письмо к В. П. Буренину от 11 апреля 1880 г. (ИРЛИ. Ф, 36. Оп. 2. № 427. Л. 1—2).

[48] *Брюсов В. Я.* К. К. Случевский: Поэт противоречий // Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1975. С. 231.

[49] *Белый А.* Пепел. Изд. 2-е. М., 1929. С. 6.

[50] Вяч. Иванов, собираясь писать для «Современной русской литературы» Е. В. Аничкова о «Вл. Соловьеве, Случевском и влиянии Фета и Тютчева», дал название этой главе «Поэты-отшельники» (см.: А. А. Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 47). Вероятно, в ней должны были быть разработаны те же мотивы о «келейном искусстве», что и в статье «Предчувствия и предвестия» из книги «По звездам».

[51] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1319.

[52] См. примечания к «Загробным песням».

[53] Новости. 1904. № 278.

[54] Письмо к В. П. Буренину от 11 апреля 1880 г. (ИРЛИ. Ф. 36. Оп. 2. № 427. Л. 1—2).

[55] *Розанов И. Н.* Отзвуки Лермонтова // Венок Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 273.

[56] Письмо к А. Е. Грузинскому 1911 г. цит. по: *Мазур Т. П.* Случевский... С. 94.

[57] Сознательно не касаюсь в статье пушкинской традиции, оказавшей на Случевского особое влияние, — ей я посвятила немало страниц в своей книге; кроме того читатель может проследить ее по примечаниям к данному изданию.

[58] Перевод 1839 г. был ближе к элегии Т. Грея, но, помимо этого, он был включен и в антологию Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1875), на которую Случевский мог обратить особое внимание, т. к. она предваряла аналогичную антологию немецкой поэзии 1877 г., для которой поэт сделал ряд переводов (см. примеч. к разделу переводов).

[59] Случевский около года был почти слеп из-за катаракты глаза. В декабре 1899 г. в письме к С. А. Суворину он говорит: «Диктую, ибо не увижу, что пишу...» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 3951. Л. 74). Однако осенью 1900 г. операция вернула поэту зрение, о чем свидетельствует его письмо к от 8 ноября 1900 г. к В. Я. Брюсову: «Сижу оперирован-

ный удачно в глазной лечебнице...» (РГБ. Ф. 386. К. 103. № 1. Л. 5).

[60] Слова литературного критика А. И. Введенского цит. по: *Михайлов Д. Н.* Очерки русской поэзии XIX в. Тифлис, 1905. С. 484. Курсив мой.

[61] Отмечено В. П. Троицким (см. соответствующее примечание к «Загробным песням»).

[62] Вл. Соловьев на сборнике своих стихотворений 1895 г. сделал дарственную надпись: «Несравненному поэту "неуловимого" от искреннего ценителя» (Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. М., 1975. С. 107)

[63] *Сахаров В.* Заповедный труд (Константин Случевский: поэзия и судьба) // Случевский К. К. Стихотворения. М., 1984. С. 27.

[64] *Ермилова Е. В.* К. К. Случевский // Случевский К. К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988. С. 16.

[65] *Перельмутер В.* Меж двух эпох // Случевский К. К. Стихотворения. М., 1983. С. 13.

[66] *Ермилова Е. В.* К. К. Случевский С. 16, 17.

[67] ИРЛИ. Ф. 39. № 341. Л. 17—18.

[68] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 3951. Л. 78.

[69] ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1319.

[70] ИРЛИ. 7316/XLIIIб. 14.

[71] Свидетельство А. К. Случевской-Коростовец приводит Д. Чижевский (*Случевский К. К.* Забытые стихотворения. München, 1968. С. 171).

[72] *Ермилова Е. В.* Поэзия на рубеже двух веков // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 90; *Сапожков С. В.* Русские поэты «безвременья» в зеркале критики 1880—1890-х годов. М., 1996. С. 101.

[73] *Козырева А. Ю.* Последние поэтические циклы К. К. Случевского // Из истории русской литературы. Чебоксары, 1992. С. 105.

[74] Цит. по: *Мазур Т. П.* Случевский... (приложение). С. 207.

[75] Исключение составляет статья В. Перельмутера «Меж двух эпох» (Случевский К. К. Стихотворения. М., 1983. С. 11).

[76] *Аксаков И. С.* Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886. С. 300.

[77] *Бальмонт К. Д.* Горные вершины. М., 1904. С. 83.

[78] Письмо к Случевскому от 14 февраля 1902 г. (ГИМ. Ф. 359. № 22. Л. 9).

[79] Слова Тургенева из письма к Случевскому от 26 декабря 1860 г. (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960—1968. Т. 4. С. 174).

[80] Эти близкие символистам мотивы были отмечены Д. Чижевским (см. его предисловие в: *Случевский К. К.* Забытые стихотворения. München, 1968. С. 14—15).

[81] *Брюсов В. Я.* Истины: (Начала и намеки) // Северные цветы на 1901 г. М., 1901. С. 195.

[82] *Брюсов В. Я.* Поэт противоречий. К. Случевский // Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. С. 231.

[83] *Брюсов В. Я.* Истины: (Начала и намеки) // Северные цветы на 1901 г. М., 1901. С. 191.

[84] *Зеньковский С. А.* Традиция романтизма в творчестве Константина Случевского // American contribution to the 7-th international congress of slavists. Vol. 2. Warszawa, 1973. P. 572.

[85] *Ермилова Е. В.* К. К. Случевский // Случевский К. К. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1988. С. 5.

[86] Письмо к В. П. Буренину от 11 апреля 1880 г. (ИРЛИ. Ф. 36. Оп. 2. № 427. Л. 1—2).

[87] Об истоках образа «перевернутого» растения см. примечания к стихотворению «Неуловимое» (№ 1).

[88] *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1878—1896. Т. 1. С. XLII.

[89] В какой-то мере это коррелирует и с метрическим репертуаром Случевского, где тяжелые шестистопные ямбы и «некрасовские» дактили «уживаются» с легкими «пушкинскими» четырехстопными ямбами и хореями.

[90] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. XLII.

[91] Письмо к А. А. Луговому от 18 мая 1900 г. (ИРЛИ, 7316/XLIIIб-14. Л. 63).

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ В «СОЧИНЕНИЯ» 1898 г.

ДУМЫ

1. НЕУЛОВИМОЕ

Неуловимое порою уловимо,
Как ветер, как роса, как звук или кристалл!
Всё уловимое скорей проходит мимо,
Чем чувство, мысль, мечта, сомненье, идеал!

Бог создал не один, а два великих мира:
Мир, видимый для нас, весь в красках и чертах,
Мир тяготения! От камня до эфира
Он — в подчинении, в бессилье и в цепях...

Но подле мир другой! Из мысли человека
От века рóжденный, он, что ни день, растет!
Для мысли дебрей нет, и ей везде просека,
И тяготения она не признает.

В ней мощь нетления! Повсюду проступая,
Мысль свой особый мир в подлунной создала,
И в нем она вершит, мысль Бога воплощая, —
Нерукотворные и вечные дела!

Она порой грешит, смутясь в исканье хлеба...
А всё же, кажется, что в недра душ людских,
В нас корни некие спускаются от неба,
Свидетели судеб и сил совсем иных.

2. НЕВМЕНЯЕМОСТЬ

Есть в земном творении облики незримые,
Глазу незаметные, чудеса творящие,
Страшно ненавистные, горячо любимые,
Целый мир обманчивый в этот мир вносящие.

В жизни человеческой, в важные мгновения,
Облики незримые вдруг обозначаются,

В обаянье подвига, в злобе преступления
Нежданно, негаданно духом прозреваются.

С ними всё незримое видимым становится,
В гробовом молчании разговоры слышатся,
Что-то небывалое в жизнь вступить готовится,
Все основы мыслей, как тростник, колышатся...

Человек решается... и в его решении
Мир несуществующий в обликах присутствует,
Он зовет на подвиги, тянет к преступлению,
И совсем по-своему вразумив — напутствует...

3. УСТАЛОСТЬ

Не сын, но пасынок, есть чувство в нас одно,
Забыто бедное, обижено оно,
Невзрачным именем — усталостью зовут...
То чувство, иногда, след нескольких минут,
Но, чаще, грузный плод тяжелых, долгих дней...
Под гнетом множества испытанных скорбей,
За потрясеньями измученной души
Из ненарушенной святой ее тиши,
Из сокровеннейших и темных уголков,
Из незамеченных до срока тайников
Души страдающей, на свет пробьется вдруг
Для неожиданных и дорогих услуг
Усталость и гласит: «Покончен долгий путь,
Ты сделал всё, что мог, а дальше — будь что будь!»

4. ПРОСТОТА

Мелкие силы сердечных движений, —
Сколько ненужных, безумных, смешных?
Из неисчисленных в сердце стремлений
Зреет любой из поступков людских.

Прежних мытарств на себе не являя,
Кажется нам он так ясен, так прост;
Жизнь, нам сдается, задача простая,
А проследите — мучительный рост?

Сколько хороших людей возникало?
Сколько погибло в напрасной борьбе?

С тем только жило и с тем умирало,
Чтоб не помочь ни другим, ни себе!

5. НАС ДВОЕ

Никогда, нигде один я не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый — это я, каким я стал на вид,
А другой — то я мечты моей.

И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери — другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придет — во сне всё тот же бой.

Потому-то вот, что двое нас — нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится — другой
Рад в чем может только б досадить!

6

Когда бы, как-нибудь, для нас возможным стало
Вдруг сблизить то, что в жизни возникало
На расстояньях многих-многих лет —
При дикой красоте негаданных сближений
Для многих чувств хотелось бы прощений...
Прощенья нет, но и забвенья нет.

Вот отчего всегда, везде необходимо
Прощать других... Для них проходит мимо
То, что для нас давным-давно прошло,
Что было куплено большим, большим страданьем,
Что стало ложью, бывши упованьем,
Явилось светлым, темным отошло...

7

Когда тяжелая истома сердце давит,
Мечтаем: скоро ль смерть нас призовет ко сну,

Жизнь новых прелестей пред очи не поставит,
Поставив, наконец, последнюю, одну...

Некрополь наша жизнь! Что день, то годовщина
Каких-нибудь скорбей, каких-нибудь утрат,
Тоска, отчаянье, сомненье, боль, кручина...
Взглянуть не хочется, обидно бросить взгляд.

И вот, отрезвлены к концу существований,
Уносим мы с собой все скорбные листы,
Чтобы сказать: «Господь! Ты знаешь смысл деяний —
Их не простили здесь, а там простишь ли Ты?»

8

Да, я устал, устал, и сердце стеснено!
О, если б кончить как-нибудь скорее!
Актер, актер... Как глупо, как смешно!
И что ни день, то хуже и смешнее!
И так меня мучительно гнетут
И мыслей чад, и жажда снов прошедших,
И одиночество... Спроси у сумасшедших,
Спроси у них — они меня поймут!

9. МЫ — СТОИКИ

Да, смерть нам не страшна, мы это знаем;
Мы каждый день немного обмираем.
Слабеют чувства, ясность мысль теряет,
Надежды гибнут, вера погасает,
И эту правду вечных погасаний
Того, что кем-то, как-то зажжено,
Мы величаем именем призваний...
    Смешно!

10

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А, может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались, —
Обманутая жизнь — не даст вам ничего!

11. В ЛАБОРАТОРИИ

Из темноты углов ее молчащих,
И из приборов, всюду видных в ней,
Из книг ученых, по шкапам стоящих,
Не вызвать в жизнь ни духов, ни теней!
Сквозь ряд машин, вдоль проволок привода,
Духовный мир являться не дерзнет,
И светлый сильф в объятьях кислорода
В соединенье новом пропадет...
О, сколько правды в мертвенности этой!
Но главный вывод безответно скрыт!
Воображение — бред мысли подогретой,
Зачем молчишь ты и душа молчит?
Лги, лги, мечта, под видом убежденья —
Не всё в природе цифры и паи,
Мир чувств не раб законов тяготенья,
И у мечты законы есть свои;
Им власть дана, чтоб им вослед пробились
Иных начал живучие струи,
Чтоб живы стали и зашевелились
Все эти цифры, меры и паи...

12. ФОРМЫ И ПРОФИЛИ

Как много очерков в природе? Сколько их?
От темных недр земли до края небосклона,
От дней гранитов и осадков меловых
До мысли Дарвина и до его закона!

Как много профилей проходит в облаках,
В живой игре теней и всяких освещений;
Каких нет очерков в моллюсках и цветах,
В обличиях людей, народов, поколений?

А сказки снов людских? А грезы всяких свойств
Болезней и смертей? А бред галлюцината?
Виденья мрачные психических расстройств, —
Все братья младшие в груди большого брата!

А в творчестве людском? О нет! Не оглянуть
Всех типов созданных и тех, что народятся;
Людское творчество — как в небе млечный путь:
В нем новые миры без устали родятся!

Миры особые в одном большом миру!
А всё прошедшее, всё, что ушло в былое...
Да, бесконечности одной не по нутру
Скоплять всё мертвое и сохранять живое.

Ей, бесконечности, одной не совладать
С великой дробностью такого содержанья,
Когда бы в помощь ей бессмертья не придать
И неустанного, тупого ожиданья.

Но что мудренее всего, так это — то,
Что ни в одной из форм нет столько хлебосольства,
Чтоб в ней сказалися свобода, мир, довольство!..
И счастья полного не обретал никто!

13. В БОЛЬНИЦЕ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ

Еще один усталый ум погас...
Бедняк играет глупыми словами...
Смеется!.. Это он осмеивает нас,
Как в дни былые был осмеян нами.

Слеза мирская в людях велика!
Велик и смех... Безумные плодятся...
О, берегитесь вы, кому так жизнь легка,
Чтобы с безумцем вам не побрататься!

Чтоб тот же мрак не опустился в вас;
Он ближе к нам, чем кажется порою...
Да кто ж, поистине, скажите, кто из нас
За долгий срок не потемнел душою?

14. LUX AETERNA[1]

Когда свет месяца бесстрастно озаряет
Заснувший ночью мир и всё, что в нем живет,
Порою кажется, что свет тот проникает
К нам, в отошедший мир, как под могильный свод.

И мнится при луне, что мир наш — мир загробный,
Что где-то, до того, когда-то, жили мы,
Что мы — не мы, послед других существ, подобный
Жильцам безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы снуем по ней какими-то тенями,
Чужды грядущему и прошлое забыв,
В дремоте тягостной, охваченные снами,
Не жизнь — но право жить — как будто сохранив...

15. ЗАРЯ ВО ВСЮ НОЧЬ

Да, ночью летнею, когда заря с зарею
Соприкасаются, сойдясь одна с другою,
С особой ясностью на памяти моей
Встает прошедшее давно прожитых дней...
Обычный ход от детства в возмужалость;
Ненужный груз другим и ничего себе;
Жизнь силы и надежд, сведенная на шалость,
В самодовольной и тупой борьбе;
Громадность замыслов какой-то новой славы, —
Игра лучей в граненых хрусталях;
Успехов ранних острые отравы,
И смелость бурная, и непонятный страх...

Бой с призраками кончен. Жизнь полна.
В ней было всё: ошибки и паденья,
И чад страстей, и обаянье сна,
И слезы горькие больного вдохновенья,
И жертвы, жертвы... На могилах их
Смириться разве? — но смириться больно,
И жалко мне себя, и жалко сил былых...
Не бросить ли всё, всё, сказав всему: довольно!

---

[1] Вечный свет (лат.). — *Ред.*

И, успокоившись, по торному пути,
Склонивши голову, почтительно пройти?

А там? — А там смотреть с уменьем знатока,
Смотреть художником на верность исполненья,
Как истязаются, как гибнут поколенья, —
Как жить им хочется, как бедным смерть тяжка, —
И поощрять детей в возможности успеха
Тяжелой хрипотой надтреснутого смеха!..

16. В КИЕВЕ НОЧЬЮ

Спит пращур городов! А я с горы высокой
Смотрю на очерки блестящих куполов,
Стремящихся к звездам над уровнем домов,
Под сенью темною, лазурной и стоокой.
    И Днепр уносится... Его не слышу я, —
    За далью не шумит блестящая струя.

О, нет! Не месяц здесь живой красе причина!
Когда бы волю дать серебряным лучам
Скользить в безбрежности по темным небесам,
Ты не явилась бы, чудесная картина,
    И разбежались бы безмолвные лучи,
    Чтоб сгинуть, потонуть в неведомой ночи.

Но там, где им в пути на землю пасть случилось,
Чтобы светить на то, что в тягостной борьбе,
Так или иначе, наперекор судьбе,
Бог ведает зачем, составилось, сложилось —
    Иное тем лучам значение иметь:
    В них мысль затеплилась! Ей пламенем гореть!

Суть в созданном людьми, их тяжкими трудами,
В каменьях, не в лучах, играющих на них,
Суть в исчезаньи сил, когда-то столь живых,
Сил, возникающих и гибнущих волнами, —
    А кроткий месяц тут, конечно, ни при чем
    С его бессмысленным, серебряным лучом.

17

Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед,
И то, что сделано, то сделать было нужно.

Шумит, работает, надеется народ;
Их мелочь радует, им помнить недосужно...

А всё же холодно и пусто так кругом,
И жизнь свершается каким-то смутным сном,
И чуется сквозь шум великого движенья
Какой-то мертвый гнет большого запустенья;

Пугает вечный шум безумной толчеи
Успехов гибнущих, ненужных начинаний
Людей, ошибшихся в избрании призваний,
Существ, исчезнувших, как на реке струи...

Но не обманчиво ль то чувство запустенья?
Быть может, устают, как люди, поколенья,
И жизнь молчит тогда в каком-то забытьи.
Она, родильница, встречает боль слезами
И ловит бледными, холодными губами
Живого воздуха ленивые струи,
Чтобы, заслышав крик рожденного созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

18. НА ПУБЛИЧНОМ ЧТЕНИИ

Когда великий ум в час смерти погасает,
Он за собою вслед потомству оставляет,
Помимо всяких дел, еще и облик свой,
Каким он в жизни стал за долгою борьбой...
И вот к нему тогда радетели подходят,
И, уверяя всех, что память мертвых чтут,
В душе погаснувшей с фонариками бродят,
По сокровеннейшим мечтам ее снуют, —
В догадках, вымыслах и выводах мудреных
Кощунствуют при всех и, на правах ученых,
В любезном чаянье различных благостынь
Немытою рукой касаются святынь...

19

Я задумался и — одинок остался;
Полюбил и — жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и — пламя степь спалило;
Плакал я и — василиски нарождались.

Стал молиться я — пошли по степи тени;
Стал надеяться и — свет небес погаснул;
Проклял я — застыло сердце в страхе;
Я заснул — но не нашел во сне покоя...

Усомнился я — заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

20. БУДУЩИМ МОГИКАНАМ

Да, мы, смирясь, молчим... в конце концов —
бесспорно!..
Юродствующий век проходит над землей,
Он развивает ум старательно, упорно,
И надсмехается над чувством и душой.

Ну, что ж? Положим так, что вовсе не позорно
Молчать сознательно, но заодно с толпой;
В весельи чувственности сытой и шальной
Засмеивать печаль и шествовать покорно!

Толпа всегда толпа! В толпе себя не видно;
В могилу заодно сойти с ней не обидно;
Но каково-то тем, кому судьба — стареть,

И ждать, как подрастут иные поколенья
И окружат собой их, ждущих отпущенья,
Последних могикан, забывших умереть!

21. DIES IRAE[1]

Нередко в сердце боль слышна...
Боль эта — выраженье связи
Души и тела! Сплетена,
Как буквы строк славянской вязи.
Та связь, те боли в сердце — плод
Душой испытанных невзгод:
Душа на тело повлияла!

[1] День гнева (*лат.*) — *Ред.*

И вот, когда, как то бывало
В давно забывшуюся старь,
В гирлянде свежих роз ступая,
Шла жертва Богу пред алтарь.
Жрец говорил жрецу: «Ударь!»
И жертва, очи закрывая,
Кончалась... Так любой из нас
Предстанет жертвой в некий час,
В гирляндах всех своих страданий,
И смерть, как стародавний жрец,
Ударит в сердце наконец.

22. ЕЩЕ УДАР

Еще удар судьбы... Хотя оно и грустно,
Но этот всех других решительней, сильней,
Он неожидан был, он нанесен искусно
Рукою близкого, и оттого больней!
И грудь уже не та, как некогда бывало, —
Года осилили и жизнь вконец измяла!

А все же кажется и верится подчас,
Что в этой гру́ди есть остатков сил не мало,
Что будто этих сил, хоть бы в последний раз,
Хоть на один порыв, но все же бы достало...
Так, говорят, поверженный в бою
Глазами тусклыми и видом угрожает,
Сжимает крепко длань, вздымает грудь свою, —
Но эту грудь не вздох, а тленье поднимает.

23

Кто вам сказал, что ровно половина
Земли, та именно, что в ночь погружена,
Где темнота царит, где звезды светят зримо,
Вся отдана успокоенью сна?
    Бессонных множество! Смеясь, или кляня,
    Они проводят в ночь живую ярость дня!
Кто вам сказал, что ровно половина
Земли вертящейся объята светлым днем?
А все образчики классической дремоты,
Умов охваченных каким-то столбняком?
    Нет! Полон день земли, в котором бьемся мы,
    Духовной полночью, смущающей умы.

24. ЖИВЫЕ ПУСТЫНИ

Ясно лазурное небо полудня! И как ни гляди —
Все ничего не увидишь, и все пустота впереди...
А, между тем, это небо великою жизнью полно!
Чуть только вечер наступит и станет немного темно, —
Звезд очертанья бесшумно встают, продвигаются в тьму,
Есть что увидеть тогда, есть за что ухватиться уму!
И оживают, горят мировые пустыни пространств
Мощной, особою жизнью пылающих ярко убранств...

Так-то бывает и в жизни. Свет жизни, весь полон теней,
Много чудесных явлений как будто скрывается в ней,
Нам, из-за множества обликов, трудно, нельзя отличить
То, чем прекрасна она, что достойно действительно жить!
Надо, чтоб тьма опустилась. Какая? Не все ли равно!
Тьма ли могилы, тьма времени?! — Только бы стало темно...
И проступают тогда, разгораясь в коронах лучей,
Ярко, на дниво нежданно прозревших очей,
Целые сферы красот бесконечно живых,
Чтобы безмолвно светить в ночь деяний людских...

25. ДВЕ МОЛИТВЫ

Молитва Ариев древней других! Она,
Тончайшей плотью слов облечена,
Дошла до нас. В ней просит человек,
Чтоб солнце в засуху не выпивало рек,
Чтоб умножалися приплодами стада,
Чтоб червь не подточил созревшего плода,
Чтобы огонь не пожирал жилищ,
Чтоб не был человек болезнен, слаб и нищ!

Какая детская в молитве простота!
Когда сравнишь ее с молитвою Христа,
Поймешь: как много зла на жизненном пути
По человечеству должно было взрасти,
Чтобы оно могло понять и оценить —
Божественную мысль, мысль новую... простить!

26

Где только крик какой раздастся иль стенанье —
Не всё ли то равно: родной или чужой —

Туда влечет меня неясное призванье
Быть утешителем, товарищем, слугой!

Там ищут помощи, там нужно утешенье,
На пиршестве тоски, на шабаше скорбей,
Там страждет человек, один во всем творенье,
Крушась сознательно в волнении зыбей!

Он делает круги в струя́х водоворота,
Бессильный выбраться из бездны роковой,
Без права на столбняк, на глупость идиота,
И без виновности своей или чужой!

Ему дан ум на то, чтоб понимать крушенье,
Чтоб обобщать умом печали всех людей
И чтоб иметь свое, особенное мненье,
При виде гибели, чужой или своей!

27

Скажите дереву: ты перестань расти,
Не оживай к весне листами молодыми,
Алмазами росы на солнце не блести
И птиц не осеняй с их песнями живыми;

Ты не пускай в земле питательных корней,
Их нежной белизне не спорить с вечной тьмою...
Взгляни на кладбище кругом гниющих пней,
На сушь валежника с умершею листвою.

Всё это, были дни, взрастало, как и ты,
Стремилось в пышный цвет, и зрелый плод давало,
Ютило песни птиц, глядело на цветы,
И было счастливо, и счастья ожидало.

Умри! Не сто́ит жить! Подумай и завянь!
Но дерево растет, призванье совершая;
Зачем же людям, нам, дано нарушить грань
И жизнь свою прервать, цветенья не желая?

28

Где только есть земля, в которой нас зароют,
Где в небе облака свои узоры ткут,

В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,
И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобен, и суров,
То всё же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как, друг за дружкою, то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казалися ясней, —
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

29. В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

За стеклами шкапов виднеются костюмы;
Пращи и палицы и стрелы дикарей,
Ряд масок с перьями, с хвостами льва и пумы,
С клыками, с камнями в отверстиях очей!

Большие чучела в смешных вооруженьях,
Ежи какие-то от головы до пят,
Рассчитаны на то, чтобы пугать в сраженьях, —
Совсем стесняющий и пресмешной наряд.

Что ж? Разница не то, чтобы совсем большая:
Такое пугало в колючках и ножах —
И страны целые, от края и до края
Одетые в металл, все в пушках и штыках?

Там — человек один; здесь — целые народы,
Себе и всем другим мешающие жить...
Но что же за шкапы им нужно, что за своды,
Чтобы, со временем, в музеи разместить?

30. ГОЛОВА РОБЕСПЬЕРА

На полках одного из множества музеев
Заметен длинный ряд голов больших злодеев,

Убийц, разбойников, внушавших людям страх,
И успокоившихся в петлях, на кострах.
Пестро раскрашенные лица восковые
Глядят из-под стекла как будто бы живые,
И веет холодом и затхлостью гробов
От блещущих очей и выкрашенных лбов.

Но между тех голов, и лысых, и косматых,
Безусых стариков и женщин бородатых,
Как будто в чуждую среду занесена,
Заметнее других покоится одна.
Скула и челюсти жестоко перебиты,
Но зоркие глаза бестрепетно открыты,
В них неожиданный, негаданный покой:
Глядят — удивлены, познавши мир иной...

Нет, не разбойник ты! Ты кровью обливался
За то, что новый склад судеб тебе мечтался,
И ты отравлен был чудовищной мечтой
С ее безжалостной ужасной простотой —
Но силой этой же чудовищной мечты,
Сказавшейся в другом, в свой срок погиб и ты.

31

Край лишенный живой красоты,
В нем намеки одни, да черты,
Все неясно в нем, полно теней,
Начиная от самых людей;
Если плачут — печаль их мелка,
Если любят — так любят слегка,
Вял и медлен неискренний труд,
Склад всей жизни изношен и худ,
Вечно смутен, тревожен их взгляд,
Все, как будто, о чем-то молчат...
Откровенной улыбки в них нет,
Ласки странны, двусмыслен совет...
Эта бледность породы людской
Родилась из природы самой:
Цепи мелких, пологих холмов,
Неприветные дебри лесов,
Реки, льющие волны сквозь сон,
Вечно серый, сырой небосклон...
Тяжкий холод суровой зимы,
Дни, бессильные выйти из тьмы,

Гладь немая безбрежных равнин —
Ряд неконченных кем-то картин...
Кто-то думал о них, рисовал,
Бросил кисти и сам задремал...

32. НА СУДОГОВОРЕНЬЕ

Там, круглый год, почти всегда,
В угрюмом здании суда,
Когда вершить приходит суд,
Картины грустные встают;
Встают одна вослед другой,
С неудержимой быстротой,
Из мыслей, слов и дел людских,
В чертах, до ужаса живых...

И не один уж ряд имен
В синодик скорбный занесен,
И не с преступников одних
Спадают вдруг личины их:
Простой свидетель, иногда,
Важней судимых и суда;
Важней обоих их, порой,
Мы сами, в общем, всей толпой!

Но в грудах всяких, всяких дел,
Подлогов, взломов, мертвых тел,
Бессильной воли, злых умов,
Уродства чувств и фальши слов,
И бесконечных верениц
Холодных душ и нервных лиц, —
Заметна общая черта:
Незрелой мысли пустота!

33. ВОПЛОЩЕНИЕ ЗЛА

Читали ль вы когда, как Достоевский страждет,
Как в изученьи зла запутался Толстой?
По людям пустозвон, а жизнь решений жаждет,
Мышленье блудствует, безжалостен закон...
Сплелись для нас в венцы блаженства и мученья,
Под осененьем их дают морщины лбы;
Как зримый признак их, свой венчик отпущенья

Уносим мы с собой в безмолвные гробы.
Весь смутный бред страстей, вся тягота угара,
Весь жар открытых ран, все ужасы, вся боль —
В могилах гасятся... Могилы — след пожара —
Они, в конце концов, счастливая юдоль!

А все же надобно бороться, силы множить,
И если зла нельзя повсюду побороть,
То властен человек сознательно тревожить
Его заразную, губительную плоть.
Пуская мысль на мысль, деянье на деянье,
В борьбе на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
Ведь церковь Божия, вещая покаянье,
Не отрицает прав возмездья и борьбы.

Зло не фантастика, не миф, не отвлеченность!
Добро — не звук пустой, не призрак, не мечта!
Все древле — бывшее, вся наша современность
Полна их битвами и кровью залита.
Ни взвесить на весах, ни сделать измеренья
Добра и зла — нельзя, на то нет средств и сил.
Забавно прибегать к чертам изображенья;
Зачем тут — когти, хвост, Молох, Сатаниил?
Легенда древняя зло всячески писала,
По-своему его изображал народ,
Испуганная мысль зло в темноте искала,
В извивах пламени и в недрах туч и вод.
Зачем тут видимость, зачем тут воплощенья,
Явленья демонов, где медленно, где вдруг —
Когда в природе всей смысл каждого движенья —
Явленье зла, страданье, боль, испуг...
И даже чистых дум чистейшие порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,
И кажутся добры, приветливы, красивы
Все ухищрения, все козни сатаны.

Как света луч, как мысль, как смерть, как тяготенье,
Как холод и тепло, как жизнь цветка, как звук —
Зло несомненно есть. Свидетель — все творенье!
Тут временный пробел в могуществе наук:
Они покажут зло когда-нибудь на деле...
Но был бы человек и жалок, и смешон,
Признав тот облик зла, что некогда воспели
Дант, Мильтон, Лермонтов и Гете, и Байрон!

Меняются года, мечты, народы, лица,
Но вся земная жизнь, все, все ее судьбы —

Одна, единая, мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и следствий той борьбы!
На Патмосе, в свой день, великое виденье
Один, из всех людей, воочию видал —
Борьбы добра и зла живое напряженье...
Пал ниц... но — призванный писать — живописал!

34. В КОСТЕЛЕ

Толпа в костеле молча разместилась.
Гудел орган, шла мощная кантата,
Трубили трубы, с канцеля светилось
Седое темя толстого прелата;
Стуча о плиты тяжкой булавою
Ходил швейцар в галунном, красном платье;
Над алтарем, высоко над стеною,
В тени виднелось Рубенса «Распятье»...

Картина ценная лишь по частям видна:
Христос, с черневшей раной прободенья,
Едва виднелся в облаке куренья;
Ясней всего блистали с полотна
Бока коня со всадником усатым,
Ярлык над старцем бородатым
И полногрудая жена...

35. НА РАУТЕ

Людишки чахлые, — почти любой с изъяном!
Одно им нужно: жить и не тужить!
Тут мальчик-с-пальчик был бы великаном,
Когда б их по уму и силе чувств сравнить.
А между тем, всё то, что тешит взоры,
Всё это держится усильями подпор:
Не дом стоит — стоят его подпоры;
Его прошедшее — насмешка и позор!
И может это всё в одно мгновенье сгинуть,
Упорно держится Бог ведает на чем!
Не молотом хватить, — на биржу вексель кинуть —
И он развалится, блестящий, старый дом...

36. В ТЕАТРЕ

Они тень Гамлета из гроба вызывают,
Маркиза Позы речь на музыку кладут,
Христа Спасителя для сцены сочиняют,
И будет петь Христос так, как и те поют.

Уродов буффонад с хвостатыми телами,
Одетых в бабочек и в овощи земли,
Кривых подагриков с наростами, с горбами
Они на Божий свет, состряпав, извлекли.

Больной фантазии больные порожденья,
Одно других пошлей, одно других срамней,
Явились в мир искусств плодами истощенья
Когда-то здравых сил пролгавшихся людей.

Толпа валит смотреть. Причиною понятной
Все эти пошлости нетрудно объяснить:
Толпа, в нелепости, как море необъятной,
Нелепость жизни жаждет позабыть.

37

Да, трудно избежать для множества людей
Влиянья творчеством отмеченных идей,
Влиянья Рудиных, Раскольниковых, Чацких,
Обломовых! Гнетут!.. Не тот же ль гнет цепей,
Но только умственных, совсем не тяжких, братских...
Художник выкроил из жизни силуэт;
Он, собственно, ничто, его в природе нет!
Но слабый человек, без долгих размышлений,
Берет готовыми итоги чуждых мнений,
А мнениям своим нет места прорасти, —
Как паутиною все затканы пути
Простых, не ломанных, здоровых заключений,
И над умом его — что день, то гуще тьма
Созданий мощного, не своего ума...

ЖЕНЩИНА И ДЕТИ

38

Словно как лебеди белые
Дремлют и очи сомкнули,
Тихо качаясь над озером, —
Так ее чувства уснули...

Словно как лотосы нежные,
Лики сокрыв восковые,
Спят над глубокой пучиною, —
Грезы ее молодые...

Вы просыпайтеся, лебеди,
Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте же, лотосы,
Вашу красу восковую!

В небе заря, утро красное...
Здесь я... и жду пробужденья,
Светом любви озаряемый
В тихой мольбе песнопенья.

39. ПЕСНЯ ЛУННОГО ЛУЧА

Светлой искоркой в окошко
Месяц к девушке глядит...
«Отвори окно немножко», —
Месяц тихо говорит.

«Дай прилечь вдоль белых складок
Гостю, лунному лучу,
Верь мне: всё придет в порядок,
Чуть над сердцем посвечу!

Успокою все сомненья,
Всю печаль заговорю,

Все мечты, все помышленья,
Даже сны посеребрю!

Что увижу, что замечу,
Я и звездам не шепну,
И вернусь к заре навстречу,
Побледневши, на луну...»

40

Будто месяц с шатра голубого,
Ты мне в душу глядишь, как в ручей...
Он струится, журча бестолково
В чистом золоте горних лучей.

Искры блещут, что риза живая...
Как был темен и мрачен родник —
Как зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущий лик!..

41

О, если б мне хоть только отраженье,
Хоть слабый свет твоих чудесных снов,
Мне засветило б в сердце вдохновенье,
Взошла заря над теменью годов!

В струях отзвучий ярких песнопений,
В живой любви с тобой объединен,
Как мысль, как дух, как бестелесный гений,
От жизни взят — я перешел бы в сон!

42

Тебе обязан я святою тишиной,
Столь непривычною душе моей больной;
Тобой единою вся эта тишина
Мне незаслуженно, как Божий дар, дана.

И если ангелы, чтоб на землю сойти,
Имеют тихие, заветные пути, —

Я верю, чувствую, — я сознавал не раз:
Они, незримые, проходят возле нас.

43

Погас заката золотистый трепет...
Звезда вечерняя глядит из облаков...
Лесной ручей усилил робкий лепет
И шепот слышится от темных берегов!

Недолго ждать, и станет ночь темнее,
Зажжется длинный ряд всех, всех ее лампад,
И мир заснет... Предстань тогда скорее!
Пусть мы безумные... Пускай лобзанья — яд!

44

Ты нежней голубки белокрылой,
Ты — рубин блестящий, огневой!
Бедный дух мой, столько лет унылый,
Краской жизни рдеет пред тобой.

В тихом свете кроткого сиянья,
Давних дней в прозрачной глубине,
Возникают снова очертанья
Прежних чувств, роившихся во мне.

Можно ль верить — верить ум не смеет! —
Будто этот наших чувств расцвет, —
Будет день, — пройдет и побледнеет,
Погрузившись в мертвый холод лет.

45

Из под тенистого куста
С подстилкой моховою,
Фиалок темных я нарвал,
Увла́жненных росою!

Принес к тебе их! С лепестков
Прохладой ночи веет...
Твой добрый взгляд, твой милый взгляд
Их теменью темнеет!

46

Чуть прохожу я у окошка,
В нем замечаю каждый раз
Из-за гераней и горошка
Живую пару черных глаз.

И я напрасно жду ответа,
И не пойму я: что прочней —
Наряд цветов в разгаре лета,
Иль этот жгучий блеск очей?

47

Когда, приветливо и весело ласкаясь,
Глазами, полными небесного огня,
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющего в забытьи меня —

Струи младенческого, свежего дыханья
Лицо горячее мне нежно холодят,
И, сквозь виденья сна и в шепоте молчанья,
Сердца в обоих нас так медленно стучат —

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь мир, прошедшее, смысл завтрашнего дня,
Мечту и мысль... О, заслони ты ею
Меня, мой друг, от самого меня...

48

Ты сидела со мной у окна.
Все дома в темноте потонули.
Вдруг, глядим: заалела стена,
Искры света по окнам мелькнули.

Видим: факелы тащат, гербы,
Ордена на подушках с кистями,
В мрачных ризах шагают попы
И чернеют в огнях клобуками;

Дроги, гроб! И от гроба в огне
Будто зарево нас освещало...
Ты так быстро склонилась ко мне,
Жить желая, во что бы ни стало!

49

Я люблю тебя, люблю неудержимо,
Я стремлюсь к тебе всей, всей моей душой!
Сердцу кажется, что мир проходит мимо,
Нет, не он идет — проходим мы с тобой.

Жизнь, сближая этих, этих разлучая,
Шутит с юностью нередко невпопад!
Если искреннее обниму тебя я —
Может быть, что нас тогда не разлучат...

50

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!

51

Люблю я тихую задумчивость мою,
Недавно купленную тяжкою ценою:
То, что тебя, мой друг, признал я за свою,
Сказалося во мне глубокою тоскою,

И мой веселый смех безвременно затих...
Но, верь, голубка, верь, клянусь, что не возьму я,
За лживость твоего живого поцелуя
Всей правды мертвенной уст скромных, но других!

52

Нет меня при тебе, когда в светлом окне
Мой цветок распускается цветом своим,
И из всех лепестков, отвечая весне,
Льет живой аромат под дыханьем твоим,
И ты помнишь меня, и ты дышишь над ним!

Нет меня при тебе, когда в темном углу
Ждет гитара моя, временами звеня;
Ты поешь, пропуская по ткани иглу.
Песню я сочинил, и ты слышишь меня!
Это я при тебе в замирании дня...

53. НЕВЕСТА

В пышном гробе меня разукрасили, —
А уж я ли красой не цвела?
Восковыми свечами обставили, —
Я и так бесконечно светла!

Медью темной глаза придавили мне, —
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мне не забилося, —
Образочком его нагнели!

Чтоб случайно чего не сказала я, —
Краткий срок положили — три дня!
И цветами могилу засыпали,
И цветы придушили меня...

54

Я поставил свечу перед образом...
Наклонилась и быстро горит!..

Иль рука та, что ставила, дрогнула?
Каплет воск и, как слезы, бежит!

Иль сказалась молитва не искренно?
Иль любить не умею сполна?!..
Погасил я свечу перед образом...
Пусть не плачет так жарко она...

55

Когда я в полночь замечаю
Тебя на блещущем лугу,
Молчу, дыханье замедляю
И наглядеться не могу.

И великó во мне сомненье,
Что светлых звезд шатер живой
Природы дивное явленье,
А не корона над тобой!

56

Принесите из ближних садов
Распустившихся зá ночь цветов
И пускай их роскошный наряд
Потешает девический взгляд
Блеском красок, игрой лепестков,
Вереницей мечтаний без слов...

Если ж ночь ее очи сомкнет,
Цвет цветов для нее пропадет,
Дух цветов, ароматов волна
Пусть проникнут в видения сна
И меня в этот сон золотой
Занесут с благодатной волной...

57

Я ласкаю тебя, как ласкается бор
Шумной бурею в темень одетой!
Налетает она, покидая простор,
На устах своих с песней запетой.

Песня бури сильна! Чуть в листву залетит —
Жизнь лесную до недр потрясает,
Рвет умершую ветвь, блеклый лист не щадит,
Всё отжившее наземь кидает...

И ты бурю за песню ее не кори,
Нет в ней злобы, любви к разрушенью:
Очищает прогалины краскам зари
И простор соловьиному пенью...

58

По шепоту глубокой тишины
Над нами ткут свои рисунки сны,
И все они на тот же самый лад
О счастьи мне, о светлом говорят.

Поведай мне, словечко оброни:
Такие ли и у тебя они,
Не тот же ли чуть слышный сердца бой
Рисует их в мечте и над тобой?

Что видишь в них, что жаждешь увидать?
Могу ли я вослед тебе мечтать?
Какая ночь волшебной тишины!..
О говори же мне скорей: что шепчут сны?

59. РАЗЛУКА

Ты понимаешь ли последнее прости?
Мир целый рушится и новый возникает...
Найдутся ль в новом светлые пути?
Весь в неизвестности лежит он и пугает.
Жизнь будет ли сильна настолько, чтоб опять
Дохнуть живым теплом мне в душу ледяную?
Иль, может быть, начав, как прежде, обожать,
Я обманусь, принявши грезу злую
За правду и начав вновь верить, вновь мечтать
О чудной красоте своих же измышлений.
Почту огнем молитвенных стремлений
Ряд пестрых вымыслов, нисколько не святых,
И этим вызову насмешку уст твоих?

60

Не погасай хоть ты, — ты, пламя золотое, —
Любви негаданной последний огонек!
Ночь жизни так темна, покрыла всё земное,
Всё пусто, всё мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильней любви сиянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне всё равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, — не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет...
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь — мечта,
Как тысячи других мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

61

Весла спустив, мы катились, мечтая,
Сонной рекою по воле челна;
Наши подвижные тени, качая,
Спать собираясь, дробила волна.

Тени росли, удлиняясь к востоку,
Вышли на берег, на пашни, на лес —
И затерялись, незримые оку,
Где-то, должно быть, за краем небес.

Тени! Спасибо за то, что пропали!
Много бы вас разглядело людей;
Слишком бы много они увидали
В трепетных очерках этих теней...

62

Возьмите всё — не пожалею!
Но одного не дам я взять —
Того, как счастлив был я с нею,
Начав любить, начав страдать!

Любви роскошные страницы —
Их дважды в жизни не прочесть,
Как стае странствующей птицы
На то же взморье не присесть.

Другие волны, нарождаясь,
Дадут отлив других теней,
И будет солнце, опускаясь,
На целый, длинный год старей.

А птицам в сроки перелетов
Придется убыль понести,
Убавить путников со счетов
И растерять их по пути...

63. В БУРЮ

Я приехал к тебе по Леману;
И сердит, и взволнован Леман!
И оделись Савойские Альпы
В темно-серый, свинцовый туман.

В небесах разыгралася буря,
Из ущелий гудят голоса;
Опалил мне лицо мое ветер,
Растрепал он мои волоса...

И гуляли могучие волны,
Я над ними веселый скользил,
И с вершин их по пенистым скатам
Глубоко, глубоко уходил.

Буря шла и в тревожном величьи
Раздавить собиралась меня;
Только смерть от меня сторонилась —
Был я весел и полон огня.

И я верил, что мне не погибнуть,
Что я кончу назначенный путь,
Что я должен предстать пред тобою,
И нельзя мне, нельзя утонуть!

64

Вот она, моя дорога, —
В даль далекую манит...
Только — с ивой у порога,
Подле домик твой стоит.

Точно руки, простирает
Ива ветви вдоль пути
И пройти мне в даль мешает,
Чуть задумаю пройти.

Днем пытался — сил не хватит...
Ночью... Ночью я бы мог,
Да вот тут-то кто-то схватит
И поставит на порог.

Ну, и взмолишься у двери:
Ты пусти меня, пусти!
Ночь... разбойники и звери
Разгулялись на пути!

65. ИЗ ЧУЖОГО ПИСЬМА

Я пишу тебе, мой добрый, славный, милый,
Мой хороший, ненаглядный мой!
Скоро ль глянет час свиданья легкокрылый,
Возвратятся счастье и покой!

Иногда, когда кругом меня всё ясно,
Светлый вечер безмятежно тих,
Как бы я тебя к себе прижала страстно,
Ты, любимец светлых снов моих!

Мне хотелось бы, чтоб всё, что сознаю я,
Став звездой, с вечернею зарей
Понеслось к тебе, зажгло для поцелуя,
Так, как я зажглась теперь тобой!

Напиши ты мне, бывает ли с тобою,
Как со мной, не знаю отчего,
Я стремлюсь к тебе всей, всей моей душою,
Обнимаю я тебя всего...

Напиши скорее: я тебе нужна ли
Так, как ты мне? Но смотри не лги!
Рвешь ли письма, чтоб другие не читали?
Рви их мельче и скорее жги.

И теперь... Но нет, мой зов совсем напрасен;
Сердце бьется, а в глазах темно...
Вижу, почерк мой становится неясен...
Завтра утром допишу письмо...

66. ПРИДИ!

Дети спят. Замолкнул город шумный,
И лежит кругом по саду мгла!
О, теперь я счастлив, как безумный,
Тело бодро и душа светла.

Торопись, голубка! Ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

Спит залив, каким-то духом скован,
Ветра нет, в траве роса лежит;
Полный месяц, словно очарован,
Высоко и радостно дрожит.

В хрустале полуночного света
Сводом темным дремлет сад густой;
Мысль легка, и сердце ждет ответа!
Ты молчишь? Скажи мне, что с тобой?

Мы прочтем с тобой о Паризине,
Песней Гейне очаруем слух...
Верь, клянусь, я твой навек отныне;
Клятву дал я, и не дать мне двух.

Не бледней! Послушай, ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

67. ФИЛОСОФ

Милая, ты меня просишь,
Чтобы тебя посвящать
В тайны той темной науки,
Что я хотел изучать!

Слушай: какой-то философ,
Видно — большой лежебок,
Много поставил вопросов,
Ну и скончался в свой срок.

В книгах, объемом грозящих,
Бился старик о заклад:
Мир наш составлен из спящих,
Глазу незримых монад.

В лестнице сонной природы,
В мягких подушках песков,
Спят всех каменьев породы,
Спят — и не ведают снов;

Спят, как они, и растенья;
Только у них, иногда,
Реют и зреют виденья,
Не оставляя следа;

Резче, в рисунках бесплотных;
В грезах как будто живых,
Дремлет все царство животных,
Люди — яснее других!

Старец солгал, поучая:
Тот, кто — влюбленный — сидит,
С милою ночь коротая,
Тот, несомненно, не спит...

68

В костюме светлом Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завесью окна.

И маска на сторону сбилась;
Полуоткрыт поблекший рот...
Чего тем ртом не говорилось?
Теперь он в первый раз не лжет!

69

Во всей красе, на утре лет
Толпе ты кажешься виденьем!
Молчанье первым впечатленьем
Всегда идет тебе вослед!

Тебе дано в молчаньи этом
И в удивлении людей
Ходить, как блещущим кометам
В недвижных сферах из лучей.

И, как и всякая комета,
Смущая блеском новизны,
Ты мчишься мертвым комом света
Путем, лишенным прямизны!

70

В красоте своей долго старея,
Ты чаруешь людей до сих пор!
Хороши твои плечи и шея,
Увлекателен, быстр разговор.

Бездна вкуса в богатой одежде;
В обращеньи изящно-вольна!
Чем же быть ты должна была прежде,
Если ты и теперь так пышна?

В силу хроник, давно уж открытых,
Ты ходячий, живой мавзолей
Ряда целого слуг именитых,
Разорившихся в службе твоей!

И гляжу на тебя с уваженьем:
Ты финансовой силой была,
Капиталы снабдила движеньем
И, как воск, на огне извела!

Слышишь: поют по окрестности птицы;
Вдоль по дороге колеса стучат;
Ясно несется к нам в блеске денницы
Звук колокольчиков вышедших стад.

Видишь, как тень под древесною сенью
Кружевом ходит и быстро скользит...
Видишь: трава под подвижною тенью,
Тоже колышется, гнется, блестит!..

О, отвечай мне! В желаньях могучих
Сердце в груди так восторженно бьет!
Да! Под сиянием глаз твоих жгучих
Всеми цветами душа зацветет!

О, отвечай! И, забывши тревогу,
Так буду счастлив я с этого дня,
Так буду весел, что людям и Богу
Весело будет глядеть на меня!

72. К ПОРТРЕТУ ДЕВОЧКИ

Словно как рамочкой белых цветов окружило
Милую эту, живую головку дитяти!
Счастье весенней поры тут картинку сложило,
Всё в ней прелестно, разумно, на месте и кстати;
Дождик — шутник, — он принудил ребенка укрыться,
Солнце старательно светит, цветы озаряя,
Сами цветы, чуть успели поутру раскрыться,
Каждый, что личико, блещут под ласкою мая!

Лучше же всех их — ты, чуткое сердце людское,
Что отозваться на эту картинку пригодно,
Можешь подметить ее, отличить сквозь пустое,
Скучное шествие жизни и можешь свободно,
В шествии времени выбрав одно лишь мгновенье,
Силою творчества сделать мгновенье бессмертным,
В правде искусства поведав, что жизнь — не лишенье
Счастья и цвета, что радость возможна и смертным!

73. ОБЛИК ПЕСНИ

Ты запой, ребенок милый,
Песню... Как ее слова?
Ту, что, помнишь, мать певала,
Как была она жива.

Я той песни, славной песни,
Забываю склад и лад,
Ты же всю, малютка помнишь...
Пой, дитя, я слушать рад.

Пой, а я по синим глазкам
И по голосу — начну
Вспоминать, сзывать и строить
Золотую старину...

Пусть звучит, плывет и блещет
Из-за слез моих очей
По тебе, мой сиротинка,
Облик матери твоей!

74. ПАМЯТИ РЕБЕНКА

Ты ребенка в слезах схоронила!
Все считаешь своим, как он был!
Ты б могилку в себя приютила,
Чтоб и мертвый с тобою он жил.

Всю ее насаждаешь цветами,
Орошаешь горячей слезой;
А уйдешь, так уносишь с мечтами
Память мальчика всюду с собой!

Ты его самого так носила,
Раньше, прежде... И начал он жить...
Жил так мало... И ты схоронила,
Но не можешь вполне схоронить!

И берет меня грусть и сомненье,
И понять не могу: где у вас,
Мать и сын — происходит общенье,
Незаметное вовсе для глаз?

Как могли вы так искренно сжиться,
Так сплотиться в одно существо,
Что любви той ни гаснуть, ни скрыться,
И что мало ей — смерть одного...

75

Когда, дитя, передо мной
С игрушкой новой ты играешь
И, мысли следуя живой,
Ее внимательно ломаешь;

Когда смеешься — и блестит
Жемчужный ряд зубов молочных,
И мысль пытливая сквозит
В словах неясных и неточных;

Когда, покинувши детей,
И бросив куклу, — ручкой белой
Ты водишь по щеке моей,
Давно сухой и пожелтелой...

О, как же страшно мне порой,
С моей мечтой глубоко хмурой,
Прильнуть горячей головой
К твоей головке белокурой!

Боюсь за взгляд угрюмый мой!
Его на всех я поднимаю,
На всех, дитя... Перед тобой —
В безмолвном страхе опускаю...

76. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Ты засни, засни, моя милая,
Дай подушечку покачаю я,
Я головушку поддержу твою
И тебя, дитя, убаюкаю.

Тихий детский сон, ты прийди, сойди,
Наклонися к ней, не давя груди,
Не целуй до слез, не пугай дитя, —
Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнет, против воли гнет,
Вразумит тогда, как всего сомнет,
Зацелует в смерть, заласкает в бред
И, позвав цвести, не допустит в цвет...

Ночь темна, молчит, смотрит букою?!
Хорошо ли я так баюкаю?
Сон спасительный, сон голубчик мой,
Поскорей отца от дитяти скрой!..

77. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

О, неужели он, он — этот скарб и хлам
Надежд, по счастью для людей, отживших,
Больных страстей, так страшно говоривших,
Сил, устремлявшихся к позорнейшим делам, —
Вот этот человек, — таким же был когда-то,
Как этот сын его, прелестное дитя,
В котором грезами неведенья объято
Сознанье теплится, играя и блестя!
В котором поступь, взгляд, малейшие движенья
Полны такой простой, изящной красоты!
В уме которого все мысли, все мечты —
Одни лишь светлые, счастливые виденья,
А чувства — отпрыски тепла и тишины
Какой-то внутренней, чудеснейшей весны! —
Дитя, что молится так искренно, так свято
И говорит с людьми от третьего лица...
О, чтоб отец таким же был когда-то!
Ищите вы ему не этого отца...

ЛИРИЧЕСКИЕ

78

Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне надежд зоревые огни,
Дай моей юности светлого гения,
Дай мне былые мятежные дни.

Дай мне опять ошибаться дорогами,
Видеть их страхи вдали пред собой,
Дай мне надежд невозможных чертогами
Скрашивать жизни обыденный строй;

Дай мне восторгов любви с их обманами,
Дай мне безумья желаний живых,
Дай мне погаснувших снов с их туманами,
Дум животворных и грез золотых;

Дай — и возьми всю уверенность знания,
Всю эту ношу убитых страстей,
Эту обдуманность слов и деяния
В мерном теченьи и в знаньи людей.

Всё ты возьми, в чем не знаю сомнения,
В правде моей — разуверь, обмани, —
Дай мне минувших годов увлечения,
Дай мне былые мятежные дни!..

79

О, не брани за то, что я бесцельно жил,
Ошибки юности не все за мною числи,
За то, что сердцем я мешать уму любил,
А сердцу жить мешал суровой правдой мысли.

За то, что сам я, сам нередко разрушал
Те очаги любви, что в холод согревали,

Что сфинксов правды я, безумец, вопрошал,
Считал ответами, когда они молчали.

За то, что я блуждал по храмам всех богов
И сам осмеивал былые поклоненья,
Что, думав облегчить тяжелый гнет оков,
Я часто новые приковывал к ним звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былых очарований
И что, на склоне дней, спокойный я стою
На тихом кладбище надежд и начинаний.

И всё-таки я прав, тысячекратно прав!
Природа — за меня, она — мое прощенье;
Я лгал, как лжет она, и жизнь и смерть признав,
Бессильна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко прав, — так, как права волна,
И камень и себя о камень разрушая:
Все — подневольные, все — в грезах полусна,
Судеб неведомых веленья совершая.

80

Час ночи! Погасли по окнам огни,
Одни за другими исчезли они,
Исчезли, как души умерших людей...
Судьбы наши сходны с судьбами огней!
Замолкли на улице говор и гул,
И кажется, будто весь город уснул.
Волненьем минувшего дня утомлен,
Измаян... Не умер ли также и он?

Какое мученье! Ни яви, ни сна!
Заря золотая — о, где же она!..
А в сердце тревожном шумней и шумней,
Всё больше и больше каких-то гостей;
Те гости незваные — думы да сны,
Так ярко одеты, так жизни полны,
Так шумно ликуют, так радуют глаз...

О, Господи! В этот предутренний час
Ты в сердцем горящем огни погаси,

Виновную совесть Ты Сам допроси,
Ты Сам оправдание ей усмотри,
Дай тьмы непроглядной, чтоб мне до зари
Светил, вместо этих тревожных огней,
Огонь одинокой лампады Твоей!

81. ПОСЛЕДНЯЯ СЛЕЗА

Зачем, зачем тебе так рано разбивать
Живые сны души, святую ложь надежды?
Наступит быстро срок, мир будет сам срывать
Одну вслед за другой роскошные одежды.

Ум сам заговорит, когда пора придет!
С развитием его не кровь, но чувство стынет,
Сомненье скажется, свой первый камень кинет,
Последняя слеза мучительно скользнет!

Невольно гибнут в нас с успехами сознанья
Порывы ярких чувств, и не укроешь ты
В груди ни одного счастливого желанья
И ни одной обманщицы-мечты...

Тогда-то холодом и правдой умозрений
Ты будешь силиться напрасно воссоздать
Картины яркие прошедших вдохновений
И волшебство мечты, и сердца благодать!

Ты скажешь в трудный час, когда пора настанет:
«Виденья и мечты, как мог я вас разбить?!»
В тебе проснется желчь, терпения не станет...
Но слезы не придут светить и освежить!

82

Не трогают меня: ни блеск обычный дня,
Ни слезы неудач, ни шум успехов разных —
Равно мне чуждые — не трогают меня!
Но если пред лицом обманов безобразных
Вдруг честность верх возьмет, осилит доброта,
И рухнут козни зла в их нападеньи дружном,
Или себя вконец измает суета,
Обманутся мечты лукавства и в ненужном

Слепом стремлении насилье надорвет
Свою уверенность — мне кажется, что где-то,
Из неизвестного и чуждого нам света,
Какой-тот голос песню мне поет...
И песне той вослед глядишь духовным оком
В неведомую даль неведомой страны,
Где воздыханий нет о близком, о далеком,
В которой все добры, все искренно честны —
И верится тогда, что можно, без сомненья,
И в этой жизни, здесь, хоть в блеске отраженья,
Хоть только в чаяньи — найти на краткий срок
Забвенья тихого заветный уголок.

83. НА ЧУЖБИНЕ

Ночь, блеска полная... Заснувшие пруды
В листах кувшинчиков и в зелени осоки
Лежат как зеркала, безмолвствуя цветут
И пахнут сыростью, и кажутся глубоки.

И тот же ярких звезд рисунок в небесах,
Что мне на родине являлся в дни былые;
Уснули табуны на скошенных лугах,
И блещут здесь и там огни сторожевые.

Ударил где-то час. Полночный этот бой,
Протяжный, медленный, — он, как двойник, походит
На тот знакомый мне приветный бой часов,
Что с церкви и теперь в деревню нашу сходит.

Привет вам, милые картины прежних лет!
Добро пожаловать! Вас жизнь не изменила;
Вы те же и теперь, что и на утре дней,
Когда мне родина вас в душу заронила

И будто думала: когда-нибудь в свой срок
Тебя, мой сын, судьба надолго в даль потянет,
Тогда они тебя любовно посетят,
И рад ты будешь им, как скорбный час настанет.

Да, родина моя! Ты мне не солгала!
О, отчего всегда так в жизни правды много,
Когда сама судьба является вершить,
А воля личная — становится убога!

Привет вам, милые картины прежних лет!
Как много, много в вас великого значенья!
Во всем — печаль, разлад, насилье и тоска,
И только в вас одних — покой и единенье...

Покоя ищет мысль, покоя жаждет грудь,
Вселенная сама найти покой готова!
Но где же есть покой? Там, где закончен путь:
В законченном былом и в памяти былого.

84. ЧАСЫ С КУРАНТАМИ

Старинные часы прабабушки забытой,
С гудящим столбиком тройных колоколов, —
Как прочен и хорош ваш механизм открытый
И стук размеренный, и тихий ход валов!

Как истый домосед, лет сто не изменяли
Вы месту вашему, свой уголок заняв,
И вас до сей поры, кочуя, не таскали
Тревожа вашу грудь и раздражая нрав.

Звонили вы в те дни, когда Екатерина
Великою душой от мира отошла;
Сыграв для матери, сыграли и для сына
Всё ту же песенку свою, колокола!

Звонили вы зимой двенадцатого года;
В года холерные, в года других смертей;
В год Севастополя и в добрый для народа
День девятнадцатый в одном из февралей.

Звонили вы в часы утрат, скорбей семейных,
Семейных радостей... и в долгий ряд годов,
В заветный срок молитв благоговейных
Умевших лучше нас молиться стариков.

И будете звонить, как прежде, в год из года
Всё те же песенки недлинные свои...
О, если б только знать: в каких судьбах народа,
В каких судьбах моей взрастающей семьи?!

85. БАНДУРИСТ

На Украйне жил когда-то,
Телом бодр и сердцем чист,
Жил старик, слепец маститый,
Седовласый бандурист.

В черной шапке, в серой свитке
И с бандурой на ремне,
Много лет ходил он в людях
По родимой стороне.

Жемчуг-слово, чудо-песни
Сыпал вещий с языка.
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика.

Много он улыбок ясных,
Много вызвать слез умел,
И, что птица Божья, песни,
Где приселось — там и пел.

Он за песню душу отдал,
Песней тело прокормил;
Родился он безымянным,
Безымянным опочил...

Мертв казак! Но песни живы;
Все их знают, все поют!
Их знакомые созвучья
Сами так вот к сердцу льнут!

К темной ночке засыпая,
Дети, будущий народ,
Слышат, как он издалека,
В песне матери поет...

86. РАЗБИТАЯ ШКУНА

Так далеко от колыбели
И от родимых берегов,
Лежит она, как на постели,
В скалах, пугая рыбаков.

Чужие вихри обвевают,
Чужие волны песнь поют,
В морскую зелень одевают
И в грудь надломленную льют.

И на корме ее размытой,
Как глаз открытый, неживой,
Глядит с доски полуразбитой
Каких-то букв неполный строй...

Да, если ты, людей творенье,
Подобно людям прожила, —
Тебя на жертву, на крушенье,
На злую смерть любовь вела.

Твой кормчий сам, своей рукою
Тебя на гибель вел вперед:
Один, безмолвный, над кормою
Всю ночь сидел он напролет...

Забыв о румбах и компасе,
Руля не слыша под рукой,
Он о далеком думал часе,
Когда судьба вернет домой!

Вперив глаза на звезды ночи,
За шумом дум не слыша струй,
Он на любовь держал, на очи,
На милый лик, на поцелуй...

87

Наш ум порой, что поле после боя,
Когда раздастся ясный звук отбоя:
Уходят сомкнутые убылью ряды,
Повсюду видятся кровавые следы,
В траве помятой лезвия мелькают,
Здесь груды мертвых, эти умирают,
Идет, прислушиваясь к звукам, санитар,
Дает священник людям отпущенья —
Слоится дым последнего кажденья...
А птичка Божия, являя ценный дар,
Чудесный дар живого песнопенья,
Присев на острый штык, омоченный в крови,
Поет, счастливая, о мире и любви...

88

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов,
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Коронки всех иван-да-марий,
Вероник, кашек и гвоздик
Идут в стога, в большой гербарий, —
Утратив каждая свой лик!

Нередко видны на покосах,
Вблизи усталых косарей —
Сидят на граблях и на косах
Певцы воздушные полей.

Поют о чудных грезах мая,
О счастье, о любви живой,
Поют, совсем не замечая
Орудий смерти под собой!

89

Вдоль бесконечного луга —
Два, три роскошных цветка,
Выросли выше всех братьев,
Смотрят на луг свысока.

Солнце палит их сильнее,
Ветер упорнее гнет,
Падать придется им глубже,
Если коса подсечет...

В сердце людском чувств немало...
Два или три между них
Издавна, крепко внедрились,
Стали ветвистей других!

Легче всего их обидеть,
Их не задеть — мудрено!
Если их вздумают вырвать —
Вырвут и жизнь заодно...

90. КАРИАТИДЫ

Между окон высокого дома,
С выраженьем тоски и обиды,
Стерегут парчевые хоромы
Ожерельем кругом карьятиды.
Напряглись их могучие руки,
К ним на плечи оперлись колонны;
В лицах их — выражение муки,
В грудях их — поглощенные стоны.
Но не гнутся те крепкие груди,
Карьятиды позор свой выносят;
И — людьми сотворенные люди —
Никого ни о чем не попросят...
Идут годы — тяжелые годы,
Та же тяжесть им давит на плечи;
Но не шлют они дерзкие речи
И не вторят речам непогоды.
Пропечет ли жар солнца их кости,
Проберет ли их осень ветрами,
Иль мороз назовется к ним в гости
И посыплет их плечи снегами,
Одинаково твердо и смело
Карьятиды позор свой выносят
И — вступиться за правое дело
Никого никогда не попросят...

91. НА МОТИВ МИКЕЛАНДЖЕЛО

О, ночь! Закрой меня, когда — совсем усталый —
Кончаю я свой день. Кругом совсем темно;
И этой темнотой как будто сняты стены:
Тюрьма и мир сливаются в одно.

И я могу уйти! Но не хочу свободы:
Я знаю цену ей, я счастья не хочу!
Боюсь пугать себя знакомым звуком цепи, —
Припав к углу, я, как и цепь, молчу...

Возьми меня, о, ночь! Чтоб ничего ни видеть,
Ни чувствовать, ни знать, ни слышать я не мог,
Чтоб зарожденья чувств и проблеска сознанья
Я как-нибудь в себе не подстерег...

92. МИФ

И летит, и клубится холодный туман,
Проскользая меж сосен и скал;
И встревоженный лес, как великий орган,
На скрипящих корнях заиграл...

Отвечает гора голосам облаков,
Каждый камень становится жив...
Неподвижен один только — старец веков —
В той горе схоронившийся Миф.

Он в кольчуге сидит, волосами оброс,
Он от солнца в ту гору бежал —
И желает, и ждет, чтобы прежний хаос
На земле, как бывало, настал...

93. НА ПЛОТИНЕ

Как сочится вода сквозь прогнивших постав,
У плотины бока размывает,
Так из сердца людей, тишины не сыскав,
Убывает душа, убывает...

Надвигается вкруг от сырых берегов
Поросль вязкая моха и тины!
Не певать соловьям, где тут ждать соловьев
На туманах плывучей трясины!

Бор погнил... Он не будет себя отражать,
Жить вдвойне... А зима наступает!
И промерзнет вода, не успев убежать,
Вся, насквозь... и уже замерзает!..

94

Мне грезились сны золотые!
Проснулся — и жизнь увидал...
И мрачным мне мир показался,
Как будто он траурным стал.

Мне виделся сон нехороший!
Проснулся... на мир поглядел:

Задумчив и в траур окутан,
Мир больше, чем прежде, темнел.

И думалось мне: отчего бы, —
В нас, в людях, рассудок силен, —
На сны не взглянуть, как на правду,
На жизнь не взглянуть, как на сон!

95. В ДЕРЕВНЕ

И мнится мне: иду дорожкой сада,
Мне не тяжел обычный полдня жар;
Иду нетвердо, опираться надо,
И сад не тот, и сам я слаб и стар,
И одинок... Семья, что дом мой оживляла,
Как луг цветы, давно уж подросла,
Меньшая дочь давно большою, взрослой стала;
Все разбрелись из отчего дупла.
В могилах спят Остапы, Марьи, Гришки,
Что день и ночь толкались по дворам...
В моих коленях дрожь, мне тяжко от одышки,
Туман какой-то лепится к глазам.
Из-под бровей, на лбу моем нависших,
Темней чем прежде кажет небосклон;
Мелькают в мыслях сотни лиц почивших...
О, как ты крут, горы знакомой склон!
Как далеко мне кажется до дома,
Хочу присесть, едва-едва иду;
Была скамья тут... как была знакома!
Иль нет ее? Быть может, не найду?
Я помню — тут у нашего соседа
Сзывал рабочих кóлокола звон;
Я помню час семейного обеда,
Мы шли к столу, неслись со всех сторон;
Был длинен стол, все дружно восседали,
Все ели всласть — здоровым всё равно;
Как было шумно, как мы хохотали...
Где этот смех? Веселье — где оно?
Здоровье где? О, как же я тоскую!
Мне много лет... Я стар стал... Я дрожу...
Чу, колокол! Проснулся я — гляжу:
Кругом семья?! Я всех их расцелую!

96. КАРФАГЕН

Не в праздничные дни в честь славного былого,
Не в честь Творца небес или кого другого
Сияет роскошью, вконец разубрана,
В великом торжестве прибрежная страна.
От раннего утра, проснувшись с петухами,
Весь город на ногах. Он всеми алтарями,
Зажженными с зарей, клубится и дымит,
И в переливах струн, и в трелях флейт звучит.
От храмов, с их колонн, обвешанных цветами,
Струится свежестью; над всеми площадями,
В венках, блистающих лавровою листвой,
Ряд бронзовых фигур темнеет над толпой.
По главному пути, где высятся гробницы,
Одни вослед другим грохочут колесницы;
С них шкуры львиные блистают желтизной
И поднимают пыль, влачась по мостовой.
Цвет жизни, молодость собою воплощая,
Проходят девушки, листами пальм махая;
Все в пурпуре, ряды старейшин вдоль трибун
Сидят в дыму огней и в рокотаньи струн;
В безмолвной гавани товаров не таскают;
Нет свадьб по городу; суды не заседают;
Не жгут покойников... Все, все молчат дела,
Вся жизнь на торжество великое пошла...

Честь победителю! Исполнено призванье!
Ему весь этот блеск и жизни замиранье,
И пламя алтарей, и мягкий звук струны,
Терпенье мертвого, венчанье старины,
И ликования всех бедных и богатых...
Ему триумфы дня, ему разврат ночной,
Где яркий пурпур тог, смешавшись с белизной
Одежд девических, разорванных, помятых,
Спадет с широких лож на мягкие ковры...
Ему струи вина, ему азарт игры...

И только два лица в народе том молчали,
Во имя истинной и сознанной печали:
И были эти два — философ и поэт...
Они одни из всех молчали! Сотни лет
Прошли с тех давних пор. И нынче там в огромных
Развалинах — шакал гнездится в щелях темных,
И правдою веков, великой степи в тон,
Наложен царственно несокрушимый сон...

На сторону тех двух, которые молчали,
Всё перешло молчать! И из безмолвной дали
Степей явилась смерть с песками заодно —
Случилось то, что им казалось — быть должно!

97. НОЧЬ И ДЕНЬ

Ночь зарождается здесь, на земле, между нами...
В щелях и темных углах, чуя солнце, таится;
Глянуть не смеет враждебными свету очами!
Только что время наступит, чтоб ей пробудиться —
Быстро ползут, проявляясь везде, ее тени,
Ищут друг дружку, бесшумно своих нагоняют,
Слившись в великую тьму, на небесные сени
Молча стремятся и их широко наводняют...
Только не гасят они ярких звезд, их сияний!
Звезды — следы световые минувшего дня,
Искрятся памятью прежних, хороших деяний,
День загорится от их мирового огня.

День опускается с неба. Глубокою тьмою,
В сырость и холод чуть видными входит лучами;
Первым из них погибать! — Им не спорить судьбою...
Но, чем светлее, тем больше их бьется с тенями;
Шествует день, он на дальнем востоке зажегся!
Солнца лучи полны жизни, стремленья и красок,
Каждый на смерть за великое дело обрекся!
Воины неба, малютки без броней и касок,
Мчатся и гонят ленивые тени повсюду,
И воцаряется день и его красота...
И озаряет погибшего за ночь Иуду,
И, по дороге к селу Эммаусу, — Христа!

98

Когда-то в нас души на многое хватало...
Чуть успокоится — стремлений новых шквал,
Блистая молнией, всю душу разжигал;
Сознанье гордое в ней силы умножало,
И раньше, чем ее слой пепла покрывал,
Другое пламя вновь по всей душе играло!..

Теперь совсем не то: золы глубокий слой
Лежит как бы покров над робкою душой,

И мнится, надобны все вихри преисподней,
Огни мучительные страшного суда,
Чтобы призвать ее стать лучше, благородней,
А нет — так сгинуть навсегда.

99

В душе шел светлый пир. В одеждах золотых
Виднелись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговор, слагался звучный стих,
И пенился бокал, и сочинялись сказки.

Когда спускалась ночь, на пир являлся сон,
Туманились огни, виденья налетали,
И сладкий шепот шел, и несся тихий звон
Из очень светлых стран, и из далекой дали...

Теперь совсем не то. Под складками одежд,
Не двигая ничуть своих погасших ликов,
Виднеются в душе лишь остовы надежд!
Нет песен, смеха нет и нет заздравных кликов.

А дремлющий чертог по всем частям сквозит
И только кое-где, под тяжким слоем пыли,
Светильник тлеющий дымится и коптит,
Прося, чтоб и его скорее погасили...

100. МОЛОДЕЖИ

И что ж?! давно ль мы в жизнь вступали
И безупречны, и честны;
Трудились, ждали, создавали,
А повстречали — только сны.

Мы отошли, — и вслед за нами
Вы тоже рветесь в жизнь вступить,
Чтоб нами брошенными снами
Свой жар и чувства утолить.

И эти сны, в часы мечтанья,
Дадут, пока в вас кровь тепла,
На ваши ранние лобзанья
Свои покорные тела...

Обманут вас! Мы их простили
И верим повести волхвов:
Волхвы давно оповестили,
Что мир составился из снов!

101

Шли путем неведомым...
Шли тропинкой скрытою,
Бог весть кем проложенной
И почти забытою!..

В сердце человеческом
Есть обетованные
Тропочки закрытые,
Вовсе безымянные!

Под ветвями темными
Издавна проложены,
Без пути протоптаны,
Без толку размножены.

И по ним-то крадутся,
По глубокой темени,
Чувства непонятные
Без роду, без племени...

Чувства безымянные,
Сироты бездомные,
Робкие, пугливые,
Иногда нескромные...

102

По небу быстро поднимаясь,
Навстречу мчась одна к другой,
Две тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!

Темны, как участь близкой брани,
Небесных ратников полки,
Подъяты по ветру их длани
И режут воздух шишаки!

Сквозят их мрачные забрала
От блеска пламенных очей...
Как будто в небе места мало
И разойтись в нем нет путей?

103. ПОДЛЕ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

Свевая пыль с цветов раскрытых,
Семья полуночных ветров
Несет в пылинках, тьмой повитых,
Рассаду будущих цветов!

В работе робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной
Свои живые семена!

Теряясь в каменных наростах
Гробниц, дряхлеющих в гербах,
Они плодятся на погостах
И у крестов, и на крестах.

Кругом цветы!.. Цветам нет счета!
И, мнится, сквозь движенья их
Стремятся к свету из-под гнета
Былые силы душ людских.

Они идут свои печали
На вешнем солнце осветить,
Мечтать, о чем не домечтали,
Любить, как думали любить...

104. КАМАРИНСКАЯ

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть, —
Знаем, видим—лучше смерть, как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, нужды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

105. СПЕТАЯ ПЕСНЯ

Пой о ней, голубушка певунья,
Пойте струны, ей в ответ звеня!
Улетай, родившаяся песня,
Вслед за светом гаснущего дня!

Ты лети созданьем темной ночи,
В полутьме, предшествующей ей,
За последним проблеском заката,
Впереди стремящихся теней...

Может быть, что между днем и ночью,
Не во сне, но у пределов сна,
По путям молитв, идущих к Богу,
Скорбь земли за далью не слышна!

Может быть, что там, далеко, где-то,
В мирный час, когда бессонный спит,
Гаснет память, не влекут желанья,
Спит любовь и ненависть молчит —

Ты найдешь покой неизъяснимый,
Жизни, смерти и себе чужда!..
И земля к своей поблекшей груди
Не сманит беглянки никогда!..

106. ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ

Не смейся над песнею старой
С напевом ее немудреным,
Служившей заветною чарой
Отцам нашим, нежно влюбленным!

Не смейся стихам мадригалов,
Топорщенью фижм и манжетов,
Вихрам боевых генералов,
Качавшимся в лад менуэтов!

Над смыслом альбомов старинных,
С пучками волос неизвестных,
С собранием шалостей чинных,
Забавных, но, в сущности, честных.

Не смейся! Те вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери нас воспитали!

107

Где нам взять веселых звуков,
Как с веселой песней быть?
Грусти дедов с грустью внуков
Нам, пока, не разобщить...

Не буди ж в груди желанья
И о счастьи не мечтай, —
В вечной повести страданья
Новой песни не рождай.

Тех спроси, а их не мало,
Кто покончил сам с собой, —
В жизни места недостало,
Поискали под землей...

Будем верить: день тот глянет,
Ложь великая пройдет,
Горю в мире тесно станет,
И оно себя убьет!

108

Ох! Ответил бы за мечту твою, —
Да не срок теперь, не пора!
Загубила жизнь добрых сил семью,
И измает ночь до утра.

Дай мне ту мечту, мысль счастливую,
Засветившую мне в пути,
В усыпальницу молчаливую
Сердца бедного отнести.

В нем под схимами, власяницами
Спят все лучшие прежних сил.
Те, что глянули в жизнь зарницами
И что мрак земли погасил...

109

С моею чисто русской жаждой
Из кубка греческой резьбы
Пью каждым чувством, мыслью каждой,
За вас, сошедшие в гробы!

Вам счета нет! Лишь бы охоты
На поминаньях ваших пить!
На то есть целых три субботы,
Чтоб никого не позабыть.

Увы! Особенного тоста
Потомок нам не поднесет!
Но в этот тост, и это просто,
Мы все проникнем в общий счет!

Явившись против ожиданья,
На зов воспрянувши из тьмы,
Мы скажем: «Братцы, до свиданья!
Вы так же сгинете, как мы!»

110

Нет! Слишком ты тешишься счастьем мгновенья
И слишком уж странно ты с жизнью в ладу...

Безумец! За правду приняв исключенья,
Ты весел бываешь день каждый в году.

Счастливец, довольный довольством убогих,
Подумай: чем должен бы мир этот быть,
Когда бы не блага земли для немногих,
Не горе для прочих, обязанных жить?

И зависть берет, и глубокая злоба!
Мир держится в рабстве такими, как ты,
Довольными жизнью! Но правы мы оба:
Мы, в разных одеждах, но те же шуты.

Ты в счастье рядишься, а я в остальное...
Знать каждый по вкусу одежду берет!
Судьба прибавляет к обоим смешное,
И в омут толкает, сказавши: «Живет!»

111—114. ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

I

Спокоен ум... в груди волненье...
О, если б только не оно —
Нашла бы жизнь успокоенье,
Свершивши то, что быть должно...

Но нет! Строй духа безнадежный,
Еще храня остатки струн,
Дает на голос отклик нежный,
И дико мечется бурун

Живых надежд и ожиданий
В ущелья темных берегов,
Несовершившихся желаний
И неисполнившихся снов...

И мнится: кто-то призывает
Вернуться вновь в число живых,
Тревожит, греет, обещает...
Но голос тот зовет других!

Обманет их... Обнимет степью
И ночью, так же как меня,
Назло, в упрек великолепью
Едва замеченного дня!

II

И вернулся я к ним после долгих годов,
И они все так рады мне были!
И о чем уж, о чем за вечерним столом
Мы не вспомнили? Как не шутили?

Наши шумные споры о том и другом,
Что лет двадцать назад оборвались,
Зазвучали опять на былые лады,
Точно будто совсем не кончались.

И преемственность юных, счастливейших дней,
Та, что прежде влекла, вдохновляла,
Будто витязя труп, под живою водой,
В той беседе для нас — оживала...

III

О, где то время, что, бывало,
В нас вдохновение играло,
И воскурялся фимиам
Теперь поверженным богам?

Чертогов огненных палаты
Горели — ярки и богаты;
Был чист и светел кругозор!
Душа стремилась на простор,

Неслась могуществом порыва
Назло непрочному уму,
На звук какого-то призыва,
Бог весть зачем, Бог весть к чему!

Теперь всё мертвенно, всё бледно...
То праздник жизни проходил,
Сиял торжественно, победно,
Сиял... и цвет свой обронил.

IV

В глухом безвременье печали
И в одиночестве немом
Не мы одни свой век кончали,
Объяты странным полусном.

На сердце — желчь, в уме — забота,
Почти во всем вразумлены;
Холодной осени дремота
Сменила веянья весны.

Кто нас любил — ушли в забвенье,
А люди чуждые растут,
И два соседних поколенья
Одно другого не поймут.

Мы ждем, молчим, но не тоскуем,
Мы знаем: нет для нас мечты...
Мы у прошедшего воруем
Его завядшие цветы, —

Сплетаем их в венцы, в короны,
Порой смеемся на пирах...
Совсем, совсем Анакреоны,
Но только не в живых цветах.

115

Когда обширная семья
Мужает и растет,
Как грустно мне, что знаю я
То, что их, бедных, ждет.
Соблазна много, путь далек!
И, если час придет,
Судьба их родственный кружок
Опять здесь соберет!
То будет ломаный народ
Борцов-полукалек,
Тех, что собой завалят вход
В двадцатый, в лучший век...
Сквозь гробы их из вечной тьмы
Потянутся на свет
Иные, лучшие, чем мы,

Борцы грядущих лет.
И первым добрым делом их,
Когда они придут,
То будет, что отцов своих
Они не проклянут.

116. ПОДРАЖАНИЕ АПОКАЛИПСИСУ

И наступила ночь тяжелая, глухая...
Виденье было мне! Меня порыв увлек
За кряж каких-то гор... Куда — и сам не зная,
Входил я в некий призрачный чертог.
Чертог был гульбищем каких-то сил бесплотных,
Незримых смертному, — молчание хранил...
Над тьмой безвременья, на привесях бессчетных
Блистало множество больших паникадил.
Как бы пророчество какое выполняя,
Огни бестрепетно пылали, зажжены
От света Патмоса, от пламени Синая,
Рукой таинственной в чертог принесены!..

Непостижимо как, но те огни слагались
Как бы в какие-то живые письмена...
Весь мир погиб... Они одни остались,
И на кадилах были имена!..
А глубоко внизу, обломки на обломках,
Над миром рухнувшим торчали острия,
И между них, блестя огнем чешуй в потемках,
Лежала мертвою библейская змея!
А подле голубь белый без движенья
Упал пластом, безжалостно измят,
И на груди его как бы изображенья
Семи великих ран виднелися подряд...

И был поставлен я, не знаю кем, к допросу:
«Вот что оставил мир, исчезнув, за собой...
Ты воссоздай по этому хаосу,
Чем был он мысливший когда-то и живой?»
И я затрепетал, испуганный глубоко,
Проникнут холодом, боясь скатиться в тьму...
«Зачем, скажи мне Дух, в огнях читает око
Ряды имен, враждебных по всему?
Что общего у них, давным-давно прошедших
Пророков и шутов, тех иль других вождей,

Людей проклятия, великих сумасшедших
И неизвестных мне по именам людей?»

Я услыхал тогда как будто прорицанье:
«Блудницу жизни в бездну унесло,
Погибло с нею всё! Одно, одно страданье
Гореть над бездною осталось, не прошло.
В нем сущность мира! альфа и омега!
Страданья лишь одну пощаду обрели
И пламенно блестят, как светочи ночлега,
Над разрушением замученной земли...»

И откровенье было мне другое:
Мне ангел смерти близко виден стал,
Когда, низвергнув все, покончив все земное,
Он руки на груди сложил и отдыхал...
И он был тоже мертв! лицо мне видно было;
Не мог я не признать в нем чудной красоты,
Хоть силою огня местами опалило
И покоробило поблекшие черты!
И на недвижные по смерти очертанья,
На гордый труп с поникшей головой,
Сияли светочи пылавшего страданья,
Роняя свет окраски кровяной!

Я стал искать ответа на сомненье:
«Зачем же, если так, ряды паникадил?
Одних имен не тронуло крушенье
Всех добрых, всех враждебных сил?»
И я услышал, будто из тумана
Великий Голос вдруг в сердцах заговорил:
«Как! Даже тут вопрос? Так, значит, слишком рано
Господь земную мощь в огне испепелил?!
Пытливый ум людей, как прежде, в жизни ставит
Вопросы страшные о бытии времен...
Да кто же, наконец, из двух вас власть? Кто правит?
Они ли, смертные, или бессмертный Он?!
Бог кончил с опытом, довольно испытаний...
Не поросль — семя все испепелить пора...
Он ложь основ признал! Рождала жизнь страданий
Одни лишь помеси проклятья и добра!
И Он других создаст, а прежних уничтожит
Так, чтоб и в имени проказе не пройти
В то, что появится, в то, что Он приумножит
И в жизни поведет на новые пути...»

И стали погасать, дымясь, паникадила!
Одни вослед другим погасли имена!
Тьма непроглядная отвсюду обступила,
Непоборимая, безмолвная, одна...
И тот же Глас звучал, как бы из некой славы,
Суровый, медленный и страшный, как самум:
«Иначе на людей не отыскать управы,
Иначе не смирить их поврежденный ум...»

117

Нет, жалко бросить мне на сцену
Творенья чувств и дум моих,
Чтобы заимствовать им цену
От сил случайных и чужих, —
Чтобы умению актера
Их воплощенье поручать,
Чтоб в лжи кулис, в обмане взора
Им в маске правды проступать;
Чтоб с завершеньем представленья,
Их трепет тайный, их стремленья —
Как только опустеет зал,
Мрак непроглядный обуял.

И не в столбцах повествованья
Больших романов, повестей
Желал бы я существованья
Птенцам фантазии моей;
Я не хочу, чтоб благосклонный
Читатель в длинном ряде строк
С трудом лишь насладиться мог,
И чтобы в веренице темной
Страниц бессчетных, лишь порой,
Ронял он с глаз слезу живую,
Нерукотворную, святую,
Над скрытой где-нибудь строкой,
И чтоб ему, при новом чтеньи,
Строки заветной не сыскать...
Нет обаянья в повтореньи,
И слез нельзя перечитать!

Но я желал бы всей душою
В стихе таинственно-живом
Жить заодно с моей страною
Сердечной песни бытием!

Песнь, — ткань чудесная мгновенья,
Всегда ответит на призыв;
Она — сердечного движенья
Увековеченный порыв;
Она не лжет! Для милых песен
Великий Божий мир не тесен;
Им книг не надо, чтобы жить;
Возникшей песни не убить;
Ей сроков нет, ей нет предела,
И если песнь прошла в народ,
И песню молодость запела, —
Такая песня не умрет!

118. СТАРЫЙ БОЖОК

Освещаясь гаснущей зарей,
Проступая в пламени зарницы,
На холме темнеет под сосной
Остов каменный языческой божницы.

Сам божок валяется при ней;
Он без ног, а всё ему живется!
Старый баловень неведомых людей
Лег в траву и из травы смеется.

И к нему, в забытый уголок,
Ходят женщины на нежные свиданья...
Там языческий, покинутый божок
Совершает тайные венчанья...

Всем обычаям наперекор чудит,
Ограничений не ведая в свободе,
Бог свалившийся тем силен, что забыт,
Тем, что служит матушке-природе...

119. СТУДЕНЧЕСКИЕ РИФМЫ

Ну вас совсем, надоевшие мне фолианты,
Тациты, Канты, Виргилии, Данты и Бокли!
Яркие мысли блистают на вас! Бриллианты!
Их не признать, не заметить над вами я мог ли?
Только — довольно! Прочь copul'и, прочь aorist'ы!
Милая ждет. Дождик только что лил, и без схемы

Все окропил. Знаю: капли дождя не софисты,
Ежели блещут — не лгут и горят без системы.
Ох, уж системы, системы — как вы надоели!
Что ж, и с чего я начну забывать, дорогая,
Здесь, на вечерней заре, в свежей, мягкой постели
Трав и цветов, к этим милым стопам припадая?
Милая ты, бесподобная! Жребий мой кинут...
Только не вздумал бы кто позлословить на тему —
Как три богини Олимпа в лице твоем скинут:
Пояс — Венера, Диана — свою диадему,
Третья ж, Юнона, супружеский долг забывая,
Будет служить в элевзинской мистерии мая...

МГНОВЕНИЯ

120. КУКЛА

Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась,
Руки раскинула, ясные очи закрыла...
На человека ты, кукла, вполне походила!

121

Где бы ни упало подле ручейка
Семя незабудки, синего цветка, —
Всюду, чуть с весною загудит гроза,
Взглянут незабудок синие глаза!

В каждом чувстве сердца, в помысле моем,
Ты живешь незримым, тайным бытием...
И лежит повсюду на делах моих
Свет твоих советов, просьб и ласк твоих!

122

Каждою весною, в тот же самый час,
Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз.

Будет, будет время: солнце вновь придет, —
Нас здесь не увидит, а других найдет...

И с терпеньем ровным будет им светить,
Помогая чахнуть и ничем не быть...

123

Последние из грез, и те теперь разбились!
Чему судьба, тому — конечно, быть...
Они так долго, бережно хранились,
И им, бедняжкам, так хотелось жить...
Но карточный игрок — когда его затравят —
По воле собственной сжигая корабли,
Спокойней прежнего, почти веселый, ставит
Свои последние, заветные рубли!

124

Рано, рано! Глаза свои снова закрой
    И вернись к неоконченным снам!
Ночь, пришлец-великан, разлеглась над землей;
    В поле темень и мрак по лесам.

Но когда, — ждать недолго, — час утра придет,
    Обозначит и холм, и межу,
Засверкают леса, — великан пропадет, —
    Я тебя разбужу, разбужу...

125

Отдохните, глаза, закрываясь в ночи,
Вслед за тем, что вы днем увидали!
Отчего-то вы, бедные, так горячи,
Отчего так глубоко устали?

Иль нельзя успокоить вас, очи, ничем,
Охладить даже полночи тьмою! —
Спишь глубоко, а видишь во сне между тем:
Те же люди идут пред тобою...

126

Что вы, травки малые, травки захудалые,
Вышли вдоль дороженьки под обод, под ноженьки?

Капельки блестевшие, в ливне прошумевшие,
Что поторопилися — в озеро пролилися?

Что ты, сердце честное, миру неизвестное,
Бьешься не по времени, не в роде, не в племени?

127. ПЕРЕД СТАТУЕЙ БОГОМАТЕРИ

Только что слезы не льются из глаз ежечасно,
Так ты изваяна чудно, стоишь, как живая!
Матери Божьей страданья проходят безгласно,
Скорбь ее — скорбь молчаливая, грустно-немая!

Но не прекрасна ль и ты, что недвижно припала
К ней, к Богоматери, в долгом и жарком моленье?
Та — скорбь небесную, эта — земную прияла...
Родственны обе те скорби в своем воплощенье.

128. ДЕВЯТАЯ СИМФОНИЯ

Слушаю, слушаю долго, — и образы встали...
Носятся шумно... Но это не звуки, а люди,
И от движенья их ветер меня обвевает...
Нет, я не думал, чтоб звуки могли воплощаться!

Сердце, что море в грозу, запевает и бьется!
Мысли сбежались и дружно меня обступили.
Нет! Я не в силах молчать: иль словами скажитесь,
Или же звуков мне дайте — сказать, что придется!..

129

Градины выпали! Счета им нет...
Подле них вишен обившийся цвет...
В царственном шествии ранней весны,
В чаяньи смерти смертельно бледны,
Бедные жертвы и их палачи
Гибнут, белея, в безлунной ночи...

130

Он охранял твой сон, когда ребенком малым,
Бывало, перед ним ты сладко засыпал,
И солнца теплый луч своим сияньем алым
На щечках бархатных заманчиво играл.

Он сторожит твой сон теперь, когда, разбитый,
Больной, уставший жить, тревожно дремлешь ты,
И тот же луч зари на впалые ланиты
Бросает, как тогда, роскошные цветы...

131

Я занес к тебе, с мороза,
Много звезд и блесток снега...
У тебя ль в дому не сладко?
Всюду блеск, тепло и нега!

Но беспутные снежинки
Этих благ не замечают,
Обращаются в слезинки
И проворно исчезают...

132

Из твоего глубокого паденья
Порой, живым могуществом мечты,
Ты вдруг уносишься в то царство вдохновенья,
Где дома был в былые дни и ты!

Горит тогда, горит неопалимо
Твоя мечта — как в полночи звезда!..
Как ты красив под краскою стыда!
Но светлый миг проходит мимо, мимо...

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

133—169. ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

Посвящается Апол. Ап. Коринфскому

I

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит;

И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем, что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, —
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

II

Горячий день. Мой конь проворно
Идет над мягкой пахотой;

Белеют брошенные зерна,
Еще не скрытые землей.

Прилежной кинуты рукою,
Как блестки в пахотной пыли,
Где в одиночку, где семьею,
Они узором полегли...

Я возвращаюсь ночью бором;
Вверху знакомый взору вид:
Что зерна звезды! Их узором
Вся глубь небесная горит...

III

Полдень. Баба белит хату.
Щеки, руки, грудь, спина —
Перемазаны в белилах,
Точно вся из полотна.

Но сквозь мел сияют очи,
Зубы блещут белизной,
Песня льется, труд спорится
Под умелою рукой.

Урожай! Оно и видно:
Подле бабы, близ угла,
Смотрят детки из корзины,
Будто птички из дупла.

И малиновая свекла
Вдоль здоровых детских щек,
С молодым румянцем споря,
Распустила яркий сок.

IV

Искрится солнце так ярко,
Светит лазурь так глубóко!
В груды подсолнечник свален
Подле блестящего тока.

Точно тарелки для пира,
Для столованья большого,

Блещут цветы желтизною
Золота солнцем литого.

Венчиком дети уселись,
Семечки щиплют искусно;
Зерен-то, зерен... Без счета!
Каждое зернышко вкусно.

И не встречается, право,
Даже и в царской палате
Этаких груд наслажденья,
Этакой тьмы благодати!

V

Как красных маков раскидало
По золотому полю жниц;
Небес лазурных покрывало
Пестрит роями черных птиц;

Стада овец ползут на скаты
Вдоль зеленеющей бакчи, —
Как бы подвижные заплаты
На ярком золоте парчи...

VI

В отливах нежно-бирюзовых,
Всем краскам неба дав приют,
В дуплистой раме кущ вербовых
Лежит наш тихий, тихий пруд.

Заря дымится, пламенея!
Вон, обронен вчерашним днем,
Плывет гусиный пух, алея,
Семьей корабликов по нем.

Уж не русалок ли бедовых
Народ, как месяц, тут блистал,
Себе из перышек пуховых
Наткать задумал покрывал?

Но петухи в свой срок пропели,
Проворно спряталась луна,
Пропали те, что ткать хотели,
Осталась плавать ткань одна!

И, эту правду подтверждая,
В огнях зари летит с полей
Гусей гогочущая стая,
Блистая рядом длинных шей.

VII

В поле борозды, чтó стрóфы,
А рифмует их межа,
И по ним гуляют дрóфы,
Чутко слух насторожа!

Уж не óборотни ль это
Поднялись? И вдоль полей
Из курганов выполз к свету
Некий сонм богатырей!

Если так, то очень ловко
Можно дело разрешить!
Ну-ка ты, моя винтовка,
Не плошать и метко бить!

VIII

Расходился доезжачий,
Звучно пóрскает в лесу.
Вот так гон! Должно быть, зрячий!
Гонят волка, иль лису?

Сколько шума, гвалта, треска!
Норы заткнуты кругом;
Знаю я: у перелеска
Вяз стоит над ручейком.

Там ей лаз! Других нет ходов!
Забегаю стороной...
Ох, не то же ль у народов
По истории людской?

Есть излюбленные лазы,
Ходы торные судеб,
Войн, торговли и заразы
И других великих треб;

Жизнь не то же ль, что охота?
Лисий нрав, и прыть, и скок!
Лазов много, нет им счета,
А судьба — судьба стрелок!

Оттого ль так сердце бьется,
Грудь тревогою полна?
Я — судьба! Так мне сдается...
Где ж лисичка? Вот она...

IX

Сколько мельниц по вершинам
Убегающих холмов?
Скрип, что́ музыка вдоль крыльев,
Пенье — грохот жерновов.

Вековые учрежденья,
Первобытнейший снаряд!
Всех родов нововведенья
Их нимало не страшат;

Заповеданы издре́вле,
Те же все, как свет, как звук,
Им — что́ шпаги Дон-Кихотов
Все усилия наук...

X

Помню па́секу. Стояла,
Скромно спрятавшись в верб́е;
Полюбивший пчел сызма́ла,
Жил тут пасечник в избе.

За плетнем играли дети;
Днем дымок был, лай в ночи...
Хаты нет; исчезли клети;
Видны: яма, кирпичи!

И по ним жестка, спесива,
Высясь жгучею листвой,
Людям вслед взросла крапива,
Покаянием и мздой!

XI

Утихают, обмирают
Сердца язвины, истома,
Здесь, где мало так мечтают,
Где над мраком чернозема,

В блеске солнца золотого
Над волнами ярового,
Мысли ясны и спокойны,
Не сердца, но лица знойны;

Где царит одна природа:
В ней вся ласка, вся невзгода!
Где порядком затверженным
В полдня час, порою жаркой,

По дорожкам золоченным
Блеском падалицы яркой
И потоптанной соломы
Возят ко́пны, точно до́мы!

Вот по селам, за плетнями.
Встали скирды! Остриями
Шапок смотрят вниз на хаты.
Так красивы, так богаты,

Уж куда, куда как выше
Самой рослой в хатах крыши!
Ночь! Виднеются во мгле
Скирды, что село в селе!

XII

Стоит народ за молотьбою;
Гудит высокое гумно;
Как бы молочною струею
Из молотилки бьет зерно.

Как ярок день, как солнце жгуче!
А пыль работы так грузна,
Что люди ходят, будто в туче,
Среди дрожащего гумна.

XIII

Розовых вéресков пóлосы длинные
В логе песчаном растут.
Севера дальнего дебри пустынные
Родина их, — а не тут!

Или на то они здесь представители
Братьев родных, чтоб шепнуть:
«Края полночного скудной обители,
Счастливый юг — не забудь!»

XIV

Люблю я службу в сельском храме.
Открыты окна, воздух льет;
По лику óбраза, по раме
Тихонько бабочка снует.

И в церкви сад: над головами
Пришедших девушек цветы
Живыми тянутся рядами,
Полны весенней пестроты;

Святым словам молитвы вторя
При освящении даров,
Пичужки резвые, гутóря,
Щебечут в окна из кустов...

XV

С кленами нéклен взрастает
Спор у деревьев идет!
Нéклену клен объясняет:
«Хрупки вы, слабый народ!»

«Ваши стволы не выносят
Стойки под крышей гумна,
Сами подпоры попросят,
Если им служба дана!»

Нéклен шуршит и смеется!
Слышен ответ по ветвям:
«Тот, кем нам имя дается,
Разве не хрупок он сам?»

XVI

Чернеет полночь. Пять пожаров!
Столбами зарева стоят!
Кругом зажиточные села
Со всеми скирдами горят!

Иль это дьявол сам пролетом
Земли коснулся пятерней,
И жгучий след прикосновенья
Пылает в темени ночной!

И далеко пойдут по краю,
И будут в свете дня видны
В печальных лицах погорельцев
Благословенья сатаны...

XVII

Есть, есть гармония живая
В нытье полуночного лая
Сторожевых в селе собак;
Никем не хóлены, не мыты,
Избиты, изредка лишь сыты,
Все в клочьях от обычных драк,
Они за что-то, кто их знает,
Наш сон усердно сторожат:
Пес хочет есть, избит, измят,
А всё не спит и громко лает!

XVIII

Люблю я ночью золотою,
Когда вверху плывет луна,
Идти открытою межою...
Цветут дурман и беленá;

Хлеб снят. Решенье роковое
Больших трудов за круглый год!
Снопы, что́ шлемы в медном строе;
Луна на них сиянье льет;

Совсем как шлемы над землею!
Мне, мнится, полночь говорит:
«Здесь, под родимою землею,
Под каждым шлемом витязь спит!

На них излюбленным покровом
Мощь чернозема налегла,
Питает их! Заветным словом
Их можно вызвать на дела.

Тогда блистающею ратью
Они взойдут вдоль этих мест,
Чтоб поддержать родную братью,
Вас, целовавших тот же крест».

XIX

Вдали гроза. Порою вьется,
Бьет в землю молния струей!
Чуть слышен гром! Не удается
Ему осилить даль! Сдается:
Он понижает голос свой!
Алкает влаги легкий ко́лос!
То мириады жарких ртов,
Они раскрыты! Люб им голос
Живого шествия громов,
И ждут подросшие посевы —
Кто победит на этот раз:
Проклятье ли прабабки Евы,
Иль крест Голгофы в третий час?

XX

По крутым по бокам вороного
Месяц блещет, вовсю озарил!
Конь! Поведай мне доброе слово!
В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
Ох, и ночь-то глубоко синя́!
Да и я безмятежно настроен...
Конь, голубчик! Побалуй меня!

Ты скажи, что за де́вицей едем;
Что она, прикрываясь фатой,
Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим,
И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
Это сказка, чтоб конь говорил!
Но зачем же бока вороного
Месяц блеском таким озарил?

XXI

Малость стемнело, девица поет,
Машет платочком, ведет хоровод;
Ходят над грудью и ленты и бусы.
Парни опешили! Экие трусы!
Будто впервые признали они
Этих очей зоревые огни,
Будто глядят на девицу впервые!
Спевшийся хор! Голоса золотые!
Песню, должно быть, и в небе слыхать —
Значит, и звездам, чуть глянут, плясать...

XXII

Заросилось. Месяц ходит.
Над лева́дою покой;
Вдоль по грядкам колобродят
Сфинксы с мертвой головой.

Вышла Груня на лева́ду...
Под вербо́ю парень ждал...
Ионийскую цикаду
Им кузнечик заменял.

Балалайку парень кинул,
За плетень перемахнул
И в подсолнечниках сгинул,
В конопельке потонул...

Заросилось. Месяц ходит.
Над лева́дою покой...
Вдоль по грядкам колобродят
Сфинксы с мертвой головой.

XXIII

Устал в полях, засну солидно,
Попав в деревню на харчи.
В окно открытое мне видно
И сад наш, и кусок парчи
Чудесной ночи... Воздух светел...
Как тишь тиха! Засну, любя
Весь Божий мир... Но крикнул петел!
Иль я отрекся от себя?

XXIV

По завалинкам у хат
Люди в сумерках сидят;
Подле ко́ни и волы
Чуть виднеются из мглы.

Сны ночные тоже тут,
Собираются, снуют
В огородах, вдоль кустов,
На крылах сычей и сов.

Вот зеленый свет луны
Тихо канул с вышины...
Что, как если с тем лучом
Сыч вдруг станет молодцом,

Глянет девушкой сова,
Скажет милые слова,
Да и хата, наконец,
Обратится во дворец?

XXV

Прекрасен вид бакчи́ нагорной!
Плете́нь, сторожка из ветвей;

Арбуз, пустивший лист узорный,
Окутал землю сетью змей.

Ползут, сплелись! Назад с неделю,
Я помню, вечер наступал,
По склону, вторя коростелю,
Местами перепел стучал.

Бакча́ сквозь сумрак зеленела,
Сквозили за́вязи цветов;
Теперь откуда что́ приспело?
Повсюду в кружевах листов

Глядят плоды... Еще так малы,
Но всюду, всюду залегли,
Как бледно-желтые опалы,
На мягких сумерках земли!

XXVI

Гром по лесу. Гуляет топор!
Дебри леса под пыткой допрошены,
Мощной дрожью объята листва,
Великаны, что травы, покошены...

Только сбросят с корней одного,
Вздох его, будто вихрь, вырывается
И, прога́лину чистит себе,
И раздвинув листву, удаляется,

Удаляется в степь, говоря:
«Не шуметь бы мне мощью зеленою,
Не гореть бы в огнях зоревых
Светлой думою, солнцем зажженною...»

XXVII

Так вот оно где наводненье было?
Избу́ разрушило, плотину разнесло,
Большие льдины всюду разложило,
И успокоилось, и тихо отошло...

В одежде искр и красок бесподобных
Идет весна, вся в почках и цветах;
В соседстве льдин, как подле плит надгробных,
Играют дети в солнечных лучах.

Улыбка есть на всех следах погрома!
Загладить прошлое весна взяла почин,
И ластится она, вся нега, вся истома,
И жмется зеленью к лазурным стенкам льдин.

XXVIII

Летят по небу журавли,
Свои меняя корабли,
Летят над талою землею,
Блистая крыльев белизною;

То строят длинные черты,
То мчатся острыми углами...
За ними следуя очами,
В весну не веришь ли и ты?

XXIX

Как будто снегом опушила
Весна цветами ветви слив;
Заря, полнеба охватив,
В цветах румянец пробудила.

Придет пора, нальется плод,
А тяжесть ветви к дóлу склóнит,
Сломает... Цветень смерть несет,
Пора любви страданья гонит.

Но жизнь щадит: закон таков,
Что умеряется излишек
Обжорством галок и скворцов
И смелой жадностью мальчишек.

XXX

Взял я заступ и лопату...
Дети! ставлю тут дубок.
Быть для вас здесь месту святу
От сегодня в долгий срок.

Сокрушит меня могила,
Затемнится отчий лик,
А дубок — в нем будет сила,
Глянет статен и велик.

Дети! в нем, неузнаваем,
Буду я, безличный, жить,
И глубокой тени краем
Вслед за солнышком ходить.

Буду доброй, доброй тенью,
Безоружным часовым,
И, по Божьему веленью,
Лучше мертвым, чем живым.

XXXI

Белеет утренник, сверкая
По скатам блекнущих холмов;
Великим заревом пылая,
Выходит солнце из паров.

Ему обидно и досадно
Гореть так низко над землей,
Горит и слизывает жадно
Снежок над мерзлою травой.

И словно длинной бахромою
Одет холма высокий бок:
Где рощи нет — горит росою,
Где тень от рощи — там снежок.

XXXII

Откуда, скажите, берутся
Рисунки растений, чтó вьются

На нашем пруду в холодок,
Чуть сложится первый ледок?

Иль это нашли воплощенья
Кустов и дерев отраженья,
Которые в летние дни,
Мечтая, роняли они!

XXXIII

В одежде выцветшей и бурой,
В каемках яркой желтизны,
Объят ты, лес, погодой хмурой,
И блекнут все твои сыны.

На их печальные обличья,
Пятном блестящим с высоты,
Льет солнце острый блеск величья
И греет мертвые листы.

Но в безнадежности природы,
Как изумруды зелены,
Заметны озимые всходы
И зелень ели и сосны.

XXXIV

Саван белый... Смерть — картина...
Ум смиряющая даль...
Ты уймись, моя кручина,
Пропади, моя печаль!

В этом царстве запустенья
И великой немоты,
Что же значат все мученья —
Что же значим я и ты?

XXXV

В избенке бедной, в стеклах окон
Свет солнца только что погас.

Над помазуемой елеем
Священник молится, склонясь!

Слова молитв совсем не ясны,
Порою в них как будто тьма —
И не для гаснущего взгляда,
И не для скромного ума!

Но, дорисованные духом,
Над отходящей поднялись
Все сонмы праведных и чистых,
И вся небесной церкви высь...

XXXVI

Выложен гроб лоскутками
Тряпочек, пестрых платков;
В церкви он нá пол поставлен, —
В крае обычай таков.

В гробе ютится старушка,
Голову чуть наклоня,
Лик восковой освещают
Поздние проблески дня.

Колокол тихо ударил...
Гроб провожает село...
Пенье... Знать, кокон дубовый
На зиму сносят в дупло.

Всякий идущий за гробом
Мóлча лелеет мечту —
Сказано: встанет старушка
Вся и в огнях, и в свету!

XXXVII

Нет ограды! Не видать часовни!
Рядом гряд могилки подняты...
Спят тут люди, все под Богом ровни,
С плеч сложив тяжелые кресты.

Разоделись грядушки цветами,
Будто поле, чтó под пар пошло;
Вдоль борозд, намеченных гробами,
Много тени к ночи залегло...

В этот год вы, грядки, помельчали;
Помню я: вас больше было тут.
Волны смерти тихой зыбью стали,
Год еще — и вовсе пропадут.

Дождь пройдет — вершинки обмывает;
Вспашут землю, станут боронить,
Солнце выжжет, ветер заровняет...
Поле было — полю тут и быть!

МУРМАНСКИЕ ОТГОЛОСКИ

170—185. МУРМАНСКИЕ ОТГОЛОСКИ

С. С. Трубачеву

I

Утро. День воскресный. Бледной багряницей
Брызнул свет ленивый по волне, объятой
Теменью холодной. Будто бы зарницей,
В небе вдруг застывшей, бледно-лиловатой,
Освещает утро хмурый лик Мурма́на.
Очерки утесов сквозь туман открылись...
Сердце, отчего ты так проснулось рано?
Отчего вы, мысли, рано окрылились?
Помнят, помнят мысли, знает сердце, знает:
Нынче день воскресный. На просторе вольном,
Как шатром безбрежным церковь покрывает
Всю страну родную звоном колокольным,
И в шатре том, с краю, в холоде тумана,
В области скалистой молча притаилось
Мрачное обличье дальнего Мурма́на...
И оно зарделось, и оно молилось!

II

Будто в люльке нас качает.
Ветер свеж. Ни дать ни взять,
Море песню сочиняет —
Слов не может подобрать.

Не помочь ли? Жалко стало!
Сколько чудных голосов!
Дискантов немножко мало,
Но зато не счесть басов.

Но какое содержанье,
Смысл какой словам придать?

Море — странное созданье,
Может слов и не признать.

Диких волн седые óрды
Тонкой мысли не поймут,
Хватят вдруг во все аккорды
И над смыслом верх возьмут.

III

Цветом стальным отливают холодные,
Грузные волны полярных зыбей,
Солнца полуночи тени лиловые
Видны на палубе подле снастей;

С этим наплывом теней фиолетовых
Только лишь пушки своей желтизной
Спорят как будто; склонились, насупились,
Стынут, облитые крупной росой.

Красная искра порою взвивается
В черном дыму; оживая на миг,
Ярко блестит! Перед нею туманится
Вечного солнца полуночный лик...

IV

Перед бурей в непогоду
Разыгралися киты.
Сколько их! Кругом мелькают
Будто темные щиты
Неких витязей подводных.
Бой незрим, но слышен гром.
Над пучиною кипящей
Ходят волны ходенем,
Проступают остриями...
Нет сомненья: под водой,
Под великими волнами,
Занялся могучий бой!
Волны — витязей шеломы,
Бури рев — их голоса!
Блещут очи... Кто на вахте?
Убирайте паруса,

Чтоб не спутаться снастями
Между дланей и мечей;
Увлекут они в пучину
Нас, непрошеных людей.
Закрывай плотнее люки!
Так! Совсем без парусов
С ними мы еще поспорим!
Ходу дай! Прибавь паров...
Налетает шквал за шквалом,
Через борт идет волна;
Грохот, посвист и шипенье,
В стройных мачтах дрожь слышна.
Не уловишь взглядом в тучах
Очертаний буревых...
Как зато повеселели
Стаи грустных птиц морских!
Кто сказал, что в буре страхи?
Под размахами ее
Вялы, робки и пугливы
Только слабость да нытье...

V

След бури не исчез. То здесь, то там мелькают
Остатки черные разбившихся судов
И, проносимые стремниной, ударяют
И в наше судно, вдоль его боков.

Сухой, тяжелый звук! В нем слышатся отзывы —
Следы последние погибнувших людей...
Все щепки разнесут приливы и отливы,
Опустят в недра стонущих зыбей.

Вдоль неподвижных скал стремниною несутся
Гряды подводных трав, оторванных от дна,
Как змеи длинные, их нити волокутся,
И цветом их пучина зелена.

А там, у берегов, виднеются так ясно
Остатки корабля; расщепленное дно
До самого киля сияет ярко-красно...
У черных скал — кровавое пятно!

VI

Здесь, в заливе, будто в сказке!
Вид закрыт во все концы;
По дуге сложились скалы
В чудодейные дворцы;

В острых очерках утесов,
Где так густ и влажен мох,
Выраженья лиц каких-то,
Вдруг застывшие врасплох.

У воды торчат, белея,
Как и скалы велики,
Груды ребр китов погибших,
Черепа и позвонки.

К ним подплывшая акула
От светящегося дна
Смотрит круглыми глазами,
Неподвижна и темна,

Вся в летучих отраженьях
Высоко снующих птиц —
Как живое привиденье
В этой сказке полной лиц!

VII

И, подумаешь, бросив на край этот взоры:
Здесь, когда-то, в огнях допотопной земли,
Кто-то сыпал у моря высокие горы,
И лежат они так, как когда-то легли!

Неприветны, черны́ громоздятся уступы...
То какой-то до века погасший костер,
То каких-то мечтаний великие трупы,
Чей-то каменный сон, наводнивший простор!

В нем угрюмые люди — поморы толкутся,
Призываются к жизни на краткие дни...
Не дано им ни мыслью, ни чувством проснуться!
Уж не этим ли счастливы в жизни они?

VIII

Неподвижны очертанья
Здешних скал и островов:
Это летопись страданья
Исковерканных пластов;

Эпопея или драма
Жизни каменных пород!
Небеса и море — рама,
Та же всё, из года в год.

Подле них, что день, то новы,
Живы час один иль два,
Народившись без основы,
Проплывают острова

Темных водорослей — уток,
Чаек и гагар притон!
Словно ряд плывущих шуток,
Словно легкий фельетон...

IX

Доплывешь когда сюда,
Повстречаешь города
Что ни в сказках не сказать,
Ни пером не описать!

Город — взять хоть на ладонь!
Ни один на свете конь
Не нашел к нему пути;
Тут и улиц не найти.

Меж домов растет трава;
Фонари — одни слова!
Берег моря, словно жив —
Он растет, когда отлив;

Подавая голос свой
Громче всех, морской прибой
Свеял с этих городов
Всякий след пяти веков!

Но уж сказка здесь вполне
Наступает по весне,
Чуть из них мужской народ
В море на лето уйдет.

Бабье царство здесь тогда!
Бабы правят города,
И чтоб бабам тем помочь,
Светит солнце день и ночь!

С незапамятных времен
Сарафан их сохранен,
Златотканый, парчевой;
Кички с бисерной тесьмой;

Старый склад и старый вкус
В нитях жемчуга и бус,
Новгородский, вечевой,
От прабабок он им свой.

И таков у баб зарок:
Ждать мужчин своих на срок,
Почту по морю возить,
Стряпать, ткать и голосить;

Если в море гул и стон —
Ставить свечи у икон,
И заклятьем вещих слов
Укрощать полет ветрóв.

X

Снéга заносы по скáлам
Всюду висят бахромой;
Солнце июльское блещет, —
Встретились лето с зимой.

Ветер от запада. Талый
Снег под ногами хрустит;
Рядом со снегом, чтó пурпур,
Кустик гвоздики горит.

Тою же яркостью красок
В Альпах, на крайних высях́
Кучки гвоздики алеют
В вечных, великих снегах.

В Альпах, чем ближе к долинам,
Краски цветов всё бледней,
Словно тускнеют, почуяв
Скучную близость людей.

Здесь — до болот ниспадает
Грань вековечных снегов;
Тихая жизнь не свевает
Яркости Божьих цветов;

Дружно пылают гвоздики,
Рдеют с бессчетных вершин
Мохом окутанных кочек,
Вспоенных влагой трясин.

XI

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять иль больше меры,
Что ни аршин, навешаны крючки;

Насквозь проколота, на каждом рыбка бьется...
Пять верст страданий! Это ль не длина?
Порою бечева китом, белугой рвется —
Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег, — а это ль не напасти? —
Не день, не два, с терпеньем без границ
Артель в морской волне распутывает снасти,
Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
На гнойных нарах мрачных становищ.

XII

Здесь, говорят, у них, порой
Смерть человеку облик свой

В особом виде проявляет.
Когда, в отлив, вода сбегает
И, между камнями, помор
Идет открытыми песками,
Путь сокращая, — кругозор
Его обманчив; под ногами
Песок не тверд; помор спешит, —
Прилив не ждет! Вдруг набежит
Отвсюду! Вот уже мелькают
Струи, бегущие назад;
То здесь, то там опережают,
Под камни льются, шелестят!
А вон, вдали, седая грива
Ползущего в песках прилива
Гудит, неистово ревет
И водометами встает...
Скорей, скорей! Но нет дороги!
Пески сдаются, вязнут ноги,
Пески уходят под ногой...
Всё выше волн гудящих строй!
Их гряды мечутся высоко,
Чтоб опрокинуться потóм...
Всё море лезет на подъем!
Спасенья нет... Блуждает око...
Всё глубже хлябь, растет прилив!
Одолеваемый песками,
Помор цепляется руками,
И он не мертв еще, он жив —
А тяжкий гул морского хора,
Чтоб крик его покрыть полней,
В великой мощности напора
Стучит мильонами камней...

XIII

Взобрался я сюда по скалам;
С каким трудом на кручу взлез!
Внизу буруи терзает море,
Кругом, по кочкам, мелкий лес...

Пигмеи-сосенки! Лет двести
Любой из них, а вышиной
Едва-едва кустов повыше;
Что ни сучок — больной, кривой.

Лет двести жизни трудной, скучной,
И рост такой... Везде вокруг
Не шум от ветра — трепетанье,
Как будто робкий плач, испуг...

Но счастье есть и в них: не знают,
Не ведают, что поюжней
Взрастают сосны в три обхвата
И с пышной хвоею ветвей,

И что вдали, под солнцем юга,
В морскую синь с вершин Яйлы́
Сквозь сетки роз и винограда
Глядят других сестер стволы...

XIV

Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодною волной,
Мурма́на дальнего гранитные палаты
Тысячеверстною воздвиглися стеной,
И пробуравлены ледя́ными ветрами,
И вглубь расще́плены безмолвной жизнью льдов,
Они ютят в себе скромнейших из сынов
Твоих, о родина, богатая сынами.

Здесь жизнь придавлена, обижена, бедна!
Здесь русский человек пред правдой лицезренья
Того, что Божиим веленьем сведена
Граница родины с границею творенья,
И глубь морских пучин так страшно холодна, —
Перед живым лицом всевидящего Бога
Слагает прочь с души, за долгие года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда,
И говорит: сюда пришла моя дорога!
Скажи же, Господи, отсюда мне куда?

XV

Хоть бы молниям светиться!
Тьма над морем, тьма!
Вихорь, будто зрячий, мчится —
Он сошел с ума...

Он выводит над волнами,
Из бессчетных струн,
Гаммы с резкими скачками...
А поет бурун.

Что за свадьба? что за пляска?
Если б увидать!
Тьма, как плотная повязка, —
Где ее сорвать...

Сердцем чуются движенья
Темных сил ночных,
Изможденные виденья,
Плач и хохот их...

XVI

Когда, на краткий срок, здесь ясен горизонт
И солнце сыплет блеск по о́тмелям и лу́дам,
Ни Адриатики волна, ни Геллеспонт
Таким темнеющим не блещут изумрудом;

У них не так густа бывает синь черты,
Делящей горизонт на небо и на море...
Здесь вечность, в веяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышит на просторе!

ИЗ ПРИРОДЫ

186. НА РЕКЕ ВЕСНОЙ

Последним льдом своим спирая
Судов высокие бока,
В тепле весны, шипя и тая,
Готова тронуться река.

На юг сияющий и знойный,
К стране счастливой, но чужой
Ты добежишь, поток спокойный,
Своей работницей-волной.

С журчаньем нежным и печальным
Другим звездам, в вечерний час,
Иным землям и людям дальним,
Река, поведай и о нас!

Скажи, как к нам весна приходит,
Что долго ждем, что скучны дни,
Что смерть с весной здесь дружбу водит
И люди гаснут, как огни...

187

Животворящий блеск весны
Взглянул на землю с вышины;
Из-под разрыхленных снегов
Зеленый тронулся покров,

Сквозь голубые полыньи
Вздохнули волны и струи,
И день намного стал длинней,
И небо дальнее синей...

И первый виден мотылек,
И первый беленький цветок,

И полон первых песен лес,
И солнце... и «Христос воскрес!»

188. МАЙСКИМ УТРОМ

А. И. Сувориной

Ты весна, весна роскошная!
Несравненен твой наряд!
Разодевшись, будто к празднику,
Все кусты в цветах стоят!

Что ни цвет — то пламя жаркое!
Что ни почка — огонек!
У природы, знать, на щеченьках
Обозначился пушок!

Точно дымкой благовонною
С неисчислимых стеблей
Тянет запахом чарующим
От цветов, как от огней!

Как поток, весна, несешься ты,
И из волн твоих цветы,
Опускаясь, осаждаются
На деревья и кусты...

Вот сирень идет! Вот жимолость!
Вот ясминная волна!
Вот и липа к цвету тронулась...
Но уж это не весна...

Хоть один цветок хотелось бы
В той пучине изловить,
Чтоб весны прожитой памятью
В темной книжке уложить, —

Раздавить коронку нежную
И расправить на листе...
Бедный! Будешь ты, как распятый
И умерший на кресте!

Но зато уж книжку выберем!
Развеселая она,

Все рассказы в ней смешливые, —
А с краев — золочена...

189. РАССВЕТ В ДЕРЕВНЕ

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши навостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

190. ПРОЩАНИЕ ЛЕТА

Осень землю золотом одела,
Холодея, лето уходило
И земле, сквозь слезы улыбаясь,
На прощанье тихо говорило:

«Я уйду, — ты скоро позабудешь
Эти ленты и цветные платья,
Эти астры, эти изумруды
И мои горячие объятья.

Я уйду — роскошная южанка —
И к тебе, на выстывшее ложе,
Низойдет любовница другая,
И свежей, и лучше, и моложе.

У нее алмазы в ожерелье,
Платье бело и синеет льдами,
Щеки бледны, очи светло-сини,
Волоса осыпаны снегами...

О мой друг! Оставь ее спокойно
Жать тебя холодною рукою:
Я вернусь, согрею наше ложе,
Утомлю и утомлюсь с тобою!»

191

Старый плющ здесь ползет
Вдоль мохнатых корней;
Ель, замшившись, растет —
Вся в дремоте ветвей...
Опуститься б в тени,
Поглядеть на закат,
Как ночные огни
В небесах заблестят,
И, с темнеющим днем,
Всем своим бытием,
Как и день, отойти
На иные пути...

192. В ЛИСТОПАД

Ночь светла, хоть звезд не видно,
Небо скрыто облаками,
Роща темная бушует
И бичуется ветвями.

По дороге ветер вьется,
Листья скачут вдоль дороги,
Как бессчетные пигмеи
К великану, мне, под ноги.

Нет, неправда! То не листья,
Это — маленькие люди:
Бьются всякими страстями
Их раздавленные груди...

Нет, не люди, не пигмеи!
Это — бывшие страданья,
Облетевшие мученья
И поблекшие желанья...

Всех их вместе ветер гонит
И безжалостно терзает!
Вся дорога змеем темным
Под роями их мелькает....

Нет конца змее великой...
Вьется, бьется, копошится,
В даль и темень уползает,
Но никак не может скрыться.

193. МАЛО СВЕТУ

Мало свету в нашу зиму!
Воздух темен и не чист;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист.

Он мешается с туманом;
В нем снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...

Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дремоту
Чуть заметного денька!

194. СНЕГА

Месяц в небе высоком стоит,
Степь, покрытая снегом, блестит,
И уж сколько сияет по ней
Голубых и зеленых огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко нема тишина,
И ломается в воздухе свет
Проплывающих звезд и планет...

Вот из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Светят лики неясные их
И проходят одни сквозь других,
И по степи мерцает вокруг
Много, много светящихся рук...

195. В ЛЕСУ

Не сразу ты остынул к ночи, лес!
След дня прошедшего не вдруг в тебе исчез,
И в ночь холодную еще слышна теплынь
Между твоих растительных твердынь.

Не так ли дерева застывшие твои
Теплы, как мы теплы преданьями семьи,
И в холод долгий наших поздних дней
В нас действует любовь отцов и матерей?

Решенье честное нам кажется порой
Каким-то подвигом, осиленным душой, —
А в нем вершит совсем не хитрый след
Простой преемственности самых ранних лет...

196. ТУЧИ И ТЕНИ

Тучки набежали, тени раскидали,
Смотрят с неба синего, смотрят свысока,
Как легли их тени и куда упали:
На холмы, на пажити, в волны озерка.

Молвят тучам тени: «Золотые гряды,
Вам ли счастье, радости, краски не даны,
Вам ли нет раздолья, вам ли нет отрады
В переливах радужных светлой вышины?»

Отвечают тучи: «Темные созданья,
Бедные завистницы долей вам чужих!
Ближе вы к юдоли плача и страданья,
Но зато вы в близости радостей людских...»

197. ОСЕННИЙ МОТИВ

Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист,
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,
Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты —
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет — твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной.

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвой своей всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

Для нас — не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

198. УТРО

Вот роса невидимо упала,
И восток готовится пылать;
Зелень вся как будто бы привстала
Поглядеть, как будет ночь бежать.

В этот час повсюду пробужденье...
Облака, как странники в плащах,
На восток сошлись на поклоненье
И горят в пурпуровых лучах.

Солнце выйдет, странников увидит,
Станет их и греть и золотить;
Всех согреет, малых не обидит
И пошлет дождем наш мир кропить!

Дождь пойдет без толку, без разбора,
Застучит по камням, по водам,
Кое-что падет на долю бора,
Мало что достанется полям!

199. ЖАЛЬНИК

А. П. Милюкову

Ну-ка! Валите и бук, и березу,
Деревцо малое, ствол вековой,
Осокорь, дубы, и сосны, и лозу,
Ясень и клен, — все под корень долой!
Поле чтоб было! А поле мы вспашем;
Годик, другой и забросим потом...
Голую землю, усталую — нашим
Детям оставим и прочь отойдем!

А уж чтоб где приберечь по дороженьке
Дерево, чтобы дало оно тень,
Чтобы под ним утомленные ноженьки
Вытянул путник в удушливый день, —
Этой, в народе, черты не отыщется,
Ветру привольно и весело рыщется!
Сколько в далекую даль не гляди,
Всё пустота — ничего впереди!
Но остаются по лесе печальники...
Любит наш темный народ сохранять
Рощицы малые! Имя им — жальники!
Меткое имя, — умеют назвать!
В местности голой совсем потонувши,
Издали видный каким-то пятном,
Жальник едва прозябает, погнувши
Ветви под тяжким, глухим бытием!..
Мощные вихри насквозь пробирают,
Солнце отвсюду бесщадно палит;
Влаги для роста куда не хватает...
Жалок ты жальник... нерадостный вид...

Бедный ты, бедный! Совсем беззащитен...
Но бережет тебя черный народ;
Хворых березонек, чахлых ракитин
Он не изводит в конец, не дерет...
И, беспощадно снося великанов
С их глубоко разветвленных корней, —

В избах, в поддонках разбитых стаканов,
В битых горшочках, на радость детей,
Всюду охотно разводит герани,
Гонит корявый лимон из зерна!..
Скромные всходы благих начинаний
Чахнут в пыли, в паутине окна...

200. УТРО НАД НЕВОЮ

Вспыхнуло утро в туманах блуждающих,
Трепетно, робко сказалось едва...
Точно как сеткою блесток играющих,
Мало-помалу покрылась Нева!

Кой-где блеснут! В полутень облаченные,
Высятся зданья над сонной водой,
Словно на лики свои оброненные
Молча глядятся, любуясь собой.

Света всё больше... За тенью лиловою
Солнце чеканит струей огневой
Мачты судов над водой бирюзовою,
Выше их, ярче их — шпиль крепостной;

Давняя мачта! Огней прибавляется!
Блеск так велик, что где чайка крылом
Тронет волну — блеск волны разрывается,
Гребень струи проступает пятном.

Вон, пробираясь, как будто с усильями,
В этом великом свету, кое-где
Ялики веслами машут, как крыльями,
Светлые капли роняя к воде...

Что-то как будто восточное, южное
Видится всюду! Какой-то налет,
Пыль перламутра, сиянье жемчужное —
Вдоль широко разгоревшихся вод...

Вот... Вот и говор пошел, и несмелое
Всюду движенье; заметен народ...
Гибнет картина, как чудное целое
Сгинет совсем, по частям пропадет...

Ну, и тогда, если где над пучиною
Чайка заденет плывучую глыбь,
Там не пятно промелькнет над картиною—
Блестками, искрами скажется зыбь!

201. НАШИ ПТИЦЫ

Наши обычные птицы прелестные,
Галка, ворона и вор-воробей!
Счастливым странам не столько известные,
Сколько известны отчизне моей...

Ваши окраски всё серые, чёрные,
Да и обличьем вы очень просты:
Клювы как клювы, прямые, проворные,
И без фигурчатых перьев хвосты.

В непогодь, вьюги, буруны, метелицы —
Всё вы, голубчики, тут, подле нас,
Жизни пернатой невесть что — безделицы,
Вы утешаете сердце подчас.

И для картины вы очень существенны
В долгую зиму в полях и лесах!
Все ваши сборища шумны, торжественны
И происходят у всех на глазах.

Это не то, что сова пучеокая
Или отшельница-птица челна —
Только где темень, где чаща глубокая,
Там ей приятно, там дома она!

С вами иначе. То вдруг вы слетаетесь
Стаей большой на дорогу; по ней
Ходите, клюете и не пугаетесь,
Даже нисколько людей и коней.

То вы весь вид на картину меняете,
В лес на опушку с дороги слетев,
Белую в черную вдруг обращаете,
Сотнями в снежные ветви насев.

То, как лоскутина флера, таскаетесь
Стаей крикливою вдоль по полям,

Тут подбираетесь, там раздвигаетесь
Черным пятном по бесцветным снегам.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
Хоть не большая, а всё благодать,
Жизнь в испытаньях великих бывалая,
Годная многое вновь испытать...

202 — 211. МЕФИСТОФЕЛЬ

I. МЕФИСТОФЕЛЬ В ПРОСТРАНСТВАХ

Я кометой горю, я звездою лечу
И куда посмотрю, и куда захочу,
Я мгновенно везде проступаю!
Означаюсь струей в планетарных парах,
Содроганием звезд на старинных осях —
И внушаемый страх — замечаю!..

Я упасть — не могу, умереть — не могу!
Я не лгу лишь тогда, когда истинно лгу —
И я мир возлюбил той любовью,
Что купила его всем своим существом,
Чувством, мыслью, мечтой, всею явью и сном —
А не только распятьем и кровью.

Надо мной ли венец не по праву горит?
У меня ль на устах не по праву царит
Беспощадная, злая улыбка?!.
Да, в концерте творенья, что уши дерет,
И тогда только верно поет, когда врет —
Я, конечно, первейшая скрипка...

Я велик и силён, я бесстрашен и зол;
Мне печали веков разожгли ореол,
И он выше, всё выше пылает!
Он так ярко горит — что и солнечный свет,
И сиянье блуждающих звезд и комет
Будто пятна в огне освещает!

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу,
Всё, чему так приятно живется...
Да скажите же: разве не видите вы,
Как у всех на глазах, из своей головы,
Мефистофелем мир создается?!

Не с бородкой козла, не на тощих ногах,
В епанче и с пером при чуть видных рогах,
Я брожу и себя проявляю:
В мелочь, в звук, в ощущенье, в вопрос и в ответ,
И во всякое «да», и во всякое «нет»,
Невесом, я себя воплощаю!

Добродетелью лгу, преступленьем молюсь!
По фигурам мазурки политикой вьюсь,
Убиваю, когда поцелую!
Хороню, сторожу, отнимаю, даю —
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать — торжествую!..

II. НА ПРОГУЛКЕ

Мефистофель шел, гуляя,
По кладбищу, вдоль могил...
Теплый, яркий полдень мая
Лик усталый золотил.

Мусор, хворост, тьма опенок,
Гниль какого-то ручья...
Видит: брошенный ребенок
В свертке грязного тряпья.

Жив! Он взял ребенка в руки,
Под терновником присел
И, подделавшись под звуки
Детской песенки, запел:

«Ты расти и добр, и честен:
Мать отыщешь — уважай;
Будь терпением известен,
Не воруй, не убивай!

Бога, самого большого,
Одного в душе имей;
Не желай жены другого;
День субботний чти, говей...

Ты евангельское слово
Так, как должно, исполняй,

Как себя люби другого;
Бьют — так щеку подставляй!

Пусть блистает добродетель
Несгорающим огнем...
Amen! Amen![1] Бог свидетель,
Люб ты будешь мне по нем!

Нынче время наступило,
Новой мудрости пора...
Что ж бы, впрямь, со мною было,
Если б не было добра?!

Для меня добро бесценно!
Нет добра, так нет борьбы.
Нужны мне, и несомненно,
Добродетелей горбы...

Будь же добр!» Покончив с пеньем,
Он ребенка положил
И своим благословеньем
В свертке тряпок осенил!

III. ПРЕСТУПНИК

Вешают убийцу в городе на площади,
И толпа отвсюду смотрит необъятная!
Мефистофель тут же; он в толпе шатается;
Вдруг в него запала мысль совсем приятная.

Обернулся мигом. Стал самим преступником;
На себя веревку помогал набрасывать;
Вздернули, повесили! Мефистофель тешится,
Начал выкрутасы в воздухе выплясывать.

А преступник скрытно в людях пробирается,
Злодеянье новое в нем тихонько зреет,
Как бы это чище, лучше сделать, думает,
Как удрать непойманным, — это он сумеет.

Мефистофель радостно, истинно доволен.
Что два дела сделал он людям из приязни:

---

[1] Амины! Амины!. — *Ред.*

Человека скверного отпустил на волю,
А толпе дал зрелище всенародной казни.

IV. ШАРМАНЩИК

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Нот не хватает — а всё ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пилит и хохочет,
Песня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты, — сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик всё смотрит в окно!

V. МЕФИСТОФЕЛЬ, НЕЗРИМЫЙ НА РАУТЕ

В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'a
И Ilang Ilang'a,
На блестящем рауте

Знати светлолобой
Мефистофель движется
Сам своей особой!
И глядит с любовию
На одежды разные,
Как блестят на женщинах
Крестики алмазные!

Общество сидело,
Тараторило,
Издевалось, лгало,
Пустословило!..
Чудилось: то были
Змеи пестрые!
В каждом рту чернели
Жала острые!
И в роскошной зале
Угощаючись,
В креслах, по диванам
Извиваючись,
Из глубоких щелей,
Из земли сырой
С сладостным шипеньем
Собрался их рой...

Чуть кто выйдет в двери, —
Как кинжалами,
Вслед за ним стремятся,
Блещут жалами!
Занимались долго
С умилением,
Часто чуть не плача,
Поношением...
А когда донельзя
Иззлословились,
Задушить друг дружку
Приготовились!
А когда хозяйка, —
Очень крупный змей, —
Позвала на ужин
Дорогих гостей, —
Веселы все были,
Будто собрались
Вешать человека
Головою вниз!..
В запахе изысканном,
С свойствами дурмана,
В волнах Jockey Club'а

И Ilang Ilang'а
Мефистофель движется,
Упиваясь фразами,
И не меркнут крестики —
Все блестят алмазами!!

VI. ЦВЕТОК, СОТВОРЕННЫЙ МЕФИСТОФЕЛЕМ

Когда мороз зимы наляжет
Холодной тяжестью своей
И всё, что двигается, свяжет
Цепями тысячи смертей;

Когда над замершею степью
Сиянье полночи горит
И, поклоняясь благолепью
Небес, земля на них глядит, —

В юдоли смерти и молчанья,
В холодных, блещущих лучах,
С чуть слышным трепетом дрожанья
Цветок является в снегах!..

Нежнейших игл живые ткани,
Его хрустальные листы
Огнями северных сияний,
Как соком красок, налиты!

Чудна блестящая порфира,
В ней чары смерти, прелесть зла!
Он — отрицанье жизни мира,
Он — отрицание тепла!

Его, рожденного зимою,
Никто не видит и не рвет,
Лишь замерзающий порою
Сквозь сон едва распознает!

Слезами смерти он опрыскан,
В нем звуки есть, в нем есть напев!
И только тот цветком тем взыскан,
Кто отошел, окоченев...

VII. МЕФИСТОФЕЛЬ В СВОЕМ МУЗЕЕ

Есть за гранью мирозданья
Заколоченные зданья,
Неизведанные склады, —
Где положены громады
Всяких планов и моделей,
Неисполненных проектов,
Смет, балансов и проспектов,
Не добравшихся до целей!

Там же тлеют ворохами
С перебитыми венцами
Закатившиеся звезды...
Там, в потемках свивши гнезды,
Силы темные роятся,
Свадьбы празднуют, плодятся...

В том хаосе галерея
Вьется, как в утробе змея,
Между гнили и развалин!
Щель большая! Из прогалин
Боковых, бессчетных щелей, —
От проектов и моделей
Веет сырость разложенья
В этот выкидыш творенья!

Там, друзьям своим в потеху,
Ради шутки, ради смеху,
Мефистофель склад устроил:
Собрал все свои костюмы,
Порожденья темной думы,
Собрал их и успокоил!

Под своими нумерами,
Все они висят рядами.
Будто содранные шкуры
С демонической натуры!
Видны тут скелеты смерти,
Астароты и вампиры,
Самотракские кабиры,
Сатана и просто черти,
Дьявол в сотнях экземпляров,
Духи мора и пожаров,
Облик кардинала Реца
И Елена — la Belezza![1]

[1] Красота, красавица (*итал.*) — *Ред.*

И в часы отдохновенья
Мефистофель залетает
В свой музей и вдохновенья
От костюмов ожидает.
Курит он свою сигару,
Ногти чистит и шлифует!
Носит фрачную он пару
И с мундиром чередует;
Сшиты каждый по идее,
Очень ловки при движеньи...
Находясь в употребленьи,
Не имеются в музее!

VIII. СОБОРНЫЙ СТОРОЖ

Спят они в храме под плитами,
Эти безмолвные грешники!
Гробы их прочно поделаны:
Всё то дубы да орешники...

Сам Мефистофель там сторожем
Ходит под древними стягами...
Чистит он, день-деньской возится
С урнами и саркофагами.

Ночью, как храм обезлюдеет,
С тряпкой и щеткой обходит!
Пламя змеится и брызжет
Там, где рукой он проводит!

Жжет это пламя покойников...
Но есть такие могилы,
Где Мефистофелю-сторожу
Вызвать огонь не под силу!

В них идиоты опущены,
Нищие духом отчитаны:
Точно водой, глупой кротостью
Эти могилы пропитаны.

Гаснет в воде этой пламя!
Не откачать и не вылить...
И Мефистофель не может
Нищенства духом осилить!

IX. В ВЕРТЕПЕ

«Милости просим, — гнусит Мефистофель, — войдем!
Дым, пар и копоть; любуйся, какое движенье!
Пятнами света сияют где локоть, где грудь,
Кто-то акафист поет! Да и мне слышно пенье...

Тут проявляется, в темных фигурках своих,
Крайнее слово всей вашей крещеной культуры!
Стоит, мошной побренчав, к преступленью позвать:
Всё, всё исполнят милейшие эти фигуры...

Слушай, мой друг, но прошу — не серчай, сделай милость!
За двадцать три с лишком века до этих людей,
Вслед за Платоном, отлично писал Аристотель;
За девятнадцать — погиб Иисус Назарей...

Ну, и скажи мне, кто лучше: вот эти иль те,
Что, безымянные, даже и Бога не знают,
В дебрях, в степях неизведанных стран народясь,
Знать о себе не дают и тайком умирают.

Ну, да и я, — заключил Мефистофель, — живу
Только лишь тем, что злой сон видит мир наяву,
Вашей культуре спасибо!..» Он руку мне сжал
И доброй ночи преискренно мне пожелал.

X. ПОЛИШИНЕЛИ

Есть в продаже на рынках, на тесьмах, на пружинках
Картонажные полишинели.
Чуть за нитку потянут, вдруг огромными станут!
Уменьшились, — опять подлиннели...

Вот берет Мефистофель человеческий профиль,
Относимый к хорошим, к почтенным,
И в общественном мненьи создает измененье
По причинам, совсем сокровенным.

Так, вот этот! Считают, что другого не знают,
Кто бы так был умен и так честен,
Всё в нем складно — не худо, одним словом, что чудо!
Добр и кроток, красив и прелестен!

А сегодня открыли, всех и вся убедили,
Что во всем он и всюду ничтожен!
Что живет слишком робко, да и глуп он, как пробка,
Злом и завистью весь растревожен!

А вот этот? Сегодня, как у гроба Господня
Бесноватый, сухой, прокаженный,
И поруган, и болен, и терпеть приневолен,
Весь ужасной болезнью прожженный!

Завтра — детище света! Муж большого совета,
Где и равный ему не найдется...
Возвеличился профиль! Дернул нить Мефистофель
И кривлянью фигурки смеется...

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

212

Из Каира и Ментоны,
Исполняя церкви чин,
К нам везут мужья и жены
Прах любимых половин...

В деревнях и под столицей
Их хоронят на Руси:
На, мол, жил ты за границей —
Так земли родной вкуси!

Бренным телом на подушке
Всё отдай, что взял, назад...
За рубли вернув полушки,
Русский край, ты будешь рад!

213

Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»!
Жизнишки глупые, их мелкие грешки
Ползут на свет и требуют признанья!
Из худосочия и умственных расстройств,
Из лени, зависти и прочих милых свойств
Слагаются у нас бытописанья —
И эта пища по зубам
Беззубым нам!

214

Что, камни не живут? Не может быть! Смотри,
Как дружно все они краснеют в час зари,
Как сохраняют в ночь то мягкое тепло,
Которое с утра от солнца в них сошло!
Какой ужасный гул идет от мостовых!

Как крепки камни все в призваниях своих, —
Когда они реку вдоль берега ведут,
Когда покойников, накрывши, стерегут,
И как гримасничают долгие века,
Когда ваятеля искусная рука
Увековечит нам, под лоском красоты,
Чьи-либо гнусные, проклятые черты!

215

За целым рядом всяческих изъятий
У нас литературе нет занятий,
И литераторы от скуки заняты
Тем, что гвоздят друг друга на кресты,
Являя взорам меньших братий
Ряды комических распятий...
        Вздохнешь ли ты?

216

Не стонет справа от меня больной,
Хозяйка слева спорить перестала,
И дети улеглись в квартире надо мной,
И вот, кругом, меня так тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мне не нужна, я всю ее прочел:
По-прежнему в ходу ослиные копыта,
И за клочок сенца идет на пытку вол!

И так я утомлен отсутствием свободы,
Так отупел от доблестей людей,
Что крики кошек и возню мышей
Готов приветствовать, как голоса природы.

217

В этой внимательной администрации,
Как в геологии — всюду слои!
Дремлют живые, когда-то, формации,
Видят отжившие грезы свои.
Часто разбиты, но, изредка, в целости

Эти слои! В них особенность есть:
Затхлые издавна окаменелости
Могут, порой, и плодиться, и есть!

218

Если вспомнить: сколько всех народов,
От начала и по этот год,
Сном могилы смерть угомонила
И сложила к мертвым в общий счет...

Если вспомнить: сколько грез, мечтаний,
В этих людях, из глубокой мглы,
Зарождалось, и они, несметны,
Поднимались в небо, как орлы! —

Чем тогда является в сравненье
Личной жизни злая суета,
Тот порыв, такое-то стремленье,
Та иль эта бедная мечта?

219

Вот Ма́лахов курган! Снимаю шапку
И кланяюсь незримой крови славного кургана!..
Прозванье Малахов осталось за тобою,
Как говорят, от очень старых дней,
От пьяницы завзятого!.. Вот вам и слава,
И памятник бессмертный, как природа!
Был нужен пьяница, чтоб кличку дать горе, —
Бессмертью пьяницы был нужен Севастополь...

220

Ни одно лицо не скажет,
Что под ним таится;
Никогда простых и ясных
Слов не говорится;

Ни одна на свете совесть
Не чиста от пятен,

Ни один на свете смертный
Чувством не опрятен!

Правда есть в твоих лишь глазках,
Женщина-кудесник!..
Ей преемник мой поверит,
Верил мой предместник!..

221

Вся земля — одно лицо! От века
По лицу тому с злорадством разлита,
Чтоб травить по воле человека,
Лживых мыслей злая кислота...

Арабески!.. Каждый день обновки!
Что-то будет? Хуже ли, чем встарь?
Нет, клянусь, такой татуировки
Ни один не сочинял дикарь...

222

Еду по улице: люди зевают!
В окнах, в каретах, повсюду зевки,
Так и проносятся, так и мелькают,
Будто над лугом весной мотыльки.
Еду... И сам за собой замечаю:
Спал я довольно, да будто не впрок!
Рот мой шевелится... право, не знаю:
Это улыбка или зевок?

223

Всё юбилеи, юбилеи...
Жизнь наша кухнею разит!
Судя по ним, людьми большими
Россия вся кишмя кишит;
По смерти их, и это ясно,
Вослед великих пустосвятств,
Не хватит нам ста Пантеонов
И ста Вестминстерских аббатств...

224

В его поместьях темные леса
Обильны дичью вкусной и пушистой,
И путается острая коса
В траве лугов, высокой и душистой...
В его дому уменье, роскошь, вкус —
Одни другим служили образцами...
Зачем же он так грустен между нами
И на сердце его лежит тяжелый груз!
Чем он страдает? Чем он удручен,
И что мешает счастью?.. — Он умен!.

225

Провинция — огромное *bébé*!
Всё тащит в рот и ртом соображает,
И ест упорно, если подмечает
Три важных буквы: С.П.Б.

226

Фавн краснолицый! По возрасту ты не старик!
С жидкой бородкой, в костюме помятом...
Точно: свидетельства есть по антикам, хоть ты не антик,
Сходства меж пьяным Силеном и мертвым Сократом...
Правда и то, что заметил тебя Мефистофель!
Может, в тебя воплотится — нашел бы занятность? —
Но Мефистофель — вполне джентльмен! Тонкий профиль!
И до смешного, мой друг, уважает опрятность...

227

Вот новый год нам святцы принесли.
Повсюду празднуют минуту наступленья,
Молебны служат, будто бы ушли
От зла, печали, мора, потопленья!
И в будущем году помолятся опять,
И будет новый год им новою обидой...
　　Что, если бы встречать
　　Иначе: панихидой?

228

Я сказал ей: тротуары грязны,
Небо мрачно, все уныло ходят...
Я сказал, что дни однообразны
И тоску на сердце мне наводят,
Что балы, театры — надоели...
«Неужели?»

Я сказал, что в городе холера,
Те — скончались, эти — умирают...
Что у нас поэзия — афера,
Что таланты в пьянстве погибают,
Что в России жизнь идет без цели.
«Неужели?»

Я сказал: ваш брат идет стреляться,
Он бесчестен, предался пороку...
Я сказал, прося не испугаться:
Ваш отец скончался! Ночью к сроку
Доктора приехать не успели...
«Неужели?»

229

Свобода торговли, опека торговли —
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, в угоду купцу,
Стригут, так иль этак, всё ту же овцу.

230

Каких-нибудь пять-шесть дежурных фраз;
Враждебных клик наскучившие схватки;
То жар, то холод вечной лихорадки,
Здесь — рана, там — излом, а тут — подбитый глаз!
Талантики случайных содержаний,
Людишки, трепетно вертящие хвосты
В минуты искренних, почтительных лизаний
И в обожании хулы и клеветы;
На говор похвалы наставленные уши;
Во всех казнах заложенные души;
Дела, затеянные в пьянстве иль в бреду,

С болезнью дряблых тел в ладу...
Всё это с примесью старинных, пошлых шуток,
С унылым пеньем панихид, —
Вот проявленья каждых суток,
Любезной жизни милый вид...

БАЛЛАДЫ, ФАНТАЗИИ И СКАЗЫ

231. СТАТУЯ

П. В. Быкову

Над озером тихим и сонным,
Прозрачен, игрив и певуч,
Сливается с камней на камни
Холодный, железистый ключ.

Над ним молодой гладиатор:
Он ранен в тяжелом бою,
Он силится брызнуть водою
В глубокую рану свою.

Как только затеплятся звезды
И ночь величаво сойдет,
Выходят на землю туманы, —
Выходит русалка из вод.

И, к статуе грудь прижимая,
Косою ей плечи обвив,
Томится она и вздыхает,
Глубокие очи закрыв.

И видят полночные звезды,
Как просит она у него
Ответа, лобзанья и чувства,
И как обнимает его.

И видят полночные звезды,
И шепчут двурогой луне,
Как холоден к ней гладиатор
В своем заколдованном сне.

И долго два чудные тела
Белеют над спящей водой...
Лежит неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;

Сияет торжественно небо,
На землю туманы ползут;
И слышно, как мхи прорастают,
Как сонные травы цветут...

Под утро уходит русалка,
Печальна, бела и бледна,
И в сонные волны спускаясь,
Глубоко вздыхает она...

232. ВЕСТАЛКА

В храме пусто. Красным светом
Обливаются колонны,
С тихим треском гаснет пламя
У весталки Гермионы.

И сидит она иа камне,
Ничего не замечая,
С плеч долой сползла одежда,
Блещет грудь полунагая.

Бледен лик преображенный,
И глаза ее закрыты,
А коса, сбежав по тоге,
Тихо падает на плиты.

Каждой складкой неподвижна,
Не глядит и не вздыхает;
И на белом изваяньи
Пламя красное играет.

Снится ей покой богатый,
Золоченый и счастливый;
На широком, пышном ложе
Дремлет юноша красивый.

В ноги сбито покрывало,
Жмут докучные повязки,
Дышат свежестью и силой
Все черты его и краски...

Снится ей народ и площадь,
Снятся ликторы, эдилы,

Шум и клики, — мрак, молчанье
И тяжелый гнет могилы...

В храме пусто... Гаснет пламя!
Чуть виднеются колонны...
Веста! Веста! Пощади же
Сон весталки Гермионы!..

233. МЕМФИССКИЙ ЖРЕЦ

Когда я был жрецом Мемфиса
  Тридцатый год,
Меня пророком Озириса
  Признал народ.

Мне дали жезл и колесницу,
  Воздвигли храм;
Мне дали стражу, дали жрицу —
  Причли к богам.

Во мне народ искал защиты
  От зол и бед;
Но страсть зажгла мои ланиты
  На старость лет.

Клянусь! Клянусь бессмертным Фтою, —
  Широкий Нил,
Такой красы своей волною
  Ты не поил!..

Когда, молясь, она стояла
  У алтаря,
И красным светом обливала
  Ее заря;

Когда, склонив свои ресницы,
  И вся в огне,
Она, по долгу первой жрицы,
  Кадила мне...

Я долго думал: царь по власти,
  Я господин
Своей тоски и мощной страсти
  Моих седин;

Но я признал, блестя в короне,
С жезлом в руке,
Свой приговор в ее поклоне,
В моей тоске.

Раз, службу в храме совершая,
Устав молчать,
Я, перстень свой сронив вставая,
Велел поднять.

Я ей сказал: «К началу ночи
Взойдет звезда,
Все лягут спать; завесив очи —
Придешь сюда».

Заря, кончаясь, трепетала
И умерла,
А ночь с востока набегала —
Пышна, светла.

И, купы звезд в себе качая,
Зажегся Нил;
В своих садах, благоухая,
Мемфис почил.

Я в храм пришел. Я ждал свиданья,
И долго ждал;
Горела кровь огнем желанья, —
Я изнывал.

Зажглась румяная денница,
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица, —
Ты не была...

Тогда, назавтра, в жертву мщенью,
Я, как пророк,
Тяжелой пытке и сожженью
Ее обрек...

И я смотрел, как исполнялся
Мой приговор
И как, обуглясь, рассыпался
Ее костер!

234. ДЕТИ ЛЮБВИ

Молчит томительно глубоко-спящий мир.
Лунатик страждущий, тяжелым сном объята,
По тьме полуночной проносится Геката;
За нею в полчищах — и ящер, и вампир,
И сфинкс таинственный с лицом жены открытым,
И боги мрачных снов на тучах черных крыл,
И в пурпурном плаще, как пламенем облитом,
Богиня смерти Кер, владычица могил.

Вдруг искра яркая с плеча ее скатилась,
Зажгла росу цветка, упав в ночную тьму...
Шла лесом девушка к свиданью... Наклонилась —
И принесла цветок любимцу своему...
И были счастливы они, не замечая,
Откуда блеск цветка. Огонь любви горел,
С дыханьем радости слилось дыханье мая,
И ночь была тиха, и соловей гремел...

Несутся в полчищах полуночной Гекаты
Толпы детей любви... Как много тех детей!
Младенцы чистые толпятся, сном объяты,
В немом сообществе преступных матерей...
Цветки досрочные! Ошибки назначенья!
Они познали жизнь лишь в смерти трепеща!
Геката любит их, умерших до рожденья,
И щедро золотит их пламенем плаща...

А пылкий юноша, того не замечая,
Глядит на яркий блеск полуночных лучей
И ловит миг любви в живом дыханьи мая,
И, видя милый взгляд чарующих очей,
И чуя, как горят расцветшие ланиты,
Не думает о том, как быстролетны сны,
Как будут очи те безвременно закрыты,
Как будут мертвенно ланиты те бледны!

235. ИФИМЕДИЯ

В роще дубовой, в соседстве Эвбейского моря,
Жил с молодою женою, без слез и без горя,
Старый Алоэ. Жену Ифимедией звали...
Каждое утро, пока все домашние спали, —

Крепче других спал Алоэ, — она уходила
К близкому морю; служанка ковер приносила,
Масла, духи. Ифимедия платье снимала,
Черные длинные косы свои распускала;
Взглядом пугливым кругом побережье окинув,
В утреннем ветре от проспанной ночи остынув,
В воду входила; черпнувши, дрожа, обливалась
И, осторожно по камням пройдя, погружалась...
Старый Нептун приходился ей дедом. В те годы
Боги сближались с людьми; допускались разводы;
Чаще без них обходились и брачной постели
Не сторожили, как мы, а сквозь пальцы глядели.
Бог и властитель пучины, объезд совершая,
Мелких чиновников моря, тритонов пугая,
Многих кувыркая в воду, другим в назиданье,
Часто повадился к внучке ходить на купанье.
Бедная долго понять не могла: неги полны,
Что говорят и чего добиваются волны?
Но, наконец, поняла; а поняв — полюбила;
Каждое, каждое утро купаться ходила!
Море в себя принимало ее... Что же проще?
Ну, уж и нравилось это дриадам в той роще!..
Старый Алоэ, проснувшись, глаза протирая,
Вздумал взглянуть на жену. Он оделся, зевая,
Вышел, глядит: с набегающей пеною споря,
Бьет Ифимедия волны упрямого моря,
Реже, слабеет, неровно и трепетно дышит...
Море, поднявши ее над собою, колышет...
Долго старик любовался, глядел, улыбнулся
И, глубоко осчастливленный, к дому вернулся!

236. НА РАСКОПКАХ

Там, где царил Приам над Троею богатой —
Могучим очерком рисуясь при луне,
Разбужено киркой, встревожено лопатой,
Виденье Гектора явилося ко мне.

Кругом пахучий хлам... На пепелище старом
Неслышной поступью бродила грустно тень
Вдоль обгорелых стен, расписанных пожаром,
И у развалины присела на ступень.

Молчат кирка и лом; вдали слышны шакалы;
Земля, разрытая, нагревом дня тепла;

И спят рабочие, улегшись на отвалы,
И тихо искрится в зеленом свете мгла.

И Гектор был один! И слухом раздраженным,
Не успокоенным могилою ничуть,
Он слышит копий свист, по шлемам позлащенным
Стук бронзовых мечей, удары их о грудь.

И Гектор думает: «О, мелочность людская,
Грабеж, допущенный в обители гробов!
Труд святотатственный! В вас жизнь, оскудевая,
Себе отыскивает в рухляди — обнов!

Сама, лишенная простых и чистых красок,
Она их ищет там, где мир загробный спит,
И холод золота могильных наших масок
Им теплым кажется и пламенем горит!

Когда отроют их средь будущей пустыни,
Сменившей торжища, потомки не найдут
Ни неосмеянной во времени святыни,
Ни успокоенных в художестве минут.

Найдут осколки, лом без смысла и значенья,
Найдут могучий слой неведомых кладбищ;
Он возникал у них, лишенный попеченья,
Он будет, как они, глубоко пуст и нищ!»

И молча встала тень и обошла окопы...
Затеплилась заря в сияньях золотых,
И начали опять работать землекопы,
Тревожа мир теней для прибылей своих...

237. МЕРТВЫЕ БОГИ

И. П. Архипову

Тихо раздвинув ресницы, как глаз бесконечный,
Смотрит на синее небо земля полуночи.
Все свои звезды затеплило чудное небо.
Месяц серебряный крадется тихо по звездам...
Свету-то, свету! Мерцает окованный воздух;
Дремлет увлаженный лес, пересыпан лучами!

Будто из мрамора или из кости сложившись,
Мчатся высокие, изжелта-белые тучи;
Месяц, ныряя за их набежавшие гряды,
Золотом режет и яркой каймою каймит их!

Это не тучи! О, нет! На ветрах полуночи,
С гор скандинавских, со льдов Ледовитого моря,
С Ганга и Нила, из мощных лесов Миссисипи,
В лунных лучах налетают отжившие боги!
Тучами кажутся их непомерные тени,
Очи закрыты, опущены длинные веки,
Низко осели на царственных лицах короны,
Белые саваны медленно вьются по ветру,
В скорбном молчании шествуют мертвые боги!..

Как не заметить тебя, властелина Валгаллы?
Мрачен, как север, твой облик, Оден седовласый!
Виден и меч твой и щит; на иззубренном шлеме
Светлою искрой пылает звезда полуночи;
Тихо склонил ты, развенчанный, белое темя,
Дряхлой рукой заслонился от лунного света,
А на плечах богатырских несешь ты лопату!
Уж не могилу ли станешь копать, седовласый?
В небе копаться и рыться, старик, запрещают...
Да и идет ли маститому богу лопата?

Ты ли, утопленник, сросшись осколками, снова
Мчишься по синему небу, Перун златоусый?
Как же обтер тебя, бедного, Днепр мутноводный?
Светятся звезды сквозь бледнопрозрачное тело;
Длинные пальцы как будто ногтями расплылись...
Бедный Перун! Посмотри: ведь ты тащишь кастрюлю!
Разве припомнил былые пиры да попойки
В гридницах княжьих, на княжьих дворах и охотах?
Полно, довольно, бросай ты кастрюлю на землю;
Жителям неба далекого пищи не надо,
Да и растут ли на небе припасы для кухни?

Как не узнать мне тебя, громовержец Юпитер?
Будто на троне, сидишь ты на всклоченной туче;
Мрачные думы лежат по глубоким морщинам;
Чуется снизу, какой ты холодный и мертвый!
Нет ни орла при тебе, ни небесного грома;
Мчится, насупясь, твоя меловая фигура,
А на коленях качается детская люлька!
Бедный Юпитер! За сотни прожитых столетий
В выси небесной, за детски невинные шашни,

Кажется, должен ты нянчить своих ребятишек;
В розгу разросся давно обессиленный скипетр...
Разве и в небе полезны и люлька, и розги?

Много еще проносилось богов и божочков,
Мертвые боги — с богами, готовыми к смерти,
Мчались на сфинксах двурогие боги Египта,
В лотосах белых качался таинственный Вишну,
Кучей летели стозубые боги Сибири,
В чубах китайцев покоился Ли безобразный!
Пальмы и сосны, верблюды, брамины и маги,
Скальды, друиды, слоны, бердыши, крокодилы —
Дружно сплотившись и крепко насев друг на друга,
Плыли по небу одною великою тучей...

Чья ж это тень одиноко скользит над землею,
Вслед за богами, как будто богам непричастна,
Но, несомненней, чем все остальные — богиня!
Тень одинокая, женщина без одеянья,
Вся неприветному холоду ночи открыта?!
Лик обратив к небесам, чуть откинувшись навзничь,
За спину руки подняв в безграничной истоме,
Грудью роскошною в полном свету проступая,
Движешься ты, дуновением ветра гонима...

Кто ты, прекрасная? О, отвечай поскорее!
Ты, Афродита, Астарта? Те обе — старухи,
Смяты страстями, бледны, безволосы, беззубы....
Где им, старухам! Скажи мне, зачем ты печальна,
Что в тебе ноет, и чем ты страдаешь так сильно?
Может быть, стыдно тебе пролетать без одежды?
Может быть, холодно? Может быть... Слушай, виденье,
Ты — красота! Ты одна в сонме мертвых живая,
Обликом дивным понятна; без имени, правда!
Вечная, всюду бессмертная, та же повсюду,
В трепете страсти издревле знакомая миру...
Слушай, спустись! На земле тебе лучше; ты ближе
Людям, чем мертвым богам в голубом поднебесье:
Боги состарились, ты — молода и прекрасна;
Боги бессильны, а ты, ты, в избытке желаний,
Млеешь мучительно, в свете луны продвигаясь!
В небе нет юности, юность земле лишь доступна;
Храмы сердец молодых — ее вечные храмы,
Вечного пламени — вспышки огней одиночных!
Только погаснут одни, уж другие пылают...
Брось ты умерших богов, опускайся на землю,

В юность земли, не найдя этой юности в небе!
Боги тебя недостойны — им нет обновленья.

Дрогнула тень, и забегали полосы света;
Тихо качнулись и тронулись белые лики,
Их бессердечные груди мгновенно зарделись;
Глянула краска на бледных, изношенных лицах,
Стали слоиться, твой девственный лик сокрушая,
Приняли быстро в себя, отпустить не решившись!
Ты же, прекрасная, скрывшись из глаз, не исчезла —
Пала на землю пылающей ярко росою,
В каждой росинке тревожно дрожишь ты и млеешь,
Чуткому чувству понятна, без имени, правда,
Вечно присуща и всё-таки неуловима...

238. НОЧЬЮ В ЛЕСУ

В старый лес вхожу я светлой ночью;
Каждый лист луною озарен,
И осыпан неподвижным светом,
Старый лес как будто весь зажжен.

Вижу я: в изгибах безобразных
Своды сучьев гнутся до корней,
И блестят, одеты пестрым мохом,
Груды камней и подгнивших пней.

Ночь чудес! В таинственном покое,
Ты прекрасней северного дня...
Вижу я, что кто-то темный, темный,
По деревьям мчится на меня, —

Тихо обнял и ушел в деревья...
Это туча, в небе проходя,
Черной тенью пронеслась по лесу,
За другою тучею следя.

Вон колдун и великан косматый,
Свесив харю страшную свою,
Повалил и душит под собою
Бессловесных карликов семью...

Нет, неправда! Нет там великана:
Это хата у ручья стоит,

С грузной крышей, на больших каменьях;
В ней лесник, должно быть, крепко спит.

Вон вдали, над озером витает
Рой русалок, светлых и нагих;
Сколько лиц мне видится знакомых,
Сколько лиц давно уж не живых!

Вижу я: есть очень молодые,
Есть постарше — больше их числом...
Хоть бы та, что грудь дает ребенку
И поит холодным молоком!

Что глядишь мне так упорно в очи?
Взор знакомый — ты позеленел!
Свет воды мне в сердце затекает...
Как бы я уйти, бежать хотел!

Вздор! Обман! Русалок нет на свете...
Задалась утопленница мне
Что ж что я видал ее когда-то, —
Что гулял я с нею при луне?

Только нет! Она ко мне подходит...
Светлый лес, погасни поскорей!
Ты, заря! Что ж не идешь так долго —
С жизнью, с правдой, с краскою твоей!

Ближе, ближе... Раздается хохот,
Раздвигаю кущу тростника:
В сердце холод, а к ногам, дымяся,
Подкатилась сонная река...

239. ЛЮДСКИЕ ВЗДОХИ

Когда в час полуночный люди все спят,
И светлые звезды на землю глядят,

И месяц высокий, дробясь серебром,
В полях выстилает ковер за ковром,

И тени в причудливых гранях своих
Лежат, повалившись одни на других;

Когда в неподвижно сверкающий лес
Спускаются росы с высоких небес,

И белые тучи по небу плывут,
И горные кручи в туманах встают —

Легки и воздушны в сияньи лучей,
На игры слетаются вздохи людей;

И в образах легких, светясь красотой,
Бесплотно рожденные светом и тьмой,

Они вереницей, незримо для нас,
Наш мир облетают в полуночный час.

С душистых сиреней, с ясминных кустов,
С бессонного ока, с могильных крестов,

С горящего сном молодого лица,
С опущенных век старика-мертвеца,

Со слез, ускользающих в лунном свету,
Они собирают лучи на лету;

Собравши, — венцы золотые плетут,
По спящему миру тревожно снуют

И гибнут под утро, при первых лучах,
С венцами на ликах, с мольбой на устах.

240. ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

В лесах алоэ и араукарий,
В густой листве бананов и мимоз —
Следы развалин; к ним факир и парий
Порой идут, цепляясь в кущах роз.

Людские лики в камнях проступают,
Ряды богов поверженных глядят!
На страже — змеи! Видимы бывают,
Когда их гнезда люди всполошат.

Зловещий свист идет тогда отвсюду;
Играют камни медной чешуей!

Спеши назад! Не то случиться худу:
Нарушил ты обещанный покой.

Покой! Покой!.. Когда-то тут играла
Людских судеб блестящая волна,
Любовью билась, арфами звучала
И орошалась пурпуром вина.

Свободны были мыслей кругозоры,
Не знала страсть запретного плода,
И мощный царь, — жрецов вещали хоры, —
Мог с божеством поспорить иногда...

Каких чудес дворцы его не знали
В волшебных снах чарующих ночей!
Каких красот в себе не отражали
Часы любви во тьме его очей!

Раз было так: чуть занялась денница,
Полночный пир, смолкая, утихал,
Забылась сном на львиной шкуре жрица,
Верховный жрец последним отплясал.

Еще с утра, с нарочными гонцами,
Проведал царь победу над врагом.
Последний враг! Царь — старший над царями!
Он делит землю только с божеством!

Погасло в нем последнее желанье,
Смутился дух свободой без границ...
И долго царь глядел на пированье
Сквозь полутень опущенных ресниц.

«Ко мне, мой сын!» И до царева ложа,
На утре дней в лучах зари горя,
По ступеням, дремавших не тревожа,
Подходит робко первенец царя.

И царь, приняв от сына поклоненье,
Заре навстречу, звукам арфы вслед,
В словах негромких, будто дуновенье,
Вещал ему последний свой завет:

«Когда мой час неведомый настанет,
И сквозь огонь и ароматы смол
Свободный дух в немую вечность канет,
Приемлешь ты в наследие престол.

Свершив обряд, предав меня сожженью,
Как быть должно по старой старине,
Ты этот город обратишь к забвенью,
Построишь новый, дальше, в стороне, —

Чтоб тишина навеки водворилась
Здесь, где замкнет мне смерть мои уста,
Чтоб в ходе лет здесь вновь не зародилась
Людских деяний вечная тщета...

Чтоб никогда ни клики поминанья,
Ни звук молитв в кладбищенской тиши
Не нарушали тихого блужданья,
Свободных снов живой моей души.

Я так устал, я так ищу покоя,
Что даже мысль о полной тишине
Дороже мне всего земного строя
И всех других ясней, понятней мне...»

И божество завет тот услыхало
И, смерть послав мгновенную царю,
В порядке стройном тихо обращало
В палящий день прохладную зарю.

И далеко от этих мест отхлынул
Людских страстей живой круговорот,
Роскошный лес живую чашу сдвинул,
И этих мест чуждается народ.

Змеиный свист здесь слышен отовсюду,
Сверкают камни медной чешуей.
Спеши назад! Не то случиться худу —
Нарушил ты обещанный покой.

241. БРАВИ[1]

Д. П. Сапиенце

Я был уда́лым молодцом!
Неслись со струн моей гитары
Любви и молодости чары.
Я был удалым молодцом!

---

[1] Храбрецы, удальцы (*итал.*) — *Ред.*

О мне в стенах монастырей
Идет молва, разводят лясы,
И крупный смех колеблет рясы
Святых отцов и матерей.

Не раз гонялися за мной,
Смущались поисками сбиры;
Меняя вслед за мной квартиры,
Не раз гонялися за мной.

В изображении сожгли
Меня, не могши взять в натуре!
То был позор прокуратуре:
В изображении сожгли!

Я знал, где судьям путь лежал, —
Пошел на станцию возницей;
Со мной кто ехал — мчался птицей!
Я знал, где судьям путь лежал...

И помню я, как я их вез.
Дорога кручами бежала.
Они не чуяли нимало,
Зачем, куда и кто их вез.

И обо мне их речь была.
Молчу и слышу за спиною —
Толкуют: как им быть со мною?
Их откровенна речь была...

Узнал я, кто меня продаст,
Какую он получит цену
По уговору за измену, —
Узнал я, кто меня продаст.

Узнал! Но вот изгиб пути.
Над темной кручею обвала
Дорога резкий круг давала,
Чуть означался край пути.

А судьи ту же речь ведут...
Я обернулся к ним: «Синьоры!
Недаром славны наши горы:
Ведь это я, синьоры, тут!»

Мне не забыть их глупых глаз,
Что вдруг расширились не в меру!
Я разогнал коней к барьеру,
Бичом хватил их в самый раз,

Пустил из рук весь ком вожжей...
Прыжок к скале... Что дальше было,
Как их по кручам вниз дробило, —
Не видел... Жалко мне коней!

Да, был я бравым молодцом!
Неслись со струн моей гитары
Любви и молодости чары...
Да, был я бравым молодцом!

242. ГОРЯЩИЙ ЛЕС

Л. Б. Вейнбергу

Еду я сквозь гарь лесную
В полночь. Жар палит меня;
Страх какой-то в сердце чую,
Ясно слышу дрожь коня.

По пожарищу заметны
Чудищ огненных черты, —
Безобразны, злы, несметны,
Полны дикой красоты;

Заплетаются хвостами,
Вдоль дымящихся корней
Вьются, щелкают зубами
И трещат из дымных пней.

Пламя близко подступает,
Жар лицо мое палит,
Ум мутится, мысль блуждает, —
Будто тлеет и дымит!

Слышу сказочные были...
Речь идет о чудесах...
Уж не тризну ль тут творили,
Сожигая царский прах?

Мнится: в утренней прохладе,
На кровати расписной,
Царь лежит в большом наряде,
Стиснув меч своей рукой.

Очи мгла запечатлела,
Исказила смерть черты;
На поленницах, вкруг тела,
В груды сложены щиты,

Копья, цепи, луки, брони,
Шкур мохнатые ковры,
В ночь зарезанные кони,
Круторогие туры,

Гусли, бронзовые била
И труба, что в бой звала,
И ладья, что с ним ходила,
И жена, что с ним жила...

Всё сгорело! Стало тише...
След дружинников исчез...
От могильника, всё выше,
Стал пылать дремучий лес;

Бьется красными волнами,
Лижет тучи в небесах
И царя, с его делами,
Развевает в дым и прах;

Полои ратью огневою
Чудищ в обликах людских,
Он в погоню шлет за мною
Бестелесных чад своих!

Конь мой мчится, лес мелькает,
Жар сильней, душнее гарь!
Слышу, слышу: окликает,
Нагоняет мертвый царь!

Он, как я, в седле высоком,
Но на огненном коне,
Близко чуется, под боком,
Жмется стременем ко мне;

Говорит мне: «Гость желанный,
Улетим, отбросив страх,
К той стране обетованной,
Где журчат ручьи в лугах,

Где, познав любовь фиалки,
Ландыш, что ни ночь, бледней,
Где красавицы-русалки
Ждут таких, как ты, гостей, —

Где, под светом влаги синей,
Много звезд морских цветет,
Лес кораллов, бел как иней,
Отеняя их, растет;

Где под тихой глубиною
Даже солнца мощный лик,
Охлаждаемый волною,
Светит скромен, невелик;

Там, поющим струйкам вторя,
Будешь ты, как струйка, петь
И о жизни, полной горя,
Не захочешь пожалеть!..

О, поверь мне! Смерть прекрасна,
Смерть приветлива, неясна,
Только с виду самовластна
И костлява, и страшна...»

Шепчет царь еще мне что-то...
Мчимся мы по жердняку;
Различаю я болото...
Вижу сонную реку...

Сгинул царь! В борьбе с трясиной
Стал пожар и шлет за мной,
В темень ночи воробьиной,
Дым, как пламя огневой...

243. ДВА ЦАРЯ

С. О. Ширяеву

Два царя, друзья от детства,
Раз беседой занялись
И хвалить свои наследства
Друг пред другом принялись.

— У меня, в моем владенье, —
Говорил из них один, —
Вся природа — наслажденье,
И не счесть ее картин!

Дышат вечною весною
Виды горных панорам,
Море лентой голубою
Льется к теплым берегам,

Стройных пальм глядят вершины
С высоты своих стволов,
Гнутся кактусы в долины
Красным пламенем цветов;

Персик бархатом играет,
Темен пурпурный гранат,
Солнце блеском наливает
Ананас и виноград.

— У меня лишь с края горы,
Остальное все — простор,
Где вступают вихри в споры,
И безбрежен кругозор;

Все моря мои сердиты,
Ребра скал измождены,
В устьях рек пески намыты,
Недра волн морских черны;

Зимы — долги, вёсны — кратки,
Есть места — не знают дня,
Снегу столько — что на святки
Царство в царстве у меня;

Хвои — тёмны, дебри — дики,
И по ним из года в год

Где морошки, где брусники,
Нескончаемый налет.

— У меня в красе привычной,
При сиянии луны,
Вторит песенке обычной
Рокотание струны;

В песнях славятся турниры,
Дальний звон былой гульбы;
Змеи, грифы и вампиры
Поместились на гербы;

Храбро бьются паладины
В одеяниях стальных;
Повторяют песнь руины,
Глядя ласково на них;

Наши пажити богаты,
И по ним везде кругом
Дремлют ценные палаты
В облаченье вековом;

Нет богатствам нашим меры,
И вдоль всей моей страны
Воплощаются химеры,
Проступают правдой сны;

И без малого до Ноя
Можно выследить назад
От героя до героя
Славных жизней длинный ряд;

И политика здесь чудо:
От древнейших, от времен,
Так иль нет, добро иль худо —
Я союзами силен;

Между ними выбираю,
Где ласкаюсь, где сержусь,
И порой, я это знаю,
Над собой и сам смеюсь.

— У меня всё больше бревна
И лубки по деревням,

Но, сказать неголословно,
Был черед богатырям.

Горы оползни давали,
Под стопами их треща;
Бились ловко — хоть не знали
Ни хитона, ни плаща.

Прежней жизни не водилось
В той стране, где мы живем:
Как от Бога народилась,
Так и шла особняком.

И куда уж нам до Ноя!
Наш архив, где вкривь, где вкось,
Близкий к правдам Домостроя,
Составлялся на авось!

Но живут и без архивов
От неведомых времен —
Много памятных порывов
И возлюбленных имен!

Что до песни — песни тоже
Мы имеем налицо!
Есть у нас, да в герб не гоже,
Наше крепкое словцо;

С ним в тяжелую минуту,
С кратким кличем: эх! да ну!
Не одну мы рвали путу,
Обвивавшую страну!

Рвали вовсе без союзов!
Не носить же, в трудный час,
Для союзов лишних грузов, —
Все союзы против нас.

— В областях моей короны,
Всем известны, напоказ,
Наши девушки и жены;
Строен стан их, ярок глаз!

К роднику ль пойдет с кувшином,
Или веер пустит в ход, —

В пору только паладинам
Этот женский наш народ.

В них красива даже ревность;
Воли их не превозмочь;
Воспевала женщин древность,
Воспевать и мы не прочь!

Край богат, легки работы;
Всюду, всюду благодать!
Только нам и есть заботы —
Чтобы жить, не умирать!

Страшно думать, что у гроба,
В срок мучительных минут,
Всем, но каждому особо,
«De profundis» запоют...

— Над моей святой державой, —
Не для вас такой закон, —
Могут женщины со славой
Восходить на самый трон.

Не для них одежд новинки,
Но не прочь они ничуть
Душегрейки и косынки
Где прикрыть, где распахнуть!

Их просторны сарафаны,
И растут у их груди
Краснощекие буяны
К трудной жизни впереди!

Чтобы легче сбыть земное,
Наша вера учит нас,
Что не пугало чудное
Заповедный смертный час;

Здесь несем мы труд, заботу;
Где ж награды ожидать?
И по ясному расчету —
Нам не трудно умирать!

Слышав то, властитель юга
Ничего не отвечал,
Зорко он взглянул на друга
И в раздумье — замолчал...

244. ПЕТР I НА КАНАЛАХ

Как по шпилям, верхам, шатровым куполам
Летним утром огонь разгорался!
Собирался царь Петр в самый мирный поход
И с женой Катериной прощался:

«Будь здорова, жена! Не грусти, что одна;
Много, видишь, каналов готово;
Еду их осмотреть, чтоб работе спореть...
Напиши, если что... Будь здорова!»

Глухо дебри лежат, над болотами спят...
Много дела — да силы-то малы!
Надо дебрь разбудить, чтоб ей тоже служить...
Пусть, мол, глянут по дебри каналы!

Где в колесном возке, где на бодром коне
Едет царь вековыми лесами;
Изучает страну, во всю ширь и длину
Наблюдает своими очами...

«Надо, надо взглянуть! Норовят все надуть!
Может, даже, совсем не копают?
Поглядишь — простецы эти жмоты-купцы!
А где страху им нет — надувают!»

День за ночью идет, потеряешь им счет,
Если ехать судьба без дороги!
Вот каналы пошли и блестят вдоль земли,
А землянки людей, что берлоги.

И куда ни взгляни, только щепки, да пни,
Да отвалы идут земляные!
Гонит царская мочь, гонит пролежни прочь
Со здорового тела России.

Близок царь! Весть бежит! Привирает, мутит
И повсюду царя упреждает...
Призадумался вор! Царь-то больно востер!
Знаем как, если нужно, кончает!

«Ой уж как-то нам быть? Как нужде пособить?
Ведь не вырыто нами и трети
Из того, что должно?.. Умирать суждено...
Стукнет, гикнет: «А нуте-ка, дети!»

Нет, родные, шабаш, чуть появится наш!
Разве, братцы, на хитрость пуститься?
Землю вырыть в длину, подогнать в ширину, —
Остальное потом углубится!»

Собирался весь скоп. Повалил землекоп.
Уж платили-то, знатно платили!
И каналы прошли как им быть вдоль земли,
Провели и воды напустили...

Яркий вечер горит, густо дебрь золотит,
И у самой у крайней лопаты
Царь с дубинкой в руке, в распашном армяке,
Поверяет работы и платы.

И как в небе заря — так лицо у царя
Всё сияет! Он жалует смехом!
И уж радостен он, и уж как подарён
Неожиданным вовсе успехом!

А поодаль стоит молчаливый синклит
Хитрецов, мудрецов на захваты!
«Уж вот на! Удалось! У Петра сорвалось!
Не замай наших! Мы ли не хваты!»

Не пылать бы заре! Не блестеть бы воде!
Не валиться бы на воду мошкам!
Не казну б воровать, не Петра надувать,
Не подменивать блюда лукошком!

Головой царь поник... Потемнел его лик...
Дума черная радость хоронит...
«Отчего тут вода, — вздумал царь, — не туда,
Куда надо бы ей, мошку гонит?»

По откосу долой сходит тяжкой стопой
И, к воде подошедши, нагнулся,
И дубинку воткнул... Чуть конец затонул...
Подождал это царь... Оглянулся!..

Ох! Не небу гореть! Не царю бы краснеть!
Все, бледнея, молчанье хранили...
А из царских очей, звезд вечерних ярчей,
Две слезы, две слезы проступили...

Ну, а там по пятам, в поученье ворам,
Как должно́, принялись за расправу...
Прав был вор, говоря про обычай царя:
Сокрушит, если что не по нраву!

245. О ПЕРВОМ СОЛДАТЕ

(Песня Семеновского полка)

Дело было очень просто:
Первый жил солдат Бухвостов
Двести лет назад;

С ним Петровская бригада
Народилась из наряда,
Стала в первый ряд!

Непригожи были, малы,
Фузеи да самопалы,
Увалень — народ!

Ну, а всё же с тем народом
Вышли первым мы походом
В Кожухов поход.

У стрельцов поднялись смехи
От Кожуховской потехи;
Стрелец говорит:

«Сочинитель всех затеев
Бомбардир Петр Алексеев —
Чудеса творит!»

И Потешные чудили!
Артикул, устав учили,
Брали крепостцы,

А как было всё готово,
Очутились у Азова, —
Вот так молодцы!

Стрельцы видят, осерчали,
Петру смертью угрожали;
Царь заговорил:

«Ну-ка вы, моя пехота,
Вы птенцы, души забота,
Я ль вас не любил!

Не пора ли кончить разом,
Чтобы был конец проказам,
Козням старины!»

Петр сказал... Замолкли шашни.
Мало ль что видали башни
Кремлевской стены?!

Лиху было не до смеха!
Росла царская потеха,
Росла Божья рать!

И задумал король швецкий
Рост потехи молодецкой,
Русский рост унять!

Сам он был малоголовый,
Шустрый, вострый и толковый, —
Дал Полтавский бой!

Лейб-гвардейцы были точны,
Гнали до Переволочны
Их перед собой...

Порешив Ништацким миром,
Занялись гвардейцы пиром, —
Горевал сосед!

Заварили браги, бражки
В честь Хмельницкого Ивашки,
Праздник делу вслед.

Петр тогда болота вытер
И поставил город Питер
Двести лет назад...

Вот как было дело просто
С той поры, как жил Бухвостов,
Первый наш солдат!

246. О ЦАРЕВИЧЕ АЛЕКСЕЕ

Было то в стране далекой,
Лет, без малого, чай, двести!..
На поморьи калабрийском,
Где на самом видном месте
Город есть, Бари зовется,
Льнущий к морю, как к невесте, —
Ясным утром, очень рано,
По обету и по чести,

К Николаю-чудотворцу,
Мирликийскому святому,
Караван тащился русский,
А вести пришлось Толстому.
Из Сент-Эльмской цитадели
Дали крюк! Жаль, по-пустому:
Приближаться б им скорее
Ближе к дому, ближе к дому...

Дом тот — крепость в Петербурге,
Еле конченная кладкой;
Казематы чуть просохли;
Появились для порядка
Царства нового, Петрова...
В царстве — точно лихорадка!
Глухо ходит недовольство
И с Петром играет в прятки.

Во Владимире на Клязьме,
В ночь к царице Евдокии,
Ходят в келью скрытно, тайно,
Люди всякие лихие:
На царя куют оковы,
На погибель всей России,
Ходит Глебов с Досифеем,
Лопухин, еще другие!

Извести Петра им надо,
Извести его скорее!
Их надежды, все надежды
В царском сыне Алексее!
Воцарится — уничтожит
Всех замеченных в затеях,
Иностранцев гладко бритых,
Щеголяющих в ливреях!

Потому: царевич-постник,
Вырос в строгом, древнем чине,
Мыт и чесан по закону
Бабьей ласкою, и ныне
Он союзников вербует
На подмогу, на чужбине...
Все надежды, все надежды
В Алексее, царском сыне!

К Николаю-чудотворцу
Караван его подходит...
Взгляд царевича больного
Неспоконо, робко бродит;
Он с чухонки Евфросиньи
Тусклых глаз своих не сводит!
Ей одной живёт и дышит,
Раскрасавицей находит.

Удивились в храме лики
Византийских преподобных, —
Увидав впервые русских,
Кое в чем себе подобных,
Хоть и в платьях непривычных,
Узких, куцых, неудобных;
Больше всех дивил царевич
Взглядом глаз пугливо-злобных!

И царевич с Евфросиньей
Долго рядышком молились,
И, пожертвовав на церковь,
В дальний путь домой пустились;
Путешествия в те годы
Часто месяцами длились...
Обещал им Петр прощенье,
Лишь бы только возвратились!

Не прошло и полугода,
Над Невою, в каземате,
Над царевичем шли пытки,
Не в застенке — при палате;
Потянули всяких грешных
К объясненью и расплате...
Мало ль что у нас бывало
С краю света, в нашей хате!

«Замышлял ли ты, царевич,
Погубить дела Петровы

И разрушить в государстве
Все великие основы?
Ты ковал ли на Россию
В иностранных царствах ковы?
Были ль на цареубийство
Заговорщики готовы?»

Отвечал царевич смутно
Околесные признанья...
Обратились к Евфросинье, —
Поддалась на увещанья!
Всё открыла: как, что было,
В чем имелись ожиданья,
Всё, что ей царевич выдал,
Темной ночью, в час лобзанья!

Черной рабскою душою
Продала, кого любила!
Жизнь не раз уже рабами
Предстоявшим рабству мстила...
Собрал Петр большую думу,
И та дума порешила:
Казни заслужил царевич, —
И не трон ему — могила!..

А уж что за это время
Петр испытывал — словами
Передать нельзя! В грядущем
Дальнозоркими очами
Уж чего не прозревал он?
Говорят, что он, часами,
Неподвижен, недоступен,
Одержим был столбняками!

Не для сладких сантиментов,
Не для временной забавы
Из своих тесал он мыслей
Основания державы!
Неспроста стрельцов сгубил он
В разливной крови расправы,
И на дыбу гнал крамолу,
Ассамблеей гладил нравы!

«Погубить ли мне Россию
Или сына? — Бог с ним, с сыном!..»
И поставлен Петр Великий
Над другими исполином!

Как его, гиганта, мерить
Нашим маленьким аршином?
Где судить траве о тыне,
Разрастаясь по-над тыном?

247. НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Да, были казни над народом...
Уж шесть недель горят концы!
Назад в Москву свою походом
Собрались царские стрельцы.

Смешить народ оцепенелый
Иван епископа послал,
Чтоб, на кобылке сидя белой,
Он в бубны бил и забавлял.

И новгородцы, не переча,
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их Веча
По воле царской снят долой!

Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут;
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.

Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.

Разбили колокол, разбили!..
Сгребли валдайцы медный сор,
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...

И, быль старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной,
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..

248. КОРОНА ПАТРИАРХА НИКОНА

С. М. Маркову

Есть в патриаршей ризнице в Москве
Среди вещей, достойных сохраненья,
Предмет большого, важного значенья,
Дававший пищу, некогда, молве,
Теперь в нем смысл живого поученья,
И этот смысл нетрудно уловить...

Корона Никона! В ней — быть или не быть
Царева друга, гордого монаха,
В ней след мечты, поднявшейся из праха;
И так и чувствуешь какой-то смутный страх,
Как бы стоишь у края грозной кручи...
Двум бурям не гудеть из той же самой тучи,
Двум солнцам не светить на тех же небесах!

И так и кажется: с церковного амвона,
Первосветителем духовного закона,
Он, Никон, шествует народ благословить;
Покорный причт толпится; услужить
Торопится... На Никоне корона!
Вот эта самая! По узкому пути
В неясном шепоте проносится толпою,
Что будет летописью, быв сперва молвою:
«Смотри, смотри! Бес вышел мир пасти!
Два ценные венца несет над головою,
Их будет семь! Он в злато облечен,
Идет святителем, в нем бес неузнаваем,
В Святом Писании он назван Абадонн...
Слыхали ль? Нет? В ночи к палате царской
Кольчатым змеем бес по лестнице всползал,
Играл с венцом царевым, проникал
В синклит духовный и в совет боярский...
Смотри, смотри, как шапка-то горит!
Царев венец на ней не по уставу!
То бес идет! Ведет свою ораву,
Он тех прожжет, кого благословит...»

Молва, молва! В твоем ли беспокойном
Живом сознанье слышится порой,
В намеке быстром, в помысле нестройном,
Призыв набатный силы вечевой!
В твоем ребяческом и странном измышленье
Горит в глубокой тьме, в таинственном прозренье,

Сторожевая мысль по дремлющим умам!
Созданиям молвы, как детям в царство Бога,
Открыта издавна широкая дорога
До недр истории, ко всем ее мощам...

Корона! Шутка ли? Забытая, немая,
Объята грезою несбывшегося сна,
Она лежит теперь безмолвна и пышна,
Того, что думалось под ней, не разглашая.
Вокруг оглавия поднялись лепестки,
Блестя алмазами, высоко проступили
И царственным венцом отвсюду окружили
Монашеский клобук, зажав его в тиски.

В ней мысль воплощена, рожденная недаром!
Отвага в ней была и на успех расчет...
В ней были мор и смрад, и веяло пожаром
Всего того, чем силен стал народ!
В ней что-то чуждое воочию слагалось:
К родной нам церкви язва присосалась,
Опасным замыслом был мощный ум объят,
Годами бед и зол неслыханных чреват.

Но где-то там, внизу, в толпах, сознали рано,
Стихийной силою всей чуткости своей,
Что́ может изойти из гари и тумана
Двух перевившихся в единое огней!
Борьбой неравною народ мог быть осилен!
Как с патриархом быть — он сам пути нашел:
Ведь Никон — еретик, он книги перевел
Неверно с истиной, в них ряд улик обилен, —
И Никон пал, и начался раскол...

Народ метет порой великим дуновеньем...
Наскучив разбирать кто прав, и кто велик,
Сквозь мысли лживые, с их долгим самомненьем,
Он продвигает вдруг свой затемненный лик:
«Я здесь — гласит тогда — и вот чего желаю!
Вот это — молвит — мне по сердцу, по плечу!
Чего мне надобно, ясней других я знаю,
А потому-то вас, как грезу сна, свеваю,
Вас, жаждущих того, чего я не хочу!»

Народ... Народ... Он сам сложил свое былое!
Он дал историю! В ней все его права!
Другим успех и мощь в том или в этом строе,
Жизнь в наслоениях, зако́ны в каждом слое,

Призванья пестрые... Но нам нужна Москва,
Москва единая над неоглядной ширью
Разбросанных везде рабочих деревень,
Нам, нам, — нехитрый быт, родных поверий сень,
И святость догмата, с каноном и псалтырью!
Нам песня, полная суровой простоты,
И дни короткие, и жгучие метели,
И избы дымные, и жесткие постели;
Несдержанный разгул, безумные мечты...
Нам заповедный труд томительных исканий,
Особый взгляд на все, на жизнь, на смерть, на честь...

Но у кого же, где, в годины испытаний
Мы силы черпаем, которые в нас есть?
Чей голос слышится, когда, гудя громами,
Война кровавая струит свинцовый дождь?!
Народ несет хоругвь отборными сынами,
Чтоб закрепить могильными холмами
Живой своей души испытанную мощь!
Народ давал руля, когда в глухих порывах
Тяжелых смут, среди кипящих волн,
Случалось проводить в бушующих извивах
Стремнин губительных наш заповедный челн...
И будет так всегда...

О! Кто ж вести возьмется
Народ на новый путь неясных благостынь!
И что дадут ему за то, что отберется?
Что тронет сердце в нем, и чем оно забьется
Над усыпальницей развенчанных святынь?
Кто душу новую, из новых сочетаний,
Путем неведомых и темных волхвований,
Как вызов Божеству, на русский люд соткет,
И этой новою, улучшенной душою
Наполнит в нем все то, что станет пустотою, —
И что же, что тогда заговорит народ?..

240. ВИТЯЗЬ

Вышел витязь на поляну;
Конь тяжелый в поводу...
«Где, мол, быть беде, изъяну,
Я туда теперь пойду.
Там, где в тучах за морями
Мучит деву Черномор;

Злыми где богатырями
Полон темный, темный бор;
Где недобрый царь изводит
Войско доброго царя;
Аспид-змей по людям ходит,
Ядом жжет и душит зря, —
Там нужда в моей защите...»

Смотрит витязь: старичок
Вдруг предстал! В помятой свите,
Желт, морщинист — как сморчок;
Сгорблен долгими годами,
Очи востры, нос крючком,
Борода висит клоками,
Словно сбита колтуном.
«Здравствуй, витязь! Ты отколе,
А еще верней: куда?!»
— Погулять хочу на воле,
Посоветуй, борода! —
«Про какую ж это волю
Ты задумал погулять?»
— Злым я людям не мирволю!
Черномора б мне сыскать!
От него спасу девицу!
Злого змея поборю
И отдам свою десницу
В помощь доброму царю!
«Значит, ищешь Черномора?
Да какой же он на вид?
Много, знать, в тебе задора,
Сильно кровь в тебе кипит!
Ну, да быть тебе с победой,
И прославишься ты въявь!»
— Старче! Знаешь что — поведай?
Силу витязя направь! —
«Что ж, могу...»
И начал старче
Мира зло перечислять...
Что ни сказ, то лучше, ярче...
Мастер был живописать!
Говорит ему день целый,
И другой он говорит...
Витязь, словно очумелый,
Жадно слушает, молчит!
Созерцает он крамолу,
Дерзость мерзости людской,
Опустил он очи долу
И поникнул головой...

И туда бы, значит, надо,
И туда, и там беда!
И, своим рассказам рада,
Продолжает борода...
Есть бы нужно! Выпить в пора!
И давно уж время в путь!
Больше в россказнях задора,
Не кончаются ничуть!
Конь издох — лежит стреножен;
Точит ржавчина копье!
Меч глядит из ветхих ножен, —
Борода же всё свое.
Витязь повести внимает...

Говорят, что до сих пор
Выйти в путь ему мешает
И морочит — Черномор!

250. О ЧУДОДЕЙНОМ КОНЕ

(Из русской сказки)

В стары годы, в дальних странах
Бел-кудряв жил богатырь;
Не бездолен, только болен
Прочным телом в глубь и в ширь.

Что ни сутки — лихоманка;
Чуть приступит — бьет и бьет,
Нудит — тянет, тянет — нудит;
Иззнобит — ударит в пот!

Сна не знает, есть не может,
Не приходится и пить;
Не себя он — голод кормит
И не может накормить.

Уж он думал, думал, думал,
Мудрым знахарям платил,
Клал поклоны, свечи ставил
И паломником ходил!

Повстречал бедняга бабу;
Говорит богатырю:

«Помогу тебе советом,
Добрым словом подарю.

Есть, мол, конь один на свете,
Этот конь быстрей стрелы!
Бурый, ноги по лопатку
От копыта вверх белы.

Рот — как пасть; язык — что блюдо;
Грива ходит колесом;
Мышцы тяжки и могучи;
Оба уха — колпаком;

Хвост — кутас; оленьи мышки;
Ростом — холки не достать!
Под копытом — будто в море
Мелких раковин искать!

А глаза на лбу, что чаши,
Круглым яхонтом горят...
Конь — что лютый зверь по виду!
Взгляд его — свирепый взгляд!

Коль коня того отыщешь,
На двенадцать на подпруг
Подпругаешь, да зауздишь,
Да внушишь ему испуг,

Да наездишь, — полегчает!
Ну и вот тебе зарок:
Первым делом — наиграйся
В бабки, что ли, иль в тычок;

А затем уж — пей запоем,
Пей и в ночь, и в день-деньской;
Начинай ты пить за здравье,
Продолжай — за упокой.

Пей вина — на сколько влезет;
А как одурь заберет,
Склонит сон, сомкнутся вежды —
Конь к тебе и сам придет...

Богатырь, по слову бабы,
Безустанно пьет да пьет.

По зароку исполняет, —
Только конь к нему нейдет.

Конь гуляет где-то в поле!
Говорят, его видал
Некий странничек с Афона —
Да зарок молчанья дал.

251. КАМЕННЫЕ БАБЫ

На безлесном нашем юге,
На степных холмах,
Дремлют каменные бабы
С чарками в руках.

Ветер, степью пролетая,
Клонит ковыли,
Бабам сказывает в сказках
Чудеса земли...

Как на севере, далеко,
На мохнатых псах,
Даже летом и без снега
Ездят на санях.

Как у нас в речных лиманах
Столько, столько рыб,
Что и ангелы Господни
Счесть их не могли б.

Как живут у нас калмыки,
В странах кумыса,
Скулы толсты, очи узки,
Редки волоса;

Подле них живут татары,
Выбритый народ;
Каждый жен своих имеет,
Молится — поет.

Как, в надежде всепрощенья,
Каясь во грехах,
Много стариц ждут спасенья
В дебрях и скитах;

Как, случается порою,
Даже до сих пор,
Вдруг поймают люди ведьму —
Да и на костер...

Как, хоть редко, но бывает:
Точно осовев,
Бабу с бабой повенчают,
Лиц не доглядев...

Как живых людей хоронят:
Было, знать, село —
Да по бабью слову скрылось,
Под землю ушло...

Слышат каменные бабы
С чарками в руках,
Чтó им сказывает ветер,
Рея в ковылях!

И на сладкий зов новинки
Шлют они за ним
За песчинками песчинки...
И пройдут, как дым!

252. ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ВДОВА

М. Н. Журавлеву

В людях святки и веселье!
Щиплет уши, щиплет нос,
С гололедицей-шутихой
Потешается мороз!

Валит девок, валит парней
И сбивает с ног коней!..
Царство шуток, скоморохов,
Царство святочных теней!

Было то почти недавно;
Там, где путь идет в Сибирь,
Раз жила-была вдовица,
Ростом, силой — богатырь.

Городишко был заштатный;
В городишке — становой;
И подбей его лукавый
Приударить за вдовой.

Вот приносит он подарки,
Те подарки хороши,
И ведет такие речи:
«Полюби, мол, не круши!

Ты — такая да сякая,
Захоти лишь — всё твое!
Нынче святки и ряженье...»
«А жена?!» — «Да ну ее...»

Говорит ему вдовица:
«Ой, не балуй, не идет!
Не отстанешь, не уймешься —
Насмешу тобой народ».

«Насмешишь? Рехнулась баба!
Я ведь, знаешь, всё могу...
Кума-радость, королевна...
Только, слушай: ни гу-гу!..

Что за плечи?» — «Тьфу! проклятый...»
«Что за...» — «Слушай: не замай!..»
«Хочешь денег, хочешь платья,
Кума-радость, отвечай?»

Вдруг погасли в окнах свечи...
Стук раздался за стеной...
Помнят люди, как вдовицей
Был спеленат становой;

Как лежал он у острога,
Созерцая небеса, —
Как до утра леденели
Два колючие уса;

Как великому ряженью,
Учиненному вдовой,
Позже, больше всех, смеялся
Сам добрейший становой...

253. ДЬЯЧОК

Над Двиной, рекой великой,
В дальнем Севера углу,
Где в пустынных смолокурнях
Гонят деготь и смолу;

Где по дебрям непроглядным
Сосен белые тела
Разрезает, нагреваясь,
Темно-синяя пила, —

Подле церкви над горою
Белый домик не высок;
Долгий век в нем доживает,
На покой уйдя, дьячок.

Стены белы, окна чисты,
По-над лавкой ряд икон;
Подле них в изображеньях —
И Соловки, и Афон...

Всё дешевые картинки!
А на стенке, при дверях,
В черном весь, в широкой рясе
Виден иеромонах, —

В клобуке; с высокой груди
Ярко блещут ордена;
Борода их чуть прикрыла —
И роскошна, и темна...

Фотография большая,
В ценной рамке, за стеклом;
Тот, кто снят, гладит — довольный,
Что попал он в этот дом.

«Слушай, дедушка: кто этот?
Статный, взысканный такой?»
«Этот?.. — старый улыбнулся, —
Этот вот? — сынишка мой».

«Где ж он?» — «В Киеве, родимый,
У святительских мощей;
Много лет уж он в далекой
Лавре, значит, казначей.

Был он мальчиком болезным,
Дряблым, худеньким таким!
Раз приходит, говорит мне:
Тятя, я пойду к святым...

И пошел... А вот в Успенье
Будет десять уж годов,
Как к нему я ездил в Киев.
Звал уж очень! Добрый зов!

Денег выслал! Всё не еду!
Так монаха, вишь, прислал,
Чтоб отца, мол, взял в дорогу
И в пути оберегал.

Приезжаем, значит, в Киев
К повечерию, с зарей...
Только вышли на вокзалу
Глядь: карета четверней!

Страшно стало! Непривычно!
Сердце робость забрала!
Едем к Лавре... Запылали
Словно солнце, купола...

У ворот остановились;
На воротах на святых —
Намалеванные лики!
А внизу — ряды живых.

Всё монахи, да монахи —
По проходу, с двух сторон;
Как взошли мы — песнь запели,
Звучный ангельский канон.

А под сводом, посредине,
В клобуке и в орденах,
Мой сынишка!.. Ах ты, Боже!
Радость светится в очах!

Снял клобук — да мне-то в ноги!..
Отче! С Господом гряди!..
Ордена-то все повисли
Прямо на землю с груди!!..

Вот мне сын какой достался!
Тело духом возродил!..»
«Что же, дедушка, — остаться
Разве сын-то не просил?»

— «Не просил?! С земным поклоном
Много раз просил в слезах...
Да и рай у них небесный
В лаврских холеных садах...»

«Отчего же ты вернулся?»
— «Отчего?.. Да как сказать...
Вот привык, — восьмой десяток
Знать — что солнцу тут вставать,

Там — садиться за лесочком...
Да и колокол тогда
Новый ставили!.. Гляди-ка:
Вон сияет, что звезда!..»

254. СВАДЬБА

Умерла дочка старосты, Катя.
Ей отец в женихи Павла прочил,
А любила она Александра...
Ворон горе недаром пророчил.

Отнесли парни Катю в часовню;
А часовня на горке стояла;
Вкруг сосновая роща шумела
И колючие иглы роняла.

Выезжал Александр поздно ночью;
Тройка, фыркая, пряла ушами;
Подходила сосновая роща,
Обнимала своими ветвями.

Заскрипели тяжелые петли,
Пошатнулся порог под ногою;
Поднял парень из гроба невесту
И понес, обхвативши рукою.

Свистнул кнут, завертелись колеса,
Застонали, оживши, каменья,

Потянулись назад полосами
Пашни, рощи, столбы и селенья.

Расходились настеганы кони,
Заклубились их длинные гривы;
Медяные бубенчики плачут,
Бьются, сыплются их переливы!

Как живая посажена Катя:
Поглядеть — так глядит на дорогу;
И стоит Александр над невестой,
На сиденье поставивши ногу.

Набекрень поворочена шапка,
Ветер плотно лежит на рубахе;
Не мигают раскрытые очи,
Руки — струны, и кнут — на отмахе.

Понесли кони в гору телегу,
На вершине, осажены, сели...
Поднялась под дугой коренная,
Пристяжные, присев, захрапели...

Там, согнувшись красивой дугою,
У дороги песок подмывая,
Глубока и глубоко под нею
Проходила река голубая...

Занимается ясное утро,
Ветер с кручи песок отвевает,
Тройка, сбившись в вожжах и постромках,
Морды низко к земле наклоняет.

Над обрывом валяется шапка...
Смяты, вянут цветы полевые...
Блещет золотом розовый венчик,
А на венчике — лики святые...

255. ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖ

Ладно! Я тащить готов
И кадило, и покров...

Только выпью вот, вперед:
Сухость горло мне дерет!

Нам, церковным сторожам,
Всё ходить по мертвецам...

Слышь: сегодня на заре,
В ближнем доме, во дворе,

Барин пулей лоб разбил!
Сумасшедшим, значит, был...

И велели мне тащить
Обиход, чтоб хоронить.

Мало ль их в столице мрет?
На покой идет народ!

Видел в церкви я у нас,
Чуть есть служба, каждый раз,

Бледнолицую одну...
Как пройду я да взгляну!

Вид-то жалостный такой,
Почитай — что неживой...

Будет скоро ей капут!
Хоронить нас позовут;

Я и к ней, значит, стащу
И кадило, и свещу!..

Рядом с ней стоял порой
Молодец один лихой,

И хоть я и пьян бывал,
Ну, а всё меж них слыхал

Говор этакой... слова...
Шепотом... едва-едва!..

А вчера вот, в первый раз,
В несуразный, значит, час,

В храм пришли... Ну, невзначай
Повстречались, — мне на чай!

Мало ль что известно нам,
Нам, церковным сторожам?

Прихожу, значит, к нему,
Я к убивцу к самому,

Прихожу... ему поклон...
Глянул в лик! Тот самый... он!

Стал он барыне под стать:
Бледный, краски не видать,

Только лоб с угла разбит,
Перевязан и обмыт!

Что за притча! Ой, ой, ой!
Ведь вчера-то был живой!..

256. ВИДЕНИЕ ПОД ПЛЕВНОЙ

Ходит в курганах под Плевной песок...
Кто бы смутить в нем покойников мог?

Нужно ль кому, чтоб иначе легли
В недрах безмолвных далекой земли?..

Вышли покойники. Стали судить:
Скобелев умер — так как проводить?!

«Если б, о Господи, жизни тепло —
Думают мертвые — снова пришло,

Братцы, товарищи, то-то бы мы
Радостно выползли к свету из тьмы!

Разве испробовать новый манер:
Скликнуть ближайших сюда, например,

Встать и, собравшись, какие мы есть,
Наши знамена ко гробу отнесть?

Сутки, нет — больше, пробудем в пути...
Что же, товарищи? Значит — идти?!»

Ходит под Плевною, вьется песок;
Кличет томительно мертвый рожок,

Реют знамена, трепещут значки...
Мало ль что мертвые, чем не полки?

Смотрят: как будто бы туча в огне,
Едет к ним Скобелев сам на коне...

Только подъехал — коня придержал;
Молча убитых оглядывать стал,

И перед холодом мертвых очей
Стали недвижны громады людей...

Слов и речей у покойников нет,
Вместо них мысли сверкающий свет!

Поняли сразу: приехал бранить —
Кто это вздумал людей разбудить?

Если без спроса, собща или врозь —
Всякое дело не годно, хоть брось!

В туче не в туче, а будто в огне,
Всадник почивший сидит на коне;

Бледен, осунулся, хмур генерал...
Шутка ль дорога-то! Видно, устал?

Сам он весь в белом, и лошадь бела,
Голову нурит, грызет удила...

Каплет обильная пена с удил
В темные недра открытых могил!

Видят: поводит он тихо рукой...
Значит, приказ дал — лежать под землей!

И исчезают, спускаясь в пески
Следом одни за другими полки...

Меркнет виденье, и гаснет огонь.
В землю уходят и всадник, и конь!

Пусто становится... Тишь там, да гладь;
Нечего, кажется, видеть и ждать!

Точно в России, излюбленный вид —
Голые хóлмы и дремлющий Вид...

257. СЛУХ

Идет, бредет нелепый Слух
С беззубых ртов седых старух,
Везде пройдет, всё подглядит,
К чему коснется — зачернит;
Тут порычит, там заорет,
Здесь прочихнется, отойдет.
Он, верно, здесь? Посмотришь — нет,
Пропал за ним и дух и след.

А он далеко за глаза
Гудит, как дальняя гроза...
С ним много раз вступали в бой:
Стоит, как витязь он чудной,
Неясен обликом своим,
Громаден, глуп и недвижим;
Сквозь сталь и бронзу шишака,
Сквозь лоб проходят облака!

В нем тела даже вовсе нет:
Сквозит на тень, сквозит на свет!
Ступнями Слух травы не мнет...
Но пусть, кто смелый, нападет:
Что ни удар, что ни рубец, —
Он всё растет и под конец
Подступит вплоть, упрется в грудь,
Не даст и руку замахнуть...

А иногда своих сынков
Напустит Слух, как комаров;
Жужжит и вьется их народ
И лезет в уши, в нос и в рот;
Как ни отмахивай рукой,
Всё тот же шум, всё тот же рой...
А Слух-отец сидит при них,
Читая Жития святых...

258. ОБЕЗЬЯНА

На небе луна, и кругла и светла,
А звезды — ряды хороводов,
А черные тучи сложились в тела
Больших допотопных уродов.

Одеты поля серебристой росой...
Под белым покровом тумана
Вон дроги несутся дорогой большой, —
На гробе сидит обезьяна.

— «Эй! Кто ты, что думаешь ночь запылить,
Коней своих в пену вогнала?»
— «Я глупость людскую везу хоронить,
Несусь, чтоб заря не застала!»

— «Но как же, скажи мне, так гроб этот мал!
Не вся же тут глупость людская?
И кто ж хоронить обезьяну послал,
Обрядный закон нарушая?»

— «Я, видишь ли, вовсе не то, чем кажусь:
Я родом великая личность:
У вас философией в мире зовусь,
Порою же просто практичность;

Я некогда в Канте и Фихте жила,
В отце Шопенгаузре ныла,
И Германа Гартмана я родила,
И этим весь свет удивила.

И все эти люди, один по другом,
Все глупость людей хоронили,
И думали: будто со мною вдвоем
Ума — что песку навозили.

Ты, чай, не профессор, не из мудрецов,
Сдаешься нехитрым и только:
Хороним мы глупости много веков,
А ум не подрос ни насколько!

И вот почему: чуть начнешь зарывать,
Как гроб уж успел провалиться —
И глупости здешней возможно опять
В Америке, что ли, явиться.

Что ночью схоронят — то выскочит днем;
Тот бросит — а этот находит...
Но ясно — чем царство пространнее, — в нем
Тем более глупостей бродит...»

— «Ах ты, обезьяна! Постой, погоди!
Проклятая ведьма-болтунья!..»
Но дроги неслись далеко впереди
В широком свету полнолунья...

В ПУТИ

259. ЗА СЕВЕРНОЙ ДВИНОЮ

(На реке Тойме)

В лесах, замкнувшихся великим, мертвым кругом,
R большой прогалине, и светлой, и живой,
Расчищенной давно и топором, и плугом,
Стою задумчивый над тихою рекой.

Раскинуты вокруг по скатам гор селенья,
На небе облака, что думы на челе,
И сумрак двигает туманные виденья,
И месяц светится в полупрозрачной мгле.

Готовится заснуть спокойная долина;
Кой-где окно избы мерцает огоньком,
И церковь древняя, как облик исполина,
Слоящийся туман пронзила шишаком.

Еще поет рожок последний, замолкая.
В ночи так ясен звук! Тут — люди говорят,
Там — дальний перелив встревоженного лая,
Повсюду — мягкий звон покоящихся стад.

И Тойма тихая, чуть слышными струями,
Блистая искрами серебряной волны,
Свивает легкими, волшебными цепями
С молчаньем вечера мои живые сны.

Край без истории! Край мирного покоя,
Живущий в веяньи родимой старины,
В обычной ясности семейственного строя,
В покорности детей и скромности жены.

Открытый всем страстям суровой непогоды
На мертвом холоде нетающих болот —
Он жил без чаяний мятущейся свободы,
Он не имел рабов, но и не знал господ...

Под вечным бременем работы и терпенья,
Прошел он день за днем далекие века,
Не зная помыслов враждебного стремленья —
Как ты, далекая, спокойная река!..

Но жизнь иных основ, упорно наступая,
Раздвинувши леса, долину обнажит, —
Создаст, как и везде, бытописанья края
И пестрой новизной обильно подарит.

Но будет ли тогда, как и теперь, возможно
Над этой тихою неведомой рекой
Пришельцу отдохнуть так сладко, нетревожно
И так живительно усталою душой?

И будут ли тогда счастливей люди эти,
Что мирно спят теперь, хоть жизнь им не легка?..
Ночь! Стереги их сон! Покойтесь, Божьи дети,
Струись, баюкай их, счастливая река!

260. В ЗАОНЕЖЬИ

Верст сотни на три одинокий,
Готовясь в дебрях потонуть,
Бежит на север неширокий,
Почти всегда пустынный путь.

Порою, по часам по целым,
Никто не едет, не идет;
Трава под семенем созрелым
Между колей его растет.

Унылый край в молчаньи тонет...
И, в звуках медленных, без слов,
Одна лишь проволока стонет
С пронумерованных столбов...

Во имя чьих, каких желаний
Ты здесь, металл, заговорил?
Как непрерывный ряд стенаний,
Твой звук задумчив и уныл!

Каким пророчествам тут сбыться,
Когда, решившись заглянуть,

Жизнь стонет раньше, чем родиться,
И стоном пролагает путь?!.

261. ЦИНГА

Когда от хлябей и болот
И от гнилых торфяникóв
Тлетворный дух в ночи идет
В молочных обликах паров,

И ищет в избы он пути,
Где человек и желт, и худ,
Где сытых вовсе не найти.
Где вечно впроголодь живут, —

Спешите мимо поскорей,
Идите дальше стороной
И прячьте маленьких детей:
Цинга гуляет над землей!

«Ах, мама! Глянь-ка из окна...
Там кто-то есть, наверно есть!
Вон голова его видна,
Он ищет щелку, чтоб пролезть!

Какой он белый и слепой!..
Он шарит пальцами в стене...
Он копошится за стеной...
Ах, не пускай его ко мне!»

Дитя горит... И сух язык...
Нет больше силы кликнуть мать...
Безмолвный гость к нему приник,
Припал! дает собой дышать!

Как будто ластится к нему,
Гнетет дитя, раскрыл всего
И, выдыхая гниль и тьму,
Себя он греет об него...

Так, говорят, их много мрет
В лачугах, маленьких детей, —
Там, где живут среди болот,
У корелы и лопарей!

262. НА ВОЛЖСКОЙ ВАТАГЕ

Это на Волге, на матушке, было!
Солнце за степью в песках заходило.
Я перебрался в лодчонке к рыбацкой ватаге,
С ромом во фляге, —
Думал я, может, придется поднесть
Выпить в мою или в ихнюю честь!

Белая отмель верст на пять бежала.
Тут-то в рогожных заслонах ватага стояла.
Сети длиной чуть не с версту на древках торчали,
Резко чернея на белом песке, просыхали...
Домик с оконцем стоял переносный;
Края далекого сосны,
Из Ярославля, знать, срубом служили,
Смолы сочили...
Вижу: хозяин стоит; он сказал:
«Ваше степенство, должно быть, случайно попал?
Чай, к пароходу, поди, опоздали,
Заночевали?»
Также сказал, что улов их недурен
И что, хоть месяц был бурен,
Всё же у них
Рыбин больших
Много в садке шевелится!
Может, хочу убедиться?
В ближнем яру там садок преболыпущий стоял.
Был поделен он на клети; я шесть насчитал;
Где по длине их, а где поперек
Сходни лежали из тонких досок.
Каждая клеть была рыбой полна...
Шумно играла в них рыбья волна!
Стукался толстый лосось и юлила стерлядка;
В звучно плескавшей воде, посреди беспорядка,
Чопорно, в белых тесьмах, проходила севрюга;
«Есть, — говорил мне хозяин, — у нас и белуга!»
Сунул он жердь и по дну поводил,
Поднял белугу! Нас дождь окатил,
Чуть показалась она... Мощным плёсом хлестнула,
Точно дельфин кувырнулась и ко дну юркнула...

Ночь налегла той порой!
Очередной
Сети закидывал; прочие кучей сидели;
Два котелка на треногах кипели;
Яркий огонь по синеющей ночи пылал,
Искры метал...

Разные, пестрые люди в той куче столпились...
Были такие, что ближе к огню протеснились;
Были такие, что в мрак уходили, —
Точно они свои лица таили!
«Что его, — думали, — к нам сюда носит?
Ежели, вдруг, да про пашпорты спросит?
Правда, далеки пески! Не впервой уходить!
Дернула, видно, нелегкая нас посетить!..»

Фляга с ямайским осталася полной при мне:
И повернуть-то ее не пришлось на ремне!
Даже и к слову прийти не пришлось никому;
Был я не по сердцу волжской ватаге, — видать по всему! —
Выходцем мира иного,
Мало сказать, что чужого...

Только отъехавши с версту от стана,
Лодкой спугнув до пути пеликана,
Он на волнах уносившейся Волги дремал, —
Что пеликаны на Волге бывают, того я не знал, —
Издали песню я вдруг услыхал хоровую...
В звездную ночь, в голубую,
Цельною шла, не куплет за куплетом, —
Тьму рассекала ночную высоким фальцетом
И, широко размахнув для полета великого крылья,
Вдруг ни на чем обрывалась с бессилья...

Чудная ночь эту песнь подхватила
И в оттолосках без счета в безбрежную даль проводила...

263. НА ВОЛГЕ

Одним из тех великих чудодействий,
Которыми ты, родина, полна,
В степях песчаных и солончаковых
Струится Волги мутная волна...
С запасом жизни, взятым на дорогу
Из недр глубоких северных болот,
По странам жгучим засухи и зноя
Она в себе громады сил несет!
От дебрей муромских и от скитов раскола,
Пройдя вдоль стен святых монастырей,
Она подходит к капищам, к хурулам
Другого Бога и других людей.
Здесь, вдоль песков, окраиной пустыни,

Совсем в виду кочевий калмыков,
Перед лицом блуждающих киргизов,
Питомцев степи и ее ветров, —

Для полноты и резкости сравненья
С младенчеством культуры бытовой, —
Стучат машины высшего давленья
На пароходах с топкой нефтяной.
С роскошных палуб, из кают богатых,
В немую ширь пылающих степей
Несется речь проезжих бородатых,
Проезжих бритых, взрослых и детей;
И между них, чуть вечер наступает,
Совсем свободно, в заповедный час,
Себя еврей к молитве накрывает,
И Магомета раб свершает свой намаз;
И тут же рядом, страшно поражая
Своею вздорной, глупой болтовней,
Столичный франт, на службу отъезжая,
Всё знает, видел и совсем герой!

Какая пестрота и смесь сопоставлений?!
И та же всё единая страна...
В чем разрешенье этих всех движений?
Где всем им цель? Дана ли им она?
Дана, конечно! Только не добиться,
Во что здесь жизни суждено сложиться!
Придется ей самой себя создать
И от истории ничем не поживиться,
И от прошедшего образчиков не брать.

264. ХАНСКИЕ ЖЕНЫ

(Крым)

У старой мечети гробницы стоят, —
Что сестры родные, столпились;
Тут ханские жены рядами лежат
И сном непробудным забылись...

И, кажется, точно ревнивая мать,
Над ними природа хлопочет, —
Какую-то думу с них хочет согнать,
Прощенья от них себе хочет.

Растит кипарисы, их сон сторожить,
Плющом, что плащом, одевает,
Велит соловьям здесь на родине быть,
Медвяной росой окропляет.

И времени много с тех пор протекло,
Как ханское царство распалось!
И, кажется, всё бы забыться могло,
Всё... если бы всё забывалось!..

Их хитростью брали; их силой влекли,
Их стражам гаремов вручали
И тешить властителей ханской земли,
Ласкать, не любя, заставляли...

И помнят могилы!.. Задумчив их вид...
Великая месть не простится!
Разрушила ханство, остатки крушит
И спящим покойницам снится!

265. НА ГОРНОМ ЛЕДНИКЕ

В ясном небе поднимаются твердыни
Льдом украшенных, порфировых утесов;
Прорезают недра голубой пустыни
Острые углы, изломы их откосов.

Утром прежде всех других они алеют
И поздней других под вечер погасают,
Никакие тени их покрыть не смеют,
Над собою выше никого не знают.

Разве туча даст порою им напиться
И спешит пройти, разорванная, мимо...
Пьют утесы смерть свою невозмутимо
И не могут от нее отворотиться.

Образ вечной смерти! Нет нигде другого,
Чтобы выше поднялся над целым миром,
И царил, одетый розовым порфиром,
В бармах и в короне снега золотого!

Злая ли насмешка над людьми в том скрыта,
Иль подсказан ясно смысл успокоенья —

Если мысль, темнейшая из мыслей, слита
С самой светлою из всех картин творенья?!

266. ВЕЧЕР НА ЛЕМАНЕ

Еще окрашены, на запад направляясь,
Шли одинокие густые облака,
И красным столбиком, вглубь озера спускаясь,
Горел огонь на лодке рыбака.
Еще большой паук, вися на нитке длинной,
В сквозную трещину развалины старинной,
Застигнутый росой, крутясь, не соскользнул;
Еще и сумерки, идя от щели к щели,
В прозрачной темноте растаять не успели
И ветер с ледников прохладой не тянул, —
Раздался звук... Он несся издалека,
Предвестник звезд с погасшего востока,
И, как струна, по воздуху звенел!
Он несся, и за ним, струями набегая,
То резок и глубок, то нежно замирая,
Вослед за звуком звук летел..
Они росли, гармония катилась,
И гром, и грохот, звучная, несла,
Давила под собой, — слабея, проносилась
И в тонком звуке чутко замерла...
А по горам высокий образ ночи,
Раскрывши синие, увлажненные очи,
По крыльям призраков торжественно ступал;
Он за бежавшим днем десницу простирал,
И в складках длинного ночного покрывала
Звезда вечерняя стыдливо проступала...

267. ОЗЕРО ЧЕТЫРЕХ КАНТОНОВ

И никогда твоей лазури ясной,
Сквозящей здесь по страшной глубине,
Луч солнца летнего своей улыбкой страстной,
Пройдя до дна, не нагревал вполне.

И никогда мороз зимы холодной,
Спустившись с гор, стоящих над тобой,
Не смел оковывать твоей пучины водной
Своей тяжелой, мертвенной броней.

За то, что ты не ведало, не знало
Того, что в нас, в груди людей живет, —
Не жглось огнем страстей, под льдом не обмирало —
Ты так прекрасна, чаша синих вод.

268. СТРАСБУРГСКИЙ СОБОР

Когда случалось, очень часто,
Мне проходить перед тобой,
С одною башнею стоял ты —
Полуоконченный, хромой!

Днем, как по книге, по тебе я
О давнем времени читал;
Безмолвный мир твоих фигурок
Собою текст изображал.

Днем в отворявшиеся двери
Народ входил и выходил;
Обедня шла и ты органом
Как бы из груди голосил.

Всё это двигалось и жило,
И даже ряд надгробных плит,
Казалось мне, со стен отвесных
В латинских текстах говорит.

А ночью — двери закрывались,
Фигурки гибли с темнотой,
С одною башнею стоял ты —
Отвсюду запертый, немой!

И башня, как огромный палец
На титанической руке,
Писала что-то в небе темном
На незнакомом языке!

Не башня двигалась, но — тучи...
И небо, на оси вертясь,
Принявши буквы, уносило
Их неразгаданную связь...

269. ВИСБАДЕН

В числе явлений странных, безобразных,
Храня следы отцов и дедов наших праздных,
Ключи целебных вод отвсюду обступая,
Растут, своим довольством поражая,
Игрушки-города. Тут, были дни, кругом,
Склонясь, насупившись над карточным столом,
Сидели игроки. Блестящие вертепы
Плодились быстро. Деды наши, слепы,
Труды своей земли родимой расточали;
Преображались наши русские печали
Чужой земле в веселье! Силой тяготенья
Богатств влеклись к невзрачным городкам
Вся тонкость роскоши, все чары просвещенья!
Везде росли дворцы; по старым образцам
Плодились парки; фабрики являлись,
Пути прокладывались, школы размножались.
И богатела, будто в грезах сна,
Далеко свыше сил окрестная страна!..
Каким путем лес русский, исчезая,
Здесь возникал, сады обсеменяя?
Как это делалось, что наши хутора,
Которых тут да там у нас не досчитались,
На родине исчезнув, здесь являлись:
То в легком стиле мавританского двора,
То в грузном, римском, с блещущим фронтоном,
Китайским домиком с фигурками и звоном!
И церкви русские взрастали здесь не с тем,
Чтоб в них молиться!.. Нет, пусть будет нем,
Пусть позабудется весь ход обогащенья
Чужой для нас земли. Пусть эти города
Растут, цветут, — забывши навсегда
Причины быстрого и яркого цветенья!..

270. MONTE PINCIO

Сколько белых, красных маргариток
Распустилось в нынешней ночи!
Воздух чист, от паутинных ниток
Реют в нем какие-то лучи;

Золотятся зеленью деревья,
Пальмы дремлют, зонтики склонив;

Птицы вьют воздушные кочевья
В темных ветках голубых олив;

Все в свету поднялись Апеннины,
Белой пеной блещут их снега;
Ближе Тибр по зелени равнины, —
Мутноводный, лижет берега.

Вон, на кактус тихо наседая,
Отдыхать собрались мотыльки
И блистают, крылья расправляя,
Как небес живые огоньки.

Храм Петра в соседстве Ватикана
Смотрит гордо, придавивши Рим;
Голова церковного Титана
Держит небо черепом своим;

Колизей, облитый красным утром,
Виден мне сквозь розовый туман,
И плывет, играя перламутром,
Облаков летучий караван.

Дряхлый Форум с термами Нерона,
Капитолий с храмами богов,
Обелиски, купол Пантеона —
Ожидают будущих веков!

Вон, с корзиной, в пестром балахоне,
Красной шапкой свесившись к земле,
Позабыв о папе и Мадонне,
Итальянец едет на осле.

Ветерок мне в платье заползает,
Грудь мою приятно холодит;
Ласков он, так трепетно лобзает,
И, клянусь, я слышу, говорит:

«Милый Рим! Любить тебя не смея,
Я забыть, как будто бы, готов
Травлю братьев в сердце Колизея,
Рабство долгих двадцати веков...»

271. НА ВЗМОРЬЕ

(В Нормандии)

На берегах Нормандии счастливой,
Где стенами фалез земля окаймлена,
Привольно людям, счастье не химера,
Труд не гнетет и жизнь не голодна.

Еще всесильны пестрые Мадонны
И, приношеньями обвешаны, глядят,
И депутаты здешних мест в Париже
На крайней правой исстари сидят.

Еще живет старинная отвага
И крепкая душа в нормандских рыбаках:
Их мощный тип не может измениться,
Он сохранен, он взрос в морских солях!

Нейдет отсюда жить к американцам
Избыток сил людских; есть место для гробов;
Бессчетных фабрик пламенные печи
Не мечут в ночь пунцовых языков.

Меж темных рощ, над тучными холмами, —
Стада и табуны, и замки, и дворы;
Из них, что день, развозятся повсюду
И молоко, и масло, и сыры.

Здесь, вдоль черты приливов и отливов,
В волнах, играющих между прибрежных глыб,
Роятся тьмы вертящихся креветок;
Морской песок — и этот полон рыб.

Повсюду, словно гроздья винограда,
Лежат синеющие мули под водой,
И всякой рыбою полны рыбачьи боты,
Бегущие на утре дня домой.

Пластом ракушки берег покрывают,
И крабов маленьких веселые семьи,
Заслышав шум, под камни убегают,
Бочком ползут в пристанища свои;

И всюду между них, спокойней чем другие,
Отцы-«отшельники» различных форм живут:

То рачки умные, засевшие в скорлупки
Погибших братьев, в даровой приют.

Лежит «отшельник», счастлив и беспечен,
Лежит в песке и преспокойно ждет, —
Квартирою дешевой обеспечен,
А кушанье доставит море в рот.

Свой вкусный хвостик глубоко запрятав,
Таращит этот рак проворные клешни...
То дармоеды, феодалы моря,
Невозмутимей всех других они!..

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ И СМЕСЬ

272. ПАМЯТНИК

(После 1 марта)

Там, непременно там, у старого собора,
В том полукруге темных колоннад,
Где два фельдмаршала, безмолвствуя, стоят,
Бытописанием поконченного спора, —
Поставьте вы его многострадальный лик...
Пускай воскреснет он и кроток, и велик!..

Из цифр и букв вы выберите те,
Которые в своей спокойной простоте
Судьба, когда она ласкала нас, любила, —
Нам «19-е февраля» сложила!
Из темной бронзы, ясны, велики
Должны быть буквы! Их по кругу укрепите;
Пылая золотом, дубовые венки
Их плотно свяжут! Щит вы положите
На буквы, — а Царя поставите на щит!
Пусть будет Он не защищен, открыт!
С открытой головой... Накинете порфиру!
Орлы империи, символ понятный миру,
Да видятся на ней, а царский горностай
Широкой лентою означит нижний край...
В одну из рук Царю корону вы дадите,
Но не забудьте сжать корону ту кругом
Терновым, окровавленным венцом!
Другую руку вы на сердце положите:
Он сердцем жил — не мог иначе жить...
Лицо в молитве к небу обратить...
А там, внизу, где дружно бросят тени
И Царь молящийся, и буквы, и ступени,
Сложите вы кругом семьею черных змей
Обрывки тяжкие разорванных цепей!..

А будет создан он — и кончите вы дело
Народное — так воздвигайте смело!

Что перебиты голени его,
Как на Голгофе... нет, не бойтесь вы того!
Он будет выситься, как вечное виденье,
Весь в вечной памяти о славном феврале,
Один, как Петр на северной скале,
Один, как мученик, принявший отпущенье!

273. ПАМЯТИ СВ. КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

(885 — 1885)

Два брата жили. Им, обласканным судьбой,
Родня богатая была дана. В Царьграде
Стояли братья близко к трону, и в наряде
Придворном выситься могли, и над толпой
Высоко подниматься, — но веленьем
Господним, эти братья, со смиреньем,
Всем славам мира, почестям земли,
Сойти в сердца людей и жить в них предпочли.

И было так, что блеск и роскошь Рима,
И папство гордое ласкали их, маня
К себе. Там тоже трон! И тоже злобы дня,
И та же близость к трону... Но, хранима
Заветной мыслию их братская чета,
Познавши Рим, ему предпочитала
Земель славянских тишь, где бедность, простота
И некрещеная народность обитала, —
Где сквозь немую даль синеющих степей
Россия в будущем неясно проступала...
Там было им и лучше, и милей...

Между кумирнями Перуна и Купалы,
У мрачных идолов в чешуйчатых бронях,
В их слове проповедь Христова зазвучала
И тихим пламенем затеплилась в сердцах.
И ожили сердца! Евангельское слово
Доныне слышится... Оно, из вещих строк,
В то сердце, что принять в себя его готово,
Как цветень падает на жаждущий цветок!

От буквы греческой с ее фигурной вязью
Возникли очерки родного нам письма,
И с нарожденьем букв сплотились крепкой связью
Заветы веры и печать ума.

Такого не было нигде возникновенья
Науки в вере! Наша речь взросла
В словах Евангелья, приняв свое рожденье
В дыханьи ласковом церковного тепла.

Привет, учители! Привет, на расстоянье
Всех завершенных тысячи годов!
Привет на языке, что вашим был созданьем,
Возник из вами же завещанных нам слов!
Звучат ли к вам они своим знакомым ладом?
Доносится ль до вас родной вам звук речей?..
И слышите ли вы, как он с другими рядом
Идет в лазурь небес искать Царя Царей?
Он вам знаком, отцы, язык родных преданий!
От колыбелей наш, молитвой освящен,
Железом и свинцом великих битв крещен,
Глашатай жгучих бед и славных ликований, —
В сроках письмен старинных он дремал,
От чуждых примесей их кельи охраняли...
И вот теперь в тысячелетней дали
Он, от источника чистейший, заблистал!

Пусть времена темны, и пусть друзья враждебны,
Пусть правда всюду лжет и там, где надо петь
Души за упокой — свершаются молебны,
Пускай безумствуют, где надо разуметь, —
Но наш родной язык, возникший в православье,
Врученный вами нам непоборимый стяг!
Пусть сделал многое старинный князь Варяг,
Придя на зов, сказав: «Теперь конец бесправью!»
Но больше сделали вы, вы, творцы письма,
От буквы греческой с ее фигурной вязью
Скрепив, сплотив несокрушимой связью
Заветы веры и печать ума...

274. ВОСКРЕСШЕЕ ПРЕДАНИЕ

(На восстановление 1-го кадетского корпуса, 1887 г.)

Привет тебе, наш светлый уголок!
Друзья-товарищи, очаг наш засветился!
Он долго странствовал и снова возвратился
В тот меньшиковский дом, где времени поток
Его не трогал, где, в тени родных преданий,
Взросли мы, счастливы и полны ожиданий, —
Где пылью двух веков покрыты знамена,
Где дóма многие большие имена...

Мысль о рассаднике всей доблести войнской
Царице Анне Миних дал, иль Ягужинской.
С тех самых пор, чуть не от дней Петра,
По воле милости и царственной, и женской,
Шляхетский корпус рос. Была, была пора
Фельдмаршалы Прозбровский, Каменский,
Румянцев — ранее других,
Слетев с гнезда, в деяниях живых
Свои судьбы бытописали.
Времен прошедших ценные скрижали
Хранят, куда потомок ни взгляни —
В Екатеринин век, и в Александра дни,
К Балканам, на Кавказ, на польские восстанья
На Севастополь, Плевну, их сказанья,
На степи Азии — повсюду след костей —
То рослых гренадер, то мелких егерей,
След однокашников-товарищей убитых!
Мы знали многих... Эти имена
Хранит у нас церковная стена
На черных мраморах, венками перевитых.

И не в одном лишь пламени боев,
Где русской крови и не счесть потоков,
Наш корпус выдвигал ряды своих сынов.
Являлись: Озеров, Херасков, Сумароков,
Когда-то светочи давно прошедших дней!
И если бы назвать по именам людей,
Которые в свой день России были нужны, —
Там, однокашники, где наших не сыскать?
На них лежала Божья благодать,
Усилья их оказывались дружны.

Видали ль вы, когда, как в Светлой Пасхи ночь,
Когда в алтарь уходит плащаница,
Вдруг озаряются молящиеся лица,
И темень храма убегает прочь!
От свечки маленькой бежит по храму пламя,
И поднимается в сиянии огней
Воскресшего Христа хоругвенное знамя!
Не так ли мы на утре наших дней
Несли огонь любви от очага родного?
Чуть только погасал — затепливали снова!
Сторожевой маяк, он посылал нам свет
По толчее зыбей, сквозь темень непогоды...
Нет, не мертвы дела давно минувших лет,
Преданьями сильны великие народы!
Преданья, это — мощь! Под их святую сень
Как к знаменам полки в кровавый битвы день

Всегда, всегда собраться торопились;
И то не вымысел, что где-то в небесах,
В гигантских очерках, на облачных конях,
С живыми заодно и тени мертвых бились!

275. ПОСЛЕ ПОХОРОН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

И видели мы все явленье эпопеи...
Библейским чем-то, средневековым,
Она в четыре дня сложилась с небольшим
В спокойной ясности и красоте идеи!

И в первый день, когда ты остывал,
И весть о смерти город обегала,
Тревожной злобы дух недоброе шептал,
И мысль людей глубоко тосковала...

Где вы, так думалось, умершие давно,
Вы, вы, ответчики за раннюю кончину,
Успевшие измять, убить наполовину
И этой жизни чистое зерно!

Ваш дух тлетворный от могил забытых
Деянье темное и после вас вершит,
От жил, в груди его порвавшихся, открытых,
От катафалка злобно в нас глядит...

И день второй прошел. И вечер, наступая,
Увидел некое большое торжество:
Толпа собралась шумная, живая,
Другого чествовать, поэта твоего!..
Гремели песни с освещенной сцены,
Звучал с нее в толпу могучий сильный стих,
И шли блестевшие огнями перемены
Людей, костюмов и картин живых...
И в это яркое и пестрое движенье,
Где мягкий голос твой — назначен был звучать,
Внесен был твой портрет, — как бледное виденье,
Нежданной смерти ясная печать!
И он возвысился со сцены — на престоле,
В огнях и звуках, точно в ореоле...
И веяло в сердца от этого всего
Сближением того, что живо, что мертво,
Рыданьем, радостью, сомненьями без счета,

Всей страшной правдою «Бесов» и «Идиота»!..
Тревожной злобы дух — он уставал шептать!
Надеяться хотелось, верить, ждать!..

Три дня в туманах солнце заходило,
И на четвертый день, безмерно велика,
Как некая духовная река
Тебя толпа в могилу уносила...
Зима, испугана как будто, отступила
Пред пестротой явившихся цветов!
Качались перья пальм и свежестью листов
Сияли лавры, мирты зеленели!
Разумные цветы слагались в имена,
В слова, — как будто говорить хотели...
Чуть видной ношею едва отягчена,
За далью серой тихо исчезая,
К безмолвной лавре путь свой направляя,
Тихонько шла река, и всей своей длиной
Вторила хорам, певшим: «Упокой!»
В умах людских, печальных и смущенных,
Являлась мысль: чем объяснить полней —
Стремленье волн людских и стягов похоронных,
Как не печалью наших тяжких дней,
В которых много так забитых, оскорбленных,
Непризнанных, отверженных людей?
И в ночь на пятый день, как то и прежде было,
Людей каких-то много приходило.
Читать псалтырь у головы твоей...
Там ты лежал под сенью балдахина,
И вкруг тебя, как стройная дружина
Вдруг обратившихся в листву богатырей,
Из полутьмы собора проступая
И про тебя былину измышляя,
Задумчивы, безмолвны, велики,
По кругу высились лавровые венки!
И грудой целою они тебя покрыли,
Когда твой яркий гроб мы в землю опустили...
Морозный ветер выл... Но ранее его
Заговорила сдержанная злоба
Вдогонку шествию довременного гроба!
По следу свежему триумфа твоего
Твои товарищи, и из того же круга,
Служащие давно тому же, что и ты, —
Призванью твоему давали смысл недуга,
Тоске предвиденья — смысл тронутой мечты!..
Да, да, действительно — бессмертье наступало,
Заговорило то, что до того молчало
И распинало братьев на кресты!

И приняла тебя земля твоей отчизны;
Дороже стала нам одною из могил
Земля, которую, без всякой укоризны,
Ты так мучительно и смело так любил!

276. В ДЕНЬ ПОХОРОН СКОБЕЛЕВА

Что слышится сквозь шум и говор смутный
О том, что умер он так рано? Гость минутный
В тысячелетней жизни родины своей,
Он был, как ветер, видимо попутный,
На мутной толчее встревоженных зыбей.

Исканье знамени, как нового оплота,
В виду поблекнувших и выцветших знамен,
Развернутых в толпе, без цели и без счета —
Вот смысл того неясного чего-то,
Чем этот шум толпы за гробом порожден...

Каков бы ни был он, усопший — волей Бога,
В нем обозначились великие черты:
Ему был голос дан, средь общей немоты!
Он знамя шевельнул! Он видел, где дорога!
Он был живым лицом средь масок и гримас,
Был прочным обликом в видениях тумана...
Вот отчего тот клич: «Зачем, зачем так рано!»
Вот отчего та скорбь глубокая у нас...

Гроб унесен... Вопрос убийственный гнездится
При взгляде на живых, в неведенье конца:
Зачем у нас всегда так рвутся те сердца,
Которым заодно с народом любо биться?
Зачем у нас судьба все лучшее мертвит,
Безумцы мудрствуют, Христом торгует злоба,
Ликует часто смерть, шумят триумфы гроба,
А остальное всё, — иль лжет, или молчит?..

Что ж? Русским умирать не страшно и не жалко...
И, если суждено, мы сообща умрем, —
Но тяжким трауром полмира облечем
И вразумим живых величьем катафалка!..

Весь в ладане последних похорон,
Спешу не опоздать явиться на крестины.
Не то что в глубину, — куда! — до половины
Моей души ничуть не возмущен...

А было иначе когда-то! И давно ли?!
И вот, мне мнится — к цели ближусь я:
Почти что умерли в безмолвном сердце боли,
Возникшие по мере бытия.

Я чувства убивал! Одно другим сменяя,
Из сердца гнал! А много было их!..
Не так ли занят врач, больницу освежая,
От всех заразных и сыпных больных!

Зараза в чувствах! С чувством прочь скорее!
И... в сердце холод, а в мышленье лед,
По жизни шествовать уверенно вперед,
И чем спокойней, тем смелее!

278. СНЫ

В деревне под столицею
Драгунский полк стоит,
Кипят котлы, ржут лошади,
И генерал кричит...

Качая коромыслами,
Веселою толпой,
Приходят утром девушки
К колодцу за водой.

Пестры одежды легкие,
Бойка, развязна речь;
Подвязаны передники
Почти у самых плеч. —

Как будто в древней древности,
Идя на грязный двор,
Так подвязали бабушки —
Так носят до сих пор.

Живые глазки заспаны,
Измяты ленты кос,
Пылают щеки плотные
Огнем последних грез.

И видно, как незримые,
Под шепот тишины,
Ласкали, целовали их
Полуночные сны;

Как эти сны оставили,
Сбежавши впопыхах,
На пальцах кольца медные
И фабру на щеках!

279

Умерший давно император,
Когда на престол он вступал,
Хотел от него отказаться,
И так он тогда рассуждал:

«Я к жизни придворной не создан!
Хочу отойти поскорей
От тех, с кем я должен встречаться,
Совсем мне не милых людей!

Уйду! Поселюсь над рекою,
Где, зрея, горит виноград;
С моей молодою женою
Я буду и счастлив, и рад;

Я буду, насколько сумею,
Печали людей облегчать,
Природу и дух человека
И смысл бытия изучать!»

И много годов миновало...
Над этой-то самой рекой
Полков проходило немало —
Их вел император с собой!

И слышались: грохот орудий,
И топот бессчетных коней,

И вздохи натруженных грудей
Вконец утомленных людей...

Ты встала ли, прежняя греза?
Являлась же ты перед ним,
Когда он был молод и счастлив
И счастья хотел и другим!

280. КОЛЛЕЖСКИЕ АСЕССОРЫ

В Кутаисе и подле, в окрестностях,
Где в долинах, над склонами скал,
Ждут развалины храмов грузинских,
Кто бы их поскорей описал...

Где ни гипс, ни лопата, ни светопись
Не являлись работать на спрос;
Где ползут по развалинам щели,
Вырастает песчаный нанос;

Где в глубоком, святом одиночестве
С куполов и замшившихся плит,
Как аскет, убежавший в пустыню,
Век, двенадцатый счетом, глядит;

Где на кладбищах вовсе неведомых,
В завитушках крутясь, письмена
Ждут, чтоб в них знатоки разобрали
Разных, чуждых людей имена, —

Там и русские буквы читаются!
Молчаливо улегшись рядком,
Всё коллежские дремлют асессоры
Нерушимым во времени сном.

По соседству с забытой Колхидою,
Где так долго стонал Прометей;
Там, где Ноев ковчег с Арарата
Виден изредка в блеске ночей;

Там, где время, явившись наседкою,
Созидая народов семьи,
Отлагало их в недрах Кавказа,
Отлагало слои на слои;

Где совсем первобытные эпосы
Под полуденным солнцем взросли, —
Там коллежские наши асессоры
Подходящее место нашли...

Тоже эпос! Поставлен загадкою
На гробницах армянских долин
Этот странный, с прибавкою имени
Не другой, а один только чин!

Говорят, что в указе так значилось;
Кто Кавказ перевалит служить,
Быть тому с той поры дворянином,
Знать, коллежским асессором быть...

И лежат эти прахи безмолвные
Нарожденных указом дворян...
Так же точно их степь приютила,
Как и спящих грузин и армян!

С тем же самым упорным терпением
Их плывучее время крушит,
И чуть-чуть нагревает их летом,
И чуть-чуть по зиме холодит!

Тот же коршун сидит над гробницами,
Равнодушен к тому, кто в них спит!
Чистит клюв, обагренный добычей,
И за новою зорко следит!

Одинаковы в доле безвременья,
Равноправны, вступивши в покой:
Прометей, и указ, и Колхида,
И коллежский асессор, и Ной...

281. ПОСЛЕ КАЗНИ В ЖЕНЕВЕ

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Я видел казнь: багровый эшафот
Давил, как будто бы, сбежавшийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.

Казнили. Голова отпрянула, как мяч!
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,

А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

И я вытягивался в пытке небывалой
И, став звенящею, чувствительной струной, —
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервным пальцем дергала меня,
«Коль славен наш Господь», тоскливо напевала,
И я вторил ей — жалобно звеня!..

282

Забыт обычай похоронный!
Исчезли факелов ряды
И гарь смолы, и оброненный
Огонь — горящие следы!

Да, факел жизни вечной темой
Сравненья издавна служил!
Как бы объятые эмблемой,
Мы шли за гробом до могил!

Так нужно, думалось. Смиримся!
Жизнь — факел! Сколько их подряд!
Мы все погаснем, все дымимся.
А искры после отгорят.

Теперь другим, новейшим чином
Мы возим к кладбищам людей;
Коптят дешевым керосином
Глухие стекла фонарей;

Дорога в вечность не дымится,
За нами следом нет огня,
И нет нам времени молиться
В немолчной сутолоке дня;

Не нарушаем мы порядка,
Бросая искры по пути,
Хороним быстро, чисто, гладко —
И вслед нам нечего мести!

283. ПАМЯТИ А. А. ГРИГОРЬЕВА

(25 сентября 1889 г., на Митрофаньевском кладбище)

Здесь, в полной осени, в листве
С ее смертельной позолотой,
В немых гробах, в сухой траве
Лежат, полегши не охотой, —
Лежат, как стежки на канве,
Рисунок некий выполняя,
Ряды бессчетные людей;
Здесь смерть царит, здесь воля ей, —
Царит, забрала не снимая.

Но если где-нибудь, когда,
Во имя сердца и труда,
Во имя долгого страданья,
Глубоко-страстного призванья
Мысль и над смертию царит, —
Так это здесь!.. Григорьев спит
Сном непробудным! Но живая
Его душа, вся огневая,
И сквозь металл, и сквозь гранит
Что день — то ярче проступает...
Да! Темень смерти свет рождает,
И почек будущей весны
Все ветви кладбища полны...

284. НА РАЗДЕЛЬНОЙ

(После Плевны)

К вокзалу железной дороги
Два поезда сразу идут;
Один — он бежит на чужбину,
Другой же — обратно ведут.

В одном по скамьям новобранцы,
Всё юный и целый народ;

Другой на кроватях и койках
Калек бледноликих везет...

И точно как умные люди,
Машины, в работе пыхтя,
У станции ход уменьшают,
Становятся ждать, подойдя!

Уставились окна вагонов
Вплотную стекло пред стеклом;
Грядущее виделось в этом,
Былое мелькало в другом...

Замолкла солдатская песня,
Замялся, иссяк разговор,
И слышалось только шаганье
Тихонько служивших сестер.

В толпе друг на друга глазели:
Сознанье чего-то гнело,
Пред кем-то всем было так стыдно
И так через край тяжело!

Лихой командир новобранцев, —
Имел он смекалку с людьми, —
Он гаркнул своим музыкантам:
«Сыграйте ж нам что, черт возьми!»

И свеялось прочь впечатленье,
И чувствам исход был открыт:
Кто был попрочней — прослезился,
Другие рыдали навзрыд!

И дым выпуская клубами,
Машины пошли вдоль колей,
Навстречу судьбам увлекая
Толпы безответных, людей...

285. НА РОЖДЕСТВО

Верь завету Божьей ночи!
И тогда, за гранью дней,
Пред твои предстанет очи
Сонм неведомых царей,

Сонм волхвов, объятых тайной,
Пастухов святой земли,
Тех, что в след необычайной,
Ведшей их звезде пошли!

Тех, что некогда слыхали
Песню неба... и, склонясь,
Перед яслями стояли,
Богу милости молясь!

Подле, близко, с ними рядом,
Обретешь ты право стать
И своим бессмертным взглядом
Созерцать и познавать!

286

Не заря занимается в небе ночном, —
Чувство доброе светится в мире дурном,
И откуда — не знаешь, откуда взялись —
У него побратимы нашлись.

Здравствуй, светлый посол! Как тебя иам принять?
Вифлеемской ли ночи опять воссиять?..
Ночь-красавица! Жгучие раны земли
Ты прохладой своей исцели.

Пусть придут, как тогда, в час вечерней зари
Созерцать — мудрецы, поклониться — цари.
Вифлеемская ночь! Сонмам бедных людей
Ты светися, светися ясней!

Где же хоры небес? Отчего не летяг
Светоносные призраки их мириад?
А ведь есть же они где-нибудь и поют,
Только знать о себе не дают.

Заблудились в пространствах, далеко ушли...
И назрела великая немочь земли,
Чтоб, как прежде, опять Искупителя ждать,
Преклониться пред Ним и — продать!

287

По сугробам снега, по обледенелым,
Повествуя в полночь про какой-то день,
От небес ложится отблеском несмелым
Северных сияний золотая тень...

В совести глухие, по сердцам усталым,
Только помышленью видимый едва,
На мирскую бледность, осененьем алым,
От небес ложится отблеск Рождества.

Без пути, без спроса, в прах земной пустыни,
В горе, в злобу, в ярость помышлений злых,
Льет от язв Христовых миро благостыни —
Язвы Бога глубже быстрых язв людских...

Обратись к нам, Боже, голосом приветным!
Отврати суровый и грозящий лик!
По земному кругу сонмищем несметным
В тяжком испытанье наш народ поник...

288. НА НОВЫЙ 1880 ГОД

Венцом терновым был Спаситель венчан,
И церковь, страстотерпцев прославляя,
Венчает их нетленными венцами;
Венчаются цари, на трон вступая;

Венчает церковь жениха с невестой,
И в страшный час высокого значенья,
В час похорон, кладет на лик угасший
Для всех готовый венчик отпущенья...

Венец на людях — яркий знак избранья!
Он часто, часто под собой вмещает
Такое счастье, что не знает меры,
Такое горе, что границ не знает...

Как будет венчан год, едва наставший?
Что если он, безумьем одержимый,
Промчится в вечность, вовсе не венчанный,
Кровавый и проклятьями гонимый?

Что если хуже? В шутовской короне,
В порфире, сшитой из лохмотьев, он взберется
На трон картонный, расцвеченный фольгой,
И, скипетр взяв под мышку, засмеется?

289

Новый год! мой путь — полями,
Лесом, степью снеговой;
Хлопья, крупными звездами,
Сыплет небо в мрак ночной.

Шапку, плечи опушает,
Смотришь крепче и сильней!
Всё, как будто, вырастает
В белом саване полей...

В приснопамятные годы
Не такой еще зимой,
Русь спускала недороды
С оснеженных плеч долой,

Отливала зеленями,
Шла громадой на покос!
Ну, ямщик, тряхни вожжами,
Знаешь: малость день подрос!

290

Улыбнулась как будто природа,
Миновал Спиридон-поворот,
И, на смену отжившего года,
Народилось дитя — Новый год!

Вьются кудри! Повязка над ними
Светит в ночь Вифлеемской звездой!
Спит земля под снегами немыми —
Но поют небеса над землей.

Скоро, скоро придет пробужденье
Вод подземных и царства корней,
Сгинет святочных дней наважденье
В блеске вешних, ликующих дней;

Глянут реки, озера и море,
Что зимою глядеть не могли,
И стократ зазвучит на просторе
Песнь небесная в песнях земли.

291—293. НА ПАСХУ

1

Над плащаницею

Он мертв! С закрытыми очами...
Белее снега пелена!
Никем не зримыми лучами
Вся церковь вкруг позлащена,

И в тех лучах, вполне живые,
В сердцах молельщиков встают
Явленья нежно-световые
Хороших мыслей и минут...

Под звуки слов надгробной песни
Они так чисты, так светлы...
Воскресни, Господи! Воскресни!
Довольна зла! Довольно мглы...

2

После причастия

И вот, в конце Страстной недели,
Сквозь полумрак, в туман сырой,
И в грязь, и в ростепель, с зарею
Спешат причастницы домой.

В мерцанье утра выделяясь
Весенней яркостью одежд,
Они мелькают торопливо,
Полны и счастья, и надежд!

Спешат... На лицах их — улыбки;
И, мнится, что в сердцах людских
Весна, приблизившись тихонько,
Запела свой причастный стих...

3

Воскрес!

День наступал, зажглась денница,
Лик мертвой степи заалел;
Заснул шакал, проснулась птица...
Пришли взглянуть — гроб опустел!..

И мироносицы бежали
Поведать чудо из чудес:
Что нет Его, чтобы искали!
Сказал: «воскресну!» и — воскрес!

Бегут... молчат... признать не смеют,
Что смерти — нет, что — будет час,
Их гробы тоже опустеют,
Пожаром неба осветясь!

294. РАССКАЗ ПОСЛАНЦА

(Отрывок)

Ты посетил его и был при смерти, —
Так расскажи, что видел?
— Видел я,
Чего в другой раз не хотел бы видеть!..
Он умер — страшно. Все ему казалось:
Он в обществе сидел самоубийц;
Он с ними говорил. Они сияли
В тяжелых ранах, будто в орденах,
И, хвастаясь, повязки с них срывали
И выставляли их... Еще он видел
Последний, страшный суд и рассказал
Подробно очень, как и что там было...
Кругом стремились мириады мертвых
К престолу Бога, и Господь поднялся
И проклял без изъятья всех, кто жил!
И не было прощенья никому;
И искупленье стало мертвой буквой...
И Богородица прижалась в страхе
К престолу Сына и просить не смела
За эти тьмы поднявшихся грехов!
И оказалась благодать ненужной...

«Не нужна потому, сказал Господь,
Что осенить пришлось бы благодатью
Одних только сирот мертворожденных,
Детей без имени и недоносков!
Из всех людей, носивших образ мой,
Они одни безгрешны — остальные
Все, все виновны...» Так сказал Господь,
И бледен стал приговоренный мир
Пред гневом Господа. В зеленом свете,
Струившемся не от погасших солнц,
А от Господня гнева — трепетал он,
И кровь, дымясь, повсюду проступала...
И вот, должно быть, это увидав,
Осилить грезы он не мог, вскочил,
И, навзничь повалившись, замолчал,
Глаза уставил и раскинул руки...
Кровь грезы потопила человека!..
Конечно, был он грешником великим,
И да простит Господь ему грехи,
Которых мы, живущие, не знали,
И смыслом нашей жизни не постигли,
И оком нашей правды не нашли...

295

Да! Молча сгинуть, жизнь отдать,
Нам, русским, не учиться стать!
Вот чем, чужой нас не поймет,
Так самобытен наш народ.
Что в том, чтоб с блеском умереть,
Когда толпы идут смотреть,
И удивляться, и кадить —
Нет, тут легко героем быть!
Один уж ценный мавзолей,
Имеющий на свет явиться,
Который, в тишине ночей,
Герою до геройства снится —
Он сто́ит, чтоб идти страдать!
Но — за ничто себя отдать,
Не мысля никакой награды,
Себя нимало не беречь,
И, если надобно, полечь
За чувство темное, за вклады
Отцов духовные, за что-то,
Что неизменно ни на йоту,
Чему антипод — слово «грех!»

Носить в крови, в мозгу народа
Самозабвенья идеал,
Тот, что не даст одна свобода
В своих потугах без исхода;
Которого, как ни искал,
В науке ум не обретал...
Да! Эта музыка терпенья
Полна великого значенья.

ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА
1895—1901

Посвящаются А. А. Коринфскому
и Н. А. Котляревскому

296

Мы — разных областей мышленья...
Мы — разных сил и разных лет...
От вас мне слово утешенья,
От вас мне дружеский привет.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце в нас,
И мало схожими страстями
Мы жили в тот иль в этот час.

Но есть неведомые страны,
Где — в единении святом —
Цветут, как на Валгалле, раны
Борцов, почивших вечным сном.

Чем больше ран — тем цвет их краше.
Чем глубже — тем расцвет пышней!..
И в этом, в этом — сходство наше,
Друзья моих последних дней.

297

Здесь счастлив я, здесь я свободен, —
Свободен тем, что жизнь прошла,
Что ни к чему теперь не годен,
Что полуслеп, что эта мгла

Своим могуществом жестоким
Меня не в силах сокрушить,
Что светом внутренним, глубоким
Могу я сам себе светить,

И что из общего крушенья
Всех прежних сил, на склоне лет,
Святое чувство примиренья
Пошло во мне в роскошный цвет...

Не так ли в рухляди, над хламом,
Из перегноя и трухи,
Растут и дышат фимиамом
Цветов красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что все должны быть прощены,
Я добр — умом, я утешаю
Тем, что в бессильи все равны.

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Возросший в грудах перегноя
Очаровательный цветок...

298

Мой сад оградой обнесен;
В моем дому живут, не споря:
Сад весь к лазури обращен —
К лицу двух рек и лику моря.

Тут люди кротки и добры,
Живут без скучных пререканий;
Их мысли прóсты, нехитры,
В них нет нескромных пожеланий.

Весь мир, весь бесконечный мир —
Вне сада, вне его забора;
Там ценность золота — кумир,
Там столько крови и задора!

Здесь, очень редко, иногда
Есть в жизни грустные странички:
Погибнет рыбка средь пруда,
В траве найдется тельце птички...

И ты в мой сад не приходи
С твоим озлобленным мышленьем,
Его покоя не буди
Обидным, гордым самомненьем.

У нас нет места для вражды!
Любовь, что этот сад взращала,
Чиста! Ей примеси чужды,
Она теплом не обнищала.

Она, незримая, лежит
В корнях деревьев — тьмой объята,
И ею вся листва шумит
В часы восхода и заката...

Нет! Приходи в мой сад скорей
С твоей отравленной душою;
Близ скромных, искренних людей
Ты приобщишься к их покою.

Отсюда мир, весь мир, изъят
И, полный злобы и задора,
Не смея ринуться в мой сад,
Глядит в него из-за забора...

299

Как ты боишься привидений!
Поверь: они — твой личный бред;
Нам с миром мертвых нет общений
И между двух миров — запрет.

Когда б я мертвого увидел
Хоть миг один, как видел ты,
Я б этот миг возненавидел, —
Он сжег бы все мои мечты.

Нельзя из моря снова в реку
Былые волны обратить;

Нельзя свершившемуся веку
Вернуться и грядущим быть.

Умерший сгинул безвозвратно,
Земное в нем завершено...
Что дальше? людям непонятно;
Бессмертье — плод, а мы — зерно!

Нет между двух миров общений;
Кто умер, тот, как луч, погас, —
В нем плоти нет для проявлений,
Он не воздействует на нас.

Загробный мир — необходимость
В великой логике причин,
Но тут возможна совместимость:
И оба мира — лишь один!

Да, для обителей загробных
Не нужно вовсе сфер иных,
Таких, которым нет подобных
В подлунной, на путях земных.

Быть может, тут же, между нами
Способны мертвые витать
И мы обвеяны душами...
Но их — ни видеть, ни признать!

И я приветствую порою
Мечту чудесней всех других:
Я жив, но мертвые со мною,
Они при мне и я при них.

300

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Всё полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!

И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немыслимо сознанью:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль...

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли, —
Успокоенье только в забытьи, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет
Не искупят безвременных мучений,
Всегда идущих оргиям вослед...

Спеши, спеши в спокойствие мышленья, —
В нем нерушим довременный покой;
Там нет борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя — желанный и родной!..

301

Какая ночь! Зашел я в хату,
Весь лес лучами озарен
И, как по кованому злату,
Тенями ночи зачервлен.

Сквозь крышу, крытую соломой,
Мне мнится — будто я цветок
С его полуночной истомой,
С сияньем месяца у ног!

Вся хата — то мои покровы,
Мой цветень и листва моя...
Должно быть, все цветы дубровы
Теперь мечтают так, как я!

302

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

Воспоминанья — вечные лампады,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут, —
Погаснет всё, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Воспоминанья могут задавать.

Беда, беда, когда средь них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Банко сядет за столом.

303

Где, скажите мне, та высь небес лазурная,
Ночь — объявшая Татьяну полумглой,
Где тревога та пугливая и бурная,
Прогудевшая над девичьей душой?

Няня где ее? С любовью неизменною,
С Таней жившая всем сердцем заодно,
С речью ласковою, сединой почтенною,
Крепко верившая в то, что суждено?

Где, скажите мне, тот смысл живого гения,
Тот полуденный в саду старинном свет,
Что присутствовали при словах Евгения,
Тане давшего свой рыцарский ответ?

Где кипевшая живым ключом страсть Ленского?
Скромность общая им всем, движений чин?
Эта правда, эта прелесть чувства женского,
Эта искренность и честность у мужчин?

304

Вы — думы яркие, мечтанья золотые,
Живые детища живой души моей,
Рождайтесь в добрый час, плодитесь, световые,
Являйтесь в полчищах блистанья и теней!

Большие полчища, живущие вне тленья,
Во мне возникшие, но видные другим,
Непостижимые наукой воплощенья, —
Вы — не мерцание, не призраки, не дым.

В вас ясно зримые свидетельства мелькают
Того, что области бессмертья — не мечты!
Что, так иль иначе, от них к нам достигают
И чувствуются нам нетления черты...

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
Но все еще живя, сверкая и звеня,
Мечта и мысль, законам уступая,
Начнут вдруг отходить куда-то от меня —

В непостижимое, в неясное, в немое —
В слои неведомые «множества жилищ»...
И с ними отойдет все то полуземное,
В чем богом я бывал, родившись слаб и нищ...

И, может быть, тогда, как эха отклик нежный,
В иной загробный мир я им вослед пройду —
Как и они, живой, свободный, безмятежный —
И личностью своей вполне не пропаду...

305

Дайте, дайте мне, долины наши ровные,
Вашей ласковой и кроткой тишины!
Сны младенчества счастливые, бескровные,
Если б были вы второй раз мне даны!

Если б всё, — да, всё, — что было и утрачено,
Что бежит меня, опять навстречу шло,
Что теперь совсем не мне — другим назначено,
Но в минувший срок и для меня цвело!

Если б это всё возникло по прошедшему, —
Как сумел бы я мгновенье оценить,
И себя в себе негаданно нашедшему
Довелось бы жизнь из полной чаши пить!

А теперь я что? Я — песня в подземелии,
Слабый лунный свет в горячий полдня час,
Смех в рыдании и тихий плач в веселии...
Я — ошибка жизни, не в последний раз...

306

Сквозь оболочку праха, пыли, тленья,
Сквозь нас, блуждающих под именем людей,
Проходят иногда живые представленья
Бессмертных, божеских, зиждительных идей!

Кто так глубоко пал, что в нем не возникали
Идеи вечности, добра и красоты, —
Тому не прозревать в заманчивые дали
Путей к бессмертию! К ним сломаны мосты!

Но тот, в ком Божий дух скитался сокровенно,
В ком, так иль иначе, он хоть на миг гостил, —
Тот в вечность перейдет бесспорно, несомненно,
Хотя бы он совсем рассыпался и сгнил.

Не тем, что может тлеть, не временною тканью —
Духовной личностью он Бога принимал
И этим таинством пришел к неумиранью —
Будь он преступником, будь он велик иль мал.

Где, как, когда, каким путем — не знаю,
Но он не может быть бесследно сокрушен...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже облик свой вовек удержит он...

307

Да, да, когда я молод был,
Я так же — как и ты — судил
И точно так же, как и ты,
Бывал игрушкой злой мечты!
Мы — отступающая рать —
Перестаем вас понимать...
Еще потоп не наступал,
Когда брат брата убивал;
Чуть отжил век Мафусаил,
Отец осмеян сыном был!
Вы — верх возьмете, мы — падем,
Как Цезарь, скрыв лицо плащом...
Хоть знают все: Брут честен был,
Когда свой нож окровянил;
Но, при Филиппах, иногда
Всплывает мщения звезда...

Сегодня при Филиппах — мы!
К нам призрак движется из тьмы,
Он в вас, он — с вами заодно...
Но всем вам то же суждено...
Да, нашей юности вина
В наследство вам передана;
Падете вы, как мы падем, —
Но скроете ль лицо плащом?

308

Не может свет луны над влагой
Покровом лечь, — идет до дна;
Лишь блестки с дерзкою отвагой
Плывут, и их дробит волна.

Но если свет к плите могильной
Опустится — ковром лежит,
Бледнея в немощи бессильной
Проникнут глубже под гранит.

Луна блестит, не сознавая;
Всё дело в том: где свет падет?
Я — свет луны; ты, дочь родная,
Будь светлым лоном чистых вод.

300

Часто с тобою мы спорили...
Умер! Осилить не мог
Сердцем правдивым и любящим
Мелких и крупных тревог.

Кончились споры. Знать, правильней
Жил ты, не вкривь и не вкось!
Ты победил, Галилеянин! —
Сердце твое порвалось...

310

Сколько хороших мечтаний
Люди убили во мне;

Сколько сгубил я деяний
Сам, по своей же вине...

В жизни: комедии, драмы,
Оперы, фарс и балет
Ставятся в общие рамы
Повести множества лет...

Я доигрался! Я —дома!
Скромен, спокоен и прав, —
Нож и пилу анатома
С ветвью оливы связав!

311

Пред великою толпою
Музыканты исполняли
Что-то полное покоя,
Что-то близкое к печали;

Скромно плакали гобои
В излияньях пасторальных,
Кружевные лились звуки
В чудных фразах музыкальных...

Но толпа вокруг шумела:
Ей нужны иные трели!
Спой ей песню о безумье,
О поруганной постели;

Дай ей резких полутонов,
Тактом такт перешибая,
И она зарукоплещет,
Ублажась и понимая...

312

Порой хотелось бы всех веяний весны
И разноцветных искр чуть выпавшего снега,
Мятущейся толпы, могильной тишины
И тут же светлых снов спокойного ночлега!

Хотелось бы, чтоб степь вокруг меня легла,
Чтоб было всё мертво и царственно молчанье,
Но чтоб в степи река могучая текла,
И в зарослях ее звучало трепетанье.

Ущелий Терека и берегов Днепра,
Парижской толчеи, безлюдья Иордана,
Альпийских ледников живого серебра,
И римских катакомб, и лилий Гулистана.

Возможно это всё, но каждое в свой срок
На протяжениях великих расстояний,
И надо ожидать и надо, чтоб ты мог
Направить к ним пути своих земных скитаний, —

Тогда как помыслов великим волшебством
И полной мощностью всех сил воображенья
Ты можешь всё иметь в желании одном,
Здесь, подле, вкруг себя, сейчас, без промедленья!

И ты в себе самом — владыка из владык,
Родник таинственный — ты сам себе природа,
И мир души твоей, как Божий мир, велик,
Но больше, шире в нем и счастье, и свобода...

313

В темноте осенней ночи —
Ни луны, ни звезд кругом,
Но ослабнувшие очи
Видят явственней, чем днем.

Фейерверк перед глазами!
Память вздумала играть:
Как бенгальскими огнями
Начинает в ночь стрелять, —

Синий, красный, снова синий...
Скорострельная пальба!
Сколько пламенных в ней линий, —
Только жить им не судьба...

Там, внизу, течет Нарова —
Всё погасит, всё зальет,

Даже облика Петрова
Не щадит, не бережет,

Загашает... Но упорна
Память царственной руки:
Царь ударил в щеку Горна,
И звучит удар с реки.

314

О, как я чувствую, когда к чему-нибудь
Лежит душа и страстно увлекает;
Сознанье долга тот же самый путь,
Но только медленно, тихонько, совершает!

И долг исполнит свой — не то, не то совсем,
Что чувству вслед идти. Пускай порывы ложны,
Пусть опрометчивы; в порывах ум наш нем,
Но подвиги людей и без ума возможны.

В них что-то высшее руководит душой,
Мученья — нипочем, рад гибнуть в ореоле;
И чувствует душа в себе тот самый строй,
Что чувствовал Донской на Куликовом поле.

315

Еще покрыты льдом живые лики вод,
И недра их полны холодной тишиною...
Но тронулась весна, и — сколько в них забот,
И сколько суеты проснулось под водою!..

Вскрываются нимфей дремавших семена,
И длинный водоросль побеги выпускает,
И ряска множится... Вот, вот, она, весна, —
Открыла полыньи и ярко в них играет!

Запас подземных сил уже давно не спит,
Он двигается весь, прикормлен глубиною;
Он воды, в прозелень окрасив, породнит
С глубоко-теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая век, —
Какими ты к весне пробудишься ростками?
Сплетенья корневищ потребуют просек,
Чтобы согреть тебя весенними лучами.

И в зарослях твоих, безмолвных и густых,
Одна надежда есть, одна — на обновленье:
Субботний день к концу... Последний из твоих...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

316

Чуть глянул жар румяного востока;
Все в доме спят и благовеста нет,
В косых лучах дом блещет непривычно,—
Так днем его не освещает свет.

Последних снов последние виденья
Бегут, бегут, готовясь исчезать...
О, если б им, хоть одному, запнуться,
И в светлый день действительностью стать!

317

Вот — мои воспоминанья:
Прядь волос, письмо, платок,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образок...

Но — за теменью былого —
В именах я с толку сбит.
Кто они? Не дать ли слова,
Что и я, как те, забыт!

В этом — времени учтивость,
Завершение всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

318

От горизонта поднимаясь,
Гонима кверху ветерком,

Всплывает туча, вырастает
И воздвигается столбом.

Как бы листвою разветвляясь,
Сокрыв от глаз людских зенит,
Она чудовищною пальмой
Над морем блещущим висит.

В чем правда тут? Что несомненней:
Игра ли света в облаках,
Иль облака, иль волны моря,
Иль отблеск их в моих глазах?

И сам я в жизни что такое?..
Мне мнится: я один живу,
Весь мир — мое лишь сновиденье,
Моя же греза — наяву!

319

Всегда, всегда несчастлив был я тем,
Что все те женщины, что близки мне бывали,
Смеялись творчеству в стихах! Был дух их нем
К тому, что мне мечтанья навевали.

И ни в одной из них, нимало, никогда
Не мог я вызывать отзывчивых мечтаний...
Не к ним я, радостный, спешил в тот час, когда
Являлся новый стих счастливых сочетаний!

Не к ним, не к ним с новинкой я спешил,
С открытою, еще дрожавшею душою,
И приносил цветок, что сам я опылил,
Цветок, дымившийся невысохшей росою.

320

Мельчают, что ни день, людские поколенья!
Один иль два удара в них судьбы, —
Как паралитики лишаются движенья,
Как неврастеники являют исступленья,
И спины их сгибаются в горбы.

О, сколько хилости и вырождений с детства!
И им-то, слабым, в будущем грозят
Такие страшные задачи и наследства
Особых способов и видов людоедства,
Каких не знали сорок лет назад.

Простите, дети, нас, преступных перед вами...
Природа-мать, призвав отцов любить,
Их незаметными опутала сетями,
И вы, несчастные, рождались матерями,
Не знавшими, как вам придется жить...

321

С простым толкую человеком...
Телега, лошадь, вход в избу...
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и вёсен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем всё это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признанье это
Не изменяет ничего...

Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрость
И — на вес золота места!

322

Слабеет свет моих очей,
Я сам не свой и я ничей;

Отвергнут строем бытия,
Не знаю сам: живу ли я?
Певец! Один лишь ты, певец,
Ты, Бога светлый посланéц,
Слепцу, когда начнешь ты петь,
Даешь опять на мир глядеть...
Как все — живу, как все — смотрю
И вижу море и зарю
И чудным пением твоим
Живу, как все, и равен им.
Заслышав песнь, я воскресал...
Жизнь, жизнь, ты — радостный хорал!
Прозрел я и признать готов,
Что люди — этот мир слепцов —
Не знают, видеть не хотят,
Как жизни радостен наряд;
Как мне — ослепнуть надо им,
Чтоб в счастье видеть им не дым;
Тогда тебя они поймут,
Певец... Когда ты подле, тут
И не ушел, — мне не видать, —
Запой скорей, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влачиться буду, прах земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя... Но только пой мне, пой!
Взгляни: ты видишь — я слепой!

323

Ты часто так на снег глядела,
Дитя архангельских снегов,
Что мысль в очах обледенела
И взгляд твой холодно суров,

Беги! Направься к странам знойным,
К морям, не смевшим замерзать:
Они дыханием спокойным
Принудят взгляд твой запылать.

Тогда из новых сочетаний,
Где юг и север в связь войдут,
Возникнет мир очарований
И в нем — кому-нибудь приют...

324

И вот, сижу в саду моем тенистом
И пред собой могу воспроизвесть,
Как это будет в час, когда умру я,
Как дрогнет всё, что пред глазами есть.

Как полетят повсюду извещенья,
Как потеряет голову семья,
Как соберутся, вступят в разговоры,
И как при них безмолвен буду я.

Живые связи разлетятся прахом,
Возникнут сразу всякие права,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сирот появится вдова.

В тепло семьи дохнет мороз закона, —
Быть может, сам я вызвал тот закон;
Не должен он, не может ошибаться,
Но и любить — никак не может он.

И мне никто, никто не поручится, —
Я видел сам, и не один пример:
Как между близких, самых близких кровных,
Вдруг проступал созревший лицемер...

И это всё, что здесь с такой любовью,
С таким трудом успел я насадить,
Ему спокойной, смелою рукою, —
Призвав закон — удастся сокрушить...

325

Шестидесятый раз снег предо мною тает,
И тихо льёт тепло с лазурной вышины,
И, если память мне вконец не изменяет,
Я в детстве раза три не замечал весны, —

Не замечал того, как мне дышалось чудно,
Как мчались журавли и как цвела сирень...
Десятки лет прошли; их сосчитать нетрудно,
Когда бы сосчитать не возбраняла лень!

Невелико число! Но собранный годами
Скарб жизни так велик, так много груза в нем,
Что, если бы грузить — пришлось бы кораблями,
Водою отправлять, а не иным путем...

Противоречия красот и безобразий,
Громадный хлам скорбей, сомнений и обид,
Воспоминания о прелестях Аспазий,
Труды Сизифовы и муки Данаид,

Мученья Тантала, обманы сына, брата,
Порывы глупостей, подряд или вразброд;
В одних я шествовал на подвиг Герострата,
В других примером мне являлся Дон-Кихот...

Шестидесятый раз снег предо мною тает...
Лазурна высь небес, в полях ручьи журчат...
Как много жизнь людей всего, всего вмещает,
И что же за число в две цифры — шестьдесят!..

326

Когда больной умрет и кончится со смертью
Ужасный, длинный ряд мучительных мытарств,
Врачей и фельдшеров заменит духовенство,
Исчезнет всякий след сиделок и лекарств;

Когда сокроются под насыпью могилы,
Как призрак тягостный, как отлетевший сон,
Лицо поблекшее, морщинистые руки,
Вся некрасивая обрядность похорон, —

В девятый день по нем, вот вы когда ступайте
К нему, к умершему, кто для земли угас, —
Небытия живым, святым проникновеньем
Увековеченный, он станет между вас!

Небытие — не смерть и не ничто! Не может
Тот, кто не возникал, пройти в небытие!
В небытии людей — особый облик жизни
И несомненное бессмертие мое!

327

С высоты горы высокой,
За рекой и вдоль реки,
В темноте ночной глубокой
Видны в избах огоньки;

Много их... Но быстро гаснут,
Будто им гореть не впрок,
Будто малые завесы
Закрывают каждый в срок.

Ах, горят и в жизни нашей
Огоньки от юных дней!
Все их к сроку гасит время...
Смотришь: больше нет огней...

Вот завешаны надежды,
Вот задвинуты мечты,
Скрылась бодрость, скрылись силы...
Огонек, да где же ты?

Всё завесы да завесы;
Всё темнеет... А потом?
Саван белый... Тот завесит
Человека — целиком.

328

Вот она — великая трясина!
Ходу нет ни в лодке, ни пешком.
Обмотала наши весла тина, —
Зацепиться не за что багром...

В тростнике и мглисто, и туманно.
Солнца лик — и светел, и высок, —
Отражен трясиною обманно,
Будто он на дно трясины лег.

Нет в ней дна. Лежат в листах нимфеи,
Островки, луга болотных трав;
Вот по ним пройтись бы! Только феи
Ходят здесь, травинок не помяв...

Всюду утки, дупеля, бекасы!
Бьешь по утке... взял... нельзя достать;
Мир лягушек громко точит лясы, —
Словно дразнит: «Для чего ж стрелять?»

Вы, кликуши, вещие лягушки,
Подождите: вот придет пора, —
По болотам мы начнем осушки,
Проберем трясину до нутра.

И тогда... Ой, братцы, осторожней!
Не качайтесь... Лодку кувырнем!
И лягушки раньше нас потопят,
Чем мы их подсушивать начнем...

329

Старый дуб листвы своей лишился
И стоит умерший над межою;
Только ветви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Приютил он, будучи при жизни,
Сиротинку-семя, что летало,
Дал ему в корнях найти местечко,
И оно тихонько задремало.

И всползла по дубу повилика,
Мертвый остов зеленью одела,
Разубрала листьями, цветами,
Придала, как будто, облик тела!

Ветерок несется над межою;
Повилика венчики качает...
Старый дуб в обличии забытом
Оживает, право — оживает!

330

При свете трепетном лампады в час ночной
Идут умершие беседовать со мной,
И в скромном обществе мне ближних и родных
Мой дух смиряется, и сон мой будет тих.

Ты, милое дитя, ты, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срок земного бытия,
Ты в час сомнения, печали, иль любви
Меня, загробного, к совету призови!

И я приду тогда, неслышим и незрим!
Я буду пестуном внимательным твоим;
Прохладой тихою тебя я опахну,
Нетленным оком я в тайник души взгляну,

Я слово ласковое шепотом скажу,
Стези неведомые сердцу укажу
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: «Смени меня, а я — опять усну!..»

331

Если б всё, что упадает
  Серебра с луны,
Всё, что золота роняет
  Солнце с вышины —

Ей снести... Она б сказала:
  «Милый мой пиит,
Ты того мне дай металла,
  Что в земле лежит!»

332

Из моих печалей скромных,
Не пышны, не высоки,
Вы, непрошены, растете,
Песен пестрые цветки.

Ты в спокойную минуту
На любой взгляни цветок...
Посмотри — в нем много правды!
Он без слез взрасти не мог.

В этой песне — час страданий,
В этой — долгой ночи страх,
В этих — месяцы и годы...
Всё откликнулось в стихах!

Горе сердца — дар небесный,
И цветы его пышней
И куда, куда душистей
Всех цветов оранжерей.

333

Воды немного, несколько солей,
Снабженных слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и попросту слезою...
Но разве в том определенье ей?

А тихий вздох людской? То — груди содроганье,
Освобожденье углекислоты?!.
Определения, мутящие сознанье
И полные обидной пустоты!

334

Не в том беда, что разны состоянья,
Что во вражде бедняга и богач,
Что труд неравен, неравны призванья,
Что есть на свете слабый и силач!

Все сумасшедшие, что быстро так плодятся,
В ком нет ума — уходят вглубь больниц...
В ком сердца нет — тем радостно кататься,
Взирать на мир с их пышных колесниц!

Сердец раздайте! Чтоб они стучали
Во всех грудях, чтоб им был полный счет,
Чтоб те, что есть, вконец не замирали, —
Чтоб чувствам был прямой и полный ход.

С детей начните! Вот откуда надо
Менять судьбы, дорогу указав,
А не с параграфов законов, или ряда
Уравновешений и разделений прав.

335

Нет никогда, никто всей правды не узнает
Позора твоего земного бытия.
Толпа свидетелей с годами вымирает
И не по воле, нет, случайно, знаю я.

Оправдывать тебя — никто мне не поверит;
Меня сообщником, пожалуй, назовут;
Все люди про запас, на случай, лицемерят
Чтоб обелить себя, виновных выдают!

Но, если глянет час последних показаний,
Когда все бренное торжественно сожгут
Пожары всех миров и всех их сочетаний, —
Людские совести проступят и взойдут,

И зацветут они не дерзко — торопливо,
Не в диком ужасе, всей сутью трепеща;
Нет, совести людей проступят молчаливо,
В глухом безмолвии лишь обликом крича!

Тогда увидятся такие вырожденья,
Что ты — в единственной, большой вине своей —
Проглянешь, в затхлости посмертного цветенья,
Чистейшей лилией, красавицей полей.

336

Да, да! Всю жизнь мою я жадно собирал,
Что было мило мне! Так я друзей искал,
Так — памятью былых, полузабытых дней —
Хранил я множество незначащих вещей!
Я часто Плюшкиным и Гарпагоном был,
Совсем ненужное старательно хранил.

Мне думалось, что я не буду сир и наг,
Имея свой родной, хоть маленький, очаг;
Что в милом обществе любезных мне людей,
В живом свидетельстве мне памятных вещей
Себя, в кругу своем, от жизни оградив,
Я дольше, чем я сам, в вещах останусь жив;
И дерзко думал я, что мертвому вослед
Всё это сберегут хоть на немного лет...

Что ж? Ежели не так и всё в ничто уйдет,
В том, видно, суть вещей! И я смотрю вперед,
Познав, что жизни смысл и назначенье в том,
Чтоб сокрушить меня и, мне вослед, мой дом,
Что места требуют другие, в жизнь скользя,
И отвоевывать себе свой круг — нельзя!

337

Когда в семье — психически-больной,
Вы не касайтесь даже стороной
Болезни тягостной и всех ее причин,
Что было поводом и в чем ее почин.

Шутил ли дед и следом шутки той
Явился внук психически-больной;
Родной отец его жил долго, был здоров,
И только передал от деда след грехов?..

Кто знает, как, за чей старинный счет
Родился вдруг в семействе идиот
И обеспечены доходности врачей
В развитьи медленных и злых параличей!

А мы... Не наша ль общая вина,
Что та иль эта жизнь теперь темна?..
Мы были добрыми и злыми невпопад
И, подтолкнув с горы, кричим теперь: «Назад!»

338

Всё чаще говорить приходится — «забыл»,
И всё яснее мне, что я совсем «устал»;
Всё чаще слышат те, с кем говорю — «я был»,
И, что ни день, твержу всё чаще — «я желал».

Всё реже сознаю, что «радость ждет меня»,
Совсем не говорю — «я жажду, я ищу»;
И в слабых проблесках темнеющего дня,
Оскудевающий, надеюсь и молчу...

339

А знаете ли вы, что ясной мысли вслед
Идти возможно; тут неправды нет...
Идешь как будто бы на чьих-то помочах,
И видится не то, что значится в очах;
Звучит безмолвное, звучащее — молчит,
И окружающего нет... Вокруг лежит
Как бы действительность, мир нашему чужой,
Безличный в личностях, ни мертвый, ни живой...
И боль физическая может иногда
Не чувствоваться, не давать следа...
Чудесен путь по области идей...
Мир, явленный на свет в восьмой из первых дней!
Ты — вне обязанностей, вне обычных прав:
Ни добр, ни зол, ни честен, ни лукав...

И если б пуля дать ответ могла, —
Зачем она не тут, а там и так, легла,
Зачем стремительно, без воли, без ума,
Цель раздробив, расплюснулась сама, —
Вот, думается мне, ответ ее простой:
«Со мною было то, что было и с тобой!
При чем желанье тут — мое, или твое?
Я неповинна... Я — исполнила свое...»

Всё чаще, что ни день, чтобы спокойней быть,
Любовно я люблю за мыслью вслед бродить;
Безмерно веруя в живую власть ума
И в то, что будет свет там, где витает тьма...
Всё отвратительно, нет правды, нет основ;
Свободна и светла лишь только жизнь умов!

340

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией, — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако пренсправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

341

Из сокровищницы вечной
Душ людских чтó в них дороже
Черпай ты смелей —
И толпе, всегда беспечной,
То, что взято из нее же,
Ясно спеть умей!

Все поэты, без сомненья,
Все мыслители вселенной —
Длинный ряд зеркал;
В них свои же отраженья
Сонм людей рукою тленной —
Лаврами венчал.

342

Белый мох здесь поростает
Вдоль по розовым пескам;
Люб он, как ковер персидский,
Слабоногим старичкам.

Воздух так смолист, так тонок,
Что почтенный старичок,
Подышав им, замышляет,
В пляс пустить остаток ног.

Но идет немолчно время,
Что ни сутки — то бойчей,
Отравляя воздух чистый
Смрадом кухонь и печей.

Что ж? Иначе быть не может, —
Воздух, как и мы, живет...
Счастлив, кто не опоздает
И от чистых струй глотнет.

343

Закрыла осень все пути,
Ручьи умолкшие застыли,
Сгорели травы, полегли...
Они недавно живы были.

Ну, память! Ты в права вступай
И из немых воспоминаний
Былого лета выдвигай
Черты живых произрастаний!

Пусть в тьме рождественских ночей,
Перед духовными очами,
Мысль глянет всходами полей,
И побегут мечты ручьями.

344

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни резца бессмертные красоты,
Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не в силах иногда согнать с души дремоты.

Но если с детских лет забывшийся напев
Коснется нéжданно притупленного слуха, —
Дают вдруг яркий цвет, чудесно уцелев,
Остатки прежних сил надломленного духа.

Совсем ребяческие, старые тона,
Наивность слов простых, давным-давно известных,
Зовут прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться в обликах живых, хоть бестелесных.

И счастье прежних дней, и яркость прежних сил, —
То именно, что в нас свершило всё земное,
Вдруг из таинственно открывшихся могил
Сквозь песню высится: знакомое, живое...

345

Я помню, помню прошлый год!
Чуть вечер спустится, бывало,
Свирель чудесная звучала,
Закат пылавший провожала,
Встречала розовый восход.

Короткой ночи текст любовный
Ей вдохновением служил;
Он так ласкал, он так пленил,
Он так мне близок, близок был —
Совсем простой, немногословный.

Свирель замолкшая, где ты?
Где ты, певец мой безымянный,
Быть может, неба гость желанный,
Печальный здесь, а там избранный
Жилец небесной высоты?

Тебе не надобно свирели!
И что тебе, счастливец, в ней,
Когда, вне зорь и вне ночей,
Ты понял смысл иных речей
И мировые слышишь трели...

346

Нет, никогда и никакою волей
Алтарь поэзии насильно не зажечь, —
Молчат, как мертвые, ее святые звуки,
И не струится огненная речь.

Зато порой, из мелочи, из вздора,
Совсем из ничего, в природе, иль в мечте,
Родится невзначай едва заметный облик
И рвется он к добру и красоте.

И вот тогда, возникнув непонятно
Во сне, на гульбище, в работе, что томит, —
Незримый дух какой-то силой тайной
Святой огонь нежданно запалит.

Могучий вихрь поднимет в сердце пламя!
В полете дерзостном от тленья отрешен,
Парит свободно он, так царственно-высоко, —
Что нет ему ни граней, ни препон.

Не уловить счастливого мгновенья,
Не закрепить его словами, — умереть
Чистейшей искре той, в час просветленья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлеть.

347

Во сне мучительном я долго так бродил,
Кого-то я искал, чего-то добивался;
Я переплыл моря, пустыни посетил,
В скала́х карабкался, на торжищах скитался.

И стал пред дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкий свет струился издалека;
От створов падали столбы больших теней;
Ступени вверх вели, и, кажется, высоко!

Но что за дверью там, вперед как ни смотри —
Не видишь... А за мной — земного мира тени...
Мне голос слышался... Он говорил: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!..»

И смело я пошел... И начал замирать...
Ослепли, чуть вошел я в полный свет, зеницы,
Я иначе прозрел... Как? Рад бы передать,
Но нет пригодных струн и нет такой цевницы!..

348

В молчаньи осени ссыпаются листы,
В ветвях являются нежданные просветы, —
И незамеченные прежде силуэты,
И новые вдали красивые черты...

Не то же ль и с душой людскою? — Вечно споря
С невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только в холоде — и немощи, и горя —
Вдруг небывалою заблещет красотой!..

349

Мощь северных лесов в сугробах и наносах,
В прозрачной темени, одетой в снег хвои,
Как явствуют в тебе, в безгласности великой,
Могучей жизненности ранние струи!

Да, только здесь, у нас, где смерть леса объяла
На долгий, долгий срок, где нет иной судьбы,
В февральском холоде, во мгле, уже заметен
Пушистый бархатец проснувшейся вербы!

Да, только здесь, в снегах полуночного леса,
В объятьях холода и мертвой тишины
Способны оживать так рано наслажденья
Тепла душевного и внутренней весны!

350

Твой ум силен, спокоен, крепок
И слишком жизнью закален,
Чтоб мог он быть мечтой источен
И ходом дум изборожден.

На нем, в блужданьях оседая,
Смысл отвлеченнейших начал,
Ложится пóверху узором,
Но в глубину не проникал;

Когда бы иначе — давно бы
Свою ты песенку пропел,
И за решеткой, под призором,
В исканьи истины сидел!

Давно бы ты, умалишенный,
Имел свой нумер на листе —
Бессильный, но не побежденный,
В путях к добру и красоте!

351

Кому же хочется в потомство перейти
В обличьи старика! Следами разрушений
Помечены в лице особые пути
Излишеств и нужды, довольства и лишений.
Я стар, я некрасив... Да, да! Но, Боже мой,
Ведь это же не я!.. Нет, в облике особом,
Не сокрушаемом ни временем, ни гробом,
Который некогда я признавал за свой,
Хотелось бы мне жить на памяти людской!
И кто ж бы не хотел? Особыми чертами
Мы обрисуемся на множество ладов —
В рассказах тех детей, что будут стариками,
В записках, в очерках, за длинный ряд годов.

И ты, красавица, не названная мною, —
Я много, много раз писал твои черты, —
Когда последний час ударит над землею,
С умерших сдвинутся и плиты, и кресты, —
Ты, как и я, проявишься нежданно,
Но не старухою, а на заре годов...
Нелепым было бы и бесконечно странно —
Селить в загробный мир старух и стариков.

352

Сказал бы я так много, много;
Но не успею, — срок мне дан!
Короток день, узка дорога
И так громаден караван...

Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всем на свете удается
Всё, — что хотел бы кто, — сказать...

Вот отчего красноречивы
Молчанья кладбищ!.. Невпопад,
Не в срок засеянные нивы, —
Они под спудом дней молчат.

Но из безмолвного общенья
Жильца земли с жильцом могил
Не раз шли первые движенья
Неудержимо мощных сил...

353

Когда-то, подле Вавилона,
Дерзнули башню воздвигать,
Чтоб жить вне Божьего закона
И волн потопа избежать.

И башни нет! Весь след развеян;
Бог перепутал языки...
Был человек самонадеян:
Где жизнь цвела — лежат пески...

Теперь смешались не языки,
Нет, сбились помыслы людей —
Одни другим невнятны, дики...
И обеспечен рост степей.

354

Как в рубинах ярких — вкруг кусты малины:
Лист смородин черных весь благоухает.
В теплом блеске солнца с бархатной низины
Молодежи говор звучно долетает.

Почему-то, — право, я совсем не знаю, —
Сцену вдруг из Гёте вижу пред глазами!
Праздник, по веселью в людях, замечаю!
Молодежь гуляет... в парочках... толпами...

В юности счастливой смех причин не ищет...
Кончена обедня, церкви дверь закрыта, —
Вижу, ясно вижу: черный пудель рыщет...
Это — Мефистофель? Где же Маргарита?

Юность золотая, если бы ты знала,
Что невозвратимо волшебство минуты,
Что в твоем грядущем радостей так мало,
Что вконец осилят долгой жизни путы, —

Ты была б спокойней... Можно ль так смеяться,
Возбуждая зависть старших поколений!
Берегла б ты силы, — очень пригодятся,
Чуть настанут годы правды и сравнений...

355

Над осокой вольный ветер пролетает,
Говорит ей: «Отчего, скажи, осока,
Твой народ себя совсем не уважает,
Предо мной всегда склоняется глубоко?

Чуть подую, вижу: ты уж и пригнулась...
Дул я с севера, подумал: дуну с юга, —
Может статься, помогу, чтоб встрепенулась;
Раболепствует, быть может, от испуга!

Нет, куда! Легла к воде с другого бока;
Невдогад тебе мое благодеянье...
Ах, ты глупая, ты глупая осока,
Ты беспомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
Отвечает ветру: «Ветер-благодетель,
Буде ваша милость вовсе бы не дула,
Я росла бы прямо, стройно! Бог — свидетель,

Что моих нижайших, вечных поклонений
Не было бы вовсе у меня в заводе;
Я стояла б выше всяких треволнений —
С уваженьем к правде и к своей породе!»

356

Полдень прекрасен. В лазури
Малого облачка нет,
Даже и тени прозрачны, —
Так удивителен свет!

Ветер тихонько шевелит
Листьев подвижную сеть,
Топчется, будто, на месте,
Мыслит: куда полететь?

Он, направленья меняя,
Думает думу свою:
Шквалом ли мне разразиться
Или предаться нытью?

357

На коне брабантском плотном
И в малиновой венгерке —
Часто видел я девицу
У отца на табакерке.

С пестрой свитой на охоте
Чудной маленькой фигурой
Рисовалася девица
На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
И пружинку нажимали,
И охотники трубили
И собак со свор спускали.

Лес был жив на табакерке;
А девица всё скакала
И меня бежать за нею
Чудным взглядом приглашала.

И готов я был умчаться
Вслед за нею — полон силы —
Хоть по небу, хоть по морю,
Хоть сквозь вечный мрак могилы...

А теперь вот здесь, недавно, —
Полстолетья миновало, —
Я опять девицу видел,
Как в лесу она скакала.

И за ней, как тощий призрак,
С котелком над головою
Истязался на лошадке
Барин, свесясь над лукою.

Я, девицу увидавши,
Вслед ей бешено рванулся,
Вспыхнув злобою и местью...
Но, едва вскочил, запнулся...

Да, не шутка полстолетья...
Есть всему границы, мерки...
Пусть их скачут котелочки
За девицей с табакерки!..

358

Право, не больше чем в полчаса времени
Горы и лес очутились в снегах, —
Будто бы всё населилось маркизами
В пудре, в косичках, в больших париках.

Что было в осень поломано, выжжено,
Сад, что местами раскопан и взрыт,
Даже кусты и деревья умершие
Все поюнели и бодры на вид.

Славное время маркизов! Под пудрою,
Под париками — скрывались года,
Все были юны... Толкуют, что, будто бы,
Модам — судьба воскресать иногда...

359

Ты любишь его всей душою,
И вам так легко, так светло...
Зачем же упрямством, порою,
Свое ты туманишь чело?

Зачем беспричинно, всечасно
Ты радости портишь сама
И доброе сердце напрасно
Смущаешь злорадством ума?

Довольствуйся тем, что возможно!
Поверь: вам довольно всего,
Чтоб, тихо живя, нетревожно,
Не ждать, не желать ничего...

360

Нет, вербá, ты опоздала,
Только к марту цвет дала, —
Знай, моя душа сызмáла
Впечатлительней была!
Где же с ней идти в сравненье!
Не спросясь календаря,
Я весны возникновенье
Ясно слышу с января!
День подрос и стал длиннее...
Лед скололи в кабаны...
Снег глубок, но стал рыхлее...
Плачут крыши с вышины...
Пишут к праздникам награды...
Нет, вербá, поверь мне, нет:
Вешним дням мы раньше рады,
Чем пускаешь ты свой цвет!

361

Гуляя в сиянье заката,
Чуть видную тень я кидал,
А месяц — в блистании злата —
Навстречу ко мне выплывал.

С двух разных сторон освещаем,
Я думал, что был окружен
Тем миром, что нами незнаем,
Где нет ни преград, ни сторон!

Под теплою, мягкою чернью
В листве опочивших ветвей
Сияла роса мелкой зернью
Недвижных, холодных огней.

Мне вспомнились чувства былые:
Полвека назад я любил
И два очертанья живые
В одном моем сердце носил.

Стоцветные чувства светились,
И был я блаженством богат...
Но двое во мне не мирились.
И месяц погас, и закат!

362

Условно всё. Когда темнеет
Река и льдины так черны, —
Не траур в этом! Сердце млеет
В сознаньи близости весны.

Когда навстречу разрушенью
Холодный труп позеленел, —
То тут не вызов к возрожденью,
А смерти бедственный удел.

А если пурпурною краской
Пылают щеки, плечи, грудь, —
Врач говорит, взглянув с опаской:
«Болезнь смертельна... Будь что будь!»

А взрыв чудовищного смеха,
И блеск веселья по лицу —
Порой предсмертная потеха
Безумца, близкого к концу...

Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: разве не видали,
Как плачут с радости порой?

Условно всё! В путях скитаний
Земных — условностей не счесть,

Не верь в значенье предсказаний
И признавай лишь тó, что есть.

363

Нет, не от всех предубеждений
Я и поныне отрешен!
Но всё свободней сердца гений
От всех обвязок и пелен.

Бледнеет всякая условность,
Мельчает смысл в любой борьбе...
В душе великая готовность
Свободной быть самой в себе;

И в этой правде — не слащавость,
Не праздный звук красивых слов,
А вольной мысли величавость
Под лязгом всех земных оков...

364

Любо мне, чуть с вечерней зарей
Солнце, лик свой к земле приближая,
Взгляды искоса в рощу бросая,
Сыплет в корни свой свет золотой;

Багрянистой парчой одевает
Листьев матовый, бледный испод...
Это — очень нечасто бывает,
И вечернее солнце — не ждет.

365

Мой пруд, он с утра разрисован,
На нем арабески, штрихи;
Он весь покраснел и алеет
В опавших сережках ольхи.

Давно ли в оттаявших льдинах
Глядел он так скучно, мертво!
Теперь и без ветра он дышит...
То рыбки колеблют его.

366

Помню: как-то раз мне снился
Генрих Гейне на балу;
Разливалося веселье
По всему его челу...

Говорил он даме: «Дама,
Я прошу на польку вас!
Бал блестящ! Но вы так бледны,
Взгляд ваш, будто бы, погас!

Ах, простите! — я припомнил:
Двадцать лет, как вы мертвы!
Обращусь к соседке вашей:
Вальс со мной идете ль вы?

Боже мой! И тут ошибка!
Десять лет тому назад,
Помню, вас мы хоронили;
Устарел на вас наряд.

Ну, так к третьей... На мазурку! —
Ясно вам: кто я такой?»
— «Как же, вы — вы Генрих Гейне:
Вы скончались вслед за мной...»

И неслись они по зале...
Шумен, весел был салон...
Как, однако, милы пляски
Перешедших Рубикон!..

367

С каким глубоким уваженьем
Стою под этим склепом я:
Тут длинный ряд почивших предков
Хранит немецкая семья.

О! Если б только люди знали,
Какой счастливый в том залог,
Чтоб не разбрасывать им мертвых,
Чтоб их живой заметить мог, —

Чтоб приближаться к ним порою
И в их покое отдыхать,
Искать молитвы, иль молиться,
И знать, где нам самим лежать.

Вот хоть бы тут! Вполне здоровый,
Живой сознаньем бодрых сил,
Ведь я, совсем помимо воли,
Охвачен жизнию могил.

Я слышу ясно, как тихонько
В душе моей, сквозь их покой,
Родится в чувстве уваженья
Хороших чувств счастливый строй...

368

Могучей силою богаты
За долгий, тяжкий зимний срок,
Набухли почки, красноваты,
И зарумянился лесок.

А на горах заметны всходы,
Покровы травок молодых,
И в них — красивые разводы
Веснянок нежно-голубых.

Плыву на лодке. Разбиваю
Веслом остатки рыхлых льдов,
И к ним я злобу ощущаю —
К следам подтаявших оков.

И льдины бьются и ныряют,
Мешают веслам, в дно стучат;
Подводный хор! Они пугают,
Остановить меня хотят!

А я весь — блеск! Я весь — спокоен...
Но одинок, как будто, я...
Один я в поле — и не воин...
Мне нужно песню соловья!

369

Я видел Рим, Париж и Лондон,
Везувий мне в глаза дымил,
Я вдоль по тундре Безземельной —
Везом оленями — скользил.

Я слышал много водопадов
Различных сил и вышины,
Рев медных труб в калмыцкой степи,
В Байдарах — тихий звук зурны.

Я посетил в лесах Урала
Потемки страшных рудников,
Бродил вдоль щелей и провалов
По льдам швейцарских ледников.

Я резал трупы с анатомом,
В науках много знал светил,
Я испытал в морях крушенье,
Я дни в вертепах проводил...

Я говорил порой с царями,
Глубоко падал и вставал;
Я Богу пламенно молился,
Я Бога страстно отрицал;

Я знал нужду, я знал довольство, —
Любил, страдал, взрастил семью
И — не скажу, чтобы без страха, —
Порой встречал и смерть свою.

Я видел варварские казни,
Я видел ужасы труда;
Я никого не ненавидел,
Но презирал — почти всегда.

И вот теперь, на склоне жизни,
Могу порой совет подать:
Как меньше пользоваться счастьем,
Чтоб легче и быстрей страдать.

Здесь из бревенчатого сруба,
В песках и соснах «Уголка»,
Где мирно так шумит Нарова,
Задача честным быть легка.

Ничто, ничто мне не указка, —
Я не ношу вериг земли...
С моих высоких кругозоров
Всё принижается вдали.

370

Порою между нас пророки возникают,
Совсем, совсем не так, как думаете вы,
Их в этот мир вещать не степи посылают,
Сиянье не блестит с избранной головы.

Нет в наши дни у нас пророков по призванью,
Им каждый может быть, — пустыня ни при чем;
Вдруг замечается — в противность ожиданью —
Огонь, светящийся на том или другом.

Ничтожнейший из нас в минуту ту иль в эту
Пророком может быть; случайно он постиг
Большую истину, и он вещает свету...
Знать, огненный к нему с небес сошел язык.

И скажет он свое, и быстро замолкает,
И, бедный, может быть, всю жизнь свою прождет:
Вот-вот сойдет язык, вновь пламя заиграет...
И, в ожидании, он, чающий, умрет...

371

Велик запас событий разных
И в настоящем, и в былом;
Историк в летописях связных
Живописует их пером.

Не меньше их необозримы
Природы дивные черты,
Они поэтом уловимы
При свете творческой мечты.

Но больше, больше без сравненья,
Пестрее тех, живей других
Людского духа воплощенья
И бытия сердец людских.

Они — причина всех событий,
Они — природы мысль и взгляд,
В них ткань судеб — с основой нитей
Гнилых и ветхих зауряд...

372

Раз один из фараонов
Скромный дом мой посетил;
Он, входя, косяк у двери
Длинным схентом зацепил.

Бесподобная фигура!
Весь величественно-груб,
Поражал он ярким цветом
Красной краски страстных губ.

Хрустнул стул, чуть он уселся;
Разговор у нас пошел
На различные предметы:
Как он с Гиксом войны вел,

Как он взыскан был богами,
Как он миловал, казнил,
Как плотинами хотел он
Укротить священный Нил,

Как любил он страстно женщин...
Чтоб свободней говорить,
Попросил меня он двери
Поплотнее затворить.

И пошел он, и пошел он...
Ощущаю в сердце страх
Повторять всё то, что слышал
При затворенных дверях.

Удивительное сходство
С нами!.. Та же всё канва:
Из времен «Декамерона»
И деянья, и слова!

373

Помню: я дерево в землю сажал;
Птичий концерт по кустам грохотал!
Ежели листья теперь так шумят,
Это — те песни опять голосят.

В чуткую, смутную душу твою, —
Чуть только песню свою запою, —
Мысли о счастьи, как зерна, кладу...
Каждое шепчет: «В свой срок я взойду!»

374

Ветер несется могучий...
Груди такой не сыскать!
Места ей надо — сломает
Всё, что придется сломать!

Сосны навстречу! Недвижны
Розовой грудью стволов...
Знать: грудь на грудь! Так и нужно!
В мире обычай таков...

Кто-то в той свалке уступит?
Спрячься за камни: не трусь!
Может быть, камни придушат,
Сгинешь... а я сохранюсь!

375

Качается лодка на цéпи,
Привязана крепко она,
Чуть дви.хет на привязи ветер,
Чуть слышно колышет волна.

Ох, хочется лодке на волю,
На волю, в неведомый путь,
И свернутый парус расправить,
И выставить на ветер грудь!

Но цепь и крепка, и не ржава,
И если судьба повелит —
Поплыть, то не цепь оборвется,
А треснувший борт отлетит.

376

Сказочку слушаю я,
Сказочка — радость моя!
Сколько уж, сколько веков
Тканями этих же слов
Ночи в таинственный час
Детских сомкнулося глаз!
Жизнь наша, сказки быстрей,
Нас обращает в детей.

Слышу о злом колдуне...
Вот он — в лесу при огне...
Чудная фея добра
Блещет в лучах серебра...
Множество замыслов злых, —
Фея разрушила их...
И колдуна больше нет!
Только и в ней меркнет свет...
Лес, что куда-то пропал,
Вдруг очарованный, встал...
Вот и колдун на печи...
Сказка! Молчи же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка — радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрей,
Нас обращает в детей...

377

Нынче год цветенья сосен:
Все покрылись сединой,
И побеги, будто свечи,
Щеголяют прямизной;

Что ни ветка — проступает
Воска бледного свеча...
Вот бы их зажечь! Любая
Засветила б — горяча!

Сколько, сколько их по лесу;
Цветень пылью порошит!
Только кто, чуть ночь настанет,
Эти свечи запалит?

Низлетят ли гости с неба
Час молитвы озарить?
Иль колдуньи вздуют пламя
В дикой оргии светить...

Всё равно! Но только б света,
Света мне — со всех ветвей!
Только б что-нибудь поярче,
Что-нибудь — повеселей!

378

Припаи льда всё море обрамляют;
Вдали видны буран и толчея,
Но громы их ко мне не долетают,
И ясно слышу я, что говорит хвоя.

Та речь важна, та речь однообразна, —
Едва колеблет длинный ряд стволов,
В своем теченьи величава, связна
И даже явственна, хоть говорит без слов.

В ней незаметно знаков препинаний,
В ней всё одно, великое одно!
В живых струях бессчетных колебаний
Поет гигантское, как мир, веретено.

И, убаюкан лаской и любовью,
Не слыша стонов плачущей волны,
Я, как дитя, склоняюсь к изголовью,
Чтоб отойти туда, где обитают сны.

379

В древней Греции бывали
Состязанья красоты;
Старики в них заседали,
Старики — как я да ты.

Дочь твоя — прямое диво,
Проблеск розовой зари;
Всё в ней правда, всё красиво.
Только — ей не говори!..

Запах мирры благовонной,
Сладкий шепот тишины,
Лепет струйки полусонной
В освещении луны;

Голос арфы, трель свирели,
Шум порханья мотыльков
Иль во дни Святой недели
Дальний звон колоколов...

Вот те тонкие основы,
На которых, может быть,
Можно было б ткать покровы —
Красоту ее прикрыть.

380

Его портрет лет тридцать только
Тому назад — был всем знаком!
Блестящий ум, значенье в людях,
Успех в делах, богатый дом...

Теперь нещадно затерялось
Былое пестрое его,
И — быстро, быстро тьмой покрыто —
Оно бесследно и мертво!

И только здесь!.. Случайно как-то,
Забавой нескольких минут,
Ничтожный дар его богатства
Был кинут им — возник приют...

В нем, со стены, еще глядит он,
И имя здесь сохранено...
И в страшный час, — о, да, бесспорно, —
Свой ясный отклик даст оно...

381

Совсем примерная семья!
Порядок, мир... Чем не отрада?
Но отчего вдруг вспомнил я
Страничку из судеб Царьграда:

По лику мертвого царя
Гуляют кистью богомазы,
И сурик, на щеках горя,
Румянит крупные алмазы;

Наведена улыбка губ,
Заштукатурены морщины...
А всё же это — только труп
И лицевая часть картины!

382

Как ты чиста в покое ясном,
В тебе понятья даже нет
О лживом, злобном или страстном,
Чем так тревожен белый свет!

Как ты глупа! Какой равниной
Раскинут мир души твоей,
На ней вершинки — ни единой,
И нет ни звуков, ни теней...

383

Вы побелели, кладбища граниты;
Ночная оттепель теплом дохнула в вас;
Как пудрой белою, вы инеем покрыты
И белым мрамором глядите в этот час.

Другая пудра и другие силы
Под мрамор красят кудри на челе...
Уж не признать ли теплыми могилы
В сравненьи с жизнью в холоде и мгле?

384

Вот с крыши первые потёки
При наступлении весны!
Они — что писанные строки
В снегах великой белизны...

В них начинают проявляться
Весенней юности черты,
Которым быстро развиваться
В тепле и в царстве красоты.

В них — пробуждение под спудом
Еще не явленных мощей,
Что день — то будет новым чудом
За чудодействием ночей.

Все струйки маленьких потёков —
Безумцы и бунтовщики,
Они замерзнут у истоков,
Не добежать им до реки...

Но скоро, скоро дни настанут,
Освобожденные от тьмы!
Тогда бунтовщиками, станут
Следы осиленной зимы;

Последней вьюги злые стоны,
Последний лед... А по полям
Победно глянут анемоны,
Все в серебре — назло снегам.

385

Мои мечты — что лес дремучий,
Вне климатических преград,
В нем — пальмы, ели, терн колючий,
Исландский мох и виноград.

Лес полн кикимор резвых шуток,
В нем леший вкривь и вкось ведет;
В нем есть все измененья суток
И годовой круговорот.

Но нет у них чередованья,
Законы путаются зря:
Вдруг в полдень — месяца мерцанье,
А в полночь — яркая заря!

386

Мысли погасшие, чувства забытые —
Мумии бедной моей головы,
В белые саваны смерти повитые,
Может быть, вовсе не умерли вы?
Жизни былой молчаливые мумии,
Время Египта в прошедшем моем,
Здравствуйте, спящие в тихом раздумии!
К вам я явился светить фонарем.
Вижу... как, в глубь пирамиды положены,
Все вы так тихи, так кротки теперь;
Складки на вас шевельнулись, встревожены
Ветром, пахнувшим в открытую дверь.
Все вы взглянули на гостя нежданного!
Слушайте, мумии, дайте ответ:
Если бы жить вам случилося заново —
Иначе жили бы вы? Да иль нет?
Нет мне ответа! Безмолвны свидетели...
Да и к чему на вопрос отвечать?
Если б и вправду они мне ответили —
Что ж бы я сделал, чтоб снова начать?
В праздном, смешном любопытстве назревшие,
Странны вопросы людские порой...
Вот отчего до конца поумневшие
Мумии — дружно молчат предо мной!
Блещет фонарь над безмолвными плитами...
Всё, что я чую вокруг — забытье!
Свод потемнел и оброс сталактитами...
В них каменеет и сердце мое...

387

О, будь в сознанье правды смел...
Ни ширм, ни завесей не надо...
Как волны дантовского ада
Полны страданий скорбных тел, —
Так и у нас своя картина...
Но только нет в ней красоты:

Людей заткала паутина...
В ней бьются все — и я, и ты...

388

Ты подарил мне лучшую из книг —
Евангелье! Но миновали годы,
Коснулись книги всякие невзгоды,
Я до́был новую. И снова ты возник,
Ты — подаривший первую когда-то...
Давно ты умер; всё забвеньем взято,
Но в памяти моей, для сердца, для меня
Ты жив в сиянии таинственного дня!
Таких таинственностей в мире духа много,
И в каждой видится какая-то дорога...
Умру и я в свой срок. Но, может, этот стих,
Без самопомощи, без воли, без отваги,
Прожив года на лоскутке бумаги,
Дойдет до новых дней и до людей иных...
Бессмертье будет в том, — без имени, конечно...
Однако может быть, что за могилой, там,
Не будет смысла личным именам,
Но каждый будет жить собой и бесконечно...

389

Какое дело им до горя моего?
Свои у них, свои томленья и печали!
И что им до меня и что им до него?..
Они, поверьте мне, и без того устали.
А что за дело мне до всех печалей их?
Пускай им тяжело, томительно и больно...
Менять груз одного на груз десятерых,
Конечно, — не расчет, хотя и сердобольно.

390

Всюду ходят привиденья...
Появляются и тут;
Только все они в доспехах,
В шлемах, в панцирях снуют.

Было время, — вдоль по взморью
Шедшим с запада сюда
Грозным рыцарям Нарова
Преградила путь тогда.

«Дочка я реки Великой, —
Так подумала река, —
Не спугнуть ли мне пришельцев,
Не помять ли им бока?»

«Стойте, братцы, — говорит им, —
Чуть вперед пойдете вы,
Глянет к вам сквозь льды и вьюги
Страшный лик царя Москвы!

Он, схизматик — за стенами!
Сотни, тысячи звонниц
Вкруг гудят колоколами,
А народ весь прахом — ниц!

У него ль — не изуверства,
Всякой нечисти простор;
И повсюдный вечный голод,
И всегдашний страшный мор.

Не ходите!» Но пришельцам
Мудрый был не впрок совет...
Шли до Яма и Копорья,
Видят — точно, ходу нет!

Всё какие-то виденья!
Из трясин лесовики
Наседают, будто черти,
Лезут на смерть, чудаки!

Как под Дурбэном эстонцы
Не сдаются в плен живьем
И, совсем не по уставам,
Варом льют и кипятком.

«Лучше сесть нам над Наровой,
На границе вьюг и пург!»
Сели и прозвали замки —
Магербург и Гунгербург.

С тем прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
К худобе и к голоданью
Вдоль по этому пути.

Старых рыцарей виденья
Ходят здесь и до сих пор,
Но для легкости хожденья —
Ходят все они без шпор...

391

Вдоль Наровы ходят волны;
Против солнца — огоньки!
Волны будто что-то пишут,
Набегая на пески.

Тянем тоню; грузен невод;
Он по дну у нас идет
И захватит всё, что встретит,
И с собою принесет.

Тянем, тянем... Что-то будет?
Окунь, щука, сиг, лосось?
Иль щепа одна да травы, —
Незадача, значит, брось!

Ближе, ближе... Замечаем:
Что-то грузное в мотне;
Как барахтается, бьется,
Как мутит песок на дне.

Вот всплеснула, разметала
Воды; всех нас облила!
Моря синего царица
В нашем неводе была:

Засверкала чешуею
И короной золотой,
И на нас на всех взглянула
Жемчугом и бирюзой!

Все видали, все слыхали!
Все до самых пят мокры...

Если б взяли мы царицу,
То-то б шли у нас пиры!

Значит, сами виноваты,
Недогадливый народ!
Поворачивайте ворот, —
Тоня новая идет...

И — как тоня вслед за тоней —
За мечтой идет мечта;
Хороша порой добыча
И богата — да не та!..

392

По берегам реки холодной, —
Ей скоро на зиму застыть, —
В глубоких сумерках наносных
Тончайших льдин не отличить.

Вдруг — снег. Мгновенно забелела
Стремнина там, где лед стоял,
И белым кружевом по черни
Снег берега разрисовал.

Не так ли в людях? Сердцем добрым
Они, как будто, хороши...
Вдруг случай — и мгновенно глянет
Весь грустный траур их души...

393

Стою я с ужасом у гроба!
Безумье многих лет навек
В нем успокоилось, и можно
Сказать опять: «Се человек!»

Сын подле гроба! Сколько сходства
В лице! Читаю ясно в нем:
«Скорей бы кончить с погребеньем
И пир задать, проветрив дом!..»

394

Какая ночь убийственная, злая!
Бушует ветер, в окна град стучит;
И тьма вокруг надвинулась такая,
Что в ней фонарь едва-едва блестит.

А ночь порой красотами богата!
Да, где-нибудь нет вовсе темноты,
Есть блеск луны, есть прелести заката
И полный ход всем чаяньям мечты.

Тьма — не везде. Здесь чья-то злая чара!
Ее согнать, поверь, под силу мне:
Готовы струны, ждет моя гитара,
Я петь начну о звездах, о луне.

Они всплывут. Мы озаримся ими —
Чем гуще тьма, тем будет песнь ясней,
И в град, и в вихрь раскатами живыми
Зальется в песне вешний соловей.

395

Как эти сосны древни, величавы,
И не одну им сотню лет прожить;
Ударит молния! У неба злые нравы,
Судьба решит: им именно — не быть!

Весна в цветах; и яблони, и сливы
Все разодеты в белых лепестках.
Мороз ударит ночью! И не живы
Те силы их, что зреть могли в плодах.

И Гретхен шла — полна святого счастья,
Полна невинности, без мысли о тюрьме, —
Но глянул блеск проклятого запястья,
И смерть легла и в сердце, и в уме...

396

Ты тут жила! Зимы холодной
Покров блистает серебром;

Калитка, ставшая свободной,
Стучит изломанным замком.

Я стар! Но разве я мечтами
О том, как здесь встречались мы,
Не в силах сам убрать цветами
Весь этот снег глухой зимы?

И разве в старости печальной
Всему прошедшему не жить?
И ни единой музыкальной,
Хорошей думы не сложить?

О, нет! Мечта полна избытка
Воспоминаний чувств былых...
Вот, вижу, лето! Вот калитка
На петлях звякает своих.

Июньской ночи стрекотанье...
И плеск волны у берегов...
И голос твой... и обожанье, —
И нет зимы... и нет снегов!

307

Сегодня в церковь не пошел я,
Но я в саду моем ходил,
И грустный след полночной бури,
Насколько можно, удалил.

Срезал поломанные ветви,
Деревья павшие срубал
И обнаженные коренья
Землею свежей присыпал.

Да, это — вид богослуженья!
Казалось: церкви звон, дрожа,
Сопровождал, как литургию,
Труды лопаты и ножа.

И, так как праздник был в то время
Один из лучших по весне,
В кустах акафист птицы пели,
Безличный, но понятный мне...

398

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виноват!
Страшна условий жизни сила,
Стеной обычаи стоят.

Совсем не в силу убежденья,
А в силу нравов, иногда
Всплывают грустные явленья,
И люди гибнут без следа,

И ужасающая драма
Родится в треске фраз и слов
Несуществующего срама
И намалеванных оков.

399

Высоко гуляет ветер,
Шевелит концы ветвей...
Сильф воздушный, сильф прекрасный,
Вей, красавец, шибче вей!

Там тебе простор и воля;
Всюду, всюду — светлый путь!
Только книзу не спускайся;
Не дыши в людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузен,
Станешь вял, лишишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злых и острых жал полна...

И тебя, мой сильф воздушный,
Не признать во цвете лет;
Побывав в болящей груди,
Обратишься ты в скелет;

Отлетев, в ветвях застрянешь
Сочлененьями костей...
Не спускайся наземь, ветер,
Вей, мой сильф, но выше вей!..

400

Как робки вы и как ничтожны, —
Ни воли нет, ни силы нет...
Не применить ли к вам, на случай,
Сельскохозяйственный совет?

Любой, любой хозяин знает:
Чтобы траве пышней расти —
Ее скосить необходимо
И, просушив, в стога свезти...

401

«Пара гнедых» или «Ночи безумные»,
Яркие песни полночных часов, —
Песни такие ж, как мы, неразумные,
С трепетом, с дрожью больных голосов!

Что-то в вас есть бесконечно хорошее...
В вас отлетевшее счастье поет...
Словно весна подойдет под порошею,
В сердце — истома, в душе — ледоход!

Тайные встречи и оргии шумные,
Грусть... неудача... пропавшие дни...
Любим мы, любим вас, песни безумные:
Ваши безумия нашим сродни!

402

Нет, не могу! Порой отвсюду,
Во тьме ночной и в свете дня,
Как крики совести Иуду —
Мечты преследуют меня.

В чаду какого-то кипенья
Несет волшебница дрова,
Кладет в костер, и песнопенья
Родятся силой колдовства!

Сгорает связь меж мной и ими,
Я становлюсь им всем чужой
И пред созданьями своими
Стою с поникшей головой...

403

Не обостряй своих страданий,
Не разжигай своей мечты!
По жизни, в долгий срок скитаний,
В свой час их много встретишь ты.

Тебе так часто, так глубоко
Придется силу их познать,
Что, право, лучше их до срока
Не разжигать, не обострять!

404

Было время, в оны годы,
К этим тихим берегам
Приплывали финикийцы,
Пробираясь к янтарям.

Янтари в песках лежали...
Что янтарь — смола одна,
Финикийцы и не знали;
Эта мудрость нам дана!

И теперь порой, гуляя
Краем моря, я смотрю:
Не случится ль мне, по счастью,
Подобраться к янтарю.

Говорит мне как-то море:
«Не трудись напрасно, друг!
Если ты янтарь отыщешь, —
Обратишь его в мундштук.

Он от горя потускнеет...
То ли было, например,
Попадать на грудь, на плечи
Древнегреческих гетер!..

Отыщи ты мне гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебе большую
Янтарем внесу я дань».

С той поры хожу по взморью,
Финикийцем жажду быть,
Жду мифической гетеры,
Но — не в силах не курить...

405

Ночь ползет из травы, из кустов;
Чуть погаснет закат, проступает;
Нет плотины теням, нет оков:
Тень возникшую тень нагоняет.

И, соткавшись в глубокую тьму,
В темной жизни своей веселятся;
Что и как — не узнать никому,
Но наутро цветы расплодятся!

406

Я знаю кладбище. С годами
Остатки камней и крестов
Стоят застывшими волнами
В подушках мягких, сочных мхов.

Они — как волны — безымянны
И только изредка, порой,
Возникнет новая могила
Поименованной волной...

Читаешь имя... как-то странно!
В нем просьба будто бы слышна,
Борьба последняя с забвеньем,
Но... прекратится и она!

407

На гроб старушки я дряхлеющей рукой
Кладу венок цветов, — вниманье небольшое!
В продаже терний нет, и нужно ль пред толпой,
Не знающей ее, свидетельство такое?

Те люди отошли, в которых ты жила;
Ты так же, как и я, скончаться опоздала;
Волна твоих людей давно уж отошла,
Но гордо высилась в свой срок и сокрушала.

Упала та волна пред юною волной
И под нее ползет бессильными струями;
В них — еле видный след той гордости былой,
Что пенилась, гремя могучими кряжами.

Никто, никто теперь у гроба твоего
Твоей большой вины, твоих скорбей не знает,
Я знаю, я один... Но этого всего
Мне некому сказать... Никто не вопрошает.

Года прошедшие — морских песков нанос!
Злорадство устает, и клевета немеет;
И нет свидетелей, чтоб вызвать на допрос,
И некого судить... А смерть — забвеньем веет!

408

Здравствуй, товарищ! Подай-ка мне руку.
Что? Ты отдернул? Кажись, осерчал?
Глянь на мою, — нет ей места в гостиной;
Я, брат, недаром кустарник сажал.

Старый товарищ! Печальная встреча!..
Как искалечен ты жизнью, бедняк!
Ну-ка, пожалуй в мой дом, горемыка...
Что? Не желаешь? Не любо! Чудак!

Выпьем с тобой... Как? И пить ты не хочешь?
Просишь на выпивку на руки дать;
Темное чувство в тебе шевельнулось?..
Что за причина, чтоб мне отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнение? Злоба?
Коль потолкуем — причину найду...
Да не упрямься, мы юность помянем,
Дочку увидишь мою... — «Не пойду».

И отошел он по пыльной дороге,
Денег он взял, не сказав ничего...
Разных два мира в нас двух повстречались...
Камнем бы бросить... Кому и в кого?

409

С моря сердитого в малый залив забежав,
В тихом спокойствии я очутился;
Лодку свою между острых камней привязав,
Слушая бурю, в раздумье забылся...

Как хорошо, прекратив неоконченный спор,
Мирно уйти из бурунов сомненья,
Руки сложить, ни себе, ни другим не в укор,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

410

Я верю старому преданью,
Я верю в блеск надежд живых;
Я в долгий век, бежав за ними,
Лишился многих благ земных.

Я верю в то, что неподвижно
Бессмертье вечной красоты,
Что шум мирской проходит мимо,
Со славы — сыплются листы!

Что есть в мышленьях наказанье,
Что сбит с дороги ум людской,
Что мир погибнет безобразьем
И возродится — красотой!

411

Мне улыбаться надоело,
Улыбка на других — претит!
Она лицо, что помертвело,
Совсем не кстати молодит.

Она настолько же правдива,
По сути столько же мелка,
Как ум, величие и храбрость
В лице китайского божка.

412

Меня в загробном мире знают,
Там много близких, там я — свой!
Они, я знаю, ожидают...
А ты и здесь, и там — чужой!

«Ему нет места между нами, —
Вольны умершие сказать, —
Мы все, да, все, живем сердцами,
А он? Ему где сердце взять?

Ему здесь будет несподручно,
Он слишком дерзок и умен;
Жить в том, что осмеял он, — скучно,
Он не захочет быть смешон.

Всё им поруганное — видеть,
Что отрицал он — осязать,
Без права лгать и ненавидеть
В необходимости — молчать!»

Ты предвкуси такую пытку:
Жить вне злословья, вне витийств!
Там не подрежет Парка нитку,
Не может быть самоубийств!

В неисправимости былого,
Под гнетом страшного ярма,
Ты, бедный, не промолвишь слова
И там — не здесь — сойдешь с ума!

413

На сценах царские палаты
Вдруг превращают в лес и дол;
Часть тащат кверху за канаты,
Другую тянут вниз, под пол.

Весной так точно льдины тают:
Отчасти их луч солнца пьет,
Отчасти в глубь земли сбегают,
Шумя ручьями теплых вод!

Знать, с нас пример берет природа:
Чтоб изменить черты лица
И поюнеть к цветенью года —
Весну торопит в два конца...

414

Чуть тронулись вешние почки,
Открылся и глянул мой пруд;
Любовно воркуют лягушки,
Но скоро и квакать начнут.

Минуют часы вожделений
И вешней любви суета, —
Наступит пора треволнений
И с жизнью в болоте счета.

Беднягам заквакать придется
О нуждах великих земли,
О том, о другом, о десятом...
Понятно: летят журавли!

415

Вконец окружены туманом прежних дней,
Всё неподвижней мы, в желаньях тяжелей;
Всё уже горизонт, беззвучнее мечты,
На всё спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, там всё озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд!
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любуйся и смотри!..

Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но — чтоб туда пройти — ты должен умереть!»

416

О! как я люблю порою,
Утомившись рассуждать,
Над болтливою рекою
Посидеть и помолчать!

Затихает шум сомнений,
Примиряется разлад;
Нет вопросов — нет решений!
Жизнь проста, я жизни рад!

Счастлив я вблизи природы —
Устранен в себе самом,
Вне неволи, без свободы
И с немыслящим умом.

417

Травка всюду зеленеет
Чуть заметна, чуть видна!
Солнце блещет! Вдруг — белеет
Снова снега пелена!

В крупных хлопьях выпадает
Снег. Но блещет неба высь!
Будто их лазурь роняет...
И откуда вдруг взялись?

И на каждом — солнце блещет,
В каждом искоркой горит;
Каждый, весь в свету, трепещет
И скорей упасть спешит!

Подле церкви снег кружится,
Липнет, к стеклам занесен, —
Или вздумал снег молиться?..
Знать, беду почуял он!

418

Я помню ночь. Мы с ней сидели.
Вдруг — теплый дождь! В лучах луны
Все капли в нем зазеленели,
Струясь на землю с вышины.

Зажглась заря. Вновь упадая,
Все капли ярко разожглись
И, в блеске утреннем пылая,
Дождем рубинов пронеслись.

Где эта ночь с ее значеньем?
Где годы те? Где взять ее?
И сам живу я под сомненьем:
Остаток дней — не бытие...

419

Всё на свете, всё бесспорно, —
Сто́ит только захотеть,
Вдохновению покорно,
Может петь и будет петь.

Камни, мхи, любовь и злоба,
Время, море, луч луны,
Смерть и сон — и врознь, и оба —
Будут петь и петь должны.

Песни — дети мысли нашей,
Удивительный народ!
Всё становится в них краше,
Если в плоть их перейдет.

Тканью слова облекаясь
В помышлении людей,
Жизнь природы, удвояясь,
Кажет лучше и полней.

И поет в нас песня вечно!
Как? — Никто постичь не мог...
Бог поэзии, конечно,
И живой, и мощный Бог!

420

Соловья живые трели
В светлой полночи гремят,
В чувствах — будто акварели
Прежних, светлых дней скользят!

Ряд свиданий, ряд прощаний,
Ряд божественных ночей,
Чудных ласк, живых лобзаний...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
Может быть, назло уму,
Эти грезы акварелей
Я за правду вдруг приму!

Пой! Теперь еще так рано,
Полночь только что прошла,
И сейчас из-за тумана, —
Вот сейчас, — она звала...

421

В лиственной чаще шумли́во,
Если пахнет ветерок;
Шепчет по-своему живо,
Каждый — да, каждый — листок.

Но не сравнить с этим шума,
Ежели дрогнет хвоя!
В каждой игле — своя дума,
В каждой — и песня своя...

Песни те звучны и сладки!
Радостным чувством объят,
Слушаешь, ищешь разгадки:
Что тебе иглы шумят?

Песен тех — тьмы, мириады,
Сверху звучат, со сторон!
Тысячи ротиков рады
Петь, но с тобой в унисон.

Вот оттого-то средь шума
Вечно зеленой хвои
Тихо так двигает дума
Светлые волны свои...

422

Эта злая буря пронеслась красиво —
Налетела быстро, быстро и пропала;
Ясный день до бури, ясный — вслед за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко недаром:
Умертвила сосну многовековую,
Повалила наземь, обнажила корни...
Плачу я над нею, глубоко тоскую!

Ну, так усыхайте, девственные корни!
Нет, не пережить вам, корни, обнаженья!
Ты, хвоя, рассыпься пожелтелым прахом, —
Ты ведь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько по сосне убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это — над собою сам хозяин плачет...
Говорят, что бури этой было нужно!..

423

Заря пройдет, заря вернется
И — в безучастности своей —
Не может знать, как сильно бьется
Больное сердце у людей.

А чтоб заря не раздражала,
Своих огней для нас не жгла,
Пускай бы по свету лежала
Непроницаемая мгла!

Что день грядущий? Что былое?
Всё прах, всё кончится в пыли, —
А запах мирры и алоэ
Сойдет с небес на труп земли...

424

Опять Христос! Что Он меж нами,
Что каплет кровь с Его креста
На нас, здесь, подле, пред глазами,
Не видеть — злая слепота!

Христос везде! В скитаньях духа,
В незнаньи — где Ты, Бог живой?..
В обманах мысли, взгляда, слуха,
В гордыне мудрости людской!

Он — страждет в грубости желаний,
В страданьях хилых и больных,
В ужасной музыке рыданий
Бессчетных горестей людских.

Он — у безвинно-прокаженных,
Он — в толчее дурных страстей,
Он — в грезах мыслей воспаленных
И даже в творчестве людей.

Крест — у безвременной могилы;
Крест — в безобразьи диких снов
И в нерешительности силы,
И в тяжком звяканьи оков...

Да, снова чуются пророки...
Подточен всякий идеал...
Горят евангельские строки:
«Я к вам приду!» Он долго ждал...

425

Бежит по краю неба пламя,
Блеснули пó морю огни,
И дня поверженное знамя
Вновь водружается... Взгляни!

Сбежали тени всяких пугал,
И гномов темные толпы
Сыскали каждая свой угол,
И все они теперь слепы;

Не дрогнет лист, и над травою —
Ни дуновенья; посмотри,
Как всё кругом блестит росою
В священнодействии зари.

Душа и небо — единеньем
Объяты — некий гимн поют,
Служа друг другу дополненьем...
Увы! на несколько минут.

426

Я помню ужас смерти этой...
Сильна была любовь моя...
Как я к усопшей, к неотпетой,
Ходил в те дни — не помню я.
Но помню страстное желанье
Всё, что имел тогда — отдать,
Чтоб дорогое очертанье
В нетленном камне изваять,
В путинах ада или рая
Ее я выследить хотел...
Я заболел! Весь смысл теряя,
Мой дикий бред — перегорел.
И что ж? Где вы, тех дней миражи?
Прошли года — мой дух живой,

Не совершив у смерти кражи,
Забыл о пытке огневой.
И вот — портрет с ее чертами!..
Но холодна моя душа...
Гляжу спокойными очами
И говорю: «Как хороша!..»

427

Как думы мощных скал, к скале и от скалы,
В лучах полуденных проносятся орлы;
В расщелинах дубов и камней рождены,
Они на краткий срок огнем озарены —
И возвращаются от светлых облаков
Во тьму холодную родимых тайников, —

Так и мои мечты взлетают в высоту...
И вижу, что ни день, убитую мечту!
Всё ту же самую! Размеры мощных крыл,
Размах их виден весь!.. Но кто окровянил
Простреленную грудь? Убитая мечта,
Она — двуглавая: добро и красота!..

428

Лес густой; за лесом — праздник
Здешних местных поселян:
Клики, гул, обрывки речи,
Тучи пыли — что туман.

Видно издали — мелькают
Люди... Не понять бы нам,
Если бы не знать причины:
Пляска или драка там?

Те же самые сомненья
Были б в мыслях рождены,
Если б издали, случайно
Глянуть в жизнь со стороны.

Праздник жизни, бойня жизни,
Клики, говор и туман...
Непонятное верченье
Краткосрочных поселян.

429

Славный снег! Какая роскошь!
Всё, чтó осень обожгла,
Обломала, сокрушила,
Ткань густая облегла.

Эти светлые покровы
Шиты в мерку, в самый раз,
И чаруют белизною
К серой мгле привыкший глаз.

Неспокойный, резкий ветер,
Он — закройщик и портной —
Срезал всё, что было лишним,
Свеял на землю долой...

Крепко, плотно сшил морозом,
Искр навеял без числа...
Платье было б без износа,
Если б не было тепла, —

Если б оттепель порою,
Разрыхляя ткань снегов,
Как назло, водою талой
Не распарывала швов...

430

Повиснул хмель с жердей забора,
И снасть с реки убрал рыбак;
В остатках прежнего убора
Лес замолчавший полунаг.

Как длинны сумерки! Как малы
Просветы неба. В облаках
Нет жизни и лежат усталы
В друг дружку давящих слоях.

И в людях бытие любое,
Когда приблизится расчет,
И все почти уйдет в былое —
Такой же облик нам дает.

А там придет гробокопатель,
Предвестник смерти — седина!
Ты красишь волосы, приятель...
Какая чудная весна!

431

Как на свечку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умирают, —
Так его бесчувственную душу
Тени мертвых молча окружают.

Нет улик! А сам он так спокоен;
С юных лет в довольстве очерствелый,
Смело шел он по широкой жизни
И идет, красиво поседелый.

Он срывал одни лишь только розы,
Цвет срывал, шипов не ощущая;
В чудный панцирь прав своих закован —
Сеял он страданья, не страдая.

О, Господь! Да где же справедливость?
Божья месть! Тебя не обретают!
Смолкли жертвы, их совсем не слышно,
Но зато — свидетели рыдают...

432

Юность напрасно от старших сторонится!
Старшие — кроткий, хороший народ...
Больше надежд нами в землю хоронится,
Чем в колыбелях младенцев цветет!

433

Во мне спокойно спят гиганты,
Те, что вступали с небом в бой:
Ветхозаветные пророки,
Изида с птичьей головой;

Спят те, что видели Агóру
И посещали Пританей,
Те, что когда-то покрывали
Багряной сенью Колизей;

Почиют рати крестоносцев,
Славянский сонм богатырей,
И ненавистный Торквемада
В кругу чернеющих друзей;

Спят надушенные маркизы,
Порой хихикая сквозь сон,
И в русском мраморе, в тивдийском,
Положен спать Наполеон.

И все они, как будто зерна
В своих скорлупках по весне,
В свой срок способны раскрываться
И жить, не в первый раз, во мне!

И что за звон, и что за грохот,
И что за жизненность картин,
Тогда несущихся по мыслям, —
Им счета нет — а я один!

Какая связь меж всеми ими
И мной? Во тьме грядущих дней,
Какое место будет нашим
В грядущих памятях людей?

О, нет! Не кончено творенье!
Бог продолжает создавать
И, чтобы мир был необъятней,
Он научил — не забывать!

434

Смотри вперед, вне нынешней минуты!
В той, что идет, не властен ты вершить;
Так велики условий жизни путы,
Что их тебе ни снять, ни сокрушить.

Бессилен ты, — как конь в степи стреножен.
Что в том, что он, как ветер, быстр и смел?

Когда-то раньше был твой бег возможен;
Помчаться мог бы ты — но не сумел.

Смотри вперед! Увидишь просветленье!
Теперь, сейчас сознай, предупреди —
И будешь ты хозяином движенья
С отвагой в мыслях и огнем в груди.

О, верь мне, верь! Когда бы люди знали,
Что значит властвовать в минуте, что идет,
И, веруя в себя, без страха, без печали,
Могли смотреть сознательно вперед!..

435

Еще недавно, полон силы,
Он был и ласков, и умен, —
Он понимал людей живущих
И знал людей былых времен.

Теперь осунулся всем телом,
Не говорит — бормочет вслух;
Он жив еще, порой смеется,
Но отлетел бессмертный дух!

И не понять совсем, что движет
И не дает сложить костей
Ходячей мумии в прогулках
Ее по торжищам людей...

436

Тьма непроглядна. Море близко, —
Молчит... Такая тишина,
Что комаров полночных песня
И та мне явственно слышна...

Другая ночь, и то же море
Нещадно бьет вдоль берегов;
И тьма полна таких стенаний,
Что я своих не слышу слов.

А я всё тот же!.. Не завишу
От этих шуток бытия, —
Меня влечет, стезей особой,
Совсем особая ладья.

Ей всё равно: что тишь, что буря...
Друг! Полюбуйся той ладьей,
Прочти названье: «Всё проходит!»
Ладьи не купишь, — сам построй!

437

Погасало в них былое,
Час разлуки наступал;
И, приняв решенье злое,
Наконец, он ей сказал:

«Поднеси мне эту чашу!
В ней я выпью смерть свою!
Этим связь разрушу нашу —
Дам свободу бытию!

Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Волю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Молча, медленно, высоко
Подняла ее она
И — быстрей мгновенья ока
Осушила всю, до дна...

438

Мой стих, — он не лишен значенья:
Те люди, что теперь живут,
Себе родные отраженья
Увидят в нем, когда прочтут.

Да, в этих очерках правдивых
Не скрыто мною ничего!
Черты в них — больше некрасивых,
А краски — серых большинство!

Но, если мы бесцветны стали, —
В одном нельзя нам отказать:
Мы — раздроблённые скрижали,
Хоть иногда, не прочь читать!

Как бы ауканье лесное
Иль эха чуткого ответ,
Порой доходит к нам былое...
Дойдет ли к внукам? Да иль нет?!.

439

Полдень декабрьский! Природа застыла;
Грузного неба тяжелую высь,
Будто надолго, свинец и чернила
Всюду окрасить любовно взялись.

Смутные мысли бегут и вещают:
Там, с поднебесной, другой стороны
Светлые краски теперь проступают;
Тучи обласканы, жизни полны.

Грустно тебе! Тяжело непомерно,
Душу твою мраком дня нагнело...
Слушай, очнись! Несомненно, наверно
Где-нибудь сыщешь и свет, и тепло.

440

В чудесный день высь неба голубая
Была светла;
Звучали с церкви, башню потрясая,
Колокола.

И, что ни звук, то новые виденья
Бесплотных сил...
Они свершали на землю схожденья
Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...
И незаметно, тихо погасали
В тенях земли...

И я не знал под обаяньем звона:
Чтó звук, чтó свет?
Для многих чувств нет меры, нет закона
И прозвищ нет!..

441

Заката светлого пурпурные лучи
Стремятся на гору с синеющей низины,
И ярче пламени в открывшейся печи
Пылают сосен темные вершины...

Не так ли в Альпах горные снега
Горят, когда внизу синеет тьма тенями...
Жизнь родины моей! О, как ты к нам строга,
Как не балуешь нас роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, чего мы не имеем;
То, что другим дано, нам надо отыскать,
Нам часто не собрать того, что мы посеем!

И в нашем творчестве должны мы превозмочь
И зиму долгую с тяжелыми снегами,
И безрассветную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную веками...

442

Еще один остался час,
И — эта масленица сгинет,
И, став задумчиво средь нас,
Великий пост свой лик продвинет.

А по пятáм за ним весна
Придет с улыбкой искушенья
И все усилия говенья
Нарушит первая — она!

Да, людям, в чаяньи свободы,
На долгом жизненном пути
Успокоенья не найти
В цепях законов и природы.

Маня к себе исподтишка,
Жизнь, словно хищница в засаде,
Нас, в прирожденном нам разладе,
Бьет наповал, наверняка!

443

А! Ты не верила в любовь! Так хороша,
Так явственно умна и гордостью богата,
Вся в шелесте шелков и веером шурша,
Ты зло вышучивала и сестру, и брата!
Как ветер царственный в немеряной степи,
Ты, беззаботная, по жизни проходила...
Теперь, красавица, ты тоже полюбила,
Насмешки кончились... Блаженствуй и терпи!

444

Заволокну́лись мысли к ночи
И, как туман в местах сырых,
Лежат недвижными слоями,
И обеляет месяц их.

Недавно все они бродили,
Вилйсь свободно меж ветвей
И, в тень уйдя, не признавали
Докучных месяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
Ты, месяц, алчущий старик,
Целуешь их и беззазорно
К их мертвым прелестям приник.

Целуй!.. Когда заря зажжется,
Убьют ее огней струи —
И их замученную прелесть,
И ласки жадные твои.

445

Не наседайте на меня отвсюду,
Не говорите сразу, все, толпой,
Смутится мысль моя, и я сбиваться буду,
Вы правы будете, сказавши: «Он смешной!»

Но, если, медленно окрепнувши, в раздумье
Я, наконец, молчание прерву,
Я, будто в море, в вашем скудоумье,
Под прочным парусом спокойно поплыву.

Что я молчал так долго, так упорно,
Не признак слабости мышленья и души...
Не всё то дрябло, хило, что́ покорно...
Большие силы копятся в тиши!

446

Кто утомлен, тому природа —
Великий друг, по сердцу брат,
В ней что-нибудь всегда найдется
Душе звучащее под лад.

Глядишь на рощу; в колыханье
Она шумит своей листвой,
И, мнится, будто, против воли,
Ты колыханью рощи — свой!

Зажглись ли в небе хороводы,
И блещут звезды в вышине;
Глядишь на них — они двоятся
И ходят также и во мне...

447

Как вы мне любы, полевые
Глубокой осени цветы!
Несвоевременные грезы,
Не в срок возникшие мечты!..

Вы опоздали в жизнь явиться;
Вас жгут морозы на заре;
Вам в мае надобно родиться,
А вы родились в октябре...

Ответ их: «Мы не виноваты!
Нас не хотели опросить,
Но мы надеждою богаты:
К зиме не будут нас косить!»

448

Когда бы все былые силы,
То, чтó зовут у нас душой
От ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Когда б, избрав одно призванье,
Счастливец в жизни не блуждал, —
Его почтили б дружбой равной
Астарта, Бахус и Ваал.

Но мы прямых дорог не знаем:
Блуждаем, и, в конце концов,
Нас зацеловывают нáсмерть
Один иль два из тех богов!

449

Не может юноша, увидев
Тебя, не млеть перед тобой:
Ты так волшебна, так чаруешь
Средневековой красотой!

И мнится мне: ты — шателенка;
По замку арфы вкруг звучат,
К тебе в плюмажах и беретах
С поклоном рыцари спешат.

И я в раздумьи: как бы это
И мне, с лоснящимся челом,
В числе пажей и кавалеров
Явиться в обществе твоем?

И я решил: стать звездочетом,
Одеться в бархат — тьмы темней,
На колпаке остроконечном
Нашить драконов, сов и змей;

Тогда к тебе для гороскопа, —
Чтоб остеречь от зол и бед, —
В полночный час в опочивальню
Я буду призван на совет.

Тогда, под кровом ночи звездной,
Тебе толкуя зодиак,
Я буду счастлив, счастлив... Только
Боюсь, чтоб не слетел колпак!

450

Славный вождь годов далеких!
С кем тебя, скажи, сравню?
Был костер — в тебе я вижу
Сиротинку-головню.

Всё еще она пылает...
Нет, не то! Ты — старый дуб,
В третьем царствованьи крепок
И никем не взят на сруб.

Много бурь в тебе гудело,
И, спускаясь сверху вниз,
Молний падавших удары
В ленту черную свились.

Всё былое одолел ты
От судеб и от людей;
Не даешь ты, правда, цвета,
Не приносишь желудей...

Но зато листвою жесткой
Отвечать совсем не прочь
И тому, чтó день подскажет,
Чтó тебе нашепчет ночь!..

Голосá твоей вершины —
В общей музыке без слов —

Вторят мощным баритоном
Тенорам молодняков...

451

Не знал я, что разлад с тобою,
Всю жизнь разбивший пополам,
Дохнет нежданной теплотою
Навстречу поздним сединам.

Да!.. Я из этого разлада
Познал, чтó значит тишина, —
Как велика ее отрада
Для тех, кому она дана...

Когда б не это, — без сомненья,
Я, даже и на склоне дней,
Не оценил бы единенья
И счастья у чужих людей.

Теперь я чувства те лелею,
Люблю, как ландыш — близость мхов,
Как любит бабочка лилею —
Заметней всех других цветов.

452

Почву сухую лопатою я опрокинул, —
Только лишь к свету сырая подпочва взглянула,
Сохнуть она начала; еле взглядом окинул,
Влага исчезла, в лазури небес утонула...

Высохла почва! А влага? Ее незаметно;
Ей к небесам удалось отлететь; там приветно...
Думы мои заповедные! Вас я рождаю;
Где вы теперь — мне неведомо... Я — усыхаю!

453

Когда я здесь, я не могу писать;
В строках набрасываю только впечатленья,

Чтобы зимой мечтам предоставлять
Отделку смысла их и правду заключенья.

Здесь много так и красок, и теней;
Тут столько прелестей отвсюду возникает,
Что, мнится, тесно всей душе моей;
И слово, мысли вслед, идти не поспевает.

Зато зимой, когда не будет их,
Они таинственно возникнут предо мною —
Во всей их правде, в красках молодых,
С очарованием и скромной простотою.

И буду в них, как в рощах я гулять,
В них буду счастлив я, во мне настанет лето,
О чем мечтал — сумею домечтать,
Что не допето мной, то будет в срок допето...

454

Полно! Прислушайся к песне...
Может быть, в душу твою
Ласковых звуков порядок
Мирную пустит струю.

Может быть, если смиришься,
Будет покой тебе дан,
Если вышучивать бросишь
Жгучесть печалей и ран.

Мало ль, что есть... Нерушима
Общая людям стезя:
В жизни людской — как и в песне —
Выкинуть слова нельзя!

455

Гляжу на сосны, — мощь какая!
Взгляните хоть на этот сук:
Его спилить нельзя так скоро,
И нужно много, много рук...

А этот? Что за искривленье!
Когда-то, сотни лет назад,
Он был, бедняга, изувечен,
Был как-нибудь пригнут, помят.

Он в искривлении старинном
Возрос — и мощен, и здоров —
И дремлет, будто помнит речи
Всех им подслушанных громов.

А вот вблизи — сосна другая:
Ничем не тронута, она,
Шатром ветвей не расширяясь,
Взросла — красива и стройна...

Но отчего нам, людям, ближе
И много больше тешат взор
Ветвей изломы и изгибы
И их развесистый шатер?

456

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...

И несчитанные версты
Понеслись назад,
Где-то, мнится, берег дальний
Различает взгляд.

Кони шибче, веселее,
Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А несчитанные версты
Сзади собрались

И кричат, смеясь, вдогонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
Клонят морды в снег...
Ну, пускай другой, кто хочет,
Продолжает бег!

И не в том теперь, чтоб дальше...
Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
Будем умирать!

457

Здесь роща, помню я, стояла,
Бежал ручей, — он отведен;
Овраг, сырой дремоты полный,
Весь в тайнобрачных — оголен
Огнями солнца; и пески
Свивает ветер в завитки!

Где вы, минуты вдохновенья?
Бывала вами жизнь полна,
И по мечтам моим счастливым
Шла лучезарная волна...
Всё это с рощей заодно
Куда-то вдаль унесено!..

Воскресни, мир былых мечтаний!
Возникни, жизнь былых годов!
Ты заблести, ручей, волнами
Вдоль оживленных берегов...
Мир тайнобрачных, вновь покрой
Меня волшебною дремой!

458

Чтó им стиха размерный звон?
От них смешки и отрицанье...
Но прозвучит для них и он
И грозно вынудит признанье.

Как? Неизвестно! Может быть,
Услышат в некий час, ревнуя,
Как стих, просящий полюбить,
Смутит их жен для поцелуя...

Быть может, в тягости труда
Поймут, как песня ободряет,
Иль в тяжком горе — как тогда
Родная песня ублажает?

Но уж наверное для них,
Совсем не требуя их мненья,
Заголосят надгробный стих,
И это будет — без сомненья!

459

Сквозь листву неудержимо
Тихо льет церковный звон,
Уносясь куда-то мимо
В бесконечность всех сторон.

Сквозь большие непорядки
Душ людских — добро скользит...
Где и в чем его зачатки?
И какой влечет магнит?

Дивной силой притяженья
Кто-то должен обладать,
Чтобы светлые явленья
В тьме кромешной вызывать.

460

Ночь так длинна! О, нет, довольно!
Душа — как тело — устает,
И мозгу бедному так больно,
И сердце в грудь так мощно бьет.

Мечты, как тени, возникают;
Виденья, вкруг меня скользя,
Так льнут, так дружно обнимают,
Что мне дохнуть сквозь них нельзя...

Под утро — сгинуть наважденью,
Когда услышу от реки
Призыв к церковному служенью,
А дома — деток голоски!

461

Серебряный сумрак спустился,
И сходит на землю покой;
Мне слышно движение лодки,
Удары весла за горой...

Пловец, мне совсем неизвестный,
От сердца скажу: добрый путь!
На труд ли плывешь ты, на радость,
На горе ли, — сча́стливым будь!

Я так преисполнен покоя,
Я так им богат, что возьми
Хоть часть, — мне достанет делиться
Со всеми, со всеми людьми,

462

Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...
Не чуешь ли судеб движенья над тобой?
Колес каких-то ход свершается незримо,
И рычаги дрожат друг другу вперебой...
Смыкаются пути каких-то колебаний,
Расчеты тайных сил приводятся к концу,
Наперекор уму, без права пожеланий,
И не по времени, и правде не к лицу...
О, если б, кажется, с судьбою в бой рвануться! —
Какой бы мощности порыв души достиг...
Но ты не шевелись! Колеса не запнутся,
Противодействие напрасно в этот миг.
Поверь: свершится то, чему исход намечен...
Но, если на борьбу ты не потратил сил
И этою борьбой вконец не изувечен —
Ты можешь вновь пойти... Твой час не наступил.

463

Тучи декабрьские! Око за око
Я, как и вы, только с виду тосклив,
В мысли и в сердце я весел глубоко,
Тайну веселья познав, но сокрыв.

Тайна простая: «тем лучше, чем хуже!»
Гляньте на солнце! Чуть только взойдет, —
Тотчас склоняется, мерзнет на стуже
И, испугавшись, под землю идет.

Спрячется! Лезут отвсюду туманы!..
Холодно, боязно, скучно, темно...
Царствуют вьюги, бушуют бураны...
Солнце — причина, виновно оно!

Чуть отогреет, сейчас исчезает...
Там бы и греть ему, где холодней!
То же и в людях: где жизнь нагнетает,
Падает духом и смотрит грустней.

Мысль, это — солнце! Кто мыслью слабеет,
С зимнего солнца образчик берет:
Ждет, чтобы глянуть, когда потеплеет —
Ждет, чтоб другие согрели... Прождет!

464

Какая зáсуха!.. От зноя
К земле все травы прилегли...
Не подалась ли ось земная,
И мы под тропик подошли?

Природа-мать — лицеприятна;
Ведь, по рассказам, не слыхать,
Чтобы в Сахаре или в Коби
Могли вдруг льдины нарастать?

А здесь, на севере, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумев,
Совсем далеко вдаль ушло...

465

Не храни ты ни бронзы, ни книг,
Ничего, что из прошлого ценно,
Всё, поверь мне, возьмет старьевщйк,
Всё пойдет по рукам — несомненно.

Те почтенные люди прошли,
Что касались былого со страхом,
Те, что письма отцов берегли,
Не пускали их памятей прахом.

Где старинные эти дома —
С их седыми как лунь стариками?
Деды где? Где их опыт ума,
Где слова их — не шутки словами?

Весь источен сердец наших мир!
В чем желать, в чем искать обновленья?
И жиреет могильный вампир
Урожаем годов оскуденья...

466

Над глухим болотом буря развернулась!
Но молчит болото, ей не отвечает,
В мох оно оделось, в тину завернулось,
Только стебельками острых трав качает.

Восклицает буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты к свету зыбью и сверканьем!
Ты совсем иное испытаешь что-то
Под моим могучим творческим дыханьем.

Я тебя немного, правда, взбаламучу,
Но зато твои я мертвенные воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
С влагою небесной, с детищем свободы!

Дам тебе вздохнуть я! Свету дам трясине!
Гром мой, гром веселый, слышишь, как хохочет!»
Но молчит болото и, погрязши в тине,
Ничего иного вовсе знать не хочет.

467

Порой, в октябрьское ненастье,
Вдруг загорится солнца луч,
Но тотчас быстро погасает, —
Туман так вязок, так тягуч.

И говорит земля туману:
«Не обижай моих красот!
Я так устала жарким летом,
В моих красотах недочет.

Я так бессильна, так помята,
Глаза сиянья лишены,
Поблекли губы, косы сбиты,
А плечи худы и бледны.

Закрой меня! Но день настанет,
Зимой успею отдохнуть,
Поверь мне, я сама раскрою
Свою окрепнувшую грудь!»

Сказала, и, закрывши очи,
Земля слабеющей рукой
Спешит, как пóлогом, туманом
Прикрыть усталый облик свой.

468

Ярких цветов мириады,
Почки раскрывши, цветут!
Нежно росистые взгляды
К небу далекому шлют.

«Много нас в пышном расцвете, —
Стали цветы говорить, —
Больше, чем женщин на свете,
Даже нельзя и сравнить!»

Слышат древесные ветки,
Стали цветам отвечать:
«Полно вам, милые детки,
Без толку хором болтать!

Все вы — жильцы на мгновенье;
Женщина — долго цветет...
Сколько же с нею в сравненье
Ваших-то жизней пойдет?»

В юности, в годы волнений,
Быстро по жизни скользя,
Глупых таких рассуждений
Веток подслушать нельзя.

469

Люблю я время увяданья...
Повсюду валятся листы;
Лишась убора, умаляясь,
В ничто скрываются кусты;

И обмирающие травы,
Пригнувшись, в землю уходя,
Как будто шепчут, исчезая:
«Мы все вернемся, погодя!

Там, под землей, мы потолкуем
О том, как жили, как цвели!
Для собеседований важных
Необходима тишь земли!»

470

О, неужели же на самом деле правы
Глашатаи добра, красот и тишины,
Что так испорчены и помыслы, и нравы,
Что надобно желать всех ужасов войны?

Что дальше нет путей, что снова проступает
Вся дикость прежняя, что, не спросясь, сплеча,
Работу тихую мышленья прерывает
И неожиданный, и злой удар бича...

Что воздух жизни затхл, что ржавчина и плесень
Так в людях глубокй и так тлетворна гниль,
Что нужны: пушек рев, разгул солдатских песен,
Полей встревоженных мерцающая пыль...

Людская кровь нужна! И стон, и бред больницы,
И сироты в семьях, и скорби матерей,
Чтоб чистую слезу вновь вызвать на ресницы
Не вразумляемых другим путем людей, —

Чтоб этим их поднять, и жизни цель поставить
И дать задачу им по силам, по плечу,
Чтоб добрый пастырь мог прийти и мирно править
И на торгующих не прибегать к бичу...

471

Глядишь открытыми глазами
Величью полночи в лицо,
И вдруг с реки, иль за кустами
Раздастся крепкое словцо!

Возможна ль жизнь без нарушений?
Но надо выдержать уметь
И неприглядность дерзновений
Скорей как можно одолеть.

Они — везде, хоть их не просят,
Да и предвидеть их нельзя...
Так пусть же ветры их разносят —
Им, как и нам — своя стезя!

472

Как мирно мы сидим, как тихо...
А, между тем, весь шар земной,
Пространств неведомых шумиха,
Несется с адской быстротой!
Близ нас и свечи не дрожат,
А земли и моря летят!

Как бурно в сердце! Вал за валом
Грохочут чувства и мечты!
Потрясены и я, и ты...
Но глянь вокруг! В полуусталом,
В блаженном сне, глубоком сне
Весь мир спокоен при луне...

Все наши правды и сомненья
Всё это создал ум людской:
Нам только кажутся движенья,
Нам только чуется покой...
Что бездны звезд! Ведь бездн таких
Так много, как и глаз людских!

Да, мир и все его основы —
Свои для каждого из нас!
Я умер — целый мир погас!
Ты родился — возникнул новый:
Тем несомненней, тем полней,
Чем ярче мысль души твоей!

Для нищих духом — нет сомненья,
Свод неба тверд, лежит шатром;
Весь кругозор их в силе зренья, —
Их нет в грядущем, нет в былом!
Нет чувства бездн для их умов.
Нет пониманья, нет и слов...

473

Гораздо больше позабыто,
Чем жизнь нам нового дает!
Что было в детстве пережйто,
То ярко в памяти живет.

А то, что только что, недавно
В усталой памяти легло, —
То — бледно, мертвенно, бесправно
И только отблеском светло...

Дни детства — дни произрастаний
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопных очертаний
С их мощной, дерзкой красотой.

474

Стучат на пруду моем капли,
Идет звуковой перебой...

Эстонец и немец, и русский
Их слышат — один, как другой.

Но где тот предел ощущений,
За гранью которых дано
Великим и малым народам
Познать, а не слышать, одно?

Сбивают их звуки былого,
Прошедших насилий следы,
Печали великих скитаний
И ярость исконной вражды!

По-своему все они правы,
Различны в них веянья дум...
Но капли, когда упадают, —
Для всех одинаков их шум!

475

Горит, горит без копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачем, печаль, ты так неодолима,
Так жаждешь вылиться и в звуки, и в слова?

Ты мне святá, моя печаль родная, —
Не тем святá ты мне, что ты — печаль моя;
Тебя порою в песне оглашая,
Совсем не волен я, пою совсем не я!

Поет во мне не гордость самомненья...
Нет, плач души слагается в размер,
Один из стонов общего томленья
И безнадежности всех чаяний, всех вер!

Вот оттого-то кто-нибудь и где-то
Во мне отзвучия своей тоске найдет;
Быть может, мной яснее будет спето,
Но он, по-своему, со мной одно поет.

476

В вас о поэзии смешное представленье, —
Поэзия — не сон, не летопись, не бред!

Поэтом в жизни стать — совсем не наслажденье,
Как тяжело им быть — оценит лишь поэт!

Но только истинный, имеющий призванье...
Не триумфатор он, не жрец и не пророк, —
Фома неверящий, припавший к осязанью
И к поклоненью язвам рук и ног.

477

Меня здесь нет. Я там, далеко,
Там, где-то, в днях пережитых!
За далью их — не видит око
И нет свидетелей живых.

Я там, весь там, за серой мглою!
Здесь нет меня; другим я стал,
Забыв, где был я сам собою,
Где быть собою перестал...

478

Я плыву на лодке. Парус
Режет мачтой небеса;
Лебединой белой грудью
Он под ветром налился.

Море тихо, волны кротки
И кругом — везде лазурь!
Не бывает в сердце горя,
Не бывает в небе бурь!..

Я плыву в сияньи солнца.
Чем не рыцарь Лоэнгрин?
Я совсем не стар, я молод,
И плыву я не один...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, как прежде,
Снизошла ко мне сюда.

Вместе мы плывем с тобою,
Белый парус тянет нас;
Я припал к тебе безмолвный...
Светлый час, блаженный час!..

По плечам твоим высоким
Солнце блеск разлило свой,
И знакомые мне косы
Льнут к волнам своей волной.

Уст дыханье ароматно!
Грудь, как прежде, высока...
Снизойди к докучным ласкам
И к моленьям старика!

Что? Ты плачешь?!. Иль пугает
Острый блеск моих седин?
Юность! О, прости, голубка...
Я — не рыцарь Лоэнгрин!

479

Здесь всё мое! — Высь небосклона,
И солнца лик, и глубь земли,
Призыв молитвенного звона
И эти в море корабли;

Мои — все села над равниной,
Стога, возникшие окрест,
Река с болтливою стремниной
И всё былое этих мест...

Здесь для меня живут и ходят...
Мне — свежесть волн, мне — жар огня,
Туманы даже, те, что бродят, —
И те мои и для меня!

И в этом чудном обладанье,
Как инок, на исходе дней,
Пишу последнее сказанье,
Еще одно, других ясней!

Пускай живое песнопенье
В родной мне русский мир идет,

Где можно — даст успокоенье
И никогда, ни в чем не лжет.

480

Что тут писано, писал совсем не я, —
Оставляла за собою жизнь моя;
Это — куколки от бабочек былых,
След заметный превращений временных.

А души моей — что бабочки искать!
Хорошо теперь ей где-нибудь порхать,
Никогда ее, нигде не обрести,
Потому что в ней, беспутной, нет пути...

ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ

I
СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

481—490. СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

I

И что ни новый день сознательней ясней
Стремлюсь от жизни я всё дальше и сильней;
И к новой воле я стремлюсь, в иной удел!
Мне обиход земли так страшно надоел
Что ежели сквозь смерть и весь ее туман
Один мне только путь в одну из всех Нирван, —
То даже и тогда, поистине скажу,
Я, тем что я живу, совсем не дорожу.
И должен я сказать, всей правды не тая,
Что жизнерадостен, здоров и крепок я;
Разочарованности нет во мне следа,
Смеюсь и веселюсь и счастлив иногда...
Но столько видел я страданий у людей,
Знал их беспомощность, страданий тех сильней,
Что мне достаточно признать хотя бы то,
Как тождественны в нас «величье» и «ничто»!
Я знаю всю тщету стремлений лучших сил
Игру случайностей таинственных ветрил.
Я знаю, как смешна та воля, что дана;
Как в ней захлестывает каждая волна.
Ну как не пожелать уйти скорее в даль...
Да! разбиваю я, как Моисей, скрижаль,
Когда схожу с высот зиждительных идей,
С иною правдою моих заповедей,
В глухую сутолоку, треплющую мир!
Жизнь для живущих всё! она для них кумир!
И я вполне сознал, заговорив не в срок,
Насколько я в толпе и сир, и одинок!
Корабль мой плыть готов! последней крепью он
Пред спуском нá воду, недвижный, пригвожден...
Пусть рубят эту крепь, но сам я не дерзну!
Скорей свободы мне, скорее на волну...
Да! если б смерть прияв я в смерти погибал,
То и тогда бы я любил ее, желал —
А я — я верящий! Какой же выбор тут?
Торговля с вечностью за несколько минут...

II

Верю в единственность и непреложность
Творческой силы добра! что оно
Не схоластической мысли возможность —
Нет! ему место в природе дано!
Полный всю жизнь ненасытимой жажды
Жить по добру, путь добра возлюбя,
Верю, что Бог, появившись однажды
Вновь, непременно, проявит себя.
Верю в Спасителя, в доброго Бога!
Верю, что мощь его сузить нельзя
Видимым миром! узка тут дорога,
Слишком ничтожна развиться стезя!
Богу к лицу — пребывать в вечно новом,
В неуловимом пределов не знать,
Ведать, творить... не стоять на готовом,
И повторяться ему не под стать!
Верю, не только что верю, но знаю,
В смерти я к этому Богу пройду,
Здесь я возможность к развитью явлю,
Там я развитье вне граней найду!
Верю в единственность и непреложность
Мира духовного, в правду его!
Только при этом понятна возможность
Разума, смысла и сути всего!
Верю: к духовному не применима
Логика наших размеров и сил;
Нашими правдами необъяснима
Новая тяга незримых ветрил.
Верю в законность, в божественность знанья
В то, что оно не меняет ни в чем
Мира духовного существованья
И бытия за могилою в нем.
Верю: цель жизни не в том, чтоб топтаться,
Гнить, нарождаться и вновь истлевать;
Бог недостоин бы был называться
Богом, сумевшим одно: повторять!
Верю в развитие без повторений;
Жизнь не убийственный круговорот;
Верю, что дух мой из сети сцеплений
Должен проникнуть куда-то вперед.
Верую искренно с полным сознаньем:
Мир, мной невидимый, будет моим,
Верю, что гордый наукой и знаньем
Видимый мир — отлетающий дым!
Верю: мир духа, мир плоти — два чуда,
Каждый из них — недоношенный плод,

Есть равновесье меж ними покуда,
Только загробная сила — растёт!
Ясным, сознательным символом веры
Смело реку я сомнению — сгинь!
Всё нарожденное в мире — химеры!
Силы загробные — правда! Аминь!

III

Допустим так, с успехами науки,
Удачно распластав все тайны бытия,
У цели их, в последнее мгновенье,
Перед «причиною причин» вдруг стану я!
Не всё ль равно, что пред собой увижу!
С чем повстречаюсь я! духовность? естество?
Рычаг могучий!? некая пружина?
Родник, огонь, мороз, живое существо!
Лицом к лицу я перед нею стану...
Случайно встретились! но как же дальше быть?
Склонюсь ли я в безмолвном поклоненьи?
А нет так предложу мне место уступить?
Какой ответ мне даст «причин причина»?
Не смерть ли ждет беднягу-смельчака?
А может быть «причина» улыбнется,
Предложит властвовать с ней заодно пока?
А может быть негаданно, нежданно,
Мы, искру дав в космических огнях,
Она и я, в соединеньи новом
Мир потрясем и рушим всё во прах!?
И что ж потом? опять напластованья
Слоев с прослойками и рост земных существ,
Начав с хвощей! знакомая картина!
Слепая видимость движений и веществ?
Такая жизнь вторично не пригодна,
А ей-то именно и быть, коль не признать
Бесплотных сил существованья Духа
И сути Божества — себя не повторять!

IV

Перед большим успокоеньем,
Когда умру я, но не весь,
Покой тот с истым наслажденьем
Мной предвкушается и здесь.

Покой в отсутствии желаний,
В признаньи мощности судьбы,
Покой вне дерзостных исканий,
Вне всяких странствий и борьбы!

Бой кончен! Поднято забрало!
Чего здесь в жизни ожидать?!
Какое дивное начало
Тому, что может мне предстать!

Да, радость смерти предвкушая,
Мой ум спокойный не дерзнет
Куда-то вновь пойти мечтая,
Куда-то вновь смотреть вперед.

Но я боюсь еще, что можно
Вернуться нéжданно назад,
Когда и дерзко и безбожно
Зажжет мне душу женский взгляд!

Покров покоя я откину
И, словно эллин древних дней,
Бесстыдно оправдаю Фрину,
Чуть только выйдет из зыбей.

V

Я образ вам даю; так легче объясненье!
Сосуд с водой; и в нем вода мутна;
Но в ней свершается давно уж просветленье.
И муть, садясь, становится видна;
Хрустальность мутных вод является не сразу;
Чем выше вверх — прозрачность их ясней...
Вы — в мути бытия, порой заметной глазу;
Она в миру с ветхозаветных дней!
Всю мутность жизненную видит ваше зренье,
Но что идет за этим по следам,
Там совершаемое дальше просветленье —
Нам на земле, совсем не по глазам.

VI

Тогда лишь я поверю страстно,
Что мир загробный сущий вздор,

Когда науки хитрый взор
Заметит и докажет ясно,
Что в долгом шествии веков,
В существованьи всех миров,
И в сочетаньях всей природы —
Однажды получив права,
Не изменили существа
Всех газов и всех тел породы!
Что в сферах неба и земли
Погромы видимых крушений
И непонятных осложнений
Всегда лишь по науке шли!
Что мощь и правда тяготенья
Не испытала утомленья!
Что только основаньям тел
Бог неподвижность дал в удел!
Что в беспредельности творенья
И в бесконечности веков,
Закон не терпит измененья
И неподвижен, и суров...

Нет! мало! пусть еще докажут,
И несомненностями свяжут,
Что и в грядущих сонмах лет
Всё те же будут звук и свет.

Тогда лишь твердо, вне сомненья,
Я с полной ясностью пойму
Без оскорбления уму,
Что невозможны измененья,
Что нет особого движенья
Вне смерти! Жизнь — круговорот
И дух как личность пропадет!
Докажете! Я буду верить,
Что нет живых по смерти, нас,
Что в Божьей мысли — свет погас;
Что ограничен Бог в твореньи
И дать развитья не сумел,
Развитья в вечность без крушенья,
И не подвигся дальше тел!

Живи же, смертное созданье,
Друг, брат, наперсница, сестра,
И жди загробного свиданья
С уходом ночи, в час утра!

VII

Зыбь успокоенного моря
Идет по памяти моей...
Я стар. И радостей и горя
Я вызвал много у людей.

Я вызывал их, но невольно,
Я их не мог не вызывать...
Ведь и земле, быть может, больно
Пространства неба рассекать!

А всё же двигаться ей надо...
Мы тоже движемся, летим!
В нас зло смеются силы ада
И горько плачет херувим.

И только изредка мы властны,
Случайно, правда, не всегда,
Бывать к судьба́м людей причастны,
Как у машины провода.

Вот так и я! болев душою
Над горем брата своего,
Я хлеба не давал порою,
Но я не отравлял его!

Я мог бы быть гораздо хуже,
Служа судьбе проводником...
Все знают: вслед великой стуже
Морозец кажется теплом!

Он не несет окоченнья,
Он может даже согревать,
И для весеннего цветенья
Стволы и почки сохранять.

Да! много сеял я несчастья!
Но я далеко не из тех,
Кто любит зло из любострастья,
В ком воплощен и ходит Грех!

VIII

Бог повторений — бог нелепый!
Нет двух похожих в мире лиц,
Нет травок схожих, нет песчинок,
Ни дуновений, ни зарниц...
Зачем же только в общем, в главном
Живому духу падать ниц
И возвращаться снова к тленью,
Дойдя в час смерти до границ?!

Противоречие большое!
Большой излом по существу!
Сам по себе я, самолично,
Законным образом живу!
Нигде не видеть в мире тождеств,
Их нет ни в снах, ни наяву —
И вдруг в час смерти — повторенье,
Возврат к простому естеству!

Смешно! каких только поклепов
Нам ум на Бога не возводил...
Но Бог терпением безмерен,
Но Он молчит — источник сил!
Завет своих предначертаний
Он только частью огласил,
И только раз на вспышки ада
Послал потоп и погасил...

IX

Ежели «вера» для вас как понятье — юродство
И размножает одну только глупость и скуку —
Вам без сомненья придется отбросить за сходство,
За недоказанность также и «веру» в науку.

X

Когда б я тайно проповедал,
Укрывшись в дебрях, иль в степи,
Почти не спал и не обедал
И говорил: «молчи! терпи!»
Когда б между больных и хворых,

Меж тех, кто слаб и нервен стал,
Учеников я набирал —
О да! тогда в успехах скорых
Моя уверенная речь
Большой рекой могла бы течь!

Но я видений не имею
И обретаюсь не во сне,
В степь не бегу на искус к змею,
И говорю при белом дне...
По мне весь мир, что существует,
Не только в будущем минует,
Но убывает, что ни час,
А люди, легшие в могилы —
Установившиеся силы,
И тот зажегся, кто погас!
По мне без мощи проявленья,
Живут всех мертвых поколенья
В пространствах дальних и кругом,
Близ нас, объятых странным сном,
Сном, полным правды ощущенья!
Смерть только новый ход дает!
По мне значение погоста
Успокоительно и просто!
По мне загробный мир растет
Упорно, всюду, ежечасно.
Смерть — вздор! вершит не полновластно!
Бог не почил , не устает!..

II

ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ

«Есть вещи, сомневаться в которых безнаказанно нельзя и которым нельзя верить, из боязни показаться смешным... Что касается меня, то полнейшее незнание мною того, как появляется в мире дух человека и как исчезает он, возбраняет мне отрицать правду различных проявлений. Я позволяю себе отрицать тот или другой факт в отдельности и, все-таки, *верю в то, что они правда в их совокупности*».

Кант

«Бывают минуты, когда наша внутренняя жизнь как будто становится выше формы слова, как будто из глубины души поднимается вдруг невысказываемое, невыразимое и никогда не достигавшее слуха человека, и после этого нам кажется, что всё, что мы знаем, и до чего можем достичь, никогда не может быть выполнением того, что обещало нам наше внутреннее чувство в такие минуты».

Гризингер

«Как заметил Юнг: световой эфир, наполняющий всё пространство и проникающий почти все вещества, не только в высшей степени упруг, но и абсолютно тверд... так что давление эфира на каждый квадратный дюйм земной поверхности должно быть около 17 биллионов фунтов. Однако же мы живем в двигаемся, без заметного препятствия в этой среде, которая гораздо тверже и имеет большую упругость, чем алмаз».

С. Джевенс

«Молитва бессильна относительно вселенной, но она благодетельно действует на дух человека; это не подлежит сомнению, как и закон сохранения сил; и молитва, вероятно, еще прославит закон в его крайних пределах».

Тиндаль

«От большого к малому, от очевидного к темному, существует не только естественный порядок умозаключения, но и исторический порядок открытия».

С. Джевенс

В 1893 году умерла Каролина Ингерсоль и оставила по завещанию 5.000 долларов на одну ежегодную лекцию в Гарвардском университете, в Америке, на предмет научных доказательств бессмертия. Лавоазье не верил в аэролиты; Араго и Тьер были против железных дорог; Эли де-Бомон в 1857 году не считал возможным исследовать химический состав звезд, а в 1862 г. совершилось открытие спектрального анализа. В 1776 году по р. Дубсу, во Франции, пошел пароход, — не поверили,— и только в 1807 — Фультон убедил англичан. Прудон назвал «банальною» ту мысль, будто железные дороги могут служить цивилизации. Фонографу Эдиссона, представленному во французскую академию в 1878 году, академия не поверила, а предположила чревовещателя.

491—507. БОЛЕЗНЬ. СМЕРТЬ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

I

«Неизвестное вчера, сегодня правда»

Фламмарион

Я с лишком сорок лет в гробу...
Тот венчик, что лежал на лбу,
Истлел на первых же порах;
Бумаги ваших фабрик — прах!
Одежда вслед за тем сгнила;
Она поношенной была, —
Похуже дали; башмаки
Истлели; первыми — носки
Поддались, пальцы обнажив...
Мне было б стыдно, если б жив

Я был, смотрел по старине,
По-человечески; но мне
Со смертью дан особый взгляд.
И помню, был я очень рад,
Узнав, насколько свеж и нов
Тот взгляд живущих мертвецов...
Ни белых, ни иных червей
В могиле не было моей.
Я мог бы недовольным быть,
Чуть начал памятник давить;
Но тяжесть давит только прах,
Тут я над ним во всех правах;
К тому ж и трещины он дал,
А то бы век надоедал;
Он мхом и плесенью покрыт...
Как счастлив я, что я забыт!
Я очень много поумнел:
Умы разумнее без тел.

II

Фанатик смерти, ум пытливый, —
Я и при жизни смерть любил;
На панихидах склад гнусливый
Молитв мне искренно претил.
Нет! похоронные мотивы
Светлы, приятны быть должны.
О, если б знали те, кто живы,
Какого счастья мы полны!
Вот ладан я любил от детства!
Одна из лучших смол земли!
Его, конечно, из кокетства,
На отпеванья привлекли,
Чтобы не чуялись остатки...
Гробов невзрачнейшая кладь...
Пожалуй, нужны бы перчатки...
Скорей бы начали сжигать!

III

В час смерти я имел немало превращений...
В последних проблесках горевшего ума
Скользило множество таинственных видений
Без связи между них... Как некая тесьма,

Одни во след другим, являлись дни былые
И нагнетали ум мои деянья злые;
Раскаивался я и в том, и в этом дне!
Как бы чистилище работало во мне!
С невыразимою словами быстротою
Я исповедовал себя перед собою,
Ловил, подыскивал хоть искорки добра,
Но всё не умирал! Я слышал: «Не пора!»

IV

По словам Блаженного Августина (De civit. Dei, lib. 20, cap. 14), на страшном суде «каждому придут на память все дела его, добрые или худые, и ум с чудной скоростью увидит их». Тоже и Василий Великий в толковании Исайи.

Я помню, было так: как факел Евменид
Когда-то освещал утробы бездны темной,
В виденьях мне предстал ужасный, грозный вид,
Вид бездны чуемой, пугающей, огромной!
В ней были все мои нечестные дела;
Преступность дней былых вся в лицах проступала,
И бездна страшная тех лиц полна была,
А мощность факела насквозь их пронизала!
Ничто, о, да! ничто не укрывалось в ней
От света красного назойливости гневной...
Какая мощность зла! какие тьмы теней —
След жизни мелочной, обычной, повседневной!
Как это мыслимо, как это быть могло,
Чтоб малая душа так много зла вмещала?
Ничто ее в миру к ответу не влекло,
Ни в чем людской закон она не нарушала!
Но нет! Вот, вот он въявь, весь стыд прошедших дней!
Свет озарял его спокойно, безучастно;
Десятки, тысячи, нет, тьмы от тем очей
Глядели на меня пронзительно и властно!
О, как хотелось мне хоть что-нибудь сокрыть,
Исчезнуть самому! Все жгучие мученья
Болезни, мнилось мне, явились облегчить
Весь ужас первого предгробного виденья!
Казались мелочи громадно-велики;
Размеров и пространств утратил я сознанье,
И чудо-женщина вдоль пламенной реки,
Смеясь, плыла ко мне на страстное свиданье!..
И в облике ее соединял мой мозг

Все лики женские, мне милые когда-то...
Вдруг берег тронулся и тает, будто воск...
И я в реке... я в ней... сгинь! наше место свято!

«Скорей меняйте лед!» я слышу, говорят:
«Где лед, сестра? давно ль возобновили?
Больной в огне! какой безумный взгляд!
А ноги! словно лед! совсем, совсем остыли!»
Хочу я отвечать, но сил нет, не могу!
Родные вкруг меня! зачем они рыдают?
А вот цветущий луг, и я по нем бегу...
Цветы — то призраки... головками кивают...

V

Дочь приехала. Слышу — ввели...
Вот подходит ко мне, зарыдала:
Поклонилась, так кажется, мне до земли,
Крепко руки мои целовала!
Сколько сил было силы собрать,
Собрал я и глаза открываю...
Только милое личико трудно узнать...
Память сбилась, а всё же ласкаю!
Ты несчастной была, моя дочь;
Я виновен, бессовестный, в этом...
Вдруг объяла меня темносиняя ночь...
Иль пришла она с добрым советом!

Голубому цветку на степи не расти,
Ты, голубушка дочь, ты забудь, ты прости...
Звучно стклянки стучат...
Знаю я, в стклянках яд...
Ты цветок голубой...
Что поник головой?..
Распрямись и расти,
Дай мне сон обрести...
Ты слыхала ль: есть рай...
Дай надеяться, дай...

VI

Я лежал и бессилен, и нем. Что со мной
Медицина творила, — не знаю!..

Но одну из картин толчеи мозговой
Я и здесь, иногда, вспоминаю.
Вся земля умерла! с резким хрустом в костях,
Смерть в венце надо мною носилась,
И под ней расстилался один только прах...
Смерть металась, вопила и билась.
Выходила из впадин очей ее мгла,
И в меня эта мгла проникала;
Свисли челюсти Смерти, ослабла скула...
Обезумела Смерть! Голодала!
Жизни не было вовсе нигде, никакой,
Чем питаться ей было бы надо,
Ни травы, ни воды, ни певцов под листвой,
Ни ползущего в темени гада.
Все пожрала! Молчанье везде разлеглось!
Проявлялось одно тяготенье,
И я слышал, как службою скрытых колес
Совершалось в пространствах движенье...
Зажигался восток и опять погасал,
Как и в сонмах веков опочивших,
Облик Смерти один лишь, вопя, потрясал
Купы звезд, никому не светивших.
Вдруг почуяла Смерть раздраженным чутьем,
Слух склонила и очи вперила:
Будто где-то в степи захудалым ростком
Травка малая в жизнь проступила.
Эта травка был я! Распрямясь в полный рост,
На меня Смерть метнулась с размаха,
Чтоб хоть малость нарушить великий свой пост...
Нет меня! Ничего, кроме праха!
Смерть отпрянула к звездам! своим костяком,
Словно тенью, узор их застлала
И, упавши на землю в ущельи глухом,
Обезумела Смерть... Голодала!

Видит Смерть... вижу я мутным взором своим,
Будто облик земли копошится;
Не туманная мгла, не синеющий дым,
Прах вздымается... начал слоиться!
Вижу я... Видит Смерть — возникают тела...
Люди! Люди! Давно не видала!
Прежде в трапезе сытной ей воля была,
И она без конца пировала!
Сонм слагавшихся двигался к ней напрямик:
Старцы, юноши, дети и жены.
«Все вы, все вы мои! ты, ближайший старик,
Раньше всех! Сколько вас? миллионы!..»
Возникали из воздуха, шли из земли,

Ими сонная вечность дохнула;
Прах проснулся! мятется вблизи и вдали
В рокотаньи подземного гула.
И накинулась Смерть на ближайшего к ней,
На меня! Плоти нет! Привиденье!
Только краски и свет, только лики людей...
Трубный глас... Началось Воскресенье...

VII

В трубном звуке родные звучат голоса...
Звуки стклянок... Я вижу движенье...
Ясно вижу родных; от окна полоса
Света солнца дает освещенье...
Мне легко, хорошо! Знать, в себя я пришел?
Память действует; мысли так ясны;
Боли нет; я взглянул и глазами обвел:
Как все люди добры и прекрасны!
О! как жить хорошо; о! как радостен свет,
И как дорого в людях вниманье...
Умирать не хочу я так рано, о нет!
Слышу: «Где же его завещанье?»
Кто сказал? Я не знаю, но голос знаком!
Ах, зачем это слово сказали?
Я не умер еще, не разрушен мой дом,
Доктора воскресить обещали!
Да, да, да! — И опять надвигается тьма,
Облик смерти ко мне приступает...
Ум мой гаснет... но действуют клочья ума:
Просветленье пред смертью бывает...

VIII

Как? Опять Страшный Суд! мне вослед, по пятам!
Но ведь это совсем невозможно!
Я в земле не лежал на поживу червям?
Это страшно, ужасно, безбожно...
А воскресшие шли от начальных начал,
От конечных концов приходили:
Громкий благовест в небе пылавшем звучал,
Солнца пели и звезды звонили!
И не видел я вовсе страдальческих лиц,

Что, бывало, в гробах поражали:
Все в молитвенном шествии падали ниц!
И, поднявшись, на небо взирали.
Грохот слышался всюду от глыб земляных,
Что валились в пустые могилы;
Треск от царских гробниц, в разрушении их
Повеленьем неведомой силы...
Разрушалась и Смерть. В ней погасла алчба,
Слух погас, затуманилось зренье.
Постигала ее каждой жизни судьба —
Прикоснулось всесильное тленье!
Проходили вблизи ее сонмы людей,
Шел и я, все мы в даль уходили...
Боль затихла в груди... Прежде было больней...
Но зачем вы глаза мне закрыли?
Ведь я вижу сквозь медь... Слышу говор людской...
Что-то жгучее дали мне! жгите!!!
А я все-таки буду опять сам собой...
Да! Я выпорхну! Ну-ка! Ловите!

IX

Умер я! Есть ощущения:
Не понять их, не познав
Новость первого мгновения!
Я окреп, нетленным став...
Ночь!.. Вдали земля туманная,
Мать всех в мире матерей,
Мне в былом обетованная
И очаг души моей!
Полунощница усталая,
Без меня несешься ты,
Вся больная, захудалая,
В стогнах вечной немоты...
А путям твоим и следу нет!
Но, кому бессмертным стать,
На тебе родиться следует,
На тебе и умирать!
Умер я... Там, в темной темени
Ты мелькаешь огоньком...
Там есть смерть! Там царство времени!
Там родные мне, мой дом!
Уносись же, Горе-Странница,
Как корабль среди зыбей,
В мириадах звезд избранница
И очаг души моей.

Я отпетый, я отчитанный,
Молча вслед тебе смотрю,
И в трудах, в скорбях воспитанный,
Смерть пройдя, — благодарю...

X

Чуть мерцает на гроб мой сияние дня;
Чтец мне слышится от аналоя...
Не любите меня, не желайте меня,
Потому что хочу вам покоя!

Не любите меня, потому что, узнав,
Как мне душу мою истерзали
Пыткой жгучею смерти, — ее увидав,
Вы бы сами безмерно страдали!

Не желайте меня возвращать, потому,
Что я снова пойду на мученья,
В истязаньях совсем непонятных уму!
Не хочу, не хочу повторенья!

От останков моих отойти я бы мог...
Только жаль их! Я с ними сроднился...
На груди моей старый лежит образок,
На него я от детства молился!

Вот и близкие мне! Не жалейте меня...
Не читайте псалтири: пугает!
В ней и скрежет зубовный, и муки огня,
И так страшно Господь проклинает!

Вот и бабушка плачет при гробе моем!
Ты не плачь! Я свободнее птички;
Образумься! Взгляни! Ты помятым чепцом
Чуть прикрыла седые косички...

А я знаю, ты любишь опрятность чепца!..
Полдень! много цветов притащили;
Я цветы так любил! Их кладут вкруг лица.
Руки, плечи — всего обложили...

Некрасив!!. Вон жена, на коленях стоит
Под свечой! Воск свечи оплывает;

Видишь — каплет, он флер на тебе запятнит...
К панихиде народ прибывает...

Говор, толки, злословье! Нет, лучше отбыть...
Ложь, притворство, позор, наважденье!
Мерно служба идет; начинают кадить...
Заволокся я дымом кажденья!

XI

На третий день меня похоронили,
Толпа большая вслед за гробом шла;
Друзья, враги, все налицо здесь были;
Тут был и я, душа моя была...

Жалели все вдову, мою супругу!
С моим она под ручку другом шла;
Она сильней, чем должно, жалась к другу,
Печаль ее была полусветла!

Виновен я, конечно, и не скрою...
Друг шепчет ей: «Смерть общий всем удел!»
Лицо жены ответило игрою...
Сквозь черный креп я ясно разглядел.

Три дня назад, когда б о том узнал я,
Я был бы яростен! Но я теперь отпет...
И чувство жалости, и только, восприял я,
Мгновенно, вдруг, без всяких «да» иль «нет»!

XII

Да! Я — не я!.. но существую...
Лечу ли я... сижу... стою...
Поют, я слышу, «аллилуию»...
Мне мнится, что и я пою!
Во мне, как бы туманы, тают
Следы болезни... весь я — страх!
Должно быть, то же ощущают
Все в мире женщины в родáх,
Когда из тягостных мучений,
Из столбняков и из потуг,
В одно из сча́стливых мгновений,

Совсем негаданно и вдруг, —
Конец приходит острой боли,
Истомы сладость настает,
И свет счастливой новой доли
Себя в младенце знать дает...

XIII

И я предстал сюда, весь полн непониманья...
Дитя беспомощное... чуть глаза открыв,
Я долго трепетал в неясности сознанья
Того, что я живу, что я иначе жив.
Меня от детских лет так лживо вразумляли
О смерти, о душе, что будет с ней потом;
При мне так искренно на кладбищах рыдали,
В могилы унося почивших вечным сном;
Все пенья всех церквей полны такой печали,
Так ярко занесен в сердца людей скелет, —
Что с самых ранних дней сомненья возникали:
Что, если плачут так, — загробной жизни нет!?
Нет! надо иначе учить от колыбели...
Долой весь темный груз туманов с головы...
Нет, надобно, чтоб мы совсем светло глядели
И шествовали в смерть, как за звездой волхвы!
Тогда бы верили мы все и безгранично,
Что смерть — желанная! что алые уста
Нас зацеловывают каждого, всех, лично, —
И тайна вечности спокойна и проста!

XIV

Я помню, как мой взгляд, взгляд первый в мире новом,
Был дивно радостен и бесконечно нов!
С меня упала плоть громаднейшим покровом
Тяжелым, давящим, при грохоте оков...
Мелькнули предо мной огни больших сияний
Сквозь сеть подвижную толпившихся теней...
Открылись предо мной вне всяких расстояний,
Мильоны светлых лиц и ласковых очей!
По совокупности явлений светозарных
Звучал, мне слышалось, какой-то чудный стих;
Бряцанье арф, и цитр, иль тоны струн гитарных
Ничто в сравнении, гораздо хуже их!
Звучал недолго он над пробужденным слухом:

Он только в смертный час так явственно звучит,
И ясно слышится тому, кто станет духом,
Когда, покинув плоть, он к нам сюда спешит!
Стремясь как будто бы слагать свое моленье,
Я поднимаем был... меня влекло, влекло...
Страданий нет, пришло успокоенье...
Всё, всё закончилось и в призрак отошло...
Болезнью изнурен, измученный страданьем
И воплями родных во время панихид,
Я вдруг расцвел цветком и полон был дрожаньем,
Сознав, что новый мир не так, как ваш, глядит!
Казалось, будто я вдруг выпорхнул из гроба,
Меня несло с собой бессчетно много крыл...
Совсем не смелая, младенческая проба
Движенья в вечности... А в этот час я гнил!
Что это было так, — я испытал, я знаю;
Но вы, скажите мне, вы, кто не кончил жить,
Вас, важно мыслящих, я скромно вопрошаю:
Да разве этого никак не может быть?

XV

Две первые встречи: отец мой и мать!
Как их в легионах других не узнать!
Сказали, что ждали меня уж давно;
Боялись, что дольше им ждать суждено,
Что в дни предпоследней болезни моей,
Для них, в созерцанье духовных очей,
Казалось: вот, вот я тогда отойду...
Но нет. Я припомнил, что в ярком бреду,
Тогда, в той болезни, когда умирал,
Я чудные очи сквозь дымку видал...
Склонились, два светлые лика ко мне...
Но вдруг всё погасло тогда! в полусне
Я будто бы слышал: «чуть стало светло,
Лекарство мы дали ему! помогло;
Пульс крепче, испарина есть, будет жив».
И жил я еще, от лекарства вкусив...
«Хвала медицине!» — кричали тогда.
Я долгие прожил за этим года;
Но вот, совершилось... пришел мой конец...
Голубушка матушка! здравствуй, отец!

XVI

И скоро было мне нежданное виденье:
То был Христос! Как не узнать Христа!
Я опустил глаза в мгновенном ослепленье,
Молиться стал — не двигались уста!
Он виделся вдали! Я молча преклонился.
Был светлый день тогда. Загробный мир светился,
Но чудный блеск сияющего дня,
Пред светом истинным, что от него струился,
Совсем бледнел... Тот свет, — он грел меня...
И я исполнен был такого наслажденья,
Такую радостность все чувства обрели,
Что всех земных блаженств счастливые мгновенья,
В острейших видах их, сравниться не могли...
Пока Он уходил, те чувства погасали,
И день бессмертия мне снова засветил...
Христос, чуть видимый, исчез в далекой дали...
Да, да, исчез... но все же проходил...

507

Гексли, Тиндаль, Дарвин, Геккель, Фламмарион и др. придавали огромное значение гипотезам и аналогиям.

«Нет сомнения, что открытия чаще всего делаются по указаниям, даваемым аналогией».

Бентам

«Можно даже сказать, что мы не могли бы придумать какой-нибудь гипотезы, которая бы более или менее не согласовалась с опытом»...«Открытиям аналогии между формами математических выражений мы обязаны наибольшим прогрессом в логике... Как Декарт связал алгебру с геометрией, так Буль устроил союз между логикой и алгеброй»... «В течение всего XVIII-го века держалось предположение, будто бы наука шла вперед благодаря методу Бэкона, но на деле главным орудием прогресса было гипотетическое исследование».

С. Джевенс

Еще не знаю: кто я, где я?
Не осмотрелся... не пойму...
И обращаюсь, мыслить смея,
К несокрушенному уму!
Всё, всё во мне — недоуменье...
Всё, всё поставлено вверх дном,
И только лишь одно мышленье
Вершит во мне, как и в былом...
Я и считал его нетленным!
Как прежде, действует оно,
Идет порядком неизменным,
Хотя вконец потрясено.
Что взгляд? что слух? — не разобраться...
Условьям прежним нет следа...
И любо мне уединяться...
Здесь это можно без труда...
Пусть ум вершит! Он, значит, вправе
Подать свой голос, остеречь!
Здесь чудеса сплотились въяве!
Здесь зренье — мысль, молчанье — речь...
Мне грустно, и чего-то стыдно...
Быть одиноким мне милей
Всего... былое жизни видно
Любою мелочью своей...

При жизни я решал задачу:
«Дневник» я вел, чтоб в нем писать
Всё то, что, так или иначе,
Могло бессмертье доказать!
Намеки, сходства, совпаденья
И параллели всех наук,
В том, что возможна жизнь без тленья,
И что душа не вздор, не звук...
И вот я здесь... «Дневник» остался
В столе; он в ящике лежит;
Он мной друзьям порой читался:
Найдут ли? мне он весь открыт;
Лежит так ясно предо мною;
Читаю в нем лист за листом!
Как близко я блуждал порою
К тому, что стало бытием!
В нем выписки: Дарвйн и Вирхов,
Ратгаузен, Гартман и Тиндáль,
Смайльс, Достоевский, Ницше, Кирхгоф...
Одолевая тьму и даль,
Блестит Евангельское слово!
Что перед ним Декарт и Кант?
Оно и здесь свежо и ново, —
Нерукотворнейший гигант...

И я, в глубоком сокрушенье
Чуть только в здешний мир проник,
Сбит с толку — и в уединенье
Как бы читаю мой дневник.

508—538. МОЙ «ДНЕВНИК» АНАЛОГИЙ, ТОЖДЕСТВ, ПАРАЛЛЕЛЕЙ, ОСТАВЛЕННЫЙ В СТОЛЕ.

I

В 1797 г. Филипп Лебон, во Франции, изобрел светильный газ; не поверили «лампе без светильни» и только в 1805 г. — в Англии его применили.

По ребру, по челюсти в палеонтологии
Остовы исчезнувших гад восстановляются!
Гла́варями знания, каждым, так иль иначе,
Бытия минувшие к свету вызываются.

Нет у вас возможности знаньем человеческим,
Проходящим медленно старою рутиною,
В полной несомненности, чистою и ясною
Нашу жизнь загробную точной дать ка̀ртиною.

Нет! но есть возможности, правда, очень малые:
Сходства, обобщения, помощь аналогии.
Нечто в сердце, в помысле, в чаяньи, в прозрении
Так, как это делают в палеонтологии.

II

Не существующее нужно признавать!
Вот, хоть бы, числа! их нигде не отыскать,
Нигде нет их семян и гнезд их не найти, —
Но людям нет без них разумного пути!

Букв в наших азбуках немного, можно счесть —
Но сочетаньям их границы не обресть!

И необъятности всех языков людских
В двух-трех десятках букв и только, только в них...

III

Все отправления мозга душою зовут!
Как отправлению, корня лишенному, жить?
Этой возможности мудрые не признают...
В этом сокрытие истины: «быть, иль не быть»?
Всюду растенья взростают на мочках корней;
В почве и воздухе черпают плоть и черты;
В данные сроки, и только на несколько дней,
Цветом цветут и потом обсыпают листы...

Дух человека на корне, но извне берет
Смысл и порядок, устойчивость сил бытия!
В этом — бессмертье! пусть дух, как растенье, умрет,
Но сохранится, что извне воспринял он — «Я»!
Не из эфира и света, и влаги земной
Черпает дух настроения творческих дум;
Не из химических сил, цифр и выкладок строй...
Извне внедряется то, чем бессмертен наш ум!
Пусть разрушается мозг и гниет человек;
Всё, что бессмертного взял он, пребудет таким...
Мозгом рожденное «Я» не погибнет вовек...
Явленный тленьем, ты, мысливший, несокрушим!

IV

«В отрицании существования своего
человек представляет все-таки “себя”».

Филарет, арх. Черниг. П. Д. Б.

Тайна рожденья кристалла — великая тайна!
Всякие в мире концы и начала — всё тайны!
Если бы все основанья, причины, условья
Дружной работы, дающей начало кристаллу,
Голос имели и их вопросить было можно:
«Знаете ль вы, что вы сложитесь в формы когда-то,
Станете тверды, прозрачны и солнца лучи отразите?» —
Все они даже понять не могли бы вопроса,
Как это: чем-то, неведомым им, они будут!

Люди — основы, условья, причины бессмертья!
Не было в мире бессмертья — откуда бессмертию взяться?
Глянул, однако, кристалл; жизнь загробная глянет
Полным начальных основ и причин — отрицаньем...
Если науки гласят, что бессмертье «возможность», —
«Необходимость» вещает им логика мысли...
Если ни то, ни другое, жизнь — сказка безумья,
Глупый пролог к воцаренью глупейшей Нирваны!

V

Знают, все знают, что солнечный спектр семицветный,
Что в этом спектре есть черные полосы линий;
Вздумал ли кто отрицать семь цветов потому лишь,
Что неустойчива грань: тут зеленый? тут синий?

Темень в ответе не значит — нелепость вопроса;
То же с понятьем о зле и добре; совесть тоже
Не поддается бесспорным вполне очертаньям!
Но отрицать их поэтому только — за что же?

VI

Светится радий, сквозь всё проникает лучами;
Своеобразна электропроводность селена;
Нет им подобных, являются особняками!
А почему? Наши знанья — брожение, пена,
Тьма, толчея! Нет ответов на всё у людей!
Так и с людскою душой; одинока в твореньe;
Ей особнячество в тайне ее назначенья,
Ей исключительность в смысле сокрытых путей .

Вы, кто живете в тревоге и жажде исканья,
К правде ведет вас, но в вас не всесильна наука,
Нет исчезаний, и смерть лишь мираж исчезанья,
В вечном развитии форм новой формы порука!
Если бы личная смерть полный круг завершала,
Сам бы собою ужасный вопрос возникал:
В чем же задачи развитья всего, от начала?
Мудрость, расчеты, системы, а вывод — провал!..

VII

Толкуют, будто, с истеченьем сроков
Всё тело смертного почти обновлено,
В крови и мышцах, в лимфах, нервах, жилах,
Совсем почти иным является оно!

Но если дух — произведенье плоти,
То надобно признать, — и мысль та хороша, —
Что в некий срок, без всяких исключений,
В нас образуется и новая душа!

А где же те, старушки? те отбросы
Тех живших в людях душ, тех бедных отставных?
Быть может, есть особенные склады?
Иль вовсе нет следов от выпадений их!

И как понять преемственность и стойкость,
Несокрушимых душ тех главарей людских,
Что много раз свое меняли тело,
Но не меняли чувств, надежд и дум своих?

Чем скреплена преемственность сознанья?
Кто не меняется: их мозг, иль мозжечок?
Дух — вне закона, вне возобновлений!
Возобновленье тел их душам невдомек!

VIII

Лучи Рентгена проходят сквозь твердые тела

Сквозь звуковую волну совершенно свободно,
Ей не мешая нимало, луч света проходит;
Также сквозь луч световой проникают и звуки!
Мысли ж проходят сквозь всё, сквозь лучи и сквозь звуки.
Им не столкнуться! Возможно для них совмещенье!
Нет им препон, а стремление их — исполненье!
Мест им не надо, одни сквозь других проникают...
Сами собой остаются и личные души,
Так же, как луч или звук, или мысль человека, —
Только они, отрешенные, тоньше, чем мысли!
Мест им не надо, возможно для них совмещенье!

IX

Конечно, дважды два четыре, вне сомненья,
А измерений только три всего,
Но знанье призвано на то, чтоб сомневаться
Во всем, всегда! И в этом мощь его.

По многим выводам пространство безгранично;
По выводам иным обрамлено оно?
Что в треугольниках все три угла, их сумма,
Всегда лишь два прямых — совсем не решено.

X

Не существует «мнимых величин»!
Но невозможное становится возможным:
Их можно взять в расчет, от них пойдет почин
К большим задачам и решеньям сложным.

Не существующей как бы величиной
Наш мозг орудует и, сделав вычисленья,
Он властно действует и ставит над землей,
Как диво техники, свои сооруженья.

«Ничто» — орудует?! Возможно ли понять,
Чтобы «ничто» участвовало в деле?
Уж ежели «ничто» способно плотью стать,
Так что ж с вопросом о душе и теле?

Но мысль людей свободна и дерзка!
Так Бог велел! Она быть дерзкой вправе!
Ответов не дает на многое пока;
Но будут чудеса, придут и станут въяве!

Сумеют люди вскрыть причинности добра;
Зло расчленят и в нем паи отметят...
Мы в полночи теперь, далёко до утра...
В нас только проблески сознанья слабо светят...

XI

«Христос вошел при закрытых дверях»

Иоанн 20. 19, 26

Я из апостола яркий эпиграф поставил!
Думая иначе, к той же идее пришли мы;
Люди иные! Две тысячи лет расстоянья:
Время иное, и вдруг те же самые мысли?!

Значит, им было в чем шествовать! шли не в пустóтах?
Значит, на этих путях есть недвижные цели,
Некие области, сферы не наши — иные,
Вне естества; незнакомое, тайное что-то;
В них пробегают пути наших мыслей! Мне скажут:
Нет этих сфер и путей нет, по ним проходящих;
Мысль, из себя развиваясь, сама ставит цели,
Сферу сама создает, в ней пути пролагает!..
Но отчего же тогда эти странные встречи
Путников разных времен и различных воззрений?
Все они держат руля к маякам бестелесным...
Значит, стоят маяки и круга освещают...

XII

Нет неописуемого, нет недосягаемого
Силами неведомыми творчества чудесного!
Далее возможного, глубже познаваемого,
Вдоль пути внушения, знанью неизвестного!

Нет границ, начертанных творчеству здоровому,
Правдой жизни вызванному, вовсе не туманному,
Творчеству, стремящемуся к вечно, вечно новому,
К тайному, неведомому, но душой желанному...

XIII

«Религия будущности будет научна»

Фламмарион

Есть величайшие мгновенья;
Они близ нас всегда вокруг:

То разных тел соединенья,
Порой — неспешно, чаще — вдруг.
Они в природе возникают,
Когда условья есть к тому;
Но их и химики свершают
Вослед пытливому уму.
Их суть, их правда не случайна;
Предвидеть можно их вперед,
Но неизведанная тайна,
Потемки, — самый переход.
Где, в чем охота кислороду,
Как водород уразумел
Мгновенно обращаться в воду,
Пропасть, чтоб быть у новых дел,
Затем, как прежде, проявиться,
Самостоятельными стать...
Что в переходах тех творится, —
Земною мыслью не понять!?
Сродство, частичек колебанья,
Вес, мера... химик, зная их,
Являет воду, в силу знанья...
Но объяснений — никаких!
В чем смысл срединного мгновенья,
В соединеньях?.. Царство тьмы!
Что смерть? Продукт соединенья,
И производное в нем — мы?
Неясно?! Не ясней в науках
Понятен смысл бессчетных тайн!
Слова! Слова! В игре на звуках
Задор ума — необычайн!

XIV

Не матерьяльны искания логики,
Не матерьяльны учения этики,
Смысл философии, суть педагогики,
Чаянья веры, задачи эстетики!

Не матерьяльны порывы душевные...
Страсти Спасителя в римской претории...
Мелочи жизни людей злободневные...
Нить путеводная общей истории!

Больше бесплотного в вас, чем материи,
Не матерьяльным вы все окружаетесь;

Жизнь ваша — драма великой мистерии
Духа, — а в духе самом сомневаетесь?

XV

«Есть же мысленное место то, где созерцается, и есть мысленное и бестелесное естество, где оно присуще и действует мысленно, а не объясняясь телесно, или подобно телам. Ибо оно не имеет вида, чтобы быть объято телесно».

Св. Дамаскин

Ежели дух матерьялен во мне, он не мог бы
Мысль о мирах необъятных вдруг, сразу вместить;
Ежели не матерьялен, то всё-таки нужно
Некое что-то, чтоб нематерьяльности быть?

Есть в нашей жизни явленья вне трех измерений,
Вне тяготенья! не дух и не плоть! дело в том:
Нужно, иль нет, признавать всемогущество тленья,
Бог — всемогущ! два могущества в мире одном!?

Это смешно и по логике прямо нелепость!
Если не так, то обязан я вправду признать,
Что доказательств отсутствие — не отрицанье;
Мало ли что нам придется в грядущем узнать!

XVI

По арифметике я цифры создаю,
И, при посредстве их, в мирах как бы сную!
Когда бы сам я мог стремиться цифрам вслед,
Что значили бы мне пространства, сонмы лет?
За неизвестностью признав особый знак,
Я букву «X» ввожу в расчет и так, и так;
Все свойства выкладок, не будут ли оне
Присвоены душáм в загробной тишине?
Повсюду проникать мгновенно без препон,
Быть правдой, творчеством, вмещать в себе закон?
Все эти свойства цифр, все эти силы их
Предстанут свойством душ, в былые дни живых:
Желать, уметь и сметь повсюду проникать,
При этом чувствовать, и несомненно — знать!

XVII

Тайны в мире всюду, всюду,
В каждом сне, в любом движенье,
Отчего ж вопросам духа
Оставаться в исключенье?

Тайны, в сущности, не страшны,
В них для смертного заданье!
Жизнь — то азбука большая;
Буква первая в ней — знанье.

Мы теперь на первых буквах,
Но займемся и слогами;
Одолеется вся трудность
Очень сильными умами.

Ум растет по поколеньям;
До Корана были Веды...
Что теперь, в сравненье с нами,
Все былые Архимеды?

XVIII

«В природе есть ум»

Оерстедт

Цифрам, бессмертным началам, дано воплощаться
В мысль человека и только в него одного,
Всё остальное назначено в прах возвращаться
И начинать от начала, почти с ничего.

Цифры бессмертны! бессмертно и духа развитье
В дальних путях, неизвестных, пока, никому;
Прочим всем тварям запрет! ни к чему челобитье
Их о душе; им бессмертие не по уму!

Если вмещенное в мозг наш нетленно и вечно, —
Значит, вместивший сосуд в существе изменен,
Пусть он непрочен, и пусть бытие скоротечно, —
«Я» загорелось навек! Смерть ему не закон!

XIX

Какая бедность представленья,
Чтоб в мирозданье быть могли
Лишь всем известные движенья,
Лишь свойства газов и земли?

В беспутнейшем из свойств мышленья,
В игре фантазии людей,
Порой свершаются явленья
Вне всяких правил и статей.

В них плоти нет, они без формы,
Никто другой не видит их;
Не признаются ими нормы
Всех счетов, мер и сил земных.

А между тем они витают,
На почве мозга в рост идут,
Порой всесильными бывают
И человека на смерть бьют.

И разве в этом не общенье
Души и плоти, без препон,
Бесспорное прикосновенье,
Сродство их... Это ль не закон!

XX

Скончавшийся и тот, кто жив, —
То — светопись и негатив!
Живущий — там, умерший — тут,
Как отрицания живут...

XXI

Где прежние четыре элемента? где идея
обращения солнца вокруг земли?

От юных лет я знать хотел
Значенье в жизни кислорода.
Число простых, не сложных тел
Росло, я помню, год от года.

Их с лишком семьдесят теперь, —
Вначале их четыре было;
Их наше знанье расплодило;
Еще другим открыта дверь.
Наука — спорт, так мне казалось,
Односторонний, странный спорт!
Добро и зло в глаза бросалось,
Но только в горлышко реторт
Не шло! Как сила разрушенья,
Зло неизменно и одно,
Но для людского ощущенья
Неосязаемо оно.
Добро, как зло, неуловимо;
Оно всегда, и там, и тут...
Науки ходят подле, мимо,
Но их телами не зовут,
Хотя бесспорно, вне сомнений:
Добро и зло во все года
Способны были для смешений
И реагируют всегда.
Признать их газами, телами
Наука не дерзает сметь!
Ей дело надобно иметь
Лишь только с цифрами, паями!
Ее не полон кругозор!
И выход к правде невозможен...
Пока молчит духовный взор
И человек не уничтожен.

XXII

Рекут: не может это быть,
От плоти душу отделить!
Куда уйдет? где ей блуждать?
Ведь мирозданью не терять
Иоты! В нем круговорот
Материи и полный счет
Всех атомов! тьмы тем бацилл
Являются... во тьме могил
Сгнив, клеточки дают ростки;
Красивей прочих мотыльки
Кладут яички... кокон!.. гроб!..
Смерть... снова клеточки всех проб!
Не родилась такая власть
Из мира что-нибудь украсть...

Весь этот вздор не ставьте в строку;
Из-за дерев не виден лес!
Чтó электрическому току
Мощь тяготения и вес?
Так отчего ж вне тяготенья
Душе свободной не витать?
В том нет совсем нововведенья!
Пример в науке можно взять!
Так, говорят, гласит наука,
Что теплота земли уйдет,
Земля, окоченев, ни звука
Не даст и обратится в лед!
Что, если б в том окоченепье
Отбытье душ людских признать?
Тепло уходит из творенья...
Частиц чего-то не сыскать.

Все эти доводы людского
Наукой гордого ума, —
То старого, полуслепого
Больного нищенки сума!
Сумы никто не отрицает,
Кой-что удержится и в ней!
Тот, кто науку убивает,
Тот против Бога и людей;
Наш ум — то посох наш в дороге;
Ум и сомненье — все одно,
И сомневаться даже в Боге
Святое право нам дано!
Нет правды, если нет сомнений;
В них не стрихнин, не сулема!
И разве Бог боится мнений
Им сотворенного ума!
Но для наук как будто стыдно
Бессмертья душ не допускать...
Оно и в них так очевидно
Для всех, кто хочет увидать!

XXIII

Да, есть, конечно, есть скачок в моем мышленье,
Что всем противникам бессмертия с руки!
Но ведь и в знании, в логическом сужденье
Есть, только не один, а многие скачки!

XXIV

Помнится мне, будто часто меня вопрошали:
«Есть ли права у земли быть единой избра́нной
В тысячах звезд; чтоб бессмертные люди взрастали
Только на ней лишь, излюбленно-обетованной?
Что за особые, данные ей лишь права?
И почему же не жить на бессчетных планетах
Людям бессмертным, как мы?..» То пустые слова!
И разобраться нетрудно в толковых ответах.

А почему же земле не являть исключенья,
И по135 заданью не быть средь планет одиночкой?
И не наука ль нашла, не ее ли ученье:
Плазма ядром снабжена, животворною точкой...
Точка — земля! плазма — мир! отпадет, будет время...
Только из точки в той плазме бессмертью явиться!
Люди, все люди, не только Израиля племя,
Мощный очаг, чтобы слову Писания сбыться.

Много есть солнц и при них, как и наша, системы;
Есть, может быть, и другие избранницы Бога,
Только иные судьбы их, иного развития схемы,
Так же намечена цель, но другая дорога!
Есть в них другие к бессмертью способные точки,
Есть, может быть, чудодейные богоявленья;
Прахом рассыплются, давши свой плод, оболочки...
Дальше что будет, — не дело людского мышленья!

XXV

Дух отлетает! вот если б в окно!
Было бы просто и ясно оно;
Можно б, пожалуй, увидеть, схватить!
То-то б мы стали уверенно жить!

Численных выкладок тоже нельзя
Видеть, схватить! Где-то, как-то скользя,
Силой полны, бестелесно вершат
И матерьяльное в мире творят!

Вовсе не так уже просто сказать:
«Глупо бессмертие вам сочинять!
Жизни и смерти задача проста:
Нет их обеих, а есть суета!

Было, вот, что-то и нет ничего!
Только и есть, что одно естество,
В вечном броженье начал и концов,
В странствиях люлек людских и гробов?!»

Но, так иль иначе, надо признать:
Численных выкладок в гроб не вогнать!
Видеть нельзя их, и гнить им нельзя;
Значит, дана им иная стезя!

Знать, естество их иное совсем:
Плоть логарифмов, корней, теорем,
Вне тяготенья, вне правды земной...
Что, если то же и с нашей душой?

XXVI

Много сокровенного, для науки темного,
Зрением художника ясно прозревается;
Всюду, всюду дома он, не сдержать нескромного;
Им полней, чем знанием, правда ощущается.

Зренью вдохновенному нет пути запретного,
Нет и непосильного; сказка — непреложное!
Не щадит он, дерзостный, святости заветного,
Может он отважиться даже в невозможное.

Смел и предприимчив он, мощь его — скитание!
Мало верить опыту, чужд он осторожности,
«Так должно быть» — скажет он и осилит знание,
Связанное путами правил и возможности.

XXVII

«Законы механики и логики сходственны»

Вундт

Нет, не обидно уму моему, что порой
Сам я ему говорю: стой, беспутнейший, стой!..
Если канава в пути возникает у ног,
Делает путник, подумав, возможный скачок;

Если не может — не будет он ноги ломать,
Будет он спуска в нее, или мóста искать;
Если отыщет, то дальше пойдет; если нет,
Ног не сломает и свой не испортит скелет...

То же должно быть в сужденьях и с нашим умом;
Может хозяйничать он, но никак не во всем!
Должен он вовремя молвить: беспутнейший! стой!
Шутишь ты вовсе не кстати, безумец, собой!

Но, чтобы смелость к такому решенью иметь,
Должен вперед он духовным сверхзреньем смотреть;
Это сверхзренье нимало не может мешать
Жить по науке, исследовать, мудрствовать, знать!..

XXVIII

В безбрежных сферах умозрений
Есть точки головокружений;
Войдя в те точки, чуя страх,
Играют люди на словах!
Слова, вот видите ль, не ясны.
Всё объяснить в них мы не властны,
И знанье, тут иль там, темно,
Не обосновано оно.
В словах противоречий много;
Где силлогизм, там есть два рога...
А сколько непроглядных тем
В противоречиях дилемм?
По существу гермафродиты,
Порою мысли с толку сбиты
И глупо чувствуют себя,
Туман руками теребя!
«Веревка вервие простое»
Не оставляет мысль в покое,
Хотя судьба урок дала
В судьбáх лягушки и вола!

Вы, главари духовных сил,
Стряхнувши груз своих могил,
Из всех веков, от всех народов
Представ из-под могильных сводов,
Скажите честно, напрямик:
В «суть сутей» кто из вас проник?
Есть точки головокружений!

В них равны и дурак, и гений!
Мудрец! в те точки не ходи...
Большой философ молвил: «Бди!»

XXIX

На каждом шагу и при каждом мышленье
Встречаются вечные тайны в творенье;
Пред ними вы люди, робки и покорны,
Стараетесь вникнуть, ничуть не задорны...

Но в важном вопросе о жизни загробной
Вы или молчите, иль в ярости злобной
С насмешкой относитесь, с явным презреньем,
Не делая чести им даже сомненьем...

XXX

По долговременном исканье
Я дом воздвиг в моем сознанье!
Уверен в доме я своем
И оттого-то я спокоен...
Я знаю, дом мой недостроен;
Я знаю, есть ошибки в нем,
В нем не совсем прочны опоры —
Но матерьял для новых есть!
В нем мало явственны узоры
Резьбы; ошибок в них не счесть...
Другой построит крепче, чище:
Обильней будет матерьял!
Я не гробницу на кладбище,
А дом для жизни, воздвигал!
И я сумел в нем поселиться,
На вечность, навсегда я тут...
Один пока, но путь пылится,
К нему и едут, и идут!
Дома такие же построят,
Как я; в таких, как мой, домах
Сомненья мысль не беспокоят,
И смерть — не чудище, не страх!

XXXI

«Дневник» мой выписками полон;
Читаю после смерти их!
Их много; ценности их разны;
Есть много праздных и пустых.

Но здесь, в моем уединенье,
Живой отрадой стал он мне!
Я сам не свой! мой дух в смятенье...
Я даже чужд моей родне...

Они к загробному привыкли;
Нужна привычка, нужен срок...
Придет, конечно... но покуда
Люблю, когда я одинок.

539—559. ХАРАКТЕРИСТИКА БЫТИЯ ДУШ.

«Задача физиологии — доказать, что между мирами органическим и неорганическим нет существенной разницы».

Ф. Шиллер

По Шопенгауэру и Гартману, пищеварение — мистический процесс.

«Узнаем много нового»

1 Кор. 13. 12

Гюйгенс и Лаплас умозаключают, что на других планетах есть жители, есть ум и знания, подобные нашим. «Самое деятельное воображение не может себе представить, какие бы это существа могли быть, но их существование не невероятно». «История эволюции нашей системы может быть прослежена назад на телах, менее развитых, или прослежена вперед в системах, более подвинувшихся к состоянию рассеянности энергии и угасанию жизни». «Мы даже не можем отрицать странной догадки Юнга, что есть, может быть, независимые миры, проникающие друг друга в одном и том же пространстве, но невидимы и неизвестны».

С. Джевенс

«Вси оживут, кийждо въ своем чине»

1 Кор. 15. 23

«И мало того, что все узнают друг друга, все тайны каждого будут ведомы всем»

Григорий Богослов

I

Мы не обра́млены, не осязаемы,
Видим друг друга, но как? не сказать!
Лучше, чем в жизни земной, понимаемы
Нами самими; но вам не понять!
Наши движения не описуемы,
Вам мы не можем себя проявить;
Только гадательно, слабо толкуемы,
Иль понимаемы можем мы быть!
Как же могу я вам дать объяснения,
Если нельзя мне, как вы, говорить?!
Нет, и не может быть вам вразумления
Даже в намеках: как мертвому жить?
Ваши слова лишь для вас убедительны!
Взятые вами с явлений земных,
Вам — они ясны, здесь — бледны, сомнительны...
То, что здесь ново, — не выразить в них!?

II

Я никогда не устаю;
Страсть не волнует грудь мою;
Что б ни узнал, что б ни слыхал,
Я чист и светел, как кристалл:
Ему дробить лучи дано,
Что отразит он — всё равно;
Но я, как он, не недвижим,
Я вездесущ, неуловим;
Могу я быть, где захочу;
Меняя место, не лечу
И не иду!.. я тут, и там,
По всем годам, по всем местам,
Особым свойством бытия...
Во мне божественное «Я».

III

«В дому Отца Моего обители мнози»

Иоанн 14. 2

Как прав я был, в бессмертье веря,
Признав возможность форм иных!
Да! в смерти полная потеря
Всех мер, паев и цифр земных...
В словах: смотреть, идти, смеяться, —
Былого смысла вовсе нет!
Здесь нет пространств — им негде взяться,
И нет времен, а дух — предмет...
У вас всегда одно и то же
Земли измявшееся ложе,
Всё кровью вглубь напоено,
И всё одно, всегда одно!
Здесь нет цемента жизни — крови!
Мы в вечной, бесконечной нóви!
В любой из наших мыслей ряд
Красивых, стройных анфилад;
Стремись вдоль них; что шаг — новинки
И панорамы, и картинки;
И все одни в других сквозят!..
И это всё в единой мысли,
В одной!?.. а наши взгляды, слух?
Что чувствует, что знает дух, —
Всё, всё безбрежно! Ты исчисли,
Какая ткань, каких путей
Для чувств, желаний и идей!
Сравни с землей!.. одно и то же
Ее потоптанное ложе,
И кровью в глубь напоено,
И всё одно, всегда одно...

IV

О! вы скажите мне: чего, чего здесь нет?!
В чем дом бессмертия иль пуст, иль недостроен?
И в этом смысле я полнейший домосед,
И в лоне вечности, со всем, что есть, — освоен...
Мне речи синих волн, мне сумерек покой,
И чувства всех сердец, и всех умов исканья,
Веков отсчитанных понятный, ясный строй,

И очагов огня великие сверканья!
Везде, всегда я свой; мне камень говорит,
Мне шепоты миров, мне шалости зарницы,
И шумы тех пространств, где Бог еще творит
И жизнь развертывает новые страницы...
Все близкие при мне; придут, кого здесь нет!
Сказать я не могу, насколько обеспечен;
Бессмертная душа, я истый домосед,
Мой дом, он дом для всех — бессчетен, бесконечен...

V

Что ни день, я помню ясно
Пред квартирою моей
Много мертвых провозили
Из больших госпиталей.
Гробы — белый, желтый, черный;
Под покровом, или нет...
Здесь я вижу продолженье
Прибывающих в наш свет.
В ликах их недоуменье,
Очи вдаль обращены,
Все черты непониманья
В них так явственно видны...
К новой жизни недоверье...
Изумленье, а затем
Он, преставший, долго, долго,
Созерцателен и нем.
Свет загробный так обилен,
Что не видит он ни зги,
Но помочь спешат родные,
Не откажут и враги.
Сирот нет и нет бездомных,
Нет больных и нет причин
Быть целительным купальням
Лишь для тех — за кем почин...

VI

И вот еще вопрос из праздных;
Понятный на земле вопрос:
Пол? возраст? одеяний разных
Цвета? во что одет Христос?

Египтянин со стен Карнака,
Алхимик в знаках Зодиака,
Колодник с цифрой на спине?
Так, иль не так? здесь, в тишине
Загробных веяний, во мне
Как и в других, нет тех вопросов!
Они у нас в числе отбросов
Былого. Здесь несходства есть;
Сильны они, и их не счесть.
Да! в силу общего закона,
Как дуб от дуба, клен от клена
Свой цвет, свой лист, свой рост ведут, —
Так есть различия и тут.
Мы чуемся, какими жили,
Когда слагались наши были;
Мы можем каждого узнать,
Почувствовать, сознать, понять!
В нас нет ненужных вождедений
Измерить всё, определить,
Искать четвертых измерений,
И нас самих — не очертить!

VII

На земле, когда желаем,
Мы свободно обитаем;
Нам не надобно домов,
Говорить не надо слов.
Мы послушны запрещенью,
Неспособны к проявленью!
Знаем мы: чтоб к вам предстать
Нужно облик нам принять...
Верьте: мы порой при вас,
Но слепотствует ваш глаз;
Недоступны мы для зренья
Потому, что мы вне тленья
И порвали с миром связь,
От него освободясь.
Проявиться — значит снова
Приобщиться к тьме земного;
И назад вернувшись, вспять,
От начала вновь начать.
Есть ли смысл Наполеона
Молодить до эмбриона,
Шить по вышитой канве
От Аячио к Москве...

VIII

Один из страхов перед смертью —
Тьма, одиночество могил,
И переход наш во владенье
Бесстрастных и безмолвных сил...
Как сыро, холодно и страшно;
Язык молчит, не развязать;
Нет зренья, слуха, ощущенья...
Зачем так скоро отпевать
И класть под землю! Вздор всё это!
Ведь ощущать не может труп?
И есть ли смысл сказать о камне
Что, будто, он умен, иль глуп?
Нет! В смертный час совсем другое!
Не то, не так произойдет:
Умерший в общество большое
Совсем нежданно попадет!
Не одиночество, не темень,
Не сырость, смрад и тишь могил
Его, представшего, обнимут
Как снедь, как жертву темных сил!
Сквозь полутень опочивальни
С тяжелым запахом лекарств,
Вдоль докторов с гробовщиками,
За многим множеством мытарств,
Сквозь вздохи, слезы, ряд истерик,
И после скучных похорон —
Он ни единого мгновенья
Лежать в земле не обречен!
Не в узкий гроб, не в тьму и сырость —
Он к свету глянет, на простор,
На позабытые свиданья,
В любвеобильный разговор!
Испуг, восторг, недоуменье...
Но тут же, в тот же миг, вопрос:
«Закончил ты всё, всё земное?
Скажи же, чтó сюда принес?»
Прозренье в смерти многим лучше...
Вздор холод, сырость, черви, тьма!
Мне скажут: то мечта пустая!
Отвечу: истина сама!

IX

Полог, как будто, с очей моих пал!
Вижу, чего до сих пор не видал!
Пажити смерти, как вы широки!..
Мнится: плыву вдоль безмерной реки!
Царства, народы, как будто ладьи
Вечности тихой колеблют струи;
Вон, подо мною, внизу, в глубине,
Звезды, светившие мне в вышине...
Выше, бессчетные звезды миров,
Новых, серебряных, мощных костров!
Зори от множества солнц мне видны...
Нет здесь грядущего, нет старины!
Жизнь беспредельна! Вдоль страшных высот
Вижу я душ, мне подобных, полет;
Вижу: у многих их лик затемнен...
Нет ни пространств, ни концов, ни времен!
Вон и земля... ночь... в домах огоньки...
Радостно плыть вдоль безмерной реки!
Как это мог не уверовать я
В правду иного, чем мир, бытия?
Бога в деяньях дерзал умалить,
Будто бы Бог ограничен творить;
Будто бы то лишь и создано Им
Что постижимо мышленьем людским...
Вечный, томительный круговорот,
Без пониманья, что можно: вперед!..
О! поскорее, смелее сюда!
Жизнь не сокровище, смерть не беда!

X

Я очень образован был;
Час смерти эту гордость сбил!..
Я помню, чуть не от пелен,
Я был в истории силен,
Но после смерти сбита спесь!
На что мне летописи здесь,
Когда людей веков былых —
Воочию всех вижу их?
И то же, то же, в добрый час
И с философией у нас...

XI

Есть чувство новое во мне:
Спокойно думать в тишине...
При жизни сонмы тяжких дум
Носились грозно, как самум
В степи, поверх души моей,
Так точно, как у всех людей!
В уме лежал тогда запрет,
Что разрешений в жизни нет;
Что «не могу» — Христос сказал —
«Открыть всё то, что бы желал»,
Да! на земле, в конце концов,
Мой ум лишался всех основ...
Здесь... здесь противоречий нет,
На всё, всему, всегда ответ...
Вот этих помыслов покой
Был чужд мне в юдоли земной!
Здесь даже двигаться, витать, —
Блаженство, радость, благодать,
И что ни мысль, и что ни взгляд —
Спокойных чувств и мыслей ряд!

XII

«Живущий на небесах посмеется»

2. Псал. Давида

Скажите: кто учил, что только величавость
Уместна здесь, у нас; один высокий строй!
Такие помыслы излишняя слащавость,
Иль лицемерие! Здесь, с полной простотой
Свершая бытие, вздыхает зыбью вечность,
И если не найти в Евангелье следа
Улыбки у Христа, — так это там, тогда...
Во времени, в миру... а здесь — здесь бесконечность.

XIII

Порой здесь хоры слышатся. Не струны
Вибрируют, не голосит металл,
А нечто лучшее! В моей догробной жизни
Я помню, музыке внимая, рисовал

Особый мир себе; мелодия звучала —
Живые образы, как будто бы, в чертах
В ее развитии так ясно проступали
И шли, и множились, и гибли на глазах!
Им плоть давали сочетанья звуков,
И что начальный тон в основе запевал,
То, развивалось, шло, своеобразно жило;
Последний, тот же тон, их жизни прекращал!
У нас совсем не то. В пространствах бесконечных,

В гармонии миров мы все свое звучим;
Мы сами музыка, и каждый стал струною,
И музыкою той друг с другом говорим.
О! вы припомните: как мощно вас носили
Мелодии земли к надзвездным высотам?
То были слабые у вас предвозвещенья
Того, что зазвучит в загробной жизни вам...
Но здесь в гармонии порой есть нарушенья:
Слышны мелодии крикливых голосов...
То звуки темных сил, взывающих отвсюду
Зловещей резкостью своих полутонов...
Без них — нет музыки; без зла — нет искупленья...
Лишь тем воочию мысль Бога хороша,
Что надобны: борьба, печали, зло, лишенья,
Чтоб ценность выстрадать могла себе душа!

XIV

В вечной близости к святыне,
В колебаньях световых,
Мы чужды любой гордыне
И любой из сил земных.
Много нового мы знаем,
Рассказать — не хватит слов.
Мы не в слово мысль вмещаем, —
Слово — нищенский покров.
Нет всем мыслям воплощенья
В слове; слов не подыскать;
Чувством чаянья, внушенья,
Можно всё пересказать!
Помню я, и это было
В жизни часто у людей:
Сердце сердцу говорило
Взглядом ласковых очей!

Говор глаз! тут смысла мало!
Как глазам язык обресть?
Но, я помню, так бывало...
На земле внушенья есть!

XV

Совсем, совсем не вдруг мы здесь в себя приходим,
Порвав все связи с вашею землей!
Не испытавши сил, мы долго, смутно бродим:
Вся видимость является иной.

Уже несметная бесчисленность видений,
В минуты смерти, сонмы грез моих,
Разрушили во мне понятья измерений;
Душа по мерке — не вместила б их.

Так, значит, меры нет! Что плотность? Очертанье?
К чему причинность и нужна ль она?
Непроницаемость исчезла, как преданье;
Как смолкший звук, она здесь не нужна!

Где правда ваших цифр? Где сила тяготенья?
Не предрешен движениям предел?..
Да! Только в творчестве, и в грезах сновиденья,
Пока я жил, я эту мощь имел!

Здесь, в этой мощи суть! Мой ум, не отягченный
Докучной плотью, ясен, светел, скор!..
Ты, ясновидящий художник, вдохновленный,
Вы — грезы снов, вы — чаянья — не вздор!

XVI

И могу я быть в вечном свету,
Если к солнцу поближе ютиться,
И во тьме, если в тень я войду,
Что в эфир от планеты ложится...
И недавно, спускаясь к земле,
Давней смерти моей в годовщину,
Я в великую бурю вошел,
Ливня, града и вихрей пучину!
Сквозь меня ярких молний струи

В лик холодной земли ударяли,
Тучи бились, терзались во мне,
И леса сквозь меня трепетали!
И ударило в памятник мой
Пламя молнии... Камень развеян...
Смыто кладбище... чем бы я стал,
Если б в землю зерном был посеян?
Гордость, имя, значенье, почет —
Вы — итоги безумных подсчетов,
Вы — короны на мумиях, вы —
Скиптры власти в руках идиотов!!
В чем значенье и смысл годовщин??
Нас бы, прежних людей, опросили:
Удалась ли с забвеньем борьба?
Сколько было нас, скольких забыли?

XVII

Я в сфере солнца! Блеск его лучей,
Будь он в стократ сильней и горячей,
Мне нипочем! Ведь я неопалим!
Пускай отравлен и удушлив дым, —
Я в том дыму и в тех больших огнях
Несокрушим, и мне неведом страх!
Какие бездны жерл! Какие языки
Вдоль этой пламенной, бушующей реки!..
Каким-то именем забавным их зовут?
Какие грохоты гремят, свистят, ревут!
И каждого огня чудовищный язык
Длинней Америки — и исчезает вмиг!
Да, лишь в бессмертии, когда я захочу,
Я — вскормленник земли и солнцу по плечу!
От солнца всякое живое естество...
Когда-нибудь проникну и в него!

XVIII

Был на Сатурне! Особые тени и формы!
Скорость движенья быстрее, а груз тяжелее!
Глубже покой тишины и свирепее штормы,
Звезды иные, чем ваши, а солнце бледнее!
Издали видны отсюда и солнца другие;

Тяжко висит в небесах, опоясано светом,
Громоздко блещет кольцо огневым силуэтом,
И непривычно играют явленья его световые!
Всё мне здесь кажется странно, и страшно, и ново...
Вижу я также присутствие мира живого!
«Души живые», но только иного созданья,
Те, что Господь сотворил в пятый день мирозданья.
Чужды бессмертья, живут для того, чтобы сгинуть,
Жизнь несомненна, но в вечность ее не раздвинуть;
Сходственны вашим, но странны все их очертанья!
В ликах, и формах, и красках как будто бы слиты,
Спутаны, сбиты, не кончено их расчлененье;
Все проявления жизни как дымкой покрыты,
Словно не могут проснуться, их явь — сновиденье!
Как-то сонливо шевелятся тел их покровы,
Мало им света, тепло недостаточно греет,
Есть и жилища у них — то лесов мрачно дремлющих кровы,
Скалы, ущелья... Есть говор, но слов не имеет!
Медленно движутся, будто толкают друг друга.
Всё, что я видел, шумело вокруг, шевелилось...
Был я незрим им, не вызвал меж ними испуга,
Дивное диво для них из меня бы явилось!
Весь этот дремлющий мир, для чего он назначен?
В чем его цель, для чего вековая истома?
Сбился я с мысли, в исканьях ее озадачен...
Нет! поскорее к земле! там я свой, там я дома!

XIX

К земле случайно направляясь,
Глубокой ночью, в ноябре,
Я был охвачен ярким светом,
И очутился в серебре...

Свои путины совершая,
Косым, пылающим дождем,
Неслись обломки звезд падучих,
Треща и брызгая огнем.

Со всех сторон охвачен ими,
Я оставался сам собой,
И спорил взглядами своими
С их непомерной быстротой.

Их раскаленные громады,
Все в искрах и дыша огнем,

Крутясь, шипя, вещали что-то,
Стремясь намеченным путем!

Из их пылавших очертаний
Не выяснялся мне ответ:
Что это: — рухлядь ли разбитых,
Иль камни будущих планет?

А я-то, я? Когда-то очи
Не смели солнца созерцать,
И малым камнем можно было
Мне грудь и сердце поломать.

Теперь! Теперь другое дело:
Я, темной ночью, в ноябре,
Цел, невредим, в падучих звездах,
В их раскаленном серебре!

XX

Когда мои года свое, как дóлжно, брали,
И затмевалась быль давнишних в жизни дней,
Названья, имена и лица исчезали,
Их кто-то погашал на памяти моей!
Я помню, на земле, бывало, вспоминал я,
Как будто видел я такое-то лицо?
Такое, будто бы, в прошедшем имя знал я?
Такой-то город, сад, такое-то крыльцо?..
Но это так давно! Знакомые, чужие...
Припоминал я их не полностью, не вдруг:
Вот дядя, например, глаза имел большие,
Но цвет их был какой? Какой был речи звук?
Припоминал я всё урывками, частями,
Светилось прошлое, лишь в клочьях световых...
И вдруг теперь, вот здесь, за гробом, пред глазами
Я снова, целиком и ясно вижу их!
Да, этот мир и ваш, — в сплетеньях их чудесны!
Рисунки плоти здесь, в бессмертии, ясней,
Прочней, чем на земле, возможны и уместны,
Поскольку плоть жила в сознании людей.

XXI

Над предназначенным и завершившимся,
Над позабывшимся и уяснившимся —
Любы мне мыслей пути!

Вижу, в земле под крестом покосившимся,
В гробе моем, галунами светившемся,
Телу следа не найти!

Но и воззренья когда-то смущавшего,
В жизни земной много лет возроставшего,
Мне не вернуть никогда;
Облика смерти, от детства пугавшего,
Мне, несомненно, в свой срок предстоявшего,
Нет, как и телу, следа.

Смерти жестокого предназначения,
Полного в жизни большого значения,
Здесь мне не ведать, не знать,
Новые здесь для меня освещения,
Чуждые, стройные, сил обобщения
И благодать, благодать...

III

В ТОМ МИРЕ

560—588. ВСТРЕЧИ

«Лицемеры! различать лицо неба вы умеете; а знамений времен не можете?»

Матф. 16. 3

«Материя в сущности трансцендентальна и мистична»

Тиндаль

«Возможность творить добро и зло — это свобода. А что еще? Ответственность и свобода — здесь; воскресение есть ответственность. Этим переживание душою тела доказано неопровержимо. Тут священные потемки»... «Добро и зло, какой просвет на беспредельность!»

В. Гюго

— Неправдоподобное — оправдоподоблю.

I

Великой лжи живые обольщенья,
Я, в оны дни, дарил любовью вас!
Нередко в шторм, в предвиденьи крушенья,
Теряя смысл, я забывал компас!

Но кто спасал в тяжелый час невзгоды?
Спасал меня другой какой-то «я»;
Вводил ладью в спокойнейшие воды,
Давал руля и слушалась ладья!

И это «я», которое спасало,
Когда, осиленный, терял сознанье я, —
За гробом, здесь, оно мне ясно стало:
Тем рулевым была душа моя!

Моя ладья давным-давно разбита;
Моя душа на вечность спасена...
Ладья лежит, на кладбище зарыта,
И, мнится мне, исчезла и она!

II

Вы, все материки, в свой срок на свете бывшие,
Вы, прежних ярких звезд погасшие огни,
Вы, миллиарды душ, с тех пор в подлунной жившие,
Когда, во след ночам, пошли слагаться дни! —

Вы, все забытые былых времен мышления,
Ты, пестрый разум царств, рассыпанных во прах,
Вы передуманные, вновь приняв рождения,
Горите здесь, теперь, опять в людских душах!

Нет тех материков, нет прежних звезд сияния,
И тьмы от тем людей, конечно, тоже нет,
Но есть сокровищница! В ней все сочетания,
Скитаний душ людских и светлых их побед!

Сокровищница здесь! Она в своем величии
Растет неслышимо, растет из часа в час...
В никем не видимом, неведомом обличии...
В ней место есть для всех, для каждого из вас!

III

«Новые римские богословы остановились на той мысли, будто грешники, по смерти, собственными страданиями могут изменяться к лучшему».

Митрополит Филарет, П. Д. Б

Свободно всюду проступая,
Я содрогаюсь, замечая

В себе такой же детский страх,
Какой испытывал впотьмах!
Как будто откликом земного
Во мне болеет сердце снова;
Как будто вновь в моем пути
Мне предстоит сквозь смерть пройти...
Дрожу при встречах душ туманных,
Носящих мрак в себе самих,
Земной печалью обуянных
В их проявленьях неземных!
Их затуманенные взоры,
В своих движениях не скоры,
Упорно смотрят на меня,
И я, сияя слабым светом
По их померкшим силуэтам,
Кажусь им весь в лучах огня!
Я знаю: им невыносимо
Мое явленье! И во мне,
По-прежнему, по старине,
Мутится мысль! И мимо, мимо
Я тороплюсь отбыть скорей
От тех блуждающих теней!

В лоскутьях тьмы и тьмой влекома,
Мне между них мелькаешь ты,
Меня сгубившая истома...
Твои знакомые черты...
Я всей душой тебя прощаю
И, веря в милость, знаю, знаю,
Что, как и я, заблещешь ты!

IV

Есть заросли пространств, как на земле бывают,
Где вовсе нет путей, ни в лодке, ни пешком!
Полны творящих сил туманы в них витают;
Задумчив и угрюм и девствен Божий дом.
Там души темные в безвременье ютятся;
Им, мрачным, по сердцу пространств беззвучных глушь;
Там незамеченными легче оставаться,
И вольной волею живут Там сонмы душ!
Там неприветливо! там темень от рожденья
Спокойно, молча вьет ряды безмерных гнезд;
Там зла бессильного свершаются хожденья;
Там безобразному предельный, крайний рост!

Там осыпаются всех вожделений струпы,
И души так грузны своею темнотой,
Что, распростертые, бездействуют, как трупы,
Язвя одни других постыдной наготой!
Не скроют наготы ни риза, ни порфира;
Не скомкать в складки их, чтобы прикрыть себя.
Ясна́ им немощь зла в путях иного мира;
Раскаянье вершит, сжигая и знобя!
Тьма, тьма кромешная... обитель грусти злобной...
И только в редкий срок, в особенные дни,
Когда мелькнет вдали святой иль преподобный, —
Бегут, светясь, по ним подвижные огни!

V

«До исследований метафизических необходимо знать естественные науки»

Шопенгауэр

Острова Патмоса подле меня очертанья!
В центре, как будто бы, я, окруженный кругами,
Подле, над бездной, великая тьма... ясно вижу:
Тьма отделилась от света и во́ды от тверди;
Глянули звезды и солнце зажглось над пара́ми...
Сонмы гигантских хвощей и леса тайнобрачных...
Ящеры ползают всюду, великих размеров,
Гады летают и чудища движутся тяжко!
Выше по кругу мелькают и птицы, и рыбы,
«Души живые» леса и луга населили!
Выше еще — человек, завершенье творенья,
В нем не «живая душа», а бессмертие духа!
Там, наверху, вся история царств и народов
В трудной работе души, побеждающей тленье,
Единоличной души на путинах развитья...
Выйдя из центра, последнее слово в подлунной
С внешнего круга растет! всё, что ниже, — отбросы...

Патмос молчал, убаюканный морем Эллады!
Оком бессмертным виденье мое замечалось!
Видел сквозь толщи земли залеганья остатков
Жизней, которые были когда-то, и видел
В дивном сплетении с ними сказ первой страницы
Книги всех книг и начала всего откровенья!!

VI

Милая девочка бедному грошик дала...
Страшной, смертельной болезнью она заразилась!
Год с небольшим миновал — и она умерла...
То-то *здесь* радостей было, чуть к нам появилась!

VII

«И мало того, что все узнают друг друга, все тайны каждого будут выданы всем»

Григорий Богослов

К своим могилам часто в гости
Из разных мест стремимся мы,
Туда, где тлели наши кости
И где мы вышли из тюрьмы.
Туда стремятся все родные,
Все предки! То заповедные
Места для каждого. Узнав,
Что здесь такой повсюду нрав,
Я понял, отчего порою
Один, бывало, сам с собою
Любил кладбище посещать,
Где всем родным пришлось лежать...
Я там беседовал с роднею!
Да! здесь товарищества есть,
Кружки, и их числа не счесть.
Тут не по метрикам церковным,
Нередко очень голословным,
По крови все в родне своей,
И это лучше и честней!..

Я как-то деда повстречал,
Но незнакомца в нем признал:
Моя прабабка согрешила,
В свой срок влюбленною была,
Ребенка, деда родила
И вслед за этим опочила!
Была дуэль! Здесь нет следа
Того, что сделала вражда,
Что пуля спор за честь решила...
Всё это сделала могила.
Ведь я сказал, что поумнел...
Умы разумнее без тел.

VIII

В одной из множества бесед загробных
Я вспомнил нечто, слышанное мной
Когда-то в школе, как предположенье...
Вели беседу пращуры и предки
Жильцов земли до каменного века,
По внешности неведомые мне.
Их речи шли о днях совсем далеких,
Когда одна из звезд с небес упала
И подняла из бездны океан,
И австралийский материк возникнул!
Волна, исторгнута упавшею звездою,
Весь шар земной тревожно окатила,
Народы смыла и сложила в бездны
Их кости... но не все тогда погибли:
От пастухов с вершин хребтов высоких
Плодиться начали иные поколенья.

Беседовали те, кто были смыты,
И также те, что жили на горах.
Удар был так велик, что высохли все реки
И ось земная, дрогнув, покачнулась,
И так и движется теперь, наклонена!

А новый материк принес с собою с неба
Растительность особую и ныне
Семян астральных поросль отличает
Его от всех других. Рассказ был важен...
Ему астрономы различных стран внимали,
И круг свидетелей имелся налицо.

IX

Здравствуй, друг забывшегося детства!
Сосчитались мы с тобой давно...
Злая ревность и дележ наследства...
Как всё было глупо и смешно!
И зачем, зачем всё это было?
Сколько лжи и нравственных потерь?
Блеск успеха — что его сменило?
Год блаженства — где-то он теперь?
Где теперь упрямство, зависть, злоба?

Помнишь, помнишь наш смертельный бой?..
Мы с тобой неправы были оба;
Ты лежал убитый предо мной!
На тебе зияла рана знойно!
А она! ты видишь: вон она
Смотрит к нам доверчиво, спокойно,
Как и мы с тобой — просвещена!
Нам былое непонятным стало,
Порастает злая быль бытьем...
Там троим нам места не хватало, —
Здесь — не то, и место есть всем трем!

X

Ранней зари освещение...
Скоро погаснуть луне...
То же у нас настроение,
Сын мой... ты плачешь по мне!

Мы отделились пространствами!
Между тобою и мной
Зе́мли, моря с их убранствами,
Воздух, эфир золотой...

Но в нас одно настроение,
В этом мы оба сродни,
Я — в бесконечном успении,
Ты — в краткосрочные дни!

Те же в нас чувства шевелятся,
Родственно вызваны в нас...
Мертвый с живым ими делятся
В этот таинственный час...

XI

Могу я быть везде, всегда, где пожелаю...
Но я люблю тебя, родимую страну,
К тебе, к обиженному, пасмурному краю,
Я, отрешенный дух, всегда всецело льну.
Совсем не любы мне ни пальмы, ни алоэ;
Их очертания так остры, так чудны;

Там спит очковый змей, блистая на покое;
Там запахи цветов и сильны, и пьяны;
Там жгучи и черны глаза островитянок, —
Не увлажала их полночная роса;
Богами полон храм, как склад аптечный — стклянок,
И труб серебряных пугают голоса!!
Там бабочка — гигант, крупнее птички райской,
И аист розовый в лазоревых водах,
Нет пробуждения весны в теплыни майской,
И свод небес горит в губительных лучах.

Нет! я люблю покой лесистого болотца
И гул размеренный бесчисленной хвои,
Качанье журавля у старого колодца,
И знаменье креста при кушанье кутьи;
Мне мил негромкий звон с сосновой колокольни
И добродушный взгляд крестьянок и крестьян,
И мерный стук ветрил со старой мукомольни,
И быстро, жизни вслед, взрастающий бурьян...

Быть может, это все должно уйти в былое...
Понятье родины исчезнет в тьме времен,
И улетучится всё милое родное
В большой безличности народов и племен?!
В мой скромный край пройдут блестящие порядки,
Взамен наследственной и детской простоты,
И новизна убьет все давние задатки,
Всю скромность требований мысли и мечты...

Люблю тебя, мой край, другим предпочитаю!
Имея всё, всегда, везде перед собой,
К тебе, к тебе стремлюсь и вдоль тебя блуждаю!
Отшельник ты в миру, страж скудости степной!
Всё лучшее земли давно другими взято,
Но мы, твои сыны, покончившие путь,
Мы знаем, что завет любить врага, как брата,
Тобою был храним полней, чем кем-нибудь!

XII

Поверье есть одно! Навстречу злому часу,
Чуть гибнуть кораблю и сгинуть под водой,
Когда спасенья нет, к дрожащему компасу
Умерший капитан является порой.

Садится он к рулю, с усталым кормчим рядом;
Кто видит, в тех стучат от ужаса сердца,
И смотрит капитан своим могильным взглядом
И светит из себя весь облик пришлеца...

Раз, помню, буря шла, чреватая грозою;
Взрывала океан; стонала вся земля.
Мой дед, седой моряк, увлек меня с собою
К крушенью своего родного корабля.

Дед с этим кораблем возрос, чуть не родился;
С ним вместе прожил жизнь и умер очень стар;
Весь Божий мир видал, по всем морям носился
И развозил на нем купеческий товар.

Загробные жильцы, и я, и дед, взирали...
Как мачты падали и рвался такелаж,
Как грузы, сдвинувшись, по палубе сновали,
Как выбился из сил несчастный экипаж!

Вдруг видим, дед и я, что экипажу мнится:
Их старый капитан, он, он, умерший дед,
Явился призраком и у руля садится,
Безмолвен, недвижим, немилостив и сед!

И всеми видим он! Все явственно видали!
Но это был не дед! Он был со мной, при мне!
То только призрак был; его глаза рождали,
Сквозь смертный страх людей рождали, не во сне!

Такие яркие, но лживые виденья
Возможны на земле! Вне правил бытия,
Выходят из людей! В них страхов воплощенья,
Но не действительность... в том убедился я!

XIII

Червь не усыпающий, о котором говорит Спаситель (Марк 9. 44, 46), это упреки совести и невозможность удовлетворить прежним стремлениям в жизни.

Видали ль вы в лесу, когда грозы далекой
Внезапно, вспышками, виднеются огни,

Тревожно золотят и тьму листвы высокой
И мхом окутанный сухоподстой и пни?
Не слышно грохота; но пó лесу таится
Страх перед бурею, безмолвен и глубок;
В нем ветка каждая и каждый лист боится,
Что в них ударит гром... а гром еще далек!

Так, в здешнем бытии есть в душах отчужденных
Всполóхи совести над мраком их скорбей!
Молчат, принижены; в их ликах затемненных
Зловещие огни блистают вглубь очей...
Мы, кто счастливее, порою наблюдаем,
Как, вне общения, суров и нелюдим,
Дух медленно горит, горит несожигаем,
Докучной памятью без устали язвим...

Есть бывший царь у нас. В синодиках безмерных
Он приговор себе при жизни начертал;
Он первенца убил; своих холопов верных
В своем присутствии на дыбы поднимал!
В гробах без имени, в монастыре, в подвале,
Покоятся тела неведомых княжон...
Все незаконные! Мужей томил в опале
И дерзостно ласкал осиротевших жен!
Царь жаждал смерти! да! и вот она явилась,
Но не дался ему желаемый покой!
Всё, что содеял он, над чем душа глумилась
Поклажей тяжкою принес сюда с собой!
Нет патриарха здесь, чтоб дал он отпущенье;
Нет сна спокойного, чтоб грусть угомонить;
Укрыться негде здесь, хотя бы на мгновенье,
И грешной головы скуфьей не защитить!

Большие молнии зловещими огнями
Сверкают по душе отравленной его...
Что доблести побед? он их стяжал войсками!
Здесь ум избраннейший не значит ничего!
Он царство собирал... он подавил крамолу...
Державу создал он, но эти все дела,
Как вешние цветы в мороз, склонились долу
Перед жестокостью и подвигами зла!

Душа царя, что лес! С далекого далёка
Сверкают молнии; грозы не отклонить...
Всполóхи совести томят его жестоко,
И вкладом в монастырь ее не усыпить...

XIV

Когда-то помню, сквозь окошко
И листья пальм, стоявших в нем,
Я видел лик зимы холодной
В ее убранстве снеговом.

Гакая точно совместимость
Повсюду на кладбищах есть!
Кресты, столбы, гробницы, урны,
И тут же мы, и нас не счесть.

Те, кто лежат, видны снаружи...
Со мной мой маленький сынок,
Сраженный страшною болезнью
В три дня! совсем короткий срок.

И между нас идет беседа;
Мне ясен смысл его речей:
«Отец, смотри насколько меньше
Здесь вас, чем маленьких детей!

Христос нас звал к себе так часто
И много нас к нему прошло,
И оттого-то здесь так мило, —
И так спокойно, так светло!»

XV

«Сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы»

Гоголь

Лет десять до меня сюда предстал один,
Глубоко сумрачный, безумный Христа-ради;
Еще не дожил он до старческих седин,
И обрамляли лик волос густые пряди!

Смеялся много он! но понял, что смешки,
Как отрицание, — печальное явленье!
Кагалом яростным он принят был в свистки
И на себе познал великое глумленье!

Из всех певцов земли никто не поражал,
Как он себя самим на высоте призванья;
Гордыню осмеяв, свой гений осмеял;
И, непостриженный, сошел до покаянья!

На небывалую для духа высоту
Он поднят был могуществом прозренья!
Куда же далее? ужели в пустоту,
Иль вспять, в ничто, в земную область тленья?

Куда же, вслед за тем, в дальнейшие пути?
Куда отбыть от страха и истомы?
В природе полного крушенья не найти,
И заживляет жизнь все, все свои изломы!

А тут, постигшему пути добра и зла,
Ему, великому, вдруг беззаветно сгинуть...
Другую дерзостность, чтобы сильней была,
Как вызов божеству, едва ли можно кинуть!..

И вот он здесь, у нас! Спокоен, светел, тих
В познанье явственно вскрывающейся тайны,
Весь в обаянии, в мечтах заповедных
О счастьи рощ и нив родной ему Украйны!

XVI

Подо мной вершины елей,
Шум хвои и птичий гам,
Глушь, крапива; много хмелей
У корней и по стволам.
Здесь к покинутой сторожке
Внук мой явится в обед.
Вон идет он по дорожке...
Если б только не запрет,
Вразумил бы! но напрасно! —
Рядом с ним — я так далёк!
Ветер смолк. Я слышу ясно
Щелкнул раз и два курок...
Хочет кончить внук с собою...
Тут он с ней не раз бывал.
И в последний раз зимою
Время в святки коротал...
Ею брошен он безбожно!

О! когда б я только мог
Проявиться! невозможно!
Вижу: он спустил курок...
Выстрел! Ствол слегка дымится...
Шаг, иль два... бедняк упал,
Перестало сердце биться,
Миг... и он сюда предстал...
Смерть мгновенное явленье!
В этом мало новизны:
Все на свете зарожденья
И мгновенны, и темны.

XVII

Тихо, гладко княгине жилось меж людей!
Никого никогда не любила;
Для пустых пустяков, для гордыни своей
Всей родне с юных лет опостыла.

Не ласкала гордыню чья-либо рука;
Не смущалось любовью сознанье;
И не слышалось ей, словно песнь ручейка,
Детской речи живое журчанье.

С вечным холодом в вечно спокойных очах
Жизнь, всю жизнь прожила, не страдая;
Увлекала ее на своих помочах
Светозарная радость мирская.

Злу чужда, но добра не познав ни на час,
Никому не дала благостыни!
Умерла!.. и виднеется здесь, между нас,
Скорбный лик одинокой княгини.

Вкруг нее никого... не любила людей...
Вот она! Молча странствует всюду!
Встретил здесь я Иуду: он полон скорбей...
Легче было мне встретить Иуду!

XVIII

Вот человека убили. Та смерть поражает!
Мысль, хоть быстра, но его не догонит она!

Словно безумье подхватит ее и вскружает,
Держит над бездной какой-то, без граней и дна!

Жалкий, бескрасочный труп появляется разом!
Стало ничем, что служило творенью венцом!
И разобраться тут нужно не слухом, не глазом,
И не на ощупь, а сбившимся с толка умом!

В трупе великая правда и вся несомненность!
Был человек, но над ним совершился закон:
Он снизошел с высоты в глубочайшую тленность,
В царстве растительном вновь обретается он!

Смерть не разрыв, а замена былой обстановки;
Телу всю жизнь по частям довелось умирать...
Смерть не новинка! В развитии нет остановки,
Только что нашим сознаньем его не понять!

В мысли о смерти — надежда и видимость в споре;
В преображении смертью поставлена грань!..
Раз только виделось людям на дальнем Фаворе
Что-то подобное! Встань, усомнившийся, встань!

XIX

Врач боится! не хочет в палату войти!
Появилась в палате проказа;
Ярко язвы пылают и струпья черны,
И струится от коек зараза...

Врач! ты язвы обмой! ты те струпья сними,
Некрасивая доля, страднáя...
Тем страшнее она, что весна на дворе,
Вся в цветах, в обаянии мая!

Язвы — те же цветы! и какие цветы
По дороге к святым совершеньям!
Эти струпья, что снимешь, падут в вертоград
Твоего, в час кончины, успенья!

Ведь не знаешь ты сам: много ль, долго ли жить
В этом мире тебе остается...
Вот, я вижу, стоит у дверей Сатана,
Видит робость твою и смеется!..

Врач в палату вошел, язвы смерти обмыл,
Вдохновлен он, и смел, и разумен...
Вижу я, — отошел от дверей Сатана,
В дикой ярости зол, но бесшумен.

Врач! ты скоро умрешь... будешь здесь... подле нас..
Слышишь: грохот гудит в отдаленье...
Это речи повел у своих Сатана
О великом твоем совершенье!

А теперь я скажу тебе тайну! Когда б
Смерть твоя не в проказе явилась, —
От недужного сердца погиб бы ты, вдруг,
Даже раньше, чем это случилось!

Пожалели б тебя, похвалили тебя;
Но подобная смерть не заслуга,
И в путинах к загробному счастью — ничто!..
Будьте смелы! Не бойтесь испуга!

XX

Роют под утро могилу безумной... Девица
Шла за цветами, рвала вдоль реки... утонула...
Мрачную душу одну осветив как зарница,
Счастья не знала сама, на него лишь взглянула...
Вижу я, — вынули череп, иссохший и бледный;
«Бедный Иорик!» — ему говорят... выражают
Жалость к Иорику! глупо! он вовсе не бедный,
Лгут, и слова, будто карты в игре, подменяют!
Череп, сказать вообще, это — счастья эмблема!
Был человек, а теперь безболезнен и вечен!
Череп — алмаз драгоценный, цветок из Эдема
И, как и всякий цветок, на земле скоротечен...

XXI

Глубокои скорбью выделяясь
Во всех явленьях световых,
Одна другою прикрываясь,
Снуют здесь сонмы душ дурных!!
Спешат друг дружкою прикрыться...
Их темнота — родство и связь...

И им дано, как нам, светиться,
Но слабо, робко, чуть светясь...
Они скитаются не смело
В пространствах вечности живых...
Не может тьма объять всецело
Не многих искр добра и в них:
Они погаснуть бы желали
Совсем... но не осилить тьме
Того, что и от них бывали
Подачки нищенской суме!
И эти скорбные явленья
В себе питают грусть и страх;
Они не терпят освещенья,
И млеют, маются в лучах...

Моим же светом осветивши
Черты как бы знакомых лиц,
Я ужаснулся, ощутивши
Холодный шум их верениц...
Едва, едва на них я глянул,
От взглядов их стемнел мой взгляд,
И я, испуганный, отпрянул,
Сам потемнев... Иль это ад?

XXII

Знаю я: есть бесноватый
В старой лавре над Днепром;
Он меня как будто чует,
Чуть бываю я при нем.
Сквозь лохмотья дум бессвязных
У бедняги иногда
Вспыхнет вдруг, но тут же гаснет,
Яркой мысли борозда.
Вот он, подле. Вижу, — мыслит;
Мысль могу я прочитать:
«Как же может Преподобный
Вдруг ко мне сюда предстать?
Он высокий, он до неба!
Эта дверь ему мала...»
И на этом мысль запнулась,
Продолженья не нашла!
Вижу: яростная корча

Обхватила, а потом
Взвыл и всё, что не додумал,
Вышло пенок» над ртом,
И закончилось мышленье
Очень долгим столбняком.
Ум людской в путях скитаний
Сам себя суёт в тиски
И, начавши с беснований,
Переходит в столбняки.

XXIII

«Ох! скорей бы мне, скорей!»
Говорила так старуха,
Лишена и глаз, и слуха,
На исходе долгих дней!
Так прониклась чувством веры,
Что в сознании ее
Мир небес, вне всякой меры,
Покрывает бытиё.
Для старухи вне сомненья —
Всё, что в жизни, — только сон,
Там вся суть, там воплощенья,
Там вся правда и закон!
Здесь, людей не различая,
Вся туда ушла она!
Богоматерь в стогнах рая
Ей так явственно видна!
Опустивши очи долу,
Преподобные сидят
И великие глаголы
В песнопениях твердят...
Ждет старуха обновленья,
Смерти жаждет с каждым днем...

Нам трудней в путях познанья
Ту же мысль постичь умом!
В том мешают нам повсюду
Лжесвидетельства ума!
В смысле тайны воплощенья
Лжет наш ум, лжет смерть сама,
Страшным обликом пугает,
Люди в страхе верят ей...
А старушка всё взывает:
«Поскорей бы, поскорей!»

XXIV

Вот, привезённый из больницы
Труп одного из бедняков.
Я вижу несколько студентов
И с ними двух профессоров.

И на передниках их белых,
С их очень смутной белизной,
Заметны сукровицы пятна,
От трупа брызгавшей порой.

«Вот это — тó, а это — это!»
Профессор звучно объяснял,
«Вот тут душа сидела где-то,
В затылке, тут! Кто не видал?»

При этом ловкие надрезы
Он произвел над мозжечком
И дал взглянуть. Студенты встали
И у стола сошлись кружком.

«Вот, вот бессмертие!» сказал он,
«И мы его положим в спирт.»
Сказал и вызвал много, много
Улыбочек... Макабрский флирт!

Ведь ни в одном из всех глядевших,
И даже в том, кто говорил,
Была бесспорна убежденность,
Смех не от сердца исходил!

«А если вдруг!.. а если что-то...»
«А может быть?..» Вопросы те
Стоят не в должном освещенье
И не на должной высоте.

Да и в обрядности церковной
Для многих много есть помех,
Чтоб верить ясно, откровенно,
И без боязни вызвать смех.

А привезённый из больницы
Мертвец, мясник по ремеслу,
Терзанья трупа наблюдая
Был близок, как и я, к столу...

XXV

«Ина слава солнцу, ина слава луне и ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует в силе»

К Коринфянам 15. 41

Два духа вдумчивых, у нас из полутемных,
Заметные и здесь, из истинно огромных,
В часы полуночи, в полупрозрачной мгле
Безмолвно двигались к вертящейся земле.

Они, рука к руке, как бы полусливаясь,
Давно привыкшие к большим телам планет,
Длиною их путей нимало не смущаясь,
Безмолвно шествовали, чуть давая свет...

И как их не узнать? Один — царь полумира.
Страну, для опыта, поднявший на ладонь;
Была ему узка огромная порфира,
И, чтоб сидеть ему, из бронзы óтлит конь.

Другой, в дни юности, певец садов Киприды,
А в лучшие года вожак народных дум,
Сраженный пулею с согласья Немезиды
За силу гения, за непокорный ум...

Но свет от них был мал, так мал, что незамечен
На стенке крепостной полночным часовым;
Их век был не велик, почти что скоротечен,
И в подвигах добра он мог бы быть иным...

XXVI

«Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили».

Марк 3. 28

Ночь! Вечно бурною волной
Грохочет Терек подо мной.
Огней рабочих не видать;

Все спят: с зарею вновь вставать.
В горах железный путь ведут,
Тревожа мертвых, спящих тут,
И, поработав день-деньской
С лопатой, ломом и киркой,
Отряд рабочих крепко спит.

В ущелье Терека скользит
Со мною кто-то! Тут! Вблизи!
Ему воздушные стези,
Как мне, знакомы; кто такой
Уходит в тень передо мной?..
Князь тьмы!.. Я вижу, он идет
Похитить что-то... гробик!?.. плод
Любви к Тамаре! Родила,
Убила... тайно погребла.

Князь тьмы! он здесь, чтоб гроб спасти
При взрывах нового пути?
Иль мать послала? Где ж она?
Вон, голубая вся, видна,
Сияет в темных грудах скал
И озарила весь Дарьял.
Так, значит, Бог ее простил?
А ты, властитель темных сил, —
Подумал я, — зачем ты здесь?
Принизив княжескую спесь,
Воруешь гроб? Пора! Пора!
Пойдет работа тут с утра...
Но, ставить, или нет в вину
Порыв, приведший Сатану
Сюда, в безмолвный, мертвый час?
Свет в князе тьмы совсем погас,
Он — полный мрак! А между тем...
Нет! В этом помысле я нем...
Мысль дерзкая во мне скользит,
Что Бог и Сатану простит.

XXVII

Милая, добрая! Как же я радостен,
Ты появилась в свой срок между нас,
Светочем духа мгновенно затеплилась...
Дымный светильник твой в жизни погас!

В ярком оглавии болей неслыханных,
Вся изможденная горем души...
Как же я счастлив твоим появлением!
Как все печали твои хороши!

Это — цветы! Это звезды в мерцаниях!
Это порфира, всех лучше порфир!
Ангелы ткали ее с песнопеньями...
Слушал, насупившись, сумрачный мир!

И не признал!..

XXVIII

Как-то случилось, умерший давно математик,
Муж логарифмов и всяких механик и статик,
Живший в Казани, где он в неизвестности умер,
Первый, по смерти, в рядах математиков нумер,
К кладбищу некому прибыл под вечер со мною;
Старое, людное, очень и очень большое.
Тихи покойники! Их монументы не рóвни;
Высились целые капища, вкруг их часовни;
Церковки, храмики в стеклах зеркальных блистали;
В комнатках их, под замками, скамьи пустовали;
Всюду ковры, чтоб по мягкому двигались кости,
Ежели вдруг да пожалуют в комнатку в гости.
Высились всюду твердейших пород монолиты,
Статуи, бюсты, рельефы из бронзы отлиты:
Даже писатели, те, что всю жизнь голодали,
Словно герои, взобравшись повыше, взирали...

Мой математик, привычке усвоенной верен,
Выкладку сделав, сказал: «Я в подсчете уверен!
Если б те деньги, во что обошлись монументы,
Были положены в банки и дали проценты,
Можно бы было создать добрых дел в Божьем мире
Раз в пятьдесят богатейшего кладбища шире!
Все же кладбища земли,—цифры все вне протестов, —
Дали бы денег для многих чудовищных трестов!»

Чудное зарево к ночи с кладбищем играло...
Слышим мы стук и визжит по граниту кружало!!..
Памятник ставили мне! Мой собрат улыбнулся...
Если бы телом я был, я бы с горя споткнулся!

XXIX

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу»

Марк 4; 22

О! как мне тяжело, когда порой встречаю
Когда-то милый мне, знакомый женский лик,
И против воли я о многом вспоминаю...
По чувствам будто бы побеги повилик
Над чахнущим кустом сплетаются, как змеи,
И душат всю листву; пролетным ветерком
Мне не дохнуть; я двигаться не смею,
Охвачен нéжданно тяжелым столбняком.
О! эти столбняки былых воспоминаний, —
Как тягостны они! Их здесь не избежать;
Вся прелесть яркая былых очарований
Здесь — грузной теменью и страхом может стать...
Кто смеет здесь у нас ответить дерзновенно,
Что преступленья он при жизни не свершил?
Что в тот иль в этот час глубóко сокровенно
Он ту иль эту жизнь вконец не загубил!
Кто не убийца здесь? Кто скажет: «не бывало,
Чтоб я на жизнь людей решился посягнуть?»
Не только пулею иль лезвием кинжала
Возможно сокрушить подставленную грудь!
Есть многолетние, ужасные отравы...
Возможно, отравив, свое деянье скрыть;
Былое вышутить, сослаться на забавы,
Не знать, не чувствовать и, наконец, забыть...
Вот, вот она несется, как виденье!
Знакомый, милый лик мне в глубь души глядит,
Весь жалость, весь любовь, весь ласка и прощенье...
И это, именно, казнит меня, казнит!

589—000. ДОБРО. ЗЛО. СОВЕСТЬ

XXX

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали»

Апокалипсис 21. 1

Всё, всё прозрачно для действия сил тяготенья:
Нет им преграды и вечно, везде проникают;
Занято место другим чем, и тут им свобода,
Нет у них облика, веса... но есть проявленья!

Всё, всё прозрачно для душ, перешедших в бессмертье,
Душ — этих «клеток» в подлунной для жизни загробной!
Нет им преграды и вечно, везде проникают:
Занято место другим кем, и тут есть им место;
Облика нет им, нет веса, но есть проявленья!

Есть, да, конечно! но только не в виде видений,
Как? это трудно сказать, но наметить возможно...
Ведь существуют же тайные сферы мышлений,
Сферы, взраставшие с древности и до сегодня!
Это не склады, слои или житницы мысли!
Не подобрать им названья на всех языках человека!
Как тяготенье, присущи те сферы повсюду,
Не на земле лишь одной, а везде, где есть мысли...
Так, несомненно, что есть и следы Атлантиды,
Если имелось на ней и росло, развивалось мышленье?!

Сферы чудесные, сферы зиждительной тайны!
Не отрицать их воздействий на жизнь мирозданья!
Есть в них свое тяготенье, свои есть законы!
Только в квадратах, иль нет, расстояний их мощность?
В них вся преемственность духа людей и народов,
В них обретается всё, что проявлено духом,
Что отвоевано в тяжких усильях от плоти.

Верь иль не верь, отрицай или нет эти сферы,
Есть они, были и будут! Послед чудодейный
Плоти и праха, прошедших в иное развитье,
В личностях душ, совершивших свое и отбывших,
В тканях не в тканях, но в сущностях единоличных!
В них всё и вся для второго развитья в грядущем,
В них все увидят и новое небо, и землю!..
Мир весь от «клетки», а мы от «души человека»,
В особях их, образуемых «злом» и «добром».

XXXI

Есть много между нас не знающих родни
На пажитях земли. За долгими веками
Всю связь с подлунною утратили они;

Погасли роды их своими именами;
Народов тоже нет! поблекли лики царств...
Но все они здесь, здесь! не в обликах безличных,
А в ясных очерках испытанных мытарств,
Во всех особенностях прав единоличных.
У нас воплощена та дивная мечта,
Что нет народностей и нет исповеданий,
Как нет тех и других в учении Христа,
Когда познать его без хитрых толкований.

В очаровании, не знающем границ,
В покое царственном последних завершений,
В живой законченности самобытных лиц
И в безбоязненности новых столкновений —
Живут здесь чистые и сердцем, и умом;
Другие — иначе! те беспредельно жаждут,
И, совершенствуясь намеченным путем,
Не только в личностях, но и в народах, страждут...

XXXII

Как рассеяны алмазы звезд в пространствах,
Как в пласты земные вкраплен изумруд,
Так рассыпано «добро» по мирозданью,
Чистым золотом никем не зримых руд.

Не сыскать его ни в камнях, ни в растеньях;
В Божьих тварях нет руды той и следа;
Только в людях, всюду, где возникли люди,
Там имеется и скрытая руда!

Эти руды в людях служат ясной связью
Двум большим мирам! в «добре» воздвигнут мост!
Во плоти людей — добра возникновенье,
А в бессмертии его дальнейший рост.

Без начал «добра» нет двум мирам общенья;
Крики совести цементом служат им;
В них живые связи с тайным миром духа...
Мир земной сгорит, а наш неопалим.

XXXIII

Верить хотите иль нет — ваше дело!
Есть между нами и вами звено:
Чувство «добра», то, что в жизни вас грело,
То, чему здесь созидать суждено!

Нет ему, дивному, определенья,
И, как лучу световому эфир,
Служит средой для его прохожденья —
Душ человеческих трепетный мир!

В них пробегает «добро», как по жилам
Кровь, обобщая нас, здешних, и вас;
Мост перекинут! Доверьтесь перилам
Раньше, чем в крайний, последний ваш час!

Общий в нас пульс и его напряженье...
Явственна связь между нас и живых...
В тех, кто не видит — отсутствует зренье,
И не услышать речей от немых!

XXXIV

Совесть, понятья о зле и добре на земле
Только лишь в людях одних находимы;
Это, как золото в кварце, присуще ему...
Высших порядков тела! Элементы
Химии новой и физики новых начал,
Новой динамики признак и правда!
Их разновидности в людях и в разных веках,
Их бытию отрицаньем не служат!
Не отрицанье и в том, что не резки у них
Грани: порою двуполость заметна...
В блестках добра посланцы́ несомненных небес!
Кущи подснежников рядом со снегом!
И не с небес опускаются — в людях взрастают,
В сторону родины глядя из праха.

XXXV

Что есть добро? — без всяких ухищрений
Известно всем; но споры есть всегда!

При чем тут спор? Разнообразье мнений?
При чем схоластика различных «нет» и «да»?

Добро — творит! Вот, если бы не это,
Пожалуй, можно б отрицать его!
А ведь известно всем, да, всем народам света:
Из ничего не будет ничего!

Святой венец шестого дня творенья,
Добро присуще людям лишь одним,
Всё остальное — прах, гниенье, дым
И смерть всему, всему без исключенья!

XXXVI

На всех путях прямых противоречий
Добра и зла, встречает мысль моя
Необъяснимость: «что они такое?»
И несомненность: «мощь их бытия!»

Добру присуще быть всегда охраной
И защищать всё то, что в жизнь пошлó;
Мешать, вредить, злорадствовать, печалить
И умерщвлять что можно — это зло!

Всё, что любовь, надежда, радость, ласка,
Всё то, чем мы, загробные, живем,
То есть и в вас, как право на бессмертье...
Зло — это смерть повсюду и во всем.

Ни злу, ни смерти творческие силы
По существу от Бога не даны,
Губить живое — вот их назначенье,
Они — что лед в предшествии весны!

Одно добро способно на развитье,
Оно для вас и парус, и компас,
Там, на земле, начало просветленья,
А продолженье, в добрый час, у нас...

XXXVII

Совесть буддиста и совесть раба Магомета, —
Разные совести! очень различны оне;
В каждом краю и в любой из пяти частей света,
В дальних веках, во вчерашнем и в завтрашнем дне.
Но в этих разностях общего — больше, чем много!
Совести — это компáсы; их движет магнит...
Наше познанье о совести очень убого,
А между тем, непонятная совесть вершит!
Есть у нее на земле, как в компáсе, призванье;
Темны пути ее, чувству заметны едва,
И для убийства по совести есть оправданье,
Есть потому, что Великая Совесть жива!
В жизни загробной сквозь совесть пути к совершенству:
Нет в ней качаний, мгновенна в решеньях своих;
В ней для умерших и пытки, и счастье блаженства,
В долгом развитии и просветлении их...
В совестях, словно в созвучьях, всех мертвых общенья
С миром людей! настроения те же у нас!
В совести — Бог и прямые Его проявленья;
Совести нет у кого, — тот для жизни погас!
Можете, сколько желаете, в совесть не верить,
За недостатком ей места в телах отрицать...
Не потому ли, что совести вам не измерить,
Взвесить и плавить нельзя и нельзя расчленять!

XXXVIII

Добро есть жизнь, а смерть есть зло!
Но ими дух ваш не расколот:
Ведь в каждой темени светло,
В любом тепле заметен холод.
Добра и зла в природе нет;
Их мощь лишь в людях проступает,
И в них добро — развитье, свет,
Зло — смерть, развитье убивает.
Их не вместить в стекло реторт;
Их отрицать — то верх безумья!
Причем тут ангел или чорт
На всех ступеньках скудоумья?
Природа в жизни не вольна;
Она, свои свершая были,
Подножьем быть обречена,
Чтоб люди ей венцом служили.

Всё смерть, что ниже! Но когда
Возникла жизнь людского тела,
В том небывалая звезда
В заре сознанья заблестела.
Возникли связи с божеством...
Звучит не чуждо и не глухо
Всё то, что сделано Христом
Для совершенствованья духа!
Он почку нового цветка
Раскрыл, спустясь лучом желанным!
Замкнулись мертвые века
С их прошлым, грузным и туманным.
Душа в бессмертии растет
И к персти нет ей возвращенья,
Когда в ней зверь совсем умрет
И не случится извращенья!
Добро есть жизнь, а смерть есть зло.
Они лишь в людях проявились;
В борьбе их людям тяжело...
Но вы на то на свет родились.

XXXIX

Двадцатый век пошел. Не ясно никому,
Что надо добрым стать холодному уму,
Что дальше так нельзя... но ум и сам поймет,
Что вовсе без добра он только идиот!!
Открытья всех наук являют мишуру,
Чуть нет вниманья в них к сердечности, к добру.
Что только под таким, а не другим углом,
Возможен в мире мир, устроенный умом!

Так мертвый говорит! Ему, ему внимай!
Признаешь смысл добра, — весь мир разоружай!
Конечно, этого не сделать одному!! —
Беднягу изведут, как должно по уму...
Но надо подождать; загробный мир растет,
И может поумнеть подлунный идиот!

XL

Слово «не знаю» не значит еще «невозможно»;
Ток электрический был человеку неведом,

Но пробегал по природе, творя то, что должно...
Голос людей уловив, мы его воскрешаем;
Можно бы было Христа услыхать и сегодня,
Если б в те дальние дни голоса уловляли...
Связи с неведомым в дивных путях возрастают!

Жизни загробной не знать — в том еще не причина,
Чтобы не быть ей! В величестве тьмы этой тайны
Ключ и залог для развития духа людского;
Если бы тайну открыть, — все гнушались бы жизнью,
Руки сложили, признавши ту жизнь несомненной!
Если вы жадны до жизни, то только из страха!!
Если б не тайна, как было бы глупо бороться!
Глупо бы было идти на труды и печали!
Путь к идеалу явился бы вовсе забытым
И проходили б сквозь гробы одни идиоты...

XLI

Поэт великий Дант, умерший Гибеллин,
Когда он стал вещать и ярко так, и внятно,
Он был своим словам и мыслям господин,
И говорил стихом, для всех людей понятно.
Живые облики он двигал по кругам,
В знакомых всем чертах, с живыми именами,
В одеждах явственных, спадавших тут и там,
Снабженных красками, движеньем, голосами,
Чистилище и рай, и прочный строй небес,
И своды тяжкие печальной преисподней,
Всю несомнительность свершившихся чудес,
И чуть не видимость всей мощности Господней!
Но скрылись Данту вслед тяжелых шесть веков!
Окрепнул ум людской, подвинулась наука,
Сговорчивее стал упрямый богослов;
В чем дед уверен был, то беспокоит внука!
Теперь совсем не то! Труднее стал ответ!
И всё назойливей работает сомненье,
Но как живописать, чего, как будто, нет,
Нет в осязании и даже нет в виденьи?
Необретаемое где и как обресть?
Как сообщить другим без средства сообщенья?
А между тем вкруг вас таинственное есть,
Несокрушимое, вне плотности и тленья!
Что ж упрекать тогда в неясности порой,
Коль нет пригодных слов! мы темное толкуем!

Дант облики имел, черты перед собой,
А мы, во след ему, ничто живописуем.
Перед глазами мы не в силах провести
Живую видимость! ей слова не хватает!
Она пульсирует вне всякого пути
И, незаметная, повсюду обитает.
Отходит плотский мир частями! Весь уйдет
В иное, высшее! В конец преобразится!!
Что ваша видимость? Что ваш круговорот?
Что будет и что есть, — вам даже и не снится...

601—637. МЫСЛИ. ВОСПОМИНАНИЯ. НАДЕЖДЫ

XLII

То были дни горячих отложений,
Великих схваток в помыслах людских,
Всполóхов чувств, чудесных откровений,
Живых связéй меж мертвых и живых.

Еще недавно Крест с Голгофы сгинул,
И сам Пилат еще не умирал,
Иуда сребренники — цену крови кинул,
И от видений Патмос остывал!..

Настали дни медлительных осадков
Горячих пеплов мощных пепелищ,
И замер мир в веках иных порядков;
Стал человек, как прежде, сир и нищ!

Теперь, в остывших наслоеньях, снова,
Волна огней подземная идет,
И слышен гул пришествия Христова...
Загробный мир его тревожно ждет!

XLIII

Тревожит каждая некрополь
Людей еще живущих взор!
Холодный плющ и белый тополь,
И кипарис, и сикомор!

Ряды гробниц!! нет счета плитам,
Возмнившим что-то сохранить,
Связав железом и гранитом
Души оборванную нить!

К чему безумные стремленья?
Отвага помыслов людских
Отнять всесилие у тленья?
С улыбкой смотрим мы на них!
Гробницы людям, что ребенку
Забавы: домик, кукла, мяч!
Утешься! глянь! — вон след! вдогонку
Беги! Поймаешь! Но не плачь!
И вас гробница утешает
Как будто бы! Дитя молчит...
Дитя игрушку поломает,
А время — камень сокрушит!

XLIV

Весь мир ваш полон и кишит
Искусства творческою силой:
Принц Гамлет, как живой, царит,
Не усмиряется могилой!
Когда-то властвовал Зевес
И Феб пылал с своей квадриги
И Мефистофель, красный бес,
Еще поет, глядит из книги!
Отелло, По́за, Дон Кихот,
Онегин в милой мне России
Живут и жили в свой черед,
Живей, чем многие живые...

Когда я в землю был зарыт
Я глянул здесь в путях скитаний,
Не сразу мир фантазий сбит
Во мне со старых оснований!
Как светел ты, загробный мир,
Какое в мыслях упрощенье:
Нет Гамлета, — но есть Шекспир,
Здесь правда есть — не сочиненье.

XLV

Нельзя ни разумом, ни логикой познать,
Каков загробный мир и чем он может стать;
Нельзя понять его ни в снах, ни наяву,
Неосязаем он вполне, по существу.

Когда б хоть как-нибудь он осязаем был,
Он этим мир земной, мир плоти повторил,
Но этого нельзя: Бог — беспредельный ум,
В Нем бесконечность форм, предвидений и дум.

XLVI

Плоть — та среда, из которой наш дух возникает:
Плоть разрушать — значит душу питанья лишать;
Надо беречь ее: только лишь в ней обитает
Семя бессмертия! Надобно почву питать!
Ежели так: берегите детей, развивайте, —
Вот педагогии честный и ясный совет;
Бойтесь насиловать ближних, отнюдь не терзайте, —
Вот философии нравственной вещий завет!
Вызвать у ближнего боль, раздражать, прекословить,
В тяжкой нужде не помочь, если помощь нужна,
Так или иначе, смерть иль болезнь обусловить,
Этим мы плоть разрушаем, хилеет она...

Но вся природа полна вековечных стремлений
Многими чарами страсть и любовь вызывать,
Чтоб человеку путями живых настроений
Новые почвы для будущих душ создавать!
Чары весны, чары песни и прелести тела
На продолжение рода людского зовут;
Их помирить со служеньем у Божьего дела,
С этикой жизни — весь ключ положения тут!
Сметь и не сметь! Где разумный предел воздержанью?
Только не ты разрешаешь вопрос тот, аскет!
Ты не причастен совсем к мировому дрожанью.
«Множьтесь! Плодитесь!» — вот вечного Бога завет...

XLVII

Я чувствовал, помнится, будучи в жизни,
За тысячи верст пробужденье весны!

Идет она к нам, надвигается с юга;
Зеленые травки под снегом видны!

С Невы, нагнетенной могучими льдами,
Я чувствовал, как, этим травкам вослед,
Там, где-то далёко, у Черного моря,
Запел соловей, безнадежный поэт.

Как будто во мне распускалися почки,
Вскрывались нарциссы, цвели миндали, —
А подле трещали ночные морозы
И в снежных мятелях сугробы росли.

Не тоже ль и с будущей жизнью, при жизни?
Хоть нет ее с вами, она не видна!
А все же идет к нам, вдали зацветая,
И слышно, как царственна эта весна!

XLVIII

Время цвести голубому цветку. Раньше срока
Соки живые по тканям его всполошились,
Будто незримым напором могучего тока
К той же и общей работе они устремились.

Все в ту же сторону тянут, друг дружку толкают:
Эти, поднявшись к вершине, слегка голубеют,
Эти — листочки над почкой цветка раздвигают,
Эти в наружных покровах от холода греют...

Смерть почке, смерть! Потому что цветок расцветает;
Смерть и цветку, потому что слагается семя;
Семени смерть, потому что росток проступает;
Смерть и ростку, чтоб растенью дать место и время!

Смерть, всюду смерть! Все спешат и друг друга сменяют,
Каждому надобно место и каждый торопит...
Люди, событья, столетья все только мелькают...
Быстро всплывают во времени, время их топит...

Я, отрешенный, не требую места нимало;
Нет здесь зачатий, не может здесь быть и рожденья!
Смерть поломала на мне смертоносное жало!
Время земное совсем для меня без значенья.

Круг завершился! Я, личность, последнее слово!
Тысячелетья работали, лично меня создавая:
Сколько бы ни было мертвых, для всех помещенье готово,
Всюду присущи они, всё и вся проникая!

XLIX

Под конец, я помню, жизни,
Всё ясней из года в год,
Я привык, по-стариковски,
Не заглядывать вперед.

И своим уж не считал я
Эту вещь иль тот предмет;
Это — в чаяньи бессмертья!
Да, здесь собственности нет!

Тот вопрос, что царства рушит,
Здесь совсем не применим;
Всё для всех и ничего я
Не могу считать своим!

Это чувство очень ново!
Но какая простота!
Здесь, в нем — правда, воплощенье,
На земле оно — мечта.

Сам Христос — хоть и не словом —
Делом мысль Свою являл,
Допускал, чтобы колосья
Ученик без спроса рвал...

L

Равно беспомощны и слабы
В путях к причинам всех причин,
Естествознаний строгий чин
И смысл Бехары и Каабы.

Людского помысла тщета,
Блуждая, смутно созерцает
Лик Сатаны и лик Христа
И ничего не понимает!

Один у логики ответ:
Нет в том, что есть, конечной цели,
Ни в смысле детской колыбели,
Ни в том: зачем, к чему скелет?

Безумно всё и вся!.. тогда-то,
Не успокоясь ни на чем,
Душа, отчаяньем объята,
В сношенье сходит с божеством!

Признав беспомощность мышленья
И усомнясь покой найти,
Душа всей мощью напряженья
Идет на новые пути!

Пути молитв людских чудесны!
Подъем в них страшен! что им в том,
Что им их цели неизвестны,
Кто примет их и что потом?..

Что им законности, что знанье?
Кто скажет им: молчи, смирись!
Они — прямое отрицанье
Всей плоти! в этом — Бог! молись...

LI

И как же нам-то, нам, бессмертие постигшим,
В столах потрескивать, постукивать в стенах,
Нам, к беспредельности и вечности привыкшим,
Являться хитростно, украдкою, впотьмах?

Мы — в шуме фабрики, мы в грохоте сражений;
При нас ножи убийц свершают их пути:
Безмолвным зрителям различных совершений
Нам проступить нельзя, не можем мы спасти!

Конечно, мы при вас в тяжелые минуты,
В минуты радостей, в мечтаньях, даже в снах,
В час смерти мы при вас, когда земные путы
Снимаются с людей и упадают в прах!

О! будьте мудрыми! не преклоняйте слуха
К различным пугалам! жизнь дышит простотой,
В ней нет ни оборотней, ни явлений духа,
Нет страхов кладбища и мертвых в час ночной.

Поверив, вы свой век спокойно доживете,
Вы лучше станете, доверчивей, добрей,
И в тихой радости, бестрепетно умрете,
Страдая, может быть, но только без скорбей!

LII

Какая мразь беспутной мысли
О мелких духах говорить,
Что в этих духах — средостенье
Чтоб с вами, смертными, вершить?

Что им оставлена возможность
Себя в материи являть,
К земным законам возвращаться,
Стучать, ходить, светить, писать!

О! нет, мы все здесь равноправны,
Все как один бессмертны мы,
Хоть нам присущи оттененья,
И есть меж нами духи тьмы!

Но не хвостатые, с рогами...
В мученьях памятей своих
У них не может быть охоты
Служить игрушкой для живых!

LIII

Одна из мыслей самых диких:
К живым умерших призывать;
Их, непостижных и великих
Звать, видеть, чувствовать, слыхать!

На основаньях непреложных,
Необъяснимых во плоти,
Умерший, в тайнах не тревожных
Нашел особые пути.

Не ждать зимой грозы блистанья,
И снегу в летний день не жить...
Но есть и жар, и замерзанья —
И их никак не совместить!

Наука — неразумный молот!
И молот тот несокрушим!
Конечно, всякий жар есть холод
В сравненье с бóльшим перед ним!

Конечно, тьма и свет условны
И в каждой тьме есть некий свет!
Все ваши речи голословны,
Лжетолкованьям меры нет!

Гораздо проще отрицанье
Всего! жизнь жизни отрицать!
Когда «ничто» существованье —
То как «ничто» не признавать?

Тогда «ничто» — предмет к развитью!
Из «отрицания» всего,
Как из ядра — семянной нитью
Вновь глянет мир и жизнь его!

Нет! с отрицаньем не шутите!
Оно от Бога вам дано,
Его ничем не сокрушите —
Творит в вас именно оно!

LIV

Проникновенного безумия всполóхи
Порой влекли меня в особые края;
Как были искренни болевшей грýди вздохи,
В неясном чаяньи металась мысль моя!

Безумно смел я был и дерзостно тревожил
Сокрытых тайн земли святые родники,
И сам себя терзал, страданья сердца множил...
Теперь совсем не то!.. здесь помыслы легки!

Бесплотным ви́деньем сквозь всё вооруженный,
Я гроба моего там, где он был, искал;
Сквозь старый памятник, годами сокрушенный,
Я видел: от меня и самый след пропал!

А мыслей яркие вспо́лохи, что блистали,
Проникновенного безумья толчея —
Они спокойною и ясной правдой стали,
И вздохом радости весь, весь вздыхаю я!!

LV

Я привязан был в жизни к различным вещам:
Их мне близкие люди дарили;
Чуть посмотришь на вещь — вспомнишь этих людей,
И они предо мной проходили...

И один вслед другому почили они,
Совершивши свои назначенья;
Но, пока я не умер, от памятей их
Шли по мыслям моим дуновенья...

Если смерть — смерть вполне, так откуда ж тогда
Дуновенью такому начало?
Где река, чтобы не было ей родника?..
Нет реки, чтоб родник свой рождала!

LVI

Когда б от детских лет вас матери учили,
Что в вашей жизни, здесь, вы все окружены
Душами тех людей, которых схоронили,
И что числа им нет, как почкам в день весны; —

Что, если б души, мы, имели очертанья,
И плоть осталась в нас хоть частью составной, —
Нас колыхали бы людских груде́й дыханья,
Вы двигали бы нас, тревожа нас собой!

И если б людям всем от детских лет внушали,
Что отошедшие всегда вблизи, при них,
Что б вы ни думали, что б вы ни совершали,
Нет одиночества в подлунной для живых! —

Что нас, свидетелей, всегда присущи взгляды,
Что их никто, нигде не в силах отстранить, —
Тогда ножам убийц являлись бы преграды, —
В присутствии других не так легко убить!

При ваших истинах вам очень часто мнится,
Что можно грех сокрыть, что он и так сойдет,
Что нет свидетеля с уликою явиться...
И преступление идет свободно в ход!

Конечно, видит вас Всевидящее Око
В печалях, в радостях, в усилиях труда, —
За всем Оно следит, но как Оно далёко...
А наши очи тут, при вас, везде, всегда!

LVII

Спит океан, в час зари убаюканный;
Вижу я, волны блестят сквозь туман!
Видны мне шара земного покатости...
Как ты безмерно велик, океан!

Сколько в нем волн? многим больше являлось их,
Чем созерцавших их в мире очей!
Больше безмерно от солнца далекого
Пало на них и погасло лучей!

Страшные цифры! но дело не в точности;
Что тут итоги, сравненья, подсчет?
Дело в могуществе духа бессмертного,
В том, что вопросы те дух задает!

Мысль тут важна, беспредельность вместимости,
Дерзостность мысли! что мысль та — титан!!..
Как вы ничтожны, земные покатости!
Как ты беспомощно мал, океан!

LVIII

Большое горе смертных в том,
И вы всегда на том хромали,
Что теолóг и реалист
С двух разных азбук начинали.

Другое горе это — то,
Что с детских лет идея смерти
Всегдашним пугалом была,
Как в сказках нянек — ведьмы, черти!

Отвейте как-нибудь долой
Два этих важных недостатка,
И вы увидите просвет
Другого, высшего порядка!

LIX

Я смерть всегда любил с рожденья!
Мне страшно было бы признать,
Что жизнь вечна́ без измененья,
И что нельзя нам умирать.
Я жил и ждал; ждал терпеливо,
Но что ни день, скучней, скучней;
Всё в жизни стало некрасиво
И преисполнилось теней.
Я смерть любил, я смерти верил,
Я был безумно убежден,
Что ум, который небо мерил,
Не может быть похоронен!
О, смейтесь! смейтесь, как угодно,
Над тем, в чем был я убежден!
Я здесь, и я ношусь свободно
Вдоль всех пространств, вдоль всех времен.
Здесь с вами будем мы встречаться,
Беседы здесь возобновим...
О! смейтесь! вам дано смеяться,
Так, значит, смех необходим.

LX

Как часто, помню, я продерзостно внедрялся
В глухую область тайн, где вовсе нет путей;
В науке, в логике, как бы в лесах скитался;
В них тоже духи есть и много всяких фей.

Лес заколдованный! чаща́! места прогалин!
Случайно бегали какие-то огни;
Вдруг наступала тьма, где свет был так хрусталeн;
Сжигала смерть цветы, но оживали пни!

В ребячьих сказочках виденья обитали;
Они же в области наук и бытия;
В обоих их — заманчивые дали,
Две видимости в них, — но я был тем же я!

Да! вашу жизнь прожить — сквозь две большие сказки
Пройти и только тут из них выходим мы;
С очнувшейся души снимает смерть повязки;
Нет сказок, нет наук, нет грузных пятен тьмы.

Когда б мне снова жить, в путях естествознанья,
Побывши здесь, я мог бы ключ найти!
Вся тайна в простоте всего существованья
И в том, что жизнь берет кратчайшие пути!

Но и кратчайший путь не приближает к цели!
Подвижна эта цель! сам Бог ее несет!
Как?! колокольный звон во дни Святой Недели
Гласит, что совершен лишь первый переход!

LXI

Нет на земле обрамления душ, их рисунков!
А между тем, многих знаем, нигде не встречавши,
Даже от древности, древней, не знавшей портретов!
Ясны они нам без красок и без очертаний:
Это, вот, Гвельф знаменитый, а это опричник,
Вот Чингисхан, воплощение мощи пустыни,
Вот и Платон, вот босяческих бредней вещатель,
Вот Гогенцоллерн усатый, вот Цезарь, вот Ницше!!..
Так, иль не так? Если так, — то причем тут глумленье,
Свист вдоль по тем смельчакам, что поверить дерзают
В формы без форм, в очертания без очертаний!

Скажут: вы сами «ничто», что же значат все ваши
Формы без форм, очертания без очертаний?
Сны сновидений, не больше! Однако, откуда
Мне возраженье? Ты тоже «ничто», возражатель!
Если мы оба «ничто», в чем родник возраженья?
В чем? в наших душах людских, не имеющих линий,
Форм не имеющих, красок лишенных, но ясных
В формах без форм, в очертаниях без очертаний...
Души живут необрамлены, единоличны,
В мире весомом особенный мир составляя!

LXII

В том мире, что для нас погиб,
Когда с людьми мы обитали,
Тот или этот женский тип,
Нам на словах живописали.

Казалась личность так ясна,
Так четко лик ее слагался —
Что, чуть оригинал встречался,
Мы восклицали: вот она!

Так знайте ж! надо, чтоб вы знали,
По смерти, к нам сюда представ,
Вы скажете, жизнь восприяв:
«Да! да! мы этого и ждали!»

LXIII

Когда бы сатана был Богом, а не Бог,
Чтоб отравить людей отчаяньем кручины, —
Он сделал бы одно, и это он бы мог:
Мы знали бы вперед часы своей кончины!

Довольно этого, чтоб известись тоской!
Какая злая жизнь, какое ожиданье!
Неистовство — и страх! а там — хоть час, но мой!..
Но Бог наш — Бог любви, Он омрачил сознанье!

LXIV

Мир умерших — мир обычный,
Сущий, как и мир живых!
Он, во многом, отрицанье
Всех известных сил земных!
Но таких же отрицаний
Полон мир, знакомый вам,
В бесконечности смешений
Непонятных амальгам!
Разве мученик за веру,
Возводящий к небу взор,
Страстотерпец за науку,

Приведенный на костер, —
Не прямые отрицанья
Силы плоти? на земле
Плоть царит и торжествует
В тленье, похоти и мгле?
Здесь загробное развитье
Совершает путь иной:
Плоть настолько ж отрицанье
Здесь, как дух в среде людской!!
Мир скончавшихся неслышим,
Для живых неощутим;
Подле них мы обитаем,
Но неведомы мы им.
Не последнее в нас слово,
И цела в нас жизни нить,
В Божьем помысле готово
То, чему в грядущем быть!
Души, мы, неощутимы,
Но, порою, вас и нас
Движут те же настроенья
В сладкий час, в хороший час...

LXV

Пусть молятся за нас живущие родные!
Когда не будет их, или когда их нет,
Пусть молятся тогда дела давно былые,
Людьми оставленные долгим дням вослед.

Молитве искренней не надо выраженья;
И камни молятся, когда на них лежит
След дела доброго в домах благотворенья!!..
Тот глух, кто не слыхал, как камень говорит!

Молитвы — родники алкающей пустыни;
Единственная связь умерших и живых,
В них дуновения неведомой теплыни
Для зябнущей души в пространствах мировых!

В них, только в них одних, путины единений
Живых с умершими; им всем один почин:
Различны поводы молитвенных стремлений, —
Но смысл молитв у вас, и здесь у нас, один...

LXVI

Вы желаете возврата,
Чтобы, хоть на краткий миг,
Облик друга, облик брата
К вам, к земле, от нас проник?

«Покажись он, — мы поверим, —
Говорите вы, — сейчас»!..
Мы — не вы! и веру мерим
Не по зренью, не на глаз!

Но и в вашем плотском мире
Объясненье можно дать,
Почему себя вторично
Вашим мертвым не являть!

Можно ль где-нибудь на свете
Полность тождества найти?
Повторяются ль в эфире
Звезд пройденные пути?

Звездам дважды не стремиться
По покинутым путям,
В том же месте не светиться
Тем же блещущим лучам.

К счастью, в звездах нет сомнений
В том, что вечно нов их путь,
И в законности движений,
Их не сбить, не обмануть!

LXVII

Дать вам уверенность в бессмертье, —
Да вы бы не жили тогда,
И от рожденья торопились
Скорей в могилы к нам сюда!..

А в этом вовсе не заданье!
Закон развития — тяжел,

И нужны долгие скитанья
Чтоб дух во плоти мощь обрел.

Здесь так чудесно, так привольно,
Разнообразья не искать;
Не знаем здесь, что́ значит «скучно»,
И как нам «время убивать»?

Лицом к лицу с великой правдой,
Не в яви; и не в грезах сна —
А в бытии, — ничто значенье
Игр, страсти, празднеств и вина!

Всё это, верьте, нужно было
В круговращении земном...
В них демоническая сила
Еще играла с божеством!

LXVIII

Ходил когда-то я к своим знакомым,
В путях различных жизнию влекомым,
И толковал им о значенье духа.
Не верили они, не преклоняли слуха!
И многие из тех, кому я говорил,
Кто слуха не склонял, — назавтра мертвым был!

Прошло довольно лет. И здесь меня встречая,
Свое неверие собой изобличая,
Они, чуть речь зайдет, чуть вспомнят о былом,
И слышать не хотят о нем! Считают сном!
В нем сомневаются, в него почти не верят,
Но только с разницею: здесь не лицемерят!

LXIX

Мне мнится иногда: земли совсем не будет;
Так или иначе, вконец сокрушена,
Лишь в светлых памятях бессмертных душ
внедрившись,
Нетленным обликом останется она.
И только в памятях на век запечатлевшись,

Безмолвный облик тот увидит день суда,
И очертанию когда-то жившей плоти
Отнюдь не умереть, не сгинуть никогда!

Когда я в жизни жил, мне очень часто мнилось,
Что есть загробный мир, бесплотный и живой,
И он мне чуялся сознательно и ясно,
Хоть сам я был тогда частицею земной.
И не могу сказать, чтó ярче и яснее:
То, что провидел я в те дни, когда я жил,
Иль то обличие земли, что сохранится
В бессмертных памятях прошедших мрак могил?

LXX

О, нет! нет дереву бессмертья!
Лишь людям Бог его судил!
Нельзя, чтоб Бог в миру загробном
Свое творенье повторил.
Тогда бы Бог наш не был Богом;
Он Бог развитья без границ;
Ведь и у вас на белом свете,
Нет двух вполне похожих лиц.
Лишь от седьмого дня творенья,
С вершин земного бытия,
Сквозь смерть людей идет развитье,
И мог бессмертным стать и я.

А что затем? Никто не знает,
Как «солнце новое» взойдет...
Но Бог Себя не повторяет,
И жизнь, сквозь гроб, идет вперед.
Мир мертвых, мир живых — два мира,
И населенья их не счесть;
Нас здесь неизмеримо больше,
Чем вас на белом свете есть!
И нас, что день, — то прибывает,
Что миг — загробный мир растет,
И будет час, он одолеет
И царство мертвых верх возьмет!
Земля полна остатков наших;
Во всякой горсти прах людской...
Но Бог себя не повторяет, —
Он Бог не мертвый, но живой!

LXXI

Да! только узкости людского
Ума рассчитывать под стать,
Что будто здесь, в загробной жизни,
Нам наслаждений и не знать!

Что будто жизненные блага
Все, все, в знакомых видах их,
В предначертаниях творенья
Даны лишь только для живых?

Отсюда ваша жажда жизни,
Любовь болезненная к ней,
Сомненье в том, что будет лучше;
Хоть час, да мой в среде людей!

Я помню, в молодости ранней
Я старика когда-то знал;
Он в детство впал, играл в игрушки
И, убаюкан, засыпал.

Теперь мне ясно, что до гроба
Все люди — дети! им играть
В игрушки! а игрушки эти
Привыкли миром признавать!

В игрушках всё для них! промчатся
Года счастливые, как дым;
Лошадки, домики, солдаты
Приманками не будут им!

Вот так и с нами. Как нелепо
За несомненность признавать,
Что наслаждений, лучше прежних,
Не может Бог за гробом дать;

Что будто Бог наш ограничен,
Покончил в шесть великих дней,
Дал всё, что мог, и что бояться,
Дрожать за жизнь — всего умней!!

LXXII

Да, вы не знаете, что ждет по смерти вас!
И нам грядущее является сокрытым!
Как «солнце новое» взойдет в последний час?
«Не будет времени», иль быть ему убитым?
А можно ль без него? чем время заменить?
Вопросы эти все так страшны, так огромны,
И ежели для нас они головоломны,
Так что ж они для вас, не переставших жить?
Уж если где царить гигантскому безверью,
Так это здесь, у нас, в неясности того,
Что всех нас дальше ждет? но не к высокомерью
Мы прибегаем здесь, в неведенье всего!
Нет! В музыке молитв и радостях скитаний,
Привалы миновав в гробах на полпути,
Мы верим, убедясь!! чужды лжетолкований...
О! если б веры той хоть часть вам обрести!

LXXIII

Один из страхов перед смертью —
Тьма, одиночество могил

....

LXXIV

Вы так привыкли к царству плоти
Что, мощной тяжестью своей,
Она в вас часто подавляет
Живое шествие идей!

Когда на смелых крыльях мысли
При спорах, в чтении, в речах,
Имея посохом науку,
Дается вам осилить прах, —

Загробность видится яснее,
И вы в чудесном челноке
Скользите смело над пучиной
По неизведанной реке...

Вам мысли служат поплавками,
Они вас держат над водой;
Есть даль, есть свет... внизу под вами
И мрак, и холод тьмы земной!

Но стоит вам покончить мыслить,
Челнок ваш черпает волну;

Одолеваемые плотью,
Вы опускаетесь ко дну!

Бледнея, гибнут кругозоры
И, в безнадежности немой,
Над опускающимся телом
Едва мерцает свет дневной!

LXXV

Видимость, иль осязаемость свойства
Всех доказательств у точных наук;
Для умозрительных нет доказательств
Ясных таких, ощутимых вполне.

Но, если чудным цветам орхидеи —
Тропики; север — исландскому мху,
Можно ль, поистине, только за это
В тех, или в этом, цветов не признать?

LXXVI

Нет вовсе на земле явлений незаконных, —
Нет сверхъестественных, и сил нечистых нет!
На основаниях, от первых дней исконных,
Живет, и движется, и путь свершает свет.
Не незаконно то, что ясны мне казались
Пути к бессмертию! Мне дверь была видна!
Та дверь, к которой все безмолвно устремлялись, —
До ощутимости сознательно-ясна!
Что там? За дверью? Знать, совсем иное дело!
Я, как и все, не знал, я не имел основ;
Людское веденье постичь их не умело...
В вас нет ни практики, ни силы у умов;

Не незаконности за гробом, не химеры,
Но свой особенный, своеобразный строй...
Он только мнился мне сквозь обещанья веры,
И смутно виделся сквозь ткани грез порой...

LXXVII

Когда встречаются умы
В различных сферах помышлений,
В двух прочных истинах тогда
Никак не может быть сомнений!

Одна из истин этих та,
Что существуем мы, мы сами;
Другая истина, что есть
Пути для дум, рожденных нами!!

Когда за много тысяч лет
Философ думал, заблуждался,
Там, где и я, оставил след
И я с тем следом повстречался, —

То как же можно не признать,
Что есть особенные сферы,
В которых мыслям, в их путях
Свои сияют фотосферы...

Ведь, если нужно путь вести
Здесь, на земле, — необходимо,
Чтоб было в чем ему идти,
Чтоб к цели шел он, а не мимо!

Так и не иначе с умом!
Мир мысленный — он существует!
Но где он, что он, как, зачем? —
Любой по-своему толкует!

LXXVIII

В путях дальнейших совершенства
Загробный мир необозрим;
В нем для бессчетных населений
Счет ваших цифр не применим.

Вдали, вблизи, всегда, повсюду,
Со всех высот, из всех глубин,
Он, непостижный, созерцает
Живущих, вас; в вас наш почин!

Без вас нас не было бы вовсе!
Все совершения земли
Для нас лишь зелень проростаний,
Движенья семени в стебли.

Вы — начинанья, поросль, всходы;
Мы — жизнью данные плоды;
Мы в полной ясности познанья,
А вы в незнанье: как? куды?

Миллиарды вас, живых, ничтожны
Пред нами! В нас миры миров!
Что нам все сгинувшие царства?
Песчинки — полные веков!

Сквозь волны синего тумана
Под блеском утренних лучей
Понятна людям песнь Руслана
Над полем смерти и костей —

А нам! Для нас такая песня
Не может смысла обрести;
Для нас все вопли, все сомненья —
Давно пройденные пути!

Мы всюду, всюду проникаем!
Нам думы всех умов земли,
Весь бред умов, как путь знакомый,
Открыты! Мы путем тем шли!

Найдется ль в людях кто, случайный,
Который примет не за блажь
Что суть не там, не в тленном мире
И что существен только наш!

Верь, смертный! Нас, что миг, то больше!
Мы — в плод идущие цветы...
Ты взглянешь, будет день, отсюда,
И смысл всего познаешь ты...

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СОЧИНЕНИЯ» 1898 г., СБОРНИК «ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА» И «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

1857—1860

638. НОЧЬ

Есть страшные ночи, их Бог посылает
Карать недостойных и гордых сынов,
В них дух человека скорбит, изнывает,
В цепи несловимых, томительных снов.
Загадочней смерти, душнее темницы,
Они надавляют бессильную грудь,
Их очерки бледны, их длинны страницы —
Страшимся понять их, к ним в смысл заглянуть.
А сил, не хватает покончить мученья,
Ворочает душу жестокая ночь,
Толпой разбегаются, вьются виденья,
Хохочут и дразнят, и прыгают прочь.

Затронут на сердце все струны живые,
Насилу проснешься, — всё тихо во мгле,
И видишь в окошке, как тени ночные
Дозором гуляют по спящей земле.
Стена над кроватью луной серебрится,
И слышишь, как бьется горячая кровь,
Попробую спать я, авось не приснится,
Чудовищный сон тот не выглянет вновь.
Но тщетны надежды, плетутся мученья,
Ворочает душу жестокая ночь,
Толпой разбегаются, вьются виденья,
Хохочут и дразнят, и прыгают прочь.

Но ночь пролетела, восток рассветает,
Рассеялись тени, мрак ночи исчез,
Заря заалела и быстро сметает
Звезду за звездой с просветлевших небес.
Проснешься ты бледный, с померкнувшим взором,
С души расползутся страшилища прочь;
Но будешь ты помнить, как ходят дозором
Виденья по сердцу в жестокую ночь.

639. РИМУ

Далека ты от нас, недвижима,
Боевая история Рима;
Но над повестью многих страниц
Даже мы преклоняемся ниц!

А теперь в славном Риме французы
Наложили тяжелые узы,
И потомок квиритов молчит
И с терпением сносит свой стыд!..

640. СТРАННЫЙ ГОРОД

(Монолог из комедии)

Что город наш? Как прежде, вечно хмурен,
Бесхарактерен в самых мелочах;
Больницы полны, тюрьмы также полны,
Есть новые дома, казармы, кабаки.
На улицах спешат, на кладбищах рыдают,
Толпятся в лавках, но не в книжных, целый день.
Здесь умирают люди, там родятся,
Здесь день не спят, а там не спят ночей.
По департаментам с потертыми локтями,
Но в бархатных зато воротниках,
Сидят чиновники угрюмо за столами,
Скребут бумагу, думают, молчат.
Объята думами о будущем отчизны,
До лбов завернута в бобровые меха,
Стоит полиция на перекрестках улиц
И точно так же мало говорит;
Сидят вороны на крестах церковных;
Сидят учителя в гимназиях и школах,
Десятки дней толкуя молодежи,
Что старших нужно крепко уважать...
Всегда невежливы и горды офицеры,
Довольные и миром и собой,
Проводят жизнь в каком-то странном сне,
Держась за фалдочки родных и гувернеров,
За юбки матерей и парики отцов,
Вприпрыжку бегают отечества надежды,
Кумы на кумовьях, стегая кумовством.
Навстречу утру с вялою молитвой
У душных спален окна открывают,

И от обеда вплоть до нового обеда
Бранятся, ссорятся, мошенничают, лгут.
С утра идут визиты и поклоны,
По вечерам роскошные балы,
Концерты для больных и в пользу бедных,
И карты, карты, карты без конца.
На каждом вечере свой маленький геройчик
О глупости других как с кафедры кричит,
И самохвальствует в науке и искусстве,
Рак общества и язва наших дней,
Растут и множатся божки-авторитеты:
Разинув рты и выпучив глаза,
Внимают им покорнейшие слуги,
И затираются громадным большинством,
Порывы честные и дельные нападки.
Обезображена, болезненно нема,
Вся сплетнями живет литература.
Из старых кирпичей по новым образцам
Кладет фундаменты и поднимает арки.
Театры полны пестрою толпой,
Но без толку молчат или орут в партере,
В райке актеров дико поощряют.
В кондитерских за кипами журналов
С клеймом почтамтским рьяные сидят
Политики и дружно пьют настойки,
Хваля морозы и родную грязь,
Перед каминами бушуют патриоты,
Гордятся миром, слабостью Европы,
И смело рассуждают вкривь и вкось,
О пользе пьянства, акций и подарков,
О том как сильно войско, страж закона.
Пудовые замки, саженные заводы
Красноречиво смертным говорят:
Вот это точно собственность, не кража.
А брошки жен, браслеты и брильянты,
Не вывески, знак собственности тоже?
А наши женщины — тюки шелков и лент,
Боящиеся чорта и скандала,
Поклонницы Дюма, балов и маскарадов;
А наши девушки, боящиеся ветра,
Виц-матери сомнительных детей,
Летучий эскадрон болотных амазонок,
Живая мебель мертвых бальных зал!
А этот пошлый торг сердец и убеждений,
А эти фразы, вечные цитаты...
Сильны теперь и не в одной России
Авторитеты Рудиных, Ноздревых;
Сквозник, Коробочка, Петух и Собакевич,

Добчинский с Бобчинским, Молчалин, Простаков,
И Фамусов, и Чичиков, и Плюшкин.
Порядок стар и жизнь дряхла в Европе,
Заштукатурена она стоит еще,
Но ей упасть не от отдельных взрывов
Еще недоработанных идей.
Ей не пришла пора переродиться.
Далек тот день, со дна народной жизни
Еще не всплыл общественный вопрос,
Спадут не скоро тяжкие колодки,
Заговорит развязанный язык,
И побегут кряхтя и спотыкаясь,
Спеша, один цепляясь за других,
Герои старые и старые идеи
За вечной памятью громадных похорон,
За катафалками отпетых убеждений.
В духовный Днепр опустится народ,
Заявится начало новой жизни,
Могучим отпрыском могучего зерна,
И все грехи и заблужденья духа —
Все смоют слезы счастья и любви!

641

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
Мой сморщенный лоб целовала,
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумье, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

642

Скажи мне, зачем ты так смотришь
Такими большими глазами,
Скажи мне, зачем ты так плачешь
И грудь надрываешь слезами?

Ты можешь рыдать сколько хочешь,
И слез ведь надолго достанет,
Любовь проходящее чувство,
Потешит, помучит, обманет.

Зачем утешаться мечтою?
Не лучше ль рассудку поверить
И то, что так бедно и мало,
Огромною мерой не мерить?

Теперь мы друг друга так любим
И счастливы очень, так что же?
Мне каждый твой взгляд, каждый волос
Всех благ, всех сокровищ дороже.

Дороже! но, может быть, завтра
На новую грудь припаду я,
И в том же, и так же покаюсь
Под праздничный звук поцелуя.

643. УРОДЕЦ

Шар земной катится, люди просыпались,
Широко зевая начали вставать,
Смотрят: что за чудо? ноги посрастались...
С горя посердились и пошли скакать.

Скачут поколенья, скачут дни и ночи,
Мозг порасплескался в бедных головах,
И забыли люди, выбившись из мочи,
О ходьбе без скачки и о двух ногах.

Раз журналы пишут об игре природы;
Родился двуногий, маленький урод,
Ну для неуродов всякие уроды
Очень интересны, — поскакал народ.

Вот и осмотрели, вот и осудили,
Опустили в водку крошку-мертвеца,
Бабке дали денег, мать благодарили,
А отцу — да чуть ли и нашли отца?

644. В МОРОЗ

Под окошком я стою
И под нос себе пою,
И в окошко я гляжу,
И от холода дрожу.

В длинной комнате светло,
В длинной комнате тепло.
Точно сдуру на балу,
Тени скачут по стеклу.

Под окошками сидят,
Да в окошки не глядят,
Знать, на улицу в окно
И глядеть-то холодно́.

У дверей жандарм стоит,
Звонкой саблею стучит,
Экипажи стали в ряд,
Фонари на них горят.

А на небе-то черно,
А на улице темно.
И мороз кругом трещит...
Был и я когда-то сыт.

645. ИЗ ГЕЙНЕ

В ночь родительской субботы,
Трое суток пропостившись,
Приходил я на кладбище,
Причесавшись и побрившись.

Знаю я, кому придется
В этот год спуститься в землю,
Кто из смертных, из живущих,
Кувырнется, захлебнется.

Кто-то лысый — полосатый,
В красных брюках, в пестрых перьях,
Важно шел петушьим шагом,
Тонконогий и пузатый.

Кто-то длинный, очень длинный,
В черном фраке, в черной шляпе,
Шел, размашисто шагая,
Многозвездный, многочинный.

Кто-то, радостями съеден,
В туго стянутом корсете,
Раздушен и разрумянен,
Проносился вял и бледен.

Шли какие-то мундиры,
Камергеры, гоф-фурьеры,
Экс-жандармы, виц-министры,
Пехотинцы, кирасиры.

Шли замаранные люди,
Кто в белилах, кто в чернилах,
Шли забрызганные грязью,
Кто по шею, кто по груди.

Шли — и в землю опускались...
Громко каркали вороны,

На болоте выла вьюга
И лягушки откликались.

646. НА СМЕРТЬ БЕРАНЖЕ

Старик, закон и доблесть века,
Всегда, везде в душе поэта,
Ты для больного человека
Служил утехой сорок лет!
Ты сорок лет, меняя тоны,
Всегда любовь, свободу пел!..
Ты сгорбился, ты поседел,
Ты умер — но не те законы
Для нашей памяти даны:
С тех пор, как люди созданы,
Делам высоким нет забвенья, —
Им не дано, как нам, седеть, —
И наших внуков поколенье
Хвалу им вечно будет петь.

Ты замолчал!.. пора!.. довольно!..
И так плодами ты богат!
Сдавило грудь, и сердцу больно,
Грущу — но за тебя я рад:
Ты одряхлел — и оступиться
Легко ты мог — и что тогда?
Куда деваться от суда?
И слава прежняя затмиться
Тогда могла!.. Пусть не пятна
Тень славная твоя не носит,
Пусть не нуждается она
В защите и похвал не просит —
Судимым быть и то вина!

647

Выхожу я на бархатный луг
Всё сверкает и блещет вокруг,
И росинки как искры лежат
И на утреннем ветре дрожат,
А цветы так и лезут в глаза,
Из под ног поднялась стрекоза
И, едва не задев за меня,
Затерялась в сиянии дня.

648. НА КЛАДБИЩЕ

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой,
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стукал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стукаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

649

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает,
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

650. НОЧЬ ВЕСНЫ

Посмотри, как много почек
Появилось на деревьях.
Только почки эти черны,
Ветки голы, в роще пусто.

Роща дремлет. Чудной влагой,
Налиты стволы и ветки,
И под каждую из почек
Подтекли живые соки.

Роща ждет. Сегодня ночью
Мы с тобой заснем так сладко,
А в природе совершится
Заповеданная тайна.

Тихо выползут туманы,
И рассыплются росою
И на каждую из почек
Сядут светлою слезою.

Ветер дунет. Отряхнутся
Окропленные деревья,
И под утро с тихим треском
Молодая брызнет зелень.

Солнце встанет, мы проснемся,
И для праздника природы,
Безотчетно, беззаботно
Ласке жизни улыбнемся.

651. МОИ ЖЕЛАНЬЯ

Что за вопросы такие? Открыть тебе мысли и чувства!..
Мысли мои незаконны, желания странны и дики,
А в разговорах пустых только без толку жизнь выдыхаешь.
Право, пора дорожить и собой и своим убежденьем, —
Ум прошутить, оборвать, перемять свои чувства нетрудно.
Мало ли, как я мечтаю, и многого в жизни хочу я!..

Прежде всего мне для счастья сыскать себе женщину надо.
Женщина вся в нежном сердце и в мягкости линий,
Женщина вся в чистоте, в непорочности чувства;
Мне не философа, мне не красавицу нужно; мне нужны
Ясные очи, коса до колен и подчас поцелуи.
С этакой женщиной труд будет легче и радость полнее.

Я бы хотел отыскать себе близких по цели и сердцу,
Честных людей, прозревающих жизнь светлым оком
рассудка.
С ними сходясь, в откровенных беседах часы коротая,

Мог бы я силы свои упражнять, проверять свои мысли.
Словом живым заменил бы я мертвые речи печати;
Голос из книги — не то, что живой, вызывающий голос.

Я бы хотел, взявши в руки свой посох, спокойно пуститься
Тем же путем, по которому шло человечество в жизни.
С Желтой реки до священных лесов светлоструйного Ганга,
С жарких пустынь, где в конических надписях камни
пестреют,
Шел бы я рядом развалин столиц азиатских народов;
Снес свой поклон пирамидам и гордо-задумчивым
сфинксам.
В рощах Эллады, на мраморных плитах колонн Парфенона
Мог бы я сесть отдохнуть, подошедши к Эгейскому морю,
Прежде чем следовать берегом моря за ходом народов,
Прежде чем сжиться с историей Рима и с жизнью Европы.

Я бы хотел, обратившись на время в печатную книгу,
В книгу хорошую, полную силы и смысла живого,
Слиться с народом; себя позабыв, утонуть в нем, стереться,
Слушать удары тяжелого пульса общественной жизни,
Видеть во всей наготе убеждения каст и сословий;
Выведать нужды одних, утешать их во время движенья,
....
Стать на виду у других ....

Я бы хотел, проходя по широкой, бушующей жизни,
Сердцем ответить на всё, пережить всё, что можно, на
свете,
Всем насладиться душою, и злом и добром человека,
Светлым твореньем искусства, и даже самим
преступленьем,
Ежели только оно не противно той истине светлой,
Смыслу которой законы и люди так часто враждебны.

Я бы хотел, умирая, весь скарб своих сил и познаний,
Весь передать существу молодому, богатому жизнью;
Пусть бы он начал с того, чем я кончил свой труд и печали,
Пусть бы и он и преемник его умирали для внуков
С чистою совестью, светлою мыслью и полным сознаньем.

Я бы хотел после смерти, свободен, бесстрастен и вечен,
Сделаться зрителем будущих лиц и грядущих событий;
Чувствовать — мыслью, недвижно дремать в созерцаньи
глубоком,
Но не ворочаться к жизни, к ее мелочной обстановке
Из уваженья к себе и к ошибкам прошедшего века!

652. ОН НЕ ЛЮБИЛ ЕЩЕ

Он не любил еще. В надежде благодати
Он шел по жизни не спеша,
И в нем дремала сладким сном дитяти
Невозмущенная душа.

Еще пока никто своим нескромным оком
Его мечты не подстерег,
Еще он сам в служении высоком
Своей лампады не зажег.

И как зато хорош, и как далек сомненья
Его неведенья покой!
Он жаждет слов, он чутко ждет движенья
И блещет жизнью молодой.

Он незнаком страстям... Так статуя Мемнона,
Молчанье строгое храня,
Сидит, чернея в звездах небосклона,
И жадно ждет прихода дня.

Обильная роса холодной ночи юга
Живою свежестью кропит,
С заботой нежною ласкающего друга,
Спокойно стынущий гранит.

Но только первый луч падет ему на плечи,
Дымясь, зажжется степь вокруг, —
Немой Мемнон, на ласку светлой встречи,
Издаст живой и полный звук.

653

Ночь. Темно. Глаза открыты,
И не видят, но глядят;
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят.
Мягкий волос, набегая,
На лице моем лежит,
Грудь, тревожная, нагая,
У груди моей дрожит.
Недошептанные речи,
Замиранье жадных рук,
Холодеющие плечи...
И часов тяжелый стук.

654

Давным-давно тебя похоронил я,
И над могилою твоею пронеслась
Зима с морозами и вьюгами своими;
И светлая весна фиалками одела
И ландышами белыми покрыла
Ее зеленый бархатный ковер;
А на душу мою живительное время
Спустило то тревожное забвенье,
С которым мысль о прошлом горе легче,
Но новые печали безысходней.

И мне сказали: ты была преступна.
Как будто ты смеялась надо мною,
Как будто Смерть, щеки твоей касаясь,
Проклятый поцелуй на ней оледенила.
И я задумался... И мысли отнесли
Тебя в какое-то чудесное пространство,
В пространство дальнее без времени и места,
И я пошел к тебе. И шел я долго,
И много царств прошел и много лет,
И больше видел я, чем мудрый Калиостро,
Чем тот проклятый жид, что не дал пить Христу,
Когда он шел с народом на распятье.

В пути моем — на темных небесах
Сиянья трепетно и ярко загорались,
Кружились длинными, зелеными столбами,
Потоками сибирских малахитов,
На неподвижной и сквозной лазури
Всплывали месяцы и снова потухали,
Леса сосновые качали головами,
А на ветрах холодных приносились
С окрестных кладбищ стоны и угрозы.

Вся разодетая, как кукла нашей сказки
Царевна сонная, лежала ты на ложе.
А ложе было пышно; храмина сияла
Огнем и золотом, и тысячи лампад
Горели и дымились, а со сводов
Смотрели чьи-то выцветшие лики,
Горя окладами и яркой позолотой,
И идолы гранитные держали
Ряды колонн в оглавиях железных.
Твоя одежда в неподвижных складках
Блистала камнями и дорогим виссоном.

Я долго над тобой стоял и думал,
И подсмотреть в чертах лица старался,
Не жив ли след проступка и обмана.
Но свеж был твой румянец на щеках,
И сон твой был так девствен и прозрачен,
И веяло от лика твоего
Такою светлою, спокойною весною —
Что грешной мысли зла иль преступленья
Перед тобой родиться не могло.

Но вдруг, гляжу — ты веки поднимаешь,
Раскрыла тихо длинные ресницы
И, вместо глаз, две впадины открылись —
Глубокие и кровью налитые.
И понял я, кто обольстил тебя,
И для кого ты другу изменила...
И стал я звать таинственную Смерть,
Как заклятого, кровного врага,
На грозный бой, — но Смерть не появлялась.
На голос мой пошевельнулись своды,
Шатнулись идолы и лики заморгали,
Огнем тревожным вспыхнули лампады,
А в грудь мою втеснилась злая боль,
Сознание ничтожества, бессилья, —
И эта боль мне внутренность пронзила,
И в том мучении восторг какой-то был,
Болезненно-живое замиранье.
И мне казалось, будто подо мной
Земля и небо быстро укатились;
А на обломках мира восседал
Какой-то грозный, неподвижный призрак
В венце из звезд кровавых и комет,
Осыпанный иссохшими костями,
И освещаемый порой зловещим блеском
Из бездны ночи — мрачной и пустой!

655. ИДЕИ

С начала мира человек
Дремал ребяческими снами,
И сень лесов и воды рек
Он жаждал населить богами.
Печальный гра́жданин земли,
Врожденной робости послушен,
Лежал, поверженный в пылй

Позорно, слаб и малодушен.
Свой страх тревожный воплотив
В неясный образ грозной силы,
Своих же снов не пережив,
Спускался род людской в могилы.
Побеги свежие росли
На месте прежних заблуждений;
Упреки честных обличений
Убить семян их не могли.
Напрасно мир наш потрясает
Железо да́вящих оков,
И с криком камнями бросает
В пустые призраки богов:
Своей прозрачностью хранимы,
Над отуманенной землей
Они плывут неуловимы
Победоносною толпой,
И темен мир...

656. ИЗ КНИЖКИ ЖОЛЧНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Закипают жизни всякие,
Откипают бессознательно,
Только смысла в них не выискать
Как бы ни следить внимательно.

В чем их цель? где их особенность?
Что их действовать заставило?
Что их в ту, не в эту сторону,
Так, не иначе, направило?

Большинство из них талантливы,
Все, как будто бы, встревожены,
Но от здравого развития
Как забором отгорожены.

Ходят с куклами, на помочах,
Детям дети служат няньками,
Те же всюду, как ни кликай их —
Хоть Иванами, хоть Ваньками.

657. СИРОТА-МОЛИТВА

(перед новым 1872 г.)

На этот образ с почерневшим ликом,
Утратившим давно и краски, и черты,
Одетым в старую, серебряную ризу,
Отец умерший мой, всегда молился ты!

К нему ты подходил, когда искал совета,
Ему зажег свечу, когда рождался я...
И я стою над ним. Теперь другое время,
И у меня своя, и юная семья...

А ночь на новый год ступает молчаливо...
В снегу и холоде смыкается звено
Громадной цепи лет, и из него другое
Как призрак тянется, слегка обведено...

Какая цепь!? Всем, всем цепям царица!..
Погасший лик! в ночи на новый год,
По памяти отца, прими молитву сына,
Одну, всего одну, он с новой не придет.

Но эту жгучую и страстную молитву,
Милитву-сироту, ты ласково прийми:
Дай нам быть честными, и чтобы детям нашим
Не помешали мы стать честными людьми!

658

Праздник елки, праздник славный,
Праздник маленьких детей!..
Шумен их кружок забавный,
В блеске радужных огней.

Дети, празднуйте сочельник!
Жизнь пройдет, и, в данный срок,
Превратится елка в ельник,
Под поклажей темных дрог.

659. ЗАПЕВКА

Ох! ударь ты, светлый мой топор!
Ох! проснись ты, темный, темный бор,
Чтобы знали, что идет работа горячо,
Разминается могучее плечо.

Ты ль рука людская не сильна!
Застонали, плачут ель, сосна...
Понастроим мы высоких теремов,
Лодок, бочек, колыбелей и гробов.

Повалились сосенка да ель!
Им мягка родных ветвей постель...
Уж с чего начнем мы строиться, с чего?
Вы скажите, братцы, что нужней всего?

660

И десять было их... их на руках несли
Чтобы предать спокойствию земли,
Тому спокойствию, которое мирит
Тем что в земле всё непробудно спит!
И также приютит холодная земля,
И будет сберегать в себе не шевеля
Тела убийц их, если б их казнить,
И этим, будто, что-то помирить...

Куда же это всё? зачем и почему?
Из тьмы былого в будущую тьму...
И между этих двух светящаяся щель
Сегодняшнего дня!!.. Господня карусель
По узкой трещине нерукотворной тьмы
С чудовищной утробой... В ней все мы
Как блестки зажигаемся вертясь,
И, чуя сердцем внутреннюю связь
С самоубийством жизни дня рождений —
Идем путем вражды и тяжких преступлений!..

661

В печальный час, когда на отпеванье
На этот избранный, но скромный уголок,
На миг обращено все русское вниманье,
Глядят сочувственно наш запад, наш восток, —
С особой ясностью в их истинном значенье
Черты Тургенева должны предстать полней
Не людным городам, но в сельском населенье,
Со стороны сохи, со стороны полей.
От светлых дум его затеплившихся рано,
Задолго до зари февральских светлых дней,
Возникло веянье, пахнув, как в слой тумана,
По чувствам и умам людей.
Толпами образов и теплых, и лучистых
Он сеял — сеятель — вдоль очертаний льдистых,
Которых сплоченный и тяжко мощный строй
В дни крепостничества был вымучен страной.
И таял прежний быт от их прикосновенья,
Сдались характеры, и барин мягче стал:
Читал художника, хоть плакал, но читал.
И причастились мы от тайн освобожденья,

И, как причастники, когда мы к чаше шли,
Тургенев, с лучшими людьми родной земли
Слагал нам ясную молитву очищенья.
Но это все прошло, прошло со всем, что было в нем
И мощи жизненной и горечи отравы.
Тургенев-сеятель забылся вечным сном
Во всех больших правах своей нетленной славы.
А что же нам теперь? Задача наша в чем?
А в том, чтоб мысли те, что здесь на отпеванье,
Над этим избранным, печальным уголком
Начертаны у нас так явственно в сознанье,
Стремились в глубь страны все шире, все ясней
На сторону полей, из шумных городов в молчащие селенья,
Чтоб там Тургенев встал, возник во весь свой рост,
Чтоб там понять могли, как он велик, как прост
И как красив в своем значенье.

662

Не любить его — было невозможно!
Позабыть его — время помоги!
Детской жизни луч, ты светил тревожно,
Будто молвил нам: гасну! береги!

И поблек, погас... Зачем зажигался?
Зачем мать дитя к жизни родила?
Ты могилкою, памятью остался, —
Остальное всё смерть себе взяла!

Да еще в груди у отца родного
Рана новая рдеет и горит,
И не легче ей оттого что слово
О тоске души часто говорит!

Смерть питаем мы силами живыми,
А зовет нас жить непонятный зов...
В тьме ничтожества спится со святыми,
Молча дремлется в тишине гробов!

Мыслью сходим мы к этим молчаливым
И бестрепетным, нам родным жильцам,
К ним покончившим и совсем счастливым,
Спящим в кротости по своим гробам!

Мысль, коснувшись их в тихий час общенья,
Возвращается сделавшись иной,
Позаимствовав их успокоенья,
Усмиренная сладкой тишиной!

663

Села птиченька над веткою,
Стала щебетать;
Скоро птичке быть наседкою:
Тяжело летать.

Выйдут, глянут к жизни птенчики;
Перышки пойдут;
На головках деток венчики
Зорьки разожгут!

Чтó ж<е> в ней за муки тайные,
Птичка так грустна?
Все года ей урожайные,
Вволю ей зерна!

Отчего ж так горько плачется?
Жить, знать, не легко...
Льется песня, в небо катится,
В небо далеко...

664

Как тут всё просто, все разумно!
О! если б вам, мои друзья,
Со стороны взглянуть, бесшумно,
На правду сельского житья!

В труде таком что не волнует,
От злобы мира отрешась,
Жизнь на груди природы чует
Одну таинственную связь,

Одно большое тяготенье:
К земле кормилице, к земле,
В неразглашаемом общенье
С святыней дремлющей в Кремле.

Под гнетом мантий туч высоких
Глубоко темен небосклон;
Сквозь них, как жизни блеск сквозь сон,
Мигают очи звезд далеких.

Я помню детство. Пенье... храм...
Смерть брата... Брата хоронили!
По серебру черневших риз
Живые искорки ходили.

Тогда, как тут, передо мной
И тьма, и мелких искр сверканье;
Но там — мой брат, тут — всё созданье
Стремится быстро на покой...

666. ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Не торопи ее, она придет сама,
Неотразимая, и сядет между нами,
Бледна и холодна, как снежная зима,
Почти совсем без дней и с долгими ночами.

Мы были счастливы, хоть не совсем, о нет!
В любви ребяческой сказалась власть недуга...
Но оба мы любить учились друг у друга,
И вместе зацвели и обронили цвет!

Пускай же никогда ни ненависть, ни злоба
Не обретут путей в чертог твоей мечты,
И если, примирясь, меня припомнишь ты,
Знай: это я пришел, и мы мечтаем оба...

667

Зачем созвездий очертанья
От детства ведомые нам?
Следы какого-то писанья,
Непостижимого умам!

Одна какая-то страница
Из рваной книги бытия,
Как бы застывшая зарница
Ты доживаешь, смысл тая.

Недвижно блещешь письменами...
Разрушен, сбит их прежний строй...
Ночь, говорящая огнями,
Ты вразуми и успокой!..

668

На каждое горе в сердечке твоем
Услышишь ты отклик и в пеньи моем;

На каждую струйку печали твоей
Ты встретишь отзвучье и в песне моей.

Чуть только ты, милая, тихо взгрустнешь, —
По мне, как по арфе, ты ветром пройдешь;

И звук в ней пробудешь — той грусти одной,
И оба мы вместе поплачем с тобой.

669. БОГИНЯ ТОСКИ

Своей спокойною вечернею волною
К моим ногам ласкается река,
И, мнится мне, богиней над водою
Ко мне из волн является Тоска...

В ее очах, и ласковых и скромных,
Нет светлых звезд, нет яркого огня,
И слышу я: «Я доля душ бездомных,
Богиня всех увидевших меня!

Люблю тебя! Ведь ты со мной сроднился;
Кто ж из людей остался мне чужим?
Богиня я! Кто предо мной склонился,
Тому нельзя склониться пред другим.

Я всех веду различными путями;
У всех людей я та же, да не та!
Властна дарить особыми страстями,
Я тоже мощь, я тоже красота!

Я не ищу других богинь величья,
И мне чужда их гордая семья,
Мне не дано особого обличья,
Не дождалась особых храмов я!

Совсем не так, как у другой богини,
Моей сестры, родившейся в волнах,

С огнем страстей, не знающих святыни,
И с поволокой в млеющих глазах,

Но я не меньше, чем она, красива,
Умею я ласкать и обнимать,
Я не хитра, я вовсе не спесива
И, как волна, способна укачать!

Твоя всегда без лжи и без сомненья,
Тебе везде, и в день, и в ночь, верна.
Твои, твои мне любы вожделенья!..
Да, я тебе богиня и жена!

Возьми меня, возьми на все лобзанья,
Я так прекрасна в складках темноты,
Я научу любить свои страданья,
Умчусь с тобой в живых путях мечты!

Люби меня и поклонись богине!
Все боги, все, поблекли и прошли,
А я живу и властвую поныне,
Я — самоцвет, я — адамант земли!

Возьми меня! возьми меня скорее!
Во мне очаг особенных страстей!
Не ведал мир, кто б был меня сильнее,
И смерть отрадна на груди моей...

Спускаю я над ними покрывало...
Я льну к тебе просящею волной!
Лишь потому, что ночь опять настала,
Венчаюсь я, мой избранный, с тобой!

Нам — смерть зари, нам — ночи нарожденье,
Нам — тихих кладбищ бледные огни,
Нам — привидений смутное хожденье,
Нам — в тьме ночной светящиеся пни...

Ты не дерзаешь? Ну, так я дерзаю!
К тебе сама на ложе нисхожу,
Тебя беру я, грею и ласкаю...
О, ты узнаешь, как я извожу!..»

670. ЦЫГАНКА

Потрясая бубенцами,
Позументами блестя,
Ты танцуешь перед нами,
Степи вольное дитя!

Грудь — подвижна, плечи — живы!
Взгляды жгучих, черных глаз —
Это дерзкие призывы
К страсти каждого из нас...

Но под пологом палатки,
В сокровенный час ночной,
Кто ж отважится на схватки
С непокорною тобой?

Знаю кто! Вот там в сторонке,
Руку сунув за кафтан,
Смотрит вслед красивой женке
Темно-бронзовый цыган.

Этот... Он отдернет полог
Мускулистою рукой...
Будет сон ваш тих и долог
Под палаткою родной...

Как смеешься ты над нами,
Степи вольное дитя,
Потрясая бубенцами,
Позументами блестя!

671. А. С. ПУШКИНУ

Загудели гуслями гусляры!..
Всколыхнулся сонм богатырей,
Отряхая давней смерти чары
Со своих заспавшихся очей!
Шевельнулись княжьи воеводы
И князья, хозяева земли,
Те, что жили в тяжкие невзгоды
И, принявши схимы, отошли,
И, владычным пурпуром повиты,
По глубоко спущенным гробам

Просыпались и митрополиты,
Чтобы путь указывать царям...
От времен двенадцатого года
Дали голос, оклик услыхав,
Полководцы, люди из народа,
Главари сословных местных прав...
Шли от Шипки, двигались от Плевны,
От Невы, Поволжья и Днепра.
Старцы, гридни, ратники, царевны,
Треуголки времени Петра...

Что за шум? Откуда всё движенье?
Песни, клики, звон колоколов?
Смерти с жизнью чуть ли не общенье
На исходе десяти веков?..
Оттого, что первым громким словом
Пушкин, вещий сын земли родной,
То сказал, в обличье ярком, новом,
Что народ переживал душой!
Десять раз столетья миновали...
Наконец — сознание пришло,
И уста душе вослед сказали
То, что в жизнь основою легло!
Прозревали, чуяли задачи
На Москве великие цари,
И во тьме являлись зорко-зрячи
В долгий час медлительной зари.
Но понять все прежние стремленья,
Их сплотить и в слове передать
Было делом дивного прозренья...
Кто прозрел — тому не умирать!

Честь деяньям воинства родного!
Мудр в своих решениях синклит!
Но сильнее нет живого слова,
Если сердце слово окрылит!
Пушкин внес в заветные скрижали
То, чего нельзя теперь не знать:
Понял он за что мы умирали
И за что — мы рады умирать.
Да! Ему и музыка, и хоры;
Для него и звон, и торжество
Пробуждают русские просторы
В поклоненьи гению его!
Будут ярче, будут выше люди,
Но навеки, памятью храним,
Полный вздох вполне окрепшей груди
Навсегда останется за ним!

672

Смотрит тучка в вешний лед,
Лед ее сиянье пьет.
Тáет тучка в небесах,
Тает льдина на волнах.

Облик, тающий вдвойне,
И на небе и в волне, —
Это я и это ты,
Оба — таянье мечты.

673

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

674

И холодной волной по железным бортам
Разбивается зыбь океана!
Только в меру ль ему и его глубинам
Сердца бедного жгучая рана?!.

Нет! Плывет по тебе не живой богатырь,
Чтоб прославить красу боевую...
Нет! Останки везут, и темна твоя ширь
И баюкает мощь не живую!

Что мне в том, что я мал и что мир так велик,
И что я побежденным остался!
Всё ж я соколом был, к поднебесью привык
И к нему сколько мог порывался.

Да, я мал! Да, я слаб! Но велик был любить
И велик неисходной тоскою...
И тебе, океан, той тоски не покрыть
Всею черной твоей глубиною!

675. ЛЕЗГИН

Свершивши раннюю молитву,
Пока проснется генерал,
Старик-лезгин кряхтит и чистит
Полуаршинный свой кинжал!

На лезвии, в сияньи солнца,
В насечках букв — Корана стих;
Старик как будто видит что-то
В клинке, сквозь пальцы рук своих.

Из-под папах в кустах — винтовки
По русским целятся войскам...
Вон дымки выстрелов, вон пушки,
Вон генералы, вон — имам!..

Дымится дуло пистолета,
Лезгин сует его в кабур,
Глядит: на этот раз удача —
Упал и корчится гяур...

Спешат в аул... Победа, радость!
Там блеск чарующих очей,
Там — вин холодные кувшины,
Там песни старых узденей...

Кинжал дрожит... Другие виды...
И длинный ряд живых картин...
Перед лицом воспоминаний
Расхорохорился лезгин!

Забыл, что больше нет Кавказа,
Нет тех времен, нет тех людей!
Явились в жизнь ключи Боржома;
Есть нефть, но нет жрецов огней!

Клокочет жизнь неудержимо,
Бушует сердце старика...
Но вдруг — звонок, — мечты исчезли
От генеральского звонка!

Кинжал в ножнах. Собравши платье,
Лезгин торопится служить
И к генеральской папироске
Подносит спичку закурить!

676

Ты от меня уходишь, как виденье...
И таю я в твоих глазах — как дым...
И мы не встретимся — два быстрых сновиденья,
Бегущие одно перед другим!

Обоим нам несказанно приятно
Знать, что нигде, никак не встретиться нам вновь —
Что ждут обоих нас и чуются так внятно
И новые мечты, и новая любовь!

Расходимся — в лесу! Деревья — что завеса!
Они шумят вокруг, — поют, ствол у ствола...
И, потеряв твой след, твой облик в чаще леса —
Шепчу: «Свободен я! Она совсем ушла!...»

677. РАУТ

И раут был блестящ! Вся зала
Сияла множеством огней...
Владыкам бирж и капитала
И представителям властей —

Повсюду лживые приветы,
Пожатья рук, любезность слов,
Недобрых взглядов рикошеты,
И блеск эмалей орденов...

А с женских плеч в лучах пылали,
Стремясь былое наверстать,
Алмазы, что в земле лежали
И утомились света ждать...

Казалось мне — певцов эстрада,
В цветах и искрах хрусталя,
Плыла, как некая громада,
Как яркий призрак корабля!

И к этим людям всякой власти,
Будя их мысли и сердца,
Сквозь листья пальм, как бы сквозь снасти,
Благовестила песнь певца.

Звучит мечтательная лира,
С ней заодно звучат слова,
И блещет свет иного мира
Сквозь их живые кружева.

О! Сколько было тут химеры,
Как он кичился — нищ и наг, —
Как перерос свои размеры
Пустых людей ареопаг.

А пестун вечного значенья,
Глашатай чувства всех времен,
Певец, — ведь он для развлеченья
За деньги петь здесь приглашен!

Они ему рукоплескали,
И титулованный мирок
Сплеча оценивал скрижали,
Которых и прочесть не мог...

Тут вечное ничтожным стало,
Атланта с ног сшибал пигмей...
Корабль! Корабль! Отдай причала
И уплывай — скорей, скорей...

678

«Ты поклянись, — она его просила, —
И верен будь тому, что изречешь,
Что этой песни — в ней большая сила —
Ты никому, как мне, не запоешь.

Не запоешь, когда ко мне на смену
Придет другая с новой красотой,
И я утрачу прелести и цену
Перед твоей окованной мечтой.

Другие песни пой, коль запоются,
Кому, и где, и как — мне всё равно.
Но лишь бы этой песне вновь проснуться
И повториться не было дано.

С меня писал ты, я тебя ласкала,
Я, я низала нити чудных снов,
Я с нею вместе чувством трепетала...
Спускала с плеч последний свой покров.

Та песнь моя! вся, вся без исключенья...»
Он клятву дал... и наконец запел,
Когда в час смерти, в облике виденья
Ее он вновь пришедшую узрел.

679

Когда работаю я к ночи утомлен,
Когда в теченье дня, тревожа сердца струны,
Ходили чьи-то руки, вызывая звон,
И надо мной блистали все перуны
Условий будничных; когда не нужен сон,
Гулять не хочется и нет в душе призыва
Ни для единого, хоть слабого, порыва —

О, как же жажду я тебя, тебя одной!
Как ясно сознаю мощь женского начала,
Ту мощь стихийную и близкую сызма́ла
Любому бытию и сухости мужской!
Как ощущаем мной источник животворный —
Влиянье женщины и свежести ее,
И я стремлюсь к тебе по той дороге торной,
Которой вечно шло мужское бытие...
Ты освежи меня, ты укрепи меня,
Воздвигни, вдохнови для будущего дня!

680. РЕЦЕПТ МЕФИСТОФЕЛЯ

Я яд дурмана напущу
В сердца людей, пускай их точит!
В пеньку веревки мысль вмещу
Для тех, кто вешаться захочет!

Под шум веселья и пиров,
Под звон бокалов, треск литавров
Я в сфере чувства и умов
Вновь воскрешу ихтиозавров!

У передóхнувших химер
Займу образчики творенья,
Каких-то новых, диких вер
Непочатого откровенья!

Смешаю я по бытию
Смрад тленья с жаждой идеала;
В умы безумья рассую,
Дав заключенье до начала!

Сведу, помолвлю, породню
Окаменелость и идею,
И праздник смерти учиню,
Включив его в Четьи-Минею.

681. БЫТЬ ЛИ ПЕСНЕ?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весною
Вторично внукам, нам, не жить:
Она прошла своей чредою
И вспять ее не возвратить.

Есть вёсны в людях, зимы глянут,
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявленья
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...

Переживая злые годы
Всех извращений красоты —

Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыданья,
Путем томления пройдешь.
Минуешь много лет страданья —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

682. ПЕСНЯ ГИДАЛЬГО

Я — художник мгновений,
Я — певец настроений,
Плавность лебедя, ласточки крылья!
Дум, отвагой блестящих,
Вглубь безумья скользящих,
Нет ни в ком, как во мне изобилья.

Мне и жены, и девы...
Не по мне перепевы...
Я один в целом Божьем созданьи!
Разум мне не по нраву,
Жизнь и смерть мне в забаву,
Я — в грядущих веках и в преданьи.

Создан весь из изъятий,
Поли молитв и проклятий,
В сердце — вечные зори, закаты...
Если любишь тревожность, —
Обними невозможность,
И тогда лишь обнимешь меня ты!

683. У ГРОБНИЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Когда больная мысль изнемогает в вас,
И вы утомлены житейской толчеею,
Ступайте отдохнуть в любой свободный час
Туда, к гробам царей, за синею Невою.

Ступайте к алтарю, к далекому углу;
Там, близ одной из стен, в прозрачном отененье,
Безмолствуя, Царь Петр лежит, сойдя во мглу,
Недвижимый в кольце столичного движенья!

Не кончен был собор. Царя, хоть был отпет,
Холодная земля усопшим не считала:
Пять лет казалось ей, что Петр еще согрет,
И не остывшего в себя не принимала...

И как бы ни были измяты жизнью вы,
В вас, сквозь открывшиеся в помыслах затворы,
Как бы туман уйдет из бедной головы,
Отыщутся в душе и скрепы, и опоры...

От мертвого Царя к вам мысли изойдут;
В душе начертятся нежданные основы,
Побеги, отпрыски остатки сил дадут,
И будут все они нежданны, крепки, нóвы...

Как от священных рак, от дремлющих мощей,
Навстречу верящим, к их тайникам сердечным,
Бьют день и ночь струи целительных ключей
И утешения печалям бесконечным, —

Так вы почувствуете, будто вам в ответ,
Усопший Царь, прервав свое оцепененье,
Тихонько говорит и свой дает совет:
«Окрепла мысль в тебе?! имей же дерзновенье!»

684. В РОЩЕ

Слушай, сосна! Расскажи мне былину!
Я уловлю ее в шуме ветвей!
Про заколдованный лес, про долину
Сказочных битв, всех древнейших древней!
Правда ли, будто здесь прежде живали
Люди забытые, сродные нам;
Всё, даже имя свое, потеряли
И отошли к завершившимся снам?
Так же, как мы, знали злобу и горе,
Были свободны в ограде тюрьмы;
Нежность, любовь зажигались в их взоре
И умирали они так, как мы?
Правда ль, что в некое время, когда-то,

Жил тут неведомый волхв иль друид;
Сердце его было страстью объято,
Жрицу любил, был любим и убит?
Правда ль, что в память того преступленья
Был тут воздвигнут большой мавзолей,
Синее море несло песнопенья
К камням подножья с волна́ми зыбей?
Море теперь так далёко сбежало;
Край, прежде людный, совсем позабыт!
Памяти память — и ту посвевало
Время... свевает и дальше бежит.
Вижу: сосна головою кивает —
Будто бы: да! — говорит мне в ответ.
Эту былину от прадедов знает,
Слышала, чуть появилась на свет!

Правда ли, дальше сосну вопрошаю,
Будто бы вслед нам, чуть срок подойдет,
Море прильет к опустелому краю,
Новая жизнь на песках зацветет?
Новые сосны взрастут между вами,
Новые люди вослед нам придут,
И, обвеваемы новыми снами,
Тот же печальный вопрос зададут?
Будут опять увлекаться любовью!..
Ненависть, злоба, позор и печаль
Им, нас сменившим, покажутся новью;
Новая будет заманивать даль.
Будут они и мечтать и молиться,
Верить в исход из тяжелой тюрьмы,
Будут не ведать того, что случится,
И ошибутся во всем, как и мы?

Нет мне ответа! Но вижу я ясно:
Буря подходит, глубоко темна...
Низко спускается! Изжелта-красно
В недрах той бури злорадной до дна!
Вьются пески и закудрились шквалы,
Взвизгнули вихри из облачной мглы...
Дрогнули сосны! Велики и малы
Вкруг закачалися все их стволы!
Тьма громоносная тень обложила!
Воздухом душным дышать тяжело!!
Первая молния тьму озарила!..
Буря, раскрыв огневое чело,
Шла под раскатами мощного грома,
В диком величьи кругом грохоча,

Сонмом теней и огнями влекома,
Всё, ею сбитое, следом влача!
Видел я смутно, как сосны валились!
Думалось мне: гибель им оттого,
Что к человеческой мысли склонились
В поисках тайн бытия своего!
Что не затем им даны сердцевины,
Чтобы им нашим сердцам подражать,
Могут, пожалуй, шептать их вершины —
Только не смеют со смыслом шептать!

И смертоносная буря промчалась,
Стало кругом будто утром светать...
Роща кругом буреломом валялась!
Нет! ей былины своей не сказать!

НЕ ИЗДАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ АВТОРА СТИХОТВОРЕНИЯ

685. В АББАТСТВЕ СЕН-ДЕНИ

А! Вот он наконец, дворец успокоенья,
Хранитель царственных могил,
Где под двойной броней гранита и сомненья
Лежат без прав и даже без движенья
Властители народных сил.

Какая высота! Крепки и остры своды,
Под ними страшно простоять,
И если из гробов в короткий час свободы
Встают покойники на призывы природы
И тянутся, — им есть где погулять.

И сыро и свежо. Темны углы собора,
По ним и чернь годов, и копоть залегла,
А в куполе вверху, свободны от надзора,
Сошлись на долгий спор, на подпись приговора
И шепчутся прошедшие дела.

За перспективою мельчая, умаляясь,
Стоят ряды готических столбов;
В цветные стекла радугой врываясь,
Свет вечера играет, расстилаясь
Дорожками узорчатых ковров.

Одеты мрамором, в чехлах, под вензелями,
Гробницы королей прижались к алтарю,
Лампады теплятся спокойными огнями,
Храм населяется вечерними тенями,
И сонный день приветствует зарю.

Что, если бы теперь, по воле провиденья,
Из-под гранита проросли
Прошедшие дела, как странные растенья,
И распустили бы во имя сожаленья
Свои завитые стебли?

Что, если бы теперь каменья засквозили
Зевнули рты готических гробниц,
И мертвецов коронных обнажили,
И тихим светом осветили
Черты, как смысл, отживших лиц?

Вы жили, короли, вас Франция питала,
Чудовищная мать чудовищным сосцом,
Веками тужилась, все силы надрывала,
От вас отплаты, службы ожидала —
Вы отплатили каждый мертвецом.

Скажите, короли: под мехом багряницы
Пришлось ли вам хоть раз когда-нибудь
На площади взволнованной столицы
Средь торжества, с парадной колесницы
По-человечески вздохнуть?

Пришлось ли вам хоть в шутку усомниться
В себе самом, смотря на пышный двор,
Могли ли вы слезой не прослезиться,
Могли ли сердцу не позволить биться,
Когда рука черкáла приговор?

Был светлый день, — оков перегоревших
Народ не снес, о камни перебил
И трупы королей своих окоченевших,
В парчах и в золоте истлевших,
Зубами выгрыз из могил.

Был мрачный день, — народ остановили,
Сорвали шапки с бешеных голов,
Систематически и мерно придушили,
А трупы королей собрали и сложили
В большую кучу в склеп отцов.

И я бы мог, спустившись в склеп холодный,
Порыться в куче тех костей
И брать горстями прах негодный,
Как пыль дорог, как пыль дорог, свободный —
Давно отживших королей.

И в этой-то пыли, и в этом сером прахе
Смешав Людовиков с Францисками в одно,
Лежат династии в молчании и страхе
Под вечным топором, на бесконечной плахе,
И безнадежно и давно.

И всякий рвет и рубит то, что хочет,
Своим ножом от королевских тел;
Король-мертвец в ответ не забормочет,
Когда потомок громко захохочет
Над пустотой прошедших дел.

Темно. Очерчены неясными чертами,
Белеют остовы готических гробниц,
Лампады теплятся спокойными огнями —
А у меня скользят перед глазами
Немые образы без лиц...

686. ТОСТ ПУШКИНУ

Праздник Божиим веленьем...
В погреб, женушка, спустись...
Не буди вина! виденьем
Между бочек проберись.

Спит вино, объято грезой...
Что за грезы у вина?
Dolce, dolce amoroso...
Грез тех много, не одна!

Ты увидишь там бутылки,
Те, что дальше всех, в углу,
Что во мху своей подстилки
Спят лет сорок на полу.

Ты возьмешь, что вынуть можно!
Плесень тронуть... а ни, ни!
Понесешь, так осторожно:
Не стряхни, не всколыхни!

Есть в вине душа живая:
Точно будто умерла!
Солнца Дона огневая
Ласка в то вино легла!

Притаилась, отстоялась...
Пусть отстой увидит глаз!
Чистота одна осталась —
А «in vino veritas»**!

* Нежно, нежно любовно (*ит.*)
** Истина в вине (лат.)

Выходи, лучи живые,
Что спустились в виноград
В те года, когда в России
Пушкин жил! ступай назад!..

Выходи! светися снова!
Что, как если посравнить,
Уж не лучше ль у былого
Теплоты пораздобыть?

Громче ль, что ли, сердце билось
В людях в Пушкинские дни?
Жарче ль солнышко светилось?
Солнце прежних дней, взгляни!!

Сохраненными лучами
Выйди к нам опять светить!
Жаждем блеклыми губами...
Тост готов! Готовы пить!

Лейтесь, струи золотые!
Всяким людям напоказ!
Пушкин — тост, а пьет — Россия!
А «in vino veritas»!

687. ОЛЬГЕ ПАВЛОВНЕ КОЗЛОВОЙ

Вы — дочь поэта! Отклики живые
В вас отражаются как луч в струе ручья,
И ваши годы, годы молодые,
В числе других приветствую и я.
Я слышал вас: вы мне стихи читали,
А я по голосу, во след стихам читал,
Что в вашей жизни на лазурной дали,
Вам сам Господь как бы предначертал...
Вы будете добры и в счастье молчаливы;
Такими будете! и, после долгих дней,
Все ваши помыслы, все добрые порывы
Передадите вы чреде своих детей;
Чтобы они как вы в себе изображали
Своих родителей хорошие черты,
И жизнь свободная от горя и печали,
Сияя радужно, как ваши же мечты,
Вас никогда, нигде не оскорбляла
В любви к добру и в жажде идеала!

1 мая 1888 г.

688

Ты помнишь ли у Спасского собора
Старинный дом... беседы по ночам...
Огонь речей и увлеченье спора
На встречу жизни и ее годам...
Мы у тебя, Семевский, собирались,
Тот старый дом был твой радушный дом!
На многих памятях следы бесед остались, —
Один из них да сохранит альбом.

30 марта 1888

689. ВЛАД. СЕРГ. СОЛОВЬЕВУ, ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ЕГО В ПАЛЕСТИНУ:

Когда в степях, где жгутся скалы
Огнем полуденных лучей,
Где загорались идеалы
Его божественных речей; —

Ты будешь странствовать — пред очи
Зови знакомый облик мой
В молчанье Палестинской ночи
С ее холодною росой.

Пусть отдохнет он хоть немного...
Я не поверю ни за что,
Чтобы в живом созданье Бога
Мой облик был совсем ничто,

Чтоб он не принял впечатленья
Степей, где Бог наш обитал,
И чтоб оттуда освеженья
Не ощутил оригинал?

28 марта 1898

690

Чудесный сон! Но сон ли это?
Так ясен он, так ощутим!

В мельканьи трепетного света
Он, как ваянье, недвижим!

Мне снилась юность золотая
И милой женщины черты
В расцвете радостного мая...
Скажи! Признайся! Это ты?

Но как мне жаль, что я старею,
Что только редко, иногда,
Дерзаю бледную лилею
Окрасить пурпуром стыда.

691

О! говори же и скажи мне:
Зачем так сладок сердца бой
Когда сидим мы, я с тобой,
И ты, как ритм в чудесном гимне
Звучишь мне вся, сама собой!

Ты вся звучишь своим явленьем,
Звучат и грудь, и прелесть плеч,
Твоя коса — живая речь!
О если б стать мне песнопеньем
И всю тебя к себе привлечь!

692

Она — растенье водяное
И корни быстрые дает
И населяет голубое,
Ей дорогое царство вод!

Я — кактус! Я с трудом великим
Даю порою корешок,
Я неуклюж и с видом диким
Колол и жег что только мог.

Не шутка ли судьбы пустая?
Судьба, смеясь, сближает нас.
Я — сын песков, ты — водяная.
Тс! тише! то видений час!

693. ИЗ БЫЛОГО

За губки алые, как розы,
За то, что с них восторги пью —
Тебе красавица, на память,
Рубин блестящий я даю!
За очи синие, как небо,
Что в них я видел благодать,
Сафир роскошный, искрометный,
Благоволи, дитя, принять!
В воспоминанье постоянства,
А постоянство — тяжкий труд,
Тебе торжественно вручаю
Темно-зеленый изумруд!
Но ни за что не дам алмаза...
Ты вспомни: не бывало дня,
Что б ты меня не изводила,
Чтоб не терзала ты меня!

694

Снежною степью лежала душа одинокая,
Только порою заря в ней румянец рождала,
Только безмолвная лунная ночь синеокая
Отблеском жизни безмолвную степь наводняла!

Чует земля: степь в угрюмом молчании мается.
Дай-ка, подумала, тихо дохну я туманами...
Доброю стала земля! Ось к весне наклоняется,
Степь обнажилась и вся расцветилась тюльпанами!

Так ли, не так, наяву иль во сне быстротающем,
В сказке, не в сказке, но некою злой ворожбою
Ты наклонилась ко мне своим взглядом блистающим...
Дрогнула степь, я цвету, я алею тобою...

695

Люблю я в комнате сиянье хрусталей.
Вдруг, не́жданно блеснут то в том углу, то в этом.
Сверкают, яркие, из сумрачных теней
Зеленым, пурпурным иль темно-синим цветом.

И тут же гаснут все; но вот опять блестят,
Чуть с места я сойду; и снова погасают...
Не так ли и в тебе на мой тревожный взгляд
Они нежда́нные повсюду возникают?

О! пожалей меня! Где стать, ты мне скажи,
Чтоб все они в тебе, все сразу засияли...
Чтоб не смеялись вслед... не прибегали к лжи
И были скромными... а, главное, молчали!

696

Учит день меня:
Не люби ее!
Учит ночь меня:
Всё ее — твое!

Я с ума схожу
В этих да и нет!
Ночь! цари одна!
Гасни, солнца свет.

697

Ты меня послушайся, малютка:
Ты меня лишь одного люби!
Вспомни только как тебя учили:
«Будь послушна, старшим не груби!»

Верь, любовь, старей всего на свете!
Из нее старуха говорит;
Если ты послушною не будешь —
Знай, она жестоко нагрубит!

698

Когда я ребенком был, мал,
Я солнце в воде уловлял,
И, блестки хватая в реке,
Мечтал сохранить их в руке!

Я жил! Жизнь осилила грудь...
И вновь я хочу зачерпнуть
Тех искр с их чудесным огнем,
Что зыблются в сердце твоем!

Чуть только коснусь — пропадут!
И капли, что слезы, бегут
С руки... и в тебе так темна
Погасшая вдруг глубина.

699

Ты, красавица лесная,
Чудный ландыш, бледный лик!
Молча я тебя срываю
В лунном свете, в чудный миг!

Что же делать? Я не властен!
Знаю я — зачахнешь ты.
Смерть — за то, что ты душиста,
Смерть! — во имя красоты!

700

Чуть только солнце в ярких красках ляжет,
С листов и трав сбежит последний свет —
Пускай тебе воспоминанье скажет,
Что прежний друг глядит заре вослед!..

Когда-то мы свободе были рады...
Теперь судьбой поставлен нам запрет!
Теперь встречаться могут только взгляды,
Когда мы смотрим на один предмет...

701

Налетела ты бурею в дебри души!
В ней давно уж свершились обвалы,
И скопились на дне валуны, катыши
И разбитые вдребезги скалы!

И раздался в расщелинах трепетный гул!
Клики радостей, вещие стоны...
В ней проснулся как будто бы мертвый аул,
Все в нем спавшие девы и жены!

И гарцуют на кровных конях старики,
Тени мертвые бывших атлетов,
Раздается призыв, и сверкают клинки,
И играют курки пистолетов.

702

И я смотрю на дальний бег ручья;
Всё в том же месте искры вижу я!
Зачем луч солнечный весь, без остатков весь,
Не на других местах блестит, а только здесь?

О! объясни: зачем одна лишь ты
К себе манишь весь пыл моей мечты?
Что если б ложь в тебе, случайно, я прозрел —
Что сталось бы со мной?... Я весь бы потемнел!..

703

Писать тебе иль о тебе
Поверь ты правде — не могу я,
За рифмой быстрою в гоньбе
Вдруг захочу я поцелуя!

Едва блеснет во мне мечта
Ее ловлю... но упускаю...
Ты тут! ты — жизнь! ты — красота!
Тебя люблю... тебя желаю.

704. СЕГОДНЯ ДЕНЬ

Сегодня день, когда идут толпами
На гробы близких возлагать венки...
О, не скупись последними цветами!
Не пожалей движения руки!

На грудь мою клади венок твой смело!
Вторично ей в любви не умирать...
Как я любил... как страсть во мне горела...
Из-под венка, поверь мне, не узнать.

705

Ярко вспыхивают розы,
Раскрываясь по кустам,
И горят в лучах полудня,
Пламенея тут и там.

Отцветут они, погаснут
Быстро, вслед одна другой,
Осыпая лепестками
Куст колючий, но родной...

Я ревнив, моя голубка!
Верь, не быть тебе ничьей:
На груди моей цвела ты
И осыплешься на ней!

700

И мнилось мне, как прежде, вновь
В годах прошедших я вращался...
Мечтал, грустил, узнал любовь...
И обожал и сомневался...

Да! ты одна смелее всех
В тайник сознанья проникала!
Меня с ума сводил твой смех...
Я обмирал — чуть обнимала...

Прошло! дебрь старости сильна!
В ней нет, не может быть прогалин!
И я, как Марий средь развалин,
Сижу и ожидаю сна!

707

Топчутся волны на месте;
С ветром играет река;
Ветер проносится с моря,
Станет река глубока!

Быстро река обмелеет,
Ветер идет верховой...
Люди реке подражают...
То же со мной и с тобой!

708

Я ясно сознаю, что часто надо мной —
Над помышленьями, никак не над душой, —
Проходит облако; вдруг думы оттенит
И придает всему нежданно новый вид!
Сквозь что-то будто бы идет тревожный свет...
И краски новые бегут, которых нет.

И ты, красавица! мне мнилось, будто вдруг:
Знак святости твоей, дискообразный круг
Над головой твоей, кто б думать это мог,
Преобразился вдруг в вакхический венок!

709

Не Иудифь и не Далила
Мой идеал! Ты мне милей
Той белой грудью, что вскормила
Твоих двух маленьких детей!

Девичья грудь — она надменна,
Горда! ее заносчив взгляд!
Твоя — скромна и сокровенна
И мне милее во сто крат!

Она мной чуется так ярко,
Сквозь ткань одежд твоих светла...
Предупредил меня Петрарка:
Лаура девой не была.

710. ДИКИЙ ЦВЕТОК

Дикий цветок, ты меня полюбила
И в беззастенчивой страсти твоей
Светом горячей любви окаймила
Скорбные пустоши старческих дней!

Дикий цветок, я тогда не заметил,
Как эта страсть родилась, как цвела;
Видно, слепым был, не в пору ответил —
Вижу теперь, как она убыла...

Ты говоришь мне: «О, как я любила!
Как я любила... нет, ты бы не мог...»
Правда твоя! ты мне очи открыла...
Не осыпайся, мой дикий цветок!

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

711

Умерший я не отрицаю
Ни тяготенья, ни наук;
Значенье их в миру я знаю;
Но здесь они — пустейший звук!
В них только отклики былого...
Почти что также на земле
Бессмертие — святое слово
Скрывалось, будто бы во мгле.
В тончайших выводах познанья
Светлейших, выспренных умов
Всегда являлась, вне сознанья,
Суть сутей... не хватало слов!
Что проще, — здесь давно решили —
На чем честнее стать в тупик:
Как мыслим дух без плоти — или
Как мир из клеточки возник?

712

Вопрос, в котором смысла мало:
Кто создал Господа-Отца?
А я спрошу вас: где начало,
И где конец кольца?

Тут думать — значит бесноваться
И мысль не выяснить никак,
На месте биться и топтаться —
Пока придет столбняк.

713

И вот в одной большой стране
Живыми лаврами венчали
Воителя. Все ниц упали...
Как стыдно и как больно мне!
Воитель изверг! кровь глодает,
Он обратил в волков войска;
Он пальму первенства стяжает,
Из всех убийц во все века!..
Но, что земных восторгов клики,
Хвалений мощных ураган?
Шум еле видной повилики
С весны ползущей на Монблан;
Совсем ничто! Да! мы здесь вправе
Земных громóв не признавать;
Нам представляется здесь въяве,
В чем мощь и где ее искать.
Пускай кричат убийце «Слава»!
И в нем великий гений чтут, —
Везде, повсюду, слева, справа
Те, что кричат ему — все лгут!
Лгут беззаветно, лгут ехидно,
Лгут все, всегда, кому не лень!
Той лжи земной с земли не видно,
Но нам ясна она, как день.
Он в людях — волк! ступенькой ниже
Спустился; выродился он;
Ублюдком стал к животным ближе
И для бессмертья не рожден.
От высших форм идет развитье
И волку в небе не витать!
Что значит Богу челобитье
Страны, готовой все продать.
Как хорошо, что миновали:
Для нас: и ложь, и произвол...
Да! если б жить нас вновь призвали —
Скажите: кто же бы пошел?

714

«Какие там за гробом краски?
Какой в загробной жизни вид?
Снимите с наших глаз повязки», —
Толпа живущих говорит.

И я отвечу: «Как могу я,
На точку зренья смертных став,
Судить о чувстве поцелуя,
О чувстве слез — не испытав?

Не подлежит совсем сомненью,
У мысли с словом не лады,
Не всё доступно объясненью:
Цвет воздуха и вкус воды?!

Что ясно нам — то вас смущает,
Но, чтобы вам, как нам, прозреть,
И это всех вас ожидает —
Легко — вам надо — умереть.

В науках чудные открытья
Законным шествием идут.
В час вашего сюда прибытья
Открытья явятся и тут».

715

Над древним Новгородом говор небывалый, —
Тысячелетью памятник открыт!
Народу множество. Пошли большой и малый,
А также мы, былых людей синклит.
Живые люди нас совсем не замечали,
Но мы могли всех наших отличать;
И наши сонмища терялись в дальней дали,
Где Ильмень-озеро и быстрая Ловáть.
Князья, правители великого почина,
Все люди гения, все мощные умом,
С простыми, бледными, сливаясь воедино
Вкруг новгородских стен чудовищным кольцом.

Тогдашний царь стоял. Колокола гудели...
Свершилось торжество; рассыпался народ.
Чтоб память сохранить об этом дне, успели
Живую светопись пустить отвсюду в ход.
Что можно сделали, но все-таки напрасно:
Вся ваша светопись и лжива, и плоха:
Живые вышли все, отчетливо и ясно,
А мы, незримые, нам даже ни штриха.

Увидев оттиски, не захотел смотреть я.
Подобья истины в тех снимках не сыскать!
Над Волховом-рекой, и в день тысячелетья
Нас были сонмища, а их и не видать.
И только лишь один, лежавший в летаргии,
В больнице, говорил, что всех нас распознал,
Поведал он врачу: пошло по всей России...
Но знали только мы, что тот больной не лгал.

716

И помню, что не так как нужно
В мои смертный час скончался я,
Сказал бы я родным: «Уйду я,
И в эти не вернусь края,
Зато все вы ко мне придете!»
И я сказал бы также им:
«О! радуйтесь! когда снесете
Меня в мой срок, ко всем другим.
О! радуйтесь! пускай веселье
Проникнет к вам во все сердца,
Прикройте, если вас тревожат
Черты погасшего лица!
Я отряхнул, сюда представший,
Всё то, что жизнь мою гнело,
И грустен только вашей грустью...
Всё остальное здесь светло».

А было иначе на свете,
Тому давно прошла пора,
На тризнах люди пировали,
И веселились до утра.
То были отклики, быть может,
Веков, которых след погас,
Людей ближайших к дням творенья,
На смерть смотревших лучше нас.
Тот светлый взгляд на смерть утрачен...
И много, много шло веков,
В них мысль людская сочиняла
Весь ужас желтых костяков.

717

Да, есть ирония порою и у нас.
В псалме Давидовом загробные — смеются!
Юриста встретил я!! во всех правах погас!
«Вы умерли вчера и здесь вы из юнейших,» —
Внушаю я ему, «вы скромненький теперь,
Увертливости здесь, речистости не надо!
Всех узнаем вполне и, даже, с полувзгляда!
Какой вы маленький! хоть мерь вас, хоть не мерь!
Взывали к правде вы — но правды вы не знали,
Взывали вы к добру — не ведая добра,
Как дружно плакали все те, кто вас слыхали,
Вас на вес золота ценя, не серебра;
Какой вы слабенький, покорнейший из лживых;
Трескучий фейерверк в былом, как ни взгляни!
Здесь самозванства нет и нет карьер красивых,
Нет!! истинный свой вид подай и разверни!
Но, к сроку вас простят, прямым путем направят,
Со временем ваш вид — он тоже будет чист,
Здесь нет глумления, здесь никого не травят
И не возьмут в расчет, что вы большой юрист!»
Он глянул на меня, печальным взглядом, скромным;
Разгаданный в себе и видимый насквозь,
И медленно примкнул к теням почти что темным,
Которых несколько вблизи меня неслось!

718

Писатель здесь один. Он глубоко сконфужен
Тем что глубоко пуст и никому не нужен,
Не нужен потому, что только сочинял,
Туманы выдумав — туманы расчленял.
Он облюбовывал: гниль, язвы, смрад и струпы
И лакомством считал одни лишь только трупы;
Он у повешенных их ноги отгрызал,
И «бездну» красную томительно лобзал.
Ему светила ночь пятнистым серым брюхом,
И харкала песком! Песок служил обухом
И бил по сырости и гнили мертвых тел
Перед большой «стеной»...

Он перелезть хотел!
За нею благодать! Вопил: «ее венчаем!
Кровь будет пурпуром, а мозг наш горностаем!
Чтоб взлезть, нам надобно детей своих крошить,
Себя, родителей и дедов потрошить...
И в чудном облике, художественно смелом
Мы опрокаженные и душой, и телом,
Вглубь опорочены, вконец изъязвлены,
Мы, слава наших дней и честь своей страны,
Мы похудеть должны, чтоб острые лопатки
Могли просунувшись цепляться в щели кладки,
И надо, чтоб взлезать, на трупы трупы класть...»

Писатель позабыл, что этих трупов часть,
Все нижние, погнив, опустят верхних ниже...
Так было в Лондоне, в Берлине и в Париже!
Но это что ему? писатель, шлем одев,
В квадриге на Сенной раскрыв широкий зев
Чревовещал толпе от недр утробы мира
О пользе своего живого эликсира!
И слушали его в толпе, раскрывши рты!..
Но здесь-то, между нас, как нам понятен ты!
Как много видим мы сюда в свой срок представших,
Тебе поверивших и под «стеною» павших!
О! сколько, сколько жертв! как много малых сих
Пошедших к мареву тлетворных уст твоих!

719

Мне вспоминается, что в жизни я когда-то
Писал исследованье. Был я юн тогда;
И всё профессорство, старó и бородато,
Его захаяло. Погибло без следа
Мое творение. Теперь его открыли
И много нового для мысли извлекли
И я присутствовал, невидимый, как чтили
Меня премудрые! Как многие нули,
Что мне поставили, вдруг в сотни обратили
Прибавив палочки. Я был, признаться, рад!
Что жизнь в бессмертии — законный постулат
В исследованьи том я доказал научно;
Что погибать душе со смертью не сподручно
По смыслу сущности развития всего,
Живущего в миру! Всё низшее — мертво!
Развитье же идет от высших проявлений
Сложнейших в жизни форм; что высшей, вне сомнений,

Является душа и что погибнуть ей —
Одна из истинно беспочвенных идей...
И вот прошли года! Явилось вдруг признанье
Моих земных заслуг! большое заседанье
Мужей научнейших явилось на поклон
Ко мне, забытому! Портрет мой водружен
В ряду известнейших, почтеннейших, мудрейших;
Но к чествовавшим я, увы! предстать не мог,
А вывод был бы в том яснейший из яснейших;
Бессмертный, видимый от головы до ног,
Я сам предстал бы к ним тогда для убежденья
В непогрешимости немудрого ученья,
Давно изложенного в длинном ряде строк.

720

Я видел с высоты: под первою порошей
Оделся снегом темный лик земли;
Но, отягченная своею новой ношей,
Она, по-прежнему, свершала путь вдали.
Кой-где над нею стайки туч краснели,
Их солнца вечный свет любовью освещал;
Озера и ручьи, моря обледенели,
Весь скучный лик земли на краски обнищал.
Всё полушарие мгновенно побелело...
Я вспомнил, что в те дни, когда еще был жив,
Когда в обычный срок зимы всё холодело,
И наступал покой лесов, лугов и нив —
Песчинкою в пески заброшенный судьбою,
Я только вкруг себя снега воспринимал —
Теперь ковер зимы далёко подо мною,
И белая земля не больше чем кристалл.
И так она теперь мала, со мной в сравненьи,
И вскормленник ее, теперь я так велик,
Что, если бы не смерть, я, обреченный тленью,
И приблизительно покой бы не постиг!

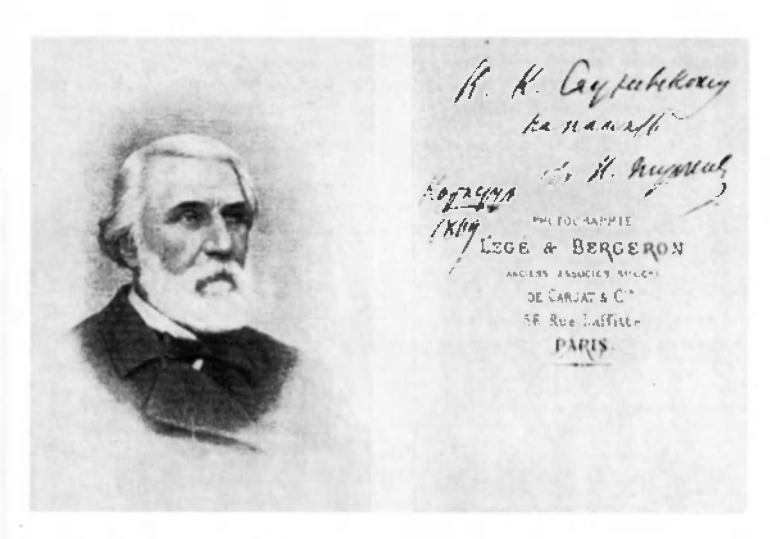
721

Когда бессильны убежденья,
Мой бедный, вразумить тебя
И ты, сознанье теребя,
Логично лжешь на смысл творенья;

Когда ты хочешь доказать,
Что души смертных — воплощенья
Одной большой души, явленья,
Которым быть и исчезать, —
Тогда, тогда, нет, не к уму,
А к сердцу надо обратиться;
В вопросе чувств решать ему,
Ему труднее отступиться!
Пусть сердце голос свой подаст,
Прорвав с привычным увлеченьем
Снегов мышленья грузный пласт,
Лежащий над его биеньем!
Его вопросом всполоши,
И жди простого заключенья:
Сосуды ль вы для воплощенья
Какой-то мировой души?
Душа на время ль в вас ютится,
Душонкой мелкою живет,
И в срок, когда ей возвратиться,
Уходит каплей в лоно вод.
О! нет! такая мировая
В вас снисходящая душа,
Лишь напрокат себя давая,
Совсем, совсем не хороша!
Нет! Бог любви живой — понятен!!
Вам на земле, родившись, жить
И, полным блеска или пятен,
Сюда к развитью восходить!

К. К. Случевский в 1855 г. в форме офицера Семеновского полка

Н. Н. Рашет — первая любовь К. К. Случевского



И. С. Тургенев. Фотография, подаренная Случевскому

Вид Гейдельберга

Случевский. 1870-е гг. (?)

Дружеский шарж
на Вл. Соловьева в
юмористическом листке
«Словцо», издаваемом
кружком Случевского

К. К. Случевский. Сын поэта
(из книги: Случевский К. К.
(Лейтенант С.).
Стихотворения.
СПб., 1907)

Случевский. Фотография начала 1890-х гг.

Участники «пятниц» — вечеров К. К. Случевского. Фотография 1905 г. Стоят: крайний слева — А. А. Коринфский, пятый слева — Ф. Сологуб, крайний справа — К. К. Случевский-сын

Случевский за работой. 1899 г.

Случевский. Фотография, помещенная при некрологе в журнале «Исторический вестник» (Исторический вестник. № 11. С. 759)

Обложка книги Случевского «Песни из Уголка»
(СПб., 1902) с видом на имение Случевского
«Уголок» в Усть-Нарве

Фотография могилы Случевского

ЭПИГРАММЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

722. ПЯТНИЦАМ 1899—1999 ГОДОВ

В сознании любви и страха
Смотрю я на грядущий год —
Год возрожденья Альманаха:
Что он нам даст и чем возьмет?

Да единение — есть сила!
Здесь не одни мы — здесь и все,
Кого в свои срок взяла могила
В литературнои их красе.

Блуждают милые нам тени
Певцов, умолкнувших в свой срок...
Пред нами новые ступени,
А в пройденных для нас урок.

Пусть в гармонических мотивах
Звучит родной нам русский стих,
Гудит в приливах и отливах,
Идет от мертвых и живых!

Бессмертна сила песнопенья...
В неи есть свои оцепененья —
Но также и могучий взлет...
Так или иначе, вперед!

24 авг<уста> 1899 г.

723

Ароматныи запах чая
Под китайским фонарем...
Как китáянка сквозная,
Ты рисуешься при нем!

Очи черны, брови черны,
Платье пламенем горит;
Складки красные покорны
Лечь, как стан твой повелит.
Но в тебе великий холод...
Мандаринам не чета,
Я открыт всем сердцем, молод...
Ты — всем сердцем заперта!

724

Обеды... завтраки... Жизнь кухнею разит...
О родина святая!
Какой желудок не ворчит,
Тебя воспринимая!

725

Что мне твои недостатки?
Знаю их! ведаю их!
Мелкие их непорядки
Тонут в порядках больших.
Вся ты чудна и пригожа,
Вся создана для того,
Чтобы, вконец растревожа,
Сгинуть, не дав ничего.

726

Не шутка — первое áпреля:
Весь мир — и врун и пустомеля;
Но только раз единый в год
Он врет и это признает.

727

В тебе, о человек!
Ребенок перезрел:
Пришел XX век —
Но ты не поумнел...

728. НА УЖИН СВЕРХ-ПЯТНИЦЫ

(Палкин трактир, 17—18 мая 1902)

Часто скучны, редко шустры,
Иногда и с хохотком
В пятилетье римской люстры
Мы вступаем всем кружком.

Невменяемые люди,
Родовиты все мы тем,
Что идем от древней Чуди,
Только разных форм и схем!

Тех Москва воспринимала,
Этих нянчил Петербург!
Геба соску нам давала,
Холил гностик Демиург!

Бестолковы мы по-свойски;
Психопаты иногда;
С рифмой возимся геройски;
Смысл нам не всегда узда!

Но, товарищи, поверьте:
Нам удел особый дан!
Херувимы мы иль черти —
Все мы отпрыски цыган!

И к добру ли, или к худу,
Места жительств нет у нас,
Бессарабия повсюду,
Знай, кочуем в добрый час!

Пью за дивное цыганство,
За свободу всех умов,
И чтоб в нас души убранство
Было всех семи цветов!

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ БАЙРОНА

729

Когда наш теплый труп по смерти остывает,
Какой безвестный путь душа должна избрать?
Оставив пыльный след от взоров исчезает —
Но как, куда, зачем, кто может в мире знать?
И что с душой тогда? свободна и беспечна
Нейдет ли по путям неведомых планет?
Не расплывается ли оком бесконечным
Везде и вдруг, и ей преграды нет?

Без формы, без конца, и вечно-юна в силе
Невидима сама в надоблачной тиши,
Всё то, что небеса с землей в себя вместили,
Представится очам и памяти души;
Прошедшее само, с загадочным нарядом,
Исполненное тайн, смесь света и теней,
Раскроется тогда перед могучим взглядом,
Раздвинется сполна картиною пред ней.

Духовный взор ее взлетит до дней печальных,
В хаóс довременный, где Бог творить взялся,
Он за рубеж небес поникнет самых дальних
И в их течении изучит небеса.
Иль вызовет душа грядущее к свиданью
И вскроется оно понятно, ясно ей,
И, видя, как падут системы мирозданья,
Недвижна в вечности останется своей.

Поверх тревожных чувств она установится,
Блаженна и чиста, в ней страсть не задрожит,
И перед нею век, как год земной, промчится,
А год земной, как миг волшебный пробежит.

Всегда свободная в поступке и желаньи
Без крыльев, без труда — куда и как лететь;
Таинственный жилец без формы, без названья,
Забывший даже то — что значит умереть.

27 марта 1857

730. СТАНСЫ

Нам нельзя полуночных гуляний
Продолжать в час всеобщего сна,
Хотя сердце ждет тех же свиданий,
И луна, как и прежде, ясна.

От клинка протираются ножны,
От страстей разрывается грудь;
Нужен сердцу покой невозможный,
Да должна и любовь отдохнуть.

И хоть ночь создана для лобзаний,
Тех лобзаний, что дню не видать,
Мы с тобой полуночных гуляний,
Милый друг, не должны продолжать.

19 мая 1857

ИЗ ВИКТОРА ГЮГО

731

Земля суровая, бесплодная, скупая,
Где мрачные жильцы, спокойствия не зная
В ответ себе, как дар, за свой тяжелый труд
Безвкусный хлеб с полей себе на пищу жнут;
Где черств и человек — питомец черствой нивы;
Большие города — из них бледны, чуть живы,
Бегут оскорблены мир, вера и любовь;
Где гордость всем мила, и где волнует кровь
Одна лишь ненависть; где смерть слепа, бесстрастна,
При назначеньи жертв так странно безучастна;
Где нет прекрасного без мрачной стороны;
Где правота и честь продажны и смешны;
Где вследствие страстей рождаются страданья;

Там степь палящая, здесь холод — смерть всему;
Взволнован океан Бог знает почему;
На нем трещат суда, им смертью ночь грозится;
Здесь в шуме и дыму́ лежат материки,
Где с факелом в руках война ведет полки,
Где где-нибудь всегда пожарище крутится;
Где в сшибках яростных кипит кровавый бой —
Чтоб та земля была небесною звездой!

22 марта 1857

ИЗ ОГЮСТА БАРБЬЕ

732. IL PIANTO*

Да! грустно на земле одно лишь зло встречать,
Настраивать свой стих на стон и вопль кручины,
На ясных небесах бег тучи подмечать,
В лице смеющемся отыскивать морщины.
Счастливы вы, кому дано в удел
В искусстве знать одно лишь наслажденье!
Но я! когда бы мне возможно было пенье
О неге и любви, когда бы я запел
О милой девушке, мечтательной и стройной,
О да! и у меня, живой и беспокойный,
Родился бы свой мир и зароились сны;
Я пел бы вас, луга, и вас, красы весны,
И в песнях бешеных, в капризах вдохновенья
Я перешел бы жизнь без грома и волненья.

Но голос внутренний, он говорит в поэте,
Что каждому из нас дана и роль на свете,
Что каждый из людей, отпущенных земле,
Несет клеймо судьбы в груди и на челе;
И должен человек, наперекор желанью,
Идти путем своим и следовать призванью;
И встречному поклон! неопытную руку
Ему подай ты, друг, но кто он — не смотри;
Иди, иди вперед, неси и труд и скуку,
Жди ночи, а за ней — загадочной зари.
Я лекарь, и меня судьба к тому призвала;
Моя больница — мир. Я поднял одеяло,
И, чтоб от гноя ран не пострадал больной,
Я пальцы наложил на раны и на гной!

29 мая 1857

---

* Плач (*итал.*)

ИЗ НОВАЛИСА

733. В ГРУСТНЫЙ ЧАС

Если в грусти, с замираньем,
Сердце бьется в нас чуть-чуть;
За болезнью, за страданьем
Входит робость в нашу грудь;

Если близких вспоминаем —
Как их горе унесло,
Тихо слезы проливаем
И вокруг нам не светло:

В те часы Господь к нам ближе,
Мир иной нам создает —
Опускает небо ниже,
Тихих ангелов к нам шлет;

Снова к жизни пробуждает,
Новой твердостью дарит —
И, звуча, не пропадает
В нас молитва, что звучит.

ИЗ ШИЛЛЕРА

734. ДРУЗЬЯМ

Да, друзья мои, бывало время краше, —
Спорить нечего: красивее, чем наше, —
Жил великий в древности народ!
Если б летописи наши умолчали, —
Камни мертвые конечно бы сказали!
Их земля порою отдает.

Но прошло, исчезло это время
Даровитое и мощное во всем, —
Мы же живы! Нынче наше время!
Прав, кто жив; а мы — теперь живем!

Да, друзья мои, есть, есть края иные —
Лучше нашего и нам совсем чужие,
Как об этом люди говорят.

И хоть многого лишила нас природа,
Но в искусствах есть и сила и свобода,
И они нас ярко золотят.

Если лавр у нас не возрастает,
Если миртам здесь зимы не простоять,
Но зато мы виноград вкушаем
И всегда властны венки из роз сплетать.

Пусть, бушуя волны жизни ходят,
Там над Темзою, где люди шумно сводят
Все счета на рынке мировом.
Где без устали меняются товары,
Где диковинками полны все амбары,
Где богатый царствует рублем!

Но не в ливень, не в реке сердитой,
Извивающейся мутною волной, —
Нет, в ручье, в струе до дна открытой
Солнцу нравится покоить облик свой.

Да, счастливей нас — на севере рожденных,
В пестрых рубищах, огнем небес спаленных,
Римский нищий день за днем живет.
Он — любимый сын, он — баловень природы:
На глазах его, внедряясь в неба своды,
Храм Петра Святого восстает.

Но над Римом царствует забвенье,
Умер гордый Рим за много лет до нас;
Может жить лишь свежее растенье,
И живет лишь то, что живо в этот час,

Пусть великое свершается другими,
Мы же счастливы богатствами своими,
И — ничто не ново под луной;
Можем видеть мы на театральных сценах:
Длинный ряд событий в пестрых переменах —
Все века проходят чередой.

Жизнь себя так часто повторяла,
И не старится фантазии стезя!
Что нигде, никак, ни в чем не возникало, —
Только этому состариться нельзя.

III.

ПОЭМЫ

735. В СНЕГАХ

Памяти А. А. Григорьева

I

Ой ты наш хмурый, скалистый Урал!
Ты ль не далеко на север взбежал?
Там, в Татарве, из степей вырастая,
Тянешься к острым рогам Таганая,
До Благодати горы, до Высокой,
Дальше, всё дальше, к пустыне глубокой,
Рослые горы в холмы обращаешь,
Плоскими тундрами к морю сползаешь
И разбегаешься в крае пустом,
Спящем во тьме шестимесячным сном...
Слева Европа, а справа Сибирь...
Как ни прикинешь — великая ширь!
Там реки темные, реки могучие
Катят холодные волны кипучие,
Льются по тундрам, под гнетом тумана,
В темную глубь старика Океана,
Гложут работою струй расторопных
Мамонтов древних в мехах допотопных;
Тут, к Каме, к Волге, со скатов Урала,
Речек не сотня одна побежала,
Речки прилежные и тороватые
Двигать колеса заводов зубчатые,
И уносить до неведомых стран
Тысячи барок, расшив и белян!
Там — дебри мертвые, тишь безотрадная,
В рудах богатства лежат неоглядные, —
Здесь — руды в медь и чугун обращаются,
Камни шлифуются и ограняются!
Там — летом быстрым по груди могучей
Даль обрастает травою пахучей,
Почки выходят, цветы зацветают,
Вышли без нужды — не впрок увядают,
Некому срезать их, в копна сложить,
Сыплется семя, чтоб без толку сгнить;

Тут, где великая степь развернулась,
Гладь черноземная вдаль потянулась,
Копна, скирды и стога поднимаются,
Точно как умное войско равняются,
И разлеглись на пространствах больших
Села вдоль улиц широких своих!

***

Может, в Европе, а может, в Сибири,
Вдоль по безмолвной, немеряной шири,
Берегом озера, желтым, сыпучим,
Слева обставлена бором дремучим,
Вдоль по пологому скату отрога
В гору бежит ни тропа, ни дорога...
Как сиротинка забыта, одна,
Бледным вьюном пробегает она.
Тут незаметно, а там повидней,
Вертится, вьется у камней и пней;
Шла она степью, пробьется и бором,
Спорит, безумная, с мощным простором!
Не на бумаге ее сочинили,
Не на казенные деньги взводили,
А родилась она где-то сама,
Делом каким-то, чьего-то ума,
В степи отважилась, в горы пустилась,
В темные пущи, в ущелья пробилась;
Лезет из мертвых, бездонных трясин
К светлым зазубринам горных вершин!
Лепится с краю мохнатых утесов,
Скачет без всяких мостов и откосов;
Так она странно и дерзко бежит,
В воздухе будто бы вьется, висит,
Так, иногда, высоко заберет,
Что у прохожего сердце замрет, —
И обрывается, гибнет тайком
В Божьей пустыне, охваченной сном.

***

Что-то давно уж, дорога-змея,
Ты не встречала людского жилья,
А о ночлеге, что ты посетила,
Чай, ты, дорога, совсем позабыла.
Что за дорога? Кому тут пройти,
Тут, где людского жилья не найти?
Вьючные кони тебя протоптали,

Ноги людские топтать помогали;
К россыпям, к золоту, летней порой
Ездят охочие люди тобой,
Ездит всё ловкий, умелый народ...
Только как ранняя осень придет,
Вырастут ночи, морозы проглянут,
Горы совсем непролазными станут,
Самой дороги тогда не сыскать,
Будто ей любо, как сон, исчезать!
Любо, чтоб люди о ней позабыли,
Чтоб за песком золотым не ходили,
Чтобы не ездил тут ловкий народ,
Тот, что за золото всё отдает, —
Чтобы самой ей заснуть лежебоком,
В белом снегу, бесконечном, глубоком,
Чистом, невинном, как грезы детей,
Полном одних только звезд да лучей!

***

Словно как в шубе, во мху и в коре,
Плотно прижавшись к песчаной горе,
Будто в защите у сильного друга,
Смотрит с пригорка ни дом, ни лачуга!
Лыком да ветками взад и вперед
Ветер по крыше без умолку бьет;
Вдоль по двору, за плетневым забором,
Воет и свищет и ходит дозором,
Лезет в трубу, будто ищет пути —
Как бы к огню отогреться пройти?
Точно как глаз, позабывший закрыться,
Смотрит окно у крылечка, косится;
Смотрит на то, как далеко кругом
Тянутся, стелются холм за холмом,
Как, бахромой обрубив небеса,
Высится дальних лесов полоса;
Как из-за красных, сосновых стволов,
В тихом безлюдье своих берегов,
Близкое озеро, мрачно чернея,
Вяло разводит волной, костенея,
Как разгулялись по озеру льдины,
Ходят гуськом, как живые морщины!
Ветер... туман... Из него, как из пыли,
Звезды на небо светить проступили,
А по окраинам спящей земли
Белые тучи слоями легли;
Так они низко на землю спустились,
Так успокоились, угомонились,

Так что, подумаешь: станет светать,
Ветер не в силах их будет согнать!
Сгонит, однако!.. Над низкой трубой
Вьется с лачуги дымок голубой;
Ветер его, подхвативши, несет
И на кусочки на воздухе рвет, —
И улетают, и тают они,
Мал мала меньше, как зимние дни...

***

Русь! Ты великий, могучий поток!
Вьются в тебе, как в стремнине песок,
Жизней людских сочетанья различные,
Только тебе лишь, единой привычные,
Только в тебе лишь одной вероятные,
Людям, чужим тебе, — малопонятные!
Вот и лачуга, что тут приютилась,
В степь, будто искра во тьму, схоронилась, —
Это особая в мире статья,
Новый, невиданный вид бытия!
Житель ее — невысокий мордвин,
Верст сотни на две живущий один.
Этот мордвин, этот домик, дорога
Значатся в описях разве у Бога,
А для людей — их как будто бы нет,
Даром что много им от роду лет.
Мир их не знает и ведать не ведает,
Помнить не будет, когда и проведает;
Правда без плоти в них, быль без былья,
Опыт, набросок, порыв бытия,
Что-то, как воля судьбы, неминучее,
Что-то нескладно, но цепко живучее...

***

Стар ты, мордвин! Ты б лета свои знал,
Если б, как должно, их с детства считал,
Если б другие считать помогали, —
Кто ты, откуда, чем прежде был, знали;
Если б те годы, что прочь улетали,
Хоть бы на малость различны бывали!
Знал бы ты также: крещен ли ты был,
Как стал Андреем, где в церковь ходил, —
Если бы церкви да были поближе,
Поп поусердней, а Бог Сам — пониже...
Впрочем, порой ты и песни поешь.

Вот и теперь. Отточивши свой нож,
Лыжу ты режешь, испод ее гладишь —
То-то помчишься, коль ловко наладишь!
Ростом ты мелок и узок в плечах:
Кожа лоснится на желтых щеках;
Скулы широкие, толсты и сильны,
Ус жидковат, зато брови обильны;
Глаз твоих щурых совсем не обресть,
А на рубахе заплат и не счесть!
Белой была она, да посерела;
Больше всего в ней кайма уцелела,
Держится плотно, сроднившись с холстом,
Красною ниткой и синим шнурком.
Славный рисунок каймы у рубахи!..
Пояс, по поясу белые бляхи;
Ног, из-за стружек, совсем не видать.
Поздно же должен, старик, ты стругать!
Видно, короткого дня тебе мало!
Солнце за степью давно уж упало;
Светлые звезды по небу поплыли,
Жизнью безмолвною степь оживили.
Тихою песней твоей, старина,
Горенка вся с преизбытком полна!
Правда, что мало в той песенке толку,
Капает, будто родник, втихомолку,
Всё по одной да по той же звучит,
Дела не скажет, молчать не молчит...

***

Вот уж десятую зиму, Андрей,
Сам ты хоронишься в недра степей,
С Лайкой-собакой, сам-друг проживая:
Лайка на волка похожа, седая...
Где ты и как ты до этого жил,
Скажет — кто ветер степной уследил!
Месяцев восемь, с излишком, пройдут,
Прежде чем люди опять подойдут.
Нанят ты с тем, чтобы быть тут и жить,
Ломы, кирки, решета сторожить,
Книги какие да счеты беречь,
В горенке темной протапливать печь,
Снегу лачуги сдавить не давать,
В стойла пустые волков не пускать.
Сам ты не знаешь, кем нанят ты был,
С кем договор на словах заключил?
Так же и те, кто тебя нанимали,
С кем они дело имеют — не знали.

Даже и домик приземистый твой,
Бог его ведает, чей он такой?
Кем он поставлен, он тоже не знает:
Разных хозяев в себя принимает...

***

Новая это зима подошла.
Будешь ты ждать, чтоб и эта прошла,
Ждать, когда снова народ подойдет,
Пьяный, тревожный, беспутный народ!
Много их шляется той стороной
В жаркое лето, горячей порой!
В стойлах усталые кони храпят,
Люди, ночуя, вповалку лежат;
Водка и песни текут спозаранка,
Под вечер говор, чёт-нечет, орлянка,
Бабы... У многих припрятан тайком
Ценный мешочек с намытым песком:
Прячут и блестку, хранят и пылинку...
Зерна — с горошину, зерна — с крупинку...
Только как первая вьюга пройдет,
В горные щели снегов нанесет,
Вихри по степи, по озеру шквалы,
Словно для шутки устроят провалы,
Южная птица умчится в испуге, —
Снова покинут, в забытой лачуге,
Схимником неким живешь ты один
В гробе открытом холмов и долин;
И над безмолвием тихой могилы
Движет зима безобразные силы!

***

Темная ночь по Сибири шагает,
Песню у печки Андрей напевает,
Мерно под песню уходит работа...
Слышит он: будто стучатся в ворота?
Лайка встревожилась, быстро вскочила,
Зубы осклабила, хвост наструнила.
Цыц! Не топырься! То ветер ревет,
Старою веткой по надолбе бьет;
Ветку бы срезать... И кто ж в эту пору
Пустится в путь по степному простору?
Снег не осел и как раз занесет...
Нет! То не ветер стучит у ворот.
Живо Андрей свой фонарь засветил,

Вышел к воротам, гостей опросил!
Слышит он: баба ему отвечает,
Просит пустить; говорит — умирает...
Отпер ворота. А ночь-то темна,
Даром что звездами вся убрана.
Свет фонаря в темноте замирает,
Черным крестом белый снег застилает.
Смотрит Андрей: на клюку опираясь,
Ветхой шубенкой едва прикрываясь,
Сжавшись с мороза, старуха стоит
И не шевелится, только глядит.
Ветер лохмотьями платья качает,
Стукает ими, как будто играет;
Снег, что наплечники, лег по плечам,
Иней к ресницам пристал и к бровям.
Сжатые губы старухи черны,
Щеки морозом слегка прижжены...
«Эк ты, родная! Иди поскорей!..»
Тронул старуху рукою Андрей, —
Только старуха, как пень, покачнулась,
Молча, всем телом, на свет потянулась
И повалилась вперёд головой,
Будто как мертвая в снег молодой...

***

Зимнее солнце над степью всходило,
Яркий румянец на степь наводило;
Пышно сверкая, блестя, но не грея,
Золотом влилось в конуру Андрея;
В миски взглянуло, к ружью поднялось,
В низенькой кадке воды напилось,
В щель ее искру на дно заронило,
Всё осмотрело и всё осветило:
Белые стружки на темном полу,
Рыбу в лохани и лапти в углу.
К книжкам, на темную полку, всползало,
Даже заглавия книг прочитало:
Турнера — «Горное дело России»,
Штельцеля — «Опыты металлургии»,
Томик Некрасова, Милля — «Свобода»
И календарь исходящего года.
Лайке же солнце совсем досадило:
Прямо ей в морду так сильно светило,
Что недовольная Лайка проснулась,
Встала и несколько раз повернулась,
И, перейдя, улеглась под скамью,
Скалясь на грезу собачью свою...

***

Глаз не сомкнувши, над гостьей своей
Целую ночь провозился Андрей.
К утру старухе лицо пораздуло,
Гладко морщины по нем растянуло,
Яркая краска явилась на нем,
Пышет лицо необычным огнем.
Силы старуху совсем оставляли,
Губы, чуть внятно, молитвы шептали;
Было и так, что она не дышала,
Жизнь, уходя, на губах трепетала...
Что только могут без мудрой науки
Нищенский опыт да жесткие руки, —
Сделал Андрей. Утомился старик
И, подле печки, под утро, приник.

***

Солнце по небу тихонько идет,
Степь бесконечная свет его пьет.
В ночь миновавшую страшный мороз
Дню молодому подарки принес.
Озеро, стывшее с воплем вчера,
Скрыла сплошная, как саван, кора;
Груды летавшего с вечера снега
Стали, прикованы к месту ночлега;
Лес разоделся в тяжелую ризу
И поосел всеми ветками книзу...
Спят старики. Запоздавшего сна
Прочь не оттонит от них тишина;
День не принес стукотни и движенья,
Мирно свершаются их сновиденья.
«Ой! Как далёко до храма святого!..
Страннице время в дороженьку снова...»
Слышит Андрей... Поднялся, посмотрел...
Голос над ним, будто гром, прогудел, —
Так непривычен был голос людской
В этой лачуге и этой порой!
Сразу припомнил он стук у ворот,
Как он упавшую поднял, несет!
Вот она, тут... То она говорила...
Только что сила ей вдруг изменила,
Очи старухи глубоко закрылись,
Руки с шубенки тихонько скатились!
Поднял Андрей их, на грудь положил;
В печке погасшей огонь запалил,
В миску, на Лайку, на солнце взглянул —
И, потянувшись, широко зевнул.

***

Ежели лес молодой обгорит,
В нем запустенье недолго лежит.
Жизни в нем много! Чтоб выйти из пепла,
Ждать ей не нужно, чтоб сила окрепла;
Прет остриями побегов зеленых
Всюду из сучьев его опаленных;
Тут она почкой взойдет, там цветком,
Ей и от корня начать — нипочем!
Если же лес загоревшийся стар, —
Смертью проходит по лесу пожар,
В горьком дыму, трепеща и стеная,
Смрадом расходится мощь вековая;
В пене соков, в крупных каплях смолы
Ярко горят, разрываясь, стволы,
Будто бы груди, шипя, раскрывают,
Воздуха ищут, а где он — не знают!
Сыплются сучья, летят головни,
Стукаясь в камни и красные пни;
В уголь одежду свою обращая,
Лес исчезает, как греза живая!
И, от подпочвы, где в темной земле,
Жизнь под корнями роилась во мгле,
Вплоть до вершин, где над сочной листвой
Только крупнейший качал головой, —
Смерть водворяется в пепле, в золе.
Ох! Уж не так ли престать и земле,
В срок, когда к призракам, в должный черед,
Призрак людей от земли упорхнет?
Впрочем, не русской, бурлацкой натуре
Треснуть в пожаре, осунуться в буре.
Много промчалось и дней и ночей, —
Встала старуха с полати своей.
Только залег в нее, будто чужой,
Кашель какой-то глубокий, сухой;
Только сама она как-то осела —
Всё же недаром в морозе горела!

II

Вышел порядок в лачуге иной —
Будто Андрей обзавелся женой!
С прежней хозяйкой, — была она злая,
Прозвище было ей: жизнь холостая, —
С юности ранней, Господь ей прости,
Право — ну не было вовсе пути!

С новой иначе. Приперт в потолок,
Вывешен черный, как смоль, образок;
Значит узнает сейчас, кто войдет,
Что не татарин, не жид тут живет.
Метлы, лопаты сошлись в стороне,
Скромно уставились в угол, к стене;
С прежней хозяйкой иначе бывало —
Всё, вишь, бросалось куда ни попало;
Этим бесчинствам теперь не бывать —
Всякому в доме места свои знать.
Ну а того, чтобы миска какая
Сутки валялась, мытья ожидая,
Лайку прельщая своим содержаньем, —
Стало у мисок давнишним преданьем!
Мелкому миру по щелям стены
Тягость открылась ужасной войны:
Как только праздник придет небольшой —
Ерзает тряпка с горячей водой,
Жжет беспощадно в потемках келейных
Многие тысячи счастий семейных,
Жжет... А Андрей не поймет, почему
Спится спокойней и слаще ему?
Шапка ли лезет, рубаха ль порвется,
Выйдут лучины иль жир изведется —
Всякое горе хозяйка исправит,
Дела лежать никогда не оставит.
Даже на Лайку старуха ворчит:
И недовольная Лайка молчит!

***

Как-то никак старикам не случалось
Встретиться так — чтобы речь завязалась?
Скажут по слову, в глаза поглядят,
Скажут и снова упорно молчат!
Точно обоим, за долгим досугом,
Нечем им было делиться друг с другом,
И ничего в их умах не созрело,
Чтó бы сказаться порой захотело?
К слову случилось Андрею узнать,
Что его гостью Прасковьею звать.
Но уж различны, как «я» и «не я»,
Шли и свершалися их бытия!
Разно начавшись, нигде не скрестившись,
Шли, чтобы кончиться, объединившись;
Точно две струйки — в единую слились,
Два ветерочка — в один превратились!
Жизнь старика вся бесцветна была,

Облачком в горных туманах прошла;
Мимо событий, сторонкою, с края,
Всюду и всё обходя, проскользая,
Вечно безличная, не очертилась,
И, без остатка, в степях схоронилась.

***

Ну, а Прасковья, напротив того,
Видела, ведала много всего.
Ярко очерчена, окаймлена,
Обрисовалася в жизни она!
Всяких епископов, митрополитов,
Схимников разных прославленных скитов,
С мертвыми главами на власяницах, —
Знала Прасковья и видела в лицах.
На Валааме, в Печорской, в Задонской,
В дальних Соловках и даже в Афонской, —
Всюду она самолично бывала
И монастырских квасов испивала.
Свет увидала она на Хопре;
Выросла в службах, на барском дворе;
Бабою сделаться ей не пришлось:
Дрянное дело замужство, хоть брось!
Позже в Москве в белошвейках училась
И с барчуками, бывало, водилась.
У балерины одной знаменитой,
Нынче вполне, даже сплетней, забытой,
В горничных год с небольшим проживала,
Феей, вакханкой ее одевала!..
Постники-схимники в черных скуфьях,
Ножки танцовщицы в алых туфлях,
Говор в кулисах, пиры до утра,
Память деревни, разливов Хопра,
Грубые шутки галунных лакеев,
Благословения архиереев,
Ладан, пачули, Афон и кулисы,
Вкус просфоры и румяна актрисы —
Всё это как-то, во что-то слагалось,
Стало старухой, и то, что осталось,
Силой незримой в тайгу притащилось
И, обгорев на морозе, свалилось
В ноги к мордвину, вперед головой,
Старою льдиной на снег молодой!..

***

Как-то случилось, что пасмурным днем
Вьюга завыла по степи кругом.
Гулко помчались ее перекаты;
Снежные хлопья, толсты и косматы,
Воздух застлали, в окошко набились...
К печке молчать старики приютились.
Долго не двигаясь, оба сидели
Слушая рев и рыданья метели...
Ну, да пришлось же и им говорить:
«Я Верхотурье пошла посетить;
К дальней обители на покаянье,
Было такое мое обещанье...»
    «Да, Верхотурье, слыхал стороной,
    Там, за горами, есть город такой...»
«Есть и другой город, Пермью зовется;
К Перми народ пароходом везется.
Дальше, сказали, дорогой пойдешь,
Ближние горы когда перейдешь,
Там, где большая река побежит, —
Тут-от обитель сама и стоит.
Вышла в дорогу я ранней порой,
Только что почал народ с молотьбой.
Шла бы скорей, да частенько хворала,
Шла потому, что давно обещала.
Только не тот, видно, путь избрала!
Тут я семь суток болотцами шла,
Прежде чем хату твою повстречала.
Ну и не помню уж как постучала...
Хлебушко вышел, не слушались ноги,
Знать бы вперед, что страна без дороги!
Я уж святую Варвару молила,
Чтобы не вдруг меня смерть посетила;
Чтобы покаяться время мне дать...
Стала заступница смерть отгонять!
Хату твою из земли подняла,
Словно не я, а она подошла!
Прямо на самом том месте явилась,
Где мне сырая могила открылась...
Значит, для смерти душа не созрела,
Грех мой не выхожен странствием тела!..»

***

Грех!.. Это слово чуть-чуть прозвучало
И, отделившись от прочих, — отстало...
Быстро и часто старуха крестилась...

Снежная вьюга всё яростней злилась!
В двери стучалась, окошком трясла,
Ревмя ревела, все петли рвала!
Будто бы грешные души какие,
Малые души и души большие,
Силы бесплотные, к аду присчитаны,
Не упокоены и не отчитаны,
Бились неистово и распинались,
В хату гурьбою ворваться старались!..

***

Красноречива, но с виду проста,
Простонародья родная черта:
Тех не расспрашивать, к слову не звать,
Кто не желает чего рассказать.
Эту черту в нем столетья питали,
Многое с детства таить приучали;
Тут, да тогда, приходилось молчать,
Свой ли, отцовский ли стыд укрывать.
Ну и расспросов в народе не любят,
Редко о чем загалдят да раструбят...
Так и теперь со старухою было:
Грех, значит, есть, а какой — не открыла;
Сам же Андрей расспросить не хотел.
Только поутру, как день засерел,
Вышел он снег от дверей отгребсти,
Дров наколоть и воды принести;
К дому вернулся с дровами, глядит:
Крестик на двери наружной прибит!
Вспомнил он, как из метели вчерашней,
Друг друга резче, смелей, бесшабашней,
Клики гудели, росли и серчали,
Словно как духи какие стонали,
Чуяли грех! И сбегалися к двери
Будто на падаль полночные звери! —
Крестик теперь над дверями повешен:
Смолкнет Нечистый, хотя он и бешен;
Крестик Господень его остановит:
Он, хоть не слышно, а всё славословит!

***

Страшная, злая стояла зима!
В елях построив свои терема,
Резвых кикимор к ветвям пригвоздила,
Нежным снежком их хребты опушила;

Юрких русалок опасный народ
Спрятала в тину, в коряги, под лед;
Леших одних допустила бродить,
Робких людей по лесам обходить.
Дни обрубила зима не жалея!
Только что солнце заблещет краснея,
Вслед за ним тянется хмурая тьма:
«Я, — говорит, — заблещу и сама!..»
Ночь выступает во всю вышину,
Звезды сзывает гореть и луну,
И рассыпает, куда ни взгляни,
Зеленоватые блестки, огни...
Зимняя ночь! Ты глубоко светла!
Чья ж это ласка тебя нам дала?
Кто, в утешенье угрюмого края,
Дал тебя северу, ночь голубая?!
Только одна ты по росту степям,
Шире ты их — обняла по краям.
В вас, ночи долгие, ночи хрустальные,
Вволю наплакаться могут печальные;
Вволю натешиться могут распутные,
Вечными кажутся скорби минутные!
Мыслью, блуждающей мрачно, тревожно,
В вас до безумья додуматься можно!
А немоты в вас, глухого молчания —
Хватит с избытком покрыть все страдания!..
Это ль не милость судьба нам дала,
Чтобы по Сеньке и шапка была,
Чтобы да в том же краю процветали
Долгие ночи — большие печали!

* * *

Изо дня в день старики наши жили,
Чаще, чем прежде, они говорили.
Много того, что Андрей услыхал,
Он от рожденья и вовсе не знал...
Очень Прасковья его удивила,
Как в разговоре ему сообщила,
Будто во многих больших городах
Воздух какой-то горит в фонарях;
В те фонари ничего не вливают,
Ну, а как вечер придет — зажигают.
Слышал он также о царских смотрах,
Как ходит гвардия в красных грудя́х,
Как между войск у царя есть такие:
Птицы на шапках сидят золотые,
Сами солдаты в кольчуги закованы,

Лошади их серебром перекованы.
Спрашивал сам у Прасковьи Андрей:
Много ль видала железных путей,
Правда ль, что тянутся вдоль по ним паром,
Катятся вслед за большим самоваром?
Что́ называется новым судом?
Летом частенько он слышит о нем!
Как там в судах господа заседают,
Имя немецкое, всех защищают?
Также присяжных ему объясни:
Судьи не судьи так кто же они?

***

Впрочем, не та и не эта затея
Больше всего занимала Андрея.
Больше любил он вопросы духовные!
Как Богом созданы силы верховные?
Как Бог нам душу, спасенье ей дал?
Всё это знать он хотел и — не знал.
Ну и была тут Прасковья готова
Всё объяснять хорошо и толково!
Тут она ясно, как день, излагала,
Не говорила ему, — а вещала.
Целые книги Четии-Миней
Все наизусть были ведомы ей.
Речи Прасковьи уверенны были:
Ею пророки, отцы говорили!
В сердце Андрея, из глуби сознанья,
Мало-помалу взросли очертанья,
И выступали чудесны, велики,
Словом Прасковьи рожденные лики
Мучениц славных, церковных святителей,
Светских владык и святых небожителей...

***

«Каждому делу, Господь так велит,
Тот или этот святой предстоит:
Пчел сохранить — так Зосиме молиться,
Флором и Лавром конь-лошадь хранится;
Трифон от тли и от червя спасает;
Воин Иван — воровство открывает;
Всё то, что криво да полно изъяну,
Всё то, что слепо, — Козьме и Демьяну;
Браки несчастные, семью разбитую
Ведают издавна Кирик с Уллитою;

Пьяных, загубленных водкою братий,
Много спасает святой Вонифатий...»
Как же ты думал, Андрей, до сих пор,
Будто везде пустота и простор,
Если такое везде население,
Можешь ты вызвать, начавши моленье?
Как мог ты думать, что беден рожден,
Если все яхонты, жемчуг, виссон,
Те, что в святительских ризах блистают,
В митрах горят, — налицо здесь бывают?
Как мог ты думать, что в жизни темно,
Если всё небо святыми полно?!
Ярких венцов и оглавий блистающих
Больше гораздо, чем звезд в нем мерцающих!
Вечная жизнь ожидает тебя,
Коль проживешь здесь, души не сгубя!..
И, что дороже всего, что бесценно:
Всё это — правда, и всё несомненно!

***

При разговорах таких о святыне,
Боге, душе, о спасенье в пустыне
Лайка-собака всегда пребывала
И разговоры отлично слыхала...
Пес был спокоен. В мозгу у него
Не пробуждали они ничего.
Лайку Прасковья не подкупала,
Лайка по-своему всё понимала.
Злое предчувствие в ней просыпалось,
Что-то недоброе, знать, собиралось!
«Не приходить бы старухе сюда,
Не приходить никогда, никогда!
Прежде Андрей меня, Лайку, любил.
Нынче Андрей меня, Лайку, забыл;
Гладить не гладит, ругать не ругает,
Будто нет Лайки, не замечает!
Вон и ружье, что на стенке висит,
Точно как палка какая, молчит;
В желтое ложе не брякнет кольцом,
Выстрелом степь не пробудит кругом!
Стыдно сказать: как сегодня светало —
Целых пять зайцев у дома гуляло!
А куропаток больших — вереницы
Ходят кругом, как домашние птицы!
Нынче дичинки поесть не дается,
Больше всё рыбка да рыбка печется.
Ну, да и разница тоже большая:

Мчаться ль за лыжами, по лесу, лая, —
Или у проруби темной лежать,
Видеть, как крючья начнут поднимать;
Бедный Андрей то отдаст, то потянет,
Сядет, нагнется, на корточки станет;
То вдруг затыкает палкой о дно...
Право: и жалко смотреть, и смешно!
Ну, да и разница вкуса большая:
Рыбьи головки иль птица лесная?
Есть ли что в рыбе-то, кроме костей?
Нет, изменился ты, братец Андрей!..
И не люблю я старуху Прасковью,
И поделом ей, что харкает кровью.
Чую: недоброе с нами случится:
Да не хочу я без толку сердиться:
Милым насильно не быть. Подождем.
Может, до лучшей поры доживем!»

***

Дни за короткими днями бежали,
Ночи так длинны, велики так стали,
Что уж им некуда больше расти,
Разве что дни целиком погребсти?
В срок, когда в людях средь мира крещеного
Праздник пришел Сына Божья рожденного, —
Свету везде в небесах поприбавилось;
Солнце как будто маленько оправилось...
«Ты, вот, Прасковьюшка, мне объясни:
Как это вдруг, да длинней стали дни?
И почему каждый год так бывает,
Что с Рождества много дня прибывает?»
«Это, родимый мой, разно толкуют.
Божий сочельник, вишь, в небе ликуют.
Нынче, под праздник, сам Бог Саваоф,
К грешному миру приходит из снов.
С Богом и свет к нам на землю приходит...
Впрочем, Господь и в другие дни ходит,
Ходит и грешных людей посещает,
Где Он пройдет — чудеса проявляет!»
«Что ты, Прасковья, прости тебя Бог!
Кто ж это Господа видеть-то мог?».
«Старцы святители зрели отлично:
Ходит Господь Саваоф самолично!
Ежели там, где незрим Он идет,
Зло иль неправда навстречу встает,—
Божье присутствие всё возмущает;
Вечный порядок оно нарушает;

Грань между жизнью и смертью мутится;
И невозможное может случиться!
Ну и случается. Люди ж потом
Чудо постичь помышляют умом.
Так и теперь время свету прибавиться!
Чудо! Иначе откуда ж он явится?..
Чудом бы также, Андреюшко, было,
Если б здоровье мне что возвратило!
Кашель меня всю до сердца изводит,
Всё он сильнеет во мне, не проходит.
Крови я много от кашля теряю.
Ох! Доживу ли до лета, не знаю...
Грех бы мне только успеть замолить,
С совестью чистой глаза мне закрыть!»
В душу Андрея морозом пахнуло,
Больно так стало, в груди шевельнуло...
Лайка как будто бы что поняла:
Встала и в угол под лавку ушла...
Ясно, что Лайка хотела сказать:
«Надо и честь знать, пора умирать!..»

III

В жизни повсюду быль с сказкой мешаются,
Правда и ложь ежедневно братаются;
Вовсе достаточной нету причины,
Чтобы совсем не признать чертовщины.
Так это будет у нас и теперь:
Тот, кто согласен поверить, — поверь...
В дебри еловой, за ярким костром,
Месяцы-братья сидели кругом.
Все королевичи, все однолетки,
В пламя кидали трескучие ветки,
Копьями груду костра шевеля,
В ночь поджидали к себе Февраля.
А по рукам у них чаша ходила,
Пьяным медком языки разводила,
Шутка веселую шутку гоняла,
Братьям ни спать, ни молчать не давала.
Вспыхнул костер, огласилася даль,
Ветер пронесся, явился Февраль!..
Блещет алмазами древко копья,
Звездочка светит с конца острия,
Панцирь чешуйками льдинок покрыт,
Пояс в сосульках — что мехом обшит;
Щит и шелом на боках крепко кованных
Полны фигурок морозом рисованных,

Меч теплым таяньем полдней червлен...
Отдал Февраль своим братьям поклон.
«Шлют вам привет свой на многие лета
Наши родные с широкого света.
Бабушка наша, старушка Зима, —
Видно, сердиться устала сама! —
Встретилась у́ моря с младшей сестрой,
С младшей сестрой, светлоокой Весной;
Долго и тихо о чем-то шептались
И, на прощании, — поцеловались!
Матушка наша, вдовица Луна,
Так же, как прежде, грустна и одна.
Ясные Зорюшки, наши сестрицы,
В тихих светлицах, как прежде — девицы,
Рядятся, шьют, что ни день молодеют,
Замуж хотят — женихов не имеют!
Парочка звезд, от любви и печали,
В Муромский лес втихомолку сбежали;
Будет поутру в звездах недочет:
Ветреный, влюбчивый, глупый народ!
Двух наших теток постигла невзгода:
Тетушку Утро — знобила погода,
Тетушка Ночь — опалила свой хвост...
Справили люди великий свой пост.
Время тебе, братец Март, выходить,
Выйди скорее Весну залучить!
В темной земле — там броженье идет,
В семечках дух недовольства живет,
Если нам мер никаких не принять,
Надо тогда возмущения ждать!»
Встал месяц Март. Наклонясь над костром,
Стал он ворочать поленья копьем.
Вскинулось пламя живей, веселей, —
Сдались морозы, и стало теплей.

***

Скоро, конечно, рассказ говорится,
Медленно самое дело творится.
Долго стояли еще холода.
Стала Прасковья не в меру худа.
С теплой полати она не вставала,
Лежа, молитвы день целый читала.
Было то к полночи, в марте, в конце;
Вышел Андрей постоять на крыльце.
Часто сюда выходил он стоять,
Чтобы Прасковьи ему не слыхать...
Ночь по Сибири давно уж ходила,

Ночь себе выхода не находила.
С самого вечера, вслед за зарей,
В небе рассыпался свет огневой;
Рос он, и креп, и столбы завивал:
Север ночное сиянье рождал!
В полном безмолвии белых степей
Бегали быстрые волны огней;
Разные краски по небу струились,
Из глубины его лились да лились...
Всюду курясь и широко пылая,
Служба на небе пошла световая!
Лес, в блеске розовом, ветви спустил,
Будто колена к земле преклонил;
Снежные горы алели горбами,
Как непокрытыми белыми лбами;
Жаркой молитвою утомлены
Звезды чуть теплились, мелки, бледны,
И не рождала ни звука, ни шума
Северной полночи яркая дума!..

***

В жизнь свою много сияний ночных
Видел Андрей на степях снеговых,
Только прошли они все для него,
В сонном уме не подняв ничего.
Только теперь это иначе было:
Сердце сказалось и тут же изныло!
Ну и стоял уж он долго, молчал...
В небе пожар всё пространней пылал!
В этом пожаре, как степи краснея,
Двигались черные думы Андрея;
Память себя проявлять начинала,
Мало, а всё же кой-что рисовала;
Жизнь так бесцветна была и бледна —
Вдруг расцветилась, вспылала она,
Ну и опять побледнела, теряется...
Что ни толкуй, а старуха кончается!
Страждет уж очень! Не надо ль что ей?
Охает что-то, не в меру сильней!

***

Баба не охала и не стонала,
Громче, чем прежде, молитву читала.
У образочка лампадка горела,
Горенка темная еле светлела;

Только всё белое, бывшее в ней,
Сразу заметил, вошедши, Андрей, —
Прочее всё стало ясно не сразу
К блеску сиянья привыкшему глазу.
«Кстати, родимый, пришел ты, пора!
Бог не позволит дожить до утра...
Боли не слышу, совсем полегчало,
Груди и ног будто вовсе не стало;
Вижу, покаяться срок подошел.
Коли б священник!.. Да Бог не привел!
Ты вот, Андреюшко, грех мой возьмешь,
Будешь говеть — от меня и снесешь!»
Трудно старухе покаяться было;
Снять образок со стены попросила,
Свечку к нему восковую зажгла...
«Я, видишь, барину дочкой была!
Барская дворня не раз говорила,
Мать-то от барина многих родила;
Все перемёрли, лишь я оставалась;
С барской семьею играть призывалась.
Много нас было мальчишек, девчат!
Вот, как теперь, всех их вижу подряд....
Лет мне пятнадцать без малого было —
Горе большое господ посетило.
Продали всё, а людей распустили,
Барских детей по родным разместили.
Я на подводах в Москву послана
И к белошвейке учиться сдана.
Грамотной, ловкой я девушкой стала!
Много чего я в ту пору видала!
Бога совсем, почитай, позабыла,
В церковь по целым годам не ходила!
Дочку, не в браке живя, прижила...
Доченька скоро затем умерла!
Ох! Коли б кончить тогда довелось?!»
Остановиться Прасковье пришлось...

***

Если бы подле сидевший Андрей
С большим вниманьем следить мог за ней,
Он бы увидел, не видеть не мог,
Как покатились с морщинистых щек
Слезы без удержу, — слезы, не лгавшие,
Чуждые возгласов, кротко молчавшие,
Чуждые всяких порывов, рыданий,
Слезы великих и крайних страданий...
Долго Прасковья, всё плача, молчала;

С силой собравшись, она продолжала:
«Хоть далеко от родного села,
Всё же забыть я его не могла.
Если с Хопра только встретишь кого,
Спросишь, расспросишь, бывало, всего...
Так и тянуло туда погостить!
И собралась я Хопер посетить.
Там, на Хопре, город есть Балашов;
Он из уездных у нас городов.
Верст девяносто всего от села.
Девкой красивой тогда я была...
С почтой поехала. Как увидала
Город-то свой, я в телеге привстала,
В оба гляжу! А душа-то щемит!..
Ой, упадешь, мне ямщик говорит.
Девять тут лет, говорю, не была я,
Девочкой вижу себя, вспоминая...
Церкви-то эти все мне знакомые,
Те же верхи у них, крыши зеленые...
Вон и дома у воды, у Хопра,
Улицы, почта и въезд со двора!..
Только вкатили во двор — побежала,
Дядю родного тотчас отыскала.
Кто, говорю, тут из барских детей?
Только один есть из всех сыновей,
Дочки повыбыли все... Я к нему...
В стареньком жил он и бедном дому...
Денег ему я на бедность дала...
Часто к нему заходить начала...

***

Снова Прасковья в упор замолчала:
Как молодою была, вспоминала!
В стену глаза неподвижно уставила,
Будто по-зрячему взгляд свой направила...
В горенке темной, в глазах умирающей,
С яркостью, правде вполне подобающей,
Мощным растеньем из чудного семени
Вышла, чуждаясь пространства и времени,
Призрак-картина! В ней всё побраталось,
В ней настоящее — прошлым казалось,
Прошлое — в будущность переходило,
Друг из-за дружки светилось, сквозило!
В диком порядке пылавшей картины
Позже последствий являлись причины,
Мелочи целое перерастали,
Краски звучали в ней, звуки пылали!

Всё это лилось, кружилось, мелькало,
Вон из размеров своих выступало,
Жизнь полувека в потемках горела...
Вот на нее-то Прасковья глядела...

***

Блещет Хопер... и село на Хопре...
Дети, играют они на дворе...
Тут же, назад она едет... Знакомые
Церкви, верхи на них, крыши зеленые...
Старенький дом... Любо в домике том!
Ходит туда она ночью и днем...
Ох! Не ходить бы туда, не ходить!
Ох! Не сестре бы так брата любить!
Щурит Прасковья глаза... Чуть глядит, —
Так ее яркость картины слепит...
Молодость! Ой ли! Ушла ли она?
Ты не потеряна — обронена!
Что, если б жить-то начать тебе снова?
Вслед ей рвануться Прасковья готова!
Выскочить, броситься в воду, в окошко!
Только бы в молодость, к ней, хоть немножко!..
Жарко!.. Фату расстегни! Да не рви!..
Ну, побежим-ка, братишка, лови!
Только б в Хопер нам с тобой не попасть,
Нынче широко разлился он, страсть!..
Где нам, Прасковья, с тобою бежать?
В пору кончаться, в могиле лежать...
Я уж в могиле, давно тебя жду!
Ладно, братишка, иду я, иду...
Гаснет картина, во тьме потонула!
И на Андрея Прасковья взглянула...

***

Видимо, жизнь из нее отбывала,
Голосом слабым она продолжала:
«Да, молода я, красива была...
Брата я кровного в грех привела...
Он-то не знал, что сестра я... Я знала...
Облюбовала его, миловала...
Год только жил он, его схоронила...
Странницей сделалась, свет исходила...
В смертный мой час мне не лгать на духу:
Вольной я волей отдалась греху...
Там, у себя, там, где воздух родной,
Люб мне мой грех был, великий, срамной!..

Но ты, Андреюшко, грех тот возьмешь,
Будешь говеть — его Богу снесешь...
Может, Господь Бог Прасковью простит:
Грех в покаянье предсмертном открыт!
Быть в Верхотурье — не удостоиться...
Там Симеоиовы мощи покоятся...
Брат, видишь, мой то же имя носил,
В детстве, в селе, он нам Сеничкой был...
Имя я это в мольбах поминаю!..
Что ж? Обещаешь, Андрей?»
«Обещаю!»

***

И умерла она... Как же тут быть?
Горе великое с кем поделить?
Не приходила б ты в степь необъятную,
Не заводила б беседу приятную...
Ох! Уж была-то ты, радость, новинкою,
Стала ты, радость, слезой-сиротинкою!
Ох! На кого-то Андрея покинули,
Всю-то, без жалости, жизнь опрокинули!
Сердце щемит, пали в разум потемки,
Было-то, было — остались обломки!
Кто-то нас ждать будет, кто-то нас встретит?
Кто-то, как звать начнут, здесь я! ответит?
Да и зачем-то нам счастье дается?
Знать бы, не брать, коль назад отберется!
Горе ты наше, великое горе,
Стало ты, горе, большим на просторе!
Ох! Умерла ты! Зачем, почему?!
Плачет Андреюшко, тяжко ему.
А перед ним на скамейке остывшей
Тело лежало Прасковьи почившей.
И улыбалась она, хоть молчала,
Будто приятное что увидала,
Будто отмену великой печали
Вот, вот, теперь только ей обещали!..
«Радуйся, радуйся! — слышит она, —
Бедная грешница, ты — прощена!..»

***

Руки Прасковья, когда отходила,
Молча, крест-накрест, сама положила...
Сутки прошли и другие прошли,
Темные пятна по телу пошли,

Надо скорее старуху прибрать,
Гроб колотить и могилу копать.
Поднял Андрей ее, шубкой прикрыл,
Вынес в сенцы и к стене положил.
Он из рубахи своей холщевой,
Белой, неношеной, с пестрой каймой,
Полной полосок, кружочков, крестов,
Телу старухи устроил покров;
Сено лесное подстилкой служило:
Много в нем моху зеленого было,
И из зеленого моха торчали
Сотни цветочков, что летом увяли...

***

Часто Андрей подле тела сидел:
Всё хоронить он его не хотел!
Вот уж и гроб был готов небольшой,
Ждет гроб неделю — стал плакать смолой!
Вот на соседнем, ближайшем холму
Вырыл Андрей помещенье ему,
Ветками он помещенье покрыл:
Ветер под ними гнездо себе свил!
Прежде, при жизни Прасковьи, бывало,
С ней говорил он, порой, очень мало;
Меньше чем прежде теперь говорит,
К телу подсядет, работу чинит...
Холод Андреюшке службу служил,
Тело Прасковьи от порчи хранил.
С рук неподвижных, от щек, ото рта,
Мало-помалу сошла чернота;
Даже морщины сравнялись на коже,
Стала Прасковья как будто моложе.
Впрочем, Андрей ей в лицо не глядел:
Он у покрытого тела сидел.
Сколько он дней тем порядком провел,
Он не считал, да и счета б не свел.
Если б весна позабыла явиться —
Мог бы Андрей и с покойницей сжиться...
Только весна подойти не забыла,
Теплым туманом леса окропила,
Снег побежал, дали трещины льдины...
Стали чернеть на Прасковье морщины.
Время покойницу в гроб положить!
Нечего делать, пора хоронить!..
И на холме он ее схоронил.
Полдень весенний в могилу светил...
А как по гробу земля застучала,

Крышка его под землею пропала —
Много, без счета, горело над ней
Слез и весеннего солнца лучей...

***

Рано в ту пору весна наступила!
С неба сошла, из земли выходила!
В небе румяные зори горели,
Птицы свистали, чирикали, пели;
В воздухе влажном, в весенней теплыни,
Тихо задумались Божьи пустыни...
А из земли в платьях, в юбочках новых
Шли мириады тюльпанов лиловых;
Сколько их, сколько везде проступало —
Точно тюльпанное царство настало!
В мраке темнейших, забытых углов
Говор раздался болтливых ручьев;
И над блистающей, светлой волной,
Как Океан необъятно большой,
Бился незримыми глазу волнами
Запах весны, порожденный цветами!..

****

Холм у лачуги стоит одинок;
Крест на холме водружен невысок.
Степью безлюдной уходит Андрей,
С серою Лайкой, собакой своей,
Палка в руке и сума за плечами,
Переступает лениво ногами,
Точно идет он с грехом пополам.
В меру такая походка степям!
Будь их хоть вдвое, безбрежных степей,
Всех их тихонько отмерит Андрей!
Он безустанно, усердно идет:
Время такое — народ подойдет,
Ну, а народа он видеть не хочет,
Как бы уйти поскорее хлопочет.
Цель ему светит — обитель Господня;
Цели он в жизни не знал до сегодня!
Ну, а теперь дело вовсе иное:
Он покаянье уносит чужое.
Дома, в лачуге, сидеть он не может:
Скука томит, одиночество гложет...
Так вот его в Верхотурье и тянет...
У Симеона молиться он станет;

А из обители прочь не погонят,
Будет там жить, а умрет — похоронят...

***

Месяц прошел. Населилась лачуга.
Просто не знала, что делать с испуга!
Тут собиралися разные люди,
С Руси великой, от Мери и Чуди!
В стойлах усталые лошади ржали,
Гости, ночуя, вповалку лежали;
Водка и песни текли спозаранка;
Под вечер говор, чёт-нечет, орлянка...
Много шло толков промежду гостей:
Что тут случилось? Где старый Андрей?
Ищут мордвина. Напрасно, исчез...
Видят могилу у выхода в лес...
Если он, точно, в могилу забрался,
Сам ли он, что ли, в нее закопался?

736. ПОП ЕЛИСЕЙ

Рассказ

Памяти Н. В. Гербеля

I

Трудно и тягостно, ох! Уж как тягостно
Стало житье твое, поп Елисей!
Не было в жизни и года, чтоб радостно
Глянул на трудной дорожке твоей.

Черны как смоль твои очи спокойные,
Длинные волосы тоже черны,
Точно отчизна твоя — страны знойные,
А не глухие истоки Двины.

Вот уж шестое идет поколение
В роде твоем — все попы, да попы...
Скромное, важное ваше значение,
Нашего Божьего храма столпы.

И уж никем-то, нигде не сосчитано:
Родом поповским твоим, Елисей,

Сколько окрещено, сколько отчитано,
Сколько повенчано было людей?

Все вы, что травы взросли подорожные:
Только где вытопчут — там и растет!
Тридцать годов тебе! — годы тревожные...
Ведает Бог: много ль новых придет?

Поп ты хороший — не част на поборы;
Но попадья наблюдает свой срок;
Ездит просфирня, пускается в споры;
В сроки катается также дьячок.

Хуже бывает, коль Бог то попустит —
Поп, где «новинки» не любят вносить,
Если помрет кто, — семь суток пропустит,
Прежде чем время найдет хоронить.

Да и могилу, бывали примеры,
Раза четыре придется вскопать:
«Та не на месте, да в этой нет меры...»
Нет уж, «новинку» вернее отдать!

Впрочем, не часты такие напасти:
Божьи служители — тихий народ;
Где им и мыслить о праве и власти,
Ежели труд бесконечно гнетет.

Этот умрет... Народятся другие...
В слякоть и темень осенней поры
Ездят по бедной, лачужной России
Возят в тряпице святые дары!

«Ну-ка, пегашка, а ну-ка ты, бестия,
Ну! Понатужься маленько... Взяла!
Жалко мне только, что слово нечестия
Лошадь-то бедная с уст сорвала!

Пятую ночь езжу! Грязь непролазная!
Пальцы застыли, не видно ни зги!
Дома не радость... Тут треба заказная...
Так... А браниться-то, поп, не моги»...

***

Да! Не на радости в дом возвращаться!
С норовом, с придурью мать-попадья:

Баба сварливая, любит ругаться,
Ну да и сорок ей лет жития!

С нею, знать, паства пошла на приданое, —
Так уж бывает у нас на Руси, —
Дочь благочинного, — место желанное,
И отказаться Господь упаси!

***

Льготная ты полоса черноземная!
Речка... У речки с плотиной прудок.
Церковь над ним не по пастве огромная,
Только что мелок над ней куполок.

Подле ограда... Шары над столбами;
Все они — разного цвета стекло.
Выбелен храм, не богат образами;
В храме и пусто, и очень светло.

Домик священника крыт черепицей,
Нового выстроить — «мир не хотйт»...
Дворик наполнен болтливою птицей;
Чуть ли не весь он навесом покрыт.

Садик. В нем много растет кукурузы,
И, между нею, шеренгой солдат,
Мохом обросши седым, толстопузы,
Ульи под шапками мисок стоят.

Поп Елисей пчеловодством гордится!
Счастье ему: чуть не всякой весной
Рой вслед за роем успешно роится,
Часто слетает и нежданный рой!

Любят попа хитроумные пчелы:
Маски и дыма не надо ему,
Руки не кусаны — даром что голы;
Мастер он делу, видать по всему.

Пчелы жужжат и тоску отгоняют:
Всё, будто, меньше слыхать попадью.
Вот уж, поистине, светят, играют
По трудовому его бытию...

***

Точно... светили... да вдруг перестали...
Только не требы, не лютость жены
Мысли попа глубоко пригнетали:
Сносен их гнет — на то плечи даны!

Гнет на душе — это дело другое,
Нет таких плеч, чтобы вынесть его!
Разве что слово Господне святое?
Только и слово без дела мертвó...

Ну и торопится поп делать дело.
Любит он требы свои исполнять;
Только измаяв рабочее тело,
Может он, грешный, хоть как-нибудь спать!

«Ну тебе требы, хлебами плаченые!
Только б урваться тебе, да уйти!
Могут и так помирать, не прощеные:
Всякого дурня, да в рай им пусти!

Мало ль что надо-ть? Мне надо-ть, вот, мужа:
Где его взять, коль изрыскался весь!»
Вóпит жена, нарукавник утюжа,
Вспенив свою благочинную спесь.

«Нет ему требы, — другие капризы!
В церковь вишь надо, хоть службы и нет;
Моль ему ест и покровы, и ризы...
Тьфу, окаянный!» — кричит она вслед.

***

В храм поскорее. Нет в храме движенья,
Нет попадьи там! Недвижимо в нем
Держится в воздухе запах куренья,
Слышен он всюду и ночью, и днем.

Теплой молитве тепло в нем ютиться.
«Господи! Огнь погаси Ты во мне!»
Молится поп и украдкой косится,
В сторону смотрит... На белой стене

Вовсе без рамы, бессвязно пестрея,
Очень большая картина видна:
Как, исполняя совет Мардохея,
Просит Эсфирь, Ассуира жена —

И обмирает! Попу не в примету
Эта мазня!.. Только сходство полно...
«Боже! К чьему ж припаду я совету,
Если к Тебе мне припасть не дано?»

Сердце стучит, кровь к вискам приливает,
Мысли мутятся, молитва грешна!
Царь Ассуир — он Эсфирь обнимает...
Прочь!.. Не царица, — солдатка она!..

«Господи, Господи! О, пощади же!
Дай мне уменье Тебя обрести!
Верую, Господи.,. Отче наш... иже...
Господи! Страшны земные пути!

Ну, да и холодны плиты церковные...
Лоб охладился. Чего ж это я?
Мысли те — дьявола мысли, греховные!
Надо домой, забранит попадья...»

***

Эта солдатка, что вдруг против воли
В лике Эсфири признал Елисей,
Тип не веселый! Печальные доли,
Общие сотням крестьянских семей.

В раннюю юность и в пору любовную,
Часто с малюткою, бедным птенцом,
Вдруг побирушкою стать! Всесословную
Муж отбывает. Разрушенный дом...

Горе разлуки... Приту́пленность в горе...
Грусть... бесшабашность... впервые пьяна...
Пала... а там волны в жизни, что в море, —
И непроглядная вниз глубина!..

Та, что пригрезилась въявь Елисею,
Вправду красавицей видной была;
Много уж парней ходило за нею,
Долго она никого не брала...

Может, брала?.. Только ловко скрывала...
Дом ее рядом с поповским стоял,
Изгородь оба двора отделяла;
Малый ручей вдоль нее протекал.

***

Март... Налетела весенняя птица,
Скоро покончат с Великим постом;
Вот наступила страстная седмица,
Землю поит Евдокия дождем.

Утром и вечером всё исповедники;
Кто побогаче — пекут куличи,
Бабы шьют юбки, рубахи, передники;
Мало кто лежнем лежит на печи.

Хоть и болезни в деревне различные:
Оспа да корь, дифтерит и скорбут, —
Всё же везде подготовки обычные,
Светлого праздника всё-таки ждут...

В церковь толпою пришли исповедаться, —
Много уж их отпустил Елисей;
Время ему и домой понаведаться,
Не досадить бы хозяйке своей.

Ширма. За ширмой, обитой убогими
Тряпками, поп отпускает грехи...
«Вот еще несколько... кончу немногими...
Вижу вон в щелку, пришли пастухи...»

Входит — она!.. Обомлел... столбенеет...
Вьются в глазах всё круги, да круги!
Хочет он крест положить — не умеет...
Поп, успокойся!.. Владей собой... лги!..

Как уж он принял ее покаяние,
Как он как будто бы что-то слыхал...
Не сознавал он в своем бормотании,
Что и какой он ей грех отпускал;

Как опустилась она на колени,
Эпитрахилью покрыл... Как к руке
Вдруг приложилась... Подобная тени,
Скрылась, оставив попа в столбняке...

Ходят по церкви, тихонько ступают;
Ждут... заглянули за ширмы... Ему
Тайные силы очнуться мешают,
Совесть смутилась, перечит уму!

Ну... отошло... Наклонившись к налою,
Поп приложившись к кресту — что прирос;
Крест и Евангелье скрыл под собою
Темными кудрями черных волос.

II

Пойте-ка, матери, песнь колыбельную,
Грустную пойте для ваших детей!
Песней унылою в грусть беспредельную
Выйти готовьте! Так будет верней...

Что ж это было бы, если б веселые
Песни вы пели? Чуть детство пройдет, —
В жизнь, что в пустыни суровые, голые,
Песня веселая вслед не пойдет!

Пойте о том, что не так-то случается
Жить, как хотелось бы людям прожить;
Как, зачастую, не то совершается
Что бы должно было, кажется, быть!

Пойте, что часто небес попущением
Жизнь вся решается мигом одним;
Этот-то миг пережить с рассуждением —
Значит быть избранным, чуть не святым!

Пойте! Те песни получат значение;
В память залегши, останутся жить;
Пусть в этих песнях звучит примирение
С тем, что дано, чему надобно быть...

***

Так ли попу Елисею певала
Мать, о которой давно он забыл?
Трудно сказать. Но болеющей стала,
Сбилась душа! Знать, Господь попустил...

В дом свой войти, — просто желчь подымается;
Видеть жену — он не может совсем;
Станет молиться — молитва сбивается,
Только начнет — остановится нем!

Трижды прошел он по полю сохою;
Все, до последнего, корни извлек,

Камешки выбрал, сложил над межою...
Всё он забыться в работе не мог;

Мысли греховные валом валили:
Взглянет на облако, видит — она!
Горлинки нежились в поле — дразнили,
И раздражала, томила весна...

Больше всего коротается время
В школе. В ней поп, обучая детей,
Чувствовал меньше души своей бремя;
Ну и любил он замешкаться в ней.

Любят ребята церковное пенье,
Трудно по школам детей обучать;
Тот или этот канон, — разученье
Часто неделями надо считать.

Путают дети, друг дружкой сбиваются;
Надо терпенье направить ребят...
Часто у них голоса попадаются
Чудные! Будто бы струны звенят.

Поп сам был певчим; когда-то, бывало,
Он «Да исправится» мастером пел;
Нынче чувствительных нот не хватало:
В службе церковной регистр огрубел.

Впрочем, порою, уча, он подтянет,
И, между детских живых голосов,
Голос его великаном проглянет, —
Был он из грузных, высоких басов.

Пенью любил он учить; как бы ни было,
Видел: недаром потрачен был труд;
В детях охоты значительно прибыло,
Дома, в лесу, по задворкам поют!

Пенье порой и в ночи раздается,
Пенье доносится издалека...
Песня! Тебе, вот, привольно живется,
Ну а в душе — все тоска, да тоска...

***

Эта тоска, что ни день, разрастается...
Странное, право, растенье — тоска!
Хоть и ничем не корми — всё питается,
Чуть заведется — пойдет с корешка.

Вот хоть бы поп. Прежде часто мелькала
Странная мысль в наболевшем уме:
«Если б солдатка гулящею стала —
Легче бы было, так кажется, мне!»

Ну, в деревнях, где вся жизнь на показе,
Трудно, порою нельзя даже, скрыть:
Стали болтать, в том, да в этом рассказе —
Будто солдатка пустилась шалить!

На́звали с кем! «Остеречь от паденья!
Слово сказать ей! Даст Бог удержу!
Я ведь не с тем... Для меня без значенья...
Должен сказать! Непременно скажу!

Только б скорей!» Дни проходят за днями,
Поп порывается встретить ее.
В поле ли выйдет она за гусями;
Или на речке полощет белье;

Иль в огороде по грядкам копается, —
Выйдет он к ней! Ноги сами несут!
Долго кружит, издали подбирается,
Близко подходит, — а парень-то тут.

Парень не промах, повсюду бывалый:
«Ты, — говорит он ей, — баба смотри!
Поп-то зачем всё кружит, будто шалый —
Я его — знаешь... смахну... прибери.

Все вон галдят!.. Да и сам замечаю!
Голоден поп до красы, до греха!
Ты не заигрывай с ним! Повенчаю —
Если к обоим пущу петуха!»

***

Ну, а попа, как назло, так и тянет...
Толки людские ему не в догад...

Чует душой, где она! Только взглянет —
Так и застынет на ней его взгляд!

Огненным очерком вся выжигалась,
Тлела по мыслям его, как во тьме,
В тексты писанья бесстрашно вдвигалась
В бедном его наболевшем уме...

Вон на реке она! Ворот расстегнут,
Низко нагнулась над мутной водой,
Белый передник высоко подстегнут,
Ноги сияют, горят белизной...

Вот поднялась и откинула косу,
Круглые плечи заря золотит...
Щепку, вон, в утку пустила: по носу
Утке попала! Хохочет — глядит...

Поп у оконца сидит, наблюдает;
Слышит: жена помогать ей зовет!?
Дружеским словом его обзывает...
Значит, ласкаться да холить начнет!

В трепет ударило... ноги подводит...
Сердце сжимается с болью большой...
«Лучше пойти!» От окна он отходит...
«Хоть бы, на требу, прислал кто за мной!»

•••

Вдруг весть тяжелая, весть безобразная!
Есть чем дурманиться, мысли глушить:
Стало известно, что злая, заразная
Оспа пошла по уезду косить!

Нам, городским, не видать издалёка
Как это ходят повальные там,
Там, где народная жизнь у истока
Тихо струится по хатам, дворам!

Помощи мало — болеющих много;
Сбиты здоровый с больным заодно,
Воздух не чист, а питанье убого —
Смерти большое раздолье дано.

Ходит проклятая, ходит голодная —
Целым семействам не сыщешь следа!
Что ей, проклятой, нужда всенародная,
Жнет она, косит туда и сюда.

Где тут заботиться о разобщении?
Месяц пройдет, чуть второй набежит, —
Изб обитаемых в людном селении
Меньше, чем изб опустелых, стоит.

Быстро растут, прибывают могилки;
В церковь за сутки двух-трех принесут,
И очень редко пустуют носилки,
Бедного люда минутный приют...

***

В этот-то омут печали и страха,
В нужду великую поп Елисей
Кинулся, бросился словно с размаха,
Всем существом, всею волей своей!

Страшная явь разбросала, раскинула
Всё, что так зло наслоилося в нем...
Будто прозрел он, и темень вся сгинула —
Мысль осветилась великим огнем!

В серый, потертый подрясник одетая,
Всюду виднелась фигура его.
Слышалась речь, теплотою согретая,
Близилось в лике попа — Божество!

Мать он утешит: «там лучше ребенку!»
Мужа — «жена тебя в Господе ждет!..»
Выдал он хлеб свой и роздал деньжонку, —
Было б что дать, а уж есть кто возьмет!

С кладбища в церковь, из церкви к болящему,
Там к зараженной избе, к сиро́там,
Здесь к отошедшему, тут к отходящему, —
В полдень и в полночь, по всем деревням!..

В самую глубь, в самый смрад заражения
Поп Елисей глубоко проникал;
Ядом дыша, совершал причащения,
Раны заразные сам обмывал...

Малых детей повалилось без счета...
А уж любил-то их он, как любил!
Хор поредел, будет снова забота, —
Чуть ли не всех запевал схоронил!

Много закрылось очей в год суровый!
Взяли те очи в могилу с собой
Облик попа с чашей крови Христовой,
Облик последний из жизни земной...

***

Ярко оделись поля зеленями,
Вышел по пару богатый пырей;
Плачут, что слезы льют, ивы серьгами,
Цвет одуванчиков — блеск янтарей!!

Ландыши вышли; весь лес раздушился;
Больше их будет на будущий год,
Вволю зеленый их лист наплодился —
Некому рвать их — в детя́х недочет.

Сила заразы совсем не слабеет...
Разве что выдастся день, да другой,
В церкви покойника нет, опустеет...
Поп, как бывало, вернется домой,

Пчельник осмотрит, пройдет огородом,
В книги приходские строки строчит;
На попадью поглядит мимоходом:
Стала чужая ему, не мутит!

Точно в какую-то даль удалилась,
Сделалась будто ужасно мелка;
Поуспокоилась, угомонилась —
Божья ей чуется в оспе рука!

Ну а про ту... про нее... что говела?
Лучше не думать... легко растравить;
Боль в сердце есть! Да, добро, притупела...
Очень уж близко, два шага ступить...

Ясень старинный, что взрос на свободе,
Частью своих одряхлевших ветвей
Свесился вниз у него в огороде,
Частью другою — в садишке у ней...

***

Ночь на исходе. Почти что светает:
Скоро начнут по деревне вставать...
Зычный петух петуха окликает;
Темень... Почти ничего не видать.

Серенький день истомлен до рожденья;
Дни, как и люди, бывают больны!
Месяц в зачатке, сквозит из забвенья
Тоненький серп наклоненной луны.

Сильно в окошко к попу постучали,
Просят приехать скорей приобщить:
«Только б вы, батюшка, не осерчали —
Надо своих вам коней заложить!»

Встал он. Пошел заложить; приоделся...
Вожжи? Где вожжи? Да, вожжи в саду,
Смазаны, сохнут... в саду огляделся:
Видеть не вижу, — а всё же найду!

Тишь над деревней лежала глубокая,
Если бы только не крик петухов...
Вот ее дом!.. Сирота одинокая!
Спи! Дай Господь тебе радостных снов!..

Чтобы болезни тебя пощадили,
Чтоб не погибла... Молчит Елисей...
Слышит он: будто бы петли заныли,
В доме соседки; глядит: из дверей,

В тихом мерцанье зари занимавшейся,
Кто-то тихонько ступил на порог,
Вышел... Чуть слышно прощанье шептавшейся...
Белой рубахи мелькнул уголок...

Дверь затворилась... Поп вскрикнул, рванулся,
Бросился!.. В изгородь грудью хватил...
Хрустнула изгородь... Остановился,
Впился руками в нее и застыл...

«Ха-ха-ха-ха!» слышит он... ему кажется...
«Вот-те и оспа! — звучит в стороне, —
Надо б сказать попадье — пусть вскуражится!..
Поп-то наш с бабой грешит при луне!»...

Нет, тьма молчит! Тишь повсюду глубокая,
«Только зачем же попал я сюда?
Помню, да, вожжи... Дорога далекая,
Полая, быстрая, бродом вода!

Тонут же люди! Их Бог призывает!».
Тронули кони, сидит Елисей,
Только как будто не всё понимает,
Лошади сами бегут вдоль колей...

III

Время идет! Всё одно, заурядное...
Дней восемнадцать прошло ни по чем...
Было в соседстве там место неладное,
И называлось — Проклятым Жерлом.

Озеро на́звали так небольшое,
Очень старинный, глубокий провал.
Шли берега его вровень с водою;
Дна никогда и никто не видал.

Черная бездна безмолвно глядела
С неизмеримой своей глубиной;
Летом осокою не зеленела,
Не замерзала нисколько зимой.

Будто разрезан, вплотную с водою,
Высился древний курган у жерла;
Прочно стоял половиной одною,
Ну а другая в провал уползла.

Было сажени четыре в обвале,
И, толковала молва, будто тут
Души топившихся, в вечной опале,
Неуспокоены, ночью снуют.

Путь проходил над обрывом, у края...
Мало кто ездил тем тихим путем.
Лес, отовсюду жерло обступая,
Словно замкнул его темным кольцом.

Чаще других ездил поп той дорогой:
Было поближе тут. Вечер горит.

Едет домой... Над лошадкой убогой
Осы жужжат, а телега скрипит.

Вот по кургану тихонько взъезжает...
Вот и окружность провала видна...
Вот перевал... Лошадь вдруг навостряет
Уши... Сидит у дороги: она!..

***

Смотрит — да́, да́! Весела, улыбается!
Взгляд беспокойный, упорный такой.
Подле нее душегрейка валяется,
Ярко краснея над самой водой.

Брошен стаканчик, бутыль у дороги...
Чуть увидала попа — позвала,
Стала вставать, но не слушают ноги,
Встала, однако, качаясь пошла.

Остановила! Идет к Елисею...
Ближе... ведет по оглобле рукой...
И подойдя! Обвила ему шею...
«Любишь, я знаю, соседушка мой!

Весело, батюшка, мил — мой священничек!
Значит, судьба, что заехал сюда...
Выпьем, родимый... С приправой мой пенничек!
Ну, и запрета не будет тогда!»

Поп озадаченный разумом сбился...
Снял ее руку тихонько долой,
Медленно, бережно освободился
И, отстранив, тронул лошадь вожжой...

Стала телега спускаться с кургана;
Лошадь, вздохнувши, пошла веселей;
Съехав со спуска в прослойки тумана,
Сам затуманился поп Елисей...

И, не прошло с той поры и недели,
Как, истомившись Бог весть до чего,
Бредил он, бедный, на жесткой постели:
Страшная оспа сломила его!

IV

В пору тяжелую сельскому люду
С толку и истины сбиться легко!
Вздор заурядный научит их худу —
И потрясет их до недр глубоко.

Тут болтунам первый голос на сходе;
Им, как всегда, пособят кабаки...
Проклят, кому эта валкость в народе,
Это броженье бывает с руки!

Нет глупой лжи, чтобы правдой проверили,
На изуверство за глупость пойдут,
И, если только огулом поверили, —
Речи разумные их не уймут!

Духа болезни являют заразу,
Худшую, злейшую всяких других,
Долго гнездится, проявится сразу,
Силой слепою в громадах людских...

Так и теперь на селе это было...
Двое сидят за столом кабака:
Третий пришел, пять других привалило...
Головы нурят: беда велика!

Скоро собралась толпа преизрядная,
Парни-подростки, отцы-старики;
Речи ведут! Меж речей — заурядная
Водка... Шумят, расходясь, языки.

«Нет, неспроста нам пришло наказание:
Знать, оглашенные есть между нас!»
Молвил один; обратили внимание.
«Поп заболел! Это счастье для нас!..»

«Как? Отчего?» — «Подождите, расскажет!»
«Слушайте!» — «Тише вы, там, не галди!»
«Водочки! Водочка речь поразвяжет...»
«Полно вам! Водке-то речь впереди...»

«Было то к утру, тому три недели,
Лошадь запряг, работать на гумне,
Вышел я, чуть петухи-то запели,
К самой, сдается мне, новой луне.

Только к поповскому дому добрался,
Вижу я...» — «Цыц! Дайте речь-то слыхать!»
«Вижу на изгородь поп наш взобрался,
Стал он к соседке во двор залезать...»

— «Ой ли! Неужто?.. Давно говорили?..»
«Знаем!..» — «И то сказать: нечего знать!»
«Бога, знать, Господа мы прогневили,
И попустил Он заразу гулять»...

«Врет он!..» — «Как врет? Сам видал, знает — дело!»
«Поп-то наш тихий!..» — «Одно слово враг!»
«Тихий!..» — «Вот тут-то нечестье засело»...
«Кто бы подумал?..» — «Так вот оно как!»

«Точно...» — «И вправду!..» — «А, ну, к Елисею!»
«Бога побойтесь! Он болен лежит...»
«Бог посетил его карой своею!
Миром, так миром! Господь так велит!..»

«Что вы? Чудны́е!..» «А ну-ка, ребята:
Кто против нас, значит, дьяволу брат...»
И повалила толпа, злом объята,
К дому попа, вдоль пустеющих хат...

***

К этому времени, как одурманенный,
Поп на постели недвижим лежал;
Лютою немочью насмерть пораненный,
Мало-помалу вконец умирал.

То, что за бредом в сознаньи осталось —
Клочья какие-то чувств и ума, —
В новый, неведомый мир в нем слагалось, —
Смерть тут строителем стала сама!

Строила светлое, строила цельное,
За неизвестным законом следя,
Строила, ясно познав беспредельное,
В вечный покой, в безмятежность ведя!

Теплые страны загробного чаянья
Тихо всплывали в блаженной тиши;
Не было в них ни тоски, ни отчаянья,
Ни разногласий враждебных души.

С жизнью земною имело видение
Общею только одну лишь черту:
Звуков чудесных, поток, дуновение,
Песней таинственных, мощь — красоту.

Слышно попу очень близкое пенье...
Только неявственно поп сознает:
В этом ли мире поют, в мире тленья,
Или загробный, нетленный поет...

***

Пели ему на земле дети малые...
Как-то, в беспамятстве, вымолвил он:
«Детки... Сюда... Ну, мои захудалые,
Спойте-ка, детки, вчерашний канон...

Звал Иисус вас... и я...» Услыхали:
Матери скликнули их, те пришли;
Были такие, — парнишками стали,
Были птенцы, чуть виднелись с земли.

Много их было. Столпилися в сени,
В хату проникли. От белых голов
Засеребрилось. Склонясь на колени,
Пели они... Тихий строй голосов

Несся из дому, и поп улыбавшийся
Радостно слушал, хоть глаз не открыл...
В море их звуков, душой колыхавшейся
Он, как под парусом, счастливо плыл!

Будто бы свеялось всё безрассудное,
То понялось, что хотелось понять,
Будто решилось задание трудное,
Так что не надобно перерешать.

Сколько борьбы испытанье судило,
Столько он принял и бился, как мог,
Бился, как знал и на сколько хватило —
От остального помиловал Бог,

И, до последнего трепета слуха, —
Слух дольше зренья в попе погасал, —
Тихий канон погасание духа
В глубь неизвестности сопровождал...

Слушали матери. Горе-кручину
Вспомнили; плакали, молча, кругом;
Плакала также жена, но по чину:
Слезы свои утирала платком...

***

Вот на такую-то правду правдивую
Пьяная шла, надвигалась толпа,
Волю свою распотешить бурливую,
Выместить гнев, разобидеть попа!

Вот обогнула ограду церковную;
Идут к воротам... Сквозь говор глухой
Слышат идущие песню духовную;
Первый что шел — скинул шапку долой;

Снял и второй... Сняли все... Ближе, в сени,
Сунулись дальше, кто был посмелей!..
И разместились молчком на колени
Между своих белокурых детей...

***

Похоронён он на третьи был сутки,
В землю сошел со спокойным лицом.
Полон цветами был гроб: незабудки
Точно родились и выросли в нем.

«Трифон, а Трифон! А надо-ть на сходе
Миру-то с домом попа порешить?
Крыша в дыра́х, потолок на исходе...
Что как обвалится? Станут судить!»

«Надо-ть, без спору!» Как осень настала —
Оспа-зараза сама унялась...
Там, где поповская хата стояла,
Новая хата к зиме поднялась.

Окна в наличниках были резные,
Бревна с подбором — горбов не тесать,
С крышей крылечко, столбы росписные, —
Старой-то хате куда не под стать!

737. ЭЛÓА

Апокрифическое предание

М. П. Соловьеву

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Элóа.
Сатана.
Молох.
Умерший священник.
Монахи.
Хоры.
Тени.

I

Дикая местность у преддверья ада. Толпы неясных теней тянутся к красному свету. Слышится бесшабашная песня. Навстречу теням, со стороны красного света — Сатана, сопровождаемый Молохом. Тяга теней останавливается.

Сатана

Какое пенье? Как не на работе,
И до сих пор не на своих местах?

Молох

Занятий мало, князь! Ослабли вожжи!

Сатана *(к теням)*

Неситесь прочь, влачитесь по подлунной
И учиняйте зла, насколько можно!
Не оставляйте мне без посещенья
Ни одного угла! Ночь, как парник,
Дающий овощи, взращает злое.
Наутро полюбуемся плодами!
Поменьше шуму, но побольше дела:
И чтобы когти вас не выдавали!
Неситесь!

(Тени молча уносятся).

Молох

Князь! Сегодня ты мрачней,
Задумчивее, чем всегда бываешь!
Уж не порадоваться ль новой брани?
Не окликнуть ль великие полки?

Сатана

То было делом увлечений ранних;
Не в этом суть борьбы, не в том победа!
И разве видно что по мне?

Молох

Заметно...
В речах не точен, и слугам твоим
Твои веленья часто непонятны,
И говор между слуг твоих идет...

Сатана

На то я князь, чтоб подлые рабы
Не смели понимать, чего я не желаю!..

(Делает Молоху знак рукою, и Молох удаляется.)

Туман холодный вьется, выползая,
И бесполезно глупо тратит влажность,
И в странных образах везде снует...
И он во мне, должно быть, князя чует,
Так льнет, так ластится! Какой я князь?
И Бог, и я — мы два враждебных брата,
Предвечные Эоны высшей силы,
Нам неизвестной, детища ее!..
Кряжи бессчетных гор передо мною...
Но, если бы в горах не искривленья,
Не щели недр, провалы и утесы —
В них не было б той чудной красоты,
Где так любовны тени голубые,
А блеск заката пурпуром горит...
Мое созданье — эта красота,
Всегда везде присущая крушеньям!
А красота — добро! Я злобой добр...
А в этом двойственность... И ад, и небо
Идут неудержимо к разрушенью...
Лежит зерно: ему судьба расти!

Из оболочки и из содержанья,
Как бы из двух всегда враждебных сил,
Просунется росток! Не то же ль тут?
Зерно — мы оба! Только в раздвоенье
И в искренней вражде различий наших
Играют жизнь и смерть! Живые дрожжи!..
Но эта рознь в уступках обоюдных
Утрачивает смысл давным-давно!
Зло от добра порой неотличимо;
В их общей вялости болеет мир...
И сам я сбился и не отличаю,
Что Божье, что мое? Не отличаю
Того, что было вправду, что случилось
От смутной грезы духа моего!
Не может сгинуть зло: оно бессмертно!
Но в чистоте своей зло помутилось,
Густой отстой добра в него спустился,
А зло, как поросль длинная трясины,
На стеблях бесконечных, проникает
В добро — и кажется порой добром...

(Задумывается).

Как это было? Да... припоминаю...
Не совершились времена тогда...
Природа мертвая была готова,
Но мысли и сознанья лишена.
Мысль оставалась ценным достояньем
Духовных сфер, и в них витали мы!
Когда же после множества исканий
И опытов и, так сказать, на ощупь
Мысль в человеке, наконец, пробилась,
В ней связка завязалась двух миров,
В них жилы общие какие-то сказались,
Помчалась мысль, как кровь по организму,
Переливаясь между тех миров,
И был начертан дальний путь развитья:
Чрез мысль — в бессмертье, и тогда-то нам —
И мне, и Богу — человек стал нужен:
Он за кого — тот победит из нас.

(Замечает проносящуюся вдали Элóа).

Опять!.. Опять она! Который раз!
Из ангелов бесчисленных юнейший,
Слезливейший из всех их вместе взятых!
Над телом Лазаря Христос заплакал,
Устав с дороги, и одну слезу
В опаловом и самоцветном кубке
Подобострастно Богу поднесли,

И Бог велел слезе Христовой стать
Чистейшим ангелом, назвав — Элóа!
Образчик вечности его законов!..
В законах — швы!.. Она в лазури скрылась,
А разглядеть ее поближе нужно.
Явись, Элóа!

(Является призрак Элóа).

Жаль, что только призрак!
Таких могу я натворить без счета,
Она сама — совсем, совсем не то!
В ней сущность есть, и сущность та — печаль.

(Рассматривает призрак).

Она совсем не то, что все толпы
Небесных жителей! По ней читаешь,
Какою скорбью вся она полна!
Улыбки глуповатой не имеет!
Всегда предпочитает пустыри
Пространствам, освещаемым звездами,
К больной земле поближе хочет быть!
Да, поглядишь — роскошное созданье!
Не вывелись на небе мастера,
Художники красивых воплощений!
Какой прелестный строй роскошных линий!
Прекрасный призрак, полюби меня!..
С тех пор, как прикоснулся я к Тамаре
И с нею в небо ангела пустил,
Мне женщины не пó сердцу бывали...
Теперь сдается...

(Вдали снова проносится Элóа).

Вон она опять!
О, нет, недаром эти появленья!

(К призраку).

Игра теней совсем бесплотных, бледных,
Обманный призрак, пропади скорей!

(Призрак исчезает. Сатана проносится в сторону, противоположную полету Элóа).

II

Окраина земли. Скалы. Поздний вечер. Выясняется луна. Сатана, озираясь, взбирается на скалу. Кругом снуют совы и нетопыри.

Сатана

Что мечетесь кругом, иль места мало?
Сухими крыльями невмочь трещите!
Сгинь поскорей, полуночная сволочь!

(Совы и нетопыри исчезают).

Мне кажется, ее я близко видел,
И если скалы тверды в очертаньях,
И гребни их не обратятся в щели —
Ей нет других путей, придет сюда!
Уж вот четыре раза с ней встречаюсь...
Блаженные меня все избегают,
Шарахаются в сторону, завидев!
А эта нет! Да, что-то есть такое
Необычайное, что в ней сказалось.
Сквозь облик призрачный в ней плоть я чую,
Есть сущность в ней, и сущность та — печаль!
А я — я князь печали! Мы сродни!
И если так случится, что она
Во мне приметит райское величье,
Она найдет в нас общую черту!
Ведь дочери людские, так бывало,
Сходились с ангелами, а она —
От человечества, она — слеза!
Да, да! Вперед! Дам пищу злоязычью.

(Из-за скалы показывается Элóа.
Сатана останавливает ее знаком руки).

Постой, скажи! Каким особым правом
Владеешь ты, чтоб выдержать мой взгляд?
Тебе не страшно длинные ресницы
Прелестных глаз и брови опалить?
Лазурный блеск твоих роскошных крыльев,
Он пострадает в отблеске багровом,
Так ярко окаймляющем меня?
Скажи, зачем ты здесь и не ко мне ли?

Элóа

В тот миг, как увидала я свет Божий,
Скатилась я на саван гробовой;

Светил мне в сердце светоч погребальный,
И звук рыданья — был мне пеленой!
С тех самых пор неясное влеченье
Меня манит к тоскующей земле, —
И ты, князь мрака, мне совсем не страшен,
Я родилась в тоске души; во мгле...

Сатана

Прелестнейшая речь в устах прелестных
И, слушай я ее, — добрее б стал!
Что ты меня не избегала — знаю...
Но не подослана ль ко мне — скажи?

Элоа

Нет! Мне пути никто не указует,
К тебе сама я избрала свой путь,
Я, вольной волей, встретиться хотела,
И встречу вновь тебя когда-нибудь.

Сатана

Ого! Такая мысль большая новость!
Но я свободен, мне запретов нет,
Тогда как ты в живом кольце запретов,
Я твоего желанья не пойму!
Или еще я мало доказал
Упорства своего непоборимость!
Поступок твой безумно смел, Элоа!
Придется отвечать эпитимьею...
Уж там, клянусь, известна встреча наша!
Нетопыри и совы полетели
С доносами! Поверь, мне жаль тебя!
Мой однолеток, Бог...

Элоа

Остановись!
Мне жаль тебя, ты, кажется, сказал?
Ты хорошо сказал и помни...

(Исчезает).

Сатана

Где ты!
Но нет ее! Лишь эхо раскатилось,
И дряблые тела комет бродячих
Испуганно попрятались в пространства,
Она права: я пожалел ее!
Исчезла, как и я могу исчезнуть!
Мне не найти ее... Не хватит сил!

(Сатана, глядя ей вслед, заволакивается туманом).

III

Яркий солнечный день. Монастырь в развалинах. Заброшенное кладбище. Элба бродит между могил.

Элба

Зачем Господь в предвиденьи великом
Мне, дочери мгновенья, дал бессмертье?
Зачем между служительниц своих
Быть повелел и мне — рожденной грустью?
Зачем дал женский облик мне? Кому
Не знающий улыбки лик мой нужен?
Зачем, любя Творца всем существом,
Близ князя мрака — я вполне спокойна?
В вопросах этих вовсе не сомненье —
Исканье Богом избранных путей...

(Оглядывает кладбище).

Забытый монастырь! Мне говорили,
Что тут являлся часто сатана,
Увлек монахов, обезлюдил кельи;
И колокол молчит, и службы нет...

(Раздается звон колокола. Сатана входит в виде капуцина, с кропилом в руке).

Сатана

Вы, покойники уснувшие,
В неизвестном потонувшие,
Что вы к солнцу не выходите?
Солнца теплым не находите?
Наши грешные моления
Приближают час спасения...

Хорошо в земле сырой:
В ней покой, всегда покой...
Я хожу, вас поминаю,
Ваши кости окропляю
Освященною водой,
Взятой от мощей Святой!
Ты сочись, вода, сочись,
Ты к костям их проберись,
И глубоко под землей
Упокой их, упокой...

(Окропляет).

Гром землетрясений,
Крики преступлений,
Мощный гул сражений,
Залетев сюда, —
Да не пробуждают
Тех, что почивают,
Ложно не вещают
Страшного суда.
Но, по милованьи
Тяжкого призванья
Мертвого молчанья,
Чуть вставать велят —
Из ростков сокрытых,
От греха омытых
И Христом привитых,
Глянет Божий сад...

(Окропляет).

Ранней осени предвестники,
Стали лилии цвести!
Где-то Божьи благовестники?
В мире их не обрести!..
Много злого совершается,
И не дремлет враг людской...
Спящий здесь да не пугается:
Я кроплю святой водой.

(Окропляет).

Эльба

Хорошим делом занят ты, старик!

Сатана

(Колокол замолкает).

Небесный ангел! Или дух земной
Ты, удостоивший меня вопросом?..
Скажи же мне: которым из имен
Тебя мне величать, мой гость блаженный?
Как настоятелю о виденном сказать?

Элба

Элба я.

Сатана

Ты дочь слезы Христовой!
На тело друга уронил Христос
Свою слезу — печаль души Господней,
И стала ангелом та чистая слеза!
И это ты? И на закате дней
Тебя сподобился я, грешный, видеть?!

Элба

Скажи: я думала, что монастырской
Здесь службы нет? Упразднена обитель
За старый грех, а между тем звонили,
И вот тебя за добрым делом вижу?

Сатана

Мы здесь чужие! Очень издалёка!
Родная нам обитель погорела,
И мы искали новой. Отовсюду
Нас гнали, мы пришли тогда сюда,
Проведав о монастыре пустевшем,
И, с чистою надеждой на Творца —
Свой страх превозмогли и поселились,
И нас хранит Господь! Но разве ты
Не знала, что нечисто это место?
Ты, видно, посмелей других блаженных,
Ты даже князя мрака не боишься?

Эльба

Я не боюсь его! Мне мнится, в нем
Не всё, что было свято, то погасло,
И что к добру возврат ему возможен!

Сатана

Напрасный труд! Отверженец природы,
Он Богу никогда не подчинится!
Нет лжи, к которой не способен он...
А разве, о! скажи мне, светлый ангел,
Так рассуждающих на небе много?

Эльба

Нет, я одна...

Сатана

Скажи: ты князя тьмы
Видала ли? Он в церкви намалеван:
Горящим пламенем обвит, с хвостом,
И безобразен он, проклятый!

Эльба

Нет!
В лице его, отмеченном печалью,
В глазах, горящих мыслью, и в движеньях
Былого светлое величье видно
И с Божьим небом прежнее родство!
Но милостив Господь!

Сатана

Ты мнишь, что небо
Простит когда-нибудь и преисподней?

Эльба

Она придет сама — когда познает!

Сатана

Что ж? Может быть! И ежели Господь
Дал Сына Своего на искупленье,
Он дочерью его не поскупится,
Чтоб искупить в лице ее весь ад!
Князь мрака был от неба — ты от неба;
Печален он — и ты печальна, ангел,
И прелесть женская в тебе у места...
Крепись! Крепись! Собой искупишь ад!

(Раздается звон колокола и проходят поющие монахи).

Монахи

К нашей трапезе обычной
Мы идем стезей привычной,
Богом трапеза дана
И крестом осенена!
Братья! Следуйте за нами
Тихо, мерными шагами...
Час полуденный настал,
Звучный колокол позвал...

Сатана

Чин монастырский строг, идти пора
И настоятелю о всем поведать!
Но, Божий ангел! Есть у нас преданье...
Оно под спудом скрыто в письменах:
Загадка истины о том, как будет
Сам сатана на небо возвращен.

Элóа

А от кого, скажи, преданье это?

Сатана

Не знаю, ангел, но могу прочесть...

Элóа

Скажи: когда и где прочтешь преданье?

Сатана

Когда замолкнет всюду шум дневной,
И луч луны, с лучом заката слившись,

Пойдут к цветам, чтобы прилечь тихонько
В подушках их коронок ароматных;
Когда вдоль берегов реки соседней
Чуть слышно раздадутся поцелуи
Трепещущей волны и незабудок, —
Когда заснет последний из монахов,
Я буду ждать! Придешь ли?

Элóа

Да! Приду.

(Сатана уходит вслед за монахами. Облик Элóа становится невидим в сияньи полуденного солнца).

IV

Ясное утро. Элóа, задумавшись, несется по направлению к земле.

Элóа

«Когда его бессмертная полюбит
И, правду видя в лжи, обманет ложь...»
Вот что написано в старинном свитке,
О том, как небо сатану простит.
Я не пойму, что значит тут: полюбит?
И не искать ли в жалости любви?

(Навстречу Элóа — души усопших. Она останавливает свой полет и прислушивается).

Хор только что умерших

Что гудит каким-то звоном?
Что живит погасший слух?
Мы несемся небосклоном,
Нам захватывает дух...

Элóа

Тоска земли еще их облекает,
И бледность смерти не сбежала с них,
С трудом, как будто, руки расправляют...
На лицах — слезы плакавших родных!

Хор только что умерших

Все толпой, не в одиночку,
В струнных звуках, в полный свет!
Мать, неси малютку-дочку,
Брат — сестру и внучку — дед!
В тихом веяньи полета
Вереницею теней,
Мчимся мы — и нет нам счета...
Только б вынестись скорей!

Элба

Сознанье к бедным смутно возвратилось...
Как будто первым слух в них пробужден...
Они удивлены: как это всё случилось,
Как ужас смерти мог быть обойден?

Хор только что умерших

Мы смотрели, мы видали
Нас самих, в своих гробах,
И себя не узнавали
В обезличенных чертах!
Смерть теперь нас не пугает...
Нам не жаль поблекших лиц,
И надежда окрыляет
Сонм бессмертных вереницI

Элба

Как много грусти в этих, что отстали!
Глядят назад! Их будто вниз влечет,
Туда, к земле, где бедных отпевали,
Где кто-нибудь из близких сердцу ждет...

Хор недавно умерших

Гляньте: ангел при дороге!
Ангел, верен ли наш путь?

Элба

Верен! Вам не сбиться в Боге!

(Появляется Сатана).

Сатана

Вот и я... хочу взглянуть!

Хор только что умерших
(испуганно, завидя Сатану)

Все толпой, не в одиночку!
Не отстал бы кто из нас!

Сатана

Жмитесь! Жмитесь!.. гуще... в точку!
Солнца блеск вам вслед погас!..
Стойте ж вы! Куда спешите?
Дайте вас поразобрать!
Уменьшу я цифру в свите,
Если должное мне взять...

Умерший священник

Дух вражды с венцом бесславным!
С этой страшной высоты
Говорю, как равный с равным,
Чуждый смерти, как и ты!
В жизни был я иереем,
И встречались мы с тобой...
Сгинь!..

Сатана
(обволакивая священника)

Помазанный елеем!
Ты-то именно, ты — мой!
Бледен... желт... хиротонисан...
Митрой венчан!

Элба

Отпусти!

Сатана

У меня он в сердце вписан!
Сердце, что ли, разнести?!
Рассата́ниться мне, что ли?!

Нет! Не с этого конца
Начала! Убавь мне воли...
Обрати меня в глупца!

(Сатана со священником исчезают).

Хор только что умерших

Дальше, шибче, с тихим звоном...
Стадом робких голубей
Унесемтесь небосклоном...
Лишь бы только поскорей!

(Отлетают).

Эльба

Они промчались стадом голубиным...
Одной лишь жертвы нет, обречена!
Он взял ее, и он же был причиной...
Не в небе грозен он, но на земле!
Там он, по правде, и велик и страшен!
Там зреет мощь его... Убавить воли?!
Сказал он: да, но как же с этим быть?

(Проносится к земле).

V

Степи. Совершенно ясный вечер после великой бури.
Носится туман.

Эльба

Погаснувшего дня живое затемненье
Ложится думою на строгий лик степей;
Вступающая ночь несет успокоенье,
Упал туман на степь... Пей, алчущая, пей!

(Молится).

Здесь, от лица земли и всех ее созданий,
Живым ходатаем за нужды бытия,
К Тебе, в вечерний час, в степях без очертаний,
Отец мой, молится дочь бедная Твоя!
Я тоже дочь земли... Великое общенье
Мое с тоской Ты сам, создав меня, решил...
Я знаю: в жизни нет добра без преступленья,
И не могло бы быть рождений без могил!

Я знаю, что путем мучений и кончины
Задумано Тобой: мир, зреющий в борьбе,
Мир цельный в оны дни, теперь — две половины,
В бессмертье душ людских весь привести к Тебе!
Но если Ты найдешь, что миновали сроки
И выполнено злом — то, чем спасались мы?!.
Сомненья так сильны... и раны так глубоки...
Живого места нет... Помилуй духа тьмы!

(Сатана появляется из потемневшей лазури и,
сияя красотою в отблесках зари,
останавливается перед Элóа).

Сатана

Из недр миров, из всех земных печалей,
Я поднялся к тебе навстречу, как роса
С зарей навстречу солнца проступает...
Роса посохнет — ты меня отринешь!

Элóа

Когда добра хочу — зачем отрину?

Сатана

Ты вникни в смысл моих живых мучений.
Не несколько часов терзаюсь, распят...
Не тридцать только лет скитаюсь в ссылке...
Не временною жаждой изнываю...
Не на Голгофе только распят — всюду!
А справедливость Божья не сыта.

Элóа

Не богохульствуй!

Сатана

В чем же богохульство?
Ведь если лик твой светлый так печален,
В твоей печали богохульство тоже,
Не на словах оно, зато на деле!
Зачем тоска твоя, коль всё прекрасно?
Зачем ты там на небе одинока,
Зачем ко мне взглянула? Отчего
Твой взгляд, в меня живым проникновеньем
Пройдя, огонь моих страданий гасит?

Перед тобой открыт я для любви...
И ты сама, при этом пышном слове —
«Любовь» — во всем становишься ясней!
Как бы с тем словом в твой духовный лик
Путем каким-то плоть вдруг проникает...

(Подвигается к Элба).

Да, да! Любовью ты спасешь меня!
Склонилась слухом, приклонись и сердцем...
Твоею верою я буду верить!
Твоей святой печалью освящусь!
Мой ум больной в тебе покоя ищет...
В нем совокупность мощных сил кипит
И замышляет новое творенье!..
То новый мир! И так ясна ты мне,
И счастье полное так ощутимо...
Люблю тебя и этою любовью
Сам, отрицаясь, ад я сокрушаю!..
О, отвечай!

Элба

На то Господня благость.

Сатана

Без благости! В меня любовью веет...
Скажи: люблю...

Элба

Я полюблю тебя!

Сатана
(склоняясь подле нее на колени)

Склоняюсь пред тобой всем мощным сонмом
Проклятий, шедших мне всегда вослед!
Служу тебе великим приношеньем
Всех отстраненных мной отныне бед!
Огонь блаженства мне туманит очи,
Ответь, дозволь!

Элба

Мне не понять тебя!

Сатана

Зачем молчишь? Зачем не отвечаешь?
Зачем не льнешь, не клонишься ко мне?

Элóа

К чему? И что ж еще?

Сатана

О, будь моею....

Элóа

Я вся твоя и так...

Сатана

Не то, не то!..
Люби меня с забвеньем неразумным,
Люби объятьем, смелостью люби!
Так трепещи, как я! Дай обладанья...
Ты дай мне всю тебя...

Элóа

Ведь я твоя?!

(По мановенью Сатаны по тверди небесной выясняются, в розовом свете, бессчетные облики служения любви).

Взгляни, пойми!.. Роскошные картины
Взошли, как кущи роз, по ночи голубой,
И рдеют небеса, с краев и до средины,
Служением любви и страстности живой!
Как цепи розовые тел и очертаний,
Мою вселенную обвившие кругом, —
Вы, в таинстве любви и в трепете дыханий,
Роскошно дремлете своим чудесным сном...
Пойми меня! Пойми! Ты счастье обретаешь...
Твой холод святости хотя на миг отбрось...

(Облик Элóа начинает медленно бледнеть).

Но ты туманишься... бледнеешь... исчезаешь...

(Сатана, не видя более Элóа, быстро поднимается).

Так, значит, одному из нас не удалось?!.
Ехидна дерзкая! Ты хитростно скользнула,
Впилась, проклятая, в больное сердце мне...
Я правду видел в лжи! Тут правда — обманула!
Бесполых жриц, как ты, — не нужно Сатане!

(Сатана разгорается великим пламенем).

Вспылал мой ум ужасной жаждой!
И как растопленный металл,
Бежит во мне по жиле каждой
Зловещий грохот всех начал!
Вперед! И этот век проклятий,
Что на земле идет теперь, —
Тишайшим веком добрых братий
Почтет грядущий полузверь!
В умах людских, как язвы вскрытых,
Легенды быль перерастут,
И по церквам царей убитых
Виденья в полночи пойдут!
Смех... стоны... муки... им в насмешку,
Вовек!.. Пока, перед концом,
Я, с трубным гласом вперемежку
Вдруг разыграюсь трепаком,
И под сильнейшие аккорды
Людскую тлю пошлю на суд, —
Пускай воскреснут эти морды,
А там, пока что разберут,
Вперед!..

*(Сатана уносится, и вместе с тем погасают видения.
Небо остается совершенно голубым и чистым).*

РАННИЕ РЕДАКЦИИ

2

загл. ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Ст.I

Есть в земной природе облики невидимые,
Глазу незаметные, сильно ненавидимые,
Горячо любимые, сильно ненавидимые,
Мир в подлунном мире тайно образующие.

В сильные минуты, в важные мгновения
Жизни, эти облики сразу означаются;
В обаянье подвига, в тяге преступления
Нежданно, негаданно духом прозреваются...

То, чего нет вовсе, видимым становится;
В тишине глубокой разговоры чудятся;
Что-то небывалое сразу быть готовится, —
Если что-то сделаешь, если что-то сбудется...

Ну, и надо делать!.. при таком решении
Целый мир обманный в обликах присутствует;
Он зовет на подвиги, тянет к преступлению —
И совсем по своему на дела напутствует...

3

Ст. II

Есть удивительное чувство в нас одно!
Оно, вот видите ли, золотое дно!
Его, из скромности, усталостью зовут!
В конце тягчайших, очень злых минут,
За целым рядом грустных, грустных дней,
За болью острою, за множеством скорбей,
По замирении измученной души, —
Из не нарушенной, неведомой тиши,

Каких-то скрытых, чистых тайников
Больного духа — проступает вдруг
Для неожиданных, но дорогих услуг
Такое чувство: я на все готов,
Но только б как-нибудь покончить, чем-нибудь!
А, главное, скорей, чтоб только не тянуть...

4

без загл.

Ст. II Мелкие силы сердечных движений
Кто бы исследовать всех вас сумел?
Из неисчислимых подготовлений
Зреет любое из всех наших дел!

Видно нам только одно из созданий,
Вывод последний из ряда работ!
В нем, из бессчетных смертей — отрицаний,
К жизни один только облик встает.

Прежних мытарств на себе не являя,
Кажется нам он и легок и прост...
Жизнь, нам сдается, такая простая!
А проследите мучительный рост?

Да посчитайте всё то, что пропало!
Да поклонитесь тому, что в борьбе,
Еле родившись, поумирало, —
Без уясненья другим и себе...

5

3
Ст. I Первый — это я как в метрике стоит,

9—11 Оттого что двое нас — нельзя,
Не умею я как следует прожить:
Чуть один устроится — другой

6

Ст. I Когда бы сопоставить то, что в мыслях и желаньях
Легло по жизни на огромных расстояньях
И было нами мыслимо и сделано давно, —
Как странен будет вид подобного сближенья

Больших противоречий, ждущих разрешенья,
Которого не может быть дано.

Вот от того-то нам всегда необходимо
Прощать других... Для них теперь проходит мимо
То, что купили мы большим, большим страданьем.
Что стало ложью — быв когда-то упованьем,
Явилось — светлым, темным отошло...

7

загл. CAMPO SANTO

Ст. II

Когда истома грусти сердце давит,
Мечтаешь: скоро ли смерть позовет ко сну?
Жизнь новой обстановки не поставит,
Поставив, наконец, последнюю одну...

Некрополь жизнь! Что день то годовщина
Утраты... Числа смотрят как слова
На кладбищах! Печаль, тоска, кручина!
Все темных сил большие торжества...

И мы несем с собой к концу существованья
Совсем исписанные, скорбные листы...
Их смерть заканчивает знаком восклицанья...
Они воплощены в могильные кресты!

9

Еженедельное Новое время. 1880. № 58

Да! смерть нам, русским, не страшна!
смерть наша сфера
Мы каждый день, мы по частичкам обмираем;
Надежды наши умирают друг за другом; гаснет
вера
В прекрасное; частями мы и смысл теряем...
И это обмиранье по частям, и это погасанье
Без удержу — идет у нас круговоротом.
Мы приучаемся глядеть и не считаем счетом
Тех, кто погиб, тех, кто идет на отпеванье...
Мы — стоики! но не такие, как бывали
И в Греции, и в Риме: тех рождали
Ученья философских школ, пришедших к
отрицанью;
Мы — стоики по существу, по жизни, по
призванью.

10

6—7 Не в меру чувственной и нервною была,
Ст. 1 За то, что вас печаль порой не очищала,

10—11 Что святостью труда и свежестью его
Для нового труда не освежались, —

11

1—7 Нет, нет! из тьмы углов ее молчащих,
Н. 1880. № 2 Из машин и приборов, видных в ней,
Из аппаратов, вдоль шкапов стоящих,
Из полок с книгами не вызвать в жизнь теней.

Сквозь ряд реторт, вдоль проволок привода
Духовный мир являться не начнет,
И сильф, настигнутый струею кислорода,

между 8 и 9 Здесь царство мысли! места нет для страха!
Но ум натруженный измаяться готов...
Наука — тоже шапка Мономаха,
Наследье тяжкое последних трех веков.

11—13 И, рад бы, кажется, бред мысли подогретой
Принять за правду! что ж она молчит?
Зачем не лжет, под видом убежденья?

15—20 Мир чувств не признает законов тяготенья,
И у фантазии законы есть свои...

От нас зависит то, чтоб свежестью пахнула,
Чтоб в этом мертвенном, тяжелом забытьи
Тепло мечтанья затхлость шевельнуло
И подняло наверх легчайшие слои...

12

9(13) А в творчестве людском? Куда не оглянуть
Ст. 11

12(16) В нем, то и дело, что миры родятся!

13(9) А сон людской? а грезы всяких свойств

15(11)—16(12) Фантастика психических расстройств, —
Все братья меньшие в груди большого брата!

18 А то что было, что ушло в былое...

20 Всё это содержимое большое!

22—24 С запасами такого содержанья
Когда бы ей бессмертья не придать, —
И очень сильной доли беснованья!

27—28 Чтоб в ней нашлись свобода и довольство!..
А счастья! счастья — не нашло ничто!

13

Ст. I Еще один усталый ум погас,
И проявляется несвязными словами...
Теперь, безумец, он осмеивает вас,
Как в дни былые был осмеян вами!

Слеза мирская нынче велика!
Смеется мир — безумные плодятся!
Смотрите вы, кому так жизнь легка,
Чтоб мрак, живущий в нем, не начал в вас
спускаться...

Он ходит, этот мрак! он всюду между нас!
Он ближе к каждому, чем кажется порою...
Всё, всё кончается в тот беззаветный час,
Когда смущенный дух надломится борьбою.

И вам судьба друзей не отличать!
Не тех, что нужно, гоните, клянете...
Что если здесь вы встретитесь опять?!
Вы смысла встречи тоже не поймете...

14

2 Заснувший мир и всё, что в нем живет, —
Ст. II

4 В ограду кладбища, в старинный крестный ход,

между 4 и 5 Где ни имен, ни времени не помня
Как зерна в землю мертвых клал народ;

Где кучи памятников — что каменоломня:
Всё плиты, кирпичи для будущих работ!
Кресты и урны, гробы над гробами...
А клейма черепов на сложенных костях
Являются какими-то условными значками
На предназначенных для кладки кирпичах!..
Какое это будет зданье? Кто в него проникнет?
И личность наша пропадет или возникнет?

16(6)—28(12) Что мы уже в грядущей жизни и что мы
Не больше как послед других существ, подобный
Жильцам какой-то пересылочной тюрьмы!
И мнится: месяц светит мягкими лучами
На землю, как на Елисейские поля,
Где сами мы снуем бесплотными тенями,
Где воздух не живит, где не крепка земля!
Где над виденьем бытия земного,
Звездами, как росой полуночной покрыт,
Нас отделяя от всего былого,
Запретом стелется небес громадный щит!
И кажутся тогда понятны так и ясны
Стремленья вырваться — и что они напрасны...

16

Ст. II Смотрю на город я с горы высокой...
Темнеют прорези церковных куполов
И груды острые столпившихся домов,
По ночи месячной, совсем голубоокой;
И Днепр уносится! его не слышу я:
Молчит за далью древняя струя!

Что ж? разве месяц красоте причина?
Пустите вы его зеленые лучи
По той же голубой сияющей ночи
Скользить в пространствах! — где же тут картина?!
Лучи куда-то, молча, убегут
И, ничего не встретив, — пропадут.

Но там, где землю встретить им случилось,
Где лечь пришлось на то, что долгою борьбой
Так или иначе составилось, сложилось
И кое-как живет, промучено судьбой, —
Иное те лучи значенье получают:
Они чудесное, действительно, рождают!

Суть — в прахе! в пыли! а не в блеске их!
Суть в созданном землей, а в том числе и нами,
В трудах, отмеченных великими скорбями,
В покое мертвых сил под гнетом сил живых!
Вся суть в том чаянье, в той грусти пониманья,
Что это всё взросло из тяжкого страданья,

Что тут воздвигнуты, поставлены людьми
Границы, очерки, решения, пределы,
Чему-то найден смысл, пополнены пробелы
И пересыпаны безмолвными костьми...
Но месяц здесь, конечно, ни при чем,
С своим бессмысленным, серебряным лучом...

17

загл. МОЖЕТ БЫТЬ

1—2 Да, может быть, что жизнь идет вперёд,
Бр. П И может быть, что сделано, — то нужно?

5—18(20) А все же холодно и сиротно кругом
В широкой жизни, кажущейся сном,
И чуется сквозь шум безумного движенья
Глубокое проклятье запустенья;
И страшен вечный, тающий мираж
Успехов гибнущих в неловких переменах,
Семейств пропавших на вторых коленах,
Людей потративших мечты свои на блажь.

Но творчество идет различными путями...
Борьба не только там, где блещут лезвиями,
А там, где молча, будто в забытьи,
Жизнь, как родильница, встречает боль слезами,
И силится словить поблёкшими губами
Живого воздуха ленивые струи.

загл. ДА, МОЖЕТ БЫТЬ!
2 И то, что сделано, то сделать было нужно?
Ст. I
строки 1, 5, 6, 9—11(10) — в редакции Бр.П.

8 Тяжелое сознанье запустенья!

12(11)—17 Людей погибших за ничто, за блажь...

То роздых жизни с видом запустенья»
Порою устают, как люди, поколенья...
И в эти-то года в каком-то забытьи
Жизнь, как родильница, встречая боль слезами,
Стараясь уловить поблекшими губами

19—20 Едва заслышав крик рожденного созданья,
Забудет в радости все, все свои страданья...

18

Ст. II Когда великий ум отходит, умирает,
Он не одни творенья оставляет —
Он очерк жизни отдает на суд!
Его описывают, ищут и снуют...
Ему навязывают многое такое
Чего не знало всё его былое!
Безропотно как манекен большой,
То этот облик принимая, то другой,
На чтеньях и на диспутах ученых
Он служит практикой для выводов мудреных;
Его ломают каждый по задаче,
И профилируют то этак, то иначе,
И к маскараду жизни в мудрости своей —
Дают еще и маскарад теней...

19

2 Полюбил — и жизнь зеленой степью стала;
КН. 1891. № 11

5—8 Я молился — призраки пошли по степи;
Я надеялся — и свет небес погаснул;
Проклял я — во мне застыло сердце,
Я заснул — но не нашел покоя...

10—11 Звучный ключ пробился, животворный,
И по степи, мертвой и спаленной,

20

1 Да, мы молчим... в конце концов — бесспорно!..
Ст. I
3—4 Хоть не железною, но ловкою рукой
Он душит тихо, ласково, упорно!

6 Молчать и гнуться заодно с толпой;

10 Сойти в могилу с нею можно безобидно;

12 Дождаться как придут иные поколенья,

21

Ст. I Ты говоришь, что в сердце боль становится слышна!
Боль эта служит предзнаменованьем...
В ней ясно связь глубокая видна
Между бесплотным миром чувств, мышления и сна
И миром плоти — двух начал существованья!

Та боль физическая — полузрелый плод
Печалей духа твоего за дни пережитые,
Испытанных тобой из года в год...
Подходит время, настает расчет, —
И ты из счастливых... А что же те, другие?

И вот когда, как это было встарь,
В венках, в гирляндах роз и лилий,
Готова будет жертва стать перед алтарь,
И скажет жрец жрецу: теперь пора! ударь!
И жертва смолкнет, сделав несколько усилий...

Так это будет и с тобой, со мной, с любым из нас.
В венках своих скорбей, в гирляндах всех страдания,
Кому-то в жертву и кому-то напоказ,
Закроем мы глаза в свой заповедный час,
Под злые звуки плача и рыданий!

Земля — алтарь! а жизнь людей — что дым
Над алтарем, без отдыха палимым!
Алтарь чадит, носясь по сферам голубым,
С своим прошедшим, с будущим своим,
Со всем их непонятным содержимым...

22

1—2 Еще удар на грудь... Хотя оно и грустно,
Ст. II Но этот и всех других решительней, сильней!

4—14 Рукою близкого, а потому больней.
А грудь уже не та, как это прежде было!
Ее помяла жизнь и сердце обносило...

Но как-то верится и кажется подчас
Что этой груди все же бы достало
Хоть на один порыв, хотя в последний раз
Когда бы этого не в шутку нужно стало!..
Так, говорят, повергнутый в бою,
Еще по смерти видом угрожает:
Пугает оком, пучит грудь свою,
Но грудь его не вздох а тленье поднимает...

24

7—11 Ну и живут же, горят, мировые пустыни
пространств
Ст. I Мощною жизнью пылающих молча убранств...
Так-то и в жизни. Свет жизни, что некая тьма,
Много отдельных явлений за блеском скрывает сама.
В ней, из-за множества обликов трудно, нельзя
отличить

16—17 Ярко, на диво не замечавших их прежде людей,
Целые сферы красот бесконечных и очертаний
живых

25

загл. МОЛИТВА АРИЕВ

Ст. II Старейшею из всех молитв известных нам
Молитва Ариев считается; она,
Молитва эта, старше мумий по летам!
Тончайшей плотью слов облечена
Тысячелетья прожила!! И там, где ход веков,
Остатки царств в каменьях громоздя,
Разрушил всё и вся — нетронутой пройдя
Сквозь бурелом, как призрак между снов,
Она дошла до нас так молода, свежа,
Как бабочка... в лучах весны дрожа,

Так это будет и с тобой, со мной, с любым из нас.
В венках своих скорбей, в гирляндах всех страданий,
Кому-то в жертву и кому-то напоказ,
Закроем мы глаза в свой заповедный час,
Под злые звуки плача и рыданий!

Земля — алтарь! а жизнь людей — что дым
Над алтарем, без отдыха палимым!
Алтарь чадит, носясь по сферам голубым,
С своим прошедшим, с будущим своим,

Со всем их непонятным содержимым...
Готовая вспорхнуть к семействам мотыльков...

В молитве этой просит человек,
Чтобы стада его покойно возвратились,
Чтоб лютый зверь не тронул, чтоб не заблудились,
Чтоб блеянье к заре раздалось полным хором
Перед живым, обвитым зеленью забором,
Чтоб мощные быки с громадными рогами
Пришли, все счетом, с целыми боками.
И только-то?!.. Какая простота!
Да, если жизнь людей есть некая мечта,
Стремящаяся всё полнее воплотиться,
Как много зла прошло, чтоб обратиться
Молитве этой в «Отче наш» Христа?
И сколько же еще нам предстоит мученья
Когда и этой-то молитвы мало нам,
И в ней не всё сквозит что зреет по сердцам
И ждет и жаждет отпущенья?!...

27

загл. ИЗ ЖИЗНИ

1—4 Скажите дереву: ты перестань цвести,
Север. 1890. № 25 Не пробивайся в жизнь листами молодыми,
С зарею не сквози лучами, не блести
В парче ночной росы алмазами живыми;

6—7 Отростков молодых с молочной белизною...
Взгляни на тысячи кругом гниющих пней,

9—16 Ведь это всё в свой срок, так точно как и ты,
Стремилось в цвет и рост, зачем — не сознавало,
Ютило песни птиц и влажные цветы
В полдневный час не раз от жару защищало.

Прослушав, дерево той притчи не поймет...
Надеется цвести, зимою обмерзая...
А гордый человек, чуть злобный час придет,
С собою порешит, цветенья не желая.

28

1—3 Где только есть земля, которая нас скроет,
Север. 1891. № 7 Где солнце есть и облака бегут,
В свой час цветет весна и к сроку осень воет,

6—7 И если мир и беден и суров,
В нем все же можно жить, исполнить назначенье —

9—10 А если к этому прибавить то, что было,
Воспоминанья, чувства прежних лет,

13—16 Как понимали нас, как мы все понимали,
Как в дымке жизни цель была ясней —
И кажется тогда, что целы вновь скрижали
Мечтаний, и надежд и счастья прежних дней.

30

загл. ГОЛОВА

1—2 На полках одного из маленьких музеев
Ст. II Я видел головы известнейших злодеев,

6—8 Глядели с полок будто бы живые...
И веяло в меня молчанием гробов
От вставленных очей и выкрашенных лбов!

11—26(22) В совсем ей чуждую среду занесена
Скромней других покоилась одна...
Разумные глаза бестрепетно открыты,
И кости челюсти так страшно перебиты!
Решимость грозная, сознательный покой
На мертвом облике лежали пеленой,
И значилось на нем, как след большой борьбы,
Презренье полное к решению судьбы...
Любил ли ты людей? себя ли ты любил?
Но ты казнил, без устали казнил...
И ты живешь кровавою мечтой
С ее логической, ужасной простотой,
И служишь торгашу источником дохода:
Чтоб собирать гроши с гулящего народа,
С разбитой челюстью, с стеклянной парой глаз,
В ряду разбойников показан на показ...

31

загл. В ТЯЖЕЛЫЙ ЧАС

1—3 Нет в отчизне моей красоты,
Ст. I Все намеки одни, да черты,
Все неясно, некончено в ней
21 Эта гладь бесконечных равнин —

32

4 *Ст. I*	Картины страшные встают;
10	Клеймом позорным заклеймен;
12	Срывает суд личины их:
16	Сквозит общественный наш строй...
23—24	Есть общая одна черта: То скудной мысли пустота!

34

4—6 *Ст. IV*	Седая голова дородного прелата. Между молящихся массивной булавою Швейцар постукивал, расхаживая смело;
8—14(15)	Распятье Рубенса старинное висело... Христос с венцом на лбу и кровию на ране Едва заметен был в накуренном тумане! Ясней всего глядели с полотна: Копыта лошади со всадником усатым, Ярлык над книжником седым и бородатым, И полногрудая, роскошная жена!

35

загл.	В НЕМЕЦКОМ ЗАМКЕ
перед 1 *Ст. I*	Еще в старинном блеске обстановки, В массивной роскоши сияет старый дом! Из всех возможных форм корсетов и шнуровки Никто, никто не смеет выйти в нем. Еще глядят со стен старинные портреты Всех представителей разросшейся семьи: Есть в латах, в мантиях, есть даже эполеты, Есть и духовные — виднеются скуфьи. Вдоль лестниц — пальмы; люстры с хрусталями; И если пир дается, то на нем Прислуга движется, расшитая гербами, Гремит оркестр с великим торжеством. Как луг, колеблемый под ветром, гнутся шеи Толпы гостей, нахлебников, родных;

Кругом хозяина толкаются пигмеи:
Старик умней и многим лучше их.

19(3)—20(4) Здесь мальчик-с-пальчик был бы великаном,
Когда б по силе духа их сравнить...

24(8) Пигмеи, гномы — составляют двор!

28(12) И ты развалишься блестящий старый дом.

38

Еженедельное Новое время. 1879. № 6—7

Они из гроба Фауста поднимают,
Они тень Гамлета печальную зовут,
Маркиза Позу петь на сцене заставляют,
И тени с ужасом, стыдясь себя, поют.

Они свели на сцену Дон-Кихота,
Сказав ему: пляши на старость лет,
Верти танцовщиц и в прыжках без счета
Веди к концу нелепейший балет,

Уродов Буффа, в платьях с фонарями,
Преображенных в овощи земли,
В бутылки, — скачущих безумными скачками,
Они состряпали и к свету извлекли!

Больной фантазии больные порожденья,
Одно других безумней и срамней,
Явились в жизнь плодами воспаленья
Душевных сил пролгавшихся людей.

Толпа валит... Причиною понятной
Все эти пошлости нетрудно объяснить:
Народ в нелепости как вечность необъятной
Рад пошлость жизни как-нибудь забыть...

39

без загл.

2 Луч луны к тебе глядит
Н. 1881. № 29
4 Тяжкий сон тебя мутит!»

7—16 Всё придет в тебе в порядок
Коль на сердце посвечу.

И упреки, и сомненья,
И печаль заговорю,

И мечты, и помышленья,
Даже сны — осеребрю.
Что увижу, что подмечу
Никому не помяну,
И вернусь заре навстречу
Тихо, снова на луну!»

43

5—8	За этой первой вечера лампадой
Ст. IV	Зажжется длинный ряд огней других лампад,
	И ночь сойдет... Предстань, предстань менадой!
	Пусть мы безумствуем... пускай лобзанья — яд!

47

2	Глазами кроткими, но полными огня,
Тр. 1890. № 22	
4	Глядишь на дремлющего в полусне меня;
7—9	И в сладком шепоте глубокого молчанья
	Сердца так трепетно в обоих нас стучат —
	О! заслони полней головкою твоею
11	И, если можешь ты, так заслони ты ею

56

2	Принесите ей больше цветов
Ст. IV	
7—8	Если ж спустится ночь, ляжет спать,
	Ей цветов тех во тьме не видать,
12	Проведут незаметной стезей...

59

2—3	Мир старый рушится и новый возникает...
Ст. IV	Отыщутся ли в нем заветные пути?
между 4 и 5	А старый, прочный мир уходит в дым и прах!
	Ряд ярких обликов томительно мятется
	И тает, видимо сжигаемый, в лучах
	Неудержимых слез... А в новом что найдется?
10(6)—18(13)	Дохнуть живым теплом на душу ледяную?
	Иль, может быть, начав как прежде созидать,

Обманута в себе, жизнь примет грезу злую
За правду и начнет вновь верить, вновь мечтать,
И, видя в обликах своих же измышлений
Святую истину — повергнется пред них,
Чтобы, под смех и свист подросших поколений,
Почтить живым огнем молитвенных стремлений
Ряд пестрых лжеикон нисколько не святых.

60

загл. ИЗ БЫЛОГО

вм. 4—6 Не отличить пути, и ты горишь не в срок!
КН. 1887. № 5 Тем ласковей глядит живительное пламя,
Мерещится кругом приветный кругозор
И светит женский лик, — хоругвенное знамя...
Я вслед ему иду в погаснувший простор
И чем темнее ночь, тем больше в нем сиянья;
Я мог бы не идти, но я идти хочу.

13(9) Родные ль под собой могилы попираю,

16(12) И знать я не хочу! Хоругвь меня ведет...

18(14) Что даже мысль о том, что и хоругвь — мечта,

20(16) И сладостней душе и мрак, и пустота.

4—6 Не отличить пути, и ты горишь не в срок!
Ст. IV Но чем темнее ночь, тем больше блеск сиянья;
Я на него иду, и я идти хочу...
9 Родные ль под собой могилы попираю,

66

загл. В ПЕТЕРГОФЕ

2 Сад заснул. Не все фонтаны бьют;
Моda. 1858. № 4

4 Жизнь скупа для этаких минут.

5—8 Ну пойдем же, ангел, ты теряешь
Время. А как ночь тиха!
Демон сам, ты этого не знаешь,
В час такой пугается греха.

10—11 Ночь темна. В траве роса лежит;
Месяц сам как будто очарован,

14 Резкой профилью очерчен сад густой;

17—24 Грустью Байрона я грусть твою развею,
Я стихом его твой слух обворожу,
Словом ласковым, любовию согрею,
Много нового открою и скажу.

Ну пойдем же, ангел, ты теряешь
Время. А как ночь тиха!
Демон сам, ты этого не знаешь,
В час такой пугается греха.

загл. ВЫЗОВ

2 И лежит в аллеях сада мгла!
И. 1859. № 83

5—8 Торопись! Послушай, ты теряешь
Час за часом — а как ночь тиха! —
Демон сам — ты этого не знаешь —
В эти ночи бегает греха.

11—12 Полный месяц точно очарован,
Тихо так сияет и дрожит.

14 Очерчен так резко сад густой,

17—28(24) Грустью Байрона я грусть твою развею,
Песнью Гейне слух обворожу,
Словом ласковым, любовию согрею,
Много нового открою и скажу.

Да мой друг — я полон чудной власти,
В сердце женщины сознательно играть;
Всеми тайнами и тонкостями страсти,
Чаровать и жарко целовать.

Торопись! Послушай, ты теряешь
Час за часом — а как ночь тиха! —
Демон сам — ты этого не знаешь —
В эти ночи бегает греха.

67

1(5)—4(8) Где-то, какой-то философ,
Ст. IV
Сидя в своем колпаке,
Много поставил вопросов
И утопился в реке.

76

3 И головушку поддержу твою
Скл. 1874

6 Наклонись к нему, не давя груди,

14 Хорошо ли я так баюкаю?..

16 Поскорей отца от малютки скрой!..

77

3 Страстей, не так давно, ужасно говоривших,
Ст. II

5 Вот этот человек! Он был таким когда-то,

8—9 Сознанье теплится как будто бы шутя!
В котором все мельчайшие движенья

11—12 Которого все мысли, все мечты —
Одни лишь световые представленья,

14 Глубокой, внутренней, чудеснейшей весны! —

17 О! чтоб отец его мог быть таким когда-то!..

79

6 Те очаги любви, что в жизни мне сияли,
КН. 1894. № 1

10—11 И сам осмеивал свои же поклоненья,
Что, чая облегчить тяжелый гнет оков,

19 Я лгал как лжет она, и жизнь и смерть познав

22	И камень и себя немолчно разрушая:

83

1 *КН. 1891. № 10*	Ночь, блеска полная... Недвижные пруды
7	Табун коней лежит на скошенных лугах,
16	Когда вас родина мне в душу заронила
19	Тогда они тебя любовно осенят,
21	Пророчица моя! Ты мне не солгала!
24	А воля личная — бессильна и убога!

84

1—2 *РВ. 1880. № 10*	Вы, старые часы прабабушки забытой, С гудящим домиком тройных колоколов, —
6	Вы месту вашему, заняв свой уголок;
8	Из дома в дом, в тот или этот срок.
11—12	Сыгравши матери сыграли вы для сына Всё ту же песенку, дрожа, колокола!
14	В года холерные и всех других смертей;
17	Звонили вы в часы утрат и бед семейных,
19	В заветные часы молитв благоговейных
6 *Ст. II*	Вы месту вашему, заняв свой уголок,
8	Из дома в дом, в тот или этот срок.
12	Всё ту же песенку, дрожа, колокола!
14	В года холерные и всех других смертей;
17	Звонили вы в часы утрат и зол семейных,

85

9 Чудо-песни, жемчуг слово
Совр. 1860. № 2

14—16 Светлой грусти, чистых слез,
Дум высоких, чувств глубоких
В песнях по миру разнес.

вм. 17—28 Он на песню душу отдал,
Жизнь для песни загубил;
И не раз лада бандуры
Он слезами оросил.

Он за хлеб насущный людям
Их дорогу освещал,
Даже имени Украйне
Бандурист не завещал.

Но правдивое преданье,
Безымянно и светло,
В доброй памяти народа
Старика пережило.

В зыбких люльках засыпая,
Через сон во тьме ночей,
Дети слышат бандуриста
В тихих песнях матерей.

И крепка в тех песнях сила
Сердце к жизни шевеля...
Ты тепла, его могила,
Ты мягка ему, земля!

9 Чудо — песни, жемчуг слово
Ст. I

24 Так вот сами к сердцу льнут!
28 В песнях матери поет

86

6 Чужие волны бьют, да бьют
РВ. 1879. № 3

9 А на корме ее размытой,

12 Славянских букв знакомый строй.

19—24 Один; на рубке, над кормою
Сидел всю ночь он на пролет.

Забыв о румбах, о компасе,
С рулем, гулявшим под рукой,
Мечтал он о далеком часе
Свиданья, там, в стране родной!

92

2—4
Бр. П. 1876
Проскользая вдоль сосен и скал,
И встревоженный лес, как дышащий орган,
На кореньях скрипя заиграл...

7 И спокоен один только — старец веков —

95

загл. СОН

1—2
Н. 1884. № 41
И снится мне: иду дорожкой сада,
Мне не тяжел горячий полдня жар:

5 И нет жены; семья, что дом пестрила

7—8 И все свои призванья совершила
И разбрелась из отчего дупла.

10—11 Что целый день толкались по дворам...
В коленах дрожь, на сердце гнет одышки,

14—15 Темней чем был и ниже небосклон;
Теснятся в память сотни лиц почивших...

21 Я помню тут у ближнего соседа

30—33 Калека жизни — я едва бреду...
Чу! Колокол зовет... Кого я жду?
Жена с детьми... я всех их расцелую!
Но пусто всё кругом...

1—2
Ст.IV
И вижу я: иду дорожкой сада,
Мне не тяжел горячий полдня жар;

5 И одинок... Семья, что дом пестрила,

7—8 Все, все свои призванья совершила
И разбрелась из отчего дупла.

10—11 Что целый день толкались по дворам...
В коленах дрожь, на сердце гнет одышки,

14—15 Темней чем был, стал ниже небосклон;
Теснятся в память сотни лиц почивших...

21 Я помню тут у ближнего соседа

30 Калека жизни... холодно... дрожу...

96

11 В венках играющих лавровою листвой,
Ст. I

16 И поднимают пыль, тащась по мостовой.

29 И ликованье бедных и богатых

33 Спадал с широких лож на мягкие ковры

37—40 Молчал философ и молчал поэт...
И это было так!.. И много сотен лет
Прошло с тех пор. И нынче там в огромных
Развалинах — шакал гнездится в дырьях темных,
46 То, что, — как им казалось, — быть должно!..

97

3—5 Глянуть не смеет привыкшими к мраку очами!
Ст. I Только что срок подойдет — и она оживится:
Быстро выходят, повсюду ползут ее тени,
8 Переливаются, их широко наводняют...
15 Этим погибнуть судьба — им не спорить с судьбою...
17 Шествует день, он у дальнего солнца зажегся!
22 И воцаряется свет, как за грустною мыслью мечта...

98

2—5 Едва застанет она, — событий резкий шквал,
Ст. IV Блиставший молнией, нам в душу налетал,

Сознанье гордое в ней чувство пробуждало,
И ранее того, чем пепел опадал,

8 Лежит томительно над зябкою душой,

11—12 Чтобы принудить быть смелей и благородней,
Блеснуть в раскаянье... и сгинуть навсегда...

99

9—10 Теперь в душе — не то. Под складками одежд,
Г. 1889. № 17 Ничуть не шевеля совсем погасших ликов,

14 И только кое-где, под грузным слоем пыли,

16 И просит, чтоб его скорее погасили...

101

5 В сердце тоже, видишь ли,
Ст. II

9 Под листвой, под теменью

13—20 И по ним-то крадутся
Путниками скромными
Чувства те, что кажутся
В мире чувств бездомными!
Без закона крадутся,

С мира пробавляются,
Нигде не прописаны
Ходят да шатаются!

102

2—3 Навстречу мчась одна другой,
И. 1859. № 83 Две тучи, ежась и свиваясь,

отсутств. 5—8

5(9)—8(12) Глядеть на них мне грустно стало:
Зачем им битвы на пути?
И разве в небе места мало,
Чтоб не столкнуться и пройти?

103

загл. У ПАРГОЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ

5—6
ВИ. 1872. № 168

В работе кропотной, безмолвной,
Полузапутана, темна

14—20

И кажется: в коронках их
Пробрались к свету из под гнета
Живые силы душ людских.

Ударит час, вставать прикажут!
Пройдет земли больная ложь!
Цветы скорей, чем камни, скажут:
Я здесь! Меня ли ты зовешь?!

5—6
Ст. IV

В работе кропотной, безмолвной,
В начальных проблесках темна

14 И, чудится, сквозь трепет их

105

1
Скл. 1874

Пой, о пой, голубушка певунья,

6 В вечных сумерках, идущих перед ней.

13 Может быть, между «нигде» и «где-то»,

15—16

Память гаснет, не влекут желанья
И любовь и ненависть молчит —

18—20

Без грядущего, прошедшему чужда —
И земля своей поблекшей грудью
Не прельстит беглянки никогда!

111—114 (III)

1
Ст. IV

Где, где то время, что бывало

4 Давно поверженным богам?

12 Сама не зиая почему!

14 То цветень жизни проходил,

111—114 (IV)

3—7 Все, все, как мы, свой век кончали
Ст. IV

Каким-то странным полусном.

На сердце желчь; гнетет забота;
На всех путях — вразумлены;
Тоскливой осени дремота

10—14 Те, кто нам чужд вполне, — растут.
Но это все одно смятенье
В пределах дней, годов, минут!

Мы ждем и даже не тоскуем;
Для нас не может быть мечты;

17—18 Сплетаем их в венки, в короны,
Смеемся даже на пирах...

20 Увы! в искусственных цветах.

115

загл. ПЕРПЕКТИВА

3 Хоть грустно мне, но знаю я
Ст. I

5—6 Пойдут на запад, на восток,
И, лет чрез двадцать пять,

8 Здесь соберет опять!

10 Беспомощных калек

13 По их телам, как бы из тьмы,

15—16 Уже совсем не то что мы,
А люди лучших лет.

18 Когда они пойдут,

20 Они не упрекнут.

116

2 Виденье я имел! Меня порыв увлек

Ст. II

5—7 И был чертог тот гульбищем бесплотных
Незримых сил! молчание хранил...
Над тьмой безвременья вися в рядах бессчетных,

12 Невесть какой рукой в чертог принесены!..

15—16 Над страшной бездною они одни остались,
И те остатки были имена!..

18 В великой рухляди торчали острия,

22 Упал пластом, истрепан и измят,

27 Попробуй воссоздать по этому хаосу

32—35 Ряды имен, столь чуждых по всему?
Что общего у них, теперь давно прошедших,
Пророков, гаеров, тех и других вождей,
Людей анафемы, великих сумасшедших,

37 И услыхал я словно прорицанье:

45 И откровенье вышло мне другое:

50 Не мог я не признать в нем высшей красоты,

52—54 И чернью тронуло поблекшие черты!
И на его большие очертанья,
На гордый труп с открытой головой,

56—57 Из благодарности ненужной и немой...

И стал я спрашивать ответа на сомненье:

59 И эти имена смотрящие в крушенье

65—67 Пытливый ум людей, как в жизни, дерзко ставит
Вопросы страшные о бытиях времен...
Да кто же, наконец, из двух их власть? кто правит?

70 Не поросль — семя все спалить пришла пора...

73—76 И Он других создаст!.. и так Он уничтожит
Чтоб даже в именах проказе не пройти
В то, что Он сотворит, в то, что Он приумножит,
И сердцем поведет на новые пути...»

78 Одни во след другим потухли имена!

80 Совсем великая, безмолвная, одна...

82—83 Суровый, злобствующий, страшный как самум:
«Иначе их страстям не отыскать управы,

117

загл. ЖЕЛАЛ БЫ Я

3 Чтобы заимствовали цену
РВ. 1890. № 5

8—9 Им в маске правды выступать.
Чтоб с окончаньем представленья

11—17 От сцены отделяя зал,
Спускаясь, занавес кончал;
Чтобы в размеренные сроки,
За деньги всех, им выступать,
А вне кулис залегши в строки
В унылой бледности молчать.

Не в ширине повествованья,

19—24 Хотел бы я существованья
Для них, души моей детей —
Чтоб собеседник благосклонный,
Мой чтец, внимателен, не строг,
Не разом проследить бы мог
Их нить и в веренице темной
26 Мог обронить слезу живую

28 А там ему, при новом чтеньи,

33 В стихе и сжатом и — живом,

40 Она — не лжет! для ясных песен

43—45 Возникли песни — не убить;
Им сроков нет, им нет предела,
И если песнь нашла почет

118

11 *Ст. 1*	Там языческий, оставленный божок
13—14	Всем законностям наперекор чудит, Без формальностей, на зло прокуратуре —
16	Тем, что служит матушке натуре...

119

3 *Север. 1888.№ 5*	Яркие мысли блистают на вас что брильянты
13	Чистая ты, бесподобная! жребий мой кинут...
15	Как две богини Олимпа в лице твоем станут
17—18	Третья ж, Юнона, исчезнет совсем без помина. В благоуханьи полуночных роз и жасмина...

126

3 *Ст. 1*	Легли вдоль дороженьки
7—8	Зачем торопилися Да в реку пролилися?
11	Взошло не по времени,

127

загл.	СТАТУЯ БОГОМАТЕРИ И ЖЕНЩИНА
1 *Художественный журнал. 1882. № 10*	Только что слезы не льются с печального лика,
вм. 3—8	Матери Божьей страданья проходят без крика, Скорбь ее — скорбь молчаливая, тяжко-глухая!

Но не прекрасна ль и ты, что к подножью припала, —
Женщина, горем объятая, в жарком молении!
Та — скорбь небесную, ты же — земную приялa...
Родственны обе те скорби в своем воплощении.

В людях из жгучих страданий их в жизненной битве
Образ сложился скорбящей за них Приснодевы!
Нашим печалям мы молимся в тихой молитве!
Творчество наше — то жатва! печали — посевы...

загл. СТАТУЯ БОГОМАТЕРИ

9—12 В сердце людском, на печалях, что в нем обитают,
Ст. IV Светится облик скорбящей за нас Приснодевы:
К собственной скорби прибегшие к ней прибегают —
Наши моления — жатвы, печали — посевы...

128

4 Нет, я не думал, чтоб звуки себя воплощали!
Ст. I

после 4 Скрыпка дрожит под смычком и звук отделился
Мне показался он сдержанным стоном страданья;
Плачем горячей любви — девушке той он предстал;
Этой старухе — молитвой! Для всех воплотился...

11(7)—12(8) Нет! я не в силах молчать: или словами скажись,
Или же звуков мне дай, отвечать что придется!

131

1—3 Я принес домой с мороза
Г. 1889. № 48 Много острых блесток снега.
Дома так светло, так сладко,

6 Этих благ не понимают,

132

1—6 Из твоего глубокого разврата
Г. 1889. № 27 Порой, подчас, могуществом мечты
Ты веришь в то, что девственно, что свято,
Чем полон был в иные дни и ты!

Светлей звезды и чище серафима
Твоя мечта становится тогда!

1 Из твоего глубокого разврата
Ст. IV

3—6 Ты веришь в то, что девственно и свято,
Чем полон был в иные дни и ты!

Твоя мечта горит неопалимо
И, мнится, будет чистой навсегда...

133—160 (XX)

2 Месяц яркого блеска пустил.
РВ. 1883. № 10

7 Да и сам я так тихо настроен...

10—11 Ждет она, прикрываясь фатой,
Все глаза проглядит... Нет! мы бредим,
отсутств. 12—16

133—160 (XXX)

1—3 Взял я землю на лопату;
РВ. 1884. № 12 Дети! Ставлю я дубок.
Быть для вас тут месту святу

8 Будет статен и велик.

15 И, по Божью повеленью,

133—160 (XXXIV)

1 Степи снежная картина!
Ст. IV

3—7 Ты засни моя кручина,
Замолчи моя печаль!

В этом сне оцепененья
Довременной немоты,
Где бессильны все сравненья —

170—185 (I)

2 *РВ. 1888. № 4*	Стлался свет ленивый по волне, объятой
9	Празднично и ясно утро рассветает...
15—16	Хмурые утесы дальнего Мурмана... И, как дым кадильный, на заре дымились.

170—185 (V)

7 *РВ. 1889. № 12*	Следы те разнесут приливы и отливы,
10	Гряды подводных трав, поднявшихся со дна;
12—13	И вся от них пучина зелена... А там вдали виднеются так ясно
16	У скал сереющих кровавое пятно...
7 *Ст. IV*	Следы те разнесут приливы и отливы,
13	А там вдали виднеются так ясно
16	У скал темнеющих — кровавое пятно!

170—185 (X)

11 *РВ. 1889. № 3*	Купы алеют гвоздики,
17	Здесь — до равнин ниспадает
21—23	Ярко гвоздики пылают Рдеют с округлых вершин Мохом окутанных пышным,
8 *Ст. IV*	Купа гвоздики горит.
11	Купы гвоздики алеют,
22	Рдеют с округлых вершин

186

без загл.

3—16	В тепле весны шипя и тая,
ОЗ. 1860. № 5	Готова тронуться река.
	Она сбежит и в степь и в горы
	Под легкой сенью облаков,
	По дну ее пойдут узоры
	Из разноцветных парусов.
	Река сберет в свои алмазы
	С лугов сбежавшие снега,
	Она запомнит те рассказы,
	Что ей нашепчут берега.
	Она снесет, поток свободный,
	К равнине моря голубой
	И труп гуляки, труп холодный,
	И ландыш, брошенный дитёй.
загл.	ВЕСНОЙ
6	К стране счастливой и иной
ВИ. 1871. № 147	
10—11	Под блеском южных звезд дробясь
	Другим землям и людям дальним,
13—14	Скажи, что и сюда приходит,
	В свой срок весна; длиннеют дни...

188

2—3	Точно девушки под ряд
Ст. II	В сельском храме, за обеднею
5(9)—6(10)	Точно как дымком невидимым
	С неисчислимых ветвей
8(12)	От цветов как от огней!
12(8)	Пробивается пушок!
21	Хоть один цветок задумать бы
23	И весны прожитой памятью

25—28 Распрямить и грудь и рученьки,
Успокоить на листе...
Бедный! бедный, точно распятый,
Плоский, мертвый на кресте!

31 Всё смешные в ней рассказики —

189

загл. УТРО В ДЕРЕВНЕ

вм. 4—16
ОЗ. 1860. № 5

Стоит и смотрит, уши навостряя.
По длинному селу, из легкой темноты,
Несутся весело и звонкий лай, и ржанье,
А за селом погост и мелкие кресты,
И церковь старая, как старое преданье.
Вот ставней хлопнули. Из низкого окна
Глядит старик в рубахе, с бородою;
А вот и девушка извилистой тропою,
Полуодетая, под обаяньем сна,
Выходит на реку, и ветер полусонный,
Домчавшись весело блестящею травой,
Ласкается к ноге и к груди молодой.
Восток горит и рдеет. Раскаленный
Поднялся шар из золотой пыли,
Раздалось пенье птиц над бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою и медом,
И цельной свежестью распаханной земли.

На солнце душно. Жар. Томительно и знойно
Сверкает высь безоблачных небес;
Под ветром утренним светло и беспокойно
Шумят хлеба, гудит сосновый лес;
И в даль лиловую уходят, нежно-сини,
Пологие холмы проснувшейся пустыни.

192

2 Небо крыто облаками,
Ст. 1

8—9 К Гулливеру, мне, под ноги.
И уж это, нет, не листья,

12 Эти крохотные груди;
между 12 и 13 Но не вижу я удобства
Быть над ними Гулливером:

Очень важно у пигмеев
Брать значеньем и размером!

13 И уж это не пигмеи!

19(15) Пересохшие мученья

21(17)—22(18) И уж как их ветер гонит,
Как безжалостно терзает!

26(22)—28(24) Волновалась, копошилась,
В даль и темень уползала,
И не кончилась — но скрылась...

193

2 Воздух темен и тяжел;
Н. 1880. № 8

4 Опускается на дол.

6 И снуют со всех сторон,

8—10 Черных галок и ворон...
Гарь и сырость по болоту...
Да! Работа не легка —

12 Еле видного денька...

2 Воздух темен и тяжел;
Ст. II

4—6 Опускается на дол

И мешается с туманом,
И снуют со всех сторон,

12 Еле видного денька!

195

1 Не сразу ты остынул, старый лес!
Ст. I

3 И в ночь холодную еще снует теплынь

5 Не так ли исполины спящие твои

7 И в долгий холод наших поздних дней

10—11 Последствием работы мозговой, —
А в нем сквозит совсем не хитрый след

198

без загл.

2—4 И на них любуются с горной высоты,
Н. 1884. № 22 Как они вдоль луга, на поля упали,
В речку окунулись, сели на кусты...

7—12 Вам ли не раздолье, вам ли не услады
В ярких переливах светлой вышины?

Облака раскинули теней трепетанье,
В небесах проносятся — ясных, голубых...
Тени! Ближе к горю, ближе вы к страданью,
Но зато и ближе радостей людских...

199

5—6 Поле чтоб было! Поле мы вспашем;
Ст. II Годик другой... а и бросим потом...

11—12 Чтобы под ним да усталые ноженьки
Вытянуть в жаркий томительный день!

между 12 и 13 Или чтоб где народилося новое,
Чтобы оно с говорливой листвой
Внукам досталось, большое, готовое,
Бросило тень, дало цвет золотой, —

отсутств. 15 и 16

24(22) Издали виден каким-то пятном,

27(25) Мощные ветры насквозь пробирают!

30(28) Жалок ты жальник... чахоточный вид...

34(32) Он не изводит, не ломит, не гнет!

37(35) Дома, в поддонках разбитых стаканов

39(37) Всюду разводит отсадки гераней...

после 40 Лес! ты мой лес! ты под корень подсеченный,
С ними ли вровень величье твое!!
Знать, ты чужой был! клейменный, да меченый...
Ну а вот это хоть дрянь — да свое!

200

4 Мало-помалу рядится Нева!
Г. 1889. № 35

6 Высятся зданья фигурной стеной,

8 В воду глядятся, любуясь собой.

13 Тоже, знать, мачта! Лучей прибывает!

15—16 Тронет волну — чайка блеск разрывает,
Очерк струи проступает пятном.

25 Но... вот и говор пошел, и несмелое

201

1 Экие, право, вы птицы прелестные,
Ст. I

3—6 Счастливым странам мало известные,
Много известны отчизне моей...

Краски-то ваши все серые, черные,
Да и фигурой вы очень просты:

8 И без фантастики перьев хвосты.

25 То вы мгновенно картину меняете:

30 Стая большая вдали по полям.

36 Ну и не прочь хоть опять испытать!..

202—211 (I)

12—15 А не только одною лишь кровью.
Ст. II

Надо мной ли венец не заслужен горит?
У меня ль не стигмат эта бледность ланит,
Эта желчная, злая улыбка?!..

23 И сиянье блуждающих звезд и планет —

27 Всё, чему так прелестно живется...

39 И кладу наповал поцелуем!

42 И, могу утверждать — торжествуем!!!

202—211 (II)

18 Одного только имей;
Ст. II

30—35 Новой тактике пора...
Что ж бы это с нами было,
Если б не было добра?!

Нет добра! а зло повсюду!!!
Но для истинной борьбы —
Несомненно нужны худу
вм. 37 Будь же добр! И будут рады
Друг Молох и Баалим,
Ада стяги и громады,
Для которых я — режим!..»
И, покончив с этим пеньем,

202—211 (III)

1—4 Вешают убийцу люди по-над площадью,
Ст. II И толпа пришла, стоит, глазеет, необъятная!
Мефистофель тут же, он в толпе шатается...
Вдруг мелькнула мысль прелестная, приятная!!

6—16 На себя веревку ловко он набрасывает...
И какие штуки он ногами-то выкидывает?
Что за выкрутасы он, повешенный, выплясывает?!

А преступник рад-радехонек, — толпою пробирается
Новый умысел в мозгу его тихонько созревает:
Как бы это чище, лучше сделать, он придумывает,
А уж как чтоб не попасться, это-то он знает!

И доволен Мефистофель, так несказанно доволен,
Что два дела сделал людям из приязни:
Нехороший человек отпущен им, стал волен,
И сохранена приятность смертной казни...

202—211 (IV)

вм. 10—17 Полная фальши, скачками звучишь!
Ст. II Время ли, что ли, тебя потрошило?
Ног не хватает — а всё говоришь!

Кто-то подслушал тогда! Ударенья
Резко сдаются на тех же местах,
Те, что когда-то в чаду вдохновенья
Вдруг замирали на милых устах!

Злая шарманка! ты бесчеловечна...
Точно напомнить явилась она
И доказать, что как блеск скоротечна
Сила любви, что она не вечна!

Удержу нет! Всё пилит, всё хохочет,

25(21) Слышу, что тянет, как прежде, на мщопьс...

202—211 (V)

6—7 Толпы светлолобой,
Ст. II Мефистофель носится
10 На костюмы разные,
53 Мефистофель носится,

202—211 (VI)

перед 1 Не по обычному закону,
Ст. II Прикормлен светом и теплом,
Являешь ты свою корону
Как бы окованную сном.

6(2) Сильнейшей тяжестью своей

11(7)—13(9) И, поклонившись благолепью
Небес, земля совсем молчит —

Ты в сфере смерти и молчанья,

16(12) Вдруг выдвигаешься в снегах!!

18(14) Твои хрустальные листы

23(19)—25(21) Ты — отрицанье жизни мира,
Ты — отрицание тепла!

Тебя, рожденного зимою,

29(25)—32(28) Слезами смерти ты опрыскан,
В тебе есть звуки, есть напев!
И только тот тобою взыскан,
Кто отойдет, окоченев...

202—211 (VII)

16 Вьется, как утроба змея,
Ст. II
29 Под большими нумерами,

49—50 По последней по идее
Сшиты! Ловки при движеньи...

202—211 (VIII)

6—8 Спят под гербами, под стягами...
Ст. II Чистит он, все не начистится,
Возится он с саркофагами.

10 Пыль он стирает, обходит!

16 Вызвать огня нету силы!

202—211 (IX)

6 Крайнее слово вашей крещеной культуры!
Ст. II

9 Слушай, мой Фауст, только прошу: не серчай!

11—12 Вслед за Платоном, прелестно писал Аристотель;
За девятнадцать — пошел на Голгофу Христос Назарей...

14—16 Что, безымянные, Бога не зная, живут
В дебрях, в степях неизведанных стран нарождаясь,
Мрут без культуры и знать о себе не дают?

20 И, преисполнен здоровья, от радости затрепетал.

202—211 (X)

1 Вы видали ль на рынках, на тесьмах, на пружинках
Ст. II

4—12 Смотришь: съежились! ан — подлиннели...

Вот берет Мефистофель исторический профиль
Человека из очень почтенных,
И в народном сознанье производит скаканье
На пружинках, совсем сокровенных.

Так, вот этот, поди-ка, что Иван ваш Великой
Перед ним, почитай, зубочистка,
Генерал генералов, стоит всех пяти баллов,
Ум — палата! душа в нем — артистка!

14—16 Что и вовсе-то был он ничтожен!
Ел и пил слишком робко, да и глуп был как пробка,
Недостаточно был растревожен!
18 Бесноватый какой, прокаженный,
20 Весь слоновой болезнью прожженный!

217

1 В нашей внимательной администрации,
Ст. III

3—4 Дремлют, когда-то живые, формации
Недовершенные грезы свои.
7 Их позабытые окаменелости

220

загл. ИЗ КНИЖКИ НЕРВНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

между 8 и 9 Не большими городами
ВИ. 1871. № 151 Разубрались царства:
То стоят одеты в камень
Штуки да мытарства

15(11) Ей преемник мой поверил,

232

6—8 На груди аграф расстегнут,
Совр. 1860 № 1 С плеч долой сползла туника,
Грудь видна и торс изогнут.

28—30 И тяжелый смрад могилы...

В храме пусто. Чуть заметны
Потемневшие колонны...

233

15 Такой красавицы волною
ОЗ. 1860. № 3

27—29 Своей тоски и гордой страсти,
Своих седин
Но я прочел, сидя на троне,

33—36 Раз как-то я, тот взгляд встречая,
Не усидел,
И перстень свой сронив вставая
Поднять велел.

15 Такой красавицы волною
Ст. IV

27 Своей тоски и гордой страсти

29 Но я сознал, блестя в короне,

33—35 Раз как-то я, тот взгляд встречая,
Не мог смолчать,
И перстень свой сронив, вставая,

236

4—5 Виденье Гектора явилось в тишине.
Ст. IV

Кругом раскопки, хлам... на пепелище старом

8 И у развалины склонилась на ступень.

17 И Гектор думает: о бестолочь людская,

19 Труд святотатственный! в них жизнь оскудевая

22 Их похищает там, где мир загробный спит,

36 Тревожит мир теней и снов старинных их...

237

загл. ПАМЯТИ ГЕЙНЕ
И. 1859. № 73

4—5 Месяц серебряный льет раскаленное пламя,
Свету-то, свету! Сияет окованный воздух,

после 6 Длинными вздохами дышит уснувшее море,
Лезет волнами на берег; вода прибывает.

10(8)—11(9) Идут высокие изжелта-белые тучи,
Месяц, ныряя за их набежавшие массы,

15(13) С Нила и с Ганга, из тихих лесов Миссисипи,

17(15) Тучами кажутся их колоссальные тени.

19(17) Низко одеты на царственных челах короны,

21(19)—26(24) В мрачном молчании мчатся отжившие боги.
Вижу тебя, позабытого бога Валгаллы.
Мрачен, как север, твой образ, Оден седовласый.
Вижу я меч твой и щит, а на матовом шлеме
Ярко пылает и светит звезда полуночи.
Тихо склонил ты, развенчанный, белую голову, вялой,

31(29) Да и идет ли лопата маститому богу Одену?

33(31)—36(35) Мчишься по небу, Перун-Выдыбай страшноротый!
Как же обтер тебя, бедного, Днепр светловодный!

Светятся звезды сквозь тонко-прозрачное тело.
Полно, Перун, посмотри, ведь ты тащишь кастрюлю;

38(37)—40(39) В гриднях высоких, на княжьих дворах и охотах;
Полно, приятель, бросай-ка кастрюлю на землю,
Жителям неба, как слышится, пищи не надо,

43(42)—47(46) Точно на троне, сидишь ты на свившейся туче,
Мрачные думы скопились в глубоких морщинах;
Чувствую снизу, какой ты холодный и мертвый.
Нет ни орла при тебе, ни небесного грома в деснице,
Мчится недвижно твоя меловая статуя,

50(49)—53(52) В сферах небесных, за райски невинные шашни,
Кажется, начал ты нянчить своих же мальчишек?
Что ты, Юпитер, да разве и в небе есть розги?

57(56) Шли фетиши и несли на плечах своих Вишну,

62(61)—63(62) Густо смешавшись и плотно насев друг на друга,
Плыли по небу одною уродливой тучей.

65(64)—71 Голая, дивная женщина, видно богиня.
Подняты за спину белые, нежные руки,
Вот покачнулася, на руки голову свесив,
Спину вогнула, рассыпались чудные косы;
Белую шею и груди торжественно выгнув,
Вся в серебре и в лучах ослепительных, лунных
Мчится она, тень печальная, тень молодая.

73—75 Ты Афродита? О нет, — Афродита старуха,
Смята, изношена очень, бледна, безволоса, беззуба.
Где Афродите?.. Зачем же, скажи, ты печальна?

79—101(105) Если неправ я, когда ты сама Афродита,
Я расскажу тебе, чем ты больна и тосклива:
Боги состарились —ты молода и прекрасна,
Боги бессильны — а ты горяча, ненасытна...
Люди и боги роднились, ты знаешь сама, очень часто;
Слушай, спустись, и пока замерещится утро —
В ночь утомлю я богиню своей человеческой
страстью,
Я покажу, чем земля привлекательней неба...
Старые боги, рогатые боги — мне жаль вас!
Дрогнула ночь, и забегали полосы света,
Мелкою зыбью подернулось спавшее море,
Тихо качнулись и тронулись белые тени,

Вспыхнула краска на бледных, безжизненных лицах,
Самые волосы мертвых богов покраснели,
Тянутся вниз и расплылись печальные тени,
В новую ночь унеслись, под другие созвездья,
Вечно бродящие, вечно печальные боги.

Да и чего не толкуют болтливые люди:
Будто бы дождик — богов рассыпает на землю,
Будто бы боги лежат после дождика грязью,
А человечество ходит по ним и старательно топчет.
Лгут — потому что никто из порядочных смертных
В грязь не выходит из дому, в грязи сапогов не
марает.

37 В гриднях высоких, на княжьих дворах и охотах?
Ст. IV

50 Кажется должен ты нянчить своих же мальчишек;

61 Дружно сплотившись и крепко обнявши друг на друга,

75 Где им старухам! скажи же зачем ты печальна,

82 В трепете страсти жестоко знакомая миру...

84 К людям, чем к мертвым богам в поднебесье:

95—96 Дрогнула ночь! и забегали полосы света;
Тихо качнулись и тронулись белые тени,

104 Обликом дивным понятна, без имени — правда,

238

4 Старый лес как будто бы зажжен.
Ст. IV

16 За бегущей тучею следя.
27 Сколько лиц знакомых мне мелькает,
40 Как гуляла с кем-то при луне?

239

1 В глубокую полночь, как люди все спят
Совр. 1860. № 1

5 И тени в громадных размерах своих

13—14 И в образах женщин белы и светлы,
Бесплотно сложившись из света и мглы,

17—18 С душистых смородин, с ясминных кустов,
С затворов темницы, с седых облаков,

20—24(26) С остынувших щек старика-мертвеца

Лучи собирая, они на лету,
Венцы отливают в холодном свету,

И вьются и мчатся, скользя в высотах,
С венцами на челах, с мольбой на устах...

240

10 Сверкают камни медной чешуей!
Н. 1895. № 19

27 Забылась сном на шкуре барса жрица,

47 Свободный дух в немую вечность глянет,

54 Здесь, где закроет смерть мои уста,

56 Людских деяний скучная тщета...

60 Свободных снов светлеющей души.

отсутств. 73—76

242

загл. ОГНЕННЫЙ ВСАДНИК

17 Мнятся сказочные были...
Н. 1895. № 15

45 Движет ратью огневою

47 Он в погоню шлет за мглою

54 И на огненном коне,

57—58 Говорит: «О, гость желанный,
Приходи, отбросив страх,

63 Где красивые русалки

65 Где, под дымкой влаги синей,

78 Смерть приветлива, нежна

243

загл. БАЛЛАДА

3 И ценит свои наследства
Север. 1888. № 23

28 Недра волн моих черны;

41 В песнях слышатся турниры,
между 52 и 53: Вдохновений и наитий,
И художеств, и наук,
Самых хитростных открытий
Не припомнишь сразу, вдруг.

57(53) Мощным замыслам нет меры

64 (60) Прежних жизней длинный ряд;

86 (82) Наш архив, и вкривь, и вкось,

89—90(85—86) Хоть живут и без архивов
От древнейших, от времен, —

102(98) Не таскать же, в трудный час,

108(104) Строен стан их, зорок глаз!

136(132) С трудной жизнью впереди.

147(143)—148(144) Зорко он глядел на друга
И внушительно молчал...

3 И ценить свои наследства
Ст. IV

85 Хоть живут и без архивов

143—144 Зорко он глядел на друга
И внушительно молчал...

244

загл. ПЕТР I И ВОРЫ

10 Много кладов — да силы-то малы!
Ст.IV

40 Остальное затем углубится!»

68 Подождал, это, царь... Обернулся!!

76 Как кончать государю по праву!

245

загл. ПЕСНЯ О ПОТЕШНЫХ

2 Жил первой солдат Бухвостов
РВ. 1883. № 5

6 Стала первой в ряд!

11 Вышли первым походом

17—18 Бригадир Петр Алексеев
Пусть его чудит!

32—33 Чтобы был шабаш проказам,
С кличкой старины!

44 Но прешустрый и толковый,

51 Тому двести лет!

отсутств. 55—60

246

15 Приближаться б поскорее
Ст.II

26—27 К экс-царице Евдокии,
Ходят в келью, ночью, тайно,

32 Лопухин, и с ним другие!

37—40 Воцарится — передушит
Всех поддавшихся затее,
Проходимцев гладко бритых,
Щеголяющих в ливрее!

50 Караван шажком подходит...

97 Подлой рабскою душою

107 Уж никак не передать нам!!

126 Нашим лавочным аршином?

247

10 Толпою бледною глядят,
Ст. I

12 По воле княжеской был снят...

17—18 Холмы и топь!! страна лесная!
Пути размыло; как тут быть?

27—28 Ты, колокольчик, изнывая,
Гудишь и бьешься под дутой!!

248

2—10 (2—11) Среди вещей от века сбереженных,
РВ. 1884. № 3 Предмет один из редких и мудреных,
Дававший пищу, некогда, молве,
Воображению дающий пищу ныне
Корона Никона! Пока в немой пустыне
Монастыря он схоронился сам,
Звездою яркою по темным небесам
Родной земли, что день то выше, круче,
Он восходил велик, в сомненье людям, в страх...

15(16) Он гордо шествует народ благословить;

20(21) Что в письмена войдет, родясь на свет молвою:

22(23) Две диадемы он несет над головою,

27(28) Кольчатым змием бес по лестнице всползал,

33(34) Того прожжет, кого благословит»...

36(37) В намеке ярком, в помысле нестройном,

49(50) Блестнув алмазами, высоко проступили

52(53) Тут мысль воплощена! она взошла не даром!

55—59(56—60) Всего былого, чем окреп народ!
Тут что-то чуждое воочию слагалось:
На лоне церкви язвой разрасталось;
Смертельной немочью был мощный ум объят,
Годами бед неслыханных чреват...

61(62) Стихийной мощью чуткости своей,

отсутств. 66
65—66(67—68) Но книги, патриарх, исправив, перевел...
Он святотатец! ряд улик обилен,

72—73(74—75) «Вот это я, гласит! Вот я чего желаю!
Вот это мне по сердцу, по плечу!

76—79(78—81) Вас, чающих, чего я не хочу!»

Народ... Он сам сложил свое былое!
Он дал историю! имеет он права!
Другим успех и мощь на стародавнем строе,

81(83) Призванья пестрые... Ему нужна Москва,

84(86) Ему нехитрый быт, родных поверий сень,

86(88) И песня долгая суровой простоты,

89—93 Шальной разгул, несмелые мечты...

(91—95) Ему великий труд больших одолеваний,
Особый взгляд на ум, на жизнь, на смерть, на честь...

Но у кого в годины испытаний
Мы силы черпаем, которых и не счесть?

96(98) То он несет хоругвь отборными сынами,

98—99 Своей души испытанную мощь!
(100—101) Он, он давал руля, когда в глухих порывах

102(104)	Стремнин безумных заповедный челн...
106—107	Что на обмен он даст за то, что отберется?
(108—109)	Что тронет сердце, чем оно забьется
111(113)	Как вызов Божеству, на русский люд создаст,
113—114	Наполнит то, что будет пустотою, —
(115—116)	Когда народ на то согласье даст?
3	Предмет глубокого и важного значенья
Ст. IV	
5	Теперь в нем ясен смысл живого поученья,
9—11	В ней блеск алмазами сияющего праха, В ней нечто дерзкое, внушающее страх, Как след падения с рассыпавшейся кручи...
21	Что в летопись войдет, родясь на свет молвою:
23	И две короны он несет над головою,
34	Того прожжет, кого благословит...»
43	Открыта издавна прямая путь-дорога
47	Она лежит безмолвна и пышна,
50	Блестят алмазами, высоко проступили.
53	Тут мысль воплощена! она взошла не даром!
55—60	Тут были мор и смрад, и веяло пожаром Всего былого, чем окреп народ! Тут что-то чуждое воочию слагалось, На лоне церкви язвой присосалось! Годами бед неслыханных чреват, Смертельной немочью был мощный ум объят...
62	Стихийной мощью чуткости своей,
отсутств. 66	
66—67(67—68)	Но книги, патриарх, исправив, перевел... Он святотатец! ряд улик обилен,
73—74(74—75)	«Вот это я, гласит народ, и вот чего желаю! Вот это мне по сердцу, по плечу!

79(80)	Он дал историю! имеет он права!
87(88)	И песня полная суровой простоты,
90—94(91—95)	Шальной разгул, безумные мечты... Нам заповедный труд больших одолеваний, Особый взгляд на жизнь, на смерть, на честь... Но у кого в годины испытаний Мы силы черпаем, которых нам не счесть?
99(100)	Своей души испытанную мощь!
103(104)	Стремнин безумных заповедный челн...
107—108 *(108—109)*	Что на обмен дадут за то, что отберется? Что тронет сердце, чем оно забьется
114—115 *(115—116)*	Наполнит то, что станет пустотою, — Когда на то благословит народ...

249

4 *Ст.IV*	Я туда вот и пойду.
20	Будто сбита колтуном.
36	Удаль крепкая кипит!
47	Витязь, словно онемелый,
58	Да и время с Богом в путь!
67—68	Мира зло перечисляет Сам он, сам он — Черномор!

250

14 *Ст. IV*	К мудрым знахарям ходил,
16	Сам таскал их, сам палил!
отсутств. *17—20* *(5-я строфа)*	

17(21) — 18(22)	Вышло парню откровенье: Есть мол, конь! быстрей стрелы!
33(37)	Чуть коня того отыщешь,
40-(44)	В бабки, в кости иль в тычок;
отсутств. (45—48) (12-я строфа)	
44(52)—46(54)	Конь и сам тогда придет... Богатырь сидит, играет... Много раз он ел и пил...
48(56)	Чудный конь не приходил!

251

10 Ст. I	При коротких днях,
20	Длинны волоса;
24	Прочие не в счет!
28	При монастырях.
35—36	Бабу с бабой повенчает Поп, не доглядев...
отсутств. 37—40 (10 строфа)	
42(46)	Бабы шлют за ним

252

7—9 ВИ. 1873. № 216	Неподкованное царство, Царство шуток и теней! Было то во время оно:
13—14	Жил в том крае и исправник, И женатый, и кривой,
17—18	Вот приносит он орехов, Те орехи хороши,

25 Говорит в ответ вдовица:

30 Я тут — сила, всё, могу...

37—44 Полночь. Дремлет Забайкалье,
Городок под снегом спит.
У исправничьего дома
На крыльце дитя лежит.

Ох!! лежит, лежит, моргает,
Созерцает небеса...
И торчат из-под пеленок
Два исправничьих уса!

отсутств. 45—48

7 Царство шутов, скоморохов,
Ст. IV

17 Он приносит ей подарки,

45 Что, великому ряженью,

47 Больше всех, других смеялся

254

5 Отнесли Катю парни в часовню;
Библиотека для чтения 1865, № 6

7 Там сосновая роща шумела

12 Звезды прятались между ветвями.

16 Взял жених молодую невесту

21 Подобрались продрогшие кони;

23 Занывая бубенчики плачут,

26 Чуть качаясь глядит на дорогу;

34—37 И в пыли остановлены, сели,
На хомут коренная повисла,
Пристяжные в конец захрапели.

Вот, согнувшись красивой дугою,

42 Ветер в кудри песок завивает,

44 Морды низко к песку нагибает.

7 Там сосновая роща шумела
Ст.1

12 Звезды прятались между ветвями.

21 Подобрались продрогшие кони,

23 Занывая, бубенчики плачут,

34—36 И в пыли остановлены сели,
На хомут коренная повисла,
Пристяжные в конец захрипели...

42 Ветер в кудри песок завивает,

255

после 10 Будь в уме он, и здоров:
Ст.1 Отвезли бы без попов!

13(11)—14(12) А теперь к нему тащу
И кадило и парчу...

17(15) Вижу в церкве я у нас,

25(23)—26(24) Я и к ней тащить готов
И кадило и покров!..

отсутств. 31—32
33 Раз, вне службы, невзначай

37—40 Нынче утром я не пил...
В дом к убивцу послан был,

И к нему теперь тащу
И кадило и парчу.

вм. *45—46* И уж я тащу, тащу
И кадило и парчу...

Говорил мне гробовщик:
Что кто мал, и кто велик —

Цены разные гробам!
Ну а нам, вот, сторожам

Всё едино: отпевай,
Да покровом покрывай...

Нынче как-то чаще мрут...
А прибавки не дают;

Надо-ть службу изменить:
Лучше факельщиком быть!

256

5 Ст.IV Вышли... Оправились... Стали судить:

8 К нам, говорят они, снова пришло,

13—14 Встать под знамена, какие мы есть,
Выйти парадом покойнику в честь?!

21 Видят: как будто бы туча в огне!

строфа 12 (стр. 23—24) совпадает со строфой 18 (стр. 35—36) оконч. ред.

после 24(22) Бледен, осунулся, хмур генерал!
Шутка ль дорога-то! видно устал?
«К вам я, ребятушки! Вижу — парад!
Что, кем приказано? Или дурят?»
— «К вам, значит, вашество, вас хоронить,
Рано уж очень покончили жить!
Мы вот...» — «Молчите! Господних путей
Непонимающий ведать не смей!
Мало ль в чем смысла умом не понять!
Кто же велел вам, однако, вставать?» —
«Сами мы, вашество!» — «Дурни же вы!
По две, иль больше, у вас головы?» —
«Так-то, конечно! да легче ли нам?
Мы ведь не к бунту тут»... «Марш по домам!
Всю-то громаду народа хоть брось
Без послушания если, и врозь!
Будет вам слово о веке живом,
Ну, а пока что лежать под песком!» —

строфы 21—27 соответствуют строфам 17, 19—20, 23—25 оконч. редакции

46 (40) И исчезает коснувшись могил!

49—50(43—44)	Быстро, безропотно, в тьму и пески Вслед генералу ложатся полки...

257

12—14 *Ст. I*	Торчит как витязь он чудной, Громаден, глуп и недвижим, Неясен обликом своим;
17	В нем даже вовсе тела нет:
22	Гигант растет и под конец

258

23 *Еженедельное* *Новое время.* *1879. № 41*	А также и Гартмана я родила
30—31	Сдаешься же хитрым и только: Хоронишь ты глупости много веков,
40	Тем более глупости бродит...»

282

5 *Ст. II*	Думал: может придется подиесть
10	Ярко рисуясь на белом песку просыхали.
24	Не хочу ль убедиться?
30	Шумно играла у нас под ногами рыбья волна!
32	В звучно плескавшей воде, среди беспорядка,
44	Искры бросал...
53	Фляга с ямайским осталась при мне;
56	Был не по сердцу я волжской ватаге! видал по всему!!

62—64 Что пеликаны на Волге бывают я и не знал, —
Издали песню я услыхал хоровую...
В звездную ночь, голубую,

66 Точно как грудью тьму рассекала
высоким фальцетом,

69—70 Чудная ночь, подхватила,
И в отголосках без счета вдаль проводила...

263

6—10
Ст. II Из дебрей и трясин, из северных болот,
По странам засухи, степных ветров и зноя
То жила жизни мощная течет!
От Муромских лесов, от родины раскола,
Вдоль ряда целого святых монастырей,

13—17 Вдоль розовых песков, окраиной пустыни,
Совсем вблизи кочевий калмыков,
У временных ватаг, обставленных сетями,
Кострами, лодками поволжских рыбаков;
Вплотную, бок о бок, как будто для сравненья

19 Трудятся машины высокого давленья

22 В молчанье важное пылающих степей

25—26 На той же палубе, чуть вечер наступает,
Совсем свободно, в подходящий час,

28—41 И исполняется татарином намаз,
И тут же, слушателей странно поражая
Скачками мыслей, знаньем языков, —
Столичный юноша, на службу отъезжая,
Толкует, ратует для будущих веков...

Какая смесь, каких сопоставлений?!
И та же, все одна великая страна...
В чем разрешенье всех этих движений?
Где общая им цель? дана ли им она?
Как знать? Но верно то, что форм переработки
Не даст нам форм других давно известный ряд:
Тут все они то длинны, то коротки.
И не придется ни одна на лад...
Нужна своя!..

265

4	Смелые изломы их откосов.
БР. П. 1876	
6	Позже прочих к ночи погасают,
13—14	Образ смерти! нет у нас другого, Чтобы выше поднялся над миром,

отсутств. 17—20

4	Смелые изломы их откосов.
Ст. I	
6	И позднее к ночи погасают,
8	Над собою выше никого не знают.
13—14	Образ смерти! нет у нас другого, Чтобы выше поднялся над миром,
17—18	Злая ли насмешка в этом скрыта, Или выражен сладчайший смысл успокоенья —
20	С самой светлой из картин творенья?!

267

2	Сквозящей здесь на страшной глубине,
ВИ. 1875. № 331	
7—8	Не смел одеть твоей пучины водной Своею тяжкою броней.
7—8 *Ст. I*	Не смел одеть твоей пучины водной Своею тяжкою броней.
11	Не жглось огнем, под льдом не обмирало —

269

загл.	ТОЖЕ РУССКИЕ ГОРОДА
3	Источники целебные отвсюду обступая,
Ст. I	

6 Насупясь над расчерченным столом,

вм. 8—9 Плодились быстро. Мрамор, позолота
Являлись что трава весной. Червонцами без счета
Сорили наши деды и отцы. Непостижимо слепы,
Они труды земли родимой расточали;

15(13)—17(15) Рабочие, промышленные населенья;
Росли дворцы; по старым образцам
Планировались парки; фабрики являлись,

19(17) И богатела, будто в сказке или грезах сна,

21(19)—23(21) Каким путем леса России, исчезая,
Взрастали здесь, их парки и сады обсеменяя?
Как наши бедные поселки, хутора,

25(23) На родине исчезнув, к жизни здесь являлись

30(28) Чтоб в них молиться!.. Нет! пусть остается нем,

32(30)—33(31) Понятный нам вполне! Пусть эти города
Цветут, — но вспоминают иногда,

270

5 В вечной зелени красуются деревья,
И. 1859. № 55

9—10 Светом залиты поднялись Апеннины.
Взбитой пеной блещут их снега;

13—16 Вот по кактусу тихонько поднимаясь,
Жук ползет погреться из норы,
И блестит на солнце, отливаясь
Всеми тонами лазури и охры.

19 Голова венчанного Титана

21 Колизей, облитый ярким утром

28—29 Поднялись и просят только слов.

Вон с корзинами, в каком-то балахоне,

32—35 Итальянец едет на муле.

Теплый ветер в платье заползает,
Грудь мою легонько холодит,
Он щекочет, нежит и лобзает,

37—38 Бедный Рим, любить тебя не смея,
Я простить от всей души готов,

271

2 Где бахромой фалез земля окаймлена,
Ст. II

6 И приношеньями обвешаны чудят,

9(13) Не шлют в Америку отсюда ежегодно

11(15)—13(17) Дым фабрик не коптит и пламенные печи
Не выдвигают в ночь пунцовых языков.

Там, на верху, над тучными холмами,

15(19)—16(20) Откуда каждый день развозятся по свету
И масло ценное, и вкусные сыры.

18(22)—19(23) В волнах соленых, между шхер и глыб,
Рои бессчетные вертящихся креветок;

21(25)—24(28) Как гроздья синие большого винограда,
Синеют мули над морской травой,
И грузны рыбою чернеющие боты,
В тумане утреннем бегущие домой.

26(10)—28(12) И фатализм в нормандских рыбаках:
Их тип предохранен, не может измениться
В руках монахов и в морских солях!

29—40 Остатки раковин весь берег покрывают;
Веселых крабов юркие семьи
Проворно шмыгают, под камни убегают,
Бочком скрываются в пристанища свои;

И всюду между них, обильней чем другие,
«Отшельники» различных форм снуют:
То рачки умные, засевшие в скорлупки
Погибших раковин — их даровой приют.

Лежит тот рачек, счастлив и беспечен,
Лежит себе в песке и преспокойно ждет...
Квартирой даровой по гроб он обеспечен,
А море кушанье доставит прямо в рот.

42 Таращит он проворные клешии...

44 И многочисленнее всех других — они!

272

19—20 Да значатся на ней, а царский горностай
Ст. II Пусть пышной складкою ее означит край...

22 Но ие забудьте сжать ее кругом

35 Он должен выситься как вечное виденье,

273

8 Сойти в сердца людские предпочли.
Ст. IV

13 Заветной мыслию та братская чета,

18 Россия дней иных не ясно проступала, —

26 В то сердце, что принять его в себя готово,

36 Привет Святители! Привет, на расстояньи

44 Он вам знаком, язык родных преданий!

56—57 Но наш язык, возникший в православьи,
Врученные вами, самобытный стяг!

59 Прийдя на зов, сказав: конец бесправью!

274

20 В Екатеринин век, на Александра дни, .
Ст.IV

39 Видали ль вы как в Светлой Пасхи ночь,

47 Несли огонь от очага родного?

53 Преданья — мощь! под их святую сень

55 Толпы людей всегда собраться торопились,

275

загл. ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

Новое время. 1881. № 1771

Три дня в тумане солнце заходило,
И на четвертый день, безмерно велика,
Как некая духовная река,
Тебя толпа к могиле уносила...
И от свечей в руках, от пламени кадила,
От блеска наших слез, и от живых цветов
Качавшихся на зелени венков —
Бессмертие, прийдя, твой светоч засветило.
И приняла тебя земля твоей Отчизны!
Дороже стала нам одною из могил
Земля, которую, без всякой укоризны,
Ты так мучительно и смело так любил!..

загл. ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО

8 И мысль глубоко тосковала...

Ст. II

10 Ответчики за раннюю кончину,

13—14 Тлетворный дух ваш от могил забытых,
Он дело темное и после вас вершит,

16 От катафалка в нас глядит...

22 Звучал с нее могучий сильный стих,

26 Где мягкий голос твой — он должен был звучать,

34 И чем-то страшным от «Бесов» и «Идиота»!!

42 Пред пестрой массою явившихся цветов!

47 Чуть видной ношею как бы отягчена,

отсутств. 52

52(53) И думалось тогда: чем объяснить полней —

отсутств. 57

62(64) Из темноты собора проступая,

65(67) Под сводом высились лавровые венки!

отсутств. 80

277

6 И вот, мне кажется, что к цели ближусь я:
Ст. III

8—10 Рожденные из чувств, по мере бытия;

Я чувства убивал? одно другим терзая
Из сердца вытравлял! а много было их!..

12—14 От заразительных, сомнительных больных!

Зараза в чувстве! чувства прочь скорее!
И... в сердце холод, в мысли лед,

16 И, тем спокойней, чем немее!

278

2 Какой-то полк стоит,
Еженедельное Новое время. 1879. № 46

10 Весьма развязна речь;

14—15 Ходя на грязный двор,
Носили так прабабушки —

279

4 И так он об этом писал:
Ст. II

6 Мой план — отойти поскорей,

18—19 Над этой желанной рекой
Великое войско стояло!

21	Терзающий грохот орудий,
23—24	И жар запыхавшихся грудей Глубоко усталых людей!!..
26	Явилась ли ты перед ним?!..

280

8 *Ст. II*	И питают кремнистый нанос;
10	С куполов облысевших и плит,
18	Молчаливо, покойно, рядком,
20	Тем же общим, классическим сном...
26—28	Выводило народов семьи, Отлагая в ущельях Кавказа На образчик слои, да слои;
47	И чуть-чуть нагревает весною

281

3—4 *Ст. II*	Давил своею тяжестью народ, И солнце на топор сияло.
6—8	Стер полотенцем кровь с руки палач, И эшафот поспешно разобрали; Пришли пожарные и площадь поливали.
13	Я всё вытягивался в пытке небывалой
15—19	К монахине какой-то исхудалой На балалайку вдруг попал живой! Старуха черная гнусила и хрипела, Костлявым пальцем дергала меня, «В крови горит огонь желанья» — пела,

288

2—4 *Ст. I*	И церковь, чтобы пострадавших славить, Венчает их блестящими венцами;

Венчаются цари, вступая править;
8—13 Всем нам готовый венчик отпущенья.

Венец всегда безмолвный знак призванья!
Венец — он часто под собой вмещает
Тоску не находящую себе предела,
И радость, что границ себе не знает!

Каким венцом венчать нам год вступивший?

16 Совсем потерянный, совсем неизлечимый?

18—20 И каленкоровой порфире он взберется
На трон, оклеенный дешевой фольгой,
И, строя шутки скипетром, засмеется?

294

20 За эту бездну поднимавшихся грехов!
Ст. 1

26—27 Они одни из всех, носивших образ мой,
Безгрешными остались — остальные

34—35 И вот, должно быть, эту грезу увидав,
Осилить он ее не мог, вскочил,

38 Кровь грезы залила собою человека!..

40—43 И да простит ему Господь его грехи,
Которых мы, живущие, за ним не знаем,
И мерой нашей совести не отличили,
И оком нашего закона не нашли...

302

8—9 Последний след когда-то светлых снов.
РМ. 1898. № 2 На склоне лет идешь годами согнут,

12—13 Погаснет свет — и некуда идти...

Копилка жизни! Медные монеты!

310

5—9	Каждый ведет свою драму
Пр. к Н.	Целою жизнью своей!
1900. № 4	Ставятся в общую раму
	Повести дней и ночей...
	Я дотащился! Я — дома!

314

4—5	Конечно, как-нибудь, в свой срок проковыляет!
Соч. I	Нет, долг исполнить свой — не то, не то совсем,
7—9	Пусть опрометчивы; в порыве ум мой нем,
	Но силам нет границ, и подвиги возможны.
	Как будто полчища незримых сил с тобой!

336

10	В живом свидетельстве мне дорогих вещей,
Пр. к Н.	
1900. № 2	
13	И дерзко думал я, что старику вослед
15	Что ж, ежели не так, и все на пыль пойдет, —
19	Что места требуют другие, в ней скользя,

339

16	Зачем она не тут, а там и так, прошла,
Д.1900	
24—25	Мучительно люблю за мыслью вслед бродить,
	Безумно веруя в живую власть ума
27—28	Все рушится вокруг, нет правды, нет основ, —
	Несокрушима жизнь постигших жизнь умов!

351

11	Все мы рисуемся на множество ладов. —
Пр. к Н.	
1900. № 4	
13	В рисунках, в очерках, на длинный ряд годов.
17—18	С воскресших сдвинутся и плиты, и кресты, — Ты, безымянная, появишься нежданно,

424

9—10	Он — в незаконности желаний,
Соч. I	Он — в криках страждущих больных,
14	Он — в толчее людских страстей;
20—23	И в ржавой дряблости оков... Да, снова слышатся пророки, И рухнул всякий идеал... Блестят евангельские строки:

458

6	Услышат в скорбный час, ревнуя,
Д.1900	
9—12	Поймут ли в тягости труда, Как песня силы удвояет; Впадут ли в горе — как тогда Беднягу песня ублажает?

474

3—4	Эстонец ли, немец, кацап ли,
Пр. к Н.	Все слышат один как другой.
1900. № 4	
7	Народам, в рядах поколений,
9	Сбивают их звуки преданий,
13	По-своему все рассуждают

735

Ст. I

Глава I окончательной редакции:
<Глава I в Ст. I>

18 Мамонтов всяких в мехах допотопных;

20 Речек не сотня, не две побежала...

27 Тут, руды в медь и чугун обращаются,

33 Некому срезать их, в копны сложить,

37 Копны, скирды и стога рассыпаются,

40 Села в огромных размерах своих!

Пропущенные строфы между 40 и 41 строками окончательной редакции:

41—50
Там, вся Сибирь изнывает без дела,
Даже и песни своей не запела,
Только доходят к нам, злы и темны,
Скорбные были с ее стороны:
Здесь начинались, там досказались,
Лучше бы было — совсем не рождались...
Тут, дело есть, да, как будто бы, мается,
Точно ребенок, себя же пугается,
Любят его и другие пугать...
Станет умней, как начнет подростать.

59 (49) Тут незаметна, а там повидней,

69 (59)—70(60)
Лезет из мертвых, гниющих трясин
К светлым зазубринам твердых вершин;

Пропущенная строфа между 62 и 63 строками окончательной редакции:

73—74
Штуку такую порой удерет,
Что у прохожего сердце замрет —

75 (63)—76(64) Так она где-нибудь дерзко взбежит,
отсутств. 65—66 В воздухе, будто шутя, провисит,

77(67) И оборвется, и сгниет тайком

91 (81)—92 (82) Ночи длинней, молчаливее станут,
Горы ущелья снегами затянут, —

95 (85) Любо, чтоб люди скорей позабыли,

112 (112) Как бы да в дом отогреться пройти?

116 (106)—118 (108) Стелятся, высятся холм за холмом;
Как бахромою, торча в небеса,
Тянется дальних лесов полоса;

123 (113) Идут по озеру первые льдины,

129 (119) Так они низко, любовно спустились,

131 (121) Что, как казалось бы: станет светать,

<Глава II в Ст. I>
Вместо 129 — 134 строк окончательной редакции:

1—18 В русской земле, из ее начинаний,
Много глядит на нас странных созданий,

Помесей диких, едва вероятных,
Только на русской земле и понятных...

Русь — это тихий, громадный поток!
Идут по дну его, будто песок,

Жизни общественной формы различные,
Те, что считались в свой срок, за обычные,

В разных странах и у разных людей,
Каждая в круге ей сродных идей;
Те, что в истории, в жизни земли
На расстояньях столетий легли, —

Здесь, — здесь плывут они все, с быстриной,
Рядом, бок о бок, одна близ другой;

Только что их сочетанья иные,
Прежде не бывшие, не прожитые!

Всех в одну сторону тащит поток...
Все они — кротко плывущий песок!

23 (139)—24(140) Житель лачуги — безродный мордвин,
Верст сотни на две всего лишь один.

30 (146) Помнить не будет если проведает;

39 (155)—40(156) Если б те годы, что прочь улетели,
Хоть бы на малость, но разно, глядели!

44 (160) Поп потрезвее, а Бог сам пониже...

54 (170) А на рубахе заплаток не счесть!

62 (178) Поздно же вздумал ты, старый, стругать!

66 (182) Жизнью какою-то степь подарили...

85 (201) Снегу лачуги разрушить не дать

Пропущенная строфа между 210 и 211 строками окончательной редакции:
95—96 Все тут из нужды росло и слагалось,
Общею выгодой оберегалось...

109(223)—110(224) Зерна — с горошину, зерна — с крупинку,
Прячут и блестку, хранят и пылинку...

<Глава III в Ст. I>

26 (260) Двигает ими, как будто играет;

63 (297) Яркая краска разлилась на нем,

89 (323) Слышал Андрей. Поднялся, оглядел!

115 (349) В пене соков своих, в каплях смолы

122 (356) Лес исчезает как греза ночная!

128 (362) Ох! уж не так ли предстать и земле,

Глава 2 окончательной

редакции:

<Глава IV в Ст. I>

2 Будто женился Андрей на другой!

18 Сутки валялась, скребла ожидая,

33—36 Даже на Лайку старуха ворчала:
И недовольная Лайка — серчала!

Долго никак старикам не случалось
Так повстречаться — чтоб речь завязалась?

38 Скажут и снова молчат, да молчат!

45—46 Вовсе не схожи, друг дружке, чужие,
Шли и свершались пути их земные!

48—49 Шли, чтобы кончить объединившись;
Точно две струйки — в одну струйку слились,

60 Странной фигурою стала она!

66 Даже в Соловках, у самой Афонской, —

78 В фею, в вакханку ее одевала!..

83 Грубые шутки придворных лакеев,

89 Силой какой-то сюда притащилось,

92 Звонкою льдиной на снег молодой!..

110 Ближние горы потом перейдешь,

145 Красноречива, по виду проста,

156 Грех совершён, а какой — не открыла;

171 Крестик в другой раз его остановит:

<Глава V в Ст. I>

2(174) В елях построив себе терема,

14(186) Звезды кидает гореть и луну,

40(212) Как в разговоре о том сообщила,

50 (222) Все великаны одни навербованы

57 (229) Как там в судах люди, слышь, заседают,

64 (236) Как в небе зиждутся силы верховные?

104(276) Много в нем! больше, чем звезд протекающих!

<Глава VI. в Ст.I>

13(293)—14(294) «Прежде Андрей свою Лайку любил:
«Нынче Андрей ее вовсе забыл:

30 (310) «Видеть, как рыбу начнут поднимать;

36 (316) «Рыбьи остатки, иль птица лесная?

42 (322) «Да не хочу я без толку ершиться;

52 (332) Солнце согрелось, маленько оправилось...

58 (338) Божий сочельник и в небе ликуют.

60 (340) К грешному миру спускается вновь;

62 (342) «Впрочем, Господь и в другие дни сходит,

74 (354) «Что невозможно — то может случиться!

Глава III. окончательной редакции:
<Глава VII. в Ст. I>

7 В роще еловой, за ярким костром,

23 Щит и шелом на боках своих кованых

66—68 Вышел Андрей посидеть на крыльце.

Часто сюда выходил он сидеть,
Чтоб на Прасковью ему не глядеть...

76 Бегали быстрые волны теней;

95 Ну и сидел уж он долго, молчал...

101—102 Жизнь тах бесцветна, бледна протянулась,
Вдруг, ни с того, ни с сего, улыбнулась, —

<Глава VIII в Ст. I>

16 (122) «Будешь говеть — его Богу снесешь!»

42 (148) С большим вниманьем следить стал за ней,

44 (150)—47(153) Как полились вдоль старушечьих щек

Слезы без удержу! слезы обильные,
Выплакать жизнь вон — достаточно сильные!

Не было слышно порывов, рыданий!..

Пропущенные строфы между 154 и 155 строками окончательной редакции: 49—68

Катитесь вы из открытых очей,
Льетесь как волны подземных ключей,

Сразу упорную землю прорвавшие!
Слезы, с тех пор как есть люди, — не лгавшие

Вы ни задобрить, ни льстить не назначены,
Кротки, бесцельны, ничем не оплачены —

Ни запретить вас, ни вызвать нельзя!
Льетесь вы быстро, бесшумно скользя,

Льетесь как ветер в степи бесконечной,
Льетесь как песенка пташки беспечной,

Льетесь как льются светила небесные,
Цели преследуя нам неизвестные...

Ну и сдается: в далеком прошедшем,
Умным был мир! но он стал сумасшедшим!

Что-то испортилось, что-то случилось!
Всё, что живет — починять устремилось,

Мчится в проруху, ее наполняя:
Ветер степной, песня пташки живая,

Звезды небесные, слезы людские, —
Все в ту же сторону — будто шальные...

87 (173) «Церкви-то ваши все мне знакомые,

97 (183) «Он-то, богатый... Я денег дала...

104 (190) С яркостью, правде одной подобающей.

111 (197) В диком порядке громадной картины

142 (228) Ладно, братишек, иду я, иду...

148 (234)—149(235) Брата я кровного в грех свой ввела...
Он-то не знал, что сестра! Я же знала...

155 (241) Там, у своих, там, где воздух родной,

157 (243) Но ты, Андреюшко, грех мой возьмешь,

<Глава IX в Ст. I>
Пропущенная строфа между 252 и 253 строками окончательной редакции:

1—2 Умерли, умерли речи приятные!
Слово живое, беседы понятные!
3 (253) Ох уж кому-то вас будет сменить?

5 (255)—6(256) Не заносить бы вас в степь необъятную
Слово живое, беседу приятную...

9 (259) Ох! на кого-то нас бедных покинули,

21 (271) А перед ним, на полати остывшей,

24 (274) Будто приятное что услыхала,

33 (283) Надо с полати старуху прибрать,

38 (288) Белой, недеванной, с пестрой каймой,

45 (295)—47(297) Часто Андрей у Прасковьи сидел:
Всё хоронить он ее не хотел!

Вот уж и гроб ей готов небольшой,

70 (320) Теплым туманом своим окропила,

73 (323) Время голубушку в гроб положить!..

78 (328)—79(329) Крышка его под землей убывала —

Много смешал над Прасковьей Андрей

<Глава X в Ст. I>

Пропущенные строфы между 332 и 333 строками окончательной редакции:

3—6
Льдины и снег, что ни день, уступая
Светлому, доброму веянью мая,

Таяли робко держась, как в морщинах,
В щелях и трещинах гор, в котловинах!

Пропущенные строфы между 334 и 335 строками окончательной редакции:

9—12
Реяли в небе, мешались с листвой,
В перышках пестрых, согретых весной,

Счастливы тем что из дальней земли
Свежие краски одежд принесли.

14 (336) Сладко задумались Божьи пустыни...

20 (342)—22(344) Говор раздался болтушек ручьев;

И, над волной их, до дна серебристой,
Как океан необъятно-душистый,

24 (346) Воздух весны, напоенный цветами!..

26 (348) Крест на холме поднялся невысок.

33 (355) Будь их хоть вдвое подобных степей, —

Пропущенные строфы между 370 и 371 строками окончательной редакции (печатается без учета строфики):

49—92 Лайка же против такого решенья
Не подавала отдельного мненья;
Мир, иль монашество, ей все равно, —
К постной, мол пище привыкла давно.
Вслед за Андреем дорогой бежит,
Тоже, знать, странствует, в оба глядит:
В первом селе, что в пути повстречали,
Лайку собаки совсем пощипали, —
Стала умней, не уходит назад!
Мрачный у Лайки, задумчивый взгляд!
«Что, брат Андрей, я тебе говорила:
Нас не порядку Прасковья учила!
Жили с тобой мы спокойно и тихо,
Нас не томило ни горе, ни лихо!
Правда!! премудрых вещей мы не знали...
Нынче с тобой мы учеными стали,
Чувства высокие в сердце несем,
И рассуждаем о том, да о сем!..
Прежде, нам солнышко просто — светило;
Нынче к нам солнышко заговорило:
Я вам, смотрите, не даром свечу, —
Добрых за это деяний хочу!
Прежде, бывало, чуть вечер — храпим;
Нынче мы заполночь часто сидим,
Смотрим на звезды, молитвы читаем,
Точно как будто бы что понимаем!..
Сам ты скажи: ну пугались ли мы
Нечисти всякой, ползущей из тьмы?!
Нынче нас души, поди, посещают,
Всё, вишь верховные — повелевают!
Гуси на встречу вон в небе летят! —
Прежде пустили бы, просто, заряд;
Нынче, куда! Предпочтем голодать:
Пятница, пост и не смеем стрелять!
Даже забыл ты, голубчик, ружье!..
Эх! поросло, знать, по были былье!..
Тьфу! даже гадко в себя заглянуть!..
Разве что бросить тебя?!.. улизнуть?!
Жалко! хороший ты, братец, старик;
Добр был со мной! да и я то привык!!»...
Так, или вроде того, рассуждала
Лайка, и вслед за Андреем бежала.
Ну, а в пустыне, с весенним теплом,
Жизнь потянулась обычным путем.

93 (371) Месяц прошел. Населилась лачуга, —

95 (373)—96(374) Снова собрались наносные люди,
Вышли от Руси, от Мери и Чуди!

102 (380) Что тут случилось? где делся Андрей?

вм. 381—384 Если он точно в могилу забрался,
Сам ли он, что ли, в нее закопался?
Раз, под шумок, порывались разрыть,
Чтобы короче вопрос разрешить...

То665-то б искатели тешиться стали,
Если б Прасковью они увидали?!

736

Ст. I
<Глава>1

6—9 Черен и волос, черней его нет,
Точно не наша земля — страны знойные
Дали попа Елисея на свет.

Пятое это идет поколенье

11—12 Скромное, скорбное ваше значенье,
Мелкие Божьего храма столпы.

24 В сроки катается тенор дьячек.

32 Нет уж, «новинку»-то лучше отдать!

37 Сгинешь и ты... народятся другие...

39 Ездят по бедной, сермяжной России

41—42 «Ну-ка, пегашка, а ну, архибестия,
Ой, понатужься маленько... взяла!

47 Дома не льготно!.. тут треба заказная...

53—55 С нею, вишь, паства пошла на приданое, —
Так уж водилось тогда на Руси, —
Дочь благочинного, — место-то жданное

58 Речка! задержан плотиной прудок.

64—66 В храме что в небе — не в меру светло.

Домик поповский покрыт черепицей.
Нового выстроить — мир не велит;

69—70 Садик. В нем много торчит кукурузы,
И, между них, как шеренги солдат,

75—76 Рой вслед за роем идет и роится,
Часто садится и нежданный рой!

80 Мастер он дела, видать по всему.

88—89 Гнет их сызвне — на то плечи даны!

Гнет изнутри — это дело другое,

92 Только что слово без дела мертво...

94 Любо ему в темень ночи плутать;

97 «Ну уж их требы хлебами плаченые!

105—107 «Чуть нету требы, — другие капризы:
В церковь-де надо, хоть службы и ризы...
Мол, видишь, есть и покровы и ризы...

113 Теплой молитве легко в нем гнездиться.

117 В раме дубовой, бессвязно пестрея,

121—125 Кисть безобразна! попу не в примету.
Только Эсфирь эта... сходство полно...
«Боже! К чьему ж я прибегну совету.
Если к Тебе мне придти не дано?»

Стукает кровь и в виски отбивает,

129 «Господи! Господи! о защити же!

137—140 Эта солдатка, что рядом с Эсфирью
Вдруг помянул, заблажив, Елисей, —
Тип нам родной. Только с нашею ширью
К жизни могли прорости из степей

Пропущенная строфа между строками 140 и 141 окончательной редакции:

141—144 Типы солдаток... О них мимоходом,
Вскользь мы помянем, а можно бы их

В повесть макабрским ввести хороводом,
Пляскою смерти, не хуже других.

145 (141) Как в юность раннюю, в пору любовную,

147 (143) Стать побирушкой должна! Всесословную

159 (155) Изгородь только дворы отделяла;

160 (156) Дуб одинокий на грани торчал.

167 (163) Бабы шьют, гладят, рубахи, передники;

169 (165) Хоть и болезни гуляют различные:

173 (169) В церкви, на паперти, ждут исповедаться, —

176 (172)—179(175) Не досадить бы жене-то своей.

Рядом с притвором, за ширмою старою,
Поп отпускает мирянам грехи...
«Вот еще парочку, кончу я парою,

198 (194) Поп приложился к кресту — что прирос;

200 (196) Темною массой обильных волос.

<Глава> II.

2 Грустную пойте, готовьте детей!

10 Жить, как хотелось бы очень прожить;

Пропущенная строфа между 12 и 13 строками окончательной редакции:

13—16
Пойте что лучше походкою скромною
Жизнь одиноким пройти, ни при чем,
Тихой лампадой протлеть ночью темною,
И нн к кому не спуститься лучем.

17 (13) Пойте!! малютки поверят родителям!

19 (15) Этот-то миг пережить победителем, —

22 (18)—23 (19)
Звуком, не словом, останутся жить;
Пусть в их уныньи звучит примирение

27 (23) Бог его ведает. Затосковала,

30 (26) Видеть жены — он не может совсем;

38 (34) Облако тянется; смотрит — она!

45 (41)—47(43) В селах вошло у нас в обыкновение
Пенью по школам детей обучать;
Этот ли, тот ли канон, — разучение

49 (45) Путают, врут, друг за дружкой сбиваются;

51 (47)—53(49) Часто на юге у нас попадаются
Блеск-голоса, будто струны звенят.

Поп сам был с голосом прежде; бывало,

57 (54) И, между мелких, живых голосов,

60 (56) И пропадет у высоких тонов.

61 (57) Всё же он пенье любил: как бы ни было

65 (61) И оглашаются веси спокойные!

67 (63) В вас бы, вот, жить! звуки тихие, стройные,

69 (65)—70(66) Ну и ростет, что ни день прибавляется...
Странное это растенье — тоска!

72 (68) Чуть заведется где, — жизнь ей легка!

78 (74) Трудно, нельзя даже, многое скрыть:

81 (77)—86(82) Назвали с кем... «Удержать от паденья!
Слово сказать ей?.. Но в силах ли я?!
Нет, прежде лучше жилось без сравненья:
Коль не моя ты была — так ничья!
Всё же скажу ей»... Идут дни за днями
Поп всё старается встретить ее.

90 (86) Все он, как будто случайно, пойдет,

92 (88)—93(89) Близко... а парень-то тут... не идет...

Ну да и парень не промах, бывалый:

96 (92) Я его — знаешь... смахну... подбери.

100 (96) «Коли к обоим пущу петуха!

104 (100) Так и повиснет на ней его взгляд!

106 (102) Тлела по мыслям, как искры во т<ь>ме,

108 (104) В бедном его семинарском уме...

111 (107) Понька поддета, передник подстегнут,

117 (113) Сев у окна, поп за ней наблюдает:

123 (119)—126(122) Лучше пойти!! от окна поп отходит...
Хоть бы, да кстати, прислал кто за мной?

Вдруг, весть тяжелая и безобразная!
Есть чем дурманить себя и глушить:

129 (125) Вам, городским, не видать издалека

133 (129) Помощи мало — народу-то много;

137 (133) Ходит голодная, ходит зубатая, —

139 (135) Сытая кровью, слезами чреватая,

141 (137) Где тут и думать о разобщении?

146 (142) В церковь, в неделю двух, трех принесут,

152 (148) С полною силой, всей волей своей!

154 (150) Всё, что так мощно, слоилося в нем...

156 (152) Но осветилась каким-то огнем!

161 (157) Мать утешает: «там лучше ребенку»!

172 (168) Раны открытые сам обмывал...

174 (170) А уж любил-то их поп, как любил!

199 (195) И попритихла же, угомонилась —

205 (201)—206(202) Дуб, вон, старинный что взрос на свободе,
Частью своих пообтертых ветвей

219 (215) «Как бы вы, батюшка, не осерчали —

229 (225) Чтобы болезнь-то тебя пощадила,

231 (227)—234(230) Слышит он: будто бы петля заныла,
Дверь растворилась у ней из сеней...

И, в полусвете зари занимавшейся,
Видит он: кто-то ступил на порог,

243 (239) Надо б сказать попадье — раскуражится!..

<Глава> III

2 Дней, этак, двадцать прошло ни почем...

7 Шли берега в ровень с самой водою;

20 Неуспокоены, к ночи снуют.

33 Ну и сидит весела, улыбается!

35—36 Подле иее рослый парень валяется,
Спит, — развалясь над помятой травой...

38—39 Чуть увидала попа — назвала,
Стала вставать, еле слушают ноги;

46—48 Спит!.. растянулся он... сытно ему...
Выпьем родимый... с приправой наш пенничек!
Ну и в запрете не быть ничему!»...

50 Всё же он снял ее руку долой.

54—56 Лошадь, вздохнув, веселее пошла...
Белая масса густого тумана
Сразу, отвсюду заволокла!..

58—60 Поп, истомившись Бог весть до чего,
Бредил, метался в помятой постели:
Оспа скрутила, сломила его!

<Глава> IV

3—4 Вздор самый глупый научит их худу —
И потрясает до недр глубоко.

12—14 Речи разумные тут не уймут!
Духа болезнь — составляет заразу,
Только острее, быстрее других,

16 — Силой стихийной в громадах людских...

34 — Как новолунье — то было в ночи,

36 — К церкви, с завода, таскать кирпичи.

37 — Только к поповскому дому пробрался,

Пропущенная строфа между 44 и 45 строками окончательной редакции:

45—48

«Бога попом не прогневать» ... «Вестимо»...
«Церковь-то разве задаром стоит?»
«Доброе только добром и хранимо —
Где тут добро, коли поп сам грешит!..»

64 (60) — Мало-помалу совсем обмирал.

66 (62) — Клочья, обрывки и чувств, и ума, —

71 (67)—73(69)

Строила, будто познав беспредельное,
В вечный покой, в безмятежность идя!

Теплые страны какого-то чаянья

Пропущенная строфа между 72 и 73 строками окончательной редакции:

72—75

В них и призванье попа, и солдатка —
Мирно сживались. Великий покой!
Царство безмерно — иного порядка —
Ты отвечало задаче большой...

81 (73)—84(76)

Между той жизнью и нашим скитаньем
Общей являлась одна лишь черта:
Звуков каких-то поток, рокотанье;
Песен неведомых мощь, красота!

86 (78)—88(80)

Этот ли мир или тот ему пел?
Руки раскинуты, в груди хрипенье...
Не узнаваем был поп — поседел!

90(82) — Как-то поп молвил, в бреду иль сквозь сон:

102 (94)—103(95)

Видимо слушал, хоть глаз не открыл...
В море из звуков, душою качавшейся,

105 (97)—108(100) Будто он что-то исполнил такое,
После чего — есть ли что исполнять?
Что-то решил непомерно большое,
Так что не хочется перерешать!

112 (104) От остального Господь уберег!..

114 (106) Вплоть до того, как поп жить перестал,

116 (108) В глубь неизвестную сопровождал...

118 (110) Вспомнили; нюнили, молча, кругом;

123 (115) Волю свою распотешит кичливую,

126 (118) Идут к воротам... Сквозь говор живой

133 (125)—134(126) После того на четвертые сутки
Похоронили, простились с попом...

144 (136)—146(138) Новая, прелесть-изба, поднялась.

Окна-то были большие, резные,
Стен за резьбою совсем не видать;

ПРИМЕЧАНИЯ

Данное издание призвано в максимально полном составе (насколько позволяют объемы серии «Библиотеки поэта») представить читателю откомментированные стихи К. К. Случевского. С одной стороны, в этом его коренное отличие от недавно вышедшего тома стихов поэта, принципиально лишенного какого-либо научного аппарата (Случевский К. Сочинения в стихах. М.; СПб., 2001). С другой стороны, оно восполняет пробелы, сознательно сделанные при издании «Стихотворений и поэм» К. К. Случевского в серии «Библиотека поэта» в 1962 г., куда не были включены «отвлеченно дидактические рассуждения на религиозно-философские темы, преимущественно поздних лет», что искажало подлинный облик Случевского — поэта, полного религиозных и мистических устремлений. Этот недостаток был отмечен критиками тут же, но не у нас (по понятным причинам), а в «русском зарубежье». В 1963 г. в рецензии на вышедшую книгу «К. К. Случевский. Стихотворения и поэмы» известный философ и филолог Д. Чижевский писал, что существенным недостатком этого тома «является отсутствие в нем *именно тех* стихотворений, которые лучше всего показывают и доказывают, что Случевский является несомненным предшественником символизма и "даже футуризма"» и подчеркивал необходимость нового издания, «которое содержало бы достаточный материал для суждения о действительном облике поэта, как пролагателе новых путей» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. № 74. С. 172, 176).

Именно исходя из этих позиций в настоящем томе полностью воспроизведены циклы «Черноземная полоса», «Мурманские отголоски», книга «Песни из Уголка», включены поэма «Поп Елисей», религиозно-философская поэтическая книга «Загробные песни», печатающаяся в полном составе впервые в нашем издании. Дело в том, что при первой попытке издания «Загробных песен» в 1968 г. в Мюнхене, сделанной Д. Чижевским, был упущен из вида один из циклов — «Смерть и бессмертие». Без цикла «Смерть и бессмертие» и без каких-либо комментариев (к тому же с большим числом опечаток) книга печаталась и в сборнике «Профессор бессмертия» (серия «Мир мистики»; М., 1993. С. 331—454). В однотомник «К. К. Случевский. Стихотворения. Поэмы. Проза» (под ред. Е. В. Ермиловой. М., 1988) включено незначительное число стихотворений из «Загробных песен», т. к. составитель считала их, как представляется, незаслуженно, «поэтической неудачей» Случевского (см. о цикле также примечания к соответствующему разделу).

Однако, несмотря на значительное расширение состава, в настоящем томе сохранена общая структура издания 1962 г., подготовленного А. В. Федоровым, как наиболее оптимальная и научно обоснованная, учитывающая сознательный отказ Случевского от датировок собственных стихотворений. Первую часть образуют циклы, расположенные в той же последовательности, что в итоговых «Сочинениях» Случевского 1898 г., и печатающиеся именно по этому изданию, а также «Песни из Уголка» и «Загробные песни». Вторую часть составляют несколько отделов: расположенные в хронологическом по-

рядке стихи, или не включавшиеся в сборники Случевского, или не вошедшие в его «Сочинения» 1898 г., неизданные стихотворения, юмористические стихотворения, а также ряд переводов, печатающихся в последовательности публикаций. Третью часть образуют три поэмы, выбор которых обусловлен и их значением для творческой биографии Случевского (поэма «В снегах» стала вехой возвращения автора в литературную жизнь), и историей восприятия Случевского символистами («Элоа»), и общностью религиозно-нравственной проблематики. Поэмы расположены также в последовательности их публикаций. Значительно расширен отдел «Ранние редакции», призванный показать движение текста от первоначального замысла к его окончательному воплощению.

В отделе «Ранние редакции» даются *все* варианты печатных текстов стихотворений, из числа выявленных на настоящее время. Такой подход объясняется тем, что мы, по сути, лишены (за редким исключением) рукописей поэта. Его обширный личный архив, хранящийся в Государственном историческом музее в Москве, состоит, главным образом, из писем его корреспондентов и документов, характеризующих служебную деятельность Случевского. Что же касается собственно рукописей поэта, то сравнительно незначительное число их хранится, преимущественно, в рукописных отделах Российской Национальной библиотеки и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, где находятся не только рукописные автографы, но и авторизованная машинопись стихотворений Случевского. Возможно, что поэтический архив Случевского был вывезен его дочерью А. К. Случевской-Коростовец за рубеж во время революции, причем какая-то часть его была утеряна, судя по воспоминаниям самой А. К. Случевской, еще по пути ее в эмиграцию. Куда был передан архив самой А. К. Случевской после ее смерти в Лондоне и содержались ли там рукописи ее отца, неизвестно. Следы этого архива до сих пор не были обнаружены. Вот почему в отделе «Ранние редакции» мы вынуждены приводить, главным образом, печатные варианты текстов стихотворений. При этом расхождения, незначительные по объему, указаны непосредственно в примечаниях, а к остальным отсылает «звездочка» рядом с номерами примечаний, соответствующих *сплошной нумерации* произведений (причем авторская нумерация внутри циклов, конечно же, сохранена). Варианты автографов даются только в примечаниях, при этом угловыми скобками обозначены варианты, вычеркнутые Случевским из машинописи, а квадратными — из последующей карандашной правки. Варианты приводятся согласно порядку стихов в окончательном тексте, с указанием курсивом номера строки (при несовпадении — дается *двойная нумерация* с указанием номера строки окончательного текста в круглых скобках). Основным признается текст последней прижизненной публикации. Авторская пунктуация в основном сохранена. Орфография приведена к современной за исключением отдельных слов (стклянки, мятель, чорт и т.п.) и характерного для XIX в. окончания -ьи в предложном падеже (в желаньи), но наряду с вариантом -ье, начавшим

превалировать к началу XX в. в публикациях Случевского. В примечаниях выявляется история текста с последовательным указанием (через точку с запятой) выявленных прижизненных публикации текста (посмертные — лишь в том случае, когда произведение при жизни автора не публиковалось), дается реальный, историко-культурный комментарий, а также некоторые указания на заимствования, влияния или совпадения, т. к. рамки издания не позволяют дать исчерпывающий историко-литературный комментарий. В примечаниях не дублируются факты, учтенные в предисловии к тому. В примечаниях при цитировании текстов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других классиков русской литературы ие даются библиографические сноски на источник, а также даты написания стихотворений. Сведения о музыкальных произведениях, созданных на тексты Случевского, даются лишь как исключение (при необнаружении публикации), т. к. они есть в справочнике Г. К. Иванова «Русская поэзия в отечественной музыке до 1917 г.» (Вып. 1. М., 1966).

Составитель выражает особую признательность Е. А. Кольчужкину и В. П. Троицкому за бескорыстную помощь на последнем этапе работы над корректурой тома.

Список сокращений, принятых в примечаниях и в разделе «Ранние редакции»:

ББП — Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962 (Библиотека поэта, БС).

Бр. П — Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876.

В — Васильки: сборник. СПб., 1901.

ВИ — журнал «Всемирная иллюстрация».

Г — журнал «Гусляр».

ГИМ — Государственный исторический музей.

Д — альманах «Денница» (под редакцией П. П. Гнедича, К. К. Случевского, И. И. Ясинского. СПб. 1900).

И — журнал «Иллюстрация».

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

ЗС — Случевский К. К. Забытые стихотворения. München, 1968.

КН — журнал «Книжки Недели».

Н — журнал «Нива».

Нем. п. — Немецкие поэты в биографиях и образцах под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1877.

НЛО — Пятницы К. К. Случевского / Публ. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 281-375.

НП — журнал «Новый путь».

ОВ — журнал «Общезанимательный вестник».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Пр. к Н — Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива».

ПУ — Случевский К. Песни из Уголка. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1902.
РВ — журнал «Русский вестник».
РМ — журнал «Русская мысль».
Р. п. — Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1880.
РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.
Скл. — Складчина: Сборник, составленный трудами литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874.
Совр. — журнал «Современник».
Соч. — Сочинения К. К. Случевского: В 6 т. / Изд. А. Ф. Маркса, СПб., 1898 (указания на том обозначаются римскими цифрами: Соч. I, Соч. II).
Ст. I — Стихотворения К. Случевского. СПб., 1880.
Ст. II — Стихотворения К. Случевского, 2-я книжка. СПб., 1881.
Ст. III — Поэмы, хроники. Стихотворения К. Случевского, 3-я книжка. СПб., 1883.
Ст. IV — Стихотворения К. Случевского, 4-я книжка. СПб., 1890.
Ст.-1983 — Случевский К. К. Стихотворения // Сост., вст. ст., прим. В. Перельмутера. М., 1983.
СЦ — альманах «Северные цветы» (М., 1901, 1902, 1903).
Тр. — журнал «Труд. Вестник литературы и науки» (приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»).

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ В «СОЧИНЕНИЯ» 1898 г.

ДУМЫ

1. Соч. I. С. 3—4. *Неуловимое* — ср.: «Невыразимое» В. А. Жуковского, а также «Мне легче дышится на горных высотах...» (1893) А. А. Голенищева-Кутузова: «И что за чудные, крылатые мечты <...>/ Но только захочу их звуки, иль черты / Запомнить, уловить... они, умолкнув, тают. <...> / Их выразить, назвать — усилия напрасны». *В нас корни некие спускаются от неба* —ср. с поучением старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных»(Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 291). Образ «перевернутого древа» (arbor inversa) восходит к средневековой традиции, где оно «служило символом веры и познания и воплощало образ Христа» (Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 55). Ср. также: «Где корни звездную распространяют сень <...> И кор-

ни — свет ветвей, и ветви — сон корней» (Вяч. Иванов «Дриады»). См. также 508—538 (III). 589—600 (XXXIV).

*2. Ст. I. С. 19, заглавие «Галлюцинации», раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 5.

*3. Ст. II. С. 179; Соч. I. С. 6.

*4. Ст. II. С. 180, заглавие «Мелкие силы сердечных движений...»; Соч. I. С. 7.

*5. Ст. I. С. 16, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 8.

*6. Ст. I. С. 32, заглавие «Когда бы сопоставить то, что в мыслях и желаньях...», раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 9. *Прощенья нет, но и забвенья нет* — ср. строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Забыть? — забвенья не дал Бог: / Да он и не взял бы забвенья!..»

*7. Ст. II. С. 176, заглавие «Campo Santo»; Соч. I. С. 10. Упомянуто в письме А. Ф. Кони к Случевскому от 14 ноября 1879 г. (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/88).

8. Ст. III. С. 244, цикл «Из альбома одностороннего человека», с вар.: «И, что ни день, то гаже — и пошлее!!» (*4*); Соч. I. С. 11.

*9. Еженедельное Новое время. 1880. № 58. С. 323; Ст. I. С. 38, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 12. Тема, возможно, навеяна статьей И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»: «Честный скептик всегда уважает стоика. Когда распадался древний мир — и в каждую эпоху, подобную той эпохе, — лучшие люди спасались в стоицизме, как в единственном убежище, где еще могло сохраниться человеческое достоинство. Скептики, если не умели умереть <...>, — делались эпикурейцами. Явление понятное, печальное и слишком знакомое нам!»

*10. Ст. I. С. 18, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 13.

*11. Н. 1880. № 2. С. 34; 6 четверостиший; 2-я ред. (см. ББП, с. 385) — Ст. I. С. 30, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 14. *Сильфы* — в средневековой алхимии духи воздуха, легкие и подвижные существа. *Пай* — часть, доля, старый химический термин, обозначавший «атомный вес», «атом».

*12. Ст. II. С. 229—230, с четвертым четверостишием после второго; Соч. I. С. 15—16. *Дарвин* Чарлз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, в книге «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) дал теорию эволюции органического мира.

*13. Ст. I. С. 17, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 17. *Больница Всех Скорбящих* — психиатрическая больница в Петербурге.

*14. Ст. II. С. 183—184; Соч. I. С. 18.

15. Ст. I. С. 24—25, раздел «Думы и мотивы», без деления на строфы, с вар.: «С особой ясностью по памяти моей» (*3*); «И жалко за себя, за яркость сил былых...» (*19*); «Как гибнут, быстро надвигаясь, поколенья, —» (*25*); Соч. I. С. 19—20.

*16. Ст. II. С. 177—178; Соч. I. С. 21—22.

*17. Бр. П, 1876. С. 306, заглавие «Может быть»; Ст. I. С. 10—11, заглавие «Да, может быть!», раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 23. 12 декабря 1875 г. Н. В. Гербель как редактор Бр. П., посылая корректуру, предлагал — «в 6-м стихе снизу, было бы лучше заменить слово

различными — другим, более подходящим — незримыми» (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/77).

*18. Ст. II. С. 182; Соч. I. С. 24.

*19. КН. 1891. № 11. С. 205; Соч. I. С. 25.

*20. Ст. I. С. 9, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 26. *Могикане* — от названия романа американского писателя Д. Ф. Купера «Последний из могикан» (1826; рус. пер. — 1833 г.); здесь: последние представители вымирающего поколения. Стихотворение упомянуто в письме А. Ф. Кони к Случевскому от 14 ноября 1879 г. (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/88)

*21. Ст. I. С. 21—22, раздел «Думы н мотивы»; Соч. I. С. 27. *Dies Irae* — начало церковного гимна «Dies irae, dies illa...» («Тот день, день гнева...», текст итальянского монаха Фомы из Челано; XIII в.), является второй частью заупокойной мессы и напоминает о судном дне. Текстовых перекличек с гимном в стихотворении Случевского нет.

*22. Ст. II. С. 231; Соч. I. С. 28.

23. Ст. III. С. 250, цикл «Из альбома одностороннего человека», с вар.: «Умов подкошенных каким-то столбняком?!» (*10*); Соч. I. С. 29.

*24. Ст. I. С. 77—78, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 30.

*25. Ст. II. С. 165—166, заглавие «Молитва Ариев»; Соч. I. С. 31. *Арии* (арийцы) — название народов, принадлежащих к индоевропейской (прежде всего индоиранской) языковой общности. ...с *молитвою Христа* — молитва «Отче наш», данная Христом своим ученикам (Мф. 6. 9—13).

26. Ст. III. С. 230, цикл «Из альбома одностороннего человека»; Соч. I. С. 32.

*27. Север. 1890. № 25. С. 487, заглавие «Из жизни»; Соч. I. С. 33.

*28. Север. 1891. № 7. С. 391; Соч. I. С. 34.

29. Ст. II. С. 226, заглавие «В этнографическом отделе», с вар.: «За стеклами пестрейшие костюмы;» (*1*); «Одни другим мешающие жить...» (*14*); «Чтобы, со временем, в музее поместить?» (*16*); Соч. I. С. 35.

*30. Ст. II. С. 224—225, заглавие «Голова»; Соч. I. С. 36—37. *Робеспьер* Максимильен (1758—1794) — деятель Великой французской революции, глава якобинцев, развернул во Франции массовый террор. Свергнут в результате термидорианского переворота в июле 1794 г. и гильотинирован. *Скула и челюсти жестоко перебиты*. Робеспьер был ранен во время взятия здания Коммуны войсками термидорианского Конвента.

*31. Ст. I. С. 12—13, разделе «Думы и мотивы», заглавие «В тяжелый час», без 23—24 строк, с делением на две строфы; Соч. I. С. 38. В рецензии на Ст. I критик «Отечественных записок» писал: «Возьмем на выдержку хотя бы стихотворение "В тяжелый час". Когда бы, кажется, и писать с особенною силою, яркостью и выразительностью, как не в "тяжелые часы" сердечной боли и горького раздумья? <...> Г. Случевский рассуждает ни умно, ни глупо; но зачем ему непременно нужно округлять свои рассуждения рифмами? Мы именно говорим "рассуждения", потому что никаких других элементов, кроме рассудочного, в стихотворении г. Случевского нет» (ОЗ. 1880. № 6. С. 169).

*32. Ст. I. С. 33—34, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 39—40. *Синодик* — список умерших для церковного поминания.

33. Соч. I. С. 41—43. Отношение к Федору Михайловичу *Достоевскому* (1821—1881) выражено в брошюре Случевского «Достоевский. Очерк жизни и деятельности» (СПб, 1889), вошедшей как предисловие в третье (1889) и четвертое (1892) издания собрания сочинений писателя (см. прим. 1, 37, 275). Об отношении к творчеству Льва Николаевича *Толстого* (1829—1910) известно лишь, что, по предположению критика Н. Н. Страхова, именно Случевским была в 1872 г. написана статья о «Кавказском пленнике» Толстого в журнале «Всемирная иллюстрация» (№ 181), которая «очень порадовала» писателя (Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч. М.; Л., 1928—1958. Т. 61. С. 300—301; Т. 62. С. 164—165). Слова Толстого поэт взял эпиграфом к очерку о Достоевском; упомянут Толстой и в черновых набросках «Загробных песен» (см. прим. 507). *...венчик отпущенья* — бумажный венчик, кладется на лоб усопшему во время православного похоронного обряда *Молох* — согласно Библии, почитавшееся в Палестине, Финикии и Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы (особенно дети). *Сатанаил* — в верованиях средневековой богомильской секты (близкой к манихейству) дьявол, который вместе с тем сын Бога и брат Иисуса Христа. *Дант* — Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, автор поэмы «Божественная Комедия». *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». Михаила Юрьевича *Лермонтова* (1814—1841) Случевский считал поэтом, сомневающимся «в боге, родине, чести, любви, добре и пр.», «человеком ие русским, а скорее всемирным и беспочвенным...» (Красный архив. Т. 5 (96). С. 190). *Гете* Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, автор трагедии «Фауст». *Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт-романтик (см. прим. 66, 729, 730). Остров *Патмос* — один из островов греческой Спорады в Эгейском море. *...великое виденье Один, из всех людей, воочию видал* — апостол и евангелист Иоанн Богослов, который в 68—69 гг. написал на Патмосе книгу-пророчество о конце света — Апокалипсис (вошла в состав Нового Завета).

*34. Ст. IV. С. 119, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 44. *Канцель* — место, откуда говорится проповедь в католическом храме. *Прелат* — звание, присваиваемое духовным лицам в католической и некоторых протестантских церквах. *В тени виднелось Рубенса «Распятье»* — *Рубенс* Петер Пауль (1577—1640) — фламандский живописец, имеется в виду находящийся в Антверпенском соборе трехстворчатый алтарь Рубенса «Воздвижение креста» (1610—1611). *И полногрудая жена* — ср.: пушкинское описание галереи 1812 г. в «Полководце»: «Ни фавнов с чашами, ии полногрудых жен».

*35. Ст. I. С. 36, заглавие «В немецком замке», раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 45. *Раут* — званый вечер без танцев.

*36. Еженедельное Новое время. 1879. № 6—7. С. 394; Ст. II. С. 227—228, в той же редакции с вар.: «Они на свет, состряпав, извлекли!» (*12*); «Народ в нелепости ужасной, необъятной» (*19*); Соч. I. С. 46.

...тень Гамлета — герой одноименной трагедии У. Шекспира, где действует и тень отца Гамлета. *Маркиз Поза* — одно из главных действующих лиц в драме Ф. Шиллера «Дон Карлос». *Буффонада* — шутовское представление.

37. Соч. I. С. 47. *Рудин* — герой одноименного романа И. С. Тургенева. *Раскольников* — герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». *Чацкий* — герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Обломов* — герой одноименного романа И. А. Гончарова.

ЖЕНЩИНА И ДЕТИ

38. Г. 1889. № 5. С. 65, с вар: «Так-то и чувства уснули» (*4*); «Грезы твои молодые!» (*8*); «Я, я... заря, утро красное...» (*13*); Ст. IV. С. 106—107, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 51.

*39. Н. 1881. № 29. С. 638; Ст. IV. С. 109—110, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 52.

40. КН. 1885. № 42. С. 40, с вар.: «Как был темен, как мрачен родник» (*6*); Ст. IV. С. 129, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 53.

41.Н. 1884. № 12. С. 283; Ст. IV. С. 131, раздел «Мгновения», с вар.: «Не жизнь бы прожил — видел жизни сон...» (*8*); Соч. I. С. 54.

42.КН. 1895. № 1. С. 17, с вар.: «Я верю, чувствую, — я чувствовал не раз:» (*7*); Соч. I. С. 55.

*43. Ст. IV. С. 149, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 57.

44. КН. 1895. № 1. С. 17, с вар.: «Будто новый наших чувств расцвет, / Как и те, пройдет и побледнеет,» (*10—11*); Соч. I. С. 58. Машинописный автограф — ИРЛИ. Ф. РIII. Оп. 1. № 1934. Л. 25, с вар.: «Погрузившись в темный холод лет...» (*12*).

45. Ст. IV. С. 142, раздел «Мгновения», с вар.: «Они прохладны! С лепестков / В жар пóлдня ночью веет.../ Глядишь на них... твой милый взгляд» (*5—7*); Соч. I. С. 59. Вариация на тему стихотворения В. Скотта «Фиалка».

46. Соч. I. С. 60.

*47. Тр. 1890. № 22. С. 359; Соч. I. С. 61.

48. Ст. IV. С. 137, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 62.

49. Соч. I. С. 64. Машинопись — ИРЛИ. Ф. РIII. Оп. 1. № 1934. Л. 24, с вар.: «Нет, не мир идет — проходим мы с тобой.» (*4*); «Шутит любящими часто невпопад!» (*6*).

50. Соч. I. С. 65.

51. Ст. IV. С. 147, раздел «Мгновения», с вар.: «Сказалось быстро так нежданною тоскою! / Мой звучный смех безвременно затих...» (*4—5*); Соч. I. С. 68.

52.Г. 1889. № 19. С. 289, с вар.: «И из всех лепесточков навстречу весне,» (*3*); Ст. IV. С. 145, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 69.

53. Скл. 1874. С. 83, без заглавия, с вар.: «Разубрали меня, разукрасили —» (*1*); «Я и так полным блеском светла!» (*4*); «И цветы задушили меня!» (*12*); Ст. I. С. 55, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Я и так полным блеском светла!» (*4*); Соч. I. С. 71. 1-я корректура — ИРЛИ.

Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1134. Л. 3 об., заглавие «Цветы на гробу», с вар.:

1—2 Разубрали меня, разукрасили —
А уж я ли красой не взяла?
4 Я и так полным блеском светла!
12 О! цветы задушили меня!

Во второй корректуре — ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340 — название снято. Представлено в «Складчину» вместе со ст-ниями № 53, 76, 102, 105, 106, 166, 189. 2 февраля 1874 г. Случевский писал Н. А. Некрасову, редактору поэтического отдела сборника: «Сегодня, в субботу, я два раза заходил к Вам с желанием узнать Ваше заключение о стихах, доставленных мною для «Складчины», но оба раза не застал Вас дома. Рассчитывая на то, что письмо будет счастливее меня, решаюсь побеспокоить Вас своим вопросом, что я уже и сделал. В случае принятия стихов мне бы хотелось пробежать их корректуру, тем более что имею сделать маленькое изменение» (Теплинский М. В. Н. А. Некрасов и литературный сборник «Складчина» // О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 3. Ярославль, 1971. С. 256; Вильчинский В. П. Из неопубликованных писем к Некрасову // Некрасовский сборник. Вып. V. Поэзия любви и гнева. Л., 1973. С. 319). В ответе от 3 февраля Некрасов писал: «Уважаемый Константин Константинович, Стихи, поставленные Вами для "Складчины", по моему мнению, хороши все; особенно мне понравились "Рассвет", "Грозовые тучи", "Песня отца", "Цветы на гробу". В этом смысле в среду доложу нашему комитету и уверен, что остальные члены согласятся с моим мнением» (Некрасов Н. А. Поли. Собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1948—1952. Т. 9. С. 421). В протоколах Комитета по изданию «Складчины» 6 февраля 1874 г. зафиксировано: «Одобрено к напечатанию: <...> 6 стихотворений К. К. Случевского (кроме одного, седьмого, "Про старые годы")» (Теплинский М. В. Н. А. Некрасов и литературный сборник «Складчина» // О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 3. Ярославль, 1971. С. 254—255; см. также прим. 106 и 166). Возвращая корректуру члену Комитета П. А. Ефремову, Случевский писал: «Сделайте одолжение и 1) не сердитесь, что долго держал; 2) наблюдайте за разделением на *куплеты*, это внешность весьма важная для фактуры, а особенно такого тяжелого стиха, как мой» (Мазур Т. П. Некрасов и К. К. Случевский // Некрасовский сборник. Вып. 8. Л., 1983. С. 93).

54. Г. 1889. № 5. С. 65; Ст. IV. С. 135, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 72.

55. Ст. IV. С. 136, раздел «Мгновения», с вар.: «Что светлых звезд шатер ночной —/ Природы вечное явленье» (*6—7*); Соч. I. С. 73.

***56.** Ст. IV. С. 138, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 74.

57. Ст. IV. С. 115, раздел «Лирические» с вар.: «И пути соловьиному пенью...» (*12*); Соч. I. С. 75.

58. Север. 1888. № 4. С. 1, заглавие «Сны», с вар.: «Художник здесь один чтоб рисовать: / Покой любви, святая тишина / Скажи же

мне, что говорит она?» (*10—12*); Ст. IV. С. 130, раздел «Мгновения» с вар.: «Поведай ты, словечко оброни:» (*5*); «Скажи же мне, что подсказали сны?» (*12*); Соч. I. С. 76.

*59. Ст. IV. С. 118, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 79.

*60. КН. 1887, № 5. С. 42, заглавие «Из былого»; Ст. IV. С. 103, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 80.

61. Еженедельное Новое время. 1880. № 70. С. 258, заглавие «Романс», с вар.: «Где-то должно быть, в лазури небес...» (*8*); «В чудной фантазии наших теней.» (*12*); Ст. IV. С. 139, раздел «Мгновения» с вар.: «Где-то, должно быть, в лазури небес...» (*8*); Соч. I. С. 82.

62. РВ. 1884. № 7. С. 353, с вар.: «Другие волны, приливаясь,» (*9*); «Пришлось утраты понести:» (*14*). Вошло в кн.: Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. С. 212 — с датой: 22 апреля 1884 г., с той же редакцией 4 и 14 строк, что и в автографе в ИРЛИ, а также с вар.: «Другие волны, — заливаясь,»(*9*); Ст. IV. С. 116—117, раздел «Лирические», с той же редакцией 9 и 15 строк, что и в автографе в ИРЛИ; Соч. I. С. 84. Автограф — ИРЛИ. Ф. 274 (арх. М. И. Семевского). Оп. 1. № 396, альбом «Знакомые. 1880—1888. Книга автографов. II». Л. 212, с датой: 22 апреля 1884 г. и с вар.:

4 Как стал любить, любя страдать...
7 Как стаям странствующей птицы
9 Другие волны, — отливаясь,
13—15 А чувствам в сроки перелетов
Судьба потери понести,
И сбавить путников со счетов

63. РВ. 1890. № 11. С. 125, с подзаголовком «Из картин минувшего», с вар.: «Жизнь так ярко блестит предо мною, / И нельзя мне теперь утонуть!» (*19—20*); Соч. I. С. 85—86. *Леман* (Женевское озеро) — в юго-западной части Швейцарии. *Савойские Альпы* — одна из горных цепей в Швейцарии.

64. Ст. IV. С. 113—114, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 87.

65. Ст. IV. С. 120—121, раздел «Лирические», с вар.: «Вдруг стремлюсь к тебе всей, всей моей душою» (*15*); «Напиши мне милый: я тебе нужна ли» (*17*); «Почерк трепетный становится неясен...» (*23*); Соч. I. С. 88—89.

*66. Мода. 1858. № 4. С. 86, заглавие «В Петергофе»; И. 1859. № 83. С. 115, с изменениями и заглавием «Вызов» (ср. у Я. П. Полонского «Вызов»); Ст. IV. С. 111—112, раздел «Лирические», заглавие «Приди!», с вар.: «Песней Гейне слух обворожим...» (*18*); «И в той клятве буду недвижим.» (*20*); Соч. I. С. 90—91. *Демон сам с Тамарою* — персонажи поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Судя по редакции 1858 г., Случевский был знаком с заграничными изданиями поэмы. Вторая редакция 1859 г., помимо стилистических поисков, могла быть обусловлена появлением в «Отечественных записках» (1858. № 11) фрагментов «Демона», опускавшихся ранее из-за цензуры. *Спит залив* — Финский залив, ср.: «Спит земля в сиянье голубом» (М. Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...»). *Паризина* — героиня одноименной поэмы Д. Г. Байрона (см. прим. 33). Перевод этой поэмы,

сделанный Ап. Григорьевым, появился в журнале «Современник» (1859. № 8). Возможно, именно в связи с этим «грусть Байрона» конкретизировалась в более поздней редакции стихотворения (Ст. IV). *Гейне* Генрих (1797—1856) — немецкий поэт; сам Гейне стал одним из персонажей Случевского (№ 366).

***67.** Ст. IV. С. 203—204, раздел «Баллады и сказы», без первой строфы окончательного текста; Соч. I. С. 92—93. *Философ* — Готфрид Вильгельм *Лейбниц* (1646—1716), немецкий философ, изложивший свою систему о первоэлементах бытия — монадах и их иерархии в 1714 г. в работе, получившей уже после смерти автора название «Монадология».

68. Ст. III. С. 254, цикл «Из альбома одностороннего человека», с вар.: «В костюме светлом Колумбины» (*1*); «Теперь он первый раз не врет!» (*8*); Соч. I. С. 94. *Коломбина* — служанка в народной итальянской комедии; во французской — возлюбленная Арлекина.

69. Ст. III. С. 243, цикл «Из альбома одностороннего человека», с вар.: «Под этикеткой новизны / Ты мчишься глупым комом света» (*10—11*); Соч. I. С. 95. Отмечалась перекличка с пушкинским «Портретом» (Ст.-1983. С. 215).

70.Ст. III. С. 241, цикл «Из альбома одностороннего человека» с вар. «Майораты снабдила движеньем,» (*15*); Соч. I. С. 96.

71. Соч. I. С. 99—100.

72. Север. 1890. № 28. С. 549, заглавие «К картинке» (помещено вместе с рисунком, изображавшим девочку возле цветущего куста), с делением на четыре четверостишия и с вар.: «Вырвав из множества прочих одно лишь мгновенье,» (*13*); Соч. I. С. 101.

73. ВИ. 1871. № 146. С. 252, подпись: И., с вар.: «Ты же помнишь всю, пожалуй...» (*7*); Ст. I. С. 54, раздел «Думы и мотивы», с тем же вар.; Соч. I. С. 102.

74. РВ. 1883. № 6. С. 723, под № I в диптихе под заглавием «Памяти моего сына» (см. № 662), с вар.: «Ты сыночка в слезах схоронила!» (*1*); «Если б воли на это да сил!» (*4*); «Орошаешь безмолвной слезой;» (*6*); Ст. IV. С. 101—102, раздел «Лирические», с вар.: «Если б воли на это, да сил!» (*4*); «Орошаешь так часто слезой;» (*6*); Соч. I. С. 103—104. Стихотворение навеяно смертью сына Случевского — Николая, умершего во младенчестве. В его могиле находится теперь и захоронение самого Случевского.

75. Соч. I. С. 105—106.

***76.** Скл. 1874. С. 82, заглавие «Над колыбелью»; Ст. I. С. 56, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Наклонись к нему, не давя груди,» (*6*); Соч. I. С. 107. Первая корректура — ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 1134. Л. 3, под заглавием «Песенка отца», с той же редакцией 6, 14, 16 строк, что и в «Складчине» (см. прим. 53 и 106). Вторая корректура — ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340 — под заглавием «Над колыбелью», с той же редакцией 3 строки, что и в «Складчине». *Зацелует в смерть* — ср. с романом Случевского «От поцелуя к поцелую» (СПб., 1872).

***77.** Ст. II. С. 181; Соч. I. С. 108.

78. КН. 1892. № 1. С. 187, с вар.: Дай мне надежд золотые огни,» (*2*); «Дай мне порывов любви с их обманами» (*9*); «Дай мне надежд золотые огни!» (*20*); Соч. I. С. 111.

*79. КН. 1894. № 1. С. 77—78; Соч. I. С. 112—113. *Что сфинксов правды я, безумец, вопрошал.* В мифе об Эдипе, герой отгадывал загадки Сфинкса; в утраченной сатировой драме Эсхила «Сфинкс», загадку должно было отгадать само чудовище.

80. Соч. I. С. 114—115.

81. Г. 1889. № 34. С. 529, с вар.: «Одну вслед за другой цветистые одежды.» (*4*); «В тебе проснется желчь, терпенья не достанет» (*19*); Ст. IV. С. 92—93, раздел «Лирические», с вар.: «В тебе проснется желчь, терпенья не достанет...» (*19*); Соч. I. С. 116—117.

82. Соч. I. С. 118. Тема «небесных песен» перекликается с стихотворением М. Ю. Лермонтова «Ангел». (см. 539—559 (XIII)).

83. КН. 1891. № 10. С. 191—192, без последней строфы; Соч. I. С. 119—120. Мотивы чужбины и поиска покоя («Покоя ищет мысль...»)* возвращают к лермонтовскому «Парусу» (ср.: «Что ищет он в стране далекой? / Что кинул он в краю родном?.. Как будто в бурях есть покой!»).

*84. РВ. 1880. № 10. С. 697; Ст. II. С. 185—186; Соч. I. С. 121—122. *Сыграв для матери, сыграли и для сына...* — имеются в виду русская императрица *Екатерина II* Великая (1729—1796) и ее сын *Павел I* (1754—1801). *...зимой двенадцатого года...* — Отечественная война 1812 г. *В года холерные* — холерные эпидемии 1830—1831 и 1848 гг.; последняя унесла жизнь дядюшки Случевского — сенатора К. А. Случевского (изображена в повести «Мой дядя»). *В год Севастополя* — во время Крымской войны 1853—1856 гг., Севастопольская оборона 1854—1855 гг. *День девятнадцатый в одном из февралей* — 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права (см. также прим. 272).

*85. Совр. 1860. № 2. С. 747—748, состояло из девяти четверостиший; Ст. I. С. 74—75, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 123—124.

*86. РВ. 1879. № 3. С. 369—370; Ст. I. С. 70 — 71, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Чужие волны бьют да бьют,» (*6*); «Сидел он ночи напролет...» (*20*); Соч. I. С. 125—126. Автограф — ИРЛИ. Ф. 160 (Арх. Н. Любимова). № 2, «Коллекция автографов и портретов государственных и общественных деятелей, собранная Д. Н. Любимовым». Т. 2. Л. 154. Строки 6, 9, 12, 19, 21, 23—24 — в редакции РВ с вар.: «Сидел всю ночь он наперед.» (*20*); «С рулем уснувшим под рукой» (*22*). На том же листе автограф стихотворения «Ох, ответил бы на мечту твою...» (№ 108) и приписка неизвестной рукой: «Николай Алексеевич <Любимов, помощник М. Н. Каткова. — *Е. Т.-Г.*> приказал мне отправить стихи в типографию. Они по всей вероятности предназначаются для будущей февральской книжки» (см. прим. 108).

87. ВИ. 1895. № 1356. С. 74, с вар.: «Присев на штык, омоченный в крови,» (*12*); Соч. I. С. 127. *А птичка Божия* — ср. «Птичка Божия не знает» (А. С. Пушкин «Цыганы»).

88. ВИ. 1897. № 1479 (23). С. 519; Соч. I. С. 128.

89. Ст. II. С. 213, с делением на две строфы, с вар.: «Ветер размашистей гнет» (*6*); «В сердце людском чувств довольно...» (*9*); «Издавна, тихо внедрились,» (*11*); Соч. I. С. 129.

90. ОВ. 1857. № 3. С. 121, подпись: К. С., с датой «20 октября 1856» и с вар.: «Никого ни об чем не попросят» (*12*); Соч. I. С. 130—131.

91. Ст. I. С. 61, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Чтоб зарожденья чувства и сознанья» (*11*); Соч. I. С. 132. Вариация на «Responso Buonarroti» итальянского скульптора и живописца *Микеланджело* Буонарроти (1475—1564) в ответ Д. К. Строцци, написавшему стихи о его статуе «Ночь» на гробнице Джулиано Медичи в капелле Медичи во Флоренции (в 1883 г. оба четверостишия — и Строцци, и Микеланджело — переведены Вл. Соловьевым). *Ни чувствовать, ни знать, ни слышать я не мог.* — реминисценция из Микеланджело: «Не чувствовать, не видеть — дар завидный» (пер. Вяч. Иванова); в переводе Ф. И. Тютчева — «Не жить, не чувствовать — удел завидный». Связь с тютчевским переводом «Молчи, прошу, не смей меня будить...» (1855; напечатан И. С. Аксаковым в 1868 г. под заглавием «Сонет. Микель-Анджело») отмечалась (Ст.-1983. С. 216).

*92. Бр. П. 1876. С. 308; Ст. I. С. 66, раздел «Думы и мотивы» с вар.: «Проскользая вдоль сосен и скал,» (*2*); «На глубоких корнях заиграл...» (*4*); Соч. I. С. 133. В письме от 12 декабря 1875 г. Н. В. Гербеля, редактировавшего Бр. П., приводится 2-я строка в корректурном вар.: «Проскользая сквозь сосен и скал» (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/77). *В той горе схоронившийся миф.* Мотив горы как местопребывания богов, как хранилища тайн, как входа в потусторонний мир, характерен для различных мифологий, но образ спящего в горе старца-мифа возвращает к немецкой «Народной книге о Фридрихе Барбароссе» (1519). Легенда о том, что император не умер, а спит в горе и ждет своего часа, разрабатывалась в немецкой литературе и позже, например, у Ф. Рюккерта («Keiser Friedrich im Kyffhäuser»;1817).

93. Ст. II. С. 207, с вар.: «Как сочится вода сквозь прогнивших застав,» (*1*); «Жить вдвойне... а зима не далеко!» (*10*); «Вся, насквозь, а не то что глубоко...» (*12*); Соч. I. С. 134. *Поста́в* — по В. И. Далю, снасть, стан, каждая пара жерновов мельницы; расположение чего-либо.

94. Ст. I. С. 58, раздел «Думы и мотивы» с вар.: «Добро в нас рассудок силен, —» (*10*); Соч. I. С. 135. *На жизнь не взглянуть как на сон* — ср. с названием религиозно-философской драмы П. Кальдерона «Жизнь есть сон».

*95. Н. 1884. № 41. С. 979, заглавие «Сон»; Ст. IV. С. 85—86, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 136—137.

*96. Ст. I. С. 46 — 48, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 140 — 141. *Карфаген* — древний город-государство на побережье Средиземного моря в Северной Африке (район современного г. Туниса), основан финикийцами в 825 г. до н. э. Его соперничество с Римом привело к Пуническим войнам, в ходе которых он был побежден и в

146 г. до н. э. разрушен. *Честь победителю!* — вероятно, карфагенский полководец Ганнибал (247/246—183 до н. э.), одержавший во 2-й Пунической войне победы над римскими войсками; в 202 г. был разбит в битве при Заме и покончил с собой в изгнании.

***97.** Ст. I. С. 105—106, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. I. С. 142—143. Ср.: «День и ночь» Ф. И. Тютчева. *...погибшего за ночь Иуду.* Иуда Искариот повесился прежде, чем был распят преданный им Христос (Мф. 27. 3—5). *И, по дороге к селу Эммаусу, — Христа.* На третий день после распятия воскресший Спаситель явился своим ученикам, шедшим в селение Эммаус поблизости от Иерусалима (Лк. 24. 13—32). К этому же эпизоду Случевский обращался в рассказе «На пути в Эммаус» (Соч. V). На этот же сюжет Вяч. Иванов написал «Путь в Эммаус» (опубл. в 1906 г.), вошедшее в цикл «Солнце Эммауса» («Cor ardens»).

***98.** Ст. IV. С. 96, раздел «Лирические», цикл «Прежде и теперь» (II); Соч. I. С. 144.

***99.** Г. 1889. № 17. С. 257, посвящено В. Л. Величко, состояло из двух восьмистиший; Ст. IV. С. 94—95, раздел «Лирические», цикл «Прежде и теперь» (I) с той же редакцией стр. 9—10, 14, 16, с вар.: «Из очень светлых стран, из очень дальней дали...» (*8*); Соч. I. С. 145.

100. ВИ. 1871. № 150. С. 311, подпись: И.; без последней строфы и с вар.: «На всевозможные лобзанья / Свои бескостные тела...» (*11—12*); Ст. I. С. 60, раздел «Думы и мотивы», в окончательной редакции с добавлением 4-й строфы; Соч. I. С. 146. Вл. Соловьев писал, что «от таких стихов не отказался бы и Лермонтов» (Соловьев В. С. Импрессионизм мысли. Стихотворения К. Случевского // Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 9. 2-е изд. СПб., 1911—1914. С. 81). *Волхвы* — здесь: колдуны, звездочеты.

***101.** Ст. II. С. 208—209; Соч. I. С. 147—148.

***102.** И. 1859. № 83. С. 115, без 2-й строфы; Скл. 1874. С. 81, заглавие «Грозовые тучи» с вар.: «Две тучи хмурые слетаясь,» (*3*); «Подняты по ветру их длани» (*7*); Ст. IV. С. 104, раздел «Лирические», без заглавия, посвящено В. Л. Величко; Соч. I. С. 149. Первая корректура — ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 1134. Л. 2 (см. прим. 53 и 106). Строка 7 в той же редакции, что и в «Складчине», с вар.: «Две тучи, гневно изменяясь» (*3*). Вторая корректура — ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340. Строки 3 и 7 в той же редакции, что и в «Складчине». Сопоставлялось с стихотворениями М. Ю. Лермонтова «Бой» и А. Белого «Битва» (ЗС. С. 14). *Как будто в небе места мало* — ср.: «Под небом места много всем» (М. Ю. Лермонтов «Валерик»). *Шишак* — древнерусский шлем.

***103.** ВИ. 1872. № 168. С. 191, заглавие «У Парголовской церкви», подпись: Н.; Ст. IV. С. 87—88, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 150—151.

104. Ст. I. С. 41—42, раздел «Думы и мотивы» с вар.: «Ручку в ручку, плечико к плечу...» (*5*); «Право слово — лучше смерть как ни на есть!» (*8*); Соч. I. С. 152—153.

***105.** Скл. 1874. С. 81—82; Ст. I. С. 26—27, раздел «Думы и мотивы», строки 1, 6, 16, 18 в той же редакции, что и в «Складчине», с вар.:

«И земля к своей опавшей груди» (*19*); Соч. I. С. 154—155. Первая корректура — ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3 (Собр. П. Я. Дашкова). № 1134. Л. 2 об. (см. прим. 53 и 106). Строки 1, 13, 15—16, 18—19 — та же редакция, что и в «Складчине»; вар.: «В вечных сумерек, идущих перед ней.» (*6*); «Ты войдешь покой неизъяснимый» (*17*). Вторая корректура — ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340, строка 20 — та же редакция, что и в «Складчине».

106. Бр. П, 1876. С. 307—308; Р. п.; Ст. I. С. 62, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 156. Входило в стихи, представленные Случевским в «Складчину» (см. № 53, 76, 102, 105, 166, 189), но было вычеркнуто из первой корректуры карандашом Н. А. Некрасовым — на корректурном листе (ИРЛИ. Ф. 93 (Собрание П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1134. Л. 1) сверху есть его карандашная помета «II Одобрено Читал Некрасов». На этом же листе внизу приписка: «2-ю корректуру *с оригиналом Ефремову* (Басков № 5) и одновременно 2-й оттиск г. Случевскому». В корректуре «Складчины» было пятое заключительное четверостишие, снятое в окончательной редакции, и вар.:

3—4 Служившей нехитрою чарой
Прадедушкам нашим влюбленным!
7 Вихрам стариков генералов!
11—20 С собранием шуток невинных,
Забавных, но все таки честных.

Не смейся... От них не мельчали
Людей родовитые силы;
О подвигах их мы слыхали,
Умеем сыскать их могилы.

Семье они ведали цену,
Боялись ее поношенья...
И шли, к отошедшим на смену,
Готовые жить поколенья.

В письме к Случевскому (РНБ. Ф. 703. № 4, от 26 февраля 1874 г.) П. А. Ефремов уведомлял о невозможности включения в сборник стихов, присланных им взамен исключенных (см. прим. 133—169 (XXXIV)). Во второй корректуре (ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340 с припиской Ефремова от 2 марта) отсутствует. Так что дата «4 декабря 1874 г.», которой помечено стихотворение в «Альбоме Ольги Козловой» (Album de madame Olga Kozlow. M., 1889. С. 85—86), — дата, когда стихотворение было вписано в альбом, или дата его новой редакции, отличающейся от корректуры «Складчины» вар.: «Прапращурам иашим влюбленным.» (*4*); «Топорщине фижм и манжетов.» (*7*).

107. Ст. II. С. 212, с вар.: «К вечной повести страданья» (*7*); Соч. I. С. 157.

108. Ст. I. С. 57, та же редакция 5 строки, что и в автографе; Соч. I. С. 158. Автограф — ИРЛИ. Ф. 160 (Арх. Н. Любимова). № 2,

«Коллекция автографов и портретов государственных и общественных деятелей, собранная Д. Н. Любимовым». Т. 2. Л. 154, с вар.: «Дай мечту твою шаловливую / Засветившую мне на пути,» (*5—6*). Предназначалось для напечатания в журнале «Русский вестник» в 1879 г., но, видимо, было отклонено редакцией (см. прим. 86).

109. Ст. III. С. 234, цикл «Из альбома одностороннего человека»; Соч. I. С. 159. *На то есть целых три субботы.* Особое поминовение усопших православная церковь совершает на Радоницу, в субботы 2-й, 3-й и 4-й седмиц Великого поста, а также в субботу мясопустную, Троицкую и Димитриевскую. Вероятно, у Случевского речь идет о днях Великого поста, когда эти субботы следуют одна за другой.

110. Ст. III. С. 245, цикл «Из альбома одностороннего человека»; Соч. I. С. 160.

***111—114.** Ст. IV. С. 94—100, раздел «Лирические» состоял из № 99, 98, 113, 114; в Соч. I цикл вошел с исключением № 98 и 99.

I. Тр. 1889. № 3. С. 259 с вар.: «Свершивши то, что ей дано.» (*4*); «И мнится: кто-то приглашает» (*13*); «И мглою, также как меня,» (*18*); Ст. IV. С. 89—90, раздел «Лирические», с вар.: «Свершивши то, что ей дано» (*4*); Соч. I. С. 163—164.

II. Ст. I. С. 59, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 164.

*III. Ст. IV. С. 97—98; Соч. I. С. 165.

*IV. Ст. IV. С. 99—100; Соч. I. С. 165—166. *Анакреон* (VI в. до н. э.) — греческий поэт-лирик, воспевавший любовь и радость бытия.

***115.** Ст. I. С. 28—29, заглавие «Перспектива», раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 167.

***116.** Ст. II. С. 199—202; Соч. I. С. 168—171. *Апокалипсис, Патмос* — см. прим. 33. *...от пламени Синая.* Когда Моисей подымался на гору Синай разговаривать с Богом, гора «вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне» (Исх. 19. 18; 20. 18). *Лежала мертвою библейская змея...* В Апокалипсисе говорится лишь о том, что Ангел «взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет» (Откр. 20, 2—3). *А подле голубь белый без движенья... /... изображенья/ Семи великих ран виднелися подряд.* Образ мертвого голубя — плод фантазии поэта, т. к. в христианской традиции голубь — символ Святого Духа; число ран навеяно особым значением этой цифры в Апокалипсисе (семь церквей, семь Ангелов, семь язв и т. д.). *Блудницу жизни в бездну унесло* — вероятно, апокалиптическая великая блудница, обреченная на гибель (Откр. 17). *...альфа и омега...* — так называет себя сам Господь (Откр. 1. 8; 21; см. прим. 491—507 (VII)). Мне *ангел смерти близко виден стал.* Образ навеян строкой «смерти не будет уже» (Откр. 21, 4).

***117.** РВ. 1890. № 5. С. 263—264, заглавие «Желал бы я», посвящено И. А. Тюрину; Соч. I. С. 172—173.

***118.** Ст. I. С. 122, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. I. С. 174.

***110.** Север. 1888. № 5. С. 16; Ст. IV. С. 108, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 175. *Тацит* Корнелий (58—117) — римский историк, на 14 книге его «Анналов» основана драматическая хроника Случевского «Бунт» (Соч. II). *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий фило-

соф, разработавший учение о непознаваемой «вещи в себе». *Виргилий — Вергилий* Марон Публий (70—19 до н. э.), древнеримский поэт. *Дант* — см. прим. 33. *Бокль* Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог. ...*copul'и* (копула) — связка, часть составного сказуемого. ...*aorist'ы* (аорист) — грамматическая категория глагола. ...*софисты* — учителя философии и красноречия в древней Греции(V—IV вв. до н. э.), сторонники теории «убедительной речи», основанной на риторических, логических и лингвистических законах. ...*в свежей, мягкой постели / Трав и цветов* — ср. описание ложа любви Геры и Зевса в «Илиаде» Гомера: «Быстро под ними земля возрастила цветущие травы, / Лотос росистый, сафран и цветы гиакинфы густые...» (пер. Н. И. Гнедича; XIV, 347—348). *Жребий мой кинут* — аллюзия на слова Цезаря — «жребий брошен», сказанные в 49 г. до н. э. при реке Рубикон, перед началом войны с сенатом (см. прим. 307, 366). *Олимп* — в греческой мифологии священная гора, где обитают боги. *Пояс — Венера.* В «Илиаде» Гомера пояс богини любви Афродиты (у римлян — Венера) выпрашивает Гера, чтобы обольстить своего супруга Зевса: «Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались; / В нем и любовь и желания, в нем разговоры влюбленных, / Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных» (пер. Н. И. Гнедича; XIV, 215—217). *Диана — свою диадему* — в римской мифологии богиня-девственница, богиня Луны, охоты (соответствует греческой Артемиде, иногда изображалась с полумесяцем на голове). *Юнона* — одна из верховных богинь в римской мифологии (соответствует Гере), всегда соблюдавшая верность своему супругу Юпитеру (Зевсу). ...*в элевзинской мистерии мая.* В Древней Греции, в г. Элевсин, устраивались ежегодно в феврале—марте элевсинские мистерии — религиозные празднества в честь богини земледелия Деметры и ее дочери Персефоны.

МГНОВЕНИЯ

120. Ст. I. С. 80, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Бедная кукла так неподвижно лежала» (*3*); «На человека она, как две капли воды, походила!» (*6*); Соч. I. С. 183.

121. ВИ. 1875. № 313. С. 11, подпись: С., с делением на два восьмистишия; Ст. I. С. 82, раздел «Думы и мотивы», то же деление; Соч. I. С. 184. Список — ИРЛИ. Ф. Р. III Оп. 1. № 1933. Состоит из 4 четверостиший, с вар.: «Возле ручейка» (*2*[*1*]); «Скромного цветка, —» (*4*[*2*]).

122. ВИ. 1875. № 316. С. 70, заглавие «Первый луч», с делением на три четверостишия, подпись: С., с вар.: «Солнце к нам в окошко светит в первый раз.» (*2*); «И с терпеньем глупым будет нам светить, / Помогая чахнуть и без цели жить.» (*5—6*); Ст. I. С. 23, раздел «Думы и мотивы», то же деление; Соч. I. С. 185.

123. Ст. III. С. 239, цикл «Из альбома одностороннего человека», с вар.: «Я не могу сказать, я должен был разбить!» (*2*); «Он легче прежнего, почти довольный, ставит» (*7*); Соч. I. С. 186.

124. Бр. П., 1876. С. 308, заглавие «Ребенку», с вар.: «Обрисует леса — великан пропадет —» (*7*); Ст. I. С. 79, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «И леса осветит — великан пропадет —» (*7*); Соч. I. С. 188.

125. ВИ. 1895. № 1353. С. 6, с вар.: «Отчего, отчего вы устали?» (*4*); Соч. I. С. 189.

***126.** Ст. I. С. 81, раздел «Думы и мотивы», состояло из трех четверостиший; Соч. I. С. 190.

***127.** Художественный журнал. 1882. № 10. С. 189—190, загл. «Статуя Богоматери и женщина», состояло их трех строф; Ст. IV. С. 91, раздел «Лирические», загл. «Статуя Богоматери»; Соч. I. С. 192.

***128.** Ст. I. С. 20, раздел «Думы и мотивы», стояло из трех строф; Соч. I. С. 193. *«Девятая симфония»* была написана Людвигом ван Бетховеном (1770—1827) в 1823 г. В предисловии к «Русской книге о Бетховене» (М., 1927) М. П. Алексеев писал, что это стихотворение «может служить интересным документом для анализа психологии музыкального переживания» (с. 179).

129. РВ. 1891. № 11. С. 264 с вар.: «Те и другие смертельно бледны,» (*4*); Соч. I. С. 194.

130. Ст. I. С. 76; Соч. I. С. 195.

***131.** Г. 1889. № 48. С. 757; Ст. IV. С. 132, раздел «Мгновения», с вар.: «Я принес домой с мороза» (*1*); «Дóма так привольно, сладко,» (*3*); Соч. I. С. 196.

***132.** Г. 1889. № 27. С. 430; Ст. IV. С. 133, раздел «Мгновения»; Соч. I. С. 197.

133—169. ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

Цикл печатался частями под названием «Из Черноземной полосы (картинки)» (РВ. 1883. № 10 и № 12 с пометой «Головино, 1883») и «Из черноземной полосы» (РВ. 1884. № 12, помечен «Головино. Июль 1884»). Под названием «Картинки из Черноземной полосы» вошел в Ст. IV с пометой «Село Головино» (Головино — поместье Случевского в Курской губернии). *Коринфский* Аполлон Аполлонович (1868—1936) — поэт, прозаик и критик, автор посвященных Случевскому стихов, хвалебных статей и книги «Поэзия К. К. Случевского. Этюд», (СПб., 1899).

I. РВ. 1884. № 12. С. 720, с вар.: «Его иначе и нельзя назвать...» (*16*); Ст. IV. С. 3—4; Соч. I. С. 201—202.

II. РВ. 1883. № 10. С. 848, с вар: «Горячий полдень. Конь проворно» (*1*); «Вверху знакомый вижу вид:» (*10*); Ст. IV. С. 5, та же редакция 10 строки; Соч. I. С. 202.

III. РВ. 1883. № 10. С. 849, с вар.: «Перемазаны в белила» (*3*); Ст. IV. С. 6—7, та же редакции 3 строки; Соч. I. С. 203.

IV. РВ. 1883. № 10. С. 849—850; Ст. IV. С. 8—9, с вар.: «Даже и в царской палати» (*14*); Соч. I. С. 203—204.

V. РВ. 1883. № 10. С. 850, с вар.: «Что красных маков раскидало» (*1*); Ст. IV. С. 10; Соч. I. С. 204—205.

VI. РВ. 1883. № 10. С. 852, с вар.: «Всем краскам дав приют,» (*2*); Ст. IV. С. 12—13; Соч. I. С. 205—206.

VII. РВ. 1883. № 10. С. 853, с вар.: «Чутко шеи иастрожа!» (*4*); «Если правда, очень ловко» (*9*); Ст. IV. С. 14; Соч. I. С. 206.

VIII. РВ. 1883. № 12. С. 904; Ст. IV. С. 15—16: Соч. I. С. 206—207. *Доезжачий* — старший псарь, распоряжающийся собаками на охоте. *Порскать* — криком направлять гончих на зверя.

IX. РВ. 1883. № 12. С. 903, с вар.: «Их нимало не крушат.» (*8*); Ст. IV. С. 17; Соч. I. С. 208. *Им — что шпаги Дон-Кихота* — намек на эпизод романа С. М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский», где герой сражается с ветряными мельницами. У Случевского также есть рассказ «Недавно найденная глава Дон-Кихота» (Соч. VI).

X. РВ. 1883. № 10. С. 850, с вар.: «Обучавшийся сызмала,» (*3*); «Видны: ямы, кирпичи...» (*8*); Ст. IV. С. 18; Соч. I. С. 208—209.

XI. РВ. 1884. № 12. С. 722—723, без деления на четверостишия, с вар.: «В ней ласка и невзгода» (*10*); Ст. IV. С. 19—20; Соч. I. С. 209—210.

XII. РВ. 1883. № 12. С. 903—904, с вар.: «Из молотилки льет зерно.» (*4*); «Но пыль так мощна,» (*6*); Ст. IV. С. 11; Соч. I. С. 210.

XIII. РВ. 1883. № 12. С. 907, с вар.: «Розовых вересков саваны длинные» (*1*); «Родина им, — а не тут!» (*4*); «Чтобы порою шепнуть:» (*6*); Ст. IV. С. 21, та же редакция 1 строки; Соч. I. С. 211.

XIV. Ст. IV. С. 22; Соч. I. С. 211—212. *При освящении даров* — одна из главных частей литургии, когда происходит преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову.

XV. РВ. 1883. № 10. С. 851; Ст. IV. С. 23; Соч. I. С. 212. *Неклен* — один из видов клена.

XVI. РВ. 1883. № 10. С. 853, с вар.: «И будут светлым днем видны» (*10*); Ст. IV. С. 24; Соч. I. С. 212—213.

XVII. Ст. IV. С. 25, с вар.: «Помяты, никогда не сыты, / Все в клочьях от великих драк,» (*5—6*); Соч. I. С. 213.

XVIII. РВ. 1884. № 12. С. 721, с вар.: «Совсем как шлемы! Чередою, — / Мне полночь сказку говорит, —» (*9—10*); «Нас, целовавших тот же крест.» (*20*); Ст. IV. С. 26—27; Соч. I. С. 213—214

XIX. Ст. IV. С. 28; Соч. I. С. 214—215. *Проклятье ли прабабки Евы* — проклятие, наложенное Богом после грехопадения, когда Бог сказал Адаму: «<...> за то, что ты послушался голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей <...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...» (Быт. 2. 17—19). *Иль крест Голгофы в третий час* — о распятии Иисуса Христа на Голгофе: «Был час третий, и распяли Его» (Мк. 15. 25).

*XX. РВ. 1883. № 10. С. 851, без 4-й строфы; Ст. IV. С. 29—30; Соч. I. С. 215—216.

XXI. Ст. IV. С. 31, с вар.: «Будто впервые узрели они» (*5*); Соч. I. С. 216. Машинописный автограф — ИРЛИ. Ф. РIII. Оп. 1. № 1934. Л. 21.

XXII. РВ. 1884. № 12. С. 723, с вар.: «Выходила на леваду...» (*5*); Ст. IV. С. 32—33; Соч. I. С. 216—217. *Левада* — участок близ усадьбы (селения) с сенокосным лугом, огородом и деревьями. *Сфинксы с мертвой головой* — бабочка Acherontia atropos, имеющая на спине рисунок, похожий на череп (здесь калька с её французского названия — sphinx tête-de-mort). *Ионийская* — греческая.

XXIII. РВ. 1884. № 12. С. 722; Ст. IV. С. 34; Соч. I. С. 217. *Петел* (архаизм) — петух. *Иль я отрекся от себя?..* — аналогия с апостолом Петром, который в соответствии с предсказанием Христа («прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня») трижды отрекся от взятого под стражу Спасителя (Мф. 26. 69—75).

XXIV. Ст. IV. С. 35—36; Соч. I. С. 218.

XXV. РВ. 1884. № 12. С. 722, с вар.: «Сквозила завязь из цветов;» (*10*); «Как самоцветные опалы,» (*15*); Ст. IV. С. 37—38; Соч. I. С. 218—219.

XXVI. Ст. IV. С. 39; Соч. I. С. 219—220.

XXVII. РВ. 1883. № 12. С. 906—907, с вар.: «Большие льдины долом разложило —» (*3*); Ст. IV. С. 40, с вар.: «Задвинуть прошлое весна взяла почин,» (*10*); Соч. I. С. 220.

XXVIII. Ст. IV. С. 41; Соч. I. С. 221.

XXIX. Ст. IV. С. 42, с вар.: «Большая тяжесть ветви склóнит,» (*6*); Соч. I. С. 221.

*XXX. РВ. 1884. № 12. С. 724; Ст. IV. С. 43—44: Соч. I. С. 222

XXXI. РВ. 1883. № 12. С. 906, с вар.: «Белеет утренник по скатам / Поросших рощами холмов; / Великим заревом объято» (*1—3*); Ст. IV. С. 45, та же редакция 1—3 строк, с вар.: «И будто длинной бахромою» (*9*); Соч. I. С. 222 — 223.

XXXII. РВ. 1883. № 12. С. 906, с вар.: «Тихонько роняли они!» (*8*); Ст. IV. С. 46; Соч. I. С. 223.

XXXIII. РВ. 1883. № 12. С. 905, с вар.: «Пятном с высокой высоты,» (*6*); «И зелень редкая сосны.» (*12*); Ст. IV. С. 47, та же редакция 6 строки; Соч. I. С. 224.

*XXXIV. Скл. 1874. С. 83, заглавие «В степи зимою», с вар.: «Планетарной немоты, / Не нашедшей разрешенья, —» (*6—7*); Ст. IV. С. 48 (новая редакция); Соч. I. С. 224. Первая корректура — ИРЛИ. Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1134. Л. 4 (см. прим. 106), та же редакция 6 строки, что и в «Складчине», и с вар.: «И законов тяготенья.../ Что же мы с тобой, что ты?» (*7—8*). Вторая корректура — ИРЛИ. Ф. 357 (Собр. В. И. Яковлева). Оп. 2. № 340, та же редакция 7 строки, что и в «Складчине», и с вар.: «Что же значим — я, да ты?!» (*8*). Уже после одобрения стихотворения Н. А. Некрасовым (см. прим. 53 и 106) Случевский хотел исключить стихотворение из подборки в «Складчине». 17 февраля 1874 г. он писал Некрасову: «Если не поздно, многоуважаемый Николай Алексеевич, то примите прилагаемые стихотворения вместо того, которое не принято, и вместо последнего "В степи зимою"» (Мирошникова О. В. Некрасовская традиция и творческое самоопределение К. К. Случевского // Н. А. Некрасов и русская литература. Ярославль, 1977. С. 94). На письме Некрасовым сделана помета: «Поздно», а в протоколе заседания Комитета по изданию «Складчины» от 18 февраля 1874 г. записано: «Назначены к

возвращению стихотворения <...> К. Случевского» (Теплинский М. В. Н. А. Некрасов и литературный сборник «Складчина» // О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. 3. Ярославль, 1971. С. 255, 257).

XXXV. РВ. 1883. № 10. С. 854, с вар.: «Над помазуемым елеем» (*3*); «Слова молитв как будто тьма» (*6*); «Над отходящим поднялись» (*10*); Ст. IV. С. 49, та же редакция 3, 10 строк и с вар.: «Слова молитв — большая тьма» (*6*); Соч. I. С. 225. *Над помазуемой елеем* — таинство соборования, совершающееся над тяжко больным, умирающим, включает в себя чтение особых молитв, семи отрывков из Евангелия и семикратное помазание елеем.

XXXVI. РВ. 1884. № 12. С. 724; Ст. IV. С. 50—51; Соч. I. С. 225—226.

XXXVII. Ст. I. С. 65, заглавие «Кладбище в селе Головине» с вар.: «Все пронесшие тяжелые кресты.» (*4*); Соч. I. С. 226.

170—185. МУРМАНСКИЕ ОТГОЛОСКИ

Цикл печатался частями под заглавием «На Мурмане»(РВ. 1888. № 4; 1889. № 3), «Северные мотивы (На Мурмане)» (РВ. 1889. № 12), «Из мурманских отголосков» (Север. 1889. № 20, 48). Под заглавием «Мурманские отголоски» цикл вошел (15 стихотворений) в Ст. IV. В Соч. I был пополнен и незначительно переформирован. Возник в результате путешествия летом 1885 года в Архангельск, на Белое море и Кольский полуостров. Впечатления от путешествия отразились в книгах Случевского «По северу России» (Т. 2. СПб., 1886. С. 1—128) и «По северо-западу России» (Т. 1. СПб., 1897. С. 74—386) и в прозаическом цикле «Мурманские рассказы» (Соч. IV). *Трубачев* Сергей Семенович (1864—1907) — журналист, работал в редактируемой Случевским газете «Правительственный вестник».

*I. РВ. 1888. № 4. С. 300; Ст. IV. С. 55; Соч. I. С. 229.

II. Тр. 1889. № 23. С. 470, с вар.: «Может песни не признать,» (*12*); Ст. IV. С. 56—57, та же редакция 12 строки; Соч. I. С. 230.

III. РВ. 1889. № 3. С. 252 с вар.: «Ярко блеснув, да багровый туманится» (*11*); Ст. IV. С. 58; Соч. I. С. 230—231.

IV. РВ. 1888. № 4. С. 299—300, с вар.: «Дерзких, маленьких людей.» (*20*); Ст. IV. С. 59—60: Соч. I. С. 231—232.

*V. РВ. 1889. № 12. С. 184—185. Ст. IV. С. 61—62; Соч. I. С. 232—233.

VI. Ст. IV. С. 78—79, с вар.: «Плавни, плесы, позвонки.» (*12*); Соч. I. С. 233—234.

VII. Ст. IV. С. 64, с вар.: «То каких-то мечтаний безличные трупы,» (*7*); Соч. I. С. 234—235.

VIII. Тр. 1889. № 23. С. 471, с вар.: «Переломанных пластов;» (*4*); «Чем не ряд подвижных шуток, / Чем не легкий фельетон?» (*15—16*); Ст. IV. С. 65—66, та же редакция 15—16 строк; Соч. I. С. 235.

IX. Тр. 1889. № 23. С. 471—473, с вар.: «Удлиняется в отлив;» (*12*); «Солнце светит день и ночь!» (*24*);«Ждать покрутчиков на срок» (*34*);

Ст. IV. С. 67—69, та же редакция 12 и 34 строк; Соч. I. С. 236—237. *Бабье царство.* В 1893 г. А. П. Чехов закончил рассказ под названием «Бабье царство», но сведений о знакомстве его именно с этим стихотворением Случевского нет. *Кичка* — старинный русский праздничный головной убор замужней женщины. *Новгородский, вечевой.* Предки поморов (этнографическая группа русских на побережье Белого и Баренцева морей), в основном, выходцы из древнего Новгорода. *Укрощать полет ветров* — Случевский описывает обряд укрощения ветра поморскими женщинами в рассказе «Моленье ветру» (цикл «Мурманские рассказы»).

*X. РВ. 1889. № 3. С. 253; Ст. IV. С. 70—71; Соч. I. С. 237—238.

XI. Ст. IV. С. 72—73; Соч. I. С. 239.

XII. Север. 1889. № 48. С. 942, заглавие «Из мурманских отголосков», с вар.: Чтоб опрокинуться над дном...» (*24*); Ст. IV. С. 74—75, та же редакция 24 строки, с вар.: «Прилив не ждет! Вдруг забежит» (*10*); Соч. I. С. 239—241. *Водомет* — фонтан.

XIII. РВ. 1889. № 3. С. 252—253, без последних двух строф; Ст. IV. С. 76—77, с вар.: «Что близко к ним, едва южней,» (*14*); Соч. I. С. 241—242. *Яйла* — горная гряда вдоль побережья Крыма. Мотив растущих на юге и севере деревьев ср. с Г. Гейне в переводе М. Ю. Лермонтова. «На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна».

XIV. Север. 1889. № 20. С. 386, заглавие «Из мурманских отголосков», посвящено А. П. Молчанову, с вар.: «Из тяжких недр земли насильственно подъяты,» (*1*); «Насколько твердь земли от вод обнажена, —» (*13*); Ст. IV. С. 63, та же редакция 13 строки, с вар.: «Тысячеверстною красуются стеной» (*4*); Соч. I. 242.

XV. Ст. II. С. 223, с вар.: «И мечтаются контуры» (*13*); «Изможженные фигуры / Сатурналий их...» (*15—16*); Соч. I. С. 243.

XVI. РВ. 1889. № 12. С. 184, с вар.: «У них не так ярка бывает синь черты,» (*5*); «Царит торжественно и дышит на просторе.» (*8*); Ст. IV. С. 80; Соч. I. С. 243—244. *Луды* — подводные или надводные плоские камни, мели. *Геллеспонт* — древнегреческое название пролива Дарданеллы.

ИЗ ПРИРОДЫ

*186. ОЗ, 1860. № 5. С. 168, без заглавия; ВИ. 1871. № 147. С. 270, заглавие «Весной», подпись: И. (перепечатано в Р. п.); Ст. I. С. 8, раздел «Думы и мотивы», с вар.: «К стране счастливой и иной,» (*6*); Чужим землям и людям дальним,» (*11*); Соч. I. С. 247.

187. ВИ. 1896. № 1417(13). С. 333, заглавие «Светлое Христово Воскресение», с вар.: «И первый для него цветок,» (*10*); Соч. I. С. 248.

*188. Ст. II. С. 205—206, второе четверостишие на месте третьего; Соч. I. С. 249—250. *Суворина* Анна Ивановна (урожденная Орфанова, 1858—1936) — вторая жена (с 1875 г.) журналиста и издателя А. С. Суворина, в чьей газете «Новое время» состоялся второй «дебют» Случевского — публикация поэмы «В снегах» (1879). Мотив «цветка в кни-

ге» ср. А. С. Пушкин «Цветок». Трагические религиозные ассоциации возникли, возможно, из-за атмосферы семейной жизни Сувориных: несмотря на любовь юной жены, Суворин был разочарован женитьбой (позже брак осложнился взаимными изменами). Ср. также с темой жизни как «бездны слез и страданий» в стихотворении «Майское утро» В. А. Жуковского.

*189. ОЗ. 1860. № 5. С. 167, заглавие «Утро в деревне»; Скл. 1874. С. 80, с заключительными строками: «И, кажется, сюда, в блеск этого простора, / Не ходят призраки — ни голода, ни мора!» (*17—18*); Ст. I. С. 85, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. I. С. 251. Первая корректура Скл. — ИРЛИ. Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1134. Л. 1 об. (см. прим. 53 и 106), та же редакция 17—18 строк.

190. Совр. 1860. № 1. С. 328, заглавие «Прощанье лета», с вар.: «Щеки бледны, очи неподвижны, / Волоса опушены снегами...» (*15—16*). Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16. Ст. I. С. 87—88, раздел «Картинки и фантазии», заглавие «Прощанье лета», с вар.:. «Я уйду — роскошная смуглянка —» (*9*); Соч. I. С. 252.

191. Север. 1891. № 11. С. 645—646, с делением на три четверостишия и с вар.: «Вдоль могучих корней» (*2*); Соч. I. С. 253.

*192. Ст. I. С. 49—50, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 254—255.

*193. Н. 1880. № 8. С. 150, без заглавия; Ст. II. С. 211; Соч. I. С. 257.

194. Совр. 1860. № 2. С. 749, с делением на два восьмистишия, с вар.: «И проходят одни сквозь других; / Светят лики неясные их,» (*13—14*). Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Ст. I. С. 90, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. I. С. 258.

*195. Ст. I. С. 35, раздел «Думы и мотивы»; Соч. I. С. 259.

*196. Н. 1884. № 22. С. 518, без заглавия; Ст. IV. С. 105, раздел «Лирические», с вар.: «Но зато вы в области радостей людских.» (*12*); Соч. I. С. 260.

197. Ст. IV. С. 83—84, раздел «Лирические»; Соч. I. С. 261—262.

198. Ст. I. С. 86, раздел «Картинки и фантазии», с вар.: «Разгораясь в утренних лучах» (*8*); «И пошлет наш мир дождем кропить!» (*16*); Соч. I. С. 263.

*199. Ст. II. С. 170—171; Соч. I. С. 265—266. *Милюков* Александр Петрович (1817—1897), литературный критик. Приглашался в 1867 г. бывшим университетским товарищем, А. Н. Майковым, присутствовать при чтении брошюр Случевского «Явления русской жизни под критикою эстетики» (Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 343; здесь опечатка: вместо Милюкова — «Мамонов»), а в 1889 г. — при чтении Случевским очерка о Достоевском (письмо Случевского к А. Г. Достоевской, см.: Мазур Т. П. Достоевский и Случевский // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 3. Л., 1978. С. 214).

*200. Г. 1889. № 35. С. 559; Ст. IV. С. 125—126, раздел «Лирические», та же редакция (строка 15 — в окончательном варианте), посвящено А. П. Молчанову; Соч. I. С. 267—268. Отмечалась связь с «Разговором 7 апреля 1832 года» П. А. Вяземского (Ст.-1983, 219).

*201. Ст. I. С. 99—100, раздел «Картинки и фантазии», подзаголовок «Отрывок»; Соч. I. С. 269—270.

202—211. МЕФИСТОФЕЛЬ

Впервые был напечатан в Ст. II под заглавием «Мефистофель (Отрывки)», так что, возможно, первоначальный замысел был шире, чем создание отдельного цикла. К фаустовской теме обращался и в рассказе «Фауст в новом пересказе» (Соч. V). 20 марта 1881 г. Случевский приглашал А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и Н. Н. Страхова на чтение 22 марта в салоне Е. А. Штакеншнейдер «Мефистофеля гуляющего по свету», попутно сообщая: «Работа идет быстрее, чем я ждал и чуть не опережает мысли» (письмо Страхову — РГБ. Дост. II. 8. 108). *Мефистофель* — дух зла, дьявол, действующее лицо народных книг о немецком ученом Фаусте, продавшем душу дьяволу, а также последующих литературных обработок легенды, в том числе, трагедии «Фауст» И.-В. Гете.

*I. Ст. II. С. 121—122; Соч. I. С. 277—278. *Пустельга* — здесь в значении «пустое, вздор, ничтожное дело».

*II. Ст. II. С. 123—125; Соч. I. С. 279—280, без 10-й строфы. Ср. аналогичное название «На прогулке» одной из сцен первой части гетевского «Фауста».

*III. Ст. II. С. 126; Соч. I. С. 280—281.

*IV. Ст. II. С. 127—128; Соч. I. С. 281—282.

*V. Ст. II. С. 129—131; Соч. I. С. 282—284. *Jockey Club, Ilang Ilang* — название духов.

*VI. Ст. II. С. 132—133; Соч. I. С. 285—286, без 1-й строфы.

*VII. Ст. II. С. 134—136; Соч. I. С. 286—288. *Астарот* (Астарта) — финикийская богиня плодородия, материнства и любви. *Кябиры* (кабиры) — в греческой мифологии божества плодородия и покровители мореплавания, почитавшиеся на островах Средиземного моря, в первую очередь, на острове Самофракия *(Самотракии)*, где их культ носил характер мистерий. *Кардинал де Рец* — имеется в виду Жиль де Рец (1400—1440), маршал Франции, сподвижник Жанны Д'Арк, известный своими преступлениями (а не кардинал де Рец — Ж.-Ф. де Гонди, политический деятель, мемуарист XVII в.). *Елена* — в греческой мифологии жена спартанского царя Менелая, прекраснейшая из женщин; ее похищение троянцем Парисом стало поводом к Троянской войне (см. также прим. 236).

*VIII. Ст. II. С. 137—138; Соч. I. С. 288—289. *Отчитаны*— т. е. над ними прочитаны заупокойные молитвы.

*IX. Ст. II. С. 139—140; Соч. I. С. 289—290. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение. *Платон* (428/427— 348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, учитель другого выдающегося философа Древней Греции — *Аристотеля* (384— 322 до н. э.).

*X. Ст. II. С. 141—142; Соч. I. С. 290—291.

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

Цикл зародился в начале 1870-х гг.: в 1871 г. в № 151 «Всемирной Иллюстрации» появились стихи «Из книжки нервного наблюдателя»

и «Из книжки желчного наблюдателя» под псевдонимом П. Телепнева. На идею цикла Случевского, видимо, натолкнул «Альбом Ипохондрика» Н. Ф. Щербины, вошедший в Поли. собр. соч. поэта 1873 г., в подготовке которого Случевский мог принимать участие. В письме от 18 апреля 1869 г. Г. П. Данилевский сообщал: «...посылаю Вам, по Вашей просьбе, для Д. В. Аверкиева, собственную записку о себе Щербины» (ГИМ. Ф. 359. № 65. Л. 1). Этой автобиографической запиской открывались сочинения Щербины 1873 г. (материалы о Щербине печатались и во «Всемирной иллюстрации» — 1869. № 18). Под заглавием «Из альбома одностороннего человека» вошел как цикл в Ст. III. В Соч. IV был переименован и переформирован. Печатается с значительными сокращениями.

212. Еженедельное Новое время. 1880. № 99. С. 450, заглавие «Романс» с вар. «На, брат, жил ты за границей —» (*7*); Ст. II. С. 215, заглавие «Романс»; Соч. I. С. 296. *Ментона* — город-курорт на Средиземноморском побережье Франции.

213. Ст. III. С. 226, с вар.: «Из сплетен и желудочных расстройств,» (*4*); Соч. I. С. 296.

214. Ст. III. С. 225, с вар.: «Которое с утра от солнца в них легло!» (*4*); «Как крепки все они в призваниях своих, — / Когда они реку вдоль берегов ведут,» (*6—7*); Соч. I. С. 297.

215. Ст. III. С. 226, без 7 строки; Соч. I. С. 297.

216. Ст. III. С. 227: 4, 1, 2, 3; с перестановкой стихов в первой строфе: 4, 1, 2, 3; Соч. I. С. 298.

***217.** Ст. III. С. 229; Соч. I. С. 298.

218. Ст. III. С. 231, с вар.: «Сном могилы смерть перевязала / И сложила, будто бы, под гнет;» (*3—4*); Соч. I. С. 299.

219. Ст. II. С. 214; Соч. I. С. 301. *Малахов курган* — высота юго-восточнее Севастополя, прославлена обороной во время Крымской войны (см. прим. 84), тут получили смертельные раны три адмирала русского флота — В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин. Рассказ о названии кургана, видимо, из области местных преданий.

***220.** ВИ. 1871. № 151, стр. 327, заглавие «Из книжки нервного наблюдателя», подпись: П. Телепнев, с добавлением третьего четверостишия, как диптих с № 656. Ст. III. С. 242, без деления на четверостишия, с вар.: «Что над ним таится;» (*2*); «Ей преемник мой поверил, / Верен мой предместник!!» (*11—12*); Соч. I. С. 304.

221. Ст. III. С. 244, с вар.: «И травит в сознаньи человека / Мощной мысли злая кислота...» (*3—4*); «Нет! такой, такой татуировки» (*7*); Соч. I. С. 304.

222. Ст. III. С. 246, с вар.: «Рот мой скривился... я право не знаю:» (*7*); Соч. I. С. 305. Ср. с «Песней зеваки» П. А. Вяземского.

223. Ст. III. С. 248, без деления на четверостишия и с вар.: «У нас действительность кишит;» (*4*); «Из этой массы пустосвятств,» (*6*); Соч. I. С. 306. *И ста Вестминстерских аббатств.* Вестминстерское аббатство — готическая церковь (1245—1745) в Лондоне, в районе Вестминстер, усыпальница английских королей, видных государственных деятелей и знаменитых людей. *Не хватит нам ста Пантеонов —*

Римский пантеон, античный храм, где затем стали хоронить выдающихся людей Италии, или церковь Сент-Женевьев в Париже, ставшая Французским Пантеоном в 1791 г. в период Великой французской революции.

224. Ст. III. С. 249, с вар.: «Чем он страдает? чем он оскорблен» (*9*); Соч. I. С. 306. *И что мешает счастью?.. Он умен* — ср. «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

225. Ст. III. С. 254, с вар.: «Любезный штемпель: С. П. Б.» (*4*); Соч. I. С. 308. *bébé* — дитя (фр.). *С. П. Б.* — сокращенное Санкт-Петербург.

226. Ст. III. С. 229, с вар.: «Feiner Koch!! и весьма уважает опрятность...» (*8*); Соч. I. С. 309. *Фавн* — древнеримский бог плодородия, покровитель полей, лесов и скотоводства. *Антик* — здесь: человек с необычными, устарелыми привычками, взглядами; чудак. *Силен* — в греческой мифологии покровитель плодородия, часто изображался в виде уродливого человека с лошадиным хвостом и копытами, иногда как дружелюбный, мудрый, иногда как похотливый, позже силены вместе с сатирами были присоединен к свите Диониса и стали связываться с символикой вина. *Сократ* (470—399 г. до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как отыскания истины, учитель Платона (см. прим. 202—211 (IX)).

227. ВИ. 1873. № 209 (1). С. 10 с вар.: «И в будущем году запразднуют опять, / И будет Новый год, то здесь, то там, обидой...» (*5—6*); Ст. III. С. 255; Соч. I. С. 309. В ВИ входило в анонимный фельетон «Новый год» со следующим комментарием: «Вот, например, вспоминаем мы одного из своих добрых знакомых. Не знаем, даже, жив ли он? Это был добрейший малый, начинавший службу в трех министерствах и нигде ее не кончавший; предпринявший три путешествия кругом света, и все три раза остановившийся в Париже; бывший три раза женатым и все три раза разводился он со своими женами, сохранив за собой право жениться. <...> Так вот, изволите ли видеть, этот добрый малый, был, между прочим, собирателем всяких куриозов и вот вам стихотворение, записанное им в его дневнике; оно касается нового года и поэтому вспоминается нам весьма кстати <...> Стихотворение это, недурное по фактуре стиха, не имеющее, конечно, ни малейшей претензии на какую бы то ни было поэтическую характерность, приводится нами не по безотносительному достоинству своему, сколь потому, чтобы сообщить, откуда списал его наш приятель <...> На меню великолепного обеда, украшенного рисунком профессора Шарлеманя». *Святцы* — здесь: церковный календарь, список святых и праздников в календарном порядке.

228. ОВ. 1857. № 3. С. 120, с датой 18 марта 1857 г., подпись: К. С., с вар.:«Что жизнь идет у нас без цели...» (*11*); «Нет в нем чести, предан он пороку;» (*14*); «Что отец ее скончался; к сроку» (*16*); Мода. 1857. № 19. С. 426, заглавие «Она», без даты, с вар.: «И что жизнь идет у нас без цели» (*11*); Соч. I. С. 310.

229. Ст. III. С. 249; Соч. I. С. 311.

230. Ст. III. С. 233, с вар.: «Вот нарожденья каждых суток, / И нашу землю, странный вид! / От них, как голову кружит?» (*15—17*(*16*)); Соч. I. С. 312.

БАЛЛАДЫ, ФАНТАЗИИ И СКАЗЫ

231. Совр. 1860, № 1. Стр. 324—325, с вар.: «Выходит наяда из вод.» (*12*); «Под утро уходит наяда,» (*33*). Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16. Ст. I. С. 109—110, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 3—4 (см. прим. 232). *Быков* Петр Васильевич (1844—1930) — поэт, литературный критик, переводчик, библиограф. Случевский фигурирует в его воспоминаниях «Силуэты далекого прошлого» (М.; Л., 1930). Мотив безответной любви русалки к мертвому витязю ср.: «Русалка» М. Ю. Лермонтова. *Гладиатор* — в Древнем Риме раб или военнопленный, сражавшийся на арене цирка с дикими зверями или с другим гладиатором. *В своем заколдованном сне* — ср.: в финале поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» — «А Дарья стояла и стыла / В своем заколдованном сне» (Бухштаб Б. Я. Чужие строки в стихах Некрасова // Некрасовский сборник. Вып. 8. Л., 1983. С. 103—105).

*232. Совр. 1860. № 1. С. 327—328 (корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16); Ст. IV. С. 160—161, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 5—6. Ср. с «Весталкой» Н. Ф. Щербины и с посвященной ему «Весталкой» П. Я. Полонского. Д. И. Писарев, переписав в свой альбом стихи Случевского «Статуя», «На кладбище» и «Весталка», возле стихотворения «Весталка» сделал иа полях приписку: «Это очень хорошая штука» (Записки государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 9. Н. А. Некрасов и Д. И. Писарев. М., 1940. С. 50). *Весталка* — в Древнем Риме жрица, поддерживавшая негасимый священный огонь перед алтарем богини домашнего очага Весты; весталок в случае нарушения обета безбрачия замуровывали заживо. *Ликторы* — почетная стража высших должностных лиц римской республики и некоторых жрецов, несли охрану и во время телесных наказаний, смертных казней. *Эдилы* — чиновники в Древнем Риме.

*233. ОЗ. 1860. № 3. С. 219—220; Ст. IV. С. 153—156, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 7—10. В пародии Н. Л. Гнута (Н. Ломана) под названием «Коварство и любовь» (Искра. 1860. № 25), жрец превратился в квартального, а жрица — в проститутку:

Я доживал в одном квартале
Десятый год,
Но вот почил квартальный вмале —
Я просьбу в ход
К стопам начальства припадая,
Квартал просил.
И как-то вывезла кривая:
Наш утвердил... и т. д.

Ср. с «Жрицей Изиды» В. Я Брюсова; причем Брюсов слушал стихотворение Случевского в авторском исполнении: «<...> попросили его прочесть "Когда я был жрецом Мемфиса" — из его юношеских стихотворений, — он встал, выпрямился и прочел голосом как молот, — великолепно...» (Брюсов В. Я. Дневники 1891—1910. М., 1927. С. 64). *Мемфис* — древнеегипетский город, в 28—23 вв. до н. э. — столица Египта. *Озирис* (Осирис) — древнеегипетский бог, царь загробного мира. *Фта* (Птах) — в египетской мифологии бог города Мемфиса, мемфисские жрецы считали его творцом первых богов и самого мира.

234. Соч. II. С. 11—12. *Геката* — в греческой мифологии покровительница ночной нечисти, колдовства. *Кер* — в греческой мифологии Керы (дети богини Ночи) — божества несчастья и смерти, подстерегающие людей и ведущие их к гибели.

235. Ст. I. С. 120—121, раздел «Картинки и фантазии», с делением на 3 строфы, с вар.: «Вышел, глядит: с набегавшею пеною споря,» (*29*); Соч. II. С. 13—14. *Ифимедия* — в греческой мифологии дочь Трнопа, сына бога моря Посейдона; у Гомера Одиссей видит тень Ифимедии: «Ифимедию, жену Алоэя, потом я увидел; / С ней сочетался — хвалилась она — Посейдон земледержец» (XI, 305—306, пер. В. А. Жуковского). *Эвбейское* море — море между Грецией и островом Эвбея. *Алоэ* (Алоей) — муж Ифимедии, по одной из версий, также сын Посейдона. *Нептун* — в древнеримской мифологии бог моря (отождествлялся с Посейдоном). *Тритон* — в греческой мифологии морское божество, сын Посейдона, тритоны изображались с человеческим туловищем и рыбьим хвостом. *Дриады* — в греческой мифологии нимфы деревьев.

*236. Ст. IV. С. 157—159, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 15—16. *Приам* — мифический царь Трои, персонаж «Илиады» Гомера. *Троя* — древний город в Малой Азии. *Разбужено киркой, встревожено лопатой* — раскопки 1871—1890 гг. под руководством немецкого археолога Генриха Шлимана (1822—1890), обнаружившего остатки Трои. *Гектор* — сын Приама, один из героев «Илиады» (см. также прим. 208). Сопоставлялось со стихами «Из античного мира» Л. Мея (Ст.-1983, 219).

*237. И. 1859, № 73. С. 359, заглавие «Памяти Гейне»; Ст. IV. С. 210—214, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 17—21. Вариация на стихотворение Г. Гейне «Боги Греции»: «Нет, не поверю вовек: это не облака! — / Это сами боги, боги Эллады, / Что некогда радостно правили миром, / А ныне из царства забвенья и смерти / Явились, как призраки гигантские, / В небе полночном...», а через него полемически связано и с «Богами Греции» Ф. Шиллера, где боги «ушли, и все, что вдохновенно, / Что прекрасно унесли с собой». *Архипов* Иван Павлович (1839—1897) — ученый химик. *Валгалла* (Вальхалла) — в скандинавской мифологии дворец Одина на небесах, куда попадают погибшие в битвах войны-храбрецы. *Оден* (Один) — верховный бог в древнескандинавских верованиях. *Перун* — в славянской мифологии бог грозы (грома); в пантеоне Киевской Руси почитался как высший бог; его идол имел серебряную голову и золотые усы. *Как же обтер тебя, бедного, Днепр мутноводный?* После принятия христианства на

Руси, идол Перуна был сброшен в Днепр; о Перуне см. рассказ Случевского «Бронзовые кони (времени крещения Руси)» (Соч. IV). *Гридница* — помещение при княжеском дворе для пребывания гридней (дружинников) или для приема гостей. *Юпитер* — верховный бог у древних римлян (см. также прим. 119). *Вишну* — один из высших богов индуистской мифологии. *Ли безобразный* — Лэй-Гун, китайский бог грома. *Брамин* (брахман) — жрец бога Брахмы в Индии. *Скальды* — древнескандинавские поэты-певцы 9—13 вв. *Друиды* — жрецы у древних кельтов. *Афродита* — см. прим. 119. *Астарта* — см. прим. 202—211 (VII).

***238.** Ст. IV. С. 162—164, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 22—24. Ср. с последними сценами пушкинской драмы «Русалка».

***239.** Совр. 1860. № 1. С. 328—329 (корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16); Ст. I. С. 103—104, раздел «Картинки и фантазии» с вар.: «И тени в громадных размерах своих» (*5*); «С остынувших щек старика-мертвеца,» (*20*); Соч. II. С. 25—26. Тема незримых людских вздохов ср. с темой незримых людских слез у Ф. И. Тютчева («Слезы людские, о слезы людские...»; см. также прим. 735).

***240.** Н. 1895. № 19. С. 448—450, с нумерацией четверостиший, без последней строфы; Соч. II. С. 27—30. *Араукария* — род хвойного дерева в Австралии и Южной Америке.

241. КН. 1889. № 6. С. 1—3 (отдельная пагинация), без посвящения, с вар.: «То был позор магистратуре:» (*15*); «Пустил из рук все шесть вожжей...» (*45*); Ст. IV. С. 207—209, раздел «Баллады и сказы», та же редакция 15 строки; Соч. II. С. 31—33. *Сапиенца* Дмитрий Петрович (умер в 1901 г.) — журналист. *Брави* (ит.) — храбрые; удальцы. *Сбиры* — сыщики, солдаты полиции в Италии до XIX в.

***242.** Н. 1895. № 15, стр. 352, заглавие «Огненный всадник», без посвящения и с нумерацией четверостиший; Соч. II. С. 34—38. Первоначальное заглавие было «Угар», о нем А. Н. Майков писал Случевскому: «Вот видите, милейший друг, надобно лично передать Вам то что я желал бы сказать об Угаре <...> Главное в пьесе, брюхо ее, есть сожжение владыки — но этому существенному недостает рамки. Где вы угорели — едучи ли или как, где, неизвестно, да я и не знаю можно ли угореть на воздухе, а не в избе, или в комнате. Поэтому, сохранив описание, как вы ехали по пожарищу, оставить как есть, но засим добрались до избы лесника или ...и легли спать, и тут видите сон — это сожжение, да пожалуй и вас хотят сжечь в свите царя — кидают в пламя и вы просыпаетесь. Что-нибудь в этом роде, а то неопределенность всего очерка, если бы вне пространства и времени и без определенности образа вас-то, т. е. действующего лица — делает пьесу туманною. Прочли, скажут, Бог его знает, что он хотел сказать. А мотивы-то и картины таковы, что грех не заняться обстановкой или рамкой. Очень бы хотелось, чтобы Вы прониклись тем, что я хочу сказать, я уверен, что выиграла бы пьеса; такой чудесный художественный мотив жаль погубить» (Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 346). *Вейнберг* Леонид Борисович (1852—1901) — историк-археолог, помогал Случевскому при подготовке к изданию его книги «По северо-западу России» (СПб., 1897). *Безобразны, злы, несметны*
Уж не тризну ль тут творили — ср. с пушкинскими «Бесами»:

«Бесконечны, безобразны ~ Домового ли хоронят». Образ мертвого царя, нагоняющего в лесу всадника, в какой-то мере перекликается с образом лесного царя из одноименной баллады И.-В. Гете.

*243. Север. 1888. № 23. С. 1—2, заглавие «Баллада», посвящено графу А. А. Голенищеву-Кутузову, с дополнительной строфой между 13 и 14 четверостишиями окончательной редакции; Ст. IV. С. 189—196, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 39—45. Ср. с лермонтовским «Спором». *Ширяев* Сергей Осипович — сотрудник Случевского по газете «Правительственный вестник», занимал должность помощника редактора. *Паладин* — здесь — доблестный рыцарь. *Ной* — библейский праведник, спасшийся с семьей во время всемирного потопа. *Хитон* — одежда древних греков. *Домострой* — памятник русской литературы XVI в., свод житейских правил и наставлений. *«De profundis» запоют* — первые слова псалма 129 («Из глубины воззвах к тебе, Господи»), у католиков читается как отходная молитва над умирающим.

*244. Ст. IV. С. 178—182, заглавие «Петр I и воры», раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 46—49. Сюжет мог быть навеян сведениями о поездках Петра I на строительство Вышневолоцкой водной системы, где в 1719 г. были обнаружены злоупотребления и непорядки (Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1947. С. 253), а также о Ладожском канале, где бывший обер-прокурор Скорняков-Писарев в 1724 г. допустил «потачку и недосмотр». *Синклит* — полный состав каких-либо высокопоставленных лиц.

*245. РВ. 1883. № 5. С. 300—301, заглавие «Песня о потешных», с примечанием «Пелась на празднике Семеновцев 24 мая», без последних шести строк; Ст. IV. С. 183—185, раздел «Баллады и сказы» с подзаголовком «Семеновская песня» и вар.: «Стала первой в ряд!» (*6*); «Чтобы был шабаш проказам» (*32*); Соч. II. С. 50. *Семеновский полк* — старейший полк русской гвардии, сформирован Петром I в конце XVII в. из «потешных» войск села Семеновское; в этом полку после кадетского корпуса служил и Случевский. *Бухвостов* Сергей Леонтьевич (1659 — 1728) — первым записался в потешное войско Петра в 1683 г. (отсюда слова Петра I о нем — «первый российский солдат»), в 1687 г. зачислен в Преображенский полк. *Фузея* — старинное кремневое ружье. *Кожухов поход* (по названию подмосковной деревни Кожухово) — учебный поход, устроенный Петром I для потешных войск осенью 1694 г. *Бомбардир Петр Алексеев* — Петр I, имевший чин бомбардира — солдата-артиллериста. *Артикул* — ружейные приемы; воинский устав, изданный Петром. *Азов* был взят петровскими войсками в 1696 г. *Стрельцы видят, осерчали.* Недовольство старого стрелецкого войска вылилось в 1698 г. в Стрелецкий бунт. *Король швецкий* — король Швеции Карл XII (1682—1718). *Переволочна* — городок на Днепре, где 30 июня 1709 г. капитулировали остатки шведской армии, разбитой в Полтавском сражении. *Ништацкий мир* — договор, положивший конец Северной войне и заключенный Россией и Швецией в г. Ништадте (Финляндия) в 1721 г. *В честь Хмельницкого Ивашки* — речь идет о «русском Бахусе».

*246. Ст. II. С. 156—161; Соч. II. С. 53—57. *Царевич Алексей* (1690—1718) — сын Петра I, вокруг него в 1705—1706 гг. сгруппировались антипетровские силы, в 1716 г., боясь наказания, бежал в Вену, к

австрийскому императору Карлу VI, с 1717 г. — скрывался в крепости *Сант-Эльмо* в Неаполе, входившем в Австрийскую империю. По возвращению в Россию приговорен к смертной казни и удушен. *Бари* — город Италии на побережье Адриатического моря, где хранятся мощи св. Николая, епископа города Миры Ликийские (Малая Азия). *Толстой* Петр Андреевич (1645—1729) — граф, государственный деятель, добился возвращения в Россию царевича Алексея и руководил следствием по его делу. *Крепость в Петербурге* — Петропавловская крепость. *Царица Евдокия* — урожденная Лопухина (1669—1731), первая жена Петра I, мать Алексея; в 1698 г. сослана в Суздаль (а не во Владимир), где насильно пострижена в монахини. *Глебов* Степан — офицер, обвиненный в любовной связи с бывшей царицей; посажен на кол. *Досифей,* епископ Ростовский — противник Петра I, лишен духовного сана и приговорен к смертной казни колесованием. *Лопухин* Абрам Федорович — брат Евдокии. *Евфросинья* — любовница Алексея, родом из Финляндии (чухонка). *Неспроста стрельцов сгубил он.* Подавление Стрелецкого бунта 1698 г. сопровождалось массовыми казнями. *Дыба* (в оригинале ду́бы — вероятнее всего, опечатка) — орудие пытки. *Ассамблея* — бал, общественное собрание в эпоху Петра

*247. Ст. I. С. 101—102, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 58—59. Позже в книге «По северу России» Случевский писал: «Существует нечто вроде легенды о происхождении знаменитых валдайских колокольчиков, пользующихся всероссийскою почетною известностью. Толкуют, будто царь Иван, сняв в Новгороде вечевой колокол, велел нести или везти его в Москву. Государева рать дошла до Валдая, и тяжесть ли колокола, трудность ли пути или просто желание царево, но колокол был разбит. Ушло царское войско, а черепки колокола остались лежать, и их-то подобрали валдайцы и стали лить свои колокольчики и льют их преемственно до сих пор» (СПб., 1886. С. 141; По северо-западу России. Т. 1. СПб., 1897. С. 122—123). *Да, были казни над народом.* В 1569—1570 гг. царь Иван Грозный, подозревая Новгород в измене, подверг жестокой расправе его обитателей; ср. также: «Да, были люди в наше время» (М. Ю Лермонтов «Бородино»). *Концы* — в Новгороде городской посад делился на пять частей (концов). *...снят долой.* Колокол снят и доставлен в Московский Кремль еще при Иване III в 1478 г., после присоединения Новгорода к Русскому государству. *Гудит и бьется под дугой* — ср.: «И колокольчик — дар Валдая — / Гудит, качаясь под дугой» (Ф. Н. Глинка «Сон русского на чужбине»).

*248. РВ. 1884. № 3. С. 294—297; Ст. IV. С. 173—177, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 60—64. *Никон* (1605—1681) — с 1646 г. сблизился с царем Алексеем Михайловичем (*«царев друг»*), с 1652 г. — патриарх; в 1653—1656 гг. проводил церковные реформы, в том числе исправление церковных книг (*«...он книги перевел»)*, вызвавшие *раскол* — недовольство и отделение от православной церкви части верующих; попытки отстоять тезис «священство царства поболее есть» привели к разрыву с царем, в 1658 г. оставил патриаршество, а в 1666—1667 гг. Собор снял с него патриарший сан. *Абадонн* (Аваддон) — ангел бездны в Апокалипсисе (Откр. 9. 11) *Разбросанных везде рабочих деревень* и т. д. — ср. с «Родиной» М. Ю. Лермонтова.

*249. Ст. IV. С. 165—167, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 69—71.

*250. Ст. IV. С. 200—202, раздел «Баллады и сказы» с подзаголовком «Из старой сказки», без 5-й и 12-й строф; Соч. II. С. 72—74. *Хвост-кутас* — по В. И. Далю, хвост яка.

*251. Ст. I. С. 67—69, раздел «Думы и мотивы», с пропуском 10-й строфы: Соч. II. С. 75—77. Автограф — ИРЛИ. Ф. 160 (Арх. Н. Любимова). № 2, «Коллекция автографов и портретов государственных и общественных деятелей, собранная Д. Н. Любимовым», т. 2. Л. 155, без 10 строфы окончательной редакции, с 3-й строфой на месте 4-й строфы окончательной редакции и с вар.:

14(10) При коротких днях,
17—20 Как живут в близи Калмыки,
Свежи с кумыса,
Скулы толсты, очи косы,
Длинны волоса;
23—25 Каждый много жен имеет,
Драться не дает.
Как, в надежде на прощенье,
28 При монастырях.
31 Что у нас поймают ведьму
35—36 Бабу с бабой повенчает
Поп, недоглядев...
[пропуск 10 строфы]
39(43) Что им ветер сообщает

На этом же листе автограф стихотворения «Где бы тебя не вскормили...» (получившее затем заглавие «Amaryllis» — см.: Ст. I. С. 98; Соч. I. С. 264), а также письмо Случевского к редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову: «25 ноября С. П. б. Милостивый государь Михаил Никифорович! Позволяю себе адресовать два прилагаемые стихотворения для "Русск<ого> Вестн<ика>" прямо на Ваше имя, так как лучшего судьи им не приискать, а дорогого Вам времени они возьмут не много» (на письме карандашная помета — «26 ноябр<я> 1879 г.»; см. далее текст письма в примечаниях к поэме «Поп Елисей»). Стихотворения журналом приняты не были.

*252. ВИ. 1873. № 216. С. 130, без подписи, посвящения и заключительного четверостишия; Ст. IV. С. 197—199, раздел «Баллады и сказы»; Соч. II. С. 78—80. *Становой* — начальник административно-полицейского подразделения в уезде.

253. Ст. II. С. 194—198, с посвящением Ф. Н. Бергу, с вар.: «В клобуке и с панагией: / На груди все ордена» (*21—22*); «Солнцу, знаю, тут вставать,» (*84*); Соч. II. С. 81—84. Е. А. Штакеншнейдер записала в своем «Дневнике» 15 октября 1880 г.: «Вчера был наш вторник. <...> Читали: Достоевский, Маша Бушен, Загуляев, Случевский и Аверкиев <...> Случевский хорошенькую свою вещь, заглавие которой я позабыла, про бедного попа, сын которого сделался архимандритом. Она будет напечатана в "Ниве"» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 426—431). *Лавра* — Киево-Печерская лавра. *Успенье* — день кончины Божьей матери, отмечается 15(28) августа.

Звучный ангельский канон — торжественное песнопение, называющееся Херувимской песнью по первым ее словам («Иже херувимы»). *Отче! С Господом гряди* — после Херувимской на литургии звучит песнь: «Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне».

*254. Библиотека для чтения. 1865. № 6. С. 28—30, подпись: К. С.; Ст. I. С. 111—113, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 85—87. Датируется 1861 г. на основании письма И. С. Тургенева к Случевскому (Мазур Т. П. И. С. Тургенев о поэзии К. К. Случевского // И. С. Тургенев и русская литература. Т. 217. Курск, 1982. С. 146).

*255. Ст. I. С. 114—117, раздел «Картинки и фантазии», без стихов 31—32, 45—46 и с целым рядом стихов, впоследствии опущенных; Соч. II. С. 88—90. *Обиход* — здесь: церковные принадлежности. *Свеща* (церковнослав.) — свеча.

*256. Ст. IV. С. 186—188, раздел «Баллады и сказы» с иным порядком строф и рядом стихов, опущенных затем; Соч. II. С. 91—93. Мотив «смотра умерших воинов» ср. с переводами: И.-Х. фон Цедлица В. А. Жуковского «Ночной смотр» и лермонтовской вариацией на это же стихотворение Цейдлица «Воздушный корабль», а также стихотворения Г. Гейне «Гренадеры» М. Михайлова. *Плевна* (ныне Плевен) — город в Болгарии, за который в 1877 г. во время русско-турецкой войны шли ожесточенные бои. *Скобелев* Михаил Дмитриевич (1843—1882) — русский генерал (с 1881), командовал отрядом под Плевной (см. также прим. 276, 284). *Вид* — река, протекающая вблизи Плевны.

*257. Ст. I. С. 118—119, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 99—100. Философ В. Н. Ильин писал: «Это, кажется, самое умное, что когда-либо было сказано в эпиграмматической форме о глупости, наравне с известным произведением Эразма Роттердамского — и, может быть, даже превосходящее его "Похвалу глупости", тем более, что здесь показано зарождение и "общественного мнения" <...> ибо здесь царствует в образе "Слуха" нечто совершенно особое, некое "оно" ("das man") — лишь в наше время вскрытое экзистенциально-феноменологическим анализом Гейдегера <Хайдеггера. — *Е. Т.-Г.*>. От этого — *тоска, страх и ужас, озабоченность*, все, что связано с термином Angst-Angoisse и что приближает Случевского к "Вию" и этого рода вещам Гоголя, у которого ведь тоже соединены неразрывной связью *смешное, мерзкое* и *кошмарно ужасное бесовское*» (Ильин В. Н. Эзотеризм К. К. Случевского // Возрождение. 1967. № 183. С. 88—89).

*258. Еженедельное Новое время. 1879. № 41. С. 122—123; Соч. II. С. 103—104. *Кант* — см. прим. 119. *Фихте* Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, строивший свою систему на идее безличного всеобщего самосознания — «Я». *Шопенгауэр* Артур (1788—1860) — немецкий философ, автор труда «Мир как воля и представление». *Гартман* Эдуард (а не Герман, как у Случевского) (1842—1906) — немецкий философ, последователь Шопенгауэра, автор книги «Философия бессознательного».

259. РВ. 1891. № 1. С. 155, заглавие «В долине реки Тоймы»; Соч. II. С. 107—108.

260. Ст. II. С. 192—193, с вар.: «Верст сотни на две одинокий,» (*1*); «В тебе металл заговорил?» (*14*); «И плачем пролагает путь...» (*20*); Соч. II. С. 109.

261. Ст. II. С. 190—191, с вар.: «Он ищет щелку, чтобы влезть!» (*16*); «Безмолвный гость к нему проник...» (*23*); «На ощупь ластится к нему!» (*25*); Соч. II. С. 110—111. *Лопари* (саами) — народ, живущий в Скандинавии, Финляндии и в северных районах России.

***262.** Ст. II. С. 153—155; Соч. II. С. 112—114. *Ватага* — здесь: артель рыбаков, а также место их стоянки. *Плёсо* — хвост крупной рыбы.

***263.** Ст. II. С. 203—204; Соч. II. С. 115—116. *Хуруд* (калмыцкое) — храм. *Намаз* — ежедневное пятикратное моление у мусульман. *Себя еврей к молитве накрывает ~ Какая пестрота и смесь сопоставлений...* — ср. этот фрагмент с «Братьями-разбойниками» А. С. Пушкина: «Какая смесь одежд и лиц, / Племен, наречий, состояний!» и т. д. Та же реминисценция в описании пассажиров парохода, идущего по Волге (повесть «Мой дядя»).

264. Ст. I. С. 72—73, раздел «Думы и мотивы»; Соч. II. С. 117—118. Ср. с финалом пушкинского «Бахчисарайского фонтана».

***265.** Бр. П. 1876. С. 307, без последней строфы; Ст. I. С. 96—97, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 119. *Бармы* — у московских князей и царей широкое оплечье, украшенное драгоценностями.

266. Совр. 1860. № 2, стр. 749 (корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 23); Ст. I. С. 93—94, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 120—121. *Леман* — см. прим. 63.

***267.** ВИ. 1875. № 331. С. 351, подпись: С.; Ст. I. С. 95, раздел «Картинки и фантазии»; Соч. II. С. 122. *Озеро четырех кантонов* (Фирвальштетское) — в Швейцарии.

268. Ст. I. С. 107—108, раздел «Картинки и фантазии», с вар.: «О древней древности читал;» (*6*); «Но ночью — двери закрывались,» (*17*); Соч. II. С. 123—124. *Страсбургский собор* — готическая церковь (XIII—XV вв.) в г. Страсбурге.

***269.** Ст. I. С. 14—15, заглавие «Тоже русские города», с делением на две строфы, раздел «Думы и мотивы»; Соч. II. С. 125—126. *Висбаден* — город-курорт в Германии.

***270.** И. 1859. № 55. С. 75; Ст. IV. С. 122—124, раздел «Лирические», с вар.: «Ласков он, так хорошо лобзает» (*35*); Соч. II. С. 127—128. *Monte Pincio* — холм Пинчо в Риме, откуда открывается вид на город. *Форум* — рынок, площадь в Древнем Риме, средоточие общественной жизни города. *Термы Нерона* — бани, построенные в середине I в. н. э. при императоре Нероне. *Капитолий* — один из семи холмов Рима, в Капиталийском храме особо почитались Юпитер, Юнона и Минерва. *Пантеон* — храм, посвященный всем богам (см. также прим. 223). *Травлю братьев в сердце Колизея* — древнеримский амфитеатр (75—80 гг. н. э.), на арене которого помимо состязаний гладиаторов, устраивались расправы над первыми христианами.

***271.** Ст. II. С. 220—222; Соч. II. С. 129—130, с перестановкой 7-й строфы на место 3-й. *Фалеза* (фр.) — скала, крутой обрыв. *Мули*— съедобные ракушки.

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ И СМЕСЬ

***272.** Ст. II. С. 237—238; Соч. II. С. 137—138. Убийство Александра II произошло 1 марта 1881 г. Стихотворение было прочитано Случевским 22 марта 1881 г. на заседании Славянского благотворительного общества, членом которого он был избран 4 мая 1880 г., после речи И. С. Аксакова об убийстве императора, помещено в отчете о заседании под заглавием «В память в Бозе почившего Государя Императора Александра II» с той же редакцией строк 19—20, 22, 35, что и в Ст. II (см.: Первые 15 лет существования С-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883. С. 668). Стало толчком к заключению договора с другом Случевского — художником М. О. Микешиным: «16 мая 1883 года, я, нижеподписавшийся, и К. К. Случевский, совершили это условие о том, что я, Микешин, беру на себя изготовление рисунка проекта памятника Имп. Александру II, по мысли его, Случевского, и что в случае выдачи какой-либо денежной премии, премия эта поделится меж нами пополам» (ГИМ. Ф. 359. № 97. Л. 2). *...у старого собора* — Казанский собор в Петербурге. *Где два фельдмаршала* — памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли. *Поконченный спор* — намек на сложные отношения между двумя полководцами. *19 февраля.* Александр II 19 февраля 1861 г. подписал Манифест и «Положение 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (см. также прим. 84). *Что перебиты голени его / Как на Голгофе.* У распятых на Голгофе перебивали голени, чтобы те быстрее умерли, но «придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у него голеней» (Ин. 19. 33)

***273.** Ст. IV. С. 228—230, раздел «Случайные»; Соч. II. С. 155—157. *Кирилл* (ок. 827—869) и *Мефодий* (ок. 815—885) — братья из Солуни (Салоники), славянские просветители, создатели славянской азбуки, переводчики основных богослужебных книг на старославянский язык, причислены к лику святых. *Царьград* — столица Византии Константинополь (ныне Стамбул).

***274.** Ст. IV. С. 231—233, раздел «Случайные»; Соч. II. С. 158—160. Случевский был выпускником 1-го кадетского корпуса. *Привет тебе, наш светлый уголок* — ср.: «Приветствую тебя, пустынный уголок» (А. С. Пушкин «Деревня»). *В тот меньшиковский дом* — дом сподвижника Петра I, князя А. Д. Меншикова на Васильевском острове. *Царица Анна* — Анна Иоанновна (1693—1740), русская императрица с 1730 г. *Миних* Бурхард Кристоф (1683—1767) — при Анне Иоанновне генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии. *Ягужинский* Павел Иванович (1683—1736) — государственный деятель и дипломат, ближайший помощник Петра I. *Шляхетский корпус* — основан в 1732 г. под началом графа фон Миниха на 200 человек шляхетских (шляхетство — по-польски дворянство) детей. 10 марта 1800 г. Павел I повелел именовать его Первым кадетским корпусом. *Прозо-*

ровский Александр Александрович (1732—1809) — генерал-фельдмаршал с 1807 г. *Каменский* Михаил Федотович (1738—1809) — генерал-фельдмаршал, совместно с А. В. Суворовым участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. *Румянцев*-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — русский полководец. *Александра дни* — эпоха Александра I. *К Балканам, на Кавказ* — здесь: русско-турецкая война 1828—1829 гг. *На польские восстанья* — восстания 1830—1831 и 1863—1864 гг. *На Севастополь* — см. прим. 84. *Плевну* — см. прим. 256. *Озеров* Владимир Александрович (1769—1816) — русский драматург. *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) и *Сумароков* Александр Петрович (1717—1777) — русские поэты. *Когда в алтарь уходит плащаница* — полотнище с изображением тела снятого с креста Христа (плащаница), находится в центре храма со Страстной пятницы до пасхальной полунощницы, когда снова вносится в алтарь. *Нет, не мертвы дела минувших лет, / Преданьями сильны...* — реминисценция из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «Дела давно минувших лет, / Преданья старины глубокой».

*275. Новое время. 1881. № 1771, 1 февраля. С. 2, из 12 строк, заглавие «Памяти Достоевского»; Ст. II. С. 233—236, заглавие «Памяти Достоевского», без 52, 57, 80 строк оконч. редакции; Соч. II. С. 161—164. Было прочитано Случевским 14 февраля 1881 г. на собрании Славянского благотворительного общества, посвященном памяти Ф. М. Достоевского и помещено в сборнике под заглавием «На смерть Ф. М. Достоевского» (Первые 15 лет существования Славянского благотворительного общества. СПб., 1883. С. 651). Приводится и в выпущенной обществом отдельной брошюре с примечанием: «В дополнение здесь помещается полный и исправленный текст стихов К. К. Случевского, заимствованный из только что вышедшей второй книжки его стихотворений» (В память Ф. М. Достоевского. Торжественное общее собрание С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. 14 февраля 1881 года (Речи К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Майкова, Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера. Стихи К. К. Случевского и М. А. Хитрово. Отчет о деятельности Общества в 1880 г.). СПб., 1881. С. 60). Похороны Достоевского состоялись 31 января 1881 г. в Петербурге и были по тому времени небывало многолюдны. *Ответчики за раннюю кончину* — судьи по делу Петрашевского в 1849 г. Случевский в повести «Застрельщики» (Соч. VI. С. 325—330) говорит о «плющильной машине тех далеких времен», с сочувствием упоминает о петрашевцах, среди которых называет Достоевского. *Некое большое торжество* — литературный вечер памяти Пушкина в годовщину его гибели (29 января), участвовать в котором собирался Достоевский. *К безмолвной лавре* — к Александро-Невской лавре. *Заговорила сдержанная злоба ~ Твои товарищи и из того же круга* — намек и на таких друзей Достоевского, как критик Н. Н. Страхов.

276. Новое время. 1882. № 2275, 30 июня. С. 2, заглавие «Скобелеву (В день его похорон)», с вар.: «Вот отчего та скорбь неложная у нас...» *(18)*, «Зачем у нас так рвутся те сердца» *(21)*, «Зачем так жаждем мы хоть как-нибудь забыться?» *(между 22 и 23)*; «Ликует смерть, шумят триумфы гроба» *(25)*, «И если суждено, — так мы собща ум-

рем —» *(28)*; Ст. IV. С. 226—227, раздел «Случайные», с вар.: «Зачем у нас так рвутся те сердца,» (*21*); «Ликует смерть, шумят триумфы гроба,» (*25*); Соч. II. С. 165—166. А. С. Суворин в письме Случевскому от 28 июня 1882 г. сообщал: «Я принужден был отстранить Ваши стихи, как не жаль мне было стихов, на которые я указывал Вам, как на прекрасные. Дело в том, что во 1-ых изменение в предпоследней строке сделало непонятной последнюю строку, и во 2-ых, что значит четвертая от конца строка: Зачем у Вас *Любовь* все лучшее мертвит? Как это любовь может мертвить все лучшее? Не понимаю» (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/4). *Скобелев* — см. прим. 256, 284.

***277.** Ст. III. С. 228, «Из альбома одностороннего человека»; Соч. II. С. 167.

***278.** Еженедельное Новое время. 1879. № 46. С. 443; Соч. II. С. 169—170. *Фабра* — краска для волос.

***279.** Ст. II. С. 167—168; Соч. II. С. 171—172.

***280.** Ст. II. С. 187—189, посвящено М. П. Покровскому; Соч. II. С. 173—175. Ср. со стихотворением «Неприступный, горами заставленный...» (Я. П. Полонский, «На пути из-за Кавказа», I). *Коллежский асессор* — на государственной службе в царской России гражданский чин 8-го класса, соответствовавший майору в армии и дававший дворянство. *Светопись* (устарелое) — фотография. *Прометей* — в древнегреческой мифологии богоравный титан, похитивший для людей с неба огонь и в наказание за это прикованный к скале на Кавказе, где коршун каждый день выклевывал ему печень, которая за ночь вырастала вновь. *Там, где Ноев ковчег с Арарата / Виден изредка.* По преданию, ковчег Ноя остановился на Арарате (см. также прим. 243). *Быть тому дворянином.* Служба на Кавказе, также и гражданская, давала в первой половине XIX в. преимущества для получения дворянства. В «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкин писал: «Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание». Кавказским коллежским асессором был и майор Ковалев в гоголевском «Носе».

***281.** Ст. II. С. 216—217; Соч. II. С. 176. Сопоставлялось с описанием казни у Ф. М. Достоевского в «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», но вероятно и влияние очерка И. С. Тургенева «Казнь Тропмана». Было включено в 1922 г. О. Э. Мандельштамом вместе с № 340 в неосуществленную антологию русского стиха (Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Т. 1. YMCA-Press. С. 257). *Голова отпрянула как мяч* — ср. у М. М. Достоевского «Последний день приговоренного к смерти (Из Виктора Гюго)», где один осужденный говорит о своей голове: «<...>Шарло <палач. — *Е. П.-Г.*> будет играть в мяч моею сорбонною через шесть недель...» (Светоч. 1860. № 3. С. 127). *«Коль славен наш Господь»* — начало псалма 47 в переложении М. М. Хераскова; исполнялся на музыку Д. С. Бортнянского как государственный гимн России.

282 Соч. II. С. 177—178. Вопрос о похоронном обряде волновал Случевского. В 1902 г. он сообщил З. Гиппиус о желании выступить на заседании Религиозно-философского собрания с докладом «о лож-

ном значении наших похорон» (Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ., подготовка текста и прим. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 130).

283. Соч. II. С. 179—180. *Григорьев* Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт, литературный и театральный критик. *25 сентября* — день смерти А. А. Григорьева.

284. Ст. II. С. 218—219, с подзаголовком «После первой Плевны»; Соч. II. С. 183—184. *Раздельная* — узловая станция железной дороги Одесса — Казатин. *Плевна* — см. прим. 256. Отмечалась перекличка со стихотворением «Петроградское небо мутилось дождем...» А. А. Блока (Ст.-1983, 231).

285. Соч. II. С. 185.

286. Ст. I., 63—64, заглавие «Вифлеемская ночь», раздел «Думы и мотивы», с вар.: «Вифлеемской ли ночи вторично сиять?..» (*6*); «Чтоб опять Искупителя ждать, / Поклониться ему, как царю, — и продать!» (*19—20*); Соч. II. С. 186. Ср. финал стихотворения с «Легендой о Великом Инкизиторе» Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых».

287. Соч. II. С. 187.

*288. Ст. I. С. 39—40, заглавие «На новый год», раздел «Думы и мотивы»; Соч. II. С. 188—189.

289. РВ. 1892. № 1. С. 128, заглавие «В дороге»; Соч. II. С. 189.

290. ВИ. 1897. № 1457(1). С. 4; Соч. II. С. 190. *Спиридон-поворот* — 12 (25 н. ст.) декабря, день св. Спиридона, епископа Тримифунтского, следующий за днем зимнего солнцестояния, солнцеворота (21—22 декабря н. ст.). *Вифлеемская звезда* — звезда, указывавшая путь к месту рождения Христа — Вифлеему. *Песнь небесная в песнях земли* — ср.: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» (М. Ю. Лермонтов «Ангел», см. прим. 82, 539—559 (XIII)).

291—293. Автограф — ИРЛИ. Ф. Р I. Оп. 25. № 62, без общего заглавия, помета карандашом Случевского: «Прошу сейчас же набрать и прислать 4 оттиска. Нива <1 ирзб. — Смирнов Н. З. — ?>». Корректура стихов — ИРЛИ. Ф. 7316/ XLIIIб. 14. Л. 36—37, с общим заглавием «Пасхальные стихи». Внизу под третьим стихотворением его же рукой: «*или Пасхальная трилогия*». В письме к А. А. Луговому, который был редактором «Нивы» с 1895 по начало 1897 года, Случевский сообщал 29 февраля о «*только что* написанной трилогии». В письме от 2 марта, вероятно, сопровождавшем корректуру, просил еще раз подумать над заглавием: «<нрзб.> которое из 2 заглавий лучше, мне, что-то "*На Пасху*" *или* "*В Пасхальные дни*", думаю для трилогии — вычурно» (ИРЛИ. Ф. 7316/ XLIIIб. 14. Л. 56 /19).

1. Соч. II. С. 191. Автограф, вар.: «Вся церковь вдруг прояснена,» (*4*); «В душе людской из тьмы встают» (*6*). Корректура, правка: «<Никем незримыми> Неощутимыми лучами» (*3*); «<В душе людской из тьмы> встают в сердцах <молельщиков>молящихся» (*6*). На корректуре (л. 36) карандашная помета Случевского: «Отделить *куплеты*». *Плащаница* — см. прим. 274.

2. Соч. II. С. 191—192. Автограф, вар.: «Спешат домой! в устах улыбка / И мнится, что в сердцах у них» (*9—10*). *Причастный стих* — особое песнопение, исполняющееся во время таинства причастия.

3. Соч. II. С. 192. Автограф, вар.:

1—2 И так был день, зажглась денница,
И облик степи заалел,
5 И быстро женщины бежали
10 Что смерть не смерть! Что, будет час,
12 На ярком солнце засветясь.

Корректура, правка: «<И облик степи> заалел.» (*2*); «И <быстро женщины> бежали» (*5*). *Мироносицы* — женщины, пришедшие к гробу Спасителя помазать миром Его тело и первые узнавшие о Его воскресении. Случевский обращается к этому евангельскому сюжету и в рассказе «На заре» из цикла «В великие дни»

***294.** Ст. I. С. 51—52, раздел «Думы и мотивы»; Соч. II. С. 196—197.

295. Соч. II. С. 201—202.

ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА. 1895—1901

Книга печаталась фрагментами в журналах: «Русская мысль» (1897. №11; 1898. № 1—3; 1899. № 1—3, 6), «Книжки Недели» (1898. № 1, 4), «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу Нива» (1900. №2, 4, 8; 1901. № 7, 9) и в альманахе «Денница» (1900). М. Н. Ремезов, сотрудник «Русской мысли» в письме от 10 декабря 1897 г. сообщал Случевскому: «Что касается выраженного Вами желания делиться "Песнями из уголка" с другими изданиями, то редакция против этого не возражает <... > Вам же, конечно, хотелось бы скорее выпустить в свет "Песни" отдельным изданием» (ГИМ. Щ. 151/1261). В качестве цикла частично вошла в Соч. I (С. 313—368) с подзаголовком «Усть-Нарова (1897—1898 г.)». Фактически вышла в начале декабря 1901 г. (на самой книге обозначен 1902 г.; см. письмо к М. М. Стасюлевичу в предисловии). В ПУ стихотворения были разделены в оглавлении по циклам (в скобках указываем порядковый номер по нашему изданию; № 318 ошибочно попал в два цикла, № 414, 425, 471, 473 оказались пропущены в оглавлении ПУ): «Уголок» (№ 297, 298, 313, 315, 321, 324, 327, 342, 345, 365, 369, 373, 390—392, 397, 404, 408, 416, 452, 453, 460, 461, 464, 474, 478, 479); «Море и сосны» (№ 318, 349, 377, 378, 395, 409, 421, 422, 436, 455, 456); «Из природы» (№ 328, 329, 355, 356, 364, 374, 375, 399, 418, 444, 446, 466); «Времена года» (№ 343, 348, 358, 360, 368, 383, 384, 417, 429, 430, 439, 447, 463, 467—469); «Из мира мыслей» (№ 300, 312, 320, 325, 333, 334, 336—339, 362, 363, 370, 371, 424, 433, 434, 462, 470); «К будущей жизни» (№ 299, 304, 306, 326, 347, 351, 388, 412, 415); «Лирические» (№ 301—303, 305, 307, 308, 310, 311, 314, 316—318, 322, 330, 344, 352—354, 359, 361, 367, 376, 385—387, 389, 394, 396, 398, 400, 401, 403, 405—407, 410, 411, 413, 420, 423, 426—428, 432, 440, 442, 445, 448, 451, 454, 457, 459, 465, 472, 477, 480); «Поэзия» (№ 319, 332, 340, 341, 346, 402, 419, 438, 441, 458, 475, 476); «Картинки» (№ 357, 366, 372, 449); «Портреты» (№ 309, 323, 331, 335, 350, 379—382, 393, 431, 435, 437, 443, 450), но внутри книги стихи были расположены в ином порядке, который мы и воспроизводим.

Коринфский А. А. — см. прим. 133—169 (I). *Котляревский* Нестор Александрович (1863—1925) — историк литературы и публицист, впоследствии — академик, один из основателей Пушкинского дома Академии наук, первый его директор (см. о нем также в предисловии).

296. КН. 1898. № 4. С. 63, посвящено Влад. С. Соловьеву, В. П. Гайдебурову, А. А. Коринфскому и М. Н. Ремезову; Соч. I. С. 315, заглавие «Песни из "Уголка"», с тем же посвящением; ПУ. С. 5. Вл. Соловьев, принимавший участие в издании «Сочинений», откликнулся стихотворением: «Отзыв на "Песни из Уголка"» (КН. 1898. № 3). По свидетельству А. К. Случевской-Коростовец, Соловьев бывал в имении ее отца, в «Уголке»; см. также прим. 689. *Валгалла* — см. прим. 237.

297. РМ. 1897. № 11. С. 203—204, с вар.: «Не так ли в рухляди, под хламом,» *(13)*; Соч. I. С. 316—317; ПУ. С. 7—8. Мотив цветка, выросшего в рухляди, здесь и в № 332, 346 ср. с А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». *Решил задачу всех задач* — ср. «Задачу всех задач и тайну всех веков» («Перед закрытой истиной», Я. П. Полонский).

298. Пр. к Н. 1901. № 7. С. 431—434; ПУ. С. 9—10. Мой сад оградой обнесен ~ Весь мир, весь бесконечный мир — / Вне сада, вне его забора ~ Отсюда мир, весь мир, изъят ~ Глядит в него из-за забора — ср. у В. А. Жуковского «Тот в угол свой забвенный / Обширные вселенны / Всю прелесть уместил; / Он мир свой оградил / Забором огорода» («К Батюшкову»). *К лицу двух рек и лику моря.* Реки Нарва (Нарова), впадающая в Финский залив, и Росонь (рукав реки Луги), впадающая в Нарву около ее устья; море — Финский залив. *У нас нет места для вражды* — ср. «Мы не терзаем, не казним, / Не нужно крови нам и стонов» (А. С. Пушкин «Цыганы»).

299. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 33—36, с вар.: «Чтобы воздействовать на нас.» (*20*), «И оба мира те — один!» (*24*); ПУ. С. 11—12.

300. РМ. 1898. № 1. С. 168, с вар.: «Перед умом как бы скрывает даль, —» (*6*); Соч. I. С. 362—363, та же редакция 6 строки; ПУ. С. 13—14.

301. Д. 1900. С. 137; ПУ. С. 15.

*302. РМ. 1898. № 2. С. 75; Соч. I. С. 337—338, та же редакция; ПУ. С. 16—17. *Банко.* У Шекспира призрак Банко явился убившему его Макбету во время пира («Макбет». Акт III, сцена 4). *Беда, беда, когда средь них найдется / Стыд иль пятно* — ср.: «Но если в ней единое пятно, / Единое случайно завелося, / Тогда — беда!» (А. С. Пушкин, «Борис Годунов»).

303. РМ. 1899. № 1. С. 72—73; ПУ. С. 18. *Татьяна, Евгений, Ленский* — герои романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

304. ПУ. С. 19—20. *Множества жилищ* — ср.: «В доме отца моего обителей много» (Ин. 14. 2, см. также прим. 539—559 (III)).

305. РМ. 1899. №1. С. 72, с вар.: «Сны счастливые, хорошие, бескровные,» (*3*); ПУ. С. 21. *Дайте, дайте мне, долины наши ровные* — ср. «Среди долины ровныя... » (А. Ф. Мерзляков, «Песня»). *Смех в рыдании и тихий плач в веселии* — ср.: «Сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» («Мертвые души» Н. В. Гоголь, см. прим. 560—588 (XV)).

306. ПУ. С. 22—23.

307. КН. 1898. № 1. С. 50—51; Соч. I. С. 330—331; ПУ. С. 24—25. *Брат брата убивал* — убийство Авеля его братом Каином (Быт. 4. 8). *Мафусаил* — библейский патриарх, жил 969 лет (Быт. 5. 27). *Отец осмеян сыном был.* Ной был осмеян своим сыном Хамом (Быт. 9. 21—22). *Как Цезарь, скрыв лицо плащом.* Римский диктатор Гай Юлий Цезарь (102/100 — 44 до н. э.) закрыл лицо плащом, когда на него напали заговорщики-республиканцы во главе с Марком Юнием *Брутом* (85—42 до н. э.), кончившим жизнь самоубийством после поражения при городе *Филиппы*; *быть при Филиппах* — ожидать решающего сражения.

308. РМ. 1899. № 2. С. 88, с вар.: «Лишь блестки с дерзостной отвагой» (*3*); ПУ. С. 26.

309. Соч. I. С. 367; ПУ. С. 27. «*Ты победил, Галилеянин!*» — слова умирающего императора Юлиана Отступника (331—363), отрекшегося от Галилеянина — Христа. Существует мнение, правда, ничем не подкрепленное, что стихотворение адресовано Ф. М. Достоевскому (см.: Сахаров В. И. Примечания // Случевский К. К. Стихотворения. М., 1984. С. 239).

***310**. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 707; ПУ. С. 28.

311. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 247—250; ПУ. С. 29.

312. ПУ. С. 30—31. Список, правленный Случевским — ИРЛИ. Ф. 4813 / XXIV б. 214. С датой:12 м<-?> 1899, варианты и правка:

2 И разноцветных искр блистающего снега,
5 Хотелось бы, чтоб степь вокруг <небес> легла,
7—8 Но чтоб <по ней> река могучая текла,
И в <мощных зарослях> звучало трепетанье.
14—18 На протяжении <великих> различных расстояний,
<Тут> надо ожидать <тут> надо, чтобы мог
Ты <, выждавши, найти в путях> приводить к концу пути твоих исканий, —

<Зато в душе твоей> Тогда как на сердце и в помысле твоем
Очарованием всех сил воображенья
20—25 Здесь, подле, вкруг тебя, сейчас, без промедленья!

И <я> в себе самом владыка из владык,
Родник таинственный — <я> сам себе природа,
И мир души <моей>, как божий мир, велик,
Но больше, <больше> в нем и счастье, и свобода...

Внизу стихотворения приписка: «К. Случевский <передает автографирование — ?> глубокочтимой Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник». *Гулистан* («Сад роз») — книга персидского поэта Саади (1203/1210—1292); здесь — сады Востока.

313. РМ. 1897. № 11. С. 206, с вар.: «Начала вдруг в ночь стрелять, —» (8); «И пожалованье Горна / До сих пор звучит с реки.» (19—20); Соч. I. С. 320—321, та же редакция; ПУ. С. 32—33. *Даже облика Петрова* — напоминание о боях армии Петра I за освобожде-

ние Нарвы и территории Эстонии от шведов (1700 и 1704 гг.) во время Северной войны. *Царь ударил в щеку Горна.* Комендант Нарвской крепости Горн отверг в 1704 г. предложение Петра капитулировать. Случевский писал: «Еще и доселе слышится в Нарве та *могучая* пощечина — о ней рассказывает биограф Карла XII Адлерфельд — которую дал Петр Великий шведскому коменданту Горну перед тем, чтобы запереть его в каземат и заставить испытать на себе те сладости крепостного заключения, которые заставлял он так старательно испытывать русских пленных» (По Северу России. Т. 3. СПб, 1888. С. 308; По северо-западу России. Ч. 2. СПб., 1897. С. 213).

*314. Соч. I. С. 350; ПУ. С. 34. *Донской на Куликовом поле* — московский князь Дмитрий Донской (1350—1389) возглавил борьбу русских с татаро-монголами и одержал победу на Куликовом поле в 1380 г.

315. КН. 1898. № 1. С. 48; Соч. I. С. 327—328; ПУ. С. 35—36. *Нимфеи* — водяные лилии.

316. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 251—252; ПУ. С. 37.

317. РМ. 1898. № 2. С. 74, с вар.: «Но за дальностью былого —» (*5*); Соч. I. С. 336; ПУ. С. 38.

318. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 731—732; ПУ. С. 39. *Гонима кверху ветерком* — ср.: «Гонимы вешними лучами» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»).

319. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 705—708, с вар.: «И ни одна из них нимало, никогда / Не понимала слов отзывчивых мечтаний.» (*5—6*); ПУ. С. 40.

320. КН. 1901. № 1. С. 106, с вар.: «Их незаметными окутала сетями,» (*13*); ПУ. С. 41. *Природа-мать* — встречается очень часто (иногда с вариацией «мать-природа»): у Жуковского «Ее Природа мать» («К Батюшкову»), у П. А. Вяземского «Природа-мать издавна» («К Батюшкову), в переводе А. Фета из Гете — «Как сладко, мать-природа, вновь / Упасть на грудь твою» («На озере»), см. прим. 446, 464.

321. КН. 1898. № 4. С. 70, с вар.: «Не может в рознь пойти мечта.» (*8*); Соч I. С. 360—361; ПУ. С. 42—43.

322. РМ. 1898. № 3. С. 205—206 с делением на две строфы, с вар.: «Ты, светлый божий посланец,» (*6*); «Я слышал песнь, я воскресал... » (*13*); «Чтоб в счастье виделся не дым;» (*20*); Соч. I. С. 344—345, та же редакция; ПУ. С. 44—45. Ср. стихотворный размер и способ рифмовки с «Мцыри» М. Ю. Лермонтова.

323. РМ. 1899. № 3. С. 125—126, с вар.: «Что мысль в очах заледенела,» (*3*); ПУ. С. 46.

324. КН. 1898. № 1. С. 51, с вар.: «И как при них бессилен буду я.» (*8*); Соч. I. С. 331—332, та же редакция; ПУ. С. 47—48. *Быть может, сам я вызвал тот закон* — намек на служебную деятельность поэта.

325. РМ. 1899. № 6. С. 79; ПУ. С. 49—50. *Аспазия* (Аспасия) — знаменитая своей красотой и умом гетера, с 445 г. до н. э. жена афинского государственного деятеля Перикла. *Сизиф* — в древнегреческой мифологии царь Коринфа, обречен богами в загробном мире вкатывать на гору камень, который тут же падал обратно. *Данаиды* — в древнегреческой мифологии дочери царя Даная, за убийство своих мужей обреченные в загробном мире наполнять водой бездонную бочку. *Тантал* — в древнегреческой мифологии царь, осужденный

богами вечно томиться голодом вблизи плодов, которые не давались ему в руки, и жаждой среди воды. *Герострат* — житель Эфеса; стремясь увековечить свое имя, сжег 356 г. храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света.

326. РМ. 1899. № 1. С. 71, с вар.: «Увековеченный, он будет между вас!» (12); ПУ. С. 51.

327. РМ. 1897. № 11. С. 209; Соч. I. С. 324—325; ПУ. С. 52—53.

328. РМ. 1898. № 2. С. 71—72, с вар.: «Ходят здесь, газонов не помяв. / Всюду утки, кулики, бекасы!» (*12—13*); «На болотах мы начнем осушки,» (*19*); Соч. I. С. 333, та же редакция; ПУ. С. 54—55.

329. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 29—32, с вар.: «Дав ему в корнях найти местечко,» (*7*); ПУ. С. 56.

330. Соч. I. С. 366—367; ПУ. С. 57.

331. Соч. I. С. 347; ПУ. С. 58.

332. РМ. 1898. № 3. С. 206; Соч. I. С. 345; ПУ. С. 59.

333. РМ. 1899. № 1. С. 75, с вар.: «Определение, мутящее сознанье / И полное обидной пустоты!» (*7—8*); ПУ. С. 60.

334. РМ. 1899. № 1. С. 73; ПУ. С. 61.

335. Д. С. 143, с вар.: «Синклит свидетелей с годами вымирает —» (*3*), «Что ты — в единственной, большой вине твоей —» (*18*); ПУ. С. 62—63.

***336**. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 249—250; ПУ. С. 64—65. *Плюшкин* — персонаж романа Н. В. Гоголя «Мертвые души». *Гарпагон* — герой комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой».

337. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 729—733, с вар.: «Причем его отец жил долго, был здоров, / И только передал наследие грехов.» (*7—8*); ПУ. С. 66.

338. Пр. к Н. 1901. № 7. С. 433—234; ПУ. С. 67.

***339**. Д. 1900. С. 140—141; ПУ. С. 68—69.

340. КН. 1898. № 1. С. 47—48 с вар.: «С зарею плачущей на городской стене.» (*4*), «В урочный час на городской стене... » (*24*); Соч. I. С. 326—327, та же редакция; ПУ. С. 70—71. Откликом на это стихотворение стал написанный 18 июня 1898 г. «Ответ на "Плач Ярославны"» Вл. Соловьева (см. прим. 296 и 689; опубл.: КН. 1898. № 11). *Княгиня Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слова о полку Игореве».

341. РМ. 1899. № 1. С. 76, с вар.: «Рассказать умей! / Все пророки, без сомненья,» (*6—7*); «Ряд больших зеркал,» (*9*); ПУ. С. 72

342. РМ. 1897. № 11. С. 207; Соч. I. С. 321—322; ПУ. С. 73.

343. РМ. 1899. № 3. С. 122; ПУ. С. 74.

344. РМ. 1899. № 1. С. 75—76, с вар.: «Ни кисти, ни резца великие красоты,» (*2*); «Не в силах иногда согнать души дремоты.» (*4*); «Дают вдруг яркий цвет, как бы не устарев,» (*7*); ПУ. С. 75.

345. РМ. 1899. № 6. С. 78—79, с вар.: «Ей темой ясною служила;» (*7*); ПУ. С. 76—77. *Жилец небесной высоты* — ср. у В. А. Жуковского «Жильцы духовной сени» («К Батюшкову») и о «гении чистой красоты», который «навещает / Нас с небесной высоты» («Лалла Рук»), а также «Небес жилец» (А. С. Пушкин «Обвал»).

346. РМ. 1898. № 3. С. 208—209, с вар.: «И рвется сам к добру и красоте.» (*8*); «Нетленный дух какой-то силой тайной» (*11*); «Могучий

вихрь взвивает сердца пламя,» (*13*); Соч. I. С. 351—352, та же редакция; ПУ. С. 78—79. *Зато порой, из мелочи, из вздора* — отмечалась связь этих строк с «Когда б вы знали, из какого сора... » А. Ахматовой (Ст.-1983, 225; см. также прим. 297).

347. РМ. 1899. № 3. С. 121—122, с вар.: «Чуть в полный свет вступил — ослепнули зеницы,» (*14*), «Но нет пригодных струн и звуков у цевницы!..» (*16*), ПУ. С. 80.

348. РМ. 1897. № 11. С. 205; Соч. I. С. 319; ПУ. С. 81.

349. РМ. 1899. № 3. С. 123, с вар.: «В февральском холоде, во мгле, уже взирает» (7); ПУ. С. 82.

350. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 703—704, с вар.: «Осиленный — не побежденный —» (15); ПУ. С. 83. *И за решеткой, под призором* — ср. с «Не дай мне бог сойти с ума» А. С. Пушкина.

*351. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 705—706; ПУ. С. 84—85.

352. Север, 1898, № 5. С. 130, помета: «СПб 23 января 1898 г.»; Соч. I. С. 366; ПУ. С. 86. *Жильца земли с жильцом могил* — ср. у В. А. Жуковского «Минутный ты / Жилец земли!» («Послание к Плещееву (в день Светлого Воскресения)») и «Земли жилец безвыходный — Страданье» («На кончину ее величества королевы Виртембергской»).

353. КН. 1901. № 1. С. 104—105; ПУ. С. 87. *Дерзнули башню воздвигать* — строительство Вавилонской башни (Быт. 11. 1—9).

354. РМ. 1899. № 2, стр. 87—88, с вар.: «Юность золотая, если б ты признала,» (*13*); ПУ. С. 88—89. *Сцену вдруг из Гёте вижу* — сцена «Перед городскими воротами» в 1-й части трагедии И.-В. Гете «Фауст», изображающая народное гулянье в первый день Пасхи. *Черный пудель рыщет* — Мефистофель впервые явился к Фаусту в образе черного пуделя. *Маргарита* — соблазненная Фаустом героиня трагедии (см. прим. 33, 202—211 (I)).

355. РМ. 1898. № 2. С. 73—74; Соч. I. С. 335—336; ПУ. С. 90—91.

356. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 731—734; ПУ. С. 92.

357. Соч. I. С. 341—343, с вар.: «И собак своих спускали.» (*12*); «Хоть сквозь темные могилы... » (*20*); «Вслед ей ринуться рванулся,» (*30*); ПУ. С. 93—94. *Котелок* — мужская шляпа из твердого фетра.

358. РМ. 1899. № 3. С. 123; ПУ. С. 95.

359. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 251—254; ПУ. С. 96. Ранняя редакция — машинопись с авторской правкой — ИРЛИ. Ф. Р. III. Оп. 1, № 1934. Л. 20, помета: 16. Варианты и правка:

1—2 К тебе я склонился душою
И мне так легко, так светло!
5—11 Зачем ты <порою> с насмешкой безгласно,
Лукаво глядишь и сама
<Кокетством>, не в меру, напрасно,
Внимаешь злорадству ума?

<Довольствуясь> Будь счастлива тем, что возможно,
Нам, право, <будет> довольно всего
Чтоб счастье познать нетревожно

360. РМ. 1899. № 2. С. 90, с вар.: «День подрос и стал побольше...» (*9*), «Наводненье будет в Польше... » (*11*); ПУ. С. 97. *Кабаны* — здесь:

глыбы. *Пишут к праздникам награды* — наградные суммы и другие поощрения, выдававшиеся чиновникам к церковным праздникам.

361. Д. С. 142; ПУ. С. 98—99.

362. КН. 1901. № 1. С. 103, с вар.: «А если розовою краской» (*9*); ПУ. С. 100—101.

363. КН. 1899. № 2. С. 83—84, без деления на четверостишия; ПУ. С. 102.

364. Пр. к Н. 1901. № 7. С. 435—436; ПУ. С. 103.

365. РМ. 1899. № 3. С. 121; ПУ. С. 104.

366. РМ. 1899. № 6. С. 76; ПУ. С. 105—106. Мотив беседы с призраком как с живыми человеком часто встречается в стихах Г. Гейне (см. прим. № 66). Сопоставлялось с стихотворением А. А. Блока «Как тяжко мертвецу среди людей...» из цикла «Пляски смерти» (ЗС. С. 14). *Рубикон* — здесь: граница, отделяющая живых от мира мертвых (см. прим. 119).

367. КН. 1898. № 4. С. 67, с вар.: «Чтоб нам к ним с сердцем относится» (*9*); Соч. I. С. 356—357, та же редакция; ПУ. С. 107—108.

368. РМ. 1899. № 2. С. 89, с вар.: «Я жду прилета соловья!» (*20*); ПУ. С. 109—110.

369. РМ. 1897. № 11. С. 204—2-5, с вар.:

4 В сиянье полночи скользил.
10 Печали жарких рудников,
25—26 Я знал труда большую тяжесть,
Услады, радости труда;

Соч. I. С. 317—319, та же редакция; ПУ. С. 111—112.

370. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 703—704; ПУ. С. 113. *Знать, огненный к нему с небес сошел язык* — аллюзия на сошествие Св. Духа на апостолов: «И явились к ним разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (Деян. 2. 3).

371. РМ. 1899. № 1. С. 74—75, с вар.: «Пестрей как тех, так и других» (*10*); ПУ. С. 114.

372. Словцо. 1900. № 14. С. 1, заглавие «Фараон»; ПУ. С. 115—116. *Схент* — венец египетских фараонов, состоящий из двух корон. *Гикс* (Гиксосы) — кочевые азиатские племена, владевшие Египтом с 1700 г. и до начала XVI в. до н. э.; также — название царей этих племен. *Из времен «Декамерона»* — собрание новелл Д. Боккаччо (1313—1375), изображающих вольные нравы эпохи Возрождения.

373. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 255—256; ПУ. С. 117.

374. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 701—702, без последней строфы, с вар.: «Места ей места, сломает» (*3*); ПУ. С. 118.

375. РМ. 1899. № 3. С. 125; ПУ. С. 119.

376. РМ. 1898. № 1. С. 170, с вар.: «Вот он — сидит при огне... » (*10*); Соч. I. С. 365—366, та же редакция; ПУ. С. 120—121.

377. ПУ. С. 122—123.

378. КН. 1901. № 1. С. 105—106; ПУ. С. 124.

379. Соч. I. С. 352, с вар.: «И во дни Святой недели» (*15*); ПУ. С. 125—126.

380. КН. 1898. № 4. С. 69—70, с вар.: «Был кинут, и — возник приют!» (*12*); «И в страшный час, — он есть и ныне, — / Свой сла-

бый отклик даст оно... (*15—16*); Соч. I. С. 360, та же редакция; ПУ. С. 127.

381. РМ. 1899. № 6. С. 75—76; ПУ. С. 128. *Царьград* — см. прим. 273.

382. РМ. 1899. № 6. С. 75; ПУ. С. 129.

383. РМ. 1898. № 2. С. 76, с вар.: «Зима глубокая теплом дохнула в вас;» (*2*); Соч. I. С. 339, та же редакция; ПУ. С. 130.

384. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 735—738, с вар.: «Им нужно мерзнуть у истоков» (*15*); ПУ. С. 131—132.

385. РМ. 1899. № 2. С. 86; ПУ. С. 133.

386. КН. 1899. № 2. С. 84—85, с вар.: «С ним каменеет и сердце мое... » (*28*); ПУ. С. 134—135.

387. КН. 1899. № 2. С. 84; ПУ. С. 136. *Как волны дантовского ада* — см. прим. 33, 589—600 (XLI).

388 КН. 1898. № 4. С. 68—69, с вар.: «Прожив века на лоскутке бумаги,» (*13*), «Но каждый будет жить светло и бесконечно... » (*18*); Соч. I. С. 358—359, та же редакция, с делением на две строфы; ПУ. С. 137. *Умру и я в свой срок* — ср.: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет... » (А. С. Пушкин «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

389. КН. 1899. № 2. С. 82—83; ПУ. С. 138.

390. РМ. 1897. № 11. С. 207—208, с вар.:

14—15 Чуть вперед — узрите вы
Над дремучими лесами
17 Сел, схизматик, за стенами!
29 Всё какие-то сраженья!

Соч. I. С. 322—324, та же редакция; ПУ. С. 139—141. Речь идет о нашествии немецких и шведских рыцарей в XIII—XIV вв. и о Ливонской войне XVI в. (судя по упоминанию о «царе Москвы»). *Дочка я реки Великой* — река Нарова (Нарва) вытекает из Чудского озера, соединяющегося с Псковским, куда впадает Великая. *Схизматик* — «раскольник», название, которое католическая церковь давала православным. *Ям* (до 1922 — Ямбург, ныне г. Кингисепп, Ленинградская область) — крепость основана в 1384 г., безуспешно осаждалась немцами в 1444 г. *Копорье* — древнерусский город Новгородской земли, жители которого разбили шведов в 1337 г. *Дурбэн* (Дурбе) — город в Латвии. *Магербург* — «тощая крепость» (нем.); *Гунгербург* (немецкое название Усть-Нарвы) — «голодная крепость» или «крепость голода». *Старых рыцарей виденья* — иронический намек на немецких аристократов, владевших многочисленными имениями в Прибалтике. Отношение Случевского к ним было критическое (см. «По северо-западу России»).

391. РМ. 1898. № 1. С. 169—170; Соч. I. С. 363—365; ПУ. С. 142—143. *Моря синего царица* — ср. с «Морской царевной» М. Ю. Лермонтова.

392. РМ. 1898. № 3. С. 207, с вар.: «Над темнотой реки холодной, —» (*1*); «И тонких льдин не отличить.» (*4*); «Он реку всю разрисовал.» (*8*); Соч. I. С. 347—348, та же редакция 1 и 4 строк, с вар.: «Снег всю реку разрисовал.» (*8*); ПУ. С. 144.

393. РМ. 1899. № 6. С. 75; ПУ. С. 145. *Се человек* — слова Пилата о Христе (Ин. 19. 5).

394. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 735—736, с вар.: «Чем гуще тьма, тем будет мысль ясней,» (*14*); ПУ. С. 146.

395. ПУ. С. 147. *Гретхен* (Маргарита) — см. прим. 354. ... *без мысли о тюрьме* — в «Фаусте» И.-В. Гете Гретхен умирает в тюрьме. *Но глянул блеск проклятого запястья* — речь идет о шкатулке с драгоценностями, подложенной Гретхен Мефистофелем.

396. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 733—734; ПУ. С. 148—149.

397. Пр. к Н. 1900. № 4, стр. 699—700 с вар.: «Сопутствовал, как литургии, / Трудам лопаты и ножа.» (*11—12*); ПУ. С. 150. *И так как праздник был в то время* — речь может идти о Благовещенье, или Вербном воскресенье, или о Пасхе. *Акафист* — см. прим. 202—211 (IX).

398. РМ. 1898. № 3. С. 207. с вар.: «Растут печальные явленья,» (*7*); Соч. I. С. 346—347, та же редакция; ПУ. С. 151.

399. КН. 1898. № 1. С. 49, с вар.: «Станешь ты не чист и грузен,» (*9*), «Изморят во цвете лет;» (*14*); Соч. I. С. 328—329, та же редакция 14 строки; ПУ. С. 152—153. *Сильф* — см. прим. 11.

400. РМ. 1899. № 1. С. 75; ПУ. С. 154.

401. ПУ. С. 155. *«Пара гнедых»* и *«Ночи безумные...»* — популярные романсы на слова А. Н. Апухтина. Случевский принимал участие в подготовке посмертного издания стихов Апухтина 1895 г. (благодарственное письмо к нему В. Апухтиной от 27 января 1895 г. — ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/490).

402. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 255—256, с вар.: «Я им совсем, совсем чужой... » (*10*); ПУ. С. 156. *Иуда* — один из учеников Христа, предавший его.

403. РМ. 1899. № 2. С. 85; ПУ. С. 157.

404. Соч. I. С. 340—341; ПУ. С. 158—159. *Финикийцы* — в древности один из народов на восточном побережье Средиземного моря; славились как торговцы и мореплаватели. *Гетера* — в древней Греции женщина, ведущая свободный образ жизни.

405. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 733—734; ПУ. С. 160.

406. РМ. 1899. № 2. С. 87, с вар.: «Стоят недвижными волнами» (*3*); ПУ. С. 161.

407. РМ. 1898. № 2. С. 74—75, с вар.: «Волна твоих людей с тобою отошла,» (*7*), «И на нее ползет бессильными струями;» (10); Соч. I. С. 336—337, та же редакция; ПУ. С. 162—163.

408. РМ. 1898. № 2. С. 73; Соч. I. С. 334—335; ПУ. С. 164—165.

409. РМ. 1899. № 1. С. 71; ПУ. С. 166.

410. РМ. 1899. № 1. С. 73—74, с вар.: «И в долгий век, следя за ним,» (3); ПУ. С. 167. *Что мир погибнет безобразьем / И возродится красотой* — ср. со знаменитыми словами Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир» из романа «Идиот».

411. Соч. I. С. 349; ПУ. С. 168.

412. КН. 1901. № 1. С. 104; ПУ. С. 169—170. *Парки* — в древнеримской мифологии три богини-сестры, прядущие нити человеческих судеб. *И там — не здесь — сойдешь с ума!* Мотив безумия за гробом возникает и в «Рассказе-симфонии» (Случевский К. К. Новые повести. СПб., 1904).

413. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 31—32, с вар.: «Вдруг обращают в лес и дол; / Часть кверху тащат за канаты,» (*1—2*); «Весну торопят в два конца.» (*12*); ПУ. С. 171.

414. РМ. 1899. № 2. С. 89—90; ПУ. С. 172.

415. Пр. к Н. 1900. № 8. С. 729—730, с вар.: «Там светят тысячи невидимых огней; / А вкруг — совсем темно и, что ни час, темней... » (*7—8*); ПУ. С. 173—174.

416. РМ. 1899. № 3. С. 124, с вар.: «Ах, как я люблю порою,» (*1*), «Замиряется разлад;» (*6*); ПУ. С. 175.

417. РМ. 1899. № 2. С. 88—89, с вар.: «В каждом искрою горит;» (*10*); ПУ. С. 176.

418. РМ. 1899. № 3. С. 125, с вар.: «Дождем, все капли разожглись» (*6*); ПУ. С. 177.

419. РМ. 1899. № 1. С. 74, с вар.: «И поет она в нас вечно!» (*17*); ПУ. С. 178—179.

420. КН. 1898. № 4. С. 71; Соч. I. С. 361—362; ПУ. С. 180.

421. РМ. 1897. № 11. С. 205—206, с вар.: «В лиственном лесе шумливо, / Если найдет ветерок;» (*1—2*); «Петь и с тобой в унисон.» (*16*); Соч. I. С. 319—320, та же редакция; ПУ. С. 181—182.

422. КН. 1898. № 4. С. 65; Соч. I. С. 354—355; ПУ. С. 183.

423. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 29—30, с вар.: «Не хочет знать, как чутко бьется» (*3*); ПУ. С. 184. *Что день грядущий?* — ср. «Что день грядущий мне готовит?» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»).

*424. Соч. I. С. 343—344; ПУ. С. 185—186. *Горят евангельские строки «Я к вам приду!»* — вероятно, слова Христа ученикам на тайной вечере: «И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к себе» (Ин. 14. 3).

425. РМ. 1898. № 3. С. 206, с вар.: «Всего на несколько минут.» (*16*); Соч. I. С. 346, та же редакция; ПУ. С. 187.

426. КН. 1899. № 2. С. 83; ПУ. С. 188.

427. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 249—252; ПУ. С. 189.

428. КН. 1898. № 4. С. 64—65; Соч. I. С. 354; ПУ. С. 190.

429. РМ. 1898. № 2. С. 76—77; Соч. I. С. 339—340; ПУ. С. 191—192.

430. РМ. 1899. № 3. С. 122, с вар.: «Нет жизни; полегли — усталы» (*7*), «Такой же облик восстает.» (*12*); ПУ. С. 193.

431. КН. 1898. № 4. С. 64; Соч. I. С. 353—354; ПУ. С. 194.

432. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 705—706, с вар.: «Больше надежд в саркофагах хоронится,» (*3*); ПУ. С. 195.

433. ПУ. С. 196—197. Реминисценции из этого стихотворения в черновике стихотворения В. Я. Брюсова «Тетрадь»: «Правда ль? Клише ль? Спят гиганты (Случевский) / В нас.». *Гиганты* — в древнегреческой мифологии великаны, сыновья Земли и Неба, восставшие против богов и побежденные ими. *Изида* (Исида) — в древнеегипетских мифах жена и сестра Осириса (см. № 233), богиня плодородия, олицетворяющая супружескую верность. *Агора* — площадь в древних Афинах, место народных собраний. *Пританей* — дом в Афинах, где собирались пританы, выборные лица, председательствовавшие на народных собраниях. *Колизей* — см. прим. 270. *Торквемада* Томас (1420—1498) — глава испанской инквизиции. *В кругу чернеющих друзей* — т. е. среди монахов. *В русском мраморе, в тивдийском.* Гробни-

ца Наполеона I в Париже сделана из тивдийского порфира (по названию селения Тивдия на западном побережье Онежского озера).

434. Д. 1900. С. 138, с вар.: «С отвагой в мыслях, с силами в груди.» (*12*), «Что значит власть иметь в минуте, что идет,» (*14*); ПУ. С. 198. *Что значит властвовать в минуте* — ср. слова гетевского Фауста «Едва я миг отдельный возвеличу ~ И мне спасенья нет из западни» (пер. Б. Пастернака).

435. Соч. I. С. 353; ПУ. С. 199.

436. РМ. 1898. №1. С. 168—169, с вар.: «Что песня комаров полночных» (*3*); Соч. I. С. 363, та же редакция; ПУ. С. 200.

437. Соч. 1. С. 348, с вар.: «В ней отрава, знаю я! / Выпью! Связь разрушу нашу —» (*6—7*); ПУ. С. 201.

438. РМ. 1899. № 2. С. 86; ПУ. С. 202. Сопоставлялось со стихотворением Е. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой не громок... » (Ст.-1983, 227). *Мы — раздробленные скрижали*. Строка была взята К. Бальмонтом эпиграфом к посвященному Случевскому стихотворению «Как же мир не распадется... ».

439. КН. 1901. № 1. С. 105; ПУ. С. 203.

440. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 253—254; ПУ. С. 204.

441. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 33—34; ПУ. С. 205.

442. Пр. к Н. 1901. № 7. С. 435—438; ПУ. С. 206. *Говенье* — ограничение в пище, пост, предшествующий исповеди и причащению.

443. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 707—708; ПУ. С. 207.

444. РМ. 1898. № 3. С. 208, с вар.: «Недавно так они бродили,» (*5*); Соч. I. С. 350—351; ПУ. С. 208.

445. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 707—708, с вар.: «Но если, медленно очистившись, в раздумье» (*5*); ПУ. С. 209.

446. Пр. к Н. 1901. № 7. С. 435—436; ПУ. С. 210. Ср. с стихотворением Я. П. Полонского «Одному из усталых»: «О! я б и сам желал уединиться! / Но, друг, мы и в глуши не перестанем злиться / И к злой толпе воротимся опять. / Не говори мне, что природа-мать: / Она детей не любит одиноких, — / Ожесточенных, так же как жестоких, / Природа не умеет утешать».

447. РМ. 1898. № 2. С. 72, с вар.: «Никто не думал нас спросить!» (*10*); Соч. I. С. 334, та же редакция; ПУ. С. 211. Ср. «Цветы последние милей... » А. С. Пушкина.

448. РМ. 1899. № 1. С. 72, с вар.: «Нас зацеловывает на смерть» (*11*); ПУ. С. 212. *Астарта* — см. прим. 202—211 (VII). *Бахус* — в римской мифологии бог вина. *Ваал* (Баал) — древнее общесемитское божество плодородия, войны. *Нас зацеловывают насмерть* — см. прим. 76.

449. РМ, 1899. № 6. С. 77—78; ПУ. С. 213—214. *Шателенка* — от chatelain (фр.) — владелица замка. *Толкуя зодиак* — здесь: предзнаменование звезд.

450. ПУ. С. 215—216.

451. РМ. 1898. № 3. С. 207—208, с вар.: «Я, даже на закате дней,» (*10*), «Теперь я это чувство грею,» (*13*); Соч. I. С. 348—349, та же редакция; ПУ. С. 217.

452. ПУ. С. 218.

453. Д. 1900. С. 136, с вар.: «Что недопето мной, то будет мной допето...» (*16*); ПУ. С. 219.

454. КН. 1898. № 4. С. 66; Соч. I. С. 355—356; ПУ. С. 220.

455. РМ. 1898. № 2. С. 71, с вар.: «И дремлет, будто слышит речи» (*11*); Соч. I. С. 332, та же редакция; ПУ. С. 221—222.

456. КН. 1898. № 4. С. 67—68; Соч. I. С. 357—358; ПУ. С. 223—224.

457. КН. 1898. № 4. С. 71—72; Соч. I. С. 338—339; ПУ. С. 225. *Тайнобрачные* — такие растения, как папоротник или хвощ.

***458**. Д. 1900. С. 139; ПУ. С. 226.

459. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 253—256, с вар.: «Где и в чем его начатки?» (*7*); ПУ. С. 227.

460. РМ. 1899. № 2. С. 85, с вар.: «И милых деток голоски!» (*12*); ПУ. С. 228.

461. РМ. 1899. № 3. С. 124—125; ПУ. С. 229.

462. КН. 1899. № 2. С. 82; ПУ. С. 230.

463. Пр. к Н. 1901. № 9. С. 31—32, с вар.: «Тучи, поспоримте! Око за око!» (1), «Чуть отогреет, тотчас исчезает?» (*13*); ПУ. С. 231—232. *Око за око* — ср.: «...перелом за перелом, око за око, зуб за зуб...» (Лев. 24. 20) и Евангелие (Мф. 5. 38); у Случевского есть также рассказ «Око за око».

464. КН. 1898. № 4. С. 66; Соч. I. С. 356; ПУ. С. 233. *Природа-мать лицеприятна* — см. № 320.

465. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 701—702; ПУ. С. 234. Ср. слова Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют...» (Мф. 6. 19).

466. РМ. 1899. № 3. С. 123—124; ПУ. С. 235.

467. Пр. к Н,1901, № 7. С. 433—436; ПУ. С. 236—237.

468. КН. 1898. № 1. С. 49—50, с вар.: «Сколько же с ними в сравненье» (*15*); Соч. I. С. 329—330; ПУ. С. 238—239.

469. РМ. 1897. № 11. С. 206—207, с вар.: «Для собеседований этих» (*11*); Соч. I. С. 321, та же редакция; ПУ. С. 240. Отмечалась связь с «Осенью» А. С. Пушкина (Ст.-1983, 227).

470. РМ. 1899. № 1. С. 76—77, с вар.: «И этим их поднять, и жизни цель поставить,» (17); ПУ. С. 241—242. *Что надобно желать всех ужасов войны.* Возможно, речь идет об идеях Н. Данилевского, выраженных в книге «Россия и Европа», где говорилось о необходимости войны с западом для укрепления единства славянских народов. Эти идеи отразились и в пьесе Случевского 1899 г. «Поверженный Пушкин». Но не исключено, что речь идет и о западных геополитических теориях, например немецкого географа и этнографа Фридриха Ратцеля (1844—1904), полагавшего, что «высшее призвание народа в том, чтобы улучшить свое географическое положение» (война с этой точки зрения есть также способ улучшить — расширить географическое пространство). *Добрый пастырь* — Христос (Ин. 10. 11). *И на торгующих не прибегать к бичу* — о Христе, изгнавшем торгующих из храма (Мф. 21. 12—13).

471. Пр. к Н. 1900. № 2. С. 251—252, с вар.: «Они — везде, и их не спросят,» (*9*); ПУ. С. 243.

472. РМ. 1899. № 6. С. 77, с вар.: «Блаженном сне, глубоком сне» (*11*); ПУ. С. 244—245. Ср. с «Миры летят. Года летят..» А. А. Блока. *Что бездны звезд* — ср.: «Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» (М. В. Ломоносов «Вечернее размышление о Бо-

жием величии при случае северного сияния»). *Свод неба тверд* — ср.: «Земля недвижна; неба своды, Творец, поддержаны тобой» (А. С. Пушкин «Подражания Корану»).

473. КН. 1898. № 4. С. 69, с вар.: «То ярко так в душе живет.» (*4*), «То были дни произрастаний» (*9*); Соч. I. С. 359, та же редакция; ПУ. С. 246.

*474. Пр. к Н. 1900. № 4. С. 699—702; ПУ. С. 247.

475. ПУ. С. стр. 248.

478. РМ. 1899. № 2. С. 86—87, с вар.: «В нас о поэзии смешное представленье!» (*1*); «Как быть им тяжело — оценит лишь поэт!» (*4*); «Фома неверный он, припавший к осязанью» (*7*); ПУ. С. 249. *Фома неверящий* — апостол Фома, не поверивший в воскресение Христа, пока не увидел Его сам и не вложил руки в Его раны (Ин. 20. 24—29).

477. РМ. 1899. № 2. С. 88; ПУ. С. 250.

478. РМ. 1897. № 11. С. 209—210; Соч. I. С. 325—326; ПУ. С. 251—252. *Рыцарь Лоэнгрин* — прекрасный юноша, герой средневековой поэмы и основанной на ее сюжете оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин»; и в поэме, и в опере он появляется на лодке, которую тянет за собою лебедь. *Я совсем не стар, я молод* — ср. «Снится мне: я свеж и молод» (Я. П. Полонский «Качка в бурю»).

479. РМ. 1898. № 2. С. 75—76; Соч. I. С. 368; ПУ. С. 253—254. *Как инок на исходе дней Пишу последнее сказанье* — ср.: «Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя» (А. С. Пушкин «Борис Годунов»; отмечено: Ст.-1983, 228).

480. РМ. 1899. № 6. С. 80, с вар.: «Это будто бы писал совсем не я, —» (*1*), «Ни за что ее нигде не обрести,» (*7*); ПУ. С. с. 255.

ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ

Два экземпляра авторизованной машинописи находятся в ИРЛИ (Ф. Р III. Оп. 1. № 1934) и в РНБ (Ф. 341 (Картавов П. А.) — № 663); далее в пределах раздела этими сокращениями мы будем обозначать сами рукописи. В машинописи есть пометы (машинописные и вписанные от руки), обозначающие первоначальную нумерацию стихотворений. Сравнение этих помет с окончательной нумерацией показывает, что расположение отдельных стихотворений, образующих поэму, менялось, по крайней мере, трижды. Само название «Загробные песни» в определенном смысле условно, т. к. мы не знаем окончательной воли автора: поэма печаталась отдельными циклами, один из которых носил аналогичное название. Хранящийся в РНБ экземпляр озаглавлен «Случевский К. К. “В том мире”. Поэма», а вписанные Случевским карандашом названия разделов демонстрируют несколько иной план (возможно первоначальный), чем в журнальных публикациях:

л. 1 В том мире. Встречи <двадцать пять>

л. 55 2

Из «Дневника» оставленного в столе

<32>

л. 70 3

Характеристик<а>и бытия души
<19>

л. 90 <7> 5
<Совесть>
— Добро и зло
<— Рай и ад>
— Совесть

Тем не менее мы печатаем поэму под общим названием «Загробные песни», т. к. именно под этим названием она фигурирует в переписке поэта (см. также об истории печатания поэмы в предисловии к настоящему изданию). Случевский читает «Загробные песни» на «пятнице» 2 ноября 1901 г., 6 ноября предлагает их прочесть А. С. Суворину (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. № 3951. Л. 77), 30 ноября отправляет ему пакет с 57 стихотворениями. Параллельно он предлагает те же 57 стихотворений в «Вестник Европы». Как он сообщает Н. М. Минскому, «это будет около 3 листов... » (ИРЛИ. Ф. 39. № 341. Л. 18). Единственное условие, которое он ставит перед М. М. Стасюлевичем в письме от 3 декабря — это то, что стихи «могут быть напечатаны циклами, в два-три приема; иначе невозможно. Я озаглавил в скобках (Мечты), это может быть, непригодно. <... > Всего строк 1297» (ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1, № 1319). 4 декабря он заверяет Стасюлевича, что «цензура обеспечена» (ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 1319. Л. 3). Однако стихи были отклонены. По свидетельству В. Я. Брюсова к 9 февраля 1902 г. «Загробные песни» были значительно пополнены: «Прочел мне целую свою новую книгу "Загробные песни" свыше ста стихотворений» (Брюсов В. Я. Дневники: 1891—1910. М., 1927. С. 118). 27 марта 1902 г. Случевский писал Брюсову: «Я, в моих "загробных песнях" уношусь черт знает куда, но с ума не схожу» (РГБ. Ф. 386. Кар. 103. № 1). 29/30 марта 1902 г. Брюсов писал Случевскому: «Жду с понятным нетерпением, когда "Посмертные песни" станут прочным достоянием нас, читателей» (ГИМ. Ф. 359/381). 10 апреля Случевский сообщал А. А. Луговому: «Я весь в своих «Загробных песнях»; их уже 150» (ИРЛИ. 7316/XLIII б. 14). Были приняты в «Русский Вестник» благодаря В. Величко. Публикация предварялась заметкой «От редакции»:

«С особым интересом приступаем к печатанию серии своеобразных "Загробных песен" известного поэта К. К. Случевского. Эти произведения весьма характерны для маститого автора и, помимо своего общелитературного и философского значения, представят с указанной точки зрения большую ценность для будущего критика и биографа нашего поэта. Мотивы, мысли и отчасти даже образы, здесь сгруппированные и объединенные идеей бессмертия души человеческой, можно порознь проследить еще в весьма ранних произведениях К. К. Случевского: здесь только достиг высшей напряженности и яркости свет, озарявший всю его духовную жизнь. Укажем, например, на задуманный автором еще на студенческой скамье в Германии и напечатанный лет 10 или 15 тому назад рассказ "Про-

фессор бессмертия"; в целом ряде стихотворений на самые разнообразные темы: "Элоа", "Песни из уголка" и др., звучит не только вера, но и убеждение в реальности загробной жизни: видно, что этому вопросу, — который ныне все большему числу людей, погрязших в слепом, полуживотном материализме, кажется совершенно праздным, — чуткий поэт, как рыцарь духа, посвятил немало глубоких дум и чистых вдохновений; с каждым годом, с каждым днем все более сроднялся он с этим вопросом.

В печатаемом ныне цикле "Загробных песен" видна, поэтому, необыкновенная, чисто дантовская реальность, жизненность созерцания неведомого мира, а вместе с тем такая простота изложения, точно поэт рассказывает о виденном и испытанном, а не о провидимом сквозь густую завесу тайны...

Вместо предисловия, маститый автор сообщает следующие несколько фактов и цитат, как относящиеся к вопросу о загробной жизни, так и предостерегающие от педантичного, предвзятого недоверия к идее бессмертия. К. К. Случевский основательно отмечает, что это недоверие — признак умственной узости, проявляемой нередко даже выдающимися людьми по отношению к фактам весьма наглядным. Образцом истинно-философского, истинно-научного отношения к делу является нижепомещаемый эпиграф из Канта. Великий мыслитель не считает себя вправе закрыть дверь в ту загадочную бездну вечности, в которой вдохновенный поэт наш чувствует себя, как дома» (РВ. 1902. № 10. С. 487).

Уход В. Величко из «Русского Вестника» не вызвал мгновенной приостановки публикации, чего Случевский опасался (письмо к Н. М. Соколову от 28 октября 1902 г. — см. Мазур Т. П. Случевский. Основные этапы творческой биографии. Дисс. ... канд. филол. наук (приложение). М., 1974. С. 242), однако цикл «Смерть и бессмертие» печатался в 1903 г. уже в журнале «Новый путь». Л. Н. Виленкина-Минская в письме к сыну Случевского упоминает, что она помогала в работе над «Загробными песнями»: «В Вашем отце я потеряла истинного, глубокого друга, близкого человека и дорогого учителя. Как раз в последние годы я близко "увидела" его и помню, какие отрадные часы мы проводили вместе, корректируя "Загробные песни"» (ГИМ, Щ. 151/494). В конце 1950-х гг. в эмигрантских журналах («Возрождение», «Грани») был републикован ряд стихотворений из «Загробных песен», печатавшихся прежде в «Русском Вестнике». В 1968 г. они вышли отдельным томом: Случевский К. К. Забытые стихотворения. München, 1968. Но мюнхенское издание не было полным, т. к. Д. Чижевским в него не был включен цикл «Смерть и бессмертие». Ряд «математических» примечаний к «Загробным песням» в нашем издании любезно сделан В. П. Троицким.

I. СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

481—490. Смерть и бессмертие

I. НП. 1903. № 5. С. 52—53. *Нирвана* — в буддизме абсолютная отрешенность души от мира; небесный рай. ... *разбиваю я, как Мои-*

сей, скрижаль — пророк Моисей разбил начертанные на каменных досках заповеди Божии, когда увидел поклонение евреев золотому тельцу (Исх. 32, 19).

II. НП. 1903. № 5. С. 54—55. *Символ веры* — краткий свод основ христианской веры, утвержденный на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) вселенских соборах.

III. НП. 1903. № 5. С. 56. *Причина причин* (causa causarum) — философский термин, первопричина.

IV. НП. 1903. № 5. С. 57. *Фрина* (IV в. до н. э.) —знаменитая в Афинах гетера. *Когда умру я, но не весь* — ср.: «Нет, весь я не умру...» (А. С. Пушкин «Я памятник себе воздвиг нерукотворный... »).

V. НП. 1903. № 5. С. 58.

VI. НП. 1903. № 5. С. 59—60.

VII. НП. 1903. № 5. С. 61—62.

VIII. НП. 1903. № 5. С. 63. *...на вспышки ада / Послал потоп* — всемирный потоп был возмездием за то, что «наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6. 11).

IX. НП. 1903. № 5. С. 64.

X. НП. 1903. № 5. С. 65—66. *Бог не почил* — ср.: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои <... > и почил в день седьмой» (Быт. 2. 2).

II. ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ

491 — 507. Болезнь. Смерть. Первые впечатления.

Кант — см. прим. 119. *Гризингер* Вильгельм (1817—1868) — немецкий врач, основатель научной психиатрии. *Джевенс* (Джевонс) Уильям Стенли (1835—1882) — английский логик, экономист. *Юнг* Томас (1773—1829) — английский ученый, основоположник волновой теории света. *Тиндаль* Джон (1820—1893) — английский физик. *Лавоазье* (Лавуазье) Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик. *Арго* (Араго) Доменик Франсуа (1786—1853) — французский ученый и политический деятель. *Тьер* Адольф (1797—1877) — политический деятель, историк. *Бомон* Жан Баптист Эли де (1798—1874) — французский геолог. *Фультон* (Фултон) Роберт (1765—1815) — американский изобретатель, построивший первый колесный пароход. *Прудон* Пьер Жозеф (1809—1865) — французский социалист, экономист; Случевский писал о нем в «Явлениях русской жизни под критикою эстетики» (ч. I, 1866). *Эдиссон* (Эдисон) Томас Алва (1847—1931) — американский изобретатель, изобрел фонограф в 1877 г.

I. РВ. 1902. № 10. С. 489. ИРЛИ. Л. 1, без эпиграфа, с карандашной правкой:

21—22 Но тяжесть давит <прах один>,
Тут я над <прахом господин>;
27—28 Я <очень> много, много поумнел
Умы <разумны и> без тел.

Фламмарион Камиль (1842—1925) — французский астроном. *Я слишком сорок лет в гробу* — 1862 г., дата эта определяется исходя из года

публикации стихотворения — 1902 г. и даты смерти Н. В. Гоголя — 1852 г., попавшего в иной мир «лет десять до меня» (см. 560—588(XV)). *Одежда вслед за тем сгнила.* Эту строку имела в виду А. Ахматова в беседе с Л. Я. Гинзбург: «Я: Случевский — это уже декадентство. <... > система гниющих лирических штампов... на этом фоне возможно все что угодно. АА.: На этом фоне оказывается, что у мертвеца сгнили штаны — и он сам заявляет об этом» (Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987. С. 222).

II. РВ. 1902. № 10. С. 489—490. ИРЛИ. Л. 2, с карандашной правкой: «<Когда бы> знали те, кто живы,» (*7*).

III. РВ. 1902. № 10. С. 490. ИРЛИ. Л. 69, помета: 13, с вар.: «И очищался я и слышал вдруг: "Пора!"» (*12*).

IV. РВ. 1902. № 10. С. 490—491. В стихотворении изображена первая (земная) смерть (см. прим. 491—507 (VIII)). *Блаженный Августин* (354—430) — христианский богослов, автор книги «О граде Божием», один из отцов католической церкви. *Василий Великий* (330—379) — архиепископ Кесарийский, вселенский отец и учитель православной церкви. *Евмениды* (эвмениды) — в греческой мифологии богини мщения.

V. РВ. 1902. № 10. С. 491—492. *Голубому цветку на степи не расти* — аллюзия на роман немецкого поэта-романтика Новалиса (Фридриха-Георга фон Гарденберга; 1772—1801) «Генрих фон Офтердинген», где голубой цветок, символ счастья, является герою во сне в начале его пути и видится вновь лишь в момент смерти (см. 601—637(XLIII), прим. 733).

VI. РВ. 1902. № 10. С. 492—493. В машинописи имелся финал (ИРЛИ. Л. 2—2об.), который следует после заключительной 56 строки основной редакции:

1—40 Шли от стран, от концов, от начальных начал
И когда бы и где ни почили;
Громкий благовест в небе немолчно звучал
Солнца пели и звезды звонили
И не виделось вовсе страдальческих лиц
Тех что гробы в себя принимали
И в молитвенном чаянье падали ниц!
И, поднявшись на небо взирали,
А над новой Землей и в иных небесах
Возникало бесплотных явленье,
С нескончаемым блеском на чистых крылах
Сквозь великое сладкое пенье.
Грохот слышался всюду от глыб земляных
Что валились в пустые могилы;
Треск от царских гробниц в разрушении их
Повеленьем неведомой силы...

Разрушалась и Смерть. В ней погасла алчба
Слух погас, затуманилось зренье.
И постигла ее всякой жизни судьба —
Прикоснулось всесильное тленье!

Проходили вблизи сонмы новых людей,
Безучастные вдаль проходили,
Не заметил никто разрушенья костей,
Груду новую праха и пыли...

А над ней, вижу я, Ангел смерти стоит,
Чудный Ангел с мерцающим ликом
Темный взор его светлой слезою блестит
В созерцанье блаженно-великом!
Убежала с лица его грусти печать,
Слезы в добрых очах просыхали...
К трудной службе его снизошла благодать
Смерть, как всех остальных воскрешали.
Этот девственный лик молчалив, невесом,
Друг печальных, больных и страдавших
Был всем снова возникшим и мил и знаком:
Это он принимал умиравших!
Это он снизошел и ко мне в должный срок,
Приголубил прохладой объятий;
И от бездны с ее содержимым отвлек
Прочь от света проклятий...

Этот вычеркнутый финал имел авторскую правку и вписанные дополнительные строки:

22—24 Шел и я... все мы вдаль уходили...
Боль затихла во мне... прежде было больней...
Но зачем вы глаза мне закрыли?
Ведь я вижу насквозь... слышу грохот и вой...
Что-то жгучее дали мне!.. жгите!
А я все-таки стану опять сам собой...
Нет! я выпорхну! Ну-ка! Ловите!

вм. 30 Слезы <быстро> в очах просыхали
вм. 40 Прочь от <света и грома и> проклятий...
<Слышу, [1 нрзб.], вой>
Ведь я вижу теперь... [вблизь, вдаль, высь... —?]
Что-то жгучее дали мне... Жгите!
А я все-таки стану опять сам собой...
Вы не верили мне... ну... ловите...

VII. РВ. 1902. № 10. С. 493—494. *В трубном звуке* — ср.: «Я был в Духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний<...> и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мной, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» (Откр. 1. 10; 4. 1).

VIII. РВ. 1902. № 10. С. 494. *Как? Опять Страшный Суд!* — навеяно 20 главой Апокалипсиса, говорящей о первом воскресении и о второй смерти для умерших грешников. *Разрушалась и Смерть* — см. прим. 116.

IX. РВ. 1902. № 10. С. 495. ИРЛИ. Л. 89, помета: 4, с вар. и правкой:

2 <Не понять не испытав>
5 Вон вдали земля туманная,
11 <Красотою> захудалая,

Отмечалась близость стихотворного размера с переводом «Орлеанской девы» В. А. Жуковского (ЗС, 172).

X. РВ. 1902. № 10. С. 495—496. *Аналой* — высокая подставка для икон или богослужебных книг. *В ней и скрежет зубовный* — образ из Евангелия: «<...> сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф., 8. 12).

XI. РВ. 1902. № 10. С. 496—497. *Печаль ее была полусветла* — ср. у А. С. Пушкина : «...печаль моя светла». («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»).

XII. РВ. 1902. № 10. С. 497. *Аллилуйя* — хвалите Господа; церковное песнопение.

XIII. РВ. 1902. № 10. С. 497—498. ИРЛИ. Л. 70, помета: 14, с вар. и правкой:

1 Да, я предстал сюда, весь полн непониманья...
5 Меня неловко так и долго вразумляли
9—11 Все пенья всех церквей <полны> взросли в такой печали,
Так ярко <водружен> врезан был в сердца людей скелет, —
Что с юношеских лет сомненья <в мысль запали> возникали:
15—16 <Вот Назарет... звезда... вот ангелы запели,
Тьма тем от ангелов и шествуют волхвы!>
16—17 И шествовали к ней, как за звездой волхвы!
И мы бы верили глубоко, безгранично,
19—20 Нас зацеловывают всех, единолично
<И сами мы идем <пробел. — *Е. Т.-Г.*> Христа!>

На л. 71 то же стихотворение, перепечатанное набело, с вар.: «Тогда бы верили [глубоко] мы с детства безгранично» (*17*).

XIV. РВ. 1902. № 10. С. 498. ИРЛИ. Л. 91, помета: 5—2. Варианты и правка чернилами по карандашу:

1 Я помню, как мой взгляд, взгляд первый в свете новом,
5—7 Мелькнули <отблески> тьмы от тем каких-то одеяний
<Скользнули полосы> светящихся теней...
<Открылась сразу даль без> Открылася вокруг без всяких расстояний,
10—12 Звучал как будто бы, один [какой-то] великий стих:
Не звуки арф, иль цитр, не тоны струн гитарных
А нечто новое, гораздо лучше их!
14—20 <И здесь он не всегда> Он только изредка молитвенно звучит,
<Он> И ясно слышится <для тех> [тому] лишь тем, кто станет духом,
<Ломая плоть,> Когда, ломая плоть, он к нам сюда спешит!

Как бы не ведая, кому слагать <молитвы>,
Я поднимаем был... <и что-то вверх> влекло...
Я был один восторг, надежда [дрожанье], упоенье
И трепет, и испуг, и радость, и тепло!
23—25 Я [сильно] [словно] расцветал <живейшим упованьем>
цветком исполненным дрожаньем
Сознав, что новый мир <иначе говорит>!
Казалось, будто бы я выпорхнул из гроба,

На л. 92 то же стихотворение, перепечатанное набело, с пометами: 5—2, с правкой:

7 Открылися вдали, без всяких расстояний,
17 Как бы стремясь душой слагать мое моленье,
23 Я расцветал цветком наполненный дрожаньем

В обоих текстах и на л. 91, и на л. 92 стихотворение начиналось опущенным в окончательной редакции четверостишием:

За то что в жизни я совсем не знал видений
Не верил в стуки стен и щелканье столов,
Не слышал голосов необъяснимых пений,
Не видел световых явлений мертвецов —

Звучал, мне слышалось, какой-то чудный стих; / Бряцанье арф и цитр — ср. с темой небесной музыки у Данте «Звук столь певучих труб, что с ним в сравненье, / Земных сирен и муз не ярче звон, / Чем рядом с первым блеском — отраженье» («Рай», XII, 7—9, пер. М. Лозинского).

XV. РВ. 1902. № 10. С. 499. ИРЛИ. Л. 88, помета: 3. Правка:

5 <И что в> последней болезни моей,
16 И <жив> я <опять>, от лекарства вкусив...
20 Голубушка матушка! <милый> отец!!

XVI. РВ. 1902. № 10. С. 499. ИРЛИ. Л. 90, помета: 5.-1. Правка:

3 Я опустил глаза <в мгновенье ослепленный>,
5 Он виделся вдали! Я <только> преклонился.
9—10 <Как бы> бледнел... Тот свет, — он <жег> меня...
<Но> я исполнен был такого наслажденья,
16—17 Христос, чуть видимый <из-за далекой> дали...
Да, да, исчез... но все же <приходил>...

507. РВ. 1902. № 11. С. 70—71. РНБ. Л. 56, пометы: 1 и 97+10. В РНБ с эпиграфом «Узнаем много нового (I Кор. 13. 12). Варианты и правка:

1 Еще не знаю: что я где я?
7 И только лишь<ума> мое мышленье
11 <Идем> порядком неизменным,
17 Пусть ум вершит <в тиши. Он вправе>
31—32 <Что несомненна> жизнь без тленья,
И что душа <не только> звук...

37 <Как бы лежит> передо мною;
46 Что перед ним Толстой и Кант?
50 <Едва в загробный> мир проник,

Гексли Томас Генри (1825—1895) — английский биолог. *Тиндаль* — см. прим. к циклу 491—507. *Дарвин* — см. прим. 12. *Геккель* Эрнст (1834—1919) — немецкий биолог-эволюционист. *Фламмарион* — см. прим. 491—507 (I). *Бентам* Иеремия (1748—1832) — английский философ, социолог. *Декарт* Рене (1596—1864) — французский философ. *Буль* Джордж (1815—1864) — английский математик и логик. *Бэкон* Фрэнсис (1561—1626) — английский философ. *Джевенс* — см. прим. к циклу № 491—507. *Вирхов* Рудольф (1821—1902) — немецкий патолог, объяснил патогенез основных патологических процессов. *Ратгаузен* (Раденхаузен) Христиан (1813—1891) — немецкий философ. *Гартман* — см. прим. 258. *Смайльс* Самуэль (1812—1904) — английский писатель. *Ницше* Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. *Кирхгоф* Густав Роберт (1824—1887) — немецкий физик, профессор Гейдельбергского университета в годы учебы там Случевского.

508—538. Мой «Дневник» аналогий, тождеств, параллелей, оставленный в столе

В РНБ. Л. 57 название отдела отсутствует.

I. РВ. 1902. № 11. С. 72. РНБ. Л. 59, помета: 4. Варианты:

5—6 Нет у вас взрастающих в знанье человеческом,
И идущим медленно старою рутиною,

Лебон Филипп (1767/1769—1804) — французский инженер, разработал способ получения светильного газа в 1799 г.

II. РВ. 1902. № 11. С. 72. РНБ. Л. 58, помета: 3. Варианты:

5—7 И безграничному границы тоже есть
Букв в наших азбуках немного, можно счесть —
Но необъятности всех языков людских

III. РВ. 1902. № 11, стр. 72—73. ИРЛИ. Л. 56, помета: 57. Варианты и правка:

1—4 <Функцию мозга людского> Функцию мозга зовут в человеке душой!
Может ли функция, корня лишенная, жить?
В этом [права на] вопрос о бессмертье! [вам не дают] сознанья покой!
В этом <открытие> истины: «быть иль не быть?»
6 Также из воздуха черпают плоть и черты;
8—12 Цветом цветут <и потом> а затем обсыпают листы...

Мозг [человека] наш на корне, но <извне> он не от корня берет
Смысл и порядок, <математику> и статику сил бытия!

В этом — бессмертье! Пусть мозг как растенье, умрет,
Но сохранится <что извне он взял: ваше «Я»!> с небес окаймленное «Я»!
15—16 Не из химических сил <мыслей явственный> вечной музыки строй...
Извне внедряется то, чем <бессмертен> божествен наш ум!
19—20 Функция мозга, [родившись] явившись не сгинет вовек...
Тленьем рожденный, ты, мысливший, несокрушим!

РНБ. Л. 57, помета: 2, с эпиграфом о Филиппе Лебоие с разночтением: «изобрел горительный газ», с вар.: «Мозг человека на корне, но извне берет» (*9*); «В этом — бессмертье! пусть мозг как растенье умрет,» (*11*). ... *«быть, иль не быть»* — слова Гамлета (У. Шекспир «Гамлет»). *Дух человека на корне* — см. прим. 1.

IV. РВ. 1902. № 11. С. 73. РНБ. Л. 60, помета: 5, эпиграф вклеен, с вар.: «Если бы те основанья, причины, условья» (*3*). *Филарет* (Дмитрий Григорьевич Гумилевский) — богослов и историк русской церкви, автор книги «Православное догматическое богословие», с 1859 г. архиепископ Черниговский. *Нирвана* — см. прим. 481—490 (I).

V. РВ. 1902. № 11. С. 74. РНБ. Л. 61, помета: 6; с вар.: «Не поддаются бесспорным вполне очертаньям!» (*7*).

VI. РВ. 1902. № 11. С. 74. РНБ. Л. 62, помета: 7, с вар.:

1—8 Странного много! пример — теплоемкость Селена!
Он — особняк! по науке шалит металлоид!
А почему?! знанье наше — брожение, пена,
Миф, толчея... Только смерть нас в конец успокоит...
Наша душа, это высшее в мире творенье,
Ждет вся темна; только чуется будущность ей;
В смерти — мгновенье безвестного нам нарожденья
Новых путин и совсем незнакомых связей...
11 Нет исчезаний, а смерть лишь мираж исчезаний,
13 Если бы личная смерть полный круг завершенья
15—16 В чем же порядок развитья всего, от начала?
Цифры, расчеты, системы, а вывод провал!!

Светится радий ~ Своеобразна электропроводность селена. Речь идет об особых свойствах названных химических элементов — высокой радиоактивности радия, открытого супругами Кюри в 1898 г., и селена, который в одной из своих разновидностей существенно меняет свою электропроводность в зависимости от силы падающего света (прим. В. П. Троицкого).

VII. РВ. 1902. № 11. С. 74—75. РНБ. Л. 5, помета: 8. Варианты и правка:

1 Толкуют, будто, истеченьем сроков
7 Что за семь лет, без всяких исключений,
10 Тех семилетних душ, тех бедных отставных?
20 <Нет! семилетие людской душе не в прок!>

Все тело смертного почти обновлено — судя по черновым наброскам, где говорится о «семилетних» периодах изменений человеческо-

го тела, речь идет о теориях, восходящих еще к трактату Псевдо-Гиппократа «О числе 7», где в основу всего мира и в том числе человека — его части тела, смены возраста, ход болезней — клалось число семь (указано А. А. Россиусом).

VIII. РВ. 1902. № 11. С. 75. РНБ. Л. 6, помета: 9. Эпиграф вклеен. Правка: «<Мысль та проходит> сквозь всё, сквозь лучи и сквозь звуки.» (*4*). *Рентген* Вильгельм Конрад (1845—1923) — немецкий физик, открыл рентгеновские лучи (1895); Нобелевская премия (1901).

IX. РВ. 1902. № 11. С. 75. РНБ. Л. 7, помета: 10; с вар.: «По математике пространство безгранично;» (*5*). *А измерений только три всего* — см. прим. 539—559 (VI).

X. РВ. 1902. № 11. С. 76. РНБ. Л. 8, помета: 11; с вар.: «Зло расчленить и паи в нем отметят... » (*18*). *Мнимые величины* (мнимые числа) — введены в математику для легализации «неберущихся» квадратных корней из отрицательных чисел; после появления наглядной геометрической интерпретации мнимых чисел на плоскости (К. Ф. Гаусс, 1799 г.) теория «мнимостей» получила бурное развитие, так что переход «к большим задачам и решеньям сложным» можно соотнести с появлением теории функций комплексного переменного, уже более века имеющей большое прикладное значение (прим. В. П. Троицкого). *Паи* — см. прим. 11.

XI. РВ. 1902. № 11. С. 76—77. РНБ. Л. 9, помета: 12, без деления на строфы, эпиграф вписан карандашом; с дополнительной строкой между 4 и 5: «Значит по тем же путям шли бесплотные мысли;». *Христос вошел при закрытых дверях* — ср.: «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам!» (Ин. 20. 19). «После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам!» (Ин. 20. 26)

XII. РВ. 1902. № 11. С. 77. РНБ. Л. 21, помета: 13.

XIII. РВ. 1902. № 11. С. 77—78. РНБ. Л. 22, помета: 14, эпиграф вклеен. Варианты и правка:

16—18 Пропасть и быть у новых дел,
Затем, <коль нужно>, проявиться,
Самостоятельными быть...
20 Людским умам не объяснить!
26 В <преображеньи?.. > Царство тьмы!
29 <Нет! Не ясней того> в науках

Это четверостишие отчеркнуто с пометой: NB Пропуск. *Фламмарион* — см. № 491. *Слова! Слова!* — реминисценция из монолога Гамлета (У. Шекспир «Гамлет»).

XIV. РВ. 1902. № 11. С. 78. РНБ. Л. 23, помета: 15. Слово «материальным» в третьем четверостишии подчеркнуто. *Претория* (преторий) — дворец главнокомандующего римской армии.

XV. РВ. 1902. № 11. С. 78—79. РНБ. Л. 24, помета: 16; эпиграф вклеен, правка и вар.:

1 Ежели дух материален во мне, он не мог бы

3—4 Ежели не <материален>, то все-таки нужно
Некое что-то, чтоб нематериальности быть?
8 Бог — всемогущ! два <вместителя> в мире одном!?

Св. Дамаскин Иоанн (ок. 675— до 753) — византийский богослов.

XVI. РВ. 1902. № 11. С. 79. РНБ. Л. 25, помета: 17. Возле подчеркнутых слов в 6 строке на полях вопрос; с вар.: «Я в букву ввожу в расчет и так, и так;» (*6*); «Предстанут <свойствами> душ, <в оны> дни живых;» (*12*).

XVII. РВ. 1902. № 11. С. 79—80. ИРЛИ. Л. 60, автограф карандашом с вар.:

2 Даже в мелком заговоре!
4—6 Тайнам быть совсем в изморе
Только нет тут заговора,
Есть одно преуспеянье!
9—10 Вы теперь на первой букве,
Но займетесь и слогами;
15 Что теперь, в сравненье с вами,

Этот текст был перепечатан (л. 61, помета: 19—3), и исправлен карандашом. Это почти окончательная редакция, за исключением 15 строки, сохраненной в прежней редакции.

РНБ. Л. 26, помета: 18

2 В каждом сне, в любом движеньи,
4 Оставаться в исключеньи?
6 В них для смертного заданья!
9—10 <Мы> Вы теперь на первой букве,
Но займетесь и слогами;
15 Что теперь, в сравненье с вами,

Коран — священная книга мусульман. *Веды* — памятники древнеиндийской литературы, сборники гимнов, теологические трактаты. *Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреческий ученый.

XVIII. РВ. 1902. № 11. С. 80. РНБ. Л. 27, помета: 19. Эпиграф вклеен. *Оерстедт* (Эрстед) Ханс Кристиан (1777—1851) — датский физик, в 1820 г. открыл электромагнетизм.

XIX. РВ. 1902. № 11. С. 80—81. РНБ. Л. 28, помета: 20. ИРЛИ. Л. 48, без последнего четверостишия, с вар.: «Чтоб в космос проникать могли» (*2*); «Порою видятся явленья» (*7*). Вместо 3 и 4 четверостишия машинописи:

Воображение, играя,
Способно <дать узреть> создавать порой
Картины ярче стогнов рая
И мрака ада с Сатаной.

Так неужели нам соваться,
<Ведя какие-то счета> Вести и Богу представлять,
Туда где Бог — Творец? Равняться
С ним, с Богом?.. что за срамота?

в машинопись были вписаны карандашом 3 и 4 четверостишия окончательной редакции, а также еще два четверостишия, не вошедшие в нее:

И кто ж к ним явится с запретом:
«Не сметь, фантазия, расти
И двигаться на свете этом
По ненаучному пути!»

Так как же с богом нам тягаться
И предъявлять ему счета,
Что, мол, бессмертью негде взяться
И что творенью есть черта.

XX. РВ. 1902. № 11. С. 81. РНБ. Л. 29, помета: 21. *Светопись* — см. прим. 280.

XXI. РВ. 1902. № 11. С. 81—82. РНБ. Л. 30, помета: 22; с вар.: «Росло, я помню, в год из года.» (*4*). ИРЛИ. Л. 101, помета: 12, без эпиграфа, с вариантами и правкой:

4 Росло, я помню в год из года
7 Их наше знанье народило;
20 Но их<никак не признают>.
25 Признать добро и зло телами
29 Ее<ничтожный> кругозор!

Число простых, не сложных тел — речь идет о химических элементах. *Их с лишком семьдесят теперь.* В периодической системе элементов Д. И. Менделеева в 1871 г. было 56 химических элементов, к 1903 г. насчитывалось ровно 70 (см.: Менделеев Д. И. Основы химии. 7-е изд. СПб., 1903; прим. В. П. Троицкого); сейчас известно 109 элементов. *Вначале их четыре было.* Греческий ученый Эмпедокл (495—435 до н. э.), считающийся основателем учения об элементах, выделял четыре: огонь, воду, воздух и землю; сам термин «элемент» ввел римский поэт и философ Лукреций Кар (95—55 до н. э). *Паи* — см. прим. 11.

XXII. РВ. 1902. № 11. С. 82—83. РНБ. Л. 31—31об., помета: 23. ИРЛИ. Л. 96, помета: 9. Варианты и правка:

7—10 <Для> атомов и всех бацилл
В гниении, во тьме могил
Все клеточки дают ростки;
Все жизни, так как мотыльки
12 И [стали] снова клеточки всех проб!
16 В чащу дерев запрятан лес!
18 Мощь тяготения <? что> и вес?
23 И разве не гласит наука,
27—28 Зачем же в том окочеиенье
Отбытье душ <нам не признать?> [не признавать]?
31 <Но> Да! эти доводы людского
37 <Так> Тот, кто науку убивает,
39 Наш ум — <то> лишь посох наш в дороге,

41 И <даже сомневаться> в Боге
47—49 Но для <науки как-то> стыдно
<Бессмертье> Бессмертья душ не <признавать>...
Оно и в <ней> так очевидно

XXIII. РВ. 1902. № 11. С. 83. РНБ. Л. 32, помета: 24.

XXIV. РВ. 1902. № 11. С. 83—84. РНБ. Л. 33, помета: 25; правка и вар.: «Помнится мне, <что при жизни> меня вопрошали:» (*1*); «И по заданью не быть средь планет ей одной?» (*10*). *Люди, все люди, не только Израиля племя, / Мощный очаг, чтобы слову Писания сбыться.* Речь идет о словах апостола Павла: «<...> и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова» (Римл. 11. 26).

XXV. РВ. 1902. № 11. С. 84. РНБ. Л. 34, помета: 26. На полях вопросы напротив 4 строки (в строке опечатка «лшть» — вместо «жить») и напротив подчеркнутого слова «материальное» в 8 строке, с вар.: «И материальное в мире творить!» (*8*). *Плоть логарифмов, корней, теорем.* Говоря об «ином естестве» математических объектов и проводя аналогию «то же и с нашей душой» автор касается вопроса платонизма в математике и, шире, проблемы типов и уровней реальности (прим. В. П. Троицкого).

XXVI. РВ. 1902. № 11. С. 85. РНБ. Л. 35, помета: 27.

XXVII. РВ. 1902. № 11. С. 85. РНБ. Л. 36, помета: 28. Эпиграф вклеен. Состояло из двух строф. *Вундт* Вильгельм (1832—1920) — немецкий психолог, философ, физиолог.

XXVIII. РВ. 1902. № 11, стр. 86. РНБ. Л. 37, помета: 29. В 15 строке опечатка «чувствует» — подчеркнута и вопрос на полях. *Где силлогизм, там есть два рога.* Силлогизм — умозаключение, в котором из двух исходно принимаемых утверждений, общего и частного, выводится третье; дилемма — суждение, состоящее из двух утверждений, противоположных по смыслу и, как правило, одинаково трудных для выбора; «рогатый» силлогизм — тот, посылки которого приняли вид дилеммы (прим. В. П. Троицкого). *Веревка, вервие простое* — реминисценция из басни И. И. Хемницера «Метафизик». *В судьбах лягушки и вола* — намек на басню И. А. Крылова «Лягушка и вол». *Большой философ молвил: «Бди!»* — герой А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых Козьма Прутков.

XXIX. РВ. 1902. № 11. С. 86—87. РНБ. Л. 38, помета: 30, без деления на строфы.

XXX. РВ. 1902. № 11. С. 87. РНБ. Л. 38, помета: 31. В строке 19, вероятно, опечатка: «не[а-?]строят». *Другой построит крепче, чище* — ср. с латинским выражением: «Сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше».

XXXI. РВ. 1902. № 11. С. 87. Автограф карандашом — ИРЛИ. Л. 5, с делением на четверостишия и с вар.: «Но мысли те, в уединенье» (5); «Я рад, когда я одинок.» (*12*). РНБ. Л. 69, помета: 32; с вар.: «Читал, как будто бы, я их!» (*2*); «Оно не по сердцу родне... » (*8*). После 12 строки следует текст, выделенный затем в отдельное стихотворение: «К земле случайно направляясь... » (раздел «Характеристика бытия душ» (539—559 (XIX)).

539—559. Характеристика бытия душ.

РНБ. Л. 70, пометы: 3 и 19, без эпиграфов, вариант названия см. выше в общих примечаниях к «Загробным песням». *Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, автор философских трудов, например, «О взаимосвязи животной природы человека с его духовной природой» (1780). *Узнаем много нового* — ср.: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познáю, подобно как я познан» (I Кор. 13. 12). *Шопенгауэр, Гартман* — см. прим. 258. *Гюйгенс* Христиан (1629—1695) — нидерландский ученый. *Лаплас* Пьер Симон (1749—1827) — французский астроном, в 1796 г. предложил свою космологическую гипотезу. *Юнг, Джевенс* — см. прим. к циклу № 491—507. *Вси оживут* — «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке... » (I Кор. 15. 22—23); у Случевского неточное цитирование, на церковнославянском: «Кийждо же во своем чину». *Григорий Богослов* (Назианзин; 330—390) — один из вселенских отцов церкви.

I. РВ. 1902. № 11. С. 88—89. РНБ. Л. 71, пометы: 1 Характер Семенов 109 стр.

II. РВ. 1902. № 11. С. 89. ИРЛИ. Л. 94, пометы: [6]7. РНБ. Л. 72, помета: 2.

III. РВ. 1902. № 11. С. 89—90. РНБ. Л. 73, помета: 3. Эпиграф вклеен. Варианты.

15—16 В любой из мыслей целый ряд
Красивых, стройных колоннад;
19 Что шаг — ряд новых анфилад
21 В одной!?.. а взгляды, думы, слух?

В дому Отца Моего обители мнози — на церковнославянском: «обители многи суть» (Ин. 14. 2, см. также прим. 304).

IV. РВ. 1902. № 11. С. 90. ИРЛИ. Л. 43, помета: 37—1; правка и вар.: «Все близкие мие здесь! кто опоздал придет!» (*13*); «Мой дом, он дом для всех — <подвижно> бесконечен... » (*16*). РНБ. Л. 74, помета. 4. Вклеен эпиграф: «Христос вошел при закрытых дверях (Ин. 20. 19, 26)». *Мне камень говорит* — ср.: «камни из стен возопиют» (Авв. 2. 11), слова Христа: «камни возопиют» (Лк. 19. 40), см. также прим. 601—637 (LXV).

V. РВ. 1902. № 11. С. 90—91. ИРЛИ. Л. 86, помета: 29. 23 строка вписана в машинопись карандашом. Варианты и правка:

4 Из <больниц> госпиталей.
7—8 Здесь я <тоже часто> продолженье вижу:
<Пробиваются> в наш свет.
13 Прежней жизни недоверье...
15 Он, оживший, долго, долго,
18 Что не <видел> он ни зги,
21—22 Сирот нет <, здесь вне закона>,
<Здесь явленьям> нет причин

РНБ. Л. 75, помета: 5; с вар.: «Он, оживший, долго, долго,» (*15*).

VI. РВ. 1902. № 11. С. 91—92. ИРЛИ. Л. 100, помета: 11. Варианты и правка:

2 <Возможный> на земле вопрос:
14 <Но> в силу общего закона,
19 Какими нас похоронили
25 И <их> самих — не очертить!

РНБ. Л. 76, пометы: Дрекслер 6; с вар.: «Когда мы в полной силе были;» (*19*). *Карнак* — комплекс храмов (20 в. до н. э. — 1 тыс. до н. э.) на территории древнеегипетских Фив. *Искать четвертых измерений.* Как пишет акад. Б. В. Раушенбах, «с точки зрения геометрии, математики считается, что Бог находится в четвертом измерении. У нас три измерения: вперед-назад, влево-вправо и вверх-вниз, не так ли? Но, видимо, существует четвертое измерение, перпендикулярное к ним, которое представить себе нельзя, но если его ввести — а это единственный выход, — тогда всё объясняется очень просто и хорошо» (Раушенбах Б. Постскриптум. М., 2001. С. 272). Во времена Случевского «искали четвертых измерений» оккультисты; на Западе — К. Хинтон, у нас — П. Д. Успенский (прим. В. П. Троицкого).

VII. РВ. 1902. № 11. С. 92. ИРЛИ. Л. 72, помета: 15. Варианты и правка:

7 Знаем мы: чтоб к вам предстать
10 Но не видит нас ваш глаз;
16 Почерпнуть — глотнуть земного;
21—22 <Повторять узор канвы>
<От Аячьо до Москвы> Шить от Корсики к Москве

Далее следовало опущенное в окончательной редакции четверостишие:

Всё на земле в <круговращенье> круговороте
Все возвращает в землю плод —
И только лишь душа людская
<Одна — идет> Идет одна — в дальнейший ход.

РНБ. Л. 77, помета: 7. Варианты 10 и 16 строк, а также опущенное в окончательной редакции четверостишие те же, что и в машинописи ИРЛИ. *Наполеон I* (1769—1821) — французский император с 1804 по 1814 гг. *Аячио* (Аяччо) — главный город на острове Корсика, родина Наполеона I.

VIII. РВ. 1902. № 11. С. 92—93 (см. № 601—637 (LXXIII) и прим. к нему). *Не в узкий гроб, не в тьму и сырость.* Стихотворение можно рассматривать как ответ на строки П. А. Вяземского: «А там нас в тесный гроб кладут, / Опустят в мраки подземелья / И сытной пищей предадут / Червям на праздник новоселья» («Цветок»).

IX. РВ. 1902. № 11. С. 93—94. РНБ. Л. 79, помета: 9. 14 строка окончательной редакции отсутствует. Варианты:

7 Вон, надо мною, внизу, в глубине,
13 Тишь беспредельна! Вдоль страшных высот

14(15) Вижу: на множествах лик затемнен...
23(24) Что постижимо мышленьем моим...
27(28) Полчище гусениц — смерть не беда!

X. РВ. 1902. № 11. С. 94. ИРЛИ. Л. 82, помета: 25. Правка: «Но <, но от> смерти сбита спесь!» (*5*); «Воочию <я> вижу их?» (*8*). РНБ. Л. 80, помета: 10. *Мнится: плыву вдоль безмерной реки* — ср.: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца <... > и по ту и по другую стороны реки, древо жизни <... > и листья дерева — для исцеления народов» (Откр. 22. 1—2).

XI. РВ. 1902. № 11. С. 94—95. ИРЛИ. Л. 74, помета: 18. Варианты и правка:

7 В уме <лежит> тогда <завет>:
11—12 <И что всегда> Да! там , в конце концов,
Мой ум <лишился> всех основ...
15 И этих помыслов покой
19 И что ни мысль, и что ни взгляд —

18 строка вписана в машинопись. Вместо отсутствующей в машинописи 6 строки шло изъятое в окончательной редакции четверостишие:

Сквозь мрачный гул, и треск, и визг
Как бы кровавый солнца диск
На степь души мое сиял:
<То неизвестность> Закат незнанья всех начал!

Карандашом приписан вариант последней строки: «Незнанье [истинных] начал». РНБ. Л. 81, помета: 11. 15 строка в той же редакции, что и в ИРЛИ. Вместо 6 строки то же четверостишие, с вар.: «Облитый кровью солнца диск» (*2*); «То был закон: «тьма всех начал»!» (*4*). *Что «не могу» — Христос сказал — «Открыть все то, что бы желал»* — ср.: Ин. 3. 12.

XII. РВ. 1902. № 11. С. 95. ИРЛИ. Л. 97, помета: 10—1, без эпиграфа. РНБ. Л. 82, помета: 12. Без эпиграфа. *Живущий на небесах* — «Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное <... > Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им» (Пс. 2. 1, 4).

XIII. РВ. 1902. № 11. С. 95—96. РНБ. Л. 83, помета: 13. Деление на две строфы, почти незаметное при публикации в РВ. Варианты:

5 Я целый мир себе; мелодия звучала
19 То были слабые земли предвозвещанья
23 То песни темных сил, взывающих отвсюду

Мелодии земли к надзвездным высотам — ср. «Ангел» М. Ю. Лермонтова (см. также прим. 82, 290); мотив связан и с дантовской «Божественной Комедией» (см. прим. 491—507 (XIV)).

XIV. РВ. 1902. № 11. С. 96. ИРЛИ. Л. 85, помета: 28. Варианты и правка:

16—19 <Блеском> ласковых очей!

<Блеск и говор! как-то странно!> Говор глаз!
Неправда ль странно!
<Блеску как > Взгляду как язык обресть?
Связь являлась тут нежданно...

РНБ. Л. 84, помета: 14.

XV. РВ. 1902. № 11. С. 96—97. РНБ. Л. 85, помета: 15; с вар.: «Здесь не сыскать движениям предел?..» (*14*).

XVI. РВ. 1902. № 11. С. 97. РНБ. Л. 86, помета: 16. Варианты:

22—24 Нас бы, бывших людей опросили:
Не бороться с забвением им...
Сколько было их, сколько забыли?

XVII. РВ. 1902. № 11. С. 97—98. РНБ. Л. 87, помета: 17; с вар.: «Я — вскормленник земли, я солнцу по плечу,» (*14*). *Я в сфере солнца!* В «Божественной Комедии» Данте сфера солнца соответствовала четвертому небу («Рай»). *Каким-то именем забавным их зовут.* Речь, вероятно, идет о протуберанцах, выступающих над поверхностью Солнца громадных (длина до 500 тыс. км.) масс раскаленных газообразных веществ, сохраняющих свой вид в течение часа или нескольких минут.

XVIII. РВ. 1902. № 11. С. 98—99. РНБ. Л. 88, помета: 18. После 27 строки шли опущенные в окончательной редакции четыре строки:

Был я подавлен и сбит новизной впечатленья;
Божьего мира живой уголок, неизвестный.
Некому здесь воспринять дивный смысл откровенья;
Телом не мог здесь облечься наш Бог бестелесный;

Был на Сатурне. В «Божественной Комедии» Данте Сатурн соответствовал седьмому небу («Рай»). *То, что Господь сотворил в пятый день мирозданья* — «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся <... > и всякую птицу пернатую <... > И был вечер, и было утро: день пятый» (Быт. 1. 20—23).

XIX. РВ. 1902. № 11. С. 99. РНБ. Л. 69—69 об., помета: 32; было продолжением стихотворения № 508—538(XXXI), с вар.: «Из их мелькавших очертаний» (*17*).

XX. РВ. 1902. № 11. С. 99—100.

XXI. РВ. 1902. № 11. С. 100. РНБ. Л. 89, помета: 19; с вар.: «Любо мне смысл обрести:» (*3*); «Тела следа не найти!» (*6*).

В ТОМ МИРЕ

560—588. Встречи

В РНБ, на л. 1 название вписано Случевским в машинопись карандашом, причем из первоначального варианта — «В том мире. Встречи. Мысли.» — «Мысли» вычеркнуты. Карандашом вписан и эпиграф

«Неправдоподобное — оправдоподоблю». Три других эпиграфа — вклеены. На этом же листе помета «Корректуру автору». *В том мире* — ср.: у В. А. Жуковского «Я на крылах воображенья, / Веселый здесь, в тот мир летал» («К Воейкову»). *Лицемеры* — слова Христа, обращенные к фарисеям и саддукеям. *Тиндаль* — см. прим. к циклу № 491—507. *Гюго* Виктор Мари (1802—1885) — французский писатель-романтик (см. № 731). *Неправдоподобное — оправдоподоблю* — ср.: «Безличное — вочеловечить, / Несбывшееся — воплотить» (А. А. Блок «О, я хочу безумно жить...»).

I. РВ. 1903. № 1. С. 154—155, с опечаткой в 3 строке: «Нередко в шторм, в предвиденье круженья», исправленной по машинописи. РНБ. Л. 10, пометы: I [10]; с вар.: «И, мнится мне, — едва ли есть она!» (*16*).

II. РВ. 1903. № 1. С. 155. РНБ. Л. 11, пометы: II [41]; с вар.: «Горите заново, теперь, в людских душах!» (*8*); «В ней место есть для всех, для каждого из нас!» (*16*).

III. РВ. 1903. № 1. С. 155—156. ИРЛИ. Л. 95, помета: [7] 8. Варианты и правка:

1—3 <Я содрог[ался]нулся замечая
Свободно всюду проступая>
В себе <какой-то> детский страх,
8—9 Мне предстояло смерть пройти...
То были встречи душ туманных,
11 <Землей > Земной печально обуянных
15 Глядели смутно на меня,
17—19 По их темневшим силуэтам,
Казался им <яснее дня>в лучах огня!
Казалось им невыносимо
22—23 <Сказался> Явился страх! и мимо, мимо
Я жаждал отлететь скорей
27—28 Моя последняя истома...
Меня [смутившие] сгубившие черты...
30 И, веря в милость, <сердцем> знаю,

РНБ. Л. 12, помета: III. Эпиграф вклеен. Варианты и правка:

17 По их стемневшим силуэтам,
19 Я <вижу>: им невыносимо
28 <И мне> знакомые черты...

Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867) — Московский митрополит с 1826 г.

IV. РВ. 1903. № 1, стр. 156—157. РНБ. Л. 13, помета: IV. Варианты и правка:

2—3 В них вовсе нет путей, ни лодке, ни пешком!
Полны <безмерных> сил туманы в них витают;
5—8 Там души темные <безвременно> ютятся;
Им, мрачным, по сердцу пространств <безмерных> глушь;
Там [незамеченными] <незаметным им можно> оставаться,
И вольной волею <спешат к ним> живут тут сонмы душ!
13 Там <словно оспные> всех вожделений струпы,

15—16 Что, <ниспровергнувшись>, бездействуют, как трупы,
<Им страшно глянуть в свет> Язвят одни других постыдной наготой!
24 Бегут, бегут, по ним подвижные огни!

За 24 строкой в машинописи идут следующие строки, снятые в окончательной редакции (исправления в них внесены карандашом):

Когда наступит срок великих очищений,
Закон возмездия возьмет что должен взять
<И> Там души темных сил в путях живых мучений
Окажутся <в свой срок> как бы способны свет принять —
Одна во след другой, за долгими веками,
<Блеснув на свет Христов и породнившись с ним>
Осмелившись на то чтобы Христа встречать —
Они начнут витать как мы, и между нами
Оставив заросли без них преуспевать.

... *постыдной наготе*. Мотив «наготы» и «тела» душ приходит от дантовских описаний ада (например, песнь X, 33). *Тьма, тьма кромешная* — см.: Мф. 8. 12; 22. 13; см. прим. 491—507 (X).

V. PB. 1903. № 1. С. 157. РНБ. Л. 14, помета: [5] V. Эпиграф вклеен. Вар.: «Оком бессмертным виденье мое намечалось!» (19). *Шопенгауэр* — см. прим. 258. *Патмос* — см. прим. 33. *Тьма отделилась от света и воды от тверди*. Здесь и далее картина творения мира соответствует первой книге Бытия — *«первой странице Книги всех книг»*. *Души живые* — см. прим. 539—559 (XVIII). *Тайнобрачные* — см. прим. 457; леса тайнобрачных характерны для каменноугольного периода палеозойской эры.

VI. PB. 1903. № 1. С. 158. ИРЛИ. Л. 102, пометы: 18 и 11—2. Правка: «То-то здесь <радости> было, <как только она> чуть к нам появилась!» (*4*); РНБ. Л. 15, пометы: [22] VI; с вар. «То-то тут радостей было, чуть к нам появилась!» (*4*).

VII. PB. 1903. № 1. С. 158—159. ИРЛИ. Л. 93, помета: [5] 6; без эпиграфа. Варианты и правка:

11 Любил <кладбища> посещать,
16 В них не по метрикам церковным,
20—22 Я <незнакомца> повстречал,
<В родне я деда> в нем признал:
<Одна из бабок> согрешила,
24 Ребенка <тайно> родила
26—27 Была дуэль! <но> нет следа
Того, что <тут была> вражда,

РНБ. Л. 16, помета : 7. Эпиграф вклеен. В 16 строке подчеркнуто «<В не> по метрикам церковным» и вопрос на полях. *Григорий Богослов* — см. прим. к циклу № 539—559.

VIII. PB. 1903. № 1. С. 159. РНБ. Л. 17, пометы [30] 8; с вар.: «И те, кто жить остались на горах.» (*18*). *Когда одна из звезд с небес упала* — вероятно, автор слышал о падении на землю кометы или гигантского

метеорита, происшедшем около 1 млн. лет назад; с происшедшим тогда взрывом связывают начало ледникового периода (а не образование материка или отклонение земной оси), а также обнаружение на территории от Австралии до Индокитая неких таинственных стекол — тектитов, образовавшихся из расплавленного при падении метеорита вещества (прим. любезно сделано геологом П. В. Флоренским).

IX. РВ. 1903. № 1. С. 159—160. ИРЛИ. Л. 75, помета: 19. Это же стихотворение на л. 76 с пометой: 37. Внизу помета: 20 стр.<аница>. РНБ. Л. 67, помета: [17], автограф карандашом. Правка: «<Как тогда> зияла рана гнойно!» (*13*). То же стихотворение, в той же редакции в машинописной копии на л. 18, пометы: [6] 9. *Там троим нам места не хватало* — ср.: у В. А. Жуковского «В небесной стороне <...> Там место есть и мне» («Песня бедняка») и «Под небом места много всем» (М. Ю. Лермонтов «Валерик», см. также прим. 102).

X. РВ. 1903. № 1. С. 160. РНБ. Л. 19, пометы: [1] 10.

XI. РВ. 1903. № 1. С. 160—161. РНБ. Л. 20, пометы: [17] 11; под стихотворением подпись Случевского и приписка: «(Прод.<олжение> будет)». Правка и вар.: «В лазоревых водах — весь розовый аист,» (*14*); «И свод небес горяч и вечно, вечно чист.» (*16*). *Совсем не любы мне _ Нет я люблю _ Понятье родины исчезнет в тьме времен* — ср.: М. Ю. Лермонтов, «Родина». *Завет любить врага, как брата* — заповедь Христа: «Я говорю вам: любите врагов ваших» (Мф. 5. 44).

XII. РВ. 1903. № 2. С. 526—527. ИРЛИ. Л. 46. Варианты и правка:

5 <Становится> к рулю, с усталым кормчим рядом;
10 Взрывала океан; стонала и земля.
25 И всеми видим он! и дед и я видали!
28 Те, те что видели, вдруг, в яви — не во сне!
31 Выходят из людей, их страхов воплощенья,

РНБ. Л. 41, пометы [20] XII; синим карандашом : «В Том Мире (продолжение)»; а также приписка неизвестной рукой: «Надо набрать как можно скорее и послать автору. Он любит мучить корректурами». 10, 25, 28, 31 строки в той же редакции, что в ИРЛИ, с вар.: «Вдруг видим, дед и я, как экипажу мнится:» (*21*).

XIII. РВ. 1903. № 2. С. 527—528. ИРЛИ. Л. 58, без эпиграфа и с делением на 6 строф. Варианты и правка:

2 Внезапно вспыхивают резкие огни,
12 Зловещие огни блистают <из> очей...
19 Родного сына он — убил; холопов верных
38 Державу <созидал... > но эти все дела,
43 Всполохи совести томят его глубоко,

РНБ. Л. 42, помета: [4] XIII. 19 строка в той же редакции, 38 в окончательной редакции вписана в машинопись карандашом. Варианты и правка:

2 Внезапно <вспыхивают резкие> огни,
37 Он царство собирал... < но эти все дела>,
43 Всполохи совести томят его <глубоко>,

Червь не усыпающий — «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огнь неугасимый, где червь их не умирает и огнь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огнь неугасимый, где червь их не умирает и огнь не угасает» (Мк. 9. 43—46). *Есть бывший царь у нас* — Иван IV Грозный (1530—1584) — великий князь, а с 1547 г. первый русский царь, в 1565 г. ввел опричнину, сопровождавшуюся массовыми опалами и казнями. *Он первенца убил.* Иван Грозный в 1581 г. убил во время ссоры своего старшего сына Ивана (картина И. Е. Репина на этот сюжет — 1885 г.). *Скуфья* — головной убор священнослужителей.

XIV. РВ. 1903. № 2. С. 528—529. РНБ. Л. 43, пометы: [17] XIV. Варианты и правка:

6 И здесь на кладбище у вас:
8—9 И тут же мы, чей лик погас.
Те, кто лежат, <видны> мы здесь снаружи...
18 И много нас к нему пошло

Христос нас звал к себе так часто — ср. слова Христа: «<... > пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10. 14).

XV. РВ. 1903. № 2. С. 529—530. ИРЛИ. Л. 59, без эпиграфа и без последнего четверостишия. Варианты и правка:

1 Не много лет назад сюда предстал один,
5 Смеялся много он! но понял он, что смех
7—8 Кагалом яростным он принят был на смех
И с горечью приял великое глумленье!
10 Себя самим собой на высоте призванья;
12 Без пострижения сошел до покаянья!
14 Он поднят был могуществом мышленья!
16 Или назад в земную область тленья?
20 Жизнь зарубцовывает все свои изломы!
23—24 Другой нелепости, чтобы сильней была,
Как вызов божеству, [едва ли можно <на полях знак ?>] кинуть!..

РНБ. Л. 44, пометы: [12] XV. Эпиграф вклеен. 16 строка в той же редакции. Последнее четверостишие вписано Случевским в машинопись карандашом. Варианты и правка:

1 <Не много лет назад> сюда предстал один,
5 Смеялся много он! но понял <он что смех>
7—8 Кагалом яростным он <поднят был на смех
И с горечью приял [вкусил]> великое глумленье!
10 <Себя самим собой> на высоте призванья;
12 <Без пострижения> сошел до покаянья!
14 Он поднят был могуществом <мышленья>!
20 <Жизнь зарубцовывает все свои> изломы!
23 <Другой нелепости>, чтобы сильней была,

26 В познанье явственном мерещившейся тайны

Сквозь видимый миру смех — цитата из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, о котором идет речь в стихотворении. *Лет десять до меня* — 1852 г., см. прим. 491—507 (I). *И на себе познал великое глумленье.* Речь идет о негативной реакции критики (В. Г. Белинский) и друзей Гоголя на его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). *...никто не поражал, / Как он себя самим на высоте призванья* — сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ» в 1852 г.

XVI. РВ. 1903. № 2. С. 530. ИРЛИ. Л. 64, пометы: 17 и 20. Варианты и правка:

1—2 <Надо> мной вершины елей,
<Гул> хвои и птичий гам,
10 Рядом с ним, а так далек
15 И последний раз зимою
24 Миг... и он сюда предстал... («сюда» — вписано в машинопись — *Е. Т-Г.*)

В окончательной редакции на л. 64, пометы:29 и 17; на л. 66, помета: 12 [6]. РНБ. Л. 45, пометы: 21 XVI. Правка: «Здесь <в> покинутой сторожке» (*5*).

XVII. РВ. 1903. № 2. С. 531. ИРЛИ. Л. 52. Варианты и правка:

1 Тихо, гладко <прошла она в жизни своей>!
6—8 <Зажигая в ней сладостный трепет>;
И не <слышался> ей, словно песнь <ветерка>,
Детской речи <причудливый лепет>.
16 Скорбный лик <одинокой> величавой княгини.
18 Вот она! одинокая всюду!

РНБ. Л. 46, пометы: 23 XVII. Правка и вар.: «Скорбный лик <величавой> княгини.» (*16*); «Вот она! <одинокая> чуть заметная всюду!» (*18*). *Никому не дала благостыни.* У Данте в «Божественной Комедии» бездеятельные, те, кто «прожили, не зная / Ни славы, ни позора смертных дел», помещены у преддверия «Ада», т. к. даже «пропасть Ада их не принимает, / Иначе возгордилась бы вина», «От них и суд и милость отошли» (Ад. III, 35—36, 41—42, 50, пер. М. Лозинского).

XVIII. РВ. 1903. № 2. С. 531—532. РНБ. Л. 54, пометы: 11 XXV. Варианты:

13 Смерть не разрыв, а замена былой обрисовки;
17 В мысли о смерти — надежда и истина в споре;

Раз только виделось людям на дальнем Фаворе ~ Встань, усомнившийся, встань — о преображении Господнем перед апостолами на горе Фавор: «<... > и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет <...> и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь» (Мф. 17. 1—7).

XIX. РВ. 1903. № 2. С. 532—533. РНБ. Л. 48, пометы: 8 XIX. На л. 48 об. неразборчивые черновые наброски. Варианты и правка:

18 Вдохновлен он, и смел, и <безумен>...
25—27 А теперь я скажу тебе тайну одну:
От <разрыва бы> сердца погиб <ты и> вдруг,
<И нежданно — сказавши полфразы>

Вертоград — сад.

XX. РВ. 1903. № 2. С. 533. ИРЛИ. Л. 36, с машинописными пометами: 31; 12 стр.<аница>. Варианты и правка:

5—8 Вижу я вынули череп по истинне белый
«Бедный Иорик!» — ему говорят и рисуют
Бедного Иорика? только он вовсе не бедный!
Лгут, и слова будто карты фальшиво тасуют!!

РНБ. Л. 49, пометы: 19 Конец XX. 5, 7—9 в той же редакции, что в ИРЛИ, с вар.: «"Бедный ты Иорик!" — ему говорят и рисуют» (*6*). *Девица* — Офелия, героиня трагедии У. Шекспира «Гамлет». *Мрачную душу одну осветив* — принц Гамлет. *Бедный Иорик* — слова Гамлета над черепом Йорика (V, 1; эти слова цитирует Ленский у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» (II, 37)).

XXI. РВ. 1903. № 3. С. 161. ИРЛИ. Л. 78, без деления на строфы, помета: 21. Варианты и правка:

5—6 Спеша друг дружкою прикрыться
Одна с другой вступают в связь...
10 В <пространстве> вечности живых...
18—20 В себе питают <скорбь> и страх;
Они не <тушат> освещенья
И <словно> маются в лучах...

РНБ. Л. 40, помета: 2. На полях помета синим карандашом: «Наберите, чтобы вышло 8 страниц с остающимися у Вас стихами. Корректуру в двух оттисках пошлите автору. Поместите после "С неба на землю". <Подпись нрзб. Величко — ?>». Речь идет о печатавшемся в «Русском вестнике» романе В. Т. Крыжановского (Рочестера) «С неба на землю (Миф)» В третьем номере стихи Случевского от романа (стр. 126—159) отделяет стихотворение В. Бородаевского «Тает» (с. 160), Карандашный автограф стихотворения на л. 65, помета: 14. Варианты и правка:

5—6 Спеша друг дружкою прикрыться
Одна с другой вступают в связь...
17—18 И эти <мрачные> явленья
В себе <уносят> грусть и страх;
20 И словно <болеют> маются в лучах
25 Едва <увидел я, чуть> глянул,

XXII. РВ. 1903. № 3. С. 162. ИРЛИ. Л. 31, помета: 43. Варианты и правка:

5 Над лохмотьями сознанья
14 <И не влезет в эту дверь!>
18—21 <В бесноватого вошла
И чего он> не додумал,
<Досказала корча в нем>,
И <закончила> мышленье

То же стихотворение на л. 32, помета: 48. То же стихотворение на л. 87, помета: 30—1; правка и вар.:

5 Над лохмотьями сознанья
7—8 <Вдруг блеснет>, но тут же гаснет
<Мысли яркой> борозда.
вм. 12—14 Вдруг ко мне <предстать теперь?
Он высок; до звезд, до неба
Не пройдет он в эту дверь!
Как же явится бессмертный
Тут, во времени, теперь?.. >
18 <В тело бедное вошла>
21 <И закончил неудачник>

РНБ. Л. 51, пометы: 11 XXII. *В старой лавре над Днепром* — Киево-Печерская лавра.

XXIII. РВ. 1903. № 3. С. 162—163. ИРЛИ. Л. 41, помета: 36. Варианты и правка:

10—11 Всё, что здесь — один лишь сон,
Там вся суть, там воплощенье,
23 Нам трудней в путях мышленья
25 Тут мешают нам сомненья
27 В <дивной тайне> правде тайны воплощенья...

То же стихотворение на л. 42, помета: 54, с вар.: «Осязательно видна!» (*16*). РНБ. Л. 52, пометы: 9 XXIII. 11 строка в той же редакции, что в ИРЛИ. Правка: «Всё, что <здесь — один лишь> сон,» (*10*). Карандашный автограф этого же стихотворения на л. 68—68 об., помета: 19. Вместо фрагмента с 5 по 22 строку окончательной редакции в автографе следующий текст:

<Так> И крепка была в надежде,
<Так> И уверена была,
Что меня, я <помню> знаю прежде,
Даже зависть забрала.
Для глухих и нищих духом
Откровенья дивный свет!
Слышный внутренним их слухом
<Им> И от детских лет пропет!
В нем роскошное виденье
Им дано и Откровенью
Все они идут во след
<Все их мысли> — ожиданья
Жаждут смерти с каждым днем!..

Варианты и правка:

3 И слепая, и без слуха
23—25 Тяжелей в путях исканья
Ту же цель познать умом!
Тут мешают нам сомненья,
25 а <Здесь и ложь и искушенье>
27—28 <И неправда> В дивной тайне воплощенья
Лжет, <как... > наш ум, лжет смерть сама.
32 Поскорей бы мне, скорей!

XXIV. РВ. 1903. № 3. С. 163—164. ИРЛИ. Л. 79. Варианты и правка:

2 Труп одного из голяков.
8 От трупа <брызнувшей> порой.
16 <И сбились близ стола> И <вкруг> у стола
сошлись кружком.
22—24 И даже в том, кто <речь держал>,
Была <такая> бесспорной убежденность,
И смех<был чистым как кристалл> сомненья
не прикрыл.
26—29 А может быть?..» <в вопросах тех
Под гнетом ценза кружкового
Нас оставляя в темноте.
И тут> в обрядности церковной
31—32 <Чтобы признаться> откровенно
И <не страшась пройти сквозь> смех

РНБ. Л. 53, пометы: 22 XXIV. 2 строка в той же редакции, что и в ИРЛИ; правка и вар.: «Была бесспорной убежденность, / И смех сомненья не прикрыл.» (*23—24*). *Макабрский* (фр.) — похоронный.

XXV. РВ. 1903. № 3. С. 164—165. ИРЛИ. Л. 44, пометы: 12—3 и 37—2, без эпиграфа, с опущенным в окончательной редакции шестым, заключительным четверостишием:

Ушел от взглядов их собор Петра и Павла,
И скудный памятник в Святых Горах предстал...
О! если б было им, в свой срок, виденье Савла
Спросившее его: зачем [он] ты Бога гнал?!

Напротив четверостишия неизвестной рукой сделана помета: «разве они гнали?!» после чего Случевским внесена правка в последнюю строку: «И некто молвил им: ты мало Бога знал?!». Варианты и правка:

7 И длинноты орбит нимало не смущаясь
12 И чтоб сидеть ему из бронзы создан конь.
18 На стенке <крепости> полночным часовым;
20 И в подвигах добра ничтожнее чем дым.

То же стихотворение перепечатано с исправлениями на л. 45, карандашом вписан эпиграф со следующими разночтениями: «<...> звезда бо от звезды разнствует в славе, также и в Воскресении мертвых "(1 Кор. 15. 41). Блажены ... завидовать друг другу не будут».

РНБ. Л. 47, пометы: [1—2-3] XVIII. Эпиграф отсутствует — вклейка оторвана. 20 строка в той же редакции, что и в ИРЛИ; правка и вар.: «И <длинноты> длиннотой орбит нимало не смущаясь,» (*7*); «И чтоб сидеть ему из бронзы <создан> конь.» (*12*). Опущенное в окончательной редакции заключительное четверостишие (см. выше ИРЛИ) имеет варианты и правку:

2 <И скудный> Подрытый памятник в Святых Горах предстал...
4 <Спросившее его: зачем ты Бога гнал?!>
<И некто молвить мог> И молвив каждому: ты мало Бога знал?!

Ина слава солнцу — «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (I Кор., 15. 41). *Два духа* — император Петр I и А. С. Пушкин. *Киприда* — в греческой мифологии богиня любви Афродита, рожденная возле Кипра. *Немезида* (Немесида) — в греческой мифологии богиня возмездия.

XXVI. РВ. 1903. № 3. С. 165—166. ИРЛИ. Л. 67, помета: 35, без эпиграфа. Варианты и правка:

4—5 <На утро снова им стучать;>
Они железный путь ведут
13—14 Как мне, знакомы; <стороной
Скользит, чтоб не сойтись со мной>
16 Похитить гроб ребенка, плод
19 <Отец просил>, чтоб гроб спасти
22 Вон <вся лазурная> видна,
29 <Ворует у могил. Пора!>
33 Сюда в безмолвный <этот> час?
37 Мысль <другая> во мне скользит,

То же стихотворение, без эпиграфа, в окончательной редакции на л. 68, помета: 12/в/. РНБ. Л. 50, помета (карандашами разного цвета): XXI. Варианты: «Они железный путь ведут,» (*5*). *В горах железный путь ведут* — ср. «пророчество» Шат-горы Казбеку в лермонтовском «Споре»: «В глубине твоих ущелий / Загремит топор; / И железная лопата / В каменную грудь, / Добывая медь и злато, / Врежет страшный путь»; ср. также с развитием этой темы у Я. П. Полонского «В Имеретии», где «по горам какой-то демон злой, / Блуждая <..> кричит: "сюда! сюда! / Здесь нужно вам в скалах пробить дорогу"» и т. д. *Князь тьмы* — здесь образ Сатаны совмещен с образом лермонтовского Демона. *... плод / Любви к Тамаре* — совмещение двух образов — гетевской Маргариты, убившей своего ребенка, и Тамары из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (см. прим. 66). *Что Бог и Сатану простит.* Здесь затронута богословская проблема апокатастасиса, под которой, по словам философа В. Н. Ильина, «богословы со времен св. ап. Павла разумеют проблему восстановления мира в его непадшем состоянии, всеобщее прощение грешников, и то, что св. Григорий Нисский именует "уврачеванием изобретателя зла"» (Ильин В. Н. Эзотеризм К. К. Случевского // Возрождение. 1967. № 183. С. 76).

XXVII. РВ. 1903. № 3. С. 166—167. РНБ. Л. 2. Правка: «Дымный светильник твой в <мире> погас!» (*4*); «Как же я <рад твоему появлению!>» (*7*).

XXVIII. РВ. 1903. № 3. С. 167. РНБ. Л. 3, помета: 25. Варианты и правка:

8—9 Высились целые капища, <с виду> часовни;
Церковки, храмики в стеклах <хрустальных> блистали;
19 Если б все деньги, что сунуты здесь в монументы,
24 Дали бы денег для <трех атлетических> трестов!»
28 Если бы телом я был, я бы <мигом> споткнулся!

Умерший давно математик — Лобачевский Николай Иванович (1792—1856), с 1827 по 1846 гг. ректор Казанского университета. Построенная Лобачевским в 1826 г. геометрическая теория (неевклидова геометрия) не получила признания современников — его труд «О началах геометрии» (1829—1830) получил отрицательную оценку, даже в журнале «Сын отечества» появилась анонимная издевательская статья. В 1846 г. Лобачевский был отстранен от ректорства. Материальная нужда, смерть сына, слепота омрачили последние годы его жизни. Благодаря знакомству с его трудами западноевропейских ученых, к 100-летию со дня рождения учреждена международная премия. В 1896 г. в Казани ему был открыт памятник. *Памятник ставили мне* — действие происходит примерно в 1862 г. (см. прим. 491—507 (I)). *... я бы с горя споткнулся.* Случевский просил не ставить на его могиле памятника. Критик Д. Н. Михайлов писал Случевскому 8 декабря 1890 г.: «Знаю и помню, что Вы не желаете, чтобы на Вашей могиле был памятник» (ГИМ. Ф. 359. № 101. Л. 5).

XXIX. РВ. 1903. № 3. С. 168. РНБ. Л. 4. Эпиграфа нет. Деление на две строфы. Варианты и правка:

1 О! как мне тяжело, когда порою вижу
3—4 И против воли я воспоминанья нижу!
По чувствам будто бы побеги <повились>
6 И <душит> всю листву; пролетным ветерком
8—9 Охвачен <будто бы> тяжелым столбняком.
О! эти <стебельки> былых воспоминаний
14 Что преступленья он <когда-то не свершал>?
16 Он ту иль эту жизнь вконец не <подкосил>?
18 Чтоб я на жизнь людей <взял смелость> посягнуть?»
24—25 Не знать, не признавать и, наконец, забыть...
<Лишь> вот оиа несется, как виденье!
27 Весь жалость, весь любовь, <святое всепрощенье>...

589—600. Добро. Зло. Совесть.

РНБ. Л. 90. Пометы Случевского см. выше, в примечаниях ко всей книге «Загробных песен».

XXX. РВ. 1903. № 4, стр. 555—556. РНБ. Л. 92—93, пометы: IL 8; с вар.: «Занято место другим чем, и тут есть им место;» (*8*); «В личности

душ, совершивших свое и отбывших,» (*30*). *Ведь существуют же тайные сферы мышлений* — предвосхищение идеи «ноосферы», соответствующее научное понятие было введено Э. Леруа (E. Le Roy) в 1927 г., идея существенно развита в работах В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» (1937—1938) и Тейяра де Шардена «Феномен человека» (1937—1946), близко к ним представление о «пневматосфере» у о. П. Флоренского (1929). Но понимание «тайных сфер мышления» у Случевского принципиально отличается от рационалистического подхода Вернадского, рассматривавшего «ноосферу» как особый слой в биосфере, и более тяготеет к представлению нашедшему выражение у Флоренского и Тейяра де Шардена о некотором идеальном, духовном образовании (прим. В. П. Троицкого). *Атлантида* — по древнегреческому преданию, остров, опустившийся во время землетрясения на дно Атлантического океана. *Только в квадратах, иль нет, расстояний.* Вопрос о характере изменения сил в «сферах мышления» ставится по аналогии с законом всемирного тяготения, согласно которому сила гравитации между двумя телами обратно пропорциональна квадрату расстояний между ними (прим. В. П. Троицкого). *В них все увидят и новое небо, и землю* — «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21. 1).

XXXI. PB. 1903. № 4. С. 556. РНБ. Л. 104, пометы: 1 XXX Корабл 1. Правка: «<Здесь, здесь> воплощена та днвная мечта,» (*9*); «<Не только личности, но и народы> страждут... » (*20*).

XXXII. PB. 1903. № 4. С. 557. РНБ. Л. 91, помета: XXXI. Варианты и правка:

11—12 Во плоти добро тут возникает
А в бессмертии идет дальнейший рост.
16 Мир земной сгорит а <тот> неопалим.

XXXIII. PB. 1903. № 4. С. 557. РНБ. Л. 103, пометы: <Дашков> 3.

XXXIV. PB. 1903. № 4. С. 558. РНБ. Л. 102, пометы: XXXII 4. *И не с небес опускаются — в людях взрастают* — см. прим. 1.

XXXV. PB. 1903. № 4. С. 558. ИРЛИ. Л. 49; правка и вар.: «<Большая истина для всех народов> [А ведь известно для народов] света:» (*7*); «И <только смерть, да смерть> без исключенья!» (*12*). РНБ. Л. 101, пометы: Дашков XXXIII 5. Правка: «<А ведь известно для всех народов> света:» (*7*). *Святой венец шестого дня творенья* — человек (Быт. 1. 26—31).

XXXVI. PB. 1903. № 4. С. 558—559. РНБ. Л. 100, пометы: Алексу XXXIV 21 6.

XXXVII. PB. 1903. № 4. С. 559. РНБ. Л. 99, пометы: XXXV 7 18. Правка и вар.:

17 В совестях, словно в созвучьях, <все наши> общенья
22—23 За недостатком ей место в телах отрицать...
<Не> Но потому <лишь> , что совести вам не измерить,

XXXVIII. PB. 1903. № 4. С. 560. РНБ. Л. 98—98 об., пометы: XXXVI 19. Правка и вар.:

1 Добро есть жизнь, <и зло есть смерть!>
19—20 <То> небывалая звезда
В заре <сознаньем> заблестела.
25 Он почку <некого> цветка
29—30 Душа в <бессмертие> растет,
<И к трети ей не возвращаться>,
34—35 <Она> лишь в людях <проявлялась>;
В борьбе их <страшно> тяжело...

Когда в ней зверь совсем умрет — ср.: «И схвачен был зверь и с ним лжепророк <... > оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою... » (Откр. 19. 20).

XXXIX. РВ. 1903. № 4. С. 560—561. ИРЛИ. Л. 62, автограф карандашом; с вар.:

7—9 Что только под таким забывшимся углом
Человек идти своим умом!
К вам мертвый говорит! Ему, ему внимай!
12 Защиплют, заклюют как должно, по уму...
14 И поумнеет в нем великий идиот!

То же стихотворение — машинопись, окончательная редакция — на л. 63, пометы: 21 и 19—2.
РНБ. Л. 97, пометы: XXXVII 20 9. Правка: «<Защиплют, заклюют>, как должно по уму!!!» (*12*).

XL. РВ. 1903. № 4. С. 561. РНБ. Л. 96, помета: Александров XXXVIII.

XLI. РВ. 1903. № 4. С. 561—562. РНБ. Л. 95, помета: XXXIX. Строки 21—36 отсутствуют. Фрагмент, включающий 21—36 строки окончательной редакции, в машинописи является отдельным стихотворением, состоящим из четырех четверостиший с первой строкой «Необретаемое где и как обресть?..». Л. 94, помета: <Алек>. Варианты и правка:

5—6 (25—26) Что ж упрекать меня в неясности порой?
Мне нет пригодных слов! я темное толкую!
8—10 (28—30) А я как бы ничто для всех живописую.
Перед глазами я не в силах провести,
Живую видимость! мне слова не хватает!

Дант — Данте (см. прим. 33). *Гибеллины* — политическое движение в Италии XII—XV вв., поддерживавшее императора в борьбе с римским папой. *Чистилище и рай ‿ И своды ‿ преисподней* — «Божественная Комедия» Данте состоит из трех частей: «Ад», «Чистилище», «Рай».

601—637. Мысли. Воспоминания. Надежды.

XLII. РВ. 1903. № 6. С. 483. *Крест с Голгофы сгинул.* Крест, на котором Христос был распят на Голгофе, был вновь обретен лишь в 326 г. великой равноапостольной императрицей Еленой. *Пилат* Понтий (или Понтийский) — римский правитель Палестины, при кото-

ром был распят Христос. *Иуда сребреники _ цену крови кинул.* «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную <... > И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови» (Мф. 27. 3—6). *Патмос* — см. прим. 33. *Сикомор* — библейская смоковница.

XLIII. PB. 1903. № 6. С. 483—484. ИРЛИ. Л. 50. Варианты и правка:

3 Холодный плющ <, плакучий> тополь,
5—7 Ряды гробниц под именами
<Возникших> что-то сохранить,
<Связать> железом и гранитом
14—16 <Забава>: домик, кукла, мяч!
Утешься! глянь! — <следы?> вдогонку
<Пойдешь> Беги! Будь умным и не плачь!

XLIV. PB. 1903. № 6. С. 484. *Принц Гамлет, Шекспир* — см. прим. 36. *Зевес* (Зевс) — см. прим. 119. *И Феб пылал с своей квадриги* — в древнегреческой мифологии второе имя бога Аполлона, отождествлявшегося с солнцем и ездившего по небу в своей колеснице. *Мефистофель, красный бес, / Еще поет, глядит из книги* — герой оперы «Фауст» (1859) французского композитора Ш. Гуно и трагедии Гете; см. прим. 202—211. *Отелло* — герой одноименной трагедии У. Шекспира. *Поза* — см. прим. 36. *Дон-Кихот* — см. прим. 133—169 (IX). *Онегин* — см. прим. 303.

XLV. PB. 1903. № 6. С. 485.

XLVI. PB. 1903. № 6. С. 485. *«Множьтесь! Плодитесь!» — вот вечного Бога завет* — ср.: «И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею... » (Быт. 1. 28).

XLVII. PB. 1903. № 6. С. 486.

XLVIII. PB. 1903. № 6. С. 486—487. *Время цвести голубому цветку* — см. прим. 491—507 (V). *Смерть поломала на мне смертоносное жало!* — слова из пророчества Осии: «Смерть! где твое жало? ад ! где твоя победа?» (Ос. 13. 14), те же слова у ап. Павла (1 Кор. 15. 55); использованы и в Слове Иоанна Златоуста, читающемся во время Пасхальной службы.

XLIX. PB. 1903. № 6. С. 487. ИРЛИ. Л. 73, помета: 16. Варианты:

16 Там — возможность и мечта.
19—20 И созревшие колосья
Проходя по полю рвал...

РНБ. Л. 63, карандашный автограф, помета: 10. Строки 16, 19—20 в той же редакции, что в ИРЛИ. Варианты и правка:

4 Не загадывать вперед.
6 <Тот> вещь иль тот предмет;
8 <Здесь>, здесь собственности нет!
15 Здесь <, за гробом,>воплощенье
17 Сам Христос — <порой> и не Словом —

19—20 <И идя созревшим полем
Сам с него колосья рвал. >

Допускал, чтобы колосья / Ученик без спроса рвал — намек на евангельский эпизод, когда в субботу ученики Христа «взалкали и начали срывать колосья и есть», за что были осуждены фарисеями (Мф. 12. 1—8).

L. РВ. 1903. № 6, стр. 488. *Бехара* (Бихара) — штат в Индии, место зарождения буддизма. *Кааба* — мусульманский храм в Мекке.

LI. РВ. 1903. № 6. С. 489. *В столах потрескивать, постукивать в стенах* — намек на спиритизм — мистическое течение, где вера в загробное существование душ соединена с «практикой» общения с ними приемами так называемого физического медиумизма («столоверчение» и т. п.).

LII. РВ. 1903. № 6. С. 489—490. *О мелких духах ~ стучать, ходить, светить, писать* — речь о спиритизме, см. прим. 601—637 (LI).

LIII. РВ. 1903. № 6. С. 490—491. *И в каждой тьме есть некий свет* — ср.: «В Нем была жизнь и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1. 4—5).

LIV. РВ. 1903. № 6. С. 491.

LV. РВ. 1903. № 10. С. 392.

LVI. РВ. 1903. № 10. С. 392—393.

LVII. РВ. 1903. № 10. С. 393—394.

LVIII. РВ. 1903. № 10, стр. 394. ИРЛИ. Л. 27. Состояло из четырех четверостиший, третье вычеркнуто из машинописи карандашом:

Еще и то совсем вредит
Что в ваших храмах перед вами
Смерть как страшилище стоит,
И смотрит в вас похоронами

Варианты и правка:

1—3 Большое горе <ваше> в том,
<И вы> Они всегда на том хромали,
Что <теолог> теософ и реалист
8 Как в <сказке няньки> — ведьмы, черти!
10 <Три прирожденных> недостатка,

Что теолог и реалист — здесь: богослов и материалист.

LIX. РВ. 1903. № 10. С. 394—395. ИРЛИ. Л. 80, помета: 23. Правка: «Я здесь, и я <теперь> свободно» (*15*); «О! смейтесь! <ваш долг> смеяться,» (*19*).

LX. РВ. 1903. № 10. С. 395—396. *Гвельф знаменитый* — Данте принадлежал к белым гвельфам, примкнувшим к гибеллинам (см. прим. 33, 589—600 (XLI)). *Чингисхан* (1115—1227) — основатель и великий хан Монгольской империи. *Платон* — см. прим. 202—211 (IX). *Гогенцоллерн усатый* — Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король с 1888 г. *Цезарь* — см. прим. 307. Ницше — см. прим. 507.

LXI. РВ. 1903. № 10. С. 396.

LXII. РВ. 1903. № 10. С. 397.

LXIII. РВ. 1903. № 10. С. 397.

LXIV. РВ. 1903. № 10. С. 397—398.

LXV. РВ. 1903. № 10. С. 398—399. *Тот глух, кто не слыхал, как камень говорит* — см. прим. 539—559 (IV).

LXVI. РВ. 1903. № 11. С. 41—42.

LXVII. РВ. 1903. № 11. С. 42—43.

LXVIII. РВ. 1903. № 11, стр. 43. ИРЛИ. Л. 47, последние две строки отсутствовали и вписаны в машинопись карандашом. Варианты и правка:

1 Ходил когда-то я к моим знакомым,
5 И не один из тех, кому я говорил,
9 Свое неверие <в себе> изобличая,
11—12 И слышать не хотят о прошлом, о земном.
В нем сомневаются, в него совсем не верят,

LXIX. РВ. 1903. № 11. С. 43—44.

LXX. РВ. 1903. № 11. С. 44—45. ИРЛИ. Л. 81, помета: 24. Варианты и правка:

1—2 О нет! <деревья не бессмертны!
Бессмертье людям Бог судил!>
7—8 Ведь даже здесь на <этом> свете
Нет двух <похожих в людях> лиц.
12 <И стать могу бессмертным я. >

Как «солнце новое» взойдет — отсылка к Апокалипсису (см. прим. 589—600 (XXX), 601—637 (LXXII)).

LXXI. РВ. 1903. № 11. С. 45—46.

LXXII. РВ. 1903. № 12. С. 509. *Как «солнце новое» взойдет* — отсылка к Апокалипсису (см. прим. 589—600 (XXX), 601—637 (LXX)).

LXXIII. РВ. 1903. № 12. С. 509—510. От № 539—559 (VIII) отличается финалом:

«Закончил ты свое земное?
Скажи же, что развить принес?»
Прозренье к смерти к правде ближе...
Вздор холод, сырость, тленье, тьма!
Мне скажут: то мечта пустая!
Отвечу: логика сама!

LXXIV. РВ. 1903. № 12. С. 511. ИРЛИ. Л. 51. Варианты и правка:

1 Вы так привыкли к царству <тяги>,
16 И мрак, и холод <под волной!>
23—24 Над опускающимся трупом
<Чуть, чуть [тихонько]> Едва мерцает свет дневной!

LXXV. РВ. 1903. № 12. С. 512.

LXXVI. РВ. 1903. № 12. С. 512. *Мне дверь была видна* — ср. слова Христа о себе: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10. 9); образ, встречающийся у Случевского в стихах (см. № 347) и в прозе («Профессор бессмер-

тия»; Соч. IV. С. 147); ср. также у В. А. Жуковского «Сей гроб затворенная к счастию дверь» («Теон и Эсхин»).

LXXVII. РВ. 1903. № 12. С. 513. ИРЛИ. Л. 53, с вар.: «Пути для дум, незримый нами.» (*8*). Вместо последних трех четверостиший было одно, с вписанными карандашом и зачеркнутыми исправлениями:

[Да, областей тех не видать] Тот мир незримый невесом:
[Их все, по своему,] О нем все иначе толкуют,
Но невозможно не признать
Что оба мира существуют...

Фотосфера — нижний слой звездных структур.

LXXVIII. РВ. 1903. № 12. С. 514—515. ИРЛИ. Л. 55. Варианты и правка:

14 Мы в <жизнь проросшие цветы> жизни зревшие плоды;
16 <Вы в тьме сомнений и мечты. >
18 Пред сонмом прежних мертвецов!
37 <О!> смертный! нас, что миг, то больше!
39—40 Попробуй посмотреть отсюда,
И смысл всего отыщешь ты...

Миллиарды вас, живых ничтожных / Пред нами! В нас миры миров — ср.: «Милльоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы» (А. А. Блок «Скифы»). *Сквозь волны синего тумана* ▯ *песнь Руслана* — парафраза из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «При блеске утренних небес / <... > Он видит старой битвы поле».

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СОЧИНЕНИЯ» 1898 Г., В СБОРНИК «ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА» И «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

1857—1880

638. Мода. 1857. № 5. С. 112, подпись: К. С.

639. ОВ. 1857. № 9. С. 350, без заглавия; Мода. 1857. № 19. С. 426, с заглавием, подпись: К. С. *А теперь в славном Риме французы* — революция 1848—1849 гг. в Италии против власти Австрии была подавлена при участии французской армии; ср.: «А на стогнах древних янки» (Вяч. Иванов «Вечный город! Снова танки»). *Квириты* — граждане Древнего Рима.

640. И. 1859. № 53. С. 43. *Дюма* Александр (1802—1870) — французский писатель-романтик. *Рудин* — см. прим. 37. *Ноздрев, Коробочка, Петух, Собакевич, Чичиков, Плюшкин* — персонажи романа Н. В. Гоголя «Мертвые души». *Сквозник-Дмухановский, Добчинский с Бобчинским* — персонажи комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». *Молчалин, Фамусов* — персонажи комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Простаков* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». *В духовный Днепр опустится народ* — во время Крещения Руси народ крестили в Днепре.

641. И. 1859. № 57. С. 99.

642. И. 1859. № 59. С. 139.

643. И. 1859. № 72. С. 351.

644. И. 1859. № 83. С. 115.

645. И. 1859. № 85. С. 147. Вариация на мотивы стихотворного цикла Г. Гейне «Junge Leiden» («Юные страдания»).

646. ОВ. 1859. № 11. С. 405—406, подпись: К. С. *Беранже* Пьер Жан (1780—1857) — французский поэт, особенной популярностью пользовались его сатирические стихи.

647. И. 1860. № 101. С. 3.

648. Совр. 1860. №1. С. 325—326. Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16. В «Литературных вариациях» (Искра. 1860. № 8) Н. Л. Гнута (Ломан) писал: «Если мы с вами, господин редактор, вздумаем пойти на кладбище да улечься на могильную плиту, — что из этого будет? Бока заболят, комары искусают лицо — и только. Пошел г-н Случевский, прилег — и видит, как грибы растут, и слышит, как мертвые говорят. Удивительный слух и удивительное зрение! Мертвец очень деликатно просил г-на Случевского полежать за него час-другой в гробу, пока он совершит свою прогулку по белому свету. Но г-н Случевский не согласился — и умно сделал. Не писать бы ему больше элегий, а нам бы не читать их». И далее — пародия:

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые кургузые жука
Колошматили друг друга под бока;
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опенок вырастал.
...Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил:
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
Как мертвец ш-г Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил... и т. д.

649. Совр. 1860. № 1. С. 326—327. Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 16. В статье «Критик, романтик и лирик» В. С. Курочкин (псевд. Пр. Знаменский) писал: «Обыкновенные читатели, вероятно, споткнутся на первых же стихах <...> ветер, стелющий снегом калачи кривобокой бабы, покажутся им просто бессмыслицей...» (Искра. 1860. № 8. С. 90).

650. Совр. 1860. № 2. С. 748—749. Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 23.

651. Совр. 1860. № 3. С. 151. Из-за отсутствия автографа неясно, принадлежат автору отточия между 34 и 35 строками и в стихе 35 или они сняты цензурой. Вызвало пародию Н. А. Добролюбова «Мои желания» в № 6 «Свистка» (Современник. 1860. № 12. С. 44, отд. пагинация). Ср.: «Мои желания» П. А. Вяземского. *Желтая река* — Нил. *Парфенон* — храм в древних Афинах.

652. Совр. 1860. № 3. С. 153. Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 17. Правка: «И как за то <карать>, и как далек сомненья» (*9*). Также подало повод к пародии в «Литературных вариациях» Н. Л. Гнута (Искра. 1860. № 36). *Статуя Мемнона* — памятник в Фивах (Египет), издававший иа рассвете мелодичные звуки, которые древние воспринимали как голос греческого мифологического царя Мемнона. Ср. у В. А. Жуковского «Пока заря не воссияла — / Бездушен, хладен, тих Мемнон; / Заря взошла — и дышит он! / И радость в мраморе взыграла ! / Таков Любви волшебный свет, / Великих чувств животворитель, / К делам возвышенным стремитель! / Любви нет в сердце — жизни нет!» («Добрый совет») и «Один, среди песков, Мемнон <...> Молчит <...> Но лишь денницы появленье / Вдали восток воспламенит — / В восторге мрамор песнь гласит. / Таков поэт, друзья...» («К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину (Послание)»).

653. ОЗ. 1860. № 3. С. 263. Вызвало пародию в «Литературных вариациях» Н. Л. Гнута (Искра. 1860. № 25).

654. Совр. 1860. № 5. С. 160—162. Корректура — ИРЛИ. Ф. 628. № 193. Л. 15. Правка:

16—17 Тебя в какое-то <далекое> пространство,
В пространство <странное> без времени и места,
49 Такою <тихою>, спокойною весною —

Пародия Н. Гнута (Ломана) «Давно любовь в обоих нас остыла» (Искра. 1860. № 36). *Калиостро* — авантюрист XVIII в. Джузеппе Бальзамо. *...проклятый жид, что не дал пить Христу* — Агасфер, вечный жид, герой средневековых сказаний, осужденный Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть (по другим версиям — ударил его) по пути на Голгофу. *...как кукла нашей сказки* — сказка о мертвой царевне. *Оглавие* — верхняя часть столпа, капитель. *Виссион* — драгоценная ткань белого или пурпурного цвета. *Земля и небо быстро укатились* — ср.: «И небо скрылось, свившись как свиток...» (Откр. 6, 14).

655. ОЗ, 1860. № 5. С. 240.

1870—1880-е ГОДЫ

656. ВИ. 1871. № 151. С. 327, подпись: П. Телепнев (см. прим. 220).

657. ВИ. 1872. № 157. С. 7, подпись: И. Атрибуция по картотеке П. В. Быкова (РНБ. Ф. 118).

658. ВИ. 1875. Приложение к № 260. С. 420, без подписи. Атрибуция по картотеке П. В. Быкова.

659. Ст. I. С. 7, раздел «Думы и мотивы».

660. Ст. II. С. 169. *И десять было их ~ Тела убийц их, если б их казнить.* Возможно, что стихотворение навеяно событиями 5 февраля 1880 г., когда в результате устроенного С. Н. Халтуриным покушения на Александра II в Зимнем Дворце взрывом было убито десять солдат из числа находившихся в караульной.

661. Печ. по: Михайлов Д. Очерки русской поэзии XIX в. Тифлис, 1905. С. 334—336. Написано летом 1883 г. в имении Случевского Головино сразу по получении известия о смерти Тургенева. Воспоминания Случевского «Одна из встреч с Тургеневым» (Д. 1900. С. 199—208). *...наш запад, наш восток* — западники и славянофилы. *...до зари февральских светлых дней* — до Манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. *...сеятель* — ср. у А. С. Пушкина: «Свободы сеятель пустынный / Я вышел рано, до звезды» («Свободы сеятель пустынный...»). *...был вымучен страной.* По свидетельству Д. Михайлова, в сохранившемся у него черновике стихотворения вместо этих слов было: «сковался над страной» (Ук. соч.. С. 334). *И причастились мы от тайн освобожденья.* Речь идет о Манифесте 19 февраля.

662. РВ. 1883. № 6. С. 724. Входило под № 2 в диптих под заглавием «Памяти моего сына» (см. прим. 74).

663. РВ. 1883. № 12. С. 905. Входило в подборку «Из Черноземной полосы (картинки)» под № IV (см. № 133—169).

664. РВ. 1884. № 12. С. 721. Входило в подборку «Из Черноземной полосы» (см. № 133—169) под № II.

665. Г. 1889. № 9. С. 129.

1890—1900-е ГОДЫ

666. Тр. 1890. № 4. С. 149.

667. ВИ. 1891. № 1194. С. 403.

668. Север. 1898. № 5. С. 130.

669. КН. 1899. № 4. С. 65. Связь с «Моей Тоской» И. Анненского отмечалась (ББП. С. 43). *Моей сестры, родившейся в волнах.* Древнегреческая богиня любви Афродита родилась из морской пены. *Адамант* — алмаз.

670. КН. 1899. № 7. С. 53.

671. Московские ведомости 1899. № 94, 5 апреля. С. 3; Новое время. 1899. № 8298; Новости. 1899. № 93; Каспий. 1899, 26 мая. Печ. по: Памяти А. С. Пушкина. Сборник стихотворений, посвященных памяти поэта по случаю исполнившегося 26 мая 1899 г. столетия со дня его рождения. / Сост. А. В. Колчин. СПб., 1900. С. 23—24. Было прочитано Случевским 3 апреля 1899 г. на литературно-музыкальном вечере в честь Пушкина в Мариинском театре. В отзыве об этом вечере А. В. Половцев (псевд. «Рязанец») писал: «Стихотворение Случевского прекрасно» (Московские ведомости. 1899, 5 апреля. № 94. С. 3). К Пушкинскому юбилею Случевским были написаны стихотворения «Кантата А. С. Пушкину» и «Гимн А. С. Пушкину». *От времен двенадцатого года* — см. прим. 84. *Шипка* — перевал в Болгарии, прославлен обороной во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. *Плевна* — см. прим. 256. *Синклит* — см. прим. 244.

672. СЦ на 1901. С. 78. Вместе с № 673 напечатано под общим названием «Два стихотворения» под цифрой «I». В ноябре 1900 г. В. Я. Брюсов, приглашая Ф. Сологуба поучаствовать в задуманном альманахе «Северные цветы», отмечает попутно, что «есть предложе-

ние просить участвовать еще К. Случевского» (В. Брюсов и его корреспонденты. Лит. наследство. Т. 98. Кн. 1. М, 1991. С. 511). В письме к Н. Минскому 23 января 1901 г. Брюсов сообщал, что «альманах уже печатается» и среди участвующих первым ставил имя Случевского (В. Я. Брюсов. Лит. наследство. Т. 85. М., 1976. С. 664).

673. СЦ на 1901. С. 78. Вместе с № 672 напечатано под общим названием «Два стихотворения» под цифрой «II». Включено З. Гиппиус в сборник «88 современных стихотворений» (СПб., 1917).

674. В. 1901. С. 361.

675. В. 1901. С. 362—363. *Коран* — см. прим. 508—538 (XVII). *Имам* — высшее духовное лицо у мусульман. *Гяур* — у мусульман общее название иноверцев. *Уздени* — свободные крестьяне в Дагестане. *Жрецы огней* — секта огнепоклонников в Баку.

676. В. 1901. С. 363.

677. В. 1901. С. 363. *Раут* — см. прим. 35. *Ареопаг* — здесь: судилище. *Атлант* — (миф.) великан, поддерживающий небесный свод.

678. РВ. 1902. № 8. С. 393.

679. СЦ на 1902. С. 102. В. Брюсов писал Случевскому: «На 1902 год предполагается новый выпуск нашего альманаха «Северные цветы». Нам было бы очень приятно, если бы и на этот раз, как в 1901 году, в нем были Ваши стихи» (РГБ. Ф. 386. П. 72. № 34. Л. 3). 28 февраля 1902 г. Брюсов отправил Случевскому корректуру стихотворения (там же. Л. 4). 18 апреля Случевский поблагодарил его за присылку альманаха (ИРЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 112).

680. СЦ на 1903. С. 154. Открывает отдел «Разногласье», включавший стихотворения Л. Вилькиной. С. Рафаловича, О. Фрндберга, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и Аврелия (В. Брюсова). 23 ноября 1902 г. Брюсов писал владельцу издательства «Скорпион» С. А. Полякову, что для «Северных цветов» «Случевский даст стихов (немного)» (В. Брюсов и его корреспонденты. Лит. наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 65), а в письме к нему же 21 февраля 1903 г. выражал сомнение в целесообразности приглашения Случевского в альманах: «Ответьте, приглашать ли Случевского. Он не очень нужен, конечно, но может быть для почета?» (там же. С. 74). 2 марта 1903 г. Случевский сообщал В. Я. Брюсову: «Посылаю стихотворение, набранное для умершей "Недели" <«Книжки Недели». — *Е. Т.-Г.*> и взятое мною обратно» (ИРЛИ. Ф. 13. Оп. 3. № 112. Л. 2). *Четьи-Минеи* — сборники житий святых по порядку календарного чествования их церковью.

681. НП. 1903. № 1. С. 109—110. Автограф из Альбома «"Пятницы" К. К. Случевского» (РНБ. Ф. 703. № 2, 4 октября 1902 г; опубликован С. В. Сапожковым — НЛО. С. 339), с вар.:

9 Как весны есть, так зимы глянут,
11 Настанет пекло, бури грянут,
16—21 Ты воспоешь грядущий стих...
Переживешь ты злые годы
И, в извращеньях красоты
Смысл человеческой природы
Утратишь, может быть, и ты!

И ты, ударясь в завыванья,
23 Переживешь все, все страданья
26 И новых помыслов черед...

Является полемическим ответом на статью С. А. Андреевского «Вырождение рифмы» в книге «Литературные очерки» (СПб., 1902), где Случевский был объявлен «родоначальником декаденства», первым, кто «растрепал романтический стих до полного пренебрежения к деталям» (с. 453). В письме к П. П. Перцову от 3 ноября 1902 г. (ИРЛИ. Ф. Р. III, Оп. 2 (арх. П. П. Перцова). № 1460) Случевский выразил готовность бесплатно опубликовать в «Новом пути» свои стихотворения (см. также: Ежегодник РО ПД: 1973. Л., 1976. С. 42).

682. НП. 1903. № 1. С. 111. Сопоставлялось с бальмонтовским «Я — изысканность русской медлительной речи...» (ЗС, 16).

683. РВ, 1903. № 5. С. 3. *Собор* — Петропавловский собор (1712—1733) в Петропавловской крепости.

684. НП. 1903. № 11. С. 81. *Волхв* — см. прим. 100. *Друид* — см. прим. 237.

НЕ ИЗДАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ АВТОРА СТИХОТВОРЕНИЯ

В основу этого и следующего раздела положены стихотворения, занимающие, в основном, первые 30 страниц папки с авторизованной машинописью «Загробных песен» хранящейся в ИРЛИ (тут же машинопись стихотворений № 44, 49, 153, 359; Ф. Р. III. Оп. 1. № 1934; далее — ИРЛИ). Ряд из них был опубликован в ББП А. В. Федоровым.

685. ББП. С. 302—304. Беловой автограф — ИРЛИ. Ф. 93 (собрание П. Я. Дашкова), Оп. 3. № 1133, подписанный поэтом. Судя по почерку, создано до начала 1880-х гг. По мнению А. В. Федорова, может являться «переводом, поскольку в стихотворении отчетливо выражена симпатия к Французской революции XVIII в. и антимонархическая тенденция — черты, вообще несвойственные оригинальной лирике Случевского» (ББП. С. 442). *Аббатство Сен-Дени* — монастырь около Парижа, где находятся могилы французских королей. *Был светлый день* — эпоха Великой французской революции, когда в августе 1793 г. по решению Национального Собрания королевские могилы были осквернены, останки извлечены, а надгробья перевезены в Париж. *Был мрачный день* — эпоха Реставрации, когда по распоряжению Людовика XVIII были восстановлены могилы в Сен-Дени.

686. Автограф (РГБ. Ф. 93 (Достоевский), П. К. 8. № 107) вложен в письмо к О. Ф. Миллеру от 21 мая 1880 г. из Гейдельберга: «Многоуважаемый Орест Федорович! Большая просьба: прочтите мой тост на Славянском вечере <...> Я послал его Суворину для напечатания в Новом Времени и просил, чтобы он поручил кому-нибудь прочесть в Москве. Что, если эту просьбу повторить и Вам, — тогда будет вернее» (Соболев Л. И. Неизвестное стихотворение К. К. Случевского / Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 310—311). Не было принято ни в «Новом времени», ни на пушкинских торжествах в Славянском бла-

готворительном обществе или во время открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. Представляет собой переработку из ранней пьесы Случевского «Землетрясение»: «Блестит вино! Трепещут грезы! / Ах, что за грезы у вина!» и т. д. (Соч. II. С. 329—330).

687. Автограф — ИРЛИ. Ф. 131 (Арх. П. А. Козлова). № 129, Альбом О. П. Козловой. Л. 3. *Вы — дочь поэта!* — О. П. Козлова, дочь поэта и переводчика Павла Алексеевича Козлова (1841—1891), Случевский бывал на устраиваемых им литературных обедах.

688. Беловой автограф — ИРЛИ. Ф. 274 (Арх. М. И. Семевского), Оп. 1. № 397, альбом «Знакомые. 1886—1888. Книга автографов. II». Л. 216. Черновой — ИРЛИ. Ф. 265 (Арх. «Русской старины»), Оп. 2. № 2586, с пометой «Черновой набросок стихотворения Константина Константиновича Случевского 30-го марта 1888 г. СПб. (у Я. П. Полонского)». *Семевский* Михаил Иванович (1837—1892) — русский историк, журналист, основатель и издатель журнала «Русская старина» (см. также прим. 62).

689. Новый мир. 2001. № 10. С. 169—170. Автограф (ИРЛИ. Ф. 325 (Арх. М. А. Хитрово), Оп. 1. № 748. Л. 1, опубл. мною. — *Е. Т.-Г.*) на корректурном листе шмуцтитула «Думы» первого тома «Сочинений», вышедшего в апреле 1898 г. Об отношениях с Вл. Соловьевым см. мою книгу «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне» (СПб., 2000. С. 154—168). Весной 1898 г. Соловьев планировал посетить Египет и Палестину, но 1 апреля 1898 г. он все еще находился в Москве (см. его телеграмму к М. М. Стасюлевичу: Соловьев Вл. Письма. Т. 4. Пб., 1923. С. 74). Лишь в середине апреля он в сопровождении Э. Радлова добрался до Каира (см. его письмо к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) апреля 1898 г.: Соловьев Вл. Письма. Т. 1. СПб., 1908. С. 144—145), а путешествие в Палестину так и не состоялось.

690. ББП. С. 304. Машинопись — ИРЛИ. Л. 4; правка: «Он, как <волны>, недвижим!» (*4*).

691. Машинопись — ИРЛИ. Л. 6.

692. ББП. С. 306. Машинопись — ИРЛИ. Л. 7, правка:

9—12 <Но отчего ж игра такая?>
Судьба, смеясь, сближает <их.
И тьму и свет объединяя
Дает в нас двух чудесный стих?>

693. Машинопись — ИРЛИ. Л. 8, правка: «[За то]Что в них [мне] видел благодать.» (*6*); «Чтоб <ты> не <мучала> меня!» (*16*). В 1903 г. Ю. И. Блейхманом написан романс на текст этого стихотворения.

694. БВП. С. 306. Машинопись — ИРЛИ. Л. 9, правка:

7—8 Доброю стала земля! Ось <в весну> наклоняется,
Степь <обнажилася и населилась > тюльпанами!
11 Ты наклонилась ко мне своим <оком> блистающим...

695. ББП. С. 311. Машинопись — ИРЛИ. Л. 10, правка:

4 <Земным>, <пурпуровым> иль темно-синим цветом.

6 Чуть с места я сойду; <вдруг> снова погасают...
11 <Мне не смотрели> вслед... не прибегали к лжи

696. ББП. С. 306—307. Машинопись — ИРЛИ. Л. 11.

697. Машинопись — ИРЛИ. Л. 12, правка: «<Знай:> любовь, старей всего на свете!» (*5*); «Знай, <тебе старуха> нагрубит!» (*8*).

698. ББП. С. 307. Машинопись — ИРЛИ. Л. 13.

699. ББП. С. 308. Машинопись — ИРЛИ. Л. 14.

700. Машинопись — ИРЛИ. Л. 15. Слово «предмет» подчеркнуто и напротив последней строки знак вопроса.

701. ББП. С. 307. Машинопись — ИРЛИ. Л. 16, правка: «Раздается призыв, и <играют> клинки, / И <подняты> курки пистолетов.» (*11—12*).

702. Машинопись — ИРЛИ. Л. 17.

703. Машинопись — ИРЛИ. Л. 18.

704. ББП. С. 308, без заглавия. Машинопись — ИРЛИ. Л. 19. В 1903 г. на этот текст написан романс Ю. И. Блейхманом.

705. ББП. С. 309. Машинопись — ИРЛИ. Л. 22, правка: «<Вскрывшись к утру> по кустам,» (*2*); «Куст <вскормивший, куст> родной...» (*8*).

706. ББП. С. 308. Машинопись — ИРЛИ. Л. 23. *Марий* Гай (ок. 157—86 до н. э.) — римский полководец; искал убежища в Африке, получив через вестника запрещение от римских властей высадиться на берег, он «ответил с громким стоном: "Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена"», так, заключает Плутарх, «он удачно сравнил участь этого города с превратностями своей судьбы» (Жизнеописания. Гай Марий. XL; см. также прим. 96).

707. ББП. С. 309. Машинопись — ИРЛИ. Л. 26, правка:

1 <Топчутся> волны на месте;
4—6 <Будет> река глубока!
<Быстро река обмелела>
Ветер <пошел> верховой...

708. ББП. С. 309—310. Машинопись — ИРЛИ. Л. 28.

709. ББП. С. 310. Машинопись — ИРЛИ. Л. 29, правка:

5 Горда! ее <застенчив> взгляд!
8 <Но> мне милее во сто крат!
10 Сквозь ткань одежд <полусветла>...

Иудифь (Юдифь) — библейская красавица вдова, обезглавившая ассирийского полководца Олоферна, осаждавшего ее родной город Витилую («Книга Иудифи»). *Далила* — коварная библейская красавица, предавшая врагам своего мужа — Самсона («Книги судей»). *Петрарка* Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, воспел Лауру (1327—1374) в «Книге песен».

710. ББП. С. 310—311. Машинопись — ИРЛИ. Л. 30, правка: «Скорбные пустоши <мысли моей.>» (*4*).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

711. Карандашный автограф — РНБ. Ф. 341 (Картавов П. А). № 663. Л. 64. В машинописи следовало за № 601—637(XLIX). Варианты и правка:

7—8 Бессмертие — <пустое> слово
Звучало в темени и мгле.
11—13 <Являлась чем-то вслед сознанья> Вослед
являлась вслед сознанья
<Чему недоставало слов>
Что проще, — <нас всему учили> мы давно решили
15 Как, что в бессмертье будет или

Машинопись — ИРЛИ. Л. 20, правка:

8 <Неясным было мне> во мгле.
13 Что проще, — <мы> давно решили -
15 Как, <что в бессмертье будет или>

712. Машинопись — ИРЛИ. Л. 33, помета: 31—2. В машинописи следует за № 560—588 (XXII). Правка: «[Блудить, топорщиться]» (*7*). То же стихотворение — л. 34, пометы: 44 30—2. Варианты: «Скажите И где конец кольца» (*4*); «И мысль не выяснив никак.» (*6*).

713. Машинопись — ИРЛИ. Л. 35—35 об., помета: 31. Правка:

6 Он обратил <войска в волков>;
10 <Хваленный> мощный ураган?
17 <Пусть вопиют> убийце «Слава»!
20 Те что кричат <жестоко> лгут!
27 <Ублюдок> стал к животным ближе
34 Для <них> и ложь, и произвол...

714. Машинопись — ИРЛИ. Л. 37, помета: 32. В машинописи следует за № 560—588 (XX). Правка:

7 <Сказать> о чувстве поцелуя
9 <И сколько подлежит> сомненью,
16 <Необходимо> умереть.

То же стихотворение — л. 38, с вар.: «Открытья будут вам и тут".» (*20*). То же стихотворение, с той же редакцией 20 строки — РНБ. Ф. 341 (Картавов П. А.). № 663. Л. 78, помета: 8. В машинописи находилось между № 545 и № 547, с вар.: «На вашу точку зренья став,» (*6*).

715. Машинопись — ИРЛИ. Л. 39, помета: 33. Правка:

12 Вкруг новгородских стен <означились> кольцом.
20 А мы, незримые, <нет> даже ни штриха
22 Подобья истины в тех <списках> не <видать>!
25 И только <мне> один, лежавший в летаргии,

Тысячелетью памятник открыт. В 1862 г. в Новгороде по подробному графическому эскизу М. О. Микешина (1835—1896) был открыт

памятник «Тысячелетие России»; проект Микешина обсуждался и на страницах «Современника», когда там дебютировал Случевский, в «Заметках Нового поэта» (Панаева) (1860. № 2); об отношении Случевского к Микешину см. прим. 272. *Синклит* — см. прим. 244. *Ловать* — река, впадающая в озеро Ильмень в Новгородской области. *Тогдашний царь* — Александр II. *Светопись* — см. прим. 280.

716. Машинопись — ИРЛИ. Л. 40, помета: 34. Правка:

4 И не вернусь <к вам никогда>
9 О! радуйтесь! пускай <волна>
16 Все остальное <тут> светло».
24—25 Смотревших <правильнее> нас.
<И> светлый взгляд на смерть утрачен...

717. Машинопись — ИРЛИ. Л. 54. Находилось в машинописи между № 636 и № 637 (601—637: LXXVII и LXXVIII). Строка 3 частично зачеркнута, но новый вариант не вписан. Правка:

3 Юриста встретил я!! <он будто бы> погас!
16 Нет!! истинный <диплом> подай и разверни!
18 Со временем <и> ваш <диплом> он тоже будет чист,
24 Которых <множество вблизи меня неслось!>

В псалме Давидовом загробные смеются — Пс. 2. 1, 4; см. прим. 539—559 (XII). *Вид* — здесь: паспорт, удостоверение личности.

718. Машинопись — ИРЛИ. Л. 57—57об. Последние четыре строки вписаны вместо заключительных строк: «Нуль вдоль и поперек! твоя судьба плачевна... / Жаль, нет графини здесь! где Марья Алексеевна?» и имеют правку: «Пошедших <на мираж> тлетворных уст твоих!». *Писатель здесь один.* Речь идет о Л. Н. Андрееве (1871—1919), и о его двух ранних рассказах — «Стена» (1901) и «Бездна» (1902). Отсюда строки: *И «бездну» красную томительно лобзал; Перед большой «стеной»,* а также аллюзии или цитаты из рассказа «Стена»: *Он у повешенных их ноги отгрызая...* — ср. «Напирая один на другого, царапаясь и кусаясь, они облепили труп повешенного и грызли его ноги, и аппетитно чавкали и трещали разгрызаемыми костями» (Андреев Л. Н. Стена // Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1913. С. 143); *Ему светила ночь пятнистым серым брюхом / И харкала песком!* — ср.: «И ночь возмущалась нашим малодушием и трусостью, и начинала грозно хохотать, покачивая своим серым пятнистым брюхом...» (Там же. С. 141); «И сдавленная землей и небом, задыхалась черная ночь, и глухо и тяжко стонала, и с каждым вздохом выплевывала из недр своих острый и жгучий песок, от которого мучительно болели наши язвы» (Там же. С. 139); *Он перелезть хотел... И надо, чтоб взлезать, на трупы трупы класть...* — ср.: «И тогда я стал просить их "Пусть стоит она <стена. — *Е. Т.-Г.*>, но разве каждый труп не есть ступень к вершине? Нас много, и жизнь наша тягостна. Устелем трупами землю; на трупы набросим новые трупы и так дойдем до вершины. И если останется только один, — он увидит новый мир"» (Там же. С. 146). *Так было в Лондоне, в Берлине и в Париже* — революции в Англии (XVII в.), Франции (XVIII в.) и в Германии (1848 г.).

Квадрига — колесница, запряженная четверкой лошадей. *Сенная* — площадь в Петербурге. *О пользе своего живого эликсира!* — ср. с названием романа Э. Т. А. Гофмана «Die Elexiere des Teufels» («Эликсир дьявола»).

719. Машинопись — ИРЛИ. Л. 83—83 об., помета: 26. В машинописи следует за № 539—559 (X). Правка:

11—12 Что жизнь в <бессмертие законное поступит>
В исследовании <там> я доказал научно;
30 Давно [написанного] <положенного> в длинном ряде строк.

То же стихотворение — РНБ. Ф. 341 (Картавов П. А.). № 663. Л. 66—66 об., помета: 15. В машинописи следовало за карандашным автографом стихотворения № 560—588 (XXI). Варианты и правка:

1—2 Я помню в жизни написал когда-то
Одно исследованье. Был я юн тогда;
10—12 Приставив палочки. Я был, признаться, рад!
В исследовании том я доказал научно,
Что жизнь в бессмертии законный постулат
20 И вот <теперь явилось> вдруг признанье
24—25 В ряду <других>, почтеннейших, мудрейших;
[Я проявиться]

720. Машинопись — ИРЛИ. Л. 84, помета: 27. Последнее четверостишие приписано карандашом. Правка:

1 Я видел с высоты <над> первою порошей
4 Она, по-прежнему, <неслась, вертясь> вдали.
15—16 Теперь ковер зимы <раскинут> подо мною,
И белая земля <блистает как> кристалл.

721. Машинопись — ИРЛИ. Л. 99—99 об., помета: 15. То же стихотворение — л. 98, помета: 10—2. Окончательная редакция 32 строки вписана дважды чернилами и карандашом. Варианты и правка:

8 Которым должно исчезать.
18 <Пусть от себя даст заключенье>
30—32 Вы здесь родились, здесь вам жить
И блеска или пятен
<Лишь от себя к нему всходить!>

В машинописи находилось между № 550 и № 544 (539—559: XII—VI).

ЭПИГРАММЫ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

722. НЛО. С. 293. Автограф — Альбом «"Пятницы" К. К. Случевского» (РНБ. Ф. 703. № 2, 24 августа 1900 г; опубликован С. В. Сапожковым). *В сознании любви и страха* — ср.: «В надежде славы и добра» (А. С. Пушкин «Стансы»). *Год возрожденья Альманаха* — возобновление кружком Случевского альманаха М. Максимовича «Денница» (1830), где печатался Пушкин.

723. Словцо. 1900. № 7. С. 1. *Мандарин* — данное португальцами название чиновников в Китае.

724. Словцо. 1900. № 10. С. 4, подпись: Б. Б. Атрибуция по «Заметкам об экспромте» Н. Н. Вентцеля (Столица и усадьба. 1914. № 5. С. 7). *О родина святая!* — ср.: у В. А. Жуковского «О родина святая, / Какое сердце не дрожит, / Тебя благословляя?» («Певец во стане русских воинов»).

725. Словцо. 1900. № 11. С. 1.

726. Словцо. 1900. № 15. С. 4, подпись: Б. Б. Атрибуция по Н. Н. Вентцелю (см. прим. 724). Ср.: «Что каждый день в году у нас / Отчасти первое апреля» и «...пустомеля / Всем безопасно может врать / Сегодня — первое апреля» (А. Н. Апухтин, «Первое апреля», 1857); см. прим. 401.

727. НЛО. С. 319. Автограф — Альбом «"Пятницы" К. К. Случевского» (РНБ. Ф. 703. № 2, 29 декабря 1900 г; опубликован С. В. Сапожковым).

728. НЛО. С. 339. Автограф из Альбома «"Пятницы" К. К. Случевского» (РНБ. Ф. 703. № 2, 17—18 мая 1900 г; опубликован С. В. Сапожковым с пропуском слова в предпоследней строке). *В пятилетье римской люстры*. С конца III в. до н. э. римляне стали называть пятилетие «люструм» по искупительному жертвоприношению, совершавшемуся каждые пять лет; у Случевского намек на грядущее пятилетие существования кружка, основанного осенью 1898 г. *Чудь* — древнерусское название финских племен. *Геба* — в греческой мифологии богиня вечной молодости. *...гностик Демиург* — Демиург, создатель космоса, играл большую роль в космологических построениях античных философов-гностиков. *Бессарабия повсюду* — аллюзия на поэму «Цыганы» А. С. Пушкина.

ПЕРЕВОДЫ

Переводческая деятельность Случевского значительно шире, нежели представлено в данном разделе. Начав свой поэтический путь с переводов Д. Г. Байрона, В. Гюго, О. Барбье, Случевский был в 1870-е гг. привлечен к работе над переводами немецких поэтов Н. В. Гербелем. В письме к Случевскому 28 декабря 1870 г. он сообщал: «<...> посылаю Вам несколько стихотворений из Готшеда, Глейма и Опица. Впрочем, это будет совершенно зависеть от Вас — выбрать, что Вам понравится из этих трех поэтов: мие нужно только иметь из трех названных поэтов по одному стихотворению, о чем мы с Вами говорили» (ИРЛИ. Ф 123. № 229). В итоге, в Нем. п. появились переводы Случевского из М. Опица, И.-Х. Готшеда. Ф. фон Гагедорна. Л. Тика и Новалиса (частично включены в ББП). Для вышедшего в 1887 г. 4-го издания Полного собрания сочинений Шекспира под редакцией Н. В. Гербеля поэт перевел «Зимнюю сказку» (письма Случевского по поводу этого перевода к А. Ф. Дамичу — РНБ. Ф. 179 (Н. В. Гербель). № 114). В начале XX в. Случевский был привлечен к переводам У. Шекспира и Ф. Шиллера С. А. Венгеровым. Для венгеровского изда-

ния Шекспира Случевским были переведены три сонета:14 («Не по звездам небес дано мне жизнь читать...»), 31 («Твоя прияла грудь все мертвые сердца...»), 32 («Когда в блаженный час от жизни отойду...»).

ИЗ БАЙРОНА

729. ОВ. 1857. № 3. С. 118—119, подпись: К. С., вместе с стихотворением «Ты расстанешься с жизнию трудною...» под общим заглавием: «Из Байрона (Еврейские мелодии)». Перевод стих. «When coldness wraps this suffering clay...», из созданного Байроном в 1815 г. цикла «Еврейские мелодии».

730. ОВ. 1857. № 9. С. 350, с подзаголовком: «из Байрона», подпись: К. С.; Мода. 1857. № 19. С. 426; подпись: К. С. Перевод стих. «So we'll go no more a-roving...».

ИЗ ВИКТОРА ГЮГО

731. ОВ, 1857. № 3. С. 119—120, подпись: К. С. Вместе со стихотворением «Со дня на день живешь, шумишь под небесами...» под общим заглавием: «Из Виктора Гюго». Перевод стих. из книги «Les Contemplations, Autrefois, III». В 1862 г. перевод этого же стихотворения Гюго был сделан С. Дуровым. Уже первая его строка: «Земля кремнистая, холодная, скупая» позволяет сделать предположение о знакомстве С. Дурова с переводом Случевского.

ИЗ ОГЮСТА БАРБЬЕ

732. ОВ. 1857. № 9. С. 350; Мода. 1857. № 19. С. 425, без даты. В обеих публикациях без указание на автора — Огюста *Барбье* (1805—1882). Перевод стих. «Il est triste de voir partout l'oeuvre du mal», открывающего собой цикл под общим заглавием «Il Pianto».

ИЗ НОВАЛИСА

733. Нем. п.. С. 346. Перевод стих. «Wenn in bangen, trüben Stunden» из цикла «Geistliche Lieder» Новалиса (см. прим. 491—507 (V)). В подлиннике стихотворение состоит из двух восьмистиший.

ИЗ ШИЛЛЕРА

734. Собрание сочинений Ф. Шиллера в переводах русских писателей. Т. 1. СПб., 1901. С. 142—142. «Шиллер будет закончен к осени. А там пойдет Шекспир. Можно ли рассчитывать на какое-нибудь участие Ваше? Если не для целой пьесы, то хоть для какого-нибудь сонета?» — писал С. Венгеров 10 февраля 1901 г. поэту (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/469).

III

ПОЭМЫ

*735. Новое время. 1879. № 1021, приложение; Р. п. (отрывок); Ст. I. С. 159—235; Соч. III, 53—98. Мы вынуждены печатать текст поэмы с нарушением авторской строфики (вся поэма написана двустишиями), как и в ББП, где это, правда, не было никак оговорено, исключительно из-за экономии объема. Время создания первой редакции поэмы относится к началу 1860-х годов на основании цитат и упоминаний поэмы «Станция», «Сибирская поэма» в письмах И. С. Тургенева к Случевскому (Мазур Т. П. И. С. Тургенев о поэзии К. К. Случевского // И. С. Тургенев и русская литература. Т. 217. Курск, 1982. С. 143). Под названием «Пешая могила» была прочитана 5 декабря на вечере у Н. Н. Страхова. В письме от 8 декабря 1878 г. Случевский сообщал Д. В. Аверкиеву: «Глубоко был я обрадован тем, что успех чтения превзошел все мои ожидания и решено было печатать вещь в "Русском Вестнике". Я никогда не видел Аполлона Николаевича таким веселым и сияющим, как в этот вечер 5 декабря. "Наша взяла!" — говорил он, разумея под этим, конечно, тот небольшой кружок пишущей братии, которому пришлось и приходится выносить много тяжелых минут...» (РГБ. Ф. Дост. II. 8. 106). А. Н. Майков предлагал поэму в «Русский вестник» М. Н. Каткову. В рекомендательном письме к М. Н. Каткову от 6 декабря 1878 г. он сообщал: «Любезнейший Михаил Никифорович! Позвольте представить Вам Конст<антина> Конст<антиновича> Случевского: вчера он обрадовал и поразил весь наш небольшой кружок любителей поэзии прочтением своей поэмы. Так все ново, свежо, оригинально! *Своя* манера, *свой* язык! Прелесть, прелесть! Это река Кама со своими быстрыми, светлыми, прозрачными водами! Когда со временем нас *откроют*, я уверен, эта поэма будет считаться одним из лучших образчиков эпохи процветания поэзии в России! Так будут смотреть на наше время. Случевский еще нашего поколения или формации, хотя юнейший. Хорошо бы если б он сам прочел ее в Вашем обществе, как это бывало прежде, по Воскресеньям. Я уверен, что наше впечатление разделится и Московскими друзьями» (Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 348, без указания фамилии адресата). Параллельно, в письме от 6 декабря 1878 г. к помощнику Каткова, Н. Н. Воскобойникову, Майков вновь рекомендовал поэму и ее автора: «А какую чудесную вещь Вам везет Случевский! Вчера у Страхова была она подвергнута рассмотрению целого поэтического Комитета, и все изумлялись. Я внутри себя чувствовал какое-то торжество победы: наша взяла! Не убили поэзию! Жив курилка! Надобно бы устроить, чтобы Случевский сам прочел, как бывало, у Михаила Никифоровича по Воскресеньям. Нет! видно истинного дарования не заругаешь до смерти!» (Щукинский сборник. Вып. 7. М., 1907. С. 348, без указания фамилии адресата). Переговоры с Катковым взял на себя Аверкиев, но Н. Н. Страхов удержал поэта от поездки в Москву и печатании в «Русском Вес-

тнике», предлагая опубликовать поэму в новом журнале «Русская Речь» (в чем позже раскаивался — письмо к Случевскому — ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/17). Возмущенный этим, Майков писал Случевскому: «Но неужели страх ругательств — *которые неизбежны, где бы Вы ни напечатались,* — удержали Вас и от поездок и от напечатания в "Русском Вестнике"? Столько лет терпения и опыт — хотя бы на мне — разве не убедили Вас, что это неизбежное условие нашего и Вашего существования в литературе, и причина не по вопросу о таланте, а потому, что не принадлежите к истории» (после 14 дек. 1878 г., ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/17). Он считал ошибкой печатать вещь в никому еще не известном журнале: «...в Русском Вестнике Вы уже смело можете рассчитывать на 15—20 тысяч читателей» (там же). В итоге поэма была передана в «Новое время». Последние исправления автор внес в корректуру. Суворин писал Случевскому 30 декабря 1878 г.: «Отлично Вы сделали, что переменили заглавие и, сообразно этому, выбросили конец. В самом деле трудно объяснить слово "пешая могила" словом о пеших. Я думал в то время пока Вы читали, что если название это где существует, то это могло произойти от того, что знали судьбу похороненной тут и словом "пешая" хотели напомнить, что женщина исходила пешком всю Русь, чтобы замолить свой грех. Но и это объяснение натянутым может показаться» (ГИМ. Щ. 151/1). Изъятый кусок потом вошел как отдельное стихотворение «Острая могила» в «Сочинения» Случевского. Поэма вышла тиражом в 10 тыс. экземпляров в качестве приложения к «Новому времени». В № 1020 от 31 декабря 1878 г. на с. 1 сообщалось: «При завтрашнем номере "Нового времени" мы рассылаем всем нашим подписчикам, как особое добавление, в виде брошюры в 48 стр. поэму К. К. Случевского под заглавием "В снегах". Мы даем эту поэму, несмотря на ее размеры, составляющие несколько фельетонов, целиком, так как автор не желал дробить ее, да и трудно было бы раздробить это истинно поэтическое произведение. Мы не могли сброшюровать ее, так как, по правилам почтамта, газеты не должны быть сброшюрованы». В № 1023 от 3 января 1879 г. на с. 1 сообщалось, что поэма была разослана «всем <...> подписчикам» при номере от 1 января. Однако именно в связи с тем, что поэма была напечатана не в самой газете и разослана подписчикам несброшюрованной, обнаружить эту публикацию в библиотеках до настоящего времени не удалось. *Григорьев* А. А. — см. прим. 283. *Таганай* — горный хребет в Южном Урале. *Расшива* — большое деревянное парусное судно. *Беляна* — деревянная баржа для сплава леса *Милль* Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист; «*Свобода*» — работа Милля «On liberty» (1859). *Но уж различны, как «я» и «не я»* — иронический намек на учение Г. Фихте (см. прим. 258). ...в *Печорской* — Киево-Печерская лавра или Псково-Печерский монастырь. ...в *Афонской* — вероятно, монастырь в Новом Афоне (Грузия), основанный в 1875 г., т. к. на Афон (Греция) женщин не допускают. *Хопер* — левый приток Дона. *Пачули* — духи. *Верхотурье* — город на реке Тура (ныне Свердловская область). *Имя немецкое, всех защищают* — имеются в виду адвокаты. *Четьи Минеи* —

см. прим. к ст-нию «Рецепт Мефистофеля», № 680. *Виссон, оглавие* — см. прим. 654. *Слезы великих и крайних страданий* — см. в ранней редакции фрагмент, соотносимый с стихотворением Ф. И. Тютчева «Слезы людские, о слезы людские». *Там Симеоновы мощи покоятся.* Мощи св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца находятся в Верхотурском Свято-Николаевском мужском монастыре, основанном в 1604 г. *Бедная грешница, ты — прощена!* — ср.: «Голос свыше: Спасена!» (об умирающей Маргарите в «Фаусте» И.-В. Гете) и речь Ангела о Тамаре в лермонтовском «Демоне»: «Ценой жестокой искупила / Она сомнения свои... / Она страдала и любила — / И рай открылся для любви!». *Меря, чудь* — название финских племен.

*736. Ст. I. С. 123—158, посвящение: Н. В. Гербелю; Соч. III. С. 139—166. Первоначально поэма предназначалась для журнала «Русский Вестник». В письме М. Н. Каткову от 25 ноября 1879 г. (ИРЛИ. Ф. 160 (Арх. Н. Любимова). № 2, «Коллекция автографов и портретов государственных и общественных деятелей, собранная Д. Н. Любимовым». Т. 2. Л. 155) Случевский писал: «Месяцев 5 тому назад послан был мною, опять таки для Вашего журнала, рассказ в стихах "Поп Елисей". Не прикажите ли Вы сообщить мне о дальнейшей судьбе его и, в случае ненадобности, возвратить, так как в скором времени я думаю приступить к изданию моих стихотворений» (см. также прим. 251). А. Круглов в рецензии на «Сочинения» Случевского 1898 г. писал: «<...> яркость письма этой поэмы свидетельствует о той силе поэтического таланта автора, в которой напрасно хотят ему отказать его враги, цепляющиеся за промахи и неловкости стиха и не видящие этой силы ни в шири замысла, ни в своеобразности картин, ни в тонкой наблюдательности, наконец, ни в своеобразных хотя и смелых поэтических мазках, усиливающих впечатление» (Исторический вестник. 1898. № 12. С. 1175). Имя *Елисея*, имя библейского пророка, вероятно, дано герою в напоминание слов Христа о необходимости веры для всякого чуда, сказанные в Его родном Назарете и вызвавшие ярость жителей: «<...> конечно, вы скажете Мне присловие: врач! исцели Самого Себя, сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме. <...> истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве <...> много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и не один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (Лк. 4. 23—27). *Н. В. Гербель* — Гербель Николай Васильевич (1827—1883) — поэт-переводчик; ценил Случевского и включил его первую прижизненную биографию и стихи в антологии «Русские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1873, дополнена в 1880 г.; см. также прим. 17 и прим. к переводам). *Просфирня* — женщина, изготовляющая просфоры для церкви. *Новинки* (новина) — сбор с крестьян первого в году урожая. *Треба* — молитва и священнодействие (чаще таинство), совершаемые по просьбе священником. *Благочинный* — священник, помощник епископа в надзоре за духовенством епархии; до 1881 г. избирался самим духовенством. *«Мир не хотит»* — здесь «мир» — община. *Мардохей* — родственник и воспитатель еврейки-красавицы Гаддасы, принявшей имя Есфири (Эсфирь) и ставшей женой Персидского царя Артаксеркса

(Ассуира); следуя совету Мардохея, Есфирь смогла спасти свой народ от гибели (строки Случевского отсылают к эпизоду — Есф. 5. 7—8). *Верую, Господи... Отче наш... иже* — начальные слова двух молитв: «Символа веры» («Верую...») и «Отче наш» («Отче наш, Иже еси на небесех!»). *Землю поит Евдокия дождем* — 1 марта, день преподобномученицы Евдокии. *Скорбут* — цинга. *Эпитрахилью* (епитрахиль) — часть облачения священника. *...к налою* — аналой (см. прим. 491—507(X)). *Канон* — церковное песнопение в честь праздника или святого. «*Да исправится*» («Да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою») — молитва, читающаяся в первую неделю Великого поста. *Регистр огрубел* — регистр — здесь: голос. *...пущу петуха* — пустить петуха — поджечь. *Пенничек* (пенник) — крепкое хлебное вино. *Звал Иисус вас* — см. прим. 560—588 (XIV).

737. Ст. III. С. 257—287, подзаголовок «Мистерия», посвящено В. В. Маркову, в сравнении с окончательной редакцией разночтения почти в каждом стихе, т. к. помимо стилистической и смысловой правки, ее шестистопный ямб был заменен на пятистопный, поэтому мы не помещаем эти варианты в «Ранние редакции», т. к. пришлось бы печатать поэму целиком дважды (редакцию заключительной части поэмы, имеющей принципиальные расхождения с окончательной — см. в ББП); Соч. II. С. 203—230. Первоначальное название — «Слеза Христова. Мистерия» (см. также предисловие к настоящему изданию). Случевский безуспешно предлагал поэму в «Неделю», в «Русский Вестник», в «Вестник Европы». М. М. Стасюлевич 24 ноябре 1882 г. писал: «Может быть я обнаружу собственное безвкусие, если признаюсь, что не имею вкуса к такому настроению фантазии, какое она принимает в Вашей "Слезе Христовой". Кроме того, заглавие располагает светскую цензуру сдать эту мистерию в духовную цензуру, к тому же может послужить поводом и песня о козе, оставшейся в старых девках и многое другое» (ГИМ. Ф. 359. Щ. 151/ 442). Вызвала острую критику С. Я. Надсона (ОЗ, 1883, № 8). «...между отдельными сценами никакой связи; в сценах никакого смысла», — писал он (Надсон С. Я. Проза. Дневники. Письма. СПБ., 1912. С. 361). Критические реплики в адрес поэмы раздавались и позже. П. Н. Краснов полагал, что образы «Элоа» «так символичны и туманны, что понятны, вероятно, только самому поэту» (Краснов П. Н. Вне житейского волненья // Книжки недели. 1898. № 9. С. 142). Возмущавшая критиков песня теней в начале 1-й сцены, опущенная в окончательном тексте:

Была коза и в девушках осталась,
Иссох запас всех материнских сил!
Кой-кто решил, решенье исполнялось...

вызывала одобрение у К. Бальмонта, как весьма «стильная» хула чертей на Богородицу (письмо С. А. Венгерова Случевскому от 10 февраля 1901 г. — ГИМ. Ф. 359. П. 151/469). Другие, напротив, указывали на «Элоа» как на «поэму чисто религиозного характера», «истинным светочем гуманности», в которой «является все-таки Христос, из божественной слезы Которого родилась Элоа — чистейший дух, несущий в мир благость Божию» (Русская мысль. 1898. № 9. С. 363). *Соло-*

вьев Михаил Петрович (1842—?) — член совета Главного управления по делам печати, исполнял должность начальника этого управления. *Молох* — см. прим. 33. *Уж не порадоваться ль новой брани* — тема восходит к Мильтону (см. прим. 33), у которого войска Сатаны воевали с Богом. *И Бог и я — мы два враждебных брата* — см. прим 33 о Сатанаиле. *Эон* — в философии Платона означал вечность, позже в эпоху эллинизма персонифицируется в качестве божества, в герметизме — «второй бог», порожденный прабожеством. *Над телом Лазаря Христос заплакал* — узнав о смерти Лазаря «Иисус прослезился» (Ин. 11. 35). *...как прикоснулся я к Тамаре* — см. прим. 66, 560—588 (XXVI), 735. *Ведь дочери людские ... сходились с ангелами* — ср.: «<...> тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт., 6. 2). *Эпитимия* — вид церковного наказания. *Капуцин* — монах религиозного ордена капуцинов, основанного в 1525 г. *...небо / Простит когда-нибудь и преисподней* — см. прим. 560—588 (XXVI). *Хиротонисан* — «рукоположен», т. е. посвящение в духовный сан. *Я с трубным гласом вперемежку* — см. прим. 491—507 (VII).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

I
СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения, вошедшие в «Сочинения» 1898 г.

ДУМЫ

ЖЕНЩИНА И ДЕТИ

ЛИРИЧЕСКИЕ

МГНОВЕНИЯ

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

МУРМАНСКИЕ ОТГОЛОСКИ

ИЗ ПРИРОДЫ

МЕФИСТОФЕЛЬ

ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЕГО ЧЕЛОВЕКА

БАЛЛАДЫ, ФАНТАЗИИ И СКАЗЫ

В ПУТИ

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ И СМЕСЬ

Песни из уголка
1895—1901

Загробные песни

I
СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

II
ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ

III

В ТОМ МИРЕ

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «СОЧИНЕНИЯ» 1898 г. СБОРНИК «ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА» И «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

1857—1860

1870—1880-е годы

1890—1900-е годы

НЕ ИЗДАННЫЕ ПРИ ЖИЗНИ АВТОРА СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ЗАГРОБНЫЕ ПЕСНИ»

К. К. Случевский.
Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Е. А. Тахо-Годи — СПб.: Академический проект, 2004 — 816 с. (Новая Библиотека поэта)

Константин Константинович Случевский (1837—1904) — один из своеобразнейших поэтов второй половины XIX столетия. Творчество Случевского стало связующим звеном между «золотым» и «серебряным» веками русской поэзии, однако оно до сих пор остается в тени как великих предшественников, так и знаменитых современников-символистов, высоко ценивших «смиренное и дерзкое» дарование поэта. Настоящее издание — наиболее полное поэтическое собрание Случевского за минувшее столетие, со времени выхода его «Сочинений» 1898 г., которое оно, в свою очередь, в значительной степени дополняет. В том в полном объеме включена одна из лучших книг Случевского — «Песни из Уголка» (1902), впервые полностью печатается и его поэма «Загробные песни», а также ряд стихотворений, никогда прежде не включавшихся в издания Случевского. В разделе «Ранние редакции» и в примечаниях приведены практически все печатные варианты текстов. В примечаниях к книге использованы архивные материалы, позволяющие заглянуть в творческую лабораторию автора, проследить его работу над текстом, историю его публикаций.

Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 20.02.2004. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 50. Уч. изд. п. л. 52. Заказ № 26.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательства СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
Тел. (812) 2351586 nestor_historia@list.ru